
Институт стран Востока
Институт Востоковедения РАН

Мосяков Д.В.

**Новая и Новейшая история.
Модернизация и глобализация
восточных обществ**

Москва

-2021-

Мосяков Д.В.

Новая и Новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ. — М.: «Институт стран Востока», 2021. — 600 с. (Третье издание), ООО «Белый ветер».

1 издание - 2016 г.. 2 издание - 2017 г. и
3 расширенное и дополненное - 2021 г.

ISBN

Учебник «Новая и Новейшая история: модернизация и глобализация восточных обществ» посвящен описанию и анализу ключевых общественно-политических и экономических процессов, происходивших в странах Востока со второй половины XIX и до начала XXI века. В работе рассматривается феномен модернизации на Востоке на примере исторической реконструкции национальных сообществ и государств в Японии, Китае, Корее, странах ЮВА, Индии, Турции и Иране. Особое внимание уделяется современному этапу трансформации на Востоке и, в частности, проекту глобализации, его положительным и отрицательным для стран Востока последствиям. Учебник рассчитан на студентов бакалавриата и магистратуры обучающихся по специальностям «международные отношения» и «зарубежное регионоведение»

ISBN

©Институт стран Востока, 2021
©Институт Востоковедения РАН, 2021
©Мосяков Д.В., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	13
----------------	----

Модернизация как ключевой процесс обновления на Востоке

1. Историческая грань процесса модернизации на Востоке	13
2. Парадоксы модернизации в странах Востока	16
3. Цели и способ исследования проблемы	18
4. Некоторое дополнение к Г. Алмонду и Л. Паю	19
5. Основные сферы изучения процесса перемен в странах Востока	20
6. Цена модернизации для социумов стран Востока ...	22
7. Ключевые проблемы и задачи, стоявшие перед реформаторами и их сторонниками в странах Востока .	23
8. Конкурирующие варианты модернизации стран Востока в XX веке	26

Раздел I

Модернизация на Востоке от первых реформ и до окончания Первой мировой войны

Глава I

Модернизация Японии с середины XIX века и до начала Первой мировой войны

1. Приход эпохи перемен. Реформы Мейдзи	28
2. Эпоха после Мейдзи. Последствия реформ, формирование идеологии японского мессианизма и переход к политике экспансионизма	37
3. Япония и ее политика во время Первой мировой войны	41

Глава II

Корея. Установление японского колониального режима

1. Неудачные попытки модернизации и последствия этого для судьбы страны	45
2. Установление власти Японии в Корее	48

Глава III

Китай. Качели реформ и контрреформ. От восстания тайпинов и до окончания Первой мировой войны

1. Политика самоусиления и ее последствия	53
2. Возобновление реформ. Поиск наилучшей модели развития Китая	58
3. Восстание ихэтуаней как последняя надежда китайского традиционализма	61
4. Закат власти Цинской империи. Новая попытка реформ	62
5. Синхайская революция и формирование нового механизма власти в Китае	66

Глава IV

Страны ЮВА и особенности процесса их модернизации

1. Общие явления в странах ЮВА в начале модернизации	73
2. События в отдельных странах ЮВА, давшие импульс к переменам	75

Глава V

Индия: Модернизация в рамках колониального режима

1. Перемены в религиозном сознании	90
2. Формирование политических партий и политического пространства Индии	93
3. Политическая деятельность индийских мусульман ..	97
4. Индия накануне и во время первой мировой войны ..	99

Глава VI

Попытки модернизации османского общества (от 40-х годов XIX века и до окончания первой мировой войны)

1. Эпоха Танзимата - как пример неудачного опыта модернизации	106
2. Эпоха зюлюма - временная победа традиционалистов и консерваторов	113
3. Младотурки - еще одна попытка реформ	116
4. Поражение Османской империи в Первой мировой войне	118

Глава VII

Иран: политика модернизации в конце XIX начале XX века

1. Особенности иранского социума и попытки его модернизации во второй половине XIX века 121
2. Демократическая революция, перешедшая в хаос .. 126
3. Иран во время Первой мировой войны 132

Раздел II

Процесс модернизации в странах Востока® в период от Первой и до окончания Второй мировой войны

Глава I

Первая мировая война и ее значение для стран Востока 134

Глава II

Кризис японской модернизации: Япония в 20 – 40-ые годы XX века

1. Политическая борьба в Японии в 20-е годы 137
2. Усиление японского милитаризма и экспансионизма 138
3. Подготовка к войне, отказ от ключевых реформ Мейдзи и в политике и в экономике 142
4. Япония во Второй мировой войне: крах имперских иллюзий 147

Глава III

Корея под властью Японии в 20-е-40-е годы

1. Восстание 1919 г. и его последствия для формирования национально-освободительного движения 151
2. Политическая и экономическая ситуация в Корее накануне окончания Второй мировой войны 155

Глава IV

Китай: модернизация и гражданская война в 20-40-е годы

1. Особенность политической борьбы в период 20-х годов 157
2. Вооруженное противостояние Компартии и Гоминьдана в 30-е годы 164

3. Политическая борьба в Китае в период японской агрессии	166
4. КПК и Гоминьдан в годы Второй мировой войны. Изменение баланса сил в Китае	169
Глава V	
<i>Страны ЮВА между двумя мировыми войнами</i>	
1. Общее и особенное в послевоенном развитии стран ЮВА	173
2. Страны ЮВА в 20-х первой половине 30-х годов ...	176
3. Политические процессы и политическая повестка дня до и во время японской оккупации	190
4. Предоставление японцами формальной независимости оккупированным ими странам ЮВА и последствия этого шага	196
5. Освобождение стран ЮВА от японской оккупации	198
Глава VI	
<i>Дилеммы индийской модернизации в 20-40-е годы</i>	
1. Формирование индийского политикума. Ганди, ИНК и британская власть	201
2. ИНК и Компартия Индии. Борьба умеренных и радикалов за политическое и идейное лидерство в стране	207
3. ИНК, Мусульманская Лига и британские власти : специфика отношений в конце 30-х годов	209
4. Положение в Индии накануне и во время Второй мировой войны	213
Глава VII	
<i>Реформы Атаатюрка: Турция от распада Османской империи и до окончания Второй мировой войны</i>	
1. Ситуация в стране от восстания Мустафы Кемаля и до принятия конституции	218
2. Модернизация политической системы и турецкого общества	221
3. Некоторые реформы в сфере экономики	225
4. Турция до и во время Второй мировой войны	226

Глава VIII

Иран: политика модернизации с 20-х годов и до конца Второй мировой войны

1. Перевороты Реза хана, основание новой династии .	229
2. Эпоха реформ Реза хана	232
3. Внешняя политика Реза-шаха и ее печальный финал	235

Раздел III

Страны Востока от окончания Второй мировой войны и до распада СССР

Глава I

Вторая мировая война и ее последствия для модернизации стран Востока 238

Глава II

Послевоенная Япония - демократизация в политике и либерализация в экономике

1. Ключевые реформы в эпоху американской оккупации 1945-1952 гг.	242
2. Социально-экономическое и политическое развитие Японии в 50-60-е годы	248
3. США главный союзник и торговый партнер	253
4. Восстановление отношений с КНР, проблемы в отношениях с СССР	254
5. Япония и страны Азиатско-тихоокеанского региона	256
6. Политические и экономические процессы в Японии в 60-80-годы	257

Глава III

Корея от окончания Второй мировой войны и до распада СССР

1. Причины формирования двух корейских государств	260
2. Подготовка к Корейской войне, её ход и последствия	264
3. Южная Корея - рывок в модернизацию и глобализацию. Реформы Пак Чжон Хи	268
4. Южная Корея после убийства Пак Чжон Хи: армия опять у власти	275

Глава IV

Китай и его развитие после Второй мировой войны и вплоть до распада СССР

1. Предчувствие гражданской войны (1945-1946 гг.) .. 278
2. Гражданская война в Китае и ее последствия 281
3. КНР: Основные сценарии социалистического строительства и их реализация в 50-е годы 282
4. Революционное нетерпение - большой скачок в коммунизм, предпосылки и последствия 286
5. Борьба в руководстве КПК относительно путей строительства социализма 291
6. «Культурная революция»: предпосылки, ход и последствия 294
7. Китай на новом пути развития 302
8. Дэн Сяопин у власти: начало эпохи рыночных реформ, ключевые экономические шаги 304
9. Китай и США - союзники против СССР 309
10. Дорога на Тяньаньмынь 311

Глава V

ЮВА от окончания второй мировой войны и до распада СССР

1. Общие тренды в развитии стран ЮВА в 40-е-50-е годы 314
2. Первая индокитайская война и превращение ЮВА в «горячий фронт» «холодной войны» 317
3. Бирма, Таиланд, Филиппины, Индонезия, Малайзия и Сингапур - политические и экономические процессы в 40-60-е годы 319
4. Предпосылки для формирования АСЕАН 331
5. Вторая индокитайская война и ее последствия: коммунистический Индокитай против капиталистического АСЕАН 333
6. Социально-экономические и политические процессы в Индонезии, Филиппинах, Таиланде Малайзии и в Сингапуре после окончания второй индокитайской войны 337
7. Вьетнам - проблемы и трудности социалистической модели развития 349

8.Пол Пот и социальный эксперимент «красных кхмеров» в Камбодже	351
9.Некоторые итоги развития стран ЮВА накануне распада СССР	354

Глава VI

Индия от обретения независимости до распада СССР

1.Политический процесс в Британской Индии после Второй мировой войны и ее раздел на два суверенных государства	355
2.Политическое доминирование ИНК. Принятие конституции и экономические реформы	359
3.Индия и конфликты по ее границам. Особенности внешнеполитического курса	363
4.Индия и ИНК после смерти Джавахарлала Неру. Начало перехода к двухпартийной системе	366
5.Кризис концепции индийского социализма	371
6.Первое поражение ИНК (И) на выборах. Причины и последствия	375
7.Проблемы политического и социального развития Индии в 80-е годы	377

Глава VII

Турция от окончания Второй мировой войны и до распада СССР

1.Смена внешнеполитических приоритетов	381
2.Перемены в политике и в экономике в 40-50-е годы	382
3.Турция после военного переворота 1960 г.	386
4.Новый переворот и новое десятилетие развития. Турция в 70-80е годы	390
5.Переворот 1980 г. и последующие события	392

Глава VIII

Иран: противоречивая история от 1945 и до 1991 г.

1.Бурные события 1945-1952 гг.....	396
2.Укрепление шахской власти и программа модернизации, названная «белой революцией» 1952-1979 гг....	399
3.Государство имама Хомейни и особенности его внутренней и внешней политики	406

Раздел IV

Распад СССР, эпоха глобализации и страны Востока

Глава I

Проект глобализации: основные элементы и цели 411

Глава II

Япония в 90-е годы – структурный кризис, сложные процессы в политике и экономике

1. Политическая система эпохи глобализации – новый расклад сил и новое либеральное политическое поле современной Японии 415
2. Японо-американские отношения как ядро глобального проекта для стран Востока 420
3. Экономика Японии в эпоху глобализации 422

Глава III

Две Кореи - две противостоящие друг другу модели развития. Соотношение сил в постсоветский период

1. Северная Корея в постсоветскую эпоху 428
2. Южная Корея: реформы и попытки поиска компромисса с Севером 432
3. Южная Корея: интеграция в глобальные процессы. Плюсы и минусы выбранного пути развития 437
4. Некоторые замечания относительно двух Корей 439

Глава IV

Китай в постсоветскую эпоху - превращение в азиатского и мирового лидера

1. Ситуация в стране после событий на площади Тяньаньмэнь. Реакция Запада и китайской интеллигенции 441
2. Скрытая борьба в КПК за власть и реформы 445
3. Китайский путь к социализму - некоторые черты и особенности 447

Глава V

Юго-Восточная Азия в 1990-е – 2000-е годы экономический рост и новые вызовы региональной безопасности

1. Некоторые общие тенденции в развитии региона в 90-е годы 458
2. Процесс демократизации в Бирме 460

3. Демократизация тайландского общества и кризис политической системы в Таиланде	464
4. Процесс демократизации и особенности постсучартовского режима в Индонезии	469
5. Камбоджа, Лаос и Вьетнам: демократизация без демократии	472
6. Малайзия – монополия на власть правящей партии и вызовы со стороны оппозиции	480
7. АСЕАН как фактор модернизации государств ЮВА. Региональное объединение глобального масштаба	484
Глава VI	
<i>Индия от распада СССР и до победы Нарендра Моди. Либеральные реформы и вхождение в проект глобализации</i>	
1. ИНК и БДП – два политических соперника, идущие одной дорогой	489
2. Политическая борьба в 2000-е годы	494
3. Место и роль Индии в современном глобальном мире	499
Глава VII	
<i>Турция: движение вперед и вспять. От либерализма Тургута Озала и до османизма Реджепа Эрдогана</i>	
1. Исламизация как характерная черта турецкого развития в 90-е годы	502
2. Экономический кризис и реинкарнация исламской политики в лице партии Р. Эрдогана	507
3. Внешняя политика Р. Эрдогана: желаемое и действительное	512
4. Некоторые обобщения	515
Глава VIII	
<i>Иран после распада СССР</i>	
1. Ситуация в Иране после окончания войны с Ираком. Политика президента Хатами	517
2. Борьба вокруг ядерной программы Ирана и ее последствия	521
3. Некоторые общие замечания относительно «иранского пути»	528

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Современное состояние глобализации на Востоке и ее перспективы	531
2. Была ли возможна социалистическая глобализация	534
3. Модернизация – глобализация: некоторые сравнения	540
4. Регионализм и его перспективы	544
5. Элементы новой американской стратегии в современном мире	553
6. Общий вывод и в целом оптимистический прогноз	558
РАЗДЕЛ V. Вопросы по курсу истории Востока	563
РАЗДЕЛ VI. Примерный перечень вопросов к зачету	568
РАЗДЕЛ VII. Темы рефератов и курсовых работ	569
БИБЛИОГРАФИЯ	571

Введение

Модернизация как ключевой процесс обновления на Востоке

1. Историческая грань процесса модернизации на Востоке

Если рассматривать историческое развитие восточных обществ в последние примерно сто пятьдесят лет, то мы обнаружим, что ядром, вокруг которого закручивались политические, экономические и социо-культурные процессы, кардинально менявшие устои восточного мира, оказался комплекс реформ, получивший название процесса модернизации. Это слово для обозначения перемен, происходивших в странах Востока, выбрано было не случайно, так как модернизация в своем прямом значении предполагает, как считает такой авторитетный знаток современного русского языка как Т.Ф. Ефремова - «изменения и усовершенствования связанные с необходимостью соответствовать современным требованиям». В странах Востока такие изменения и усовершенствования выразились в длительном процессе заимствования западных политических, социально-экономических и культурных институтов. Начало такого заимствования можно отследить еще с XVI века, но в полном смысле этот процесс превратился в ключевую проблему развития и даже выживания восточных обществ, примерно с середины и второй половины XIX века. Такие события, как Вторая опиумная война в Китае, ультиматум коммодора Перри японскому правительству, захват французами Южного Вьетнама, а англичанами Нижней Бирмы, разгром восстания сипаев в Индии, очевидная слабость Османской империи и ее войск в Крымской войне, показали, что превосходство стран Запада над странами Востока стало просто ошеломляющим. Для того, чтобы сохранить независимость и суверенитет, у стран Востока просто не ос-

талось иного выбора, как начать сложный процесс радикальных перемен, чтобы сократить этот колоссальный разрыв. Поэтому, именно это время, когда страны Востока пришли в движение, и стало для нас точкой отсчета для описания и анализа совершенно новой эпохи в истории восточных цивилизаций и государств - эпохи модернизации.

Эта грань времен прослеживается в истории стран Востока довольно четко, обозначая серьезный перелом в их историческом развитии. Причина этого перелома заключалась в том, что экспансия западных держав, которая в разных формах происходила и раньше, приняла в это время более широкие масштабы, ставя под угрозу их независимость и национальный суверенитет. На фоне демонстрации растущей мощи стран Запада, которые добились в это время небывалых темпов социально-экономического развития, перевооружили свою промышленность и армию, взяли под контроль ключевые морские торговые пути и товарные рынки, особенно четко выявилась неспособность стран Востока повторить их успех. Они не могли на равных противостоять их экспансии, и в связи с этим в правящем классе почти всех стран Востока произошел очевидный надлом.

Суть его заключалась в том, что внутри восточных политических и интеллектуальных элит возникло понимание собственной отсталости и слабости, сомнение в эффективности традиционных политических институтов и экономических порядков, а главное появилось ощущение реальной угрозы национальной независимости, а значит и собственной власти. В поисках ответа на этот очевидный вызов всему восточному мироустройству, наиболее активная часть политической и интеллектуальной элиты выступила с критикой эффективности традиционного строя жизни, выдвинула предложения по его существенному изменению. Менять его предлагали на основе заимствования у стран Запада наиболее эффективных социальных идей и политических институтов.

Рубежом, с которого собственно и начинается реальная модернизация на Востоке, следует рассматривать тот момент, когда вместо дискуссий и обсуждений в правящих элитах во-

сточных стран начинается реальная политическая борьба за воплощение реформ в жизнь. Происходит внутренний раскол: у одной части правящего класса появляется желание кардинально изменить действующие порядки, модернизировать существующую модель развития, чтобы усилить государство и отстоять национальную независимость, а, заодно, на этой волне прийти к власти. У другой, настроенной более консервативно, наоборот, достижение этих же целей связывается с желанием отгородиться сплошной стеной запретов от разрушающего влияния Запада.

Происходил этот раскол элит не так как раньше, когда борьба за власть развивалась главным образом по клановым, региональным или имущественным вопросам. Теперь в центре борьбы стояли вопросы идеологического и политического выбора: что делать - всеми силами отстаивать традиционные ценности и порядки, которые рассматривались как ядро национального государства и культуры, или наоборот активно внедрять новое западное, которое разрушало основы традиционного общества.

В развернувшейся вокруг этой ключевой проблемы ожесточенной политической борьбе, везде на Востоке на первом плане оказались вопросы выработки самого механизма проведения политических и экономических реформ, иначе говоря, вопросы как заимствовать все полезное из опыта стран Запада. Сразу обнаружилось два подхода: один предполагавший перенос целостных социальных, политических и экономических институтов на восточную почву и второй – в котором осуществлялся перенос только отдельных элементов и реформ, причем, только в отдельных сферах жизни восточного социума и государства. Первый подход наиболее явно проявился в японских «реформах Мейдзи», а второй в так называемой «политике самоусиления», проводившейся в Цинском Китае.

2. Парадоксы модернизации в странах Востока

Реформы, которые осуществлялись в странах Востока от Японии и до Османской империи и Ирана, по своим целям и направлениям были в принципе очень схожи: - демократизация в политической сфере, с формированием парламента, политических партий и личных свобод, конкуренцией между партиями в борьбе за власть. В экономической сфере - вводились гарантии частной собственности и частного предпринимательства, понятная налоговая система, открытость внешней торговли и инвестиций. К этому списку перемен добавлялось создание независимой судебной системы, а также возможность относительно свободного распространения западной культуры, философии и западного видения мира в сфере социально-культурной.

Как показала известная нам история, проблема интеграции всех этих западных новаций в систему представлений и жизни человека Востока оказалось не просто трудной. В некотором смысле она оказалась невыполнимой, столкнувшись с коренной культурно-религиозной идентичностью Востока. Вживить эти реформы в общий строй восточного социума оказалось делом нелегким, очень длительным и почти везде довольно кровавым. Одна из причин этого заключалась в том, что эти новации определяли границу борьбы и раскола национальных элит, поле ожесточенного гражданского противостояния. Как правило, исход этого противостояния зависел уже от особенностей и отличий и в культуре и в религии и в мироощущении и в политическом и экономическом строе восточных государств. В Японии - это был один путь, в Китае другой в Корее - третий, в странах ЮВА четвертый, в Индии - пятый, а в исламском мире - шестой, седьмой и так далее. Кстати именно по причине уникальности их опыта, особенности исторического пути в XX и XXI веке, мы и выбрали эти восточные страны в качестве объекта нашего анализа. Парадокс модернизации на Востоке как раз и состоял в том, что сумма и содержание реформ были примерно одинаковы, а вот

пути их реализации и связанные с этим последствия для судеб восточных стран были совершенно разными.

Несколько схематизируя процесс модернизации на Востоке, можно сказать, что его следует рассматривать как борьбу, где с одной стороны выступает «новое» — заимствованные на Западе идеи и представления, которые рассматривались как источник перемен. С другой стороны находилось «старое» — традиционный мир и связанное с ним мировоззрение, основанное на традиции, обращенное в прошлое к национальным истокам и мифам и составлявшее фундамент национальной культуры.

В таком противопоставлении естественно присутствует некоторое обобщение, но в целом оно вполне соответствует исторической реальности. Борьба «старого» и «нового» охватила со второй половины XIX века все пространство исторического Востока, и сопровождалась тотальной ломкой традиционных социально-политических и экономических структур. Под ударом оказались конфессиональная, кастовая, клановая, родоплеменная структуры, свойственные восточным обществам, а также традиции и религия, составлявшие ценностно-смысловое ядро восточных культур, их этнокультурную доминанту.

Особенность модернизации на Востоке состояла не только в разном масштабе перемен, но в разной скорости продвижения новаций и их закрепления в сложном мире восточных социумов. Где-то как, например, в Японии, процесс перемен развивался в целом довольно быстро и последовательно, в других странах, как например, в Китае, этот процесс протекал сложно, сопровождался огромными потрясениями, в Корее же он так и не смог преодолеть сопротивление традиционной элиты. В странах ставших колониями, как например Индия, реформирование общества развивалось в рамках борьбы за национальную свободу и независимость и во многом зависело от взаимодействия национальных сил и власти британских колонизаторов. В мусульманских же странах, и в частности, в Османской империи и Иране на пути радикальных реформ вставала почти непреодолимая стена консервативного ответа,

опиравшегося на священность традиционного религиозного сознания, как для большинства правящей элиты, так и местного населения.

Поэтому, очевидно, что история модернизации каждого восточного общества по-своему уникальна, а ее результаты носят совершенно разный и не всегда однозначный характер. Одни государства как, например Япония или Китай, по завершении модернизации превратились в лидеров нового глобального мира, а Иран, например - оказался в очевидной к нему оппозиции. В связи с этим возникает желание проанализировать - почему у одних стран Востока получилось интегрировать новое и кардинально изменить отношения в социуме, а у других нет, почему у одних реформы шли долго и мучительно, а другие прошли этот этап сравнительно быстро и относительно безболезненно.

3. Цели и способ исследования проблемы

Ответ на этот вопрос собственно и есть одна из целей написания настоящей работы. В ней изложение исторического процесса фокусируется на постоянном мониторинге радикальных перемен, которые происходили в странах Востока либо в виде революционных выступлений, либо в виде последовательных реформ, имевших цель обеспечить переход от традиционного общества, то есть от социальных отношений патриархально-феодалного типа, к современному обществу индустриального и постиндустриального типа. При этом особое внимание уделяется мониторингу смены как форм организации власти и экономики, так и изменению основных жизненных стереотипов и представлений в элитах стран Востока на протяжении довольно длительного исторического пути из второй половины XIX века и до начала XXI века. Наибольший интерес здесь вызывает то, как происходило конкретное реформирование механизма управления каждой из рассматриваемых нами стран Востока, как менялись в них отношения по линии государство-общество и общество-отдельный индивидуум, как формировались новые модели поведения и

мировоззрения, как, в конечном итоге, на свет появлялись обновленные государства Востока, претендующие ныне на глобальное лидерство.

Смысл настоящего исследования видится и в том, чтобы показать многовариантность модернизации, отсутствие линейности в ее развитии и явной недостаточности универсалистских теорий о том, что реформирование на Востоке должно происходить лишь в одном направлении, иметь везде одни и те же стадии и закономерности. В реальности модернизация, как мы убедимся дальше, оказалась не столько вытеснением старого новым, сколько синтезом старого и нового. Традиция, под давлением западных новаций не сдавала полностью своих позиций, везде на Востоке она обнаружила значительные способности к сопротивлению. В качестве примера этого можно привести контрмодернизацию в Японии в 30-е годы-40-е годы XX века, исламизацию в Турции в период после Второй мировой войны, феодально-монархическую реакцию в Северной Корее уже в наше время. Но по большей части традиция на Востоке оказалась вполне лабильной и адаптивной. Этот исторический феномен подробно рассмотрен и в работах Ф. Риггса, М.Зингера, Д.Левина, К.Гирца. Мир традиционного Востока и сегодня как никогда актуален и в любой момент готов вернуться в общество в качестве доминанты национального развития. Поэтому нигде на Востоке не было и не будет чистых модернизационных систем. Они везде как были, так и остаются смешанными, глубоко укорененными в традиционные политические взгляды и стереотипы.

4. Некоторое дополнение к Г. Алмонду и Л. Паю

Другой не менее интересный вопрос, особенно интересовавший автора, заключался в том, чтобы определить, как начал раскручиваться маховик модернизации, как националистические и традиционалистские правящие элиты стран Востока вообще решились начать процесс перемен. О побудительных мотивах, уже было сказано выше, здесь же речь идет

о решительном «прыжке в неизвестность», когда первые даже самые осторожные попытки заимствования каких-то отдельных элементов западного опыта и их переноса на восточную почву, неумолимо вели к обострению внутривосточной борьбы, расколу правящих элит и очевидному хотя бы на время ослаблению национальной мощи. Это мы сегодня с высоты нашего исторического знания понимаем, что вслед за ослаблением национальной мощи начинался через некоторое время ее рост, причем уже на новой более современной основе. Но для первых реформаторов в странах Востока это было неведомо и скорее всего они даже не представляли себе масштабы начатых ими перемен. И здесь мне представляется важным дополнить наиболее распространенное ныне представление о движущих силах процесса политической модернизации, сформулированное Г. Алмондом и Л. Паем. Эти авторы полагали, что политическое развитие опирается на процесс постоянного совершенствования функций, которые должна выполнять политическая система для обеспечения стабильности и эффективности всего социального организма. Опыт стран Востока показывает, что не меньшее значение имела и логика политической борьбы, когда после начала реформ начиналась смертельная схватка за власть, в которой сторонникам политической модернизации отступать было некуда, и борьба за свою жизнь свободу и власть вынуждала их идти по пути реформ до конца.

5. Основные сферы изучения процесса перемен в странах Востока

В настоящем учебнике, анализ процесса модернизации и соответственно реконструкции жизни восточного социума и государства проводился в рамках нескольких ключевых сфер:

А) На всех этапах реформ первой и самой важной всегда определялась сфера военная. Страны Востока стремились как можно быстрее сформировать у себя современную армию, хорошо обученную и вооруженную, способную противостоять войскам западных держав. Во многих восточных элитах, и

в первую очередь в Китае долгое время вообще господствовало убеждение, что из всех западных новаций можно ограничиться только военными реформами и не трогать сферу гражданского и социально-экономического управления.

Б) Сфера политических реформ. Если в Китае военная реформа долгое время оставалась единственным радикальным изменением, то в других странах Востока и, прежде всего в Японии, довольно быстро осознали недостаточность только военных реформ для превращения в сильное и независимое государство и приступили к долговременной программе реконструкции и механизма управления государством и основных сфер жизни общества. Появились первые политические партии, сложился механизм их состязательности в рамках выборной системы, которая стала рассматриваться как фундамент формирования политической власти. Перемены, в политической жизни, но не столь радикальные, происходили и в Османской империи и в Иране и в Индии, и в Юго-Восточной Азии, где в условиях колониализма на основе уже по большей части западного политико-философского фундамента формировались новые интеллектуальные и политические элиты. Их цели и стремления фокусировались на вопросах национальной независимости, секуляризма, демократии и политических свобод.

В) Сфера экономики и социальных отношений. В восточных сообществах смысл перемен в этой сфере состоял в переходе от традиционной к индустриальной экономике, во внедрении новых технологий и способов управления производством, а также в реформировании отношений собственности и в развитии внешней торговли. В тесной связи с этими процессами происходило формирование новых представлений о предпринимательстве, социальный статус людей бизнеса значительно вырос, тысячи молодых японцев, китайцев, вьетнамцев, индийцев и иранцев, людей из других стран Азии либо отправились учиться в европейские и американские университеты, либо учились на родине в университетах, где преподавали западные профессора. Таким путем постепенно сформировался новый предпринимательский класс.

Г) Сфера социально- культурных отношений. В этой сфере перемены были не менее значительными, чем в других и традиционное восточное общество иерархическое и довольно закрытое извне, постепенно превращалось в более открытое.

Сложилась и более динамичная, чем раньше социальная система, основанная на отрицании внутренних социальных перегородок и обладавшая различными вариантами «социального лифта». В рамках происходивших перемен отмечался рост индивидуализма в традиционно коллективистских социумах, интерес к европейской культуре, особенно среди образованной элиты. Следует отметить, что влияние культурных заимствований в большей степени проявлялось скорее в восточной половине рассматриваемого нами Востока - в Японии, в Китае, в странах ЮВА, чем в западной, преимущественно исламской его части, где роль религиозного фактора в плане сохранения традиционных духовно-культурных ориентиров имела решающее значение.

6.Цена модернизации для социумов стран Востока

Следует также отметить, что при всех различиях восточных социумов «цена» реформ и модернизации оказалась для них очень высока. Навязываемые частью элиты новации интегрировались в национальные сообщества либо в результате гражданской войны как в Японии, национальной революции как в Китае, или военного переворота как в Турции. Причем чаще всего реальные реформы происходили в рамках жесткого авторитарного режима, силой подавлявшего сопротивление традиционалистских элит. В этом заключался интересный феномен модернизации - демократические перемены и введение свобод обеспечивались в странах Востока жестким политическим давлением, а подчас и террором против всех несогласных. Этот феномен, кстати, отметил и Хантингтон, указавший в одной из своих работ, что на стадии изменений только жесткий авторитарный режим, способный контролировать порядок, может и аккумулировать необходимые ресурсы для трансформации, и обеспечить переход к рынку и националь-

ному единству. Но сформировать и утвердить авторитарный режим, было очень непросто и часто реформаторы оказывались под угрозой потерять власть и даже теряли ее в результате использования чрезмерного неприемлемого даже для восточных социумов террора. Так произошло, например, в Корее, когда после серии жестоких убийств сторонниками реформ своих политических оппонентов, корейская элита надолго отказалась и от проведения новых реформ и от допуска реформаторски настроенных людей к власти.

Особняком среди других стран Востока выступает Индия, где в специфических условиях британского господства идея модернизации самым тесным образом сплелась с задачей национального освобождения и была ограничена британским колониальным правлением с ясной системой закона и права. Эта система власти оказалась настолько гибкой, что не потребовала для проведения модернизационных реформ, ни авторитарного режима, ни гражданской войны.

7. Ключевые проблемы и задачи, стоявшие перед реформаторами и их сторонниками в странах Востока

Интересно еще и то, что если в Восточной Азии за исключением Кореи, сторонники модернизации, так или иначе, но неуклонно побеждали в гражданских конфликтах своих консервативных оппонентов, то в мусульманских странах это было не так. Здесь консервативная часть правящей элиты часто эту борьбу выигрывала, и требовалось время и новое поколение реформаторов для возвращения общества к политике реформ.

Одна из причин этого заключалась в том, что пришедшие к власти реформаторы не могли добиться немедленного позитивного воздействия провозглашенных прозападных реформ на общество и государство. Более того в начальной стадии реформы, менявшие традиционный мир как правило не столько улучшали, сколько ухудшали уровень жизни людей, ломали социальную стабильность и угрожали затяжными внутренними конфликтами. Даже самые осторожные рефор-

мы в институциональных сферах серьезным образом деформировали традиционный уклад жизни и организацию восточных обществ. Более радикальная модернизация в буквальном смысле разрывала складывавшееся веками внутреннее и внешнее равновесие азиатских стран, подрывала устои и веками отлаженные социальные связи и балансы интересов, устоявшиеся отношения и в политике и в экономике. Поэтому весь период модернизации окрашен жесткими внутренними столкновениями, противоречивыми решениями и откатами от линии реформ, ростом национализма и агрессии.

Острота ситуации определялась еще и тем, что сторонники перемен должны были не просто убеждать своих соотечественников и политических противников в пользе нового, но и наглядно эту пользу демонстрировать. Иначе говоря, пришедшие к власти реформаторы обязаны были быть успешными. Причем эта успешность должна была проявляться здесь и сейчас. От их решений их же собственные сторонники ожидали реального усиления страны с одной стороны и улучшения жизни людей с другой. Однако сделать это было очень сложно, особенно за несколько отведенных им у власти лет, пока ожидания улучшений со стороны их подданных еще сохранялись. За два-три года терпение людей, как правило, иссякало, и сторонники реформ лишались общественной поддержки, а с ней часто и власти.

Анализ показывает, что перемены успешно происходили по большей части только там, где реформаторские силы действовали в двух направлениях - обещая демократию, на самом деле жестко выстраивали свою власть и фактически диктовали обществу, что и как следует делать. Кроме того они активно формировали так называемую мифологию успеха, когда власть стремилась убедить своих граждан в правильности ее радикальных действий. При этом ключевым элементом, позволявшим реформаторам удержать власть, выступала почти всегда идея защиты национальной независимости, а национализм либо в виде пантюркизма или, например, представлений об исключительности японцев превращался в фундамент национальной идеологии и мифологии. Практически везде на

Востоке именно национализм выступил как один из главных факторов мобилизации населения вокруг новой власти и ее реформ. Более того, сторонники реформ, чтобы упрочить свои позиции, легко переходили и к политике внешней экспансии, как например, в Японии, но особенно успешно эксплуатировали тему защиты национальной независимости и своей способности дать отпор западным колонизаторам. Так было в Китае, в Иране, в Таиланде и других государствах.

В этом, как представляется, и состоял один из ключевых парадоксов процесса модернизации, когда сторонники перемен с одной стороны заимствовали опыт стран Запада, а с другой объявляли эти страны своими главными противниками, источниками угроз национальной безопасности и независимости. Поэтому, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что внешняя экспансия в одном случае, или борьба за независимость в другом, суть необходимый и интегральный элемент в политике радикальных реформ, которые в странах Востока осуществлялись в рамках усиливавшегося национализма. Инициаторы и сторонники реформ были националистами и они выигрывали только тогда, когда доказывали, что они еще большие националисты, чем их противники из консервативного лагеря. Следует отметить, что по мере продвижения реформ экономический рост и связанная с ним индустриализация подразумевали необходимость борьбы за ресурсы, и рынки сбыта и поэтому внешняя экспансия стала диктоваться уже не только внутривнутриполитическими причинами, но и задачами подъема национальной экономики.

Нельзя пройти мимо и особенностей социальной реконструкции восточного социума в процессе перемен. В своей борьбе и реформаторы, и консерваторы обращались ко всему социуму, пытались получить поддержку у мелких предпринимателей, торговцев, крестьян, городских низов. В результате ранее почти не участвовавшие в политической борьбе и шире в политическом процессе торговцы и купцы, ремесленники и тем более крестьяне, оказались втянуты в политическую борьбу. В результате старая политическая система оказалась сломана - традиционно аполитичные социальные слои

вышли на авансцену внутренней политики, причем их лозунги к переменам подчас были куда более радикальными, чем у самих реформаторов.

8. Конкурирующие варианты модернизации стран Востока в XX веке

Следует сказать и о важной развилке в процессе модернизации, которая проявилась уже в XX веке. Пройдя этап первоначальных реформ, интеллектуальная и политическая элита стран Востока оказалась перед нелегким выбором - двигаться ли вперед в рамках либеральной модели модернизации, или же перейти к очень привлекательной и намного более радикальной - социалистической модели. В ней в качестве цели и идеала выдвигалось осуществление принципов социальной справедливости, свободы, равенства, независимости от власти колонизаторов. Социализм воспринимался как новый общественный строй, воплощавший эти принципы в жизнь, нацеленный на ускорение процесса модернизации посредством осуществления революционных перемен в политике, экономике, социальной жизни и культуре. Социалистическая модель предполагала формирование мобилизационной экономики, с обобществлением в сельском хозяйстве, огосударствлением в промышленности, становлением режима диктатуры пролетариата во главе с коммунистами. Эта модель почти зеркально противостояла либеральной, и создавала иллюзию, что пройти путь от полуколониальной или колониальной периферии к сильному современному государству можно намного быстрее. В 20-е годы XX века она вновь расколола восточные элиты. В результате борьба сторонников двух моделей за власть, составляла главное содержание политической борьбы в восточных социумах почти на всем протяжении XX века. Только в конце этого столетия во время углубления кризиса в СССР и очевидного разочарования в «реальном социализме» наметился определенный компромисс, когда например, в Китае или Вьетнаме возник симбиоз из наиболее эффективных элементов одной и другой модели.

Но еще до этого такие лидеры - реформаторы стран Востока как Ли Куан Ю в Сингапуре или Пак Чжон Хи в Южной Корее или Дэн Сяопин в Китае, будучи прагматиками и реалистами, стремились соединить энергию и политическую упорядоченность одной модели с экономическими и политическими свободами другой. К ним же можно добавить еще и Ататюрка в Турции, и Джавахарлала Неру в Индии - то есть национальных лидеров, последовательно двигавшихся по пути реформ, которые были взаимосвязаны, объединены общей идеологией прагматизма, с использованием, как элементов социализма, так и капитализма. О больших возможностях смешанных политико-экономических систем построенных на взаимной инфильтрации элементов либерализма и социализма в рамках индустриального и особенно постиндустриального общества, в свое время активно говорили и сторонники почти забытой ныне теории конвергенции. Эта теория, которую развивали такие выдающиеся ученые как Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, П. Сорокин как раз и утверждала постепенное слияние наиболее эффективных элементов двух противостоящих друг другу систем как главную дорогу к более справедливому и равносному будущему. Кстати, именно страны со смешанной экономикой, которые сумели интегрировать наиболее эффективные элементы социалистической и либеральной моделей показали, как мы увидим дальше, наиболее впечатляющие успехи в экономическом и социальном развитии.

И последнее замечание: результатом процесса модернизации стало превращение на рубеже XX и XXI века наиболее успешных стран Востока в лидеров глобального развития. В процессе радикальных перемен они сумели так перестроить свою политику, идеологию и экономику, что вполне успешно отвечают на вызовы XX и XXI века, доказывая тем самым, что те жертвы, которые они принесли на алтарь реформ, не были напрасны.

Раздел I
ЛАНЬ®

**Модернизация на Востоке: от первых реформ и до
окончания Первой мировой войны**

**Глава I. Модернизация Японии с середины XIX века и
до начала Первой мировой войны**

1. Приход эпохи перемен. Реформы Мейдзи

*122-й Император Японии
Мейдзи*

Началом эпохи перемен в Японии принято считать 8 июля 1853 г., когда американский адмирал Перри ввел свои корабли в залив Эдо, и нацелив орудия на берег, потребовал от японских властей немедленно начать переговоры об открытии страны для американской торговли. Прибывшим на переговоры представителям правительства страны - сегуна он дал год для того, чтобы выполнить это требование.

После этого в японской правящей элите развернулась ожесточенная полемика относительно того, как действовать в сложившейся ситуации. В конце концов, сегун и его окружение решили выполнить американский ультиматум, так как понимали, что преимущество американского флота неоспоримо и, что сопротивление устаревших японских береговых орудий будет легко подавлено современным вооружением американских кораблей. Поэтому, когда меньше чем через год в феврале 1854 г. на рейде порта Урага вновь появились американские корабли адмирала Перри, сегун выразил согласие уступить американскому нажиму. 31 марта

1854 г. в Канагаве (Иокогама) был подписан японо-американский договор «о мире и дружбе». Позже в 1858 г. был подписан торговый договор, а в 1866 г. — соглашение о пошлинах. В этих навязанных Японии документах говорилось не только об открытии портов Японии, обмене дипломатическими миссиями, установлении свободы торговли, но и закреплено было право экстерриториальности для американцев, установлены низкие таможенные пошлины, которые японцам нельзя было менять без согласования с США, товарам которых они должны были предоставить право наибольшего благоприятствования.

После вынужденного подписания этих неравноправных договоров в правящей японской элите возникло очевидное ощущение угрозы национальному суверенитету, сформировалось мнение о необходимости предпринять срочные меры для усиления государства. Это усиление сторонники перемен видели в последовательной модернизации с переносом в Японию доказавших свою эффективность западных политических, экономических и военных институтов. Особенно активно за идею реформ выступали самураи из южных княжеств Сацума и Тесю, у которых были давние противоречия с сегунатом Токугава. Они больше всего пострадали от слабости и уступчивости сегунской власти, так как их богатство основывалось главным образом на монополии незаконной морской торговли, которая стала приходить в упадок из-за конкуренции со стороны кораблей иностранцев. Уступки сегуна подрывали главные источники их существования и поэтому они включились в борьбу за власть и выступили резко против правительства.

В 1866 г. оба княжества заключили военно-политический союз, а в апреле 1867 года восхождение на трон нового императора Муцухито использовано было ими для начала борьбы за отстранение сегуна и его окружения от власти.

Под их давлением в январе 1868 г. новым императором был принят указ о восстановлении прямого императорского правления, и о ликвидации сегуната Токугава. Сёгун лишался всех рангов, титулов и большей части землевладений. Управ-

ление государством переходило в руки императора и образованного им в июне 1868 г. Государственного совета (дадзёкан), которому передавалась распорядительная власть в стране. Сегун и его сторонники отказались признать законность отстранения от власти, и развязали гражданскую войну. Эта была, пожалуй, первая в истории Японии гражданская война за выбор пути развития, когда с одной стороны находились сторонники реформ, а на другой их противники, выступавшие за сохранение традиционных норм и правил. Любопытно, что это сегодня гражданская война в Японии 1868-1869 гг. видится именно с такого ракурса. В самой же Японии в то время многие рассматривали эту войну с точки зрения банальной борьбы за власть, когда более активная и богатая часть элиты отстраняет от власти более слабых политических противников.

Победа в гражданской войне позволила реформаторским силам начать некоторые преобразования, которые были намечены ими уже в первом документе принятым новым императором - так называемой клятве. В апреле 1868 г. молодой император обозначил ключевые положения своего будущего правления, предполагавшего переход страны к коллегиальному управлению, участию всех сословий в выработке решений, отказа от ксенофобии, соблюдение международного права, открытость Японии миру с целью получения новых знаний, необходимых для укрепления страны. Своим девизом новый правитель избрал слово Мейдзи, означавшее просвещенное правление. Для того чтобы подчеркнуть наступление нового этапа в жизни страны, в сентябре 1869 г. было принято решение перенести резиденцию императора из традиционного Киото в Токио, который превратился в новую японскую столицу.

В начальный период реформ в стране возник авторитарный режим, подавивший традиционалистскую оппозицию в гражданской войне. Руководство им принадлежало сторонникам реформ представлявших южные княжества Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн. Они поставили под свой контроль Госу-

дарственный совет, удалив из него представителей других княжеств менее преданных с их точки зрения делу реформ.

Вслед за этим они перешли к централизации государства, рассчитывая таким путем увеличить эффективность и сферу распространения принимаемых ими решений. Начался этот процесс в марте 1869 г., когда главы прореформаторских княжеств - Тёсю, Сацума, Госа и Хидзэн подали петицию с предложением издать указ о возвращении принадлежавших им земель императору. Вслед за этим их примеру вынуждены были последовать и другие князья, и тем самым был дан толчок процессу централизации страны, который принял форму возвращения князьями земель императору. Таким образом, княжества, как центры силы, слабо контролируемые правительством, были ликвидированы, а их население стало подотчетно не местным феодалам, а центральной власти, образовавшей на месте княжеств - префектуры, главы которых назначались из центра.

Централизация государства сопровождалась реформой вооруженных сил. Ее цель состояла в том, чтобы сформировать современную армию, которая бы подчинялась не князьям, а центральному правительству. На первом этапе реформы центральные власти подчинили военному министерству состоявшие из самураев войска упраздненных княжеств. В январе 1873 г. было объявлено о введении всеобщей воинской обязанности, что позволило создать регулярную армию численностью 36 тыс. человек. Призыву на семилетнюю (три года срочной службы и четыре — в резерве) военную службу подлежали все мужчины независимо от их социального происхождения, достигшие 20-летнего возраста. Одновременно с военной реформой были созданы отдельные от армии подразделения полиции, которые с 1872 г. стали подчиняться Министерству внутренних дел.

Существенные перемены произошли и в социальной сфере. Смысл их заключался в том, чтобы создать вместо жестко сословного - общенациональное и общегражданское государство. Его рассчитывали построить по типу европейских, где права всех граждан были бы равны. Первым шагом в этом на-

правлении стало провозглашение равенства крестьян, ремесленников и купцов, которые традиционно считались так называемым простонародьем. Всех их обязали иметь фамилии, которые раньше носились исключительно самураями, а титулованной и нетитулованной знати разрешили межсословные браки. Характерные для феодализма ограничения для людей на поездки и смену профессии были отменены.

Вскоре выяснилось, что главными пострадавшими от реформ в социальной сфере оказались самураи. Формально они должны были находиться на полном государственном обеспечении. Однако на практике пенсия этому сословию, которая составляла почти 30% от всего бюджета страны, все время сокращалась и часто вообще не выплачивалась. С целью ослабить бремя платежей правительство в 1873 г. издало Закон «о возвращении пенсий императору», который обязывал самураев отказаться от пенсий в обмен на единовременные выплаты, а в 1876 г. практика содержания самураев за государственный счет была окончательно отменена. В связи с этим правовая разница между самураями, которым с того же года запретили носить катаны (самурайские мечи) и простонародьем исчезла.

Важным элементом процесса модернизации стало изменение всей системы традиционных отношений в сельском хозяйстве. В сентябре 1871г. крестьянам был разрешен свободный выбор сельскохозяйственных культур для посевов, в феврале 1872 г. была признана их частная собственность на землю, которой они фактически владели, и был отменен запрет на продажу земли. В августе 1872 г. крестьянам было разрешено одновременно заниматься и сельским хозяйством и торговлей и с них были сняты все обременения в стиле и образе и в распорядке жизни, которые действовали столетия. Владельцы недвижимости получили сертификаты на владение землей, в которых указывалась цена участка. Система сертификатов ликвидировала традиционную общинную форму землевладения. На основе этой системы с 1873 по 1880 гг. прошла земельно-налоговая реформа. Теперь вместо менявшегося год к году урожая критерием налогообложения стала намного более ста-

бильная цена на землю, а собственники земельных участков превратились в налогоплательщиков. Земельный налог следовало платить деньгами в размере 3% от стоимости земельного участка. Также как и социальная реформа, фактически упразднившая сословие самураев, заметно обострила социальную стабильность, так и земельно-налоговая реформа, увеличившая налоговое бремя на крестьян вызвала в отдельных местах массовые антиправительственные выступления.

В реформе образования влияние европейских заимствований было особенно заметно. Началась эта реформа с введения в сентябре 1872 г. обязательного начального обучения и формирования системы среднего и высшего образования. В рамках реформы учащиеся в Японии стали изучать новые для них предметы - алгебру, геометрию, химию, физику, биологию, западную философию, политологию и историю. Тысячи молодых японцев отправились за знаниями в Европу. В области философии на японский язык переводились труды европейских мыслителей и среди образованной части японского общества распространение получили идеи либерализма и индивидуализма. Морально-этические принципы предыдущих эпох, базировавшиеся на конфуцианстве и буддизме многими стали рассматриваться как архаичные и устаревшие. Под влиянием трудов Дарвина, Руссо, Гегеля и других западных философов японское общество приняло ключевой для модернизации традиционной политической системы тезис о «естественных правах человека на свободу и равенство». В распространении идей демократии и социального равенства в японском обществе большую роль сыграли и сочинения собственно японских философов, такие как «Состояние дел на Западе», «Продвижение наук», «Конспект теории цивилизации», «Легенды Запада», «Теория свободы». Они пользовались огромной популярностью среди японской интеллектуальной и административной элиты, студенческой молодежи, и самым непосредственным образом влияли на принятие западного и демонтаж традиционного мировоззрения, на формирование нового национального сознания.

Волна радикальных перемен, которая постепенно стала явно выходить за рамки первоначальных целей тех людей, которые начали реформы в 1868-1869 гг., вызвала в феврале 1877 г. новый всплеск сопротивления консервативных сил. На сей раз раскол произошел уже в лагере реформаторов, когда наиболее умеренные сторонники перемен пришли к выводу, что реформы зашли слишком далеко и уже следует остановиться. Противники продолжения реформ, среди которых преобладали самурай не согласные с фактической ликвидацией и своих привилегий и своего сословия, собрались под знаменами генерала Сайго — бывшего военного министра и героя «реставрации Мейдзи». Он был одним из тех умеренных реформаторов, кто обеспечил победу над сегуном в 1869г. Под его знаменами оказалось примерно 14 тысяч самураев недовольных произошедшими переменами. Рассчитывая на успех, Сайго и его сторонники двинулись прямо на столицу, где они, однако, понесли поражение от набранной в рамках военной реформы призывной армии. Эта армия, хотя и потеряла почти 6 тысяч человек убитыми и около 10 тысяч ранеными, продемонстрировала свою силу и способность контролировать положение в стране.

Подавление восстания генерала Сайго укрепило позиции радикальных реформаторов, которые, устранив угрозу своей власти, перешли к новой серии политических реформ. В начале октября 1881 г., был обнародован императорский указ с обещанием в 1889 г. даровать народу конституцию, а в 1890 г. созвать парламент. В 1881 г. на свет появилась и первая политическая партия Японии — Дзююто- конституционная либеральная, а в марте 1882 г. Кайсинто -конституционных реформ. Несколько позже была сформирована проправительственная — Тэйсэйто - Конституционно-императорская партия.

*Восстание Сайго Такамори .
Генерал Сайго в окружении своих офицеров 1877 г.*

В 1889 г., как и обещали реформаторы, в Японии была принята первая в истории страны конституция, закрепившая произошедшие перемены и определившая механизм и новую структуру организации власти и государства. По основному закону император был объявлен главой государства и наделялся широкими полномочиями. Его особа объявлялась священной и неприкосновенной, императору даровалось право объявлять войну и мир, заключать международные договоры, вводить осадное положение, сосредотачивая при этом в своих руках чрезвычайные полномочия. В качестве верховного главнокомандующего устанавливать структуру и численность вооруженных сил. В гражданско-правовой сфере император мог определять структуру министерств, назначать и увольнять любых должностных лиц. Обладая всей полнотой исполнительной власти, он назначал министра-президента (премьера) и по его представлению всех остальных министров. Кабинет министров нес ответственность только перед императором. Даже вотум недоверия со стороны парламента не мог заставить премьер-министра уйти в отставку.

Законодательная власть в стране по конституции также принадлежала императору, который осуществлял ее совместно с парламентом. Законы, принятые в парламенте, не могли быть обнародованы и приняты к исполнению без императорского утверждения и подписи. В промежутках между сессиями парламента император мог издавать указы, имевшие силу закона. Император созывал парламент, закрывал его, переносил сроки парламентских заседаний, мог распустить палату депутатов. Он также имел право на амнистию, помилование, смягчение наказания и восстановления в правах.

Следует сказать, что принятие конституции не ликвидировало деятельность совещательных органов при императоре. Сохранился и даже еще более усилился знаменитый "тайный совет", "генро" - совещательный орган при императоре, которому было передано рассмотрение важнейших государственных дел. Правительство должно было советоваться с ним по всем важным вопросам политики; от него исходило одобрение императорских указов о назначениях; он имел даже право толковать конституцию.

Японский парламент как главный орган народного представительства был сформирован из двух палат : палаты пэров и палаты депутатов. В палату пэров входили члены императорской фамилии, титулованная знать и люди, назначенные непосредственно императором. Вторую палату составляли депутаты, одержавшие победу на выборах. Соответственно партия, победившая на выборах, формировала правительство ответственное перед императором.

Таким образом говорить о том, что конституция установила в Японии демократическую систему правления можно только с очень большой натяжкой. Парламент не стал главным органом государственной власти, однако сам факт его существования закреплял уже проделанный японцами огромный путь по модернизации политической системы. Назвать ее полностью демократической также нельзя, скорее можно говорить о том, что в стране появились отдельные, причем формальные элементы демократии, скрывавшие тот факт, что власть сохранилась в руках традиционной элиты, выступав-

шей теперь в союзе с новой олигархией, бизнесменами и финансистами, которые собственно и возглавили страну. Подтверждением этого вывода может служить избирательный закон, принятый в 1890 г., который регулировал выборы в нижнюю палату парламента – палату представителей. Этим законом были установлены возрастной (25 лет) и имущественный цензы, а также ценз оседлости. Не получили избирательных прав женщины и военнослужащие. В результате избирательным правом было наделено лишь около 1 % всего населения.

2. Эпоха после Мейдзи. Последствия реформ, формирование идеологии японского мессианизма и переход к политике экспансионизма

В целом реформы Мейдзи, как мы видим, носили двойственный характер - с одной стороны упорное пересаживание на японскую почву всего комплекса европейских политических институтов, формирование новой экономической реальности, а с другой усиление власти императора и его окружения. В такой вот переходной к демократии фазе политического развития Япония как-бы застыла и надолго - фактически до контрреформ второй половины 30-х годов. Очевидный застой в демократическом транзите в сфере политической власти, контрастировал с радикальными и довольно успешными реформами в сфере экономики и права. Именно эти реформы и придали мощный импульс экономическому и социальному развитию страны. Финансовая система с образованием в 1882 г. банка Японии окончательно оформилась и позволила создать прочный фундамент для начала индустриального развития. В стране быстро росли новые фабрики и заводы, открывались страховые кампании, увеличивался и объем внешней торговли.

На волне успешных реформ, обеспечивших независимость страны и ее быстрое развитие, японский национализм, тесно связанный с экспансионизмом получил новое дыхание. Все сильнее стали звучать голоса тех, кто указывал на особую роль Японии в Азии, кто выступал за экспансию, за политику

вытеснения европейских колонизаторов из азиатских государств. Феномен японского успеха превратил страну на рубеже XIX-XX веков в «Мекку» азиатских реформаторов, стремившихся перенять японский опыт и провести модернизацию своих стран по японским образцам. В Токио побывали и такие китайские деятели как Сунь Ятсен и Чан Кай Ши и многие будущие лидеры национальных движений из Индонезии, Бирмы Малайи, а во Вьетнаме, который находился под властью Франции, возникло общественное движение «Донг Зу» - на Восток, направлявшее студентов в Японию. Все это укрепляло убеждение японских правящих кругов, что стране предназначена роль будущего лидера Азии, где многие народы, поработанные европейцами, только и ждут помощи Японии для своего освобождения.

По мере нарастания экспансионистских настроений военный бюджет Японии стал расти опережающими темпами. Расходы на оборону стали составлять треть государственного бюджета. Так, в бюджете 1892 г., из общего количества в 84 млн. иен, военные расходы достигали 34,5 млн. Особенно большие средства тратились на военно-морской флот, который должен был стать главным инструментом защиты японских островов. Кроме того с ним связывали и реализацию нового внешнеполитического курса, который предусматривал расширение границ японской метрополии практически во всех направлениях. Если в 1872 г. японский флот насчитывал 17 кораблей, то к 1878 г. он увеличился до 22. Новые корабли строились в самой Японии, а также за рубежом в основном в США. К началу войны с Китаем японский флот состоял из 28 современных кораблей общим водоизмещением 57 тыс. т.

Переход к политике экспансии стал очевиден с началом японо-китайской войны 1894-1895 гг. Столкновение двух держав было не случайным, так как китайско-японские противоречия нарастали с середины 70-х годов, когда Япония, под угрозой применения силы навязала Корее договор об установлении дипломатических отношений и открытии портов. Этот договор вызвал возражения у Китая, который считал, что Корея являлась зависимым от него государством и не имела

права заключать такой договор самостоятельно. Соперничество Китая и Японии в Корее выразилось в том, что при корейском дворе сформировались две группировки - прокитайская и прояпонская, которые развязали в стране гражданскую войну. В июле 1882 г. во время восстания солдат сеульского гарнизона были перебиты японские офицеры-инструкторы и сожжено здание японской дипломатической миссии. В ответ Япония силой оружия добилась компенсации ущерба и права держать войска в Сеуле для охраны своей миссии. В декабре 1884г. корейские реформаторы, ориентировавшиеся на Японию, попытались совершить государственный переворот. Но свергнутое ими правительство Кореи с помощью китайских войск восстановило прежнее положение. Разгрому вновь подверглась японская миссия, были убиты несколько японских офицеров и солдат. Под угрозой применения силы японцы восстановили свои позиции в Корее, в апреле 1885г. даже подписали Тяньцзиньский договор, по которому традиционный сюзерен Кореи - Китай фактически признал равенство своих и японских интересов в этой стране. Однако японцам этого было мало, и они спровоцировали полномасштабную войну, чтобы поставить Корею под свой полный контроль. 25 июля 1894 г. японский флот потопил английский транспорт «Гаошень», перевозивший китайские войска на Корейский полуостров, немедленно после этого боевые действия начались и на территории Кореи. Официально война была объявлена 1 августа 1894 г. Китай, как показали дальнейшие события, не был к ней полностью готов, и его войска не смогли оказать серьезного сопротивления японской армии. К концу сентября японцы захватили Корейский полуостров, а их флот после ряда побед стал господствовать в Желтом море. Постепенно боевые действия были перенесены на территорию Китая и охватили Маньчжурию и Ляодунский полуостров. Поражения армии и флота вынудили Китай искать мира на японских условиях и 17 апреля 1895 г. в Симоносеки китайские власти подписали мирный договор. В нем помимо признания независимости Кореи они согласились передать Японии остров Тайвань, Ляодунский полуостров, открывали дополни-

тельно четыре китайских города для торговли, а также выплачивали в течение семи лет 200 млн. лянов (300 млн. иен) контрибуции. Победа над Китаем, хотя и была несколько нивелирована вмешательством великих держав, которые «рекомендовали» японцам вернуть Ляодунский полуостров, показала эффективность проведенных реформ, мощь армии и флота и лишь укрепила в японской элите желание новых приобретений и побед.

Новая война, которую Япония начала в январе 1904 г. путем неожиданного нападения на базу российского флота в Порт-Артуре, также оказалась вполне успешной. Выведя из строя российские военные корабли, японский флот захватил господство в Желтом и Японском морях, обеспечил высадку в Корею значительных сил сухопутной армии, которые развернули наступление в Маньчжурии. Боевые действия и, в частности, сражения при Лояне и Мукдене показали, что Япония хорошо подготовилась к этой войне. Действительно, перед ее началом расходы на сухопутные войска выросли с 15 млн. иен в 1893 г. до 53 млн. иен в 1896 г. и оставались на этом уровне вплоть до 1904 года. Расходы на военно-морской флот возросли с 13 млн. иен в 1895 г. до 50 млн. иен в 1898 г.

Хорошо подготовленная японская армия в ходе кровопролитной войны сумела одержать несколько важных побед - захватила после долгой осады крепость Порт Артур на Ляодунском полуострове, взяла верх в сражениях при Мукдене и Лояне и фактически уничтожила российский флот в Цусимском сражении в мае 1905 г. Несмотря на эти поражения, исход войны все равно был далеко не ясен, так как возможности России, сосредоточившей в Маньчжурии почти миллионную армию, продолжать войну были неизмеримо выше, чем у ее противника. Ресурсы Японии, выделенные на войну, быстро иссякали, а напуганные победами японцев США и Великобритания, которые подталкивали Токио к войне, отказались выдавать новые кредиты. Только русская революция 1905 г. вынудила правящие круги России поспешить с заключением Портсмутского мирного договора, по которому Японии ото-

шла южная часть Сахалина и Курильские острова и она получила свободу рук в Корее.

В японском обществе и в политической элите победы над Китаем и Россией рассматривали как абсолютный успех, в результате которого Япония превратилась в сильнейшую страну на Дальнем Востоке, которая может, наконец, перейти к созданию собственной континентальной империи. Ограниченность ресурсов страны при этом только подталкивала к новым территориальным захватам, так как ускорение индустриализации и развитие национальной промышленности превратились в чуть ли не главную задачу национального строительства. Перед началом Первой мировой войны за период 1905-1913 гг. экспорт Японии увеличился в 2 раза, а импорт — в 1,5 раза. В это время Япония заняла первое место во внешней торговле Китая, оттеснив Великобританию на второе место, а США — на третье. Особенность развития японской экономики состояла в том, что в стране сформировались так называемые дзайбацу — финансово-промышленные объединения, в центре которых стояли холдинговые компании. Первое время основными сферами их деятельности оставались кредитные и страховые операции, торговля и легкая промышленность. Однако постепенно основной сферой их интересов стала тяжелая промышленность, особенно отрасли связанные с производством вооружений, судостроение — то есть те отрасли, которые позже составят ядро военно-промышленного комплекса страны.

Идея экспансии и формирования империи стала в это время доминирующей и в японской внешней политике и в японском обществе. Ее сторонники утверждали, что продолжение экономического роста требует ресурсов и рынков, которые в силу того, что от них зависит будущее Японии, должны оказаться под ее контролем.

3. Япония и ее политика во время Первой мировой войны

Первая мировая война, которая началась в 1914 г. в Европе и в которую Япония вступила через пятнадцать дней после ее

начала, по мысли правящих кругов страны должна была открыть дорогу к реализации самых смелых планов японской экспансии. Официально японское правительство объясняло свое вступление в войну против Германии выполнением союзнического долга в рамках англо-японского союза. Однако, в Европу свои войска Япония не направила, и ограничилась только захватом немецких колоний и владений на Дальнем Востоке. 15 августа 1914 г. Германии был предъявлен ультиматум, с требованием передать Японии арендованную Германией китайскую территорию Цзяочжоу с расположенной там военно-морской базой Циндао. 23 августа, в день истечения срока ультиматума, Япония начала боевые действия и быстро добилась успеха. Следующим шагом в японской экспансии стало предъявление ультиматума Китаю, по условиям которого эта страна фактически превращалась в полностью зависимое от Японии государство. В январе 1915 г. японский представитель передал президенту Китая Юань Шикаю документ, вошедший в историю под названием «21 требование», который в полной мере отражал планы и намерения японских правящих кругов. Он состоял из пяти разделов. В первом содержались требования к Китаю признать все соглашения, которые могли быть заключены между Германией и Японией относительно перехода Шаньдуна под власть Токио. Выдвигалось требование передать Японии права на постройку железных дорог и открыть для Японии главные китайские города и порты.

Во втором разделе речь шла о Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Япония требовала передачи в аренду Порт-Артура, Даляня, Южно-Маньчжурской, Аньдун-Мукденской и Гирин-Чанчуньской железных дорог на 99 лет, предоставления японцам права приобретения и аренды земель, права проживать, передвигаться и заниматься любым видом деятельности на этой территории,

В третьем разделе предлагалось превратить в смешанное японо-китайское предприятие Ханьепинский промышленный комбинат, объединявший рудники и металлургические заводы, в четвертом разделе Китаю запрещалось отчуждать и сда-

вать в аренду гавани, бухты и острова вдоль китайского побережья без японского согласия. В самом скандальном пятом разделе предусматривалась обязанность китайских властей приглашать японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным вопросам при центральном правительстве Китая, признать права земельной собственности в Китае для японских храмов, больниц и школ, создать японо-китайские военные заводы, а также консультироваться с Японией по вопросам строительства железных дорог, рудников и портов в провинции Фуцзянь.

Японо-китайские переговоры по вопросам принятия Китаем всех этих условий проходили с начала февраля до середины апреля 1915 г. и в конечном итоге «21 требование» было китайскими властями принято. Однако триумф Японии оказался недолгим, так как после окончания Первой мировой войны выяснилось, что освободившиеся после сражений в Европе США и Великобритания выступают против японского доминирования в Восточной Азии и стремятся всячески ограничить возможности Токио по развитию флота и морских вооружений. Подтверждением такой политики стали решения Вашингтонской мирной конференции 1921-1922 гг., на которой были определены послевоенные реалии в Восточной Азии и на Тихом Океане. В феврале 1922 г. в Вашингтоне был подписан так называемый "Договор пяти держав", который предусматривал, что общий тоннаж линейных боевых кораблей, не будет превышать для Соединенных Штатов и Британской империи - 525 тыс. т, для Франции и Италии - 175 тыс. т, а для Японии - 315 тыс. т водоизмещения. Кроме того, предусматривалось, что ни одна из держав не будет приобретать или строить линейные суда более 35 тыс. т водоизмещения. На последнем настаивали США, поскольку Панамский канал не мог пропускать боевые корабли большего тоннажа, а Соединенным Штатам было крайне важно иметь возможность свободно перебрасывать свой флот из Атлантического океана в Тихий. Там же в Вашингтоне было объявлено об отмене военно-политического союза Великобритании и Японии заключенного в 1911 г. и было оказано серьезное давление на Япо-

нию в поддержку требований китайской делегации отменить навязанное «21 условие». Надежды японских правящих кругов на то, что Первая мировая война позволит им стать доминирующей силой в Азии в целом так и не оправдались.

Глава II Корея. Установление японского колониального режима

1. Неудачные попытки модернизации и последствия этого для судьбы страны

Корейское государство, на протяжении почти всего XIX века сохраняло статус «закрытой державы», а ее правящая элита рассчитывала остаться в стороне от происходивших в регионе событий. Такая политика обернулась в конечном итоге катастрофой, так как по мере усиления Японии страна превратилась в поле соперничества Японии и Китая. Это привело к расколу корейской элиты на прояпонскую и прокитайскую и целой серии внутренних переворотов и войн, сильно ослабивших страну.

В то же время было бы неверно утверждать, что в Корее совсем не предпринимались попытки радикальной модернизации. Как и везде на Востоке такие попытки были и происходили они не один раз, но они в силу субъективных и объективных причин оказались настолько малоуспешными, что предопределили потерю страной независимости и попадание под власть соседней Японии.

Первую попытку радикальной модернизации попыталась осуществить небольшая группа чиновников - интеллектуалов, которые 4 декабря 1884 г. во главе с Ким Ок Кюном, долгое время проживавшим в Японии, заручившись поддержкой японской,

Реформатор Ким Ок Кюн

американской и английской дипломатических миссий, организовали государственный переворот. Заговорщики подвергли домашнему аресту королевскую семью и казнили нескольких министров. 5 декабря они сформировали правительство, которое в тот же день опубликовало свою политическую программу перевода Кореи на путь модернизации.

В программе предлагалось ликвидировать вассальные отношения с Китаем, ввести равноправие для всех граждан, отменить сословную систему и ростовщичество, сформировать единый финансовый механизм, изменить способ взимания земельных налогов, обеспечить свободу торговли, наказать коррупционеров, создать гвардию и полицию. Реформа власти виделась заговорщикам как переход к конституционной монархии, при решающей роли главы правительственного кабинета.

Но ничего из этих планов осуществить не удалось, так как правительство реформаторов находилось у власти всего два дня. 7 декабря по просьбе корейского двора китайские войска, располагавшиеся в Сеуле, разгромили немногочисленные отряды, стоявшие на стороне заговорщиков. Некоторые лидеры движения были убиты, сам Ким Ок Кюн и несколько его сторонников бежали в Японию. К власти в Корее вновь пришла королева Мин и связанные с ней консервативные силы, опиравшиеся на поддержку Китая.

Вторая попытка модернизации произошла через десять лет в самом начале японо-китайской войны. Тогда 23 июля 1894 г. японцы ворвались в королевский дворец, чтобы якобы «защитить от заговора» короля и членов его семьи, и фактически сделали их своими пленниками. Под их давлением к власти в Сеуле пришли новые реформаторы, опять-таки опиравшиеся на Японию. В результате ту программу, которую провозгласил в свое время несостоявшийся диктатор Ким Ок Кюн, новый прояпонский кабинет в 1894-1895 годах постарался воплотить в жизнь хотя-бы в форме указов.

Новые реформаторы, понимая свою зависимость от поддержки со стороны японцев, ощущали непрочность своего руководящего положения. В связи с этим, они стремились

разом провозгласить самые разные и подчас совершенно не связанные между собой реформы, изменить в стране все что можно. Они хотели регулировать деятельность банков и запретить чиновникам передвигаться в паланкинах, разрешить свободное хождение иностранной валюты и отменить практику наказания всей семьи за преступление, совершенное одним из ее членов, когда мужчинам отрубали голову, а женщин заставляли выпить яд. С одной стороны реформаторы проводили унификацию мер и весов, а с другой отменяли рабство (в конце XVIII в. свыше 35 % населения являлись лично зависимыми), и объявляли, что бывшие рабы обладают теперь равными правами с традиционно привилегированным сословием янбанов.

В обилии принятых прояпонскими кругами прогрессивных и нужных для развития страны законов терялся их смысл, исчезала нить реформ, всем было ясно, что выполнить все это за один или даже два года нереально. Получилось, что вроде страна должна была в процессе прогрессивных реформ меняться, но этого по большому счету не происходило. И одна из главных причин этого заключалась в том, что модернизационные реформы, инициированные прояпонскими кругами воспринималась многими в Корее как навязанные извне и, не получали поддержки ни со стороны традиционалистски настроенного населения, ни со стороны большей части правящей элиты.

Завершение двухлетнего периода бессистемных реформ, которые к тому же не принимались населением и саботировались на местах, произошло 11 февраля 1896 г. В тот день во двор российской миссии в корейской столице внесли пару закрытых паланкинов, в которых находились король Коджон и его старший сын. Опасаясь давления со стороны японцев, они искали защиту в российской миссии, чтобы сместить прояпонских реформаторов. Получив такую защиту, на следующий день, король издал указ о роспуске правительства и назначил новый состав кабинета. Сразу же после этого все реформы были остановлены и на этом вторая попытка модернизации Кореи завершилась. Жизнь показала, что у ко-

рейской правящей элиты не оказалось ни сил, ни желания, ни единства к самостоятельному реформаторскому действию. Все это обрекло страну на печальную участь. В последующем модернизация Кореи развивалась уже в рамках японского правления.

2. Установление власти Японии в Корее

Король Коджон

После побед Японии в войнах с Китаем 1894-1895 г. и с Россией 1904-1905 гг. Корея попала под полный контроль Токио и в результате этого потеряла последние остатки независимости. Еще в феврале 1904 г. король Коджон под давлением японцев подписал "Союзный договор", по которому японское командование получило право занимать любой пункт на территории Кореи. Летом 1904 г. Япония навязала корейскому правительству своих советников по финансовым, иностранным и военным делам, фактически узурпировавших власть в этих ведомствах. Несколько позднее в руки японцев перешло также управление

почтой, телеграфом, телефоном. Была сокращена численность корейской армии и полиции, во главе этих ключевых государственных структур были поставлены японские офицеры. Вслед за этим 18 ноября 1905 г. японцы заставили корейских министров подписать "Договор о покровительстве", по которому Корея передавала правительству Японии и его дипломатическим представителям за границей руководство внешними сношениями, а при корейском дворе в качестве японского представителя назначался генеральный резидент.

Летом 1907 г. император Коджон, осознавший в какую зависимость попадает его страна, предпринял попытку изменить ситуацию. Для сохранения независимости Кореи он решил апеллировать к великим державам и направил тайно делегацию на международную конференцию в Гааге, но представители западных стран отказались даже выслушать корейскую миссию. В то же время, узнав об этой миссии и о письме Коджона, японские власти заставили корейского императора, отречься от престола, а правительство Кореи под их диктовку подписало так называемый "Договор семи статей", по которому управление внутренними делами Кореи полностью переходило в руки японского генерального резидента.

Последний акт корейской драмы начался в середине августа 1910 г. когда японцы потребовали от премьер-министра Кореи Ли Ван Ёна подписать уже подготовленный ими договор об аннексии. 18 августа 1910 г. глава правительства собрал заседание кабинета министров, на котором поставил вопрос о присоединении Кореи к Японии. Все члены правительства, за исключением одного, выразили с этим согласие. 22 августа состоялось специальное совещание членов кабинета с участием корейского императора и старейших государственных деятелей. Это совещание также приняло все условия, предложенные японцами. В тот же день Ли Ван Ён, получив полномочия от императора подписал "договор" об аннексии Кореи.

В соответствии с ним корейский император уступал императору Японии "полностью и на вечные времена" всю власть по управлению Кореей. Страна превращалась в генерал-губернаторство - часть японской империи.

Вслед за этим уже по указу японского Императора в стране была введена новая система управления, согласно которой вся полнота власти стала принадлежать генерал-губернатору, назначаемому императором Японии. Ему подчинялись все органы государственного управления, а сам он хотя и был подотчетен Императору, но в своих решениях оставался независим от японского правительства. В ведении генерал-губернатора находились полиция и армия, он имел право на-

значения на должности и снятия с них, право издания законов. Местное управление было сосредоточено в руках японских губернаторов, назначенных во все 13 провинций Кореи, а также начальников округов, уездов, областей, которые могли быть только японцами.

С первых дней после юридического оформления аннексии Кореи Япония приступила к осуществлению политики, которую можно охарактеризовать как «военное управление», или «военная диктатура». Страна была обращена в колонию, с очень жестким военно-полицейским режимом. Японский генерал-губернатор располагал разветвленным административно-полицейским аппаратом, опиравшимся на расквартированные в Корее две дивизии и еще 15 тыс. японских резервистов. Тотальный контроль обеспечивался еще и тем, что вся страна покрылась густой сетью жандармских и полицейских постов. В ней утвердилось военное управление, которое сами корейцы называли «сабельным режимом». К 1918 г. число арестованных корейцев подозреваемых в участии в антияпонской деятельности достигло 142 тыс. человек. Японцы не скрывали, что их цель - превратить корейцев в новых японцев. Для этого они активно насаждали культ обожествления японского императора, подвергали гонениям корейскую культуру и искусство. Дело дошло до того, что в Корее официальным языком объявили японский, а корейцам запретили создавать даже национальные политические и культурные сообщества.

Экономика Кореи оказалась также под полным контролем японских властей. Они стремились создать в Корее наилучшие условия для японского бизнеса и переселенцев, поэтому, например, ключевая земельная реформа, кардинально отличалась от проведенной ранее в Японии. В Корее развитие сельского хозяйства японцы направили в рамки так называемого прусского пути, когда на одном полюсе концентрируются помещичьи хозяйства и земли, переданные японским переселенческим и колонизационным кампаниям, а на другом огромный слой крестьян-арендаторов. К 1917 г. число корейских семей, полностью или частично утративших права на свои участки, составило 77% общего числа дворов, а доля земель,

которые они обрабатывали на правах краткосрочной аренды, составляла 53,2% всех пахотных площадей. В 1914-1919 гг. количество помещичьих хозяйств выросло почти в два раза с 46 376 до 90 386, а число крестьян-арендаторов на 100 тыс. дворов с 911 261 до 1 003 003. Ставки арендной платы в стране достигали 50-70% урожая, и при такой кабальной аренде крестьяне вынуждены были уходить в города, где японцы довольно активно строили новые промышленные предприятия. Японские компании охотно вкладывали свои капиталы в железнодорожную, золотодобывающую и угольную промышленность, в другие отрасли добычи сырья, которого не хватало у Японии. В 1914-1918 гг. число промышленных предприятий в стране увеличилось с 654 до 1700.

Но, допуская в Корее развитие промышленности, японские монополии подавляли всякие попытки роста собственно корейского бизнеса. В 1917 г, например, японцам принадлежало 736 предприятий фабрично-заводской промышленности с капиталом 33,6 млн. иен, а корейским предпринимателям — 605 предприятий с капиталом всего лишь в 1,8 млн. иен.

В таких условиях корейское общество было буквально пропитано протестом, который не мог не затронуть и сферу общественного сознания. Навязываемого колониальными властями культу обожествления японского императора, корейцы противопоставили основанную на традициях буддизма религиозную систему известного религиозно-политического общества «Чхондогё» («Учение небесного пути»). Это учение, призывавшее любить одинаково всех людей, приравнивая их к божествам, было официально разрешено японской администрацией и широко распространилось по стране. По разным данным оно объединяло от 100 тыс. до 1 млн. членов.

Другим элементом религиозного сопротивления явилась христианская церковь, выступавшая в стране в виде католических общин, а также протестантских конгрегаций, впервые появившихся в Корее в 1884-1885 гг. Среди христианских миссий, принадлежавших по большей части к Методистской и Пресвитерианской церквям США, особенно активно действовали пресвитериане, которые насчитывали более 1300 проповедников. Их миссия содержала на свои средства 650

миссионерских школ и курсов, где обучалось свыше 27 тыс. корейцев. К моменту аннексии Кореи Японией уже более 400 тысяч корейцев относили себя к протестантам.

Укоренение протестантов в Корее сыграло огромную роль и в сохранении корейской этничности и в модернизации сознания сотен тысяч, а потом и миллионов корейцев. Дело в том, что миссионеры принимали самое активное участие в социальном и национальном движениях, на деньги христианских миссий строились школы, больницы и даже университеты, где наряду с христианским учением и взглядом христиан на мир, корейцы знакомились с самыми современными знаниями о природе и обществе. Известно также, что в учебных заведениях, основанных миссионерами, не прекращалась антияпонская пропаганда, поддерживалась идея восстановления независимой Кореи, что не могло не находить сочувственный отклик среди студенческой молодежи.

Нет сомнений, что охранную роль для протестантских миссий на Корейском полуострове, безусловно, играла заинтересованность японцев сохранять хорошие отношения с США. В Токио отдавали отчет в том, что любые репрессии по отношению к американским протестантам и их корейским ученикам и последователям вызвали бы там крайне резкую реакцию.

По мере роста числа протестантов корейское общество становилось все менее традиционалистским и консервативно-буддистским. Массы людей меняли свою религию и убеждения, проникались присущим протестантизму в его первоначальных формах чувством избранности, уверенности в спасении, пуританской этики семьи и труда, предприимчивостью, активным участием в политической деятельности. Все это не могло не вести к существенным изменениям в их взглядах на собственную жизнь и придавало корейскому обществу большой динамизм и мобильность, облегчало заимствование западных представлений и институтов. Кроме того христианские общины превратились в центры национального движения и антияпонской пропаганды, свидетельством чему стали события произошедшие уже после окончания Первой мировой войны.

Глава III. Китай. Качели реформ и контрреформ. От восстания тайпинов и до окончания Первой мировой войны

1. Политика самоусиления и ее последствия

Процесс перемен в Китае начался, как и в Японии, под влиянием очевидного вызова со стороны европейских держав, которые в период первой и второй опиумной войн доказали свое военное превосходство над китайской армией. Пекин вынужден был подписать в октябре 1860 г. мирный договор с европейскими державами, по которому согласился выплатить Великобритании и Франции 8 миллионов лянов контрибуции, открыть для иностранной торговли Тяньцзинь, передать Великобритании южную часть Цзюлунского полуострова и разрешить использовать китайцев в качестве рабочей силы в британских и французских колониях.

Поражение в опиумных войнах убедило китайско-маньчжурскую элиту в необходимости перемен. Однако, в отличие от Японии правящие круги Китая оказались не готовы к всеобъемлющим реформам. Они считали существовавший аппарат управления вполне эффективным и не желали его реформировать. Они также опасались подорвать с таким трудом восстановленную после подавления восстания тайпинов централизованную систему власти. Поэтому в Цинском Китае выбрали другой путь - проводить изменения прежде всего в сфере обороны и национальной безопасности, формируя сильную и современную армию. Менять что-либо в системе гражданского и административного управления власти не предполагали, и сохраняли традиционное для китайцев убеждение, что административное устройство страны является чуть ли не самым совершенным в мире. Относительное успокоение народа после разрушительных войн и восстаний середины века, в результате которых численность населения за

1850-1882 гг. сократилась примерно на 50 миллионов человек, позволяло отложить реформы. Китай после эпохи социальной турбулентности в целом стал существенно беднее, чем раньше, однако один из ключевых факторов крестьянских бунтов и восстаний - демографический прессинг на пахотную площадь был снят. Доходы от основного налога - поземельного в 1874 г оказались почти вдвое меньше, чем в XVIII веке, но и они вполне обеспечивали государственные нужды.

Японская модель всеобъемлющих реформ не была принята в Китае и еще по одной причине: наиболее развитые и богатые юго-западные провинции, в которых наиболее сильны были настроения к радикальным переменам, сильнее всех пострадали в ходе войн и восстаний. У элиты Гуандуна, Гуанси и Фуцзяни не было ресурсов, чтобы оказывать давление на власть для расширения и углубления фронта перемен, так как это происходило в Японии.

Процесс реформ в Китае развивался в ином ключе, и официально именовался «политикой самоусиления». Одним из идеологов и главным творцом этой политики считался приближенный к вдовствующей императрице Цы Си наместник столичной провинции Чжили Ли Хунчжан, многие годы оставшийся на вершине китайской политики. Это был противоречивый человек, который с одной стороны использовал власть для своего личного обогащения - установил собственную монополию на торговлю опиумным маком, но с другой именно он основывал в Китае первые учебные заведения нового типа, где студенты обучались на переведенных на китайский язык книгах европейских авторов по естественным и общественным наукам. Он всячески способствовал организации производства в Китае новейших образцов орудий, винтовок, боеприпасов и пароходов, выступал за то, чтобы закупать машинное оборудование и военные суда в странах Запада.

Политика Ли Хунчжана по перевооружению Китая была тем более актуальной, что в 70-80-е годы XIX века давление иностранных держав на Пекин заметно усиливается - из сферы китайского контроля уходят традиционные вассалы, так как Япония все активнее действует в Корею, а Франция во

Вьетнаме. Все это создавало для Китая два параллельно развивавшихся внешнеполитических кризиса. В 1879 г. Япония фактически аннексировала острова Рюкю, ликвидировала «данническое» княжество и превратила его в префектуру Окинава. Еще раньше в Токио приступили к поэтапному подчинению Кореи — другого «данника» Китая. В 1876 г. японцы пригрозила Пекину войной, и вынудили его согласиться на подписание Сеулом неравноправного договора с Токио. Канхваский японо-корейский договор 1876 г. уже не признавал «даннического» статуса Кореи по отношению к Срединной империи.

В условиях сохранения традиционной системы управления, неизменных ценностей и приоритетов и статус-кво в правящей элите, даже модернизация китайской армии развивалась медленно, из-за огромных и неконтролируемых трат императорского дворца. После того как в Англии и Германии было закуплено более 20 военных кораблей, все остальные средства, выделенные на укрепление флота, императрица Цыси использовала для строительства своего загородного дворца Ихэюань и парка вокруг него.

Вдовствующая императрица Цы Си

Модернизация флота была приостановлена в тот момент, когда конфликт с Францией за контроль над Вьетнамом стал неизбежен. В результате в ходе франко-китайской войны 1884-1885 гг. китайские войска потерпели ряд поражений, причем властвовавшая консервативная часть правящей элиты обвинила в них как раз сторонников перемен. Из правительства были удалены наиболее активные сторонники «самоусиле-

ния» и «усвоения заморских дел». В мае 1884 г. Ли Хунчжан подписал в Тяньцзине мирную конвенцию с Францией (соглашение Ли-Фурнье) в соответствии с которой Цины отказались от сюзеренитета над Вьетнамом, обязались отвести свои войска и открыть южные провинции Китая для французской торговли. Взамен Париж гарантировал неприкосновенность границ Южного Китая.

Поражение от Франции подорвало позиции Ли Хунчжана и связанных с ним реформаторов. В 1884г. политические противники из контрреформаторского движения «цинъи» («чистое мнение») направили императрице меморандумы и докладные записки с критикой политики «усвоения заморских дел» и деятельности правительства. Они справедливо указывали, что реформы подрывают устои власти и даже выступали против действий по модернизации армии. Как ни странно, но власть к ним прислушалась и произвела крайне опрометчивые действия как раз накануне войны с Японией. Последние боевые суда были закуплены в 1888 г. и после этого закупки новых кораблей прекратилось, а в 1889 г. прекратились и поставки боеприпасов для флота. В результате китайский флот оказался не готов к войне с Японией.

В общественной жизни и экономике Китая в это время существенных перемен не произошло. За три десятилетия (1864-1894) объем внешней торговли увеличился почти в три раза, а иностранный импорт — более чем втрое. Однако вплоть до конца 80-х годов главная роль в импорте принадлежала опиуму. Развитие фабричной промышленности происходило медленно, Китай все больше превращался в источник сырья и рынок для иностранной продукции. Новым явлением стал ежегодный вывоз за границу китайских рабочих — кули. Они направлялись главным образом на работу на каучуковых плантациях и оловянных рудниках в Юго-Восточной Азии и на строительство трансконтинентальных железных дорог в США. К концу XIX в. за пределами Цинской империи уже находилось свыше 3 млн. китайцев-эмигрантов.

В начале 90-х годов процесс модернизации в Китае почти остановился, даже незначительные действия в направлении

реформ встречали жесткий отпор традиционалистов, а консервативные и националистические круги только усиливали свое влияние при дворе. Антизападничество широко распространилось и среди китайского населения. Доказательством этого стала активизация в начале 90-х годов XIX века тайных обществ (хуэйдан) и религиозных сект, которые организовывали народные движения против иностранцев и связанных с ними китайцев. «Политика самоусиления», инициированная Ли Хунчжаном, была свернута, так как против нее выступила подавляющая часть правящей элиты и народа.

Однако неожиданно все изменилось и перспективы продолжения модернизации стали высоки как никогда до этого. Дело в том, что японо-китайская война 1894-1895 гг. и поражение Китая, нанесли сильнейший удар по традиционалистскому курсу. Расплатой за отказ от реформ стал разгром японцами китайских войск. В многочисленных сражениях китайский флот и армия потерпели поражение и на море и на суше. В апреле 1895 г. Ли Хунчжан, который вновь оказался на вершине власти, вынужден

Ли Хунчжан

был подписать Симонсекский мирный договор. В соответствии с ним Китай признал полную независимость Кореи, что на практике означало окончательный переход ее под верховенство Токио. К Японии отходили Тайвань, Пэнху и Ляодунский полуостров. Китай должен был выплатить 200 млн. лянов в качестве военной контрибуции. Япония также получила права и привилегии, включая право наибольшего благоприятствования в торговле, которыми пользовались в Китае западные державы. Японцы получили возможность еще и созда-

вать в «открытых» портах любые промышленные предприятия и ввозить для них любое оборудование.

2. Возобновление реформ. Поиск наилучшей модели развития Китая

Поражение от Японии показало, что и отказ от реформ и непоследовательные и ограниченные реформы не способствуют укреплению безопасности и защите суверенитета Китая. Понимание этого привело к ослаблению позиций традиционалистов и противников реформ, обвиненных в поражении, а позиции сторонников более решительных перемен наоборот окрепли. Китайские прозападные интеллектуалы выдвигали в это время различные варианты их осуществления, и в том числе был предложен план так называемого «Великого Единения» («Датун»), который быстро завоевал популярность в правительственных кругах.

Кан Ювэй

Его автором являлся чиновник из юго-западной провинции Гуандун Кан Ювэй, который предложил проведение радикальных реформ таким образом, чтобы сохранить ведущую роль государства в управлении и контроле над обществом. Кан Ювэй обосновывал свою теорию полезности и необходимости реформ на примере деятельности Петра I в России, «возрождения Мэйдзи» в Японии. На печальном опыте Польши и Турции он доказывал пагубность запоздания и нерешительности в деле модернизации общества.

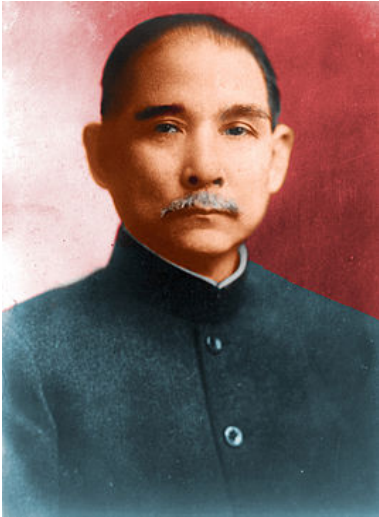
Кан Ювэй и его ученики Лян Цичао и Май Мэнхуа составили специальный меморандум для императора, в котором содержались их предложения по проведению реформ в Китае. Цинское правительство первоначально проигнорировало этот меморандум, который стал широко известен и собственно и положил начало общественному движению за реформы 1895-1898 гг.

Лян Цичао

В 1895 г. Кан Ювэй и его сторонники стали издавать в Пекине ежедневную газету под названием «Усиление государства» («Цянсюэ-бао») и создали своеобразный клуб, куда вошли различные общественные организации реформаторского толка — общества, клубы, научные ассоциации и школы. Все это оказалось возможным, так как начавшийся в это время патриотический подъем вызвал к жизни множество газет, журналов и публицистической литературы реформаторского направления. Публикации в прессе, общественные дискуссии создавали определенную среду и настроение в образованных и политически активных слоях общества. Одним из главных активистов движения за реформы стал Сунь Ятсен, получивший европейское медицинское образование. В ноябре 1894 г. в Гонолулу на Гавайях им был создан «Союз возрождения Китая» («Синчжун-хуэй»). В январе следующего года в Гонконге возникло его отделение, а затем и филиал в Гуанчжоу. В этом тайном союзе объединились несколько сотен человек, поклявшихся «изгнать маньчжуров и возродить Китай». В отличие от традиционных реформаторов - интеллектуалов типа Кан Ювэя, рассчитывавших на союз с властью и ее поддержку, Сунь Ятсен и его соратники собирались не только ликвидировать монархию, но и кардинально изменить китайскую традицию управления и ор-

ганизации государства. Вместо нового имперского цикла с китайской династией во главе, они собирались провозгласить республику и внедрить в китайскую жизнь индивидуальные права, политические партии и общественные свободы. Казалось, что все это были скорее мечтания, которые в обозримые сроки не могли быть реализованы в стране. Куда более перспективным способом модернизации представлялась реформаторская деятельность Кан Ювэя, ставшего главным советником нового императора Гуансюя.

Сунь Ятсен

В 1898 император принял предложения Кан Ювэя по модернизации системы образования, отмене старой системы экзаменов на должность, усилению вооруженных сил, введению начал парламентаризма и самоуправления. Однако, начавшиеся в июне “Сто дней реформ”, настолько напугали большинство в правящей элите, что они завершились уже в сентябре 1898 дворцовым переворотом, заключением императора Гуансюя под домашний арест и казнью шести ведущих ре-

форматоров. Самому Кан Ювэю удалось бежать в Гонконг.

На этом сто дней китайских реформ в духе просвещенной революции «сверху» подошли к концу, и инициатива в правящей верхушке опять перешла к наиболее консервативным и традиционалистским кругам, стремившихся искоренить любые проявления западного влияния. Они попытались использовать в своих интересах движение ихэтуаней, которое возникло как реакция низов традиционного общества на иностранную экспансию, и выступало как крайне консервативное крестьянское движение средневекового типа.

3. Восстание ихэтуаней как последняя надежда китайского традиционализма

Ихэтуани называли себя «отрядами справедливости и мира» и полагали, что все беды Китая происходят из-за того, что страну наводнили иностранцы, которые вмешиваются во внутреннюю жизнь страны и распространяют христианство. Поэтому, чтобы восстановить пошатнувшееся равновесие, следует выгнать иностранцев и уничтожить всех христиан в Китае. В 1898 г. на севере Китая начали активно действовать мно-

Отряд Ихэтуаней перед выходом на боевое задание

жество стихийно сформировавшихся отрядов, которые преследовали всех иностранцев и китайцев-христиан. При этом, участники восстания соблюдали религиозно-мистические ритуалы, заимствованные из традиционных подпольных сект, проводили физические упражнения (цюань), напоминавшими кулачный бой, за что впоследствии и были прозваны европейцами «боксёрами». Нет сомнения, что их выступление являлось реакцией китайцев на то, что иностранцы стали вести себя в стране как хозяева, отказывались учитывать интересы китайцев, игнорировали их обычаи и сами основы традиционного китайского мира. Собираясь в небольшие отряды, ихэтуани нападали на иностранцев, блокировали и осаждали места их компактного проживания, разрушали все, что с ними ассоциировалось.

Это движение начавшееся «снизу» получило вначале полную поддержку со стороны консервативных сил в император-

ском правительстве. Там решили, что развернувшееся народное движение позволит обрести большую независимость и заставит западные державы уйти из Китая. В июне 1900 г. империя Цин объявила войну всем иностранным державам, против которых воевали ихэтуани. В декларации об этом указывалось, что «иностранцы ведут себя агрессивно по отношению к нам, нарушают нашу территориальную целостность, топчут наш народ и забирают силой нашу собственность..., они угнетают наш народ или богохульствуют над нашими богами. Простые люди терпят небывалые притеснения.... Поэтому отважные последователи-ихэтуани сжигают церкви и убивают христиан». Ихэтуани без жалости убили тысячи христиан, причем все это происходило открыто и жестоко, как это было например в Тайюане, где в присутствии местного губернатора Ю Шина были обезглавлены 45 английских миссионеров, католиков и протестантов. Среди погибших были женщины и дети.

Императрица Цы Си, как и вся правящая верхушка, сначала позволила ихэтуаням практически без боя войти в Пекин, и разграбить город, убив сотни людей, а потом, убедившись, что коалиционные силы иностранных держав, прибывшие в Китай, одерживают победу поспешила перейти на их сторону, издав указ, призывавший расправиться с ихэтуанями по всей стране. Посольский квартал в Пекине, где находилась основная часть иностранцев, ихэтуани, несмотря на обстрелы и осаду, взять так и не сумели. В конечном итоге военные подразделения великих держав разбили и рассеяли основные их отряды, после чего движение пошло на спад. В декабре 1901 года российским войскам удалось полностью ликвидировать остатки «Армии честности и справедливости» - последнего крупного подразделения армии ихэтуаней.

4. Закат власти Цинской империи. Новая попытка реформ.

В сентябре 1901 г., по указанию императрицы Цы Си китайское правительство подписало так называемый заключительный протокол, который подвел итог восстанию ихэтуаней

и войне с великими державами. Вину за поражение и за огромную контрибуцию и разнообразные ограничения, наложенные на Китай, императорский двор возложил на консерваторов и традиционалистов, влияние которых вновь заметно ослабло. Ситуация в верхах изменилась коренным образом и перед уцелевшими после разгрома группы Кан Ювэя реформаторами вновь открылись возможности вернуться к политике институциональных реформ. Вновь оказавшись у власти, они инициировали перемены. В рамках реформы армии, например, к 1911 г. было сформировано 14 дивизий и 18 смешанных бригад общей численностью свыше 174 тыс. солдат и офицеров.

В стране возникла профессиональная армия, которая быстро превратилась во вполне самостоятельную политическую силу. В 1906 г. было объявлено о подготовке к принятию конституции, а в 1907 г. — о скором создании Верховной совещательной палаты (предпарламента) и об учреждении совещательных комитетов в провинциях. Однако значимость этих реформ уналялась тем, что рассчитаны они были на очень длительный срок - подготовительную работу для осуществления всех этих перемен реформаторы собирались завершить лишь в 1916 г. Кроме того, реформаторы заранее объявили о том, что при всех переменах власть императора оставалась неподотчетной парламенту и конституции, что шло вразрез с пожеланиями наиболее радикальной части интеллектуальной элиты.

Целая группа реформ была проведена в это время и в сфере экономики - вводились лицензии на занятие бизнесом, создавались торгово-промышленные палаты и торговые союзы, утверждались уставы акционерных обществ, жаловались почетные звания и чины за успехи в предпринимательстве.

Реформы затронули и сферу образования: в 1905 г. был издан ряд указов, в соответствии с которыми создавались школы трех ступеней, студенты за казенный счет посылались на учебу за границу. Отменялись традиционные экзамены на получение званий и на занятие должностей, как в гражданском аппарате, так и в армии.

В сфере управления также происходили определенные сдвиги - появились новые министерства, ликвидировались архаичные учреждения и структуры, общая численность чиновников сокращалась. Однако реальность была такова, что все эти вполне разумные меры спасти Цинскую империю оказались не в состоянии. И связано это было не столько с сопротивлением консерваторов, сколько с тем, что настроения в стране радикально изменились. Сторонники радикальных перемен и перехода к государству, где у власти будут не маньчжуры, а китайцы все больше овладевала умами политически активных слоев населения.

Ситуация для Цинов усугублялась тем, что Китай вновь оказался на пороге глубокого экономического кризиса, который был вызван целым рядом экономических и демографических обстоятельств. Среди них чаще всего выделяют рост населения, а к началу XX века численность китайцев составила 430 млн. человек, практически сравнявшись с тем, что было накануне восстания тайпинов, заметное сокращение посевных площадей на душу населения и душевого производства зерна. Если добавить к этому оскудение казны, падение доверия к правящей верхушке и династии в целом, рост китайского национализма и антиманьчжурских настроений, то можно сказать, что в Китае сложились условия для радикального переворота и смены власти. Требовался лишь повод для начала массовых выступлений и свержения правящего режима.

Таким поводом стал так называемый фискальный взрыв 1902-1910 гг., когда необходимость выплаты ихэтуаньской контрибуции, а также «вознаграждений» пострадавшим от ихэтуаней европейским миссионерам, вынудили правительство пойти на резкое увеличение налогов. В ответ по стране прокатилась череда многочисленных локальных восстаний. Тысячи голодающих людей громили амбары с зерном, нападали на транспорты с рисом. В новых условиях еще вчера популярные умеренные реформаторы оказались на периферии политического мейнстрима, радикалы и националисты, выступавшие за свержение маньчжурской власти, наоборот, в центре поддержки со стороны общественного мнения. Ини-

циатива в процессе перемен перешла к революционерам-радикалам, которые заявляли о том, что они знают, как победить кризис и возродить Китай. Поднявшись на волне антиманьчжурских национально-освободительных настроений, эти политики взяли на вооружение лозунг «революционного изгнания маньчжуров».

В середине 1905 г. в Китае и Японии действовали три заметные организации китайских радикальных революционеров. Это был уже упоминавшийся Союз возрождения Китая (Синчжунхуэй) во главе с Сунь Ятсеном, Союз возрождения славы Китая (Гуан-фу) — организация подпольщиков Чжэцзяна и Цзянсу, а также Союз обновления Китая (Хуасинхуэй) во главе с выходцами из провинции Хунань Хуан Сином и Сун Цзяожэнем. С объединением этих трех организаций летом 1905 г. на съезде в Токио возник Китайский революционный объединенный союз (Тунмэнхуэй). Его лидером стал Сунь Ятсен, подготовивший основной программный документ Объединенного союза. В основу его программы легли сформулированные Сунь Ятсеном «три народных принципа» (саньминьчжуи) — национализм, народовластие и народное благосостояние. Первый принцип расшифровывался как свержение власти маньчжуров, второй означал ликвидацию монархии и учреждение республики, а третий — постепенную национализацию земли путем установления на нее прогрессивного налога.

Свою малочисленность и политическую слабость революционеры пытались компенсировать опорой на тайные общества. При этом акцент первоначально делался на тактику заговоров и организацию локальных восстаний с использованием членов тайных обществ в качестве боевых дружин. В 1906-08 годах Тунмэнхуэй организовал четыре таких восстания. Все они завершились неудачно, и это привело к расколу организации революционеров. Эти поражения радикалов никак не повлияли на усиление другой и очень опасной для маньчжуров тенденции - нарастание среди образованных китайцев антиманьчжурских настроений. В китайском обществе сформировалось господствующее мнение о необходимости ликвида-

ции власти Цинов и перехода страны к иному более демократическому способу управления.

5. Синхайская революция и формирование нового механизма власти в Китае

Непосредственным поводом для начала революции, изменившей Китай, послужил расстрел 7 сентября 1911 г. в городе Чэнду безоружной толпы, требовавшей освобождения арестованных руководителей местного антицинского движения. В ответ на это восстали жители ряда небольших городов, поддержанные отрядами тайных обществ. Несмотря на то, что в конечном итоге их выступления были подавлены правительственными войсками, они вызвали своего рода цепную реакцию в виде вооруженных восстаний и политических акций в других китайских провинциях.

12 октября так называемые «новые войска» - наиболее современная часть армии, восстали и захватили трехградье - Ухань. Власть здесь перешла в руки радикальных революционеров во главе с Тан Хуалуном. Он провозгласил Китай республикой и призвал население перейти на сторону восставших. В знак освобождения от ига маньчжуров республиканцы срезали косы, что должно было символизировать окончательное освобождение от маньчжурской власти.

Вслед за этим революционные события охватили весь Юг, и в конце октября 1911 г. провинция Гуандун провозгласила свою независимость от Пекина. 31 октября восстали части в Юньнани, и военные вывели и эту провинцию из-под власти маньчжуров. 1 ноября о своей независимости объявила провинция Цзянси. Ситуация в стране полностью вышла из-под контроля цинского правительства. Попытка остановить восстание путем созыва «Верховной совещательной палаты», состоявший из относительно умеренно настроенных либералов-конституционалистов, власти не помогла. «Предпарламент», выражая настроения большинства китайского общества, потребовал немедленного введения конституции, снятия импе-

раторских родственников с ключевых постов, расследования убийств восставших людей на юге.

Ситуация стала для Цинов совсем критической, когда против их власти выступили еще и дивизии так называемой новой Бэйянской армии, заявившие о начале похода на Пекин. В таких условиях правительство вынуждено было обратиться к организатору этой армии и наиболее авторитетному военному деятелю - генералу Юань Шикаю, с тем, чтобы он остановил распространение революции. 2 ноября 1911 г. генерал получил посты премьер-министра и главнокомандующего всех вооруженных сил. Тем самым в его руки переходила вся армия, и он становился сильнее всех в правящем лагере.

Приход к власти в Пекине Юань Шикая означал, что в стране сложились две противоборствующие силы - одна - республиканцы господствовали на Юге, опираясь на местный бизнес и интеллигенцию, другая включала умеренных реформаторов, конституционалистов, традиционалистов-противников свержения Цинов. Эта партия господствовала на Севере и опиралась на « новые войска » и так называемую Бэйянскую армию, а также на верхушку административного аппарата. Обе стороны вступили друг с другом в переговоры, при этом республиканцы предлагали Юань Шикаю пост президента в обмен на ликвидацию им династии Цин.

Не дождавшись ответа генерала, на Юге решили действовать самым радикальным способом. 30 ноября в Ханькоу открылась учредительная конференция представителей южных и юго-западных провинций. В начале декабря ее делегаты переехали в Нанкин и взяли на себя функции высшего законодательного органа республики. Пост президента был предложен Юань Шикаю. Поскольку ответа его все не было радикалы выдвинули на пост временного президента одного из своих признанных лидеров - Сунь Ятсена. 29 декабря 1911 г. Нанкинская конференция избрала его временным президентом с условием добровольной отставки в случае согласия Юань Шикая занять этот пост.

Юань Шикай на пути к власти

Несмотря на такое высокое назначение, Сунь Ятсен реальной власти так и не получил. Созданное им в Нанкине Временное правительство оказалось неработоспособным из-за бойкота его двумя третями министров. Отпущенное ему историей время — всего сорок дней — Сунь Ятсен использовал для укрепления республиканских начал. Руководимое им правительство выработало Временную конституцию, в которой впервые в истории страны провозглашались основные политические свободы,

равноправие всех граждан, принцип разделения властей, избрание постоянного парламента и всеобщая воинская повинность. Отменялись долговое рабство и пытки при допросах, запрещались бинтование ног девочкам, курение опиума и мужская прическа с косой. Введение всех этих норм свидетельствовало о том, что китайское общество сделало огромный шаг вперед на пути модернизации.

Под давлением радикальных политических реформ, объявленных на Юге, Юань Шикай решил наконец действовать и 12 февраля 1912 г. было объявлено об отречении последнего цинского императора Пу И от верховной власти. Тем самым Цинская империя прекратила свое существование. Поскольку это произошло в год синьхай по лунному календарю, то события 1912 г. стали именовать Синьхайской революцией.

После отречения Пу И, Юань Шикай сформировал Временное правительство и стал временным президентом. Сунь Ятсен выполнил свою миссию и подал в отставку. 10 марта Временный сенат принял выработанную под руководством Сунь Ятсена Временную конституцию, согласно которой Ки-

тай признавался парламентской республикой, основанной на демократических принципах и процедурах.

Однако на этом политическая борьба двух лагерей не закончилась. Республиканцы на Юге рассчитывали, сделать парламент главной силой в государстве и закрепить это положение в постоянной конституции. Они хотели перенести столицу в Нанкин, где ощущали намного более весомую поддержку своим планам и идеям, чем на Севере.

В августе 1912 г. для участия в предстоящих выборах в парламент республиканцы образовали Национальную партию (Гоминьдан), которая должна была объединить всех их сторонников и вообще всех, кто стал опасаться возможной диктатуры Юань Шикая и сплотившихся вокруг него консервативно - монархических кругов. Эти силы выступали против радикальной модернизации китайской политики, считали, что процесс перемен должен больше опираться не на западные, а на китайские традиции в организации власти.

Гоминьдан энергично провел политическую кампанию под лозунгом перемен, и добился полной победы на парламентских выборах, состоявшихся в феврале 1913 г. Представители партии, получив явное большинство в верхней и преобладание в нижней палате, объявили о формировании однопартийного правительства, которое возглавил Сун Цзяожэнь. В ответ противники Гоминьдана, увидев угрозу своему положению и власти, стали призывать Юань Шикая вмешаться.

Этот призыв был услышан и «сильный человек» Китая, желавший установить режим личной власти, принял решение разгромить республиканцев, которых рассматривал как главное препятствие на пути реализации своих планов. Считается, что по его негласному приказу премьер-министр Сун Цзяожэнь был убит. В ответ подконтрольные Гоминьдану шесть южных провинций — Цзянси, Аньхуэй, Цзянсу, Гуандун, Фуцзянь и Хунань в июле 1913 г. объявили о своей независимости от Пекина. В свою очередь Юань Шикай отправил подчинявшиеся ему войска на Юг. Столкновения северной «новой армии» с войсками Гоминьдана получили название «второй революции». Это скорее можно назвать контррево-

люцией, так как против 40 тыс. гоминьдановских солдат Юань Шикай бросил 60-тысячную армию, которая за несколько недель сумела захватить все мятежные провинции. Казалось, что после такого разгрома, когда радикалы - республиканцы потеряли власть, революция должна была бы закончиться. Те, кто занимался Китаем в то время справедливо полагали, что и процесс модернизации страны если и продолжится, то уже в рамках умеренно-националистических программ в духе реформ Кан Ювэя, с сохранением сильной централизованной власти, а возможно даже с образованием новой конституционной монархии во главе с Юань Шикаем.

Первые же шаги победителем скоротечной гражданской войны показали, что они готовят значительное отступление от принципов республиканско-демократического строя. Контрреформа началась с закрытия всех газет республиканского толка. После своего избрания президентом 4 ноября 1913 г. Юань Шикай объявил о роспуске Гоминьдана, а затем лишил избранных депутатов от Гоминьдана парламентских мандатов. Тем самым он сумел парализовать работу парламента, так как в нем у него не было необходимого кворума.

По сути, в стране произошел новый государственный переворот, направленный на ликвидацию республиканского строя. Недееспособный парламент Юань Шикай заменил так называемым Центральным политическим советом. Эту полностью зависимую от себя структуру он образовал из провинциальной бюрократии, столичной номенклатуры и своих личных выдвиженцев. В марте 1914г. на свет появился так называемый Законодательный совет. В этот орган могли избираться лишь видные сановники, высшая номенклатура, известные ученые и юристы. В июне 1914 г. президент голосами своих выдвиженцев из им же созданных структур продлил срок своих полномочий до десяти лет без новых выборов, а также получил право называть своего преемника.

Все эти изменения в системе власти открывали дорогу, как полагали многие в Китае, к воссозданию Юань Шикаем императорской власти и основанию им новой династии. Готовясь к этому событию окружение будущего императора, развернуло

пропагандистскую кампанию под лозунгом «за возрождение старины», смысл которой состоял в том, чтобы убедить людей в необходимости восстановления монархии и непригодности республиканских западных форм политического устройства для Китая. В ходе этой кампании государственным учреждениям и ведомствам возвращались названия периода Цин и восстанавливались прежние имперские титулы.

Однако восстановить монархию Юань Шикаю так и не удалось. Его авторитет как сильного и решительного политика оказался разрушен, когда под давлением Японии он согласился принять унизительный ультиматум, который фактически превращал Китай в зависимое от Японии государство. Несмотря на то, что в ходе переговоров ему удалось снять наиболее кабальные статьи, все равно его политика уступок вызвала огромное разочарование и раздражение в глазах китайцев, а его ореол военного лидера и защитника независимости просто исчез. Юань Шикай не выдержал переживаний, связанных с потерей общественной поддержки и соответственно надежд на основание новой династии. Оказавшись под огнем критики и осуждения в июне 1916 г. он скоропостижно скончался.

Со смертью этого правителя линия развития Китая на восстановление монархии и умеренных и постепенных реформ в рамках новой империи, оказалась исчерпанной. В противовес ей на первый план вновь вышли радикальные республиканско-демократические идеи, которые получили широкую общественную поддержку. Новый президент страны Ли Юаньхун восстановил конституцию 1912 г. и собрал разогнанный Юань Шикаем парламент. В Китай вернулся из эмиграции Сунь Ятсен. Казалось, что теперь Гоминьдан как наиболее авторитетная политическая сила сможет консолидировать власть и начать новый тур реформ. Но этого не произошло, так как у республиканцев сил было явно недостаточно для осуществления контроля над всей страной. Ситуация усугублялась тем, что после смерти Юань Шикая жестко иерархическая система власти оказалась разрушена и в условиях ослабления контроля центра над провинциями военные губернато-

ры и командующие войсками на местах почувствовали себя независимыми политическими игроками, способными взять власть и ее контролировать в подвластных им районах.

Так, переход к демократической системе организации власти привел к тому, что в Китае началась довольно длительная эпоха военных правителей - милитаристов, выходцев в основном из Бэйянской армии – опоры Юань Шикая, которые немедленно превратили страну в поле для взаимной борьбы. Они заключали коалиции, защищались и нападали с одной лишь целью увеличить свою власть, доходы и влияние. Китай фактически оказался разделен на север и юг. На севере господствовали Аньхойская, Чжилийская, а позже Фэньтянская военные клики, на юге же ситуация развивалась несколько иначе, хотя и там военные играли основную роль в политическом процессе. После того как премьер-министр Китая и по совместительству один из лидеров Аньхойской клики Дуан Цижуй распустил парламент выступавший против вступления Китая в Первую мировую войну, многие депутаты бежали из Пекина на Юг в Гуанчжоу. Там Сунь Ятсен собрал местных политиков, членов Гоминьдана из распущенного парламента, а также южных милитаристов и в конце июля 1917 года сформировал правительство, известное как правительство защиты конституции. 3 октября 1917 г. Сунь Ятсена избрали «генералиссимусом» Южного Китая. Однако вскоре под давлением южных милитаристов, которые пытались диктовать Сунь Ятсену что надо делать, тот был вынужден уехать в Шанхай. Его триумфальное возвращение к власти произойдет уже после окончания Первой мировой войны.

Глава IV. Страны ЮВА и особенности процесса их модернизации

1. Общие явления в странах ЮВА в начале модернизации

Особенность модернизации в странах Юго-Восточной Азии состояла в том, что они вступили на этот путь существенно позже, чем страны Восточной Азии и происходил этот процесс в несколько иных условиях, чем в Японии и Китае. Реальные перемены стали развиваться в этих странах только после того как в большинстве своем они потеряли независимость и превратились в колониальные владения или протектораты европейских держав. Только тогда, когда внутри социальной мозаики колониальных сообществ и протекторатов стали постепенно появляться первые группы европейски образованных людей, сформировавших тонкий слой национальной интеллигенции, вопросы общественного переустройства встали во всех этих странах на повестку дня.

В малочисленном, но довольно влиятельном европейски образованном социальном слое, который постепенно сложился в большинстве стран ЮВА, активно обсуждались, подчерпнутые во время обучения на Западе либеральные концепции, популярны были и идеи социалистов, тем более, что они самым прямым образом связывались с освобождением от колониальной власти. Чем - то ситуация в странах Юго-Восточной Азии напоминала Индию, как и там повсюду в зависимых и колониальных владениях в ЮВА так называемая «новая интеллигенция» активно занималась просвещением людей, но главное формулировала и выдвигала перед колониальными властями различные варианты необходимых обществу перемен.

Именно в этом тонком социальном слое происходила так сказать первоначальная модернизация национального созна-

ния и постепенно через общественно- политическую деятельность наиболее ярких интеллектуалов новые представления распространялись по всему национальному сообществу. Из рядов «новой интеллигенции» выдвигались лидеры, которые формировали вокруг себя идейно-политическое пространство, в котором рождались националистические политические структуры, способные в той или иной степени оказывать давление на колониальные власти в направлении проведения желаемых реформ.

Свой радикализм в разрушении традиционного порядка и в замене его европейскими институтами новые интеллектуалы объясняли не желанием превратить свою страну в подобие Европы, или наладить отношения с колониальными властями, а жизненной необходимостью догнать и перегнать колониальные державы, для того, чтобы добиться самостоятельности и независимости. Они утверждали, что благодаря новым знаниям и новым технологиям и новым возможностям для экономического роста общества в ЮВА станут равными или даже сильнее европейцев. При этом повсюду в ЮВА всегда приводили в пример Японию, которая в этих странах считалась чуть ли не солнцем азиатской независимости и куда отправлялись многие борцы за независимость из стран Юго-Восточной Азии.

При анализе этого периода в истории стран ЮВА следует отметить, что установление зависимости большинства стран региона от европейских колониальных держав, вызвало серьезные перемены в политическом мироощущении их национальных элит. Дело в том, что в процессе борьбы за независимость возникло, причем впервые в истории этого региона, ощущение общей судьбы, общей культурно – географической и исторической близости. Из этого ощущения и возник постепенно новый глобальный регион - ЮВА, причем он сформировался не с точки зрения географии, а скорее как культурно-политический феномен конца XIX- начала XX века.

2. События в отдельных странах ЮВА, давшие импульс к переменам.

Ситуация в отдельных странах ЮВА развивалась в это время следующим образом: Сиам (Таиланд) оказался единственной страной в ЮВА, сумевшей сохранить свой суверенитет. Причина этого во многом заключалась в том, что государство тайцев превратилось в некий буфер между английскими и французскими владениями в Индокитае. В условиях непосредственных угроз независимости со стороны Великобритании на Западе и Франции на Востоке правящие круги Сиамы выбрали путь балансирования между двумя колониальными державами, при этом стараясь последовательно трансформировать и модернизировать таиландское общество. На первом этапе реформ при короле Монгкуте (1851—1868) традиционная структура власти не уничтожалась, в неё вносились отдельные изменения, не менявшие самого механизма управления. Более решительно и радикально реформирование страны стало развиваться при короле Чулалонгкорне (1868—1910). Во время правления этого монарха наиболее архаичные элементы таиландской жизни - рабство, государственная барщина, разделение крестьян на разряды были отменены. Король учредил новый аппарат управления с министерствами и департаментами, ввел единое провинциальное деление, чиновники стали получать жалованье из государственной казны, налоги в которую стали собирать уже только в денежной форме. Появились новые судебные учреждения и новый свод законов, существенно усиливший защиту индивидуальных

Король Таиланда Монгкут

интересов и частной собственности. В 1916 г. был провозглашён указ об обязательности для всех подданных короля, иметь фамилии (на европейский манер), отменена полигамия, введён григорианский календарь. В 1917 г. было основано первое в стране высшее учебное заведение — Университет имени Чулалонгкорна, а в 1921 г. введено обязательное начальное образование.

В том же направлении, что и в Таиланде развивалась ситуация в Верхней Бирме, где король Миндон (1853—1878) уничтожил механизм «кормлений» (мьоза), перевел чиновников на денежное вознаграждение, ввел единый налог —

Король Чулалонгкорн

упорядочил административное деление, отменил рабство в столичном районе. Однако, реформы Миндона и его преемника короля Тибо (1878—1885) ситуацию в Верхней Бирме изменили мало, так как встретили самое ожесточенное сопротивление со стороны окружавших трон феодальных кругов. Кровавая борьба за власть, которая потрясла в это время бирманскую столицу Мандалай, была прервана вторжением английских оккупационных войск. В ноябре - декабре 1885 г. они сумели разгромить бирманскую армию. Вслед за этим они вошли и в бирманскую столицу. 1 января 1886 г. перешедшая под английский контроль Верхняя Бирма была присоединена к Британской Бирме — провинции индийских владений Англии, тем самым единство страны, разрушенное в период первой (1823-1826 гг.) и второй (1852-1853 гг.) англо-бирманских войн и отделения Нижней Бирмы было восстановлено. На всю терри-

торию

торию страны распространилась власть британского правительствa. Однако, долгое время британское господство являлось лишь формальным, так как по всей Верхней Бирме активно действовали партизанские отряды бирманцев, которые блокировали британские посты и контролировали целые округа. Только сосредоточив более 50 тыс. солдат к началу 90-х годов британские власти сумели подавить партизанскую войну бирманцев.

Англичане превратили Нижнюю Бирму в район рисовой монокультуры, причем для расширения посевных площадей они стали раздавать бесплатно большие участки неосвоенной земли, которые переходили в собственность тех, кто обязывался их обрабатывать. В результате здесь появились крупные земельные собственники, причем по большей части это были индийцы, которые получив и освоив земельные наделы, сдавали их в аренду. Сами они превращались в помещиков, а бирманцы становились в основном крестьянами - арендаторами.

В Верхней Бирме лучшие земли также были объявлены собственностью государства. Но здесь в значительной мере сохранилось старое мелкое феодально-помещичье землевладение, была распространена феодальная издольщина. Приход в Бирму тысяч индийцев, в том числе крупных землевладельцев и помещиков, вызвали неприятие и протест большинства бирманцев, создал почву для нового подъема антиколониального движения. Это подъем выразился в том, что началось формирование буддистских ассоциаций, объединившихся в 1906 г. в Буддистскую

Король Бирмы Миндон

ассоциацию молодежи (БАМ). Буддийская религия, которую исповедовало большинство населения страны, оказалось (как в Индонезии ислам) тем знаменем, вокруг которого сплотились разнородные политические силы, положив начало антиколониальному движению. В годы первой мировой войны контроль над ассоциацией перешел к так называемым младобирманцам, которые полагали, что необходимо проводить не только просветительскую, но и политическую деятельность и бороться за расширение гражданских прав населения страны.

Правящие круги Вьетнама в отличие от Таиланда и Бирмы пошли несколько иным путем в защите своей власти и национальной независимости. Они стремились не столько провести реформы, сколько закрыть страну от иностранных влияний. Такая политика, однако, ошутимого успеха им не принесла, тем более, что вьетнамские власти проводили крайне жестокую политику в отношении местных католиков и европейских миссионеров, проникавших в страну. Франция, которая рассматривала себя как защитница вьетнамских христиан, еще с времен Александра Де Рода и Пинье де Баэна, после убийства одного из епископов-миссионеров вмешалась в ситуацию и высадила свои войска на Юге Вьетнама, где католиков было особенно много. В 1859 г. был захвачен Сайгон, а через несколько лет войны и весь Южный Вьетнам, где французы образовали колонию Кохинхина. Укрепив свою власть на Юге весной 1882 г. французские силы двинулись на Север и захватили Ханой, и в августе 1883 г. навязали вьетнамскому императору договор о протекторате.

В ответ в стране развернулось широкое антиколониальное движение, в поддержку императорской вьетнамской династии которое, несмотря на отдельные успехи, постепенно было подавлено. Окончательно Франция утвердилась на Севере Вьетнама после поражения Китая в войне 1884—1885 гг. и отказа Пекина от прав сюзерена в отношении Вьетнама.

В 1887 г., из разорванного на три части (Тонкин, Аннам и Кохинхина) Вьетнама и Камбоджи был создан Индокитайский союз, к которому в 1893 г. был присоединен Лаос. Формально колонией являлась лишь Кохинхина (южная часть

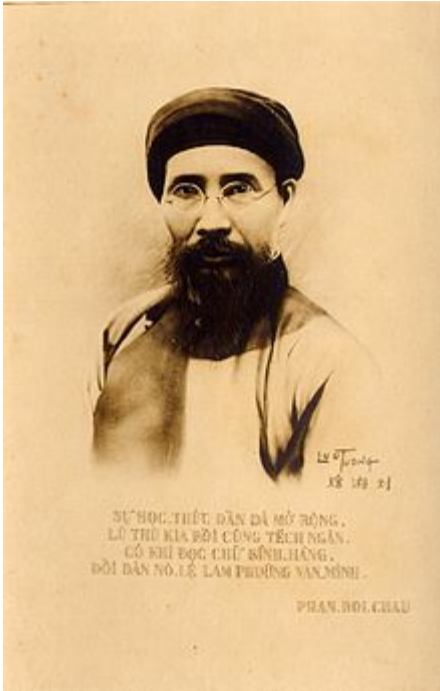
Вьетнама), остальные части Индокитайского союза стали протекторатами Франции. Во главе Индокитайского союза стоял французский генерал-губернатор с очень широкими полномочиями. В то же время в императорской столице Хюэ по-прежнему находился вьетнамский император (вуа), а в Пномпене и Луангпранге соответственно камбоджийский и лаосский короли. При дворе этих традиционных сюзеренов находились французские верховные резиденты, которые собственно и решали все ключевые вопросы управления. Особенность французского подхода к управлению во Вьетнаме заключалась в том, что метрополия стремилась всячески законсервировать традиционную систему отношений и институтов. В сельской местности, перемены были минимальны, община была оставлена в руках деревенской верхушки, а земельные владения помещиков остались в их руках. В административном аппарате в Аннаме и Тонкине, чиновники, как и раньше, сдавали конфуцианские экзамены на должность, подчиняясь теперь не только вьетнамскому королю, но и французскому комиссару. Французскую администрацию вполне устраивало отсутствие перемен, так как с точки зрения колониальных властей так лучше обеспечивалась политическая стабильность и осуществлялась основная форма эксплуатации Вьетнама - сбор налогов с крестьянских хозяйств. Раньше эти налоги поступали в королевскую казну, а теперь в распоряжение французских колониальных властей.

Только отдельные элементы в экономической политике метрополии объективно способствовали развитию Вьетнама, как например, проведение широкой ирригации и переселение тысяч людей с Севера в дельту Меконга, или строительство дорожной инфраструктуры, которое осуществлялось главным образом за счет бесплатного труда вьетнамских крестьян.

Инициатором перемен внутри вьетнамского общества, как и в других странах ЮВА, явился тонкий слой национальной интеллигенции, вышедшей из традиционных элит. Получив европейское образование, они стали формулировать модель будущего независимого Вьетнама уже не как монархии, а как демократической республики, основанной на равенстве и

справедливости. В Ханое представителями интеллигенции была открыта так называемая Тонкинская общественная школа, в которой стали заниматься по европейским программам, а книги печатались уже на куок/нги – латинице, которая стала использоваться вместо китайских иероглифов.

Цель обучения в этой школе формулировалась как борьба со старыми традициями с консерватизмом и с неприятием нового. Запрос на модернизацию во вьетнамском образованном обществе был настолько велик, что за короткое время ее стали посещать почти 2 тыс. учащихся.

Фан Бой Тяу- радикальный вьетнамский реформатор

Французские власти с подозрительностью относились к деятельности Тонкинской общественной школы и при первой же возможности в 1907 г ее закрыли. Французская администрация стремилась максимально затормозить модернизацию сознания и основных представлений вьетнамского общества, справедливо полагая, что его новые образованные слои будут требовать независимости и свободы.

Французам было намного

проще иметь дело с традиционной архаичной элитой, которая в целом оказалась очень удобной в управлении и Аннамом и Тонкином. Движение молодых вьетнамцев Донг Зу (на Восток), в рамках которого студенты отправлялись на учебу в Японию, также было запрещено, а любые предложения интеллектуалов о проведения реформ рассматривались как угроза колониальным властям.

В образованном вьетнамском обществе в это время можно выделить традиционалистов, рассчитывавших на то, что выступавший против французов принц Конг Дэ одержит победу и восстановит независимую монархию, радикалов во главе с Фан Бой Тяу ставивших на первый план необходимость освобождения страны от власти Франции и строительства демократической республики и либералов, выступавших за необходимость просвещения народа, сотрудничества с французами, перенимания у них всего нужного и полезного для вьетнамцев.

Также как и в Китае после смерти Юань Шикая традиционалисты во Вьетнаме окончательно сошли с политической сцены после того, как восстание Конг Дэ завершилось неудачей, тем более, что позже этот принц и сам стал сотрудничать с французскими властями. У радикалов - сторонников Фан Бой Тяу оказались совершенно другие перспективы. В феврале 1912 г, на территории Южного Китая при поддержке китайского республиканского правительства Сунь Ятсена была созвана конференция вьетнамцев выступавших за вооруженную борьбу против французской власти. На ней было создано Общество возрождения Вьетнама («Вьетнам куанг фук хой»), главная цель которого формулировалась так : «изгнать французских захватчиков, восстановить былую независимость страны и провозгласить демократическую республику». Либеральное направление ассоциируется с деятельностью вьетнамского либерала - просветителя Фан Тю Чиня, который основную причину тяжелого положения вьетнамцев видел в

Фан Тю Чинь - сторонник либерального реформирования

преступлениях вьетнамских же чиновников и феодалов, «злоупотреблявших своими правами, развращавших национальные нравы». Франция, писал Фан Тю Чинь в письме французскому генерал-губернатору Полю Бо, должна инициировать серьёзные реформы во Вьетнаме: выбирать способных чиновников, реформировать законодательство, отказаться от системы конкурсных экзаменов, развивать европейскую образовательную систему, поощрять промышленное и торговое образование. Если эти реформы будут осуществлены, тогда Вьетнам будет удовлетворен и спокоен, а его единственным опасением будет уход Франции». В 1911 г. Фан Тю Чинь, которого в 1908 г. обвинили в разжигании так называемого движения против налогов был освобожден из заключения и отправлен во Францию, где в конце первой мировой войны он вместе с другими эмигрантами - единомышленниками создали «Ассоциацию вьетнамских патриотов», к которой присоединился и будущий лидер вьетнамского сопротивления Хо Ши Мин.

Малайские султанаты, расположенные на Малаккском полуострове оказались в сфере британского влияния еще с 1826 года, когда была образована британская колония Стрейтс-сэтлментс, включавшая в себя Сингапур, Малакку, Пенанг и провинцию Уэлсли. Подписанный в 1874 году Пангкорский договор с султанатом Перак, означал возобновление британской экспансии в Малайе. В соответствии с договором британский советник получил право давать рекомендации султану Перака, который таким образом превращался в зависимого от британских властей правителя. По примеру Перака были заключены такие же соглашения с султанатами Селангор, Негри-Сембилан и Паханг. В 1909 г. Англия вынудила Сиам (Таиланд) отказаться от верховной власти над северными малайскими княжествами (Кедах, Перлис, Келантан, Тренггану) и назначила туда своих советников, а в 1914 г. процесс «собрания» малайских княжеств завершился тем, что британский советник появился и в южномалайском султанате Джохор.

Территории, вошедшие в состав Британской Малайи, были разделены на несколько категорий. Остров Пинанг, Малакка,

Провинция Уэлсли, Сингапур, острова Диндинг остались в колонии британской короны Стрейтс сетлментс. Остальную часть Малайи занимали девять княжеств (султанатов), имевших статус английских протекторатов. Формально во главе каждого из них стоял местный султан, но вся реальная власть находилась в руках состоявшего при нем английского резидента. Эти девять княжеств, в свою очередь, делились на две группы — федерированные и нефедерированные султанаты. Во главе четырех центральных княжеств, объединенных в Федерацию, стоял английский генеральный резидент. Четыре северных княжества и одно южное, оставшиеся за пределами Федерации, подчинялись непосредственно английскому губернатору. Султаны нефедерированных княжеств пользовались несколько большими правами, чем правители федерированных. Внутри султанатов англичане сохранили традиционную систему: старосты деревень, главы мукимов-округов, министры при дворах султанов. Все эти местные чиновники состояли на английском жаловании. Каких-либо серьезных реформ, которые могли бы изменить малайский мир англичане старались не проводить. В результате получилось, что малайцы оказались в стороне от бурного развития своей собственной страны, так как и создание плантационного хозяйства и развитие бизнеса и городов и формирование местного предпринимательского класса шло за счет интенсивной миграции в первую очередь китайцев, а также индийцев на территорию этого британского владения. В результате к концу первой мировой войны численность китайцев и индийцев в Малайе лишь немного уступала численности коренного населения, которое продолжало жить главным образом в сельской местности, сохраняя традиционные обычаи и отношения. В результате колониальной политики в Малайе складывались как бы два параллельных мира: в городах и на плантациях селились китайцы, которые господствовали в новых секторах экономики, а на селе оставались малайцы, которые продолжали жить в своем, мало менявшемся мире.

В истории Индонезии конец XIX века время, когда практически все части будущей территории страны оказались под

контролем голландцев. Постепенное завоевание все новых и новых островов закончилось к 1905 г., когда более чем тридцатилетняя война голландцев с султанатом Аче привела к его поражению. После этого под властью Нидерландов оказалась огромная территория (более 1.9 млн. кв. км) с населением около 40 млн. человек.

В отличие от прочих колониальных держав, жестко охранявших свои владения от проникновения «чужого» капитала, Голландия применяла в Индонезии политику «открытых дверей». Все таможенные барьеры против ввоза иностранных товаров и капиталов были сняты, вывоз товаров и капиталов, предпринимательскую деятельность на территории Индонезии иностранные предприниматели могли осуществлять на равных правах с голландскими. Благодаря этому в 1913 г. на долю Британской империи приходилось около 40% индонезийского экспорта, а на долю Голландии — только 28%, далее следовали Япония, Франция, Германия. Создавались и смешанные, чаще всего голландско-английские компании (например, гигантская нефтяная компания «Роял Датч Шелл»). Собственно индонезийский бизнес, находившийся по большей части в руках местных китайцев, развивался чрезвычайно медленно, так как в условиях открытых рынков не мог в полной мере конкурировать с импортными товарами.

В это время особенно широко развернулась деятельность иностранных компаний во Внешних владениях. Приобретая там за бесценок обширные территории, они организовывали крупные плантации кофе, чая, сахарного тростника, табака, каучука. Из-за нехватки рабочих рук в этих малонаселенных областях прибегали к ввозу завербованных кули из Китая или Явы.

Что касается собственно индонезийского мира, то перемены происходили в нем очень медленно. Если в городах постепенно росла прослойка европейски образованной национальной интеллигенции, то социальные отношения на местах носили в основном феодальные черты, крестьяне несли возложенные на них традиционные повинности и даже их восстания против властей принимали обычно религиозно-

мессианскую окраску. В 1903 г. голландцы несколько расширили возможности индонезийцев участвовать во власти. Был принят закон о децентрализации, в соответствии с которым в провинциях были созданы совещательные советы, избираемые ограниченным числом европейцев, в которые могли быть избраны и индонезийцы. Несколько расширен был доступ выходцам из привилегированных слоев индонезийцев к низшим должностям в колониальной администрации, практически везде так называемые туземные регенты (уездные начальники) стали набираться из числа влиятельных местных жителей. В Индонезии национальная интеллигенция сформировалась главным образом на основе традиционных аристократических элит. Произошло это в силу того, что вплоть до начала XX в. только аристократам, (прияи) было доступно европейское образование. Позднее состав индонезийских интеллигентов стал более пёстрым. Но все они, независимо от происхождения, как правило, были носителями националистической идеологии, причем не в форме возвращения к традиционным порядкам, а, наоборот, в форме радикальной модернизации, переустройства на демократических началах национальной жизни, строительства одного большого государства на месте бывших княжеств.

В мае 1908 г. ученики медицинской школы в Батавии (Джакарте) создали первую индонезийскую национальную организацию Буди утомо (Высокое стремление). Именно ей принадлежала инициатива использования малайского языка как межнационального языка для всего Индонезийского архипелага. Другим ранним объединением индонезийской интеллигенции, также возникшим в 1908 г., являлось Индийское объединение — союз индонезийских студентов, учившихся в Голландии. В 1912 г. был образован Сарекат ислам (Союз ислама), организация, превратившаяся в одну из первых массовых политических структур Индонезии. В том же году образовалась и так называемая Индийская партия, большинство членов которой составляли индо — люди, родившиеся от браков голландцев (и вообще европейцев) с местными женщинами. Запрещенная колониальными властями в 1913 г.

Индийская партия первой выдвинула лозунг о независимости страны.

За несколько месяцев до начала первой мировой войны, в мае 1914 г. было основано Индийское социал-демократическое объединение (ИСДФ) — первая социал-демократическая организация не только в Индонезии, но и во всей Азии. ИСДФ было неоднородно по составу. Часть его членов ориентировалась в политике на правых голландских социал-демократов, другая часть — на левых, известных под названием трибунистов. Борьба левых и правых внутри ИСДФ продолжалась до сентября 1917 г. когда правые вышли из его состава и организовали отдельную Индийскую социал-демократическую партию. К окончанию Первой мировой войны можно говорить о том, что благодаря активности национальной интеллигенции в индонезийском обществе сформировались и модель будущего независимого индонезийского государства, как независимой республики охватывающей всю территорию Нидерландской Индии, и политические организации, действовавшие для достижения этой цели.

Под их давлением голландские власти были вынуждены пойти на некоторые уступки индонезийцам и, в частности, создали в 1918 г. фолькскраад — совещательный орган при генерал-губернаторе, часть членов которого избиралась из числа местной политической элиты.

Филиппины к началу рассматриваемого периода были самой развитой и самой европейской страной Юго-Восточной Азии. Связано это было и с длительностью испанского правления и широкой христианизацией местного населения. Страна обладала довольно многочисленным образованным классом, так как испанцы и местное население хотя и были разделены социальным барьером, но барьера религиозного не существовало, а по отношению к высшим слоям филиппинцев не было также и языкового и культурного барьеров. В среде филиппинской интеллигенции, многие представители которой побывали или учились в Европе, активно проникали идеи национализма, борьбы с испанской колониальной властью. В 1892 г. в стране была создана первая национальная организа-

ция — тайное общество «Лига Филиппина». Её основателем был Хосе Рисаль. Не все участники Лиги выступали за мирный путь борьбы за независимость. Андреас Бонифасио, например, в том же 1892 г. основал тайное общество Катипунан, которое в августе 1896 г. призвало к восстанию против испанской власти. Антииспанские выступления стали охватывать одну за другой провинции главного острова страны — Лусона.

Колониальные власти в ответ расстреляли лидера Лиги Филиппин — Хосе Рисаля. В дальнейшем, однако, они пошли на переговоры с восставшими, тем более, что настроенного крайне радикально Бонифасио, убитого в 1897 г. сменил более умеренный политик — Агинальдо. В 1897 г. Агинальдо был избран президентом Филиппинской республики, 1 ноября 1897 г. во временной столице республики Биат-на-Бато Народная ассамблея приняла первую конституцию Филиппин. Но вслед за тем Агинальдо, получив заверения испанцев об их решимости провести реформы, а также денежную компенсацию, заключил с ними мир, призвав народ сложить оружие.

Но в это время в борьбу за Филиппины вмешалась новая сила — США, которые стремились распространить свое влияние по всему Тихому Океану. В Вашингтоне увидели в филиппинских событиях возможность укрепиться в важном пункте огромного тихоокеанского региона. 1 мая 1898 г. к Манильской бухте подошла американская эскадра и расстреляла стоявшие там устаревшие испанские военные корабли. Путь для испанских подкреплений из метрополии был отрезан. Вслед за этим американский военный корабль высадил на Филиппинах уехавшего ранее в Гонконг Агинальдо и его соратников, которые немедленно возобновили борьбу с испанцами. 12 июня 1898 г. в г. Кавите вновь была торжественно

Андреас Бонифасио - радикальный сторонник филиппинской Независимости

провозглашена независимость Филиппин. К августу 1898 г. почти весь архипелаг усилиями филиппинских вооружённых

Хосе Рисаль идеолог филиппинской независимости

отрядов был очищен от испанцев. В их руках оставалась только Манила. На волне этих успехов в сентябре 1898 г. в стране была принята новая конституция, которая являлась одной из наиболее демократических конституций той эпохи. Но, несмотря на все усилия, реальной независимости филиппинским повстанцам добиться в то время не удалось. В соответствии с Парижским мирным договором, заключённым в декабре 1898 г., Испания уступила США Филиппины

за компенсацию в 20 млн. долл. После подписания договора на островах высадились войска США, что означало начало колониальной войны против Филиппин. Численность американских войск на островах увеличилась с 8.5 тыс. до 65 тыс. человек к ноябрю 1899 г.

Подавить сопротивление филиппинцев оказалось непросто, поэтому, летом 1900 г. в Манилу прибыла из США, так называемая Гражданская комиссия. Перед ней была поставлена задача - провести реформы и привлечь на сторону США ту часть местной элиты, которая не признавала американского господства и поддерживала восставших. В 1903 г. по рекомендации комиссии был образован местный парламент, состоявший из двух палат. Нижняя выборная палата — Ассамблея имела право принимать законы, но они подлежали утверждению верхней палаты (Комиссии), которая назначалась, а не выбиралась и где преобладали американцы, а губернатор, вообще, мог наложить на любой закон вето.

Захватив власть на Филиппинах, американцы действовали иначе, чем англичане или французы в других странах

ЮВА - они намного более широко допустили филиппинскую верхушку к службе в колониальном аппарате и тем самым привлекли многих ее представителей на свою сторону, интегрировав их в систему административного управления. В 1907 г. они разрешили даже создать Националистическую партию, которая официально объявила своей целью достижение независимости. Результатом такой политики сотрудничества стал реальный компромисс новых колонизаторов с местной элитой, которая получила широкие полномочия во внутренних делах, сохранила в неприкосновенности аграрную систему латифундий, гарантировавших ее господство в стране.

Восстание крестьян без поддержки влиятельных сторонников из числа правящей верхушки постепенно сошло на нет. Политическая стабильность на Филиппинах была восстановлена, традиционная филиппинская элита, хотя и не добилась независимости, получила при власти американцев намного больше прав и возможностей влиять на развитие страны, чем это было при испанцах. Поэтому долгое время освободительное движение на Филиппинах было существенно слабее, чем, например, в Индонезии или Бирме. Тем не менее, еще до окончания Первой мировой войны в стране стали распространяться требования предоставить независимость. В 1917 г. сторонники независимости и филиппинских свобод создали Демократическую партию, как противовес партии националистов и консервативному крылу национальной элиты, которые выступали в целом за сохранение власти США.

Глава V. Индия: Модернизация в рамках колониального режима

1. Перемены в религиозном сознании

Особенность модернизации Индии и отличие ее от стран Восточной Азии и прежде всего Японии и Китая, заключалось в том, что в индийском обществе перемена взглядов на природу власти и формы ее организации происходили тогда, когда страна уже потеряла независимость и оказалась под властью британского правления. Политическое поле жестко контролировалось колониальными властями, и реформаторская часть интеллектуальной и административной элиты не могла свободно реализовывать свои планы и идеи. Борьба за модернизацию происходила и как конфликт между сторонниками прозападных перемен и традиционалистами, и как борьба национальной элиты с колониальным режимом.

Другая особенность модернизации в Индии заключалась в том, что религиозный фактор играл огромную роль в жизни индийцев. Причем в отличие от Ирана и Турции здесь существовала не одна, а две ключевые религиозные доктрины - индуизм и ислам. Отношения носителей этих двух религий друг к другу было сложным и противоречивым, Каждая формировала свою собственную элиту со своим видением будущего.

Еще одна особенность заключалась в общем характере британского колониального режима, который был прагматичен и сочетал в себе жесткую административную власть с одной стороны, а с другой заинтересованность в сотрудничестве с индийской элитой для максимально эффективной эксплуатации Индии. Снижение издержек управления предполагало постепенный процесс втягивания индийских элит в систему власти, при их безусловном подчинении колониальной администрации. Таким способом англичане сами того не желая, формировали условия для модернизации индийского общест-

ва, причем как в сфере гуманитарной, так и в изменении реальных условий жизни и хозяйствования миллионов людей. Они, например, не только запретили старинный обычай саможжения вдов (сати) и фактически уничтожили секту тхагов (душителей), поклонявшихся богине Кали и совершавших ритуальные убийства по религиозным мотивам, но и ликвидировали внутренние таможи, провели реформы в аграрной сфере, в образовании и судопроизводстве. Наконец английские инвестиции дали толчок к развитию сети железных дорог, ирригационному строительству и плантационному хозяйству.

Из всех вышеназванных факторов определявших специфику модернизации в Индии, религиозный фактор, а именно революция идей и религиозного сознания индийцев сыграл ключевую роль в начале эпохи перемен. Важные изменения в индуизме начались, когда Даянанда Сарасвати, брахман из Гуджарата, основал в 1875 г. в Бомбее индуистское социально — религиозное реформистское движение Арья-самадж и выдвинул лозунг - «назад к ведам».

Он призывал к «очищению» индуизма от всех позднейших наслоений и возврата к первоначальной простоте ведийских гимнов. Он же выдвинул тезис о том, что в ведах нет оправдания концепции превосходства какой-либо из варн. Впоследствии идеями о том, что все варны равны, воспользовались практически все крупнейшие индийские религиозные реформаторы. Так, например, Свами Вивекананда вслед за своим учителем - Рамакришной считал, что «каждая человеческая личность является божественной сама по себе». Он убеждал индийцев, особенно после своего возвращения из США в 1897

Свами Вивекананда - религиозный реформатор

г., в том, что они способны к самостоятельному креативному действию, что они ничем не уступают американцам и европейцам, утверждал так называемую новую этику силы, характерную, как он считал, только для свободных людей. Он также выступал сторонником равенства всех варн и пользовался огромным авторитетом и среди простых индийцев и среди интеллектуальных слоев общества.

Бал Гангадхар Тилак - индийский радикальный политик и борец за независимость

Новые взгляды, сформулированные реформаторами индуизма, создали условия для реформирования политической идеологии индийского общества и в первую очередь подвели его к необходимости демократизации, отмены разделяющих его барьеров к осознанию его внутреннего единства. Другая важная мысль, которая вышла на передний план в обновленном религиозном сознании, стала так называемая концепция ненасилия, восходившая к ведам к идее ахимсы, то есть непричинения вреда живым существам, мыслям и чувствам других.

Впоследствии она была переработана Махатмой Ганди в концепцию сатьяграхи, которая сильно повлияла и на формирование идеологии индийской политической элиты, и на характер освободительной борьбы в стране. Эта борьба происходила по большей части путем постоянного активного давления на колониальные власти, когда довольно сплоченное и активное индийское политическое меньшинство, привлекая на

свою сторону простых людей и опираясь на них, оказалось способным влиять на проведение реформ. Массовые кампании неповиновения британским властям оказались довольно эффективным средством давления на английских колонизаторов, чтобы вынудить их идти на те, или иные реформы. Такие кампании стали характерной особенностью политического процесса в Индии.

2. Формирование политических партий и политического пространства Индии

Началом политического процесса западного типа можно считать появление в Индии первых организаций националистов выступавших за проведение политических реформ и расширение прав индийцев. Они возникли в Бенгалии и Бомбейском президентстве, где получили поддержку со стороны предпринимателей, которые остро ощущали свое неравенство по сравнению с английскими компаниями. Англичане, используя колониальный аппарат управления, ставили своих индийских конкурентов в неравноправное положение, вводя акцизы на индийские ткани и отменяя или вводя пониженные пошлины на ткани, импортируемые в Индию. Неэквивалентный обмен в торговых отношениях Индии с Англией привел к вывозу из страны огромного количества материальных ценностей, оплаченных ниже их стоимости.

В начале 50-х годов в Бомбее была создана Бомбейская ассоциация, а в Калькутте — Ассоциация Британской Индии, представлявшие интересы индийских купцов, чиновников местного уровня, Обе ассоциации объявили о том, что они будут защищать интересы национального бизнеса. Они потребовали снижения налогообложения и сокращения расходов колониальной администрации, прекращения дискриминации индийцев.

В 1870 г. в Махараштре была организована «Пуна сарваджаник сабха» («Союз простых людей Пуны»), а в 1876 г. в Калькутте — Индийская ассоциация. В этих, можно сказать «инкубаторах» индийской политики, среди их участников сра-

зу же возникли два направления политической борьбы. Одно – либеральное настроенное на длительное сотрудничество с англичанами и постепенное достижение независимости, и второе – радикальное, выступавшее за восстание и изгнание колонизаторов из Индии.

Либералы, лидерами которых в Бенгалии был Сурендрнатх Банерджи (1848-1925), а в Бомбее — Дадабхай Наороджи (1825-1917) и Мадхав Говинд Ранаде (1852-1904), требовали расширения представительства индийцев в совещательных органах при вице-короле и губернаторах провинций — образованных в 1861 г. Законодательных советах. Они поддерживали индийских предпринимателей, выступали в защиту индийской промышленности, за снижение налогообложения национального бизнеса. Либеральное крыло национального движения в своей борьбе прибегало главным образом к мирным акциям - с петициями обращались к британскому парламенту и местным колониальным властям, посылали специальные делегации в Англию, делали заявления в печати и принимали резолюции с требованием перемен на собраниях национальных организаций.

Радикально настроенные лидеры, поддерживая требования либералов, шли значительно дальше. Они направили основные усилия на пропаганду идей патриотизма, воспитание у индийской молодежи духа борьбы с колониальным режимом, подготовку ее к будущей активной борьбе за освобождение Индии. Основным элементом их пропаганды стали периодические издания на местных языках, которые распространялись главным образом среди учащейся молодежи, интеллигенции и предпринимателей. Постепенно признанным лидером радикального направления в общественно-политической жизни страны стал маратхский общественный деятель Бал Гангадхар Тилак (1856-1920). С 1881 г. этот политический деятель стал издавать газеты «Кесари» («Лев») на маратхском и «Махратта» на английском языках. В них Тилак и его сторонники призывали к организации массовых политических кампаний и в первую очередь кампании по бойкоту английских товаров.

Английские власти, внимательно следившие за политической борьбой среди индийской интеллектуальной элиты, приняли решение поддержать наиболее приемлемых для них умеренных либералов. Они выполнили некоторые их требования и, в частности, с 1882 г. большинство членов муниципалитетов в крупных городах стало избираться индийцами, что частично отвечало требованиям либерального крыла национального движения. Больше того, англичане пошли на то, чтобы организационно поддержать умеренных либералов, дать им возможность создать устойчивую политическую структуру, посредством которой колониальные власти рассчитывали влиять на националистическое и антиколониальное движение в целом. Поэтому колониальная администрация поддержала планы создания общенациональной индийской политической организации, которую возглавили бы либеральные националисты. Так на свет в 1885 г. в Бомбее появился Индийский национальный конгресс (ИНК), который на долгие годы стал лидером национального движения.

Первоначально Конгресс в основном объединял индийскую интеллигенцию, по крайней мере, 50% делегатов первых шести сессий Конгресса принадлежали именно к ней; 25% составляли выходцы из предпринимательских кругов; 25% — помещики. Основными пунктами экономической программы Конгресса являлись требования защиты и развития национальной промышленности, снижения налогов, создания в стране системы финансового кредита. Конгресс протестовал против дискриминационной по отношению к индийской промышленности тарифной политики колонизаторов. В политической области индийские либеральные националисты требовали ликвидации Совета по делам Индии в Лондоне, расширения состава действующего в Индии Центрального законодательного совета при вице-короле за счет индийцев, и те же нововведения они желали провести и в провинциальных советах. Такие частично выборные органы должны были получить право обращаться с запросами и протестами в британскую палату общин, где, по их мнению, нужно было сформировать постоянный комитет для рассмотрения проблем Ин-

дии. Не все эти требования были сразу удовлетворены, однако, в ходе избирательной реформы 1892 г. права индийцев на участие в выборах на куриальной основе в центральный и в местные законодательные органы Британской Индии были заметно расширены.

Поддержка англичанами умеренных лидеров национального движения поставила его радикальное крыло в сложное положение. Нигде кроме как в Махараштре, где особенно активен был Тилак, радикалы не смогли поставить под свой контроль организации конгресса. Не имея шансов в сложившихся условиях добиться легальным путем своих целей, сторонники Тилака перешли к нелегальной борьбе и террористической деятельности. На базе спортивно-патриотических обществ, находившихся под их контролем, они готовили террористические группы, которые попытались стать заметной силой в антиколониальной борьбе.

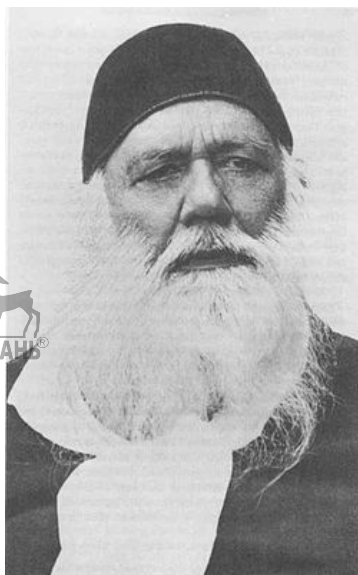
Наиболее известным стало общество «Анушилан Самити» основанное в 1902 году в Калькутте. На основе спортивного общества возникла обширная организация бенгальских националистов. Связанные с «Анушилан Самити» радикальные газеты «Банде Матарам» («За Родину») и «Джугантар» («Новый Век») призывали к немедленной независимости Индии и началу вооружённой борьбы с британской администрацией. Члены общества поддерживали бойкот английских товаров, занимались охраной митингов и собраний, но в силу своего очевидного радикализма так и не смогли найти компромисс с господствующим в конгрессе либеральным, умеренным крылом.

В 1907 году, на сессии конгресса в Сурате, бенгальские радикалы и поддерживающие их лидеры и, в том числе Тилак, были исключены из Конгресса. Неудачей закончилась и их кампания террора против британских властей. В конечном счете, англичане разгромили нелегальные структуры и арестовали их руководителей.

3. Политическая деятельность индийских мусульман

Среди индийских мусульман в последние десятилетия XIX века также происходил процесс политической консолидации. Первой мусульманской просветительской организацией стало Мусульманское литературное общество, основанное в 1863 г. в Калькутте Абдулом Латифом. В 1877 г. там же Абдулом Латифом и Амиром Али была создана Национальная мусульманская ассоциация. В начале 80-х годов ассоциация уже имела свыше тридцати отделений в Бенгалии и Северной Индии. Ее члены призывали провести радикальные перемены в исламской умме - выступали за приобщение мусульман к плодам европейской цивилизации. Активную позицию в отношении распространения среди мусульман светского образования занял крупнейший деятель мусульманского просветительства Сайид Ахмад-хан (1817-1898). Основанные им в 1864 г. Переводческое общество и в 1886 г. Мусульманская конфедерация по просвещению активно содействовали распространению среди мусульман европейской культуры и расширению применения языка урду. Англичане выступили в поддержку мусульманских реформаторов, так как справедливо рассчитывали противопоставить индийскому национализму и радикализму, организованных в политическое движение индийских мусульман, которые в силу своей относительной слабости вынуждены были бы поддерживать их власть.

Сайид Ахмад-хан - мусульманский просветитель и политик

Благодаря содействию колониальной администрации Сайид Ахмад-хан, заявлявший о себе как о противнике ИНК, по-

лучил возможность основать Алигархский колледж, где начали готовить из мусульманской молодежи людей, способных стать чиновниками английского колониального аппарата. Англичане довольно активно поддерживали формирование политического сознания среди индийских мусульман, позволяли их организациям все более активно действовать на политическом поле. Финалом этого процесса стало основание главной политической партии индийских мусульман Всеиндийской мусульманской лиги, что произошло 30 декабря 1906 г. в городе Лакхнау. Цель этой партии была сформулирована как защита в Индии прав мусульманского меньшинства от диктата индуистского большинства. Главными требованиями стали равноправие с индусами и предоставление Индии права самоуправления.

Колониальные власти, последовательно противопоставляли индусские и мусульманские политические интересы и в то же время стремились поддерживать либеральных и умеренных политиков в обоих лагерях. Так, они рассчитывали добиться изоляции наиболее радикальных элементов с той и другой стороны, и не допустить при этом потери контроля над ИНК и Мусульманской лигой. Политикой «разделяй и властвуй» они обеспечили себе как постоянных партнеров по политическому процессу, так и роль универсального арбитра в складывавшемся индийском политикуме.

Политика британских властей оказалась крайне эффективной, они нашли ключ к довольно устойчивой политической конструкции, просуществовавшей в Индии вплоть до конца Второй мировой войны. Она оказалась настолько прочной, что не пошатнулись ни при подъеме индийского терроризма в 1905-1908 гг, ни при грандиозных столкновениях мусульман и индусов во время раздела Бенгалии в 1905 г., ни при многих других последующих кризисах и катаклизмах.

Важным последствием непрерывного политического диалога английских властей и умеренных националистов из ИНК, а также и умеренных мусульманских политиков из МЛ, многие из которых получили юридическое образование в Англии, стало формирование определенной формы политического об-

щения, определенной политической традиции уважения закона и своего оппонента, понимание компромисса как основы парламентской политики. Все эти принципы, заложенные в индийскую политику в эпоху господства там умеренных, тесно связанных с британскими властями лидеров, станут в будущем важным элементом политической культуры в независимой Индии.

4. Индия накануне и во время первой мировой войны

В 1911 г. английские власти приняли решение о переносе столицы Британской Индии из Калькутты в Дели — исторический центр индийских империй последних столетий. В том же году там состоялся так называемый дарбар (съезд всех индийских вассальных князей), на котором английский король Георг V был коронован в качестве императора Индии. Юридически Индия стала называться Индийской империей и получила многие атрибуты суверенного отдельного государства —

Английский король Георг V - император Индии

правительство, армию, свой государственный аппарат, финансовую систему, а после Первой мировой войны даже международный статус — стала членом Лиги Наций. Но главой этой империи оставался английский король; управление находилось под контролем статс-секретаря (министра) по делам Индии и Бирмы в английском правительстве; генерал-губернатор, имевший почти неограниченную власть, назначался из Лондона, корпус чиновников формировался также в

Лондоне (посты занимали лица, сдавшие специальные экзамены); армия в основном набиралась внутри страны, но в ней обязательно должен был присутствовать английский контингент (примерно 30%); финансовая система строилась так, чтобы обеспечивать функционирование колониального аппарата и питать инвестициями метрополию.

Индийская империя территориально состояла из провинций во главе с губернаторами (Бенгалия, Мадрас, Бомбей, Бихар-Орисса, Центральные провинции, Соединенные провинции, Ассам, Панджаб), провинций во главе с комиссарами (Северо-Западная пограничная, Дели, Аджмер-Мервара, Белуджистан, Кург, Андаманские и Никобарские острова) и 562 вассальных по отношению к английской короне княжеств. Эти княжества подчинялись тому же генерал-губернатору, который представлял императора и поэтому носил титул вице-короля. Княжества занимали примерно 2/5 территории империи, и в них проживало около 1/3 населения. Каждое из них имело отдельный договор с британской властью, не могло вести самостоятельную внешнюю политику, а отношения между княжествами внутри Индии управлялись специальным департаментом при вице-короле. Князья должны были согласовывать все свои назначения с британским резидентом, ведавшим одним крупным или несколькими мелкими княжествами. Во внутренние дела княжеств англичане по большей части предпочитали не вмешиваться, что нередко означало сохранение традиционных форм произвола и угнетения и практически полное отсутствие там значимых перемен.

Политическое господство англичан позволяло им проводить такую экономическую политику, которая была бы выгодна, прежде всего, им самим. Английские товары в Индии практически не облагались пошлинами и наводнили всю страну. Благоприятным для экспансии британских товаров был и специально завышенный курс рупии, установленный еще в 1899 году.

Из налогов, собиравшихся в Индии, значительные суммы выплачивались в качестве жалованья колониальному аппарату, а также переводились из Индии в Англию на оплату так

называемых «домашних расходов» - на содержание Министерства по делам Индии, других ведомств, косвенно связанных с этой страной. В то же время строительство ирригационных сооружений, железных дорог, другой инфраструктуры покрывались не за счет собственно индийских средств, а главным образом за счет займов, прежде всего внешних. Таким путем Индия превратилась в постоянного должника Англии. К 1913 г. ее долг метрополии вырос до 278,5 млн. ф. ст. (3,7 млрд. рупий).

Особенностью социально-культурной жизни Индии стало то, что буквально за одно-два поколения индийская интеллигенция по большей части стала англоязычной. Причина этого состояла в том, что в стране, особенно в образовании и управлении, господствовал английский язык, без знания которого пробиться даже в самые низшие эшелоны власти индийцу было невозможно. Такое положение определило особую социальную роль образованных классов, сотрудничавших активно с англичанами - с одной стороны они оторвались от традиционной «почвы», оказались под сильнейшим влиянием британской культуры. В то же время общий язык общения вел к консолидации, укреплял чувство общности у образованных слоев разных индийских этносов, формировал единое пространство многоэтничного индийского образованного класса. Единство формировавшейся индийской интеллигенции усиливалось также тем, что подавляющую часть образованного класса Индии составляли представители брахманов, то есть духовного сословия, традиционно занимавшего особое место в индийской социальной и политической истории. В Индийском национальном конгрессе (ИНК), претендовавшем на то, чтобы представлять интересы всех слоев населения, в 1929 г. 40% членов были выходцами из брахманов. Представители этой традиционно высшей касты индийского общества воспринимались большинством индийцев как естественные лидеры, и потому им легче было вести за собой массы. Кроме того, брахманы, жившие во всех районах Индии, в большей степени, чем другие касты и социальные группы ощущали свое культурное единство и единство многообразной индий-

ской цивилизации. Их представления о будущем Индии, основанные в первую очередь на ее социо-культурном и духовном единстве, изначально рассматривали страну как единую и мощную державу с общим историческим и культурным прошлым и настоящим. Этот господствующий дискурс способствовал тому, что с самого начала ИНК позиционировал себя как общеиндийская партия, приверженная индийскому национализму и строительству единой многонациональной страны.

В 1912 г. ИНК принял новый устав, в котором было объявлено, что целью Конгресса является достижение Индией самоуправления в составе Британской империи, причем добиться этого планировали конституционными средствами. Мусульманская лига в 1913 г. в свою очередь выдвинула требование предоставления Индии статуса доминиона, то есть фактически ее цели полностью совпали с требованиями ИНК.

Обе партии, после начала Первой мировой войны, рассматривали ее как благоприятный шанс для достижения Индией самоуправления. Будучи тесно связанными с британскими властями обе главные национальные политические силы продемонстрировали в это время удивительную лояльность метрополии. Они не высказывали протестов и не вели политических кампаний ни против мобилизации, ни против военных поставок для британских войск. А ведь в ходе войны в Индии было мобилизовано 1 440 437 человек, около 1 000 000 индийских военнослужащих были отправлены за пределы Британской Индии, из которых 64 449 военнослужащих погибли.

В условиях очевидной поддержки индийской политической и интеллектуальной элитой британских усилий в Первой мировой войне английская администрация сделала шаг навстречу требованиям индийских политических сил - индийцы стали назначаться на офицерские должности в армии, был отменен и акциз на хлопок, который сдерживал развитие текстильной промышленности в стране. В августе 1917 года было даже объявлено, что целью Британии является поэтапное

формирование в Индии «ответственного правительства как неотъемлемой части Британской империи».

Индийских политиков и из ИНК и из МЛ все эти уступки англичан и возросший уровень свободы внутри страны подвели к мысли, что до самоуправления уже «рукой подать». Это ощущение неожиданно открывшихся новых возможностей и собственной силы особенно проявилась в 1916 г. в Лакхнау, где состоялся так называемый объединительный съезд ИНК, на котором произошло воссоединение либералов с фракцией радикалов во главе с Тилаком. Из Бомбея и Мадраса в Лакхнау отправились так называемые «Поезда гомруля (самоуправления)», которые проследовали через всю страну. На каждой станции устраивались митинги. Встреча поездов в Лакхнау вылилась в широкое торжество, причем его участниками были как члены ИНК, так и Мусульманской лиги. В это время в том же Лакхнау одновременно с Конгрессом проводила свои заседания и Мусульманская лига. Делегаты обеих партий встречались, участвовали в дискуссиях и в рамках съезда ИНК и съезда МЛ. На обоих съездах были приняты однотипные резолюции, которые впоследствии были названы Лакхнаускими соглашениями. Смысл их заключался в том, что обе партии требовали введения самоуправления. При этом ИНК в Лакхнау сделал серьезную уступку своим мусульманским союзникам. Он согласился на сохранение куриальной системы (против которой до этого решительно возражал), предложив выделить для мусульман некоторый процент мест в законодательных советах, значительно превышавший их долю среди населения провинций. Это была серьезная уступка мусульманам, так как акты, затрагивающие интересы религиозных общин, могли быть заблокированы любой из курий.

Лакхнауские соглашения воспринимались долгое время как победа идеи объединения усилий всех и индусов и мусульман, выступавших за введение самоуправления в Индии. Однако, сегодня такое мнение подвергается критике. Многие индийские исследователи рассматривают эти соглашения негативно, указывая, что индийские политики на съезде в Лакхнау фактически признали религиозный фактор в качестве по-

литического водораздела. Получилось, что Конгресс как-бы признал, что он являлся партией индусов, а Мусульманская лига выражает интересы мусульман. Они полагают, что именно в 1916 г. в Лакхнау были брошены семена последующего раздела страны по религиозному принципу.

Махатма Ганди

Во время Первой мировой войны в политической жизни Индии произошло еще одно знаковое событие – в страну прибыл Ганди, который своей энергией и авторитетом заметно радикализировал национально-освободительное движение, превратившись в его безусловного лидера. Он приехал в Бомбей 12 января 1915 г. уже как из-

вестный борец за права индийцев в Южно-Африканском Союзе и в том же году обосновался под Ахмадабадом (Гуджарат) в поселке, который назвал Сатьяграха-ашрам. В нем первоначально жили около 30 его ближайших последователей.

С первых дней пребывания в Индии его личность, проповедь и его идеи привлекли к нему внимание тысяч людей. Объясняют это часто тем, что Ганди сумел соединить национально-индийское мировосприятие с политическим процессом. Ненасильственная тактика борьбы, к которой он призывал, была культурно индийцам очень близка. Да и его предложение активно проводить кампании давления на власти, представлялась оригинальным и многообещающим. Уже в Индии Ганди разработал философию своей борьбы на основе традиционных морально-религиозных принципов. Он принял здесь свой ставший каноническим облик политика-святого аскета, одетого в национальную одежду, близкого к народу.

Воздержание от насилия выдвигалось им как религиозный долг, основанный на принципе ахимсы. Но ненасилие не оз-

начало отсутствие реальной борьбы. Основным методом этой борьбы он провозгласил массовый бойкот, определяя его как «ненасильственное не сотрудничество» (non-violent non-cooperation). Кампанию не сотрудничества он называл сатьяграха («упорство в истине»). Непротивление насилию со стороны правительства рассматривалось им как еще и моральный ресурс борьбы — способ поднять дух народа и деморализовать его противников. При этом сам Ганди не только боролся за индийскую независимость, но и размышлял над идеальным государством, которое он хотел построить в Индии.

В его планах на первом месте стояла идея строительства общества всеобщего благоденствия — сарво-даيه, а его идеал государственности можно сформулировать как «просвещенная анархия», основанная на самоуправлении, когда «каждый становится своим собственным правителем». Государство как носитель насилия должно было, по его мнению, просто исчезнуть. В его представлениях Индия должна была стать федерацией сельских общин, но в этих общинах должен был быть обеспечен суверенитет и права личности. Ганди понимал, что полностью ненасильственное государство в реальных условиях колониальной Индии пока недостижимо, поэтому в качестве ближайшей цели ставил задачу создать «государство, опирающееся преимущественно на ненасилие».

В экономической и социальной сфере он предлагал систему социальной «опеки»: капиталисты опекают рабочих, помещики опекают крестьян. Они обязаны, заботиться о трудящихся, за что им полагаются определенные выплаты. Ганди считал, что Индии не нужна крупная промышленность, экономика должна основываться на мелком производстве. Попытки реализовать если не всю программу, то ее отдельные части Ганди предпринял уже после окончания Первой мировой войны, когда превратился в признанного лидера национального движения.

Глава VI. Попытки модернизации османского общества (от 40-х годов XIX века и до окончания первой мировой войны)

1. Эпоха Танзимата – как пример неудачного опыта модернизации

В Османской империи попытки провести реформы в сфере политики и экономики преследовали те же цели, что и в странах Восточной Азии: укрепить государство с тем, что оно и его вооруженные силы, были бы способны защитить национальные интересы и суверенитет перед лицом более сильного европейского противника, осуществляющего политику экспансии. Для Османской империи в силу ее территориальной близости к Европе эта угроза была особенно актуальной, поэтому там попытки модернизировать по европейским образцам политическую систему и армию начались несколько раньше, чем где-либо на Востоке - на рубеже 30-40-х годов XIX века.

В то же время в отличие, например от Японии, процесс модернизации в Османской империи происходил крайне медленно, подчас непоследовательно, когда заимствовались по большей части лишь отдельные элементы из сферы политики и экономики европейских стран, которые не могли создать целостной системы перемен. Но даже осуществление отдельных, частных реформ, сопровождалось упорным сопротивлением со стороны консервативной части правящей элиты, а также исламского духовенства, и шедшим за ним мусульманским большинством. Развитие османского общества на протяжении почти семидесяти лет (если считать с начала 50-х годов XIX века и до победы кемалистов) напоминало качели реформы и преобразования, распространение новых идей и представлений - эпоха танзимата, разгром реформаторов и контрреформа - эпоха зюлюма. Вслед за этими событиями произошел новый тур реформ и явление во власть младотурков, а после их неудачи, неспособности дать толчок кардинальным переменам в империи, поражение в Первой мировой войне и распад Османского государства.

Эпоха Танзимата (от арабского танзим-приведение в порядок, упорядочивание) началась в конце 30-х годов XIX века, когда в правящей османской элите сформировалось политическое течение, выступавшее за то, чтобы заимствовать из Европы наиболее эффективные методы управления государством, модернизировать армию, ускорить развитие экономики. Сторонникам перемен удалось убедить султана в своевременности реформ, и отправной точкой в их реализации стал султанский Гюльханейский хатт-и шериф (манифест) 1839 г.

Основные положения этого реформаторского документа, открывшего эпоху Танзимата, заключались в том, что впервые в истории Османов провозглашались гарантии безопасности жизни, чести и имущества всех подданных империи. Султан обещал справедливый способ взимания налогов и ликвидацию откупной системы, гарантировал прекращение практики конфискации имущества осужденных, декларировал равенство подданных империи в их правах и обязанностях без различия вероисповедания. Вслед за этим в 1840 г. был принят новый Уголовный кодекс, положения которого были направлены на укрепление гарантий прав личности, обеспечение законности и ликвидацию административного и судебного произвола, а в 1847 г. создан уголовный суд, действовавший уже не по шариатским установлениям, а на основе нового уголовного законодательства. В стране появилась также сеть коммерческих судов, а в 1850 г. был принят и Коммерческий кодекс, существенно облегчавший ведение бизнеса, а главное усиливавший гарантии частной собственности.

События Крымской войны показали, что осторожное и постепенное реформирование османского общества явно недостаточно для возвращения Империи прежней мощи. Османы во время войны, хотя и оказались в лагере победителей, потеряли почти всю армию, а их финансовая система оказалась на грани полного расстройств. В 1854 г. Порта была вынуждена обратиться за первым займом к Англии и Франции. Средств этих хватило ненадолго, уже в августе 1855 г. банкирский дом Ротшильда предоставил Османской империи новый кредит. Условия займов были для Османской империи весьма невыгодны.

В таких условиях султан и правительство решили продолжить процесс перемен, сделав упор на земельную и администра-

тивную реформы, а также уделить больше внимания вопросам экономического развития. В 1858 г. был издан закон о земле, положения которого закрепляли результаты процесса ликвидации военно-ленной, то есть тимарной системы землевладения. Заметного расширения частного землевладения не произошло, подавляющая часть земель оставалась в руках государства или являлась вакуфной, (доходы с которой поступали исламскому духовенству или шли на благотворительность.) Государственная земля сдавалась в аренду, и ее нельзя было продавать, закладывать, дарить.

Закон о вилайетах, принятый в ноябре 1864г., предусматривал большую централизацию власти, усиливал контроль Стамбула за деятельностью губернаторов провинций. Указом султана были утверждены и специальные регламенты, определившие статус немусульманских религиозных общин — греко-православной, армяно-григорианской и еврейско-эспаньольской. Согласно регламентам, светские дела общин, находившиеся в ведении их религиозных иерархов, переходили в компетенцию создававшихся при них гражданских советов.

Османские реформаторы попытались интегрировать национальные и религиозные меньшинства, дать возможность их представителям участвовать во власти. В 1856 г. впервые в состав Высшего юридического совета были назначены христиане, в основном это были интегрированные в османскую правящую верхушку крупные греческие и армянские ростовщики или откупщики. Они составляли незначительное меньшинство в совете. Другим столь же демонстративным жестом османского правительства стало назначение в султанский кабинет министров в 1868 г. армянина Григора Агатона, которому был поручен пост министра общественных работ. В том же году в состав созданного нового высшего органа власти — Государственного совета, на который была возложена задача подготовки новых законов и важнейших правительственных постановлений, было введено 13 немусульман (из 41 члена Совета).

Все это делалось в рамках формирования концепции, так называемой османской нации. Эта концепция, по мнению реформаторов, основывалась на том, что все различные народы Империи живут по имперским законам и на общей государственной

территории, поэтому все вместе они формируют сложную полиэтническую и многоконфессиональную османскую нацию. Эта нация складывается путем слияния всех народов империи, на основе укрепления турецкого ядра и турок как основной этнической группы формирующей государство. Воплотить в жизнь эту концепцию в рамках Османской империи не удалось. Слишком велики оказались культурные и исторические и конфессиональные различия арабов и курдов с одной стороны, и болгар и сербов с другой, да и возможности политики национальной унификации, превращения всех жителей Империи в турок были явно недостаточны для успеха. Более того, как мы увидим дальше межнациональные и межкультурные противоречия, наряду с исламским консерватизмом превратились в такие преграды, о которых разбились все попытки радикальных перемен в Османской империи.

Если в сфере политического устройства процесс перемен медленно, но верно развивался, несмотря на постоянно оказываемое сопротивление со стороны консервативной части исламского духовенства и части верующих, то в сфере экономики политика османских правительств носила крайне неудачный характер. Настолько неудачный, что фактически предопределила печальное завершение эпохи Танзимата. Дело в том, что иностранные товары, поступавшие на рынок империи, облагались крайне низкими ввозными пошлинами. Они были свободны и от внутренних пошлин. В торговых договорах Османской империи с европейскими державами, заключенных в 1861-1862 гг., подтверждались права иностранцев на ввоз и вывоз любых товаров, с импортными пошлинами всего в 8% за исключением оружия, соли и табака, считавшихся османской государственной монополией.

В таких условиях местное преимущественно ремесленное производство оставалось беззащитным перед европейскими фабричными товарами. Огромный дефицит в торговых операциях с середины 50-х годов постоянно погашался с помощью внешних займов. К 1876 г. внешний долг Османской империи составил 277 млн. лир (более 6 млрд. фр.). Выплата долга обеспечивалась обычно путем передачи иностранным банкам ряда статей государственного дохода. Так султанское правительство постепенно

утрачивало контроль над финансами страны. В 70-х годах XIX в. около половины бюджетных расходов империи шло на погашение государственных займов и процентов по ним.

Как мы видим результаты длительного процесса реформ носили противоречивый характер. С одной стороны определенные перемены в жизни турецкого общества были очевидны, но с другой эти перемены не означали решительного движения в направлении модернизации, скорее это были маленькие шажки, а главные сражения за реформы сторонники перемен так и не решились начать.

В одной из первых турецких частных газет, «Тасвир-и эфкяр» («Изображение идей») реформаторы постоянно указывали на право народа «выражать свое мнение по проблемам жизни отечества», о «необходимости учета общественного мнения в государственных делах», о важности более широкого внедрения достижений Европы во все области государственно-правовой, экономической и культурной жизни. Но реальных возможностей реализовать все это они не имели, так как консервативная часть общества и правящей элиты только ждала часа для выступления против сторонников реформ.

Ситуация постепенно обострялась и наиболее радикально настроенные реформаторы сплотились вокруг идеи введения в Османской империи конституции. Они создали в июне 1865 г. тайную организацию, которая известна в истории Турции как «Общество новых османов». Это была политическая структура, насчитывавшая в своих рядах около 250 членов. В конспиративных целях она была разбита на группы по семь человек. В тайное общество вступили многие крупные гражданские и военные чиновники. По своему характеру и целям оно напоминало масонскую ложу, и было хорошо законспирировано. Главным своим противником новые османы видели религиозно-традиционалистскую оппозицию, которая не давала им возможности идти дальше по пути перемен.

Первый кризис, который чуть не погубил общество новых османов, произошел в мае-июне 1867 г., когда после провалившегося смещения правительства Али-паши, которое они инициировали, арестовали несколько десятков членов и приверженцев тайного общества — крупных военачальников, чиновников,

преподавателей медресе и светских школ, журналистов. Однако часть сторонников «новых османов» остались в высших эшелонах власти. Именно они сыграли главную роль в выработке новой политической повестки дня для османской политики - превращение империи в конституционную монархию, созыв палаты депутатов, введение ответственности правительства не перед султаном, а перед законом.

Серьезный удар по планам продолжения реформ нанесли события осени 1875 г., когда правительство объявило о своем частичном финансовом банкротстве. В 1875/76 бюджетном году доходы страны оказались уже почти вдвое меньше ее расходов. В поисках выхода из финансового тупика было решено повысить официальный размер натурального налога — ашара с 10 до 12,5%.

Эти действия привели к возмущению крестьянских масс в разных районах империи и придали импульс национально-освободительным движениям на Балканах. Волна антитурецких восстаний охватила в 1875 г. Боснию и Герцеговину, а позже и Болгарию. Хотя правительство и сумело подавить эти восстания, общественное мнение на Западе приобрело открыто антиосманский характер. Дружба с Европой, начавшаяся еще в эпоху Крымской войны сменилась ожиданием антиосманских действий европейских держав.

Слухи о грозящем вмешательстве держав подогревали антиправительственные настроения в среде софт — учащихся стамбульских медресе. В столице распространяли слухи о том, что султан Абдул-Азиз, попросил русского царя прислать 30-тысячное войско в Стамбул для охраны его особы и трона. Толпы софт ежедневно митинговали в оградах мечетей. В эти дни в оружейных лавках столицы было раскуплено множество ружей и пистолетов, так как софты стали вооружаться. 9 мая 1876 г. на площади Баязидие собралось около 5 тыс. софт и их учителей-ходжей из разных мечетей Стамбула. Они передали султану требование сместить великого визиря и шейх-уль-ислама, которых рассматривали как сторонников реформ. В таких условиях либеральные реформаторы из числа новых османов, решили ускорить ход реформ, чтобы опередить своего противника-

мусульманское духовенство и его сторонников готовых взять власть в свои руки.

Новые османы наконец-то решились действовать и организовали государственный переворот, низложив султана Абдул-

Мидхат паша - лидер новых османов

Азиза. Но взять власть в свои руки и провести радикальную политическую реформу, ограничить права султана, принять конституцию они так и не осмелились. К власти был приведен новый султан Мурад V. Принявшие участие в заговоре сторонники «новых османов» и их лидер Мидхат-паша, возглавлявший Государственный совет, рассчитывали, что они смогут добиться от нового султана провозглашения конституции. Султан, однако, ограничился,

лишь амнистией ранее сосланных «новых османов».

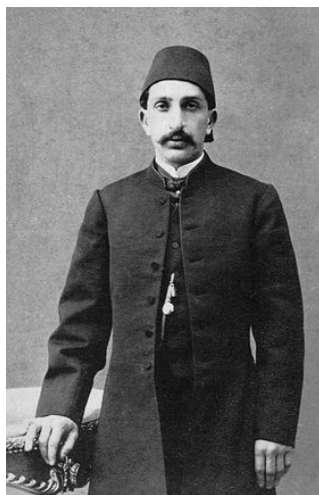
Катастрофа для новых османов наступила тогда, когда к власти вместо Мурада V пришел консерватор и традиционалист Абдул-Хамид II. Он обещал Мидхат-паше принять конституцию, однако вариант, предложенный ему реформаторами он самым серьезным образом изменил, сократив полномочия парламента и увеличив свои. Он не собирался быть конституционным монархом по европейскому образцу, однако пока власть контролировали его политические противники, вынужден был соглашаться с давлением Мидхат-паши и его сторонников. В декабре 1876 г. османская конституция была принята. Но для реформаторов это оказалось «пирровой победой». Как только Абдул-Гамид II сумел сплотить всех противников «новых османов», он начал действовать и в феврале 1877 г. сместил вдохновителя конституционной реформы с поста великого визиря. Мидхат-пашу выслали по указу султана за пределы Османской империи. Одновременно из столицы были высланы и другие активные сторонники принятия конституции.

2. Эпоха зюлюма – временная победа традиционалистов и консерваторов

Укрепив свою власть в феврале 1878 г. новый султан досрочно прервал работу палаты депутатов. Объяснил он это тем, что народные избранники вмешивались в его суверенные права и требовали отчета им султанских министров, а также объяснения

неудач империи в войне с Россией. Распустив парламент на неопределенный срок, султан обозначил наступление периода зюлюма (тирании), когда вся власть в стране находилась полностью в его руках. Почти на тридцать лет всякие реформы в Османской империи были прекращены, и на протяжении всех лет правления султана Абдул-Гамида II это огромное государство почти не менялось, оставалась в целом слаборазвитой аграрной страной, с фактически феодальным политическим режимом, в котором исламское духовенство играло ключевую роль.

Именно ислам как религиозная доктрина и духовенство как служители священного знания должны были по мысли Абдул-Гамида II поддерживать солидарность между различными по этническому происхождению, но мусульманскими по вере народами, определяя этическую и правовую культуру жизни подданных Империи. Османское государство управлялось султаном, который являлся "халифом", то есть главой всего исламского мира и на нем, как и на окружавших его исламских духовных деятелях лежала обязанность соблюдать и распространять мусульманскую веру. Султан вместе с духовенством обеспечивали следование религиозным нормам, выстраивая жизнь подданных на основе шариата - свода религиозных, бытовых правил и юридических норм, основанных на Коране. Мусульманское духовенство фак-

Султан Абдул-Хамид II - противник реформ, остановивший их на 30 лет

тически монополизировало систему образования и судопроизводства - обучало детей религиозным дисциплинам, управляло мечетями и школами и контролировало суды. Исламское образование давалось в низших школах (мектебы) при мечетях, в медресе (духовное училище) и в высших институтах теологии.

В турецком исламе особую роль играл суфизм - мистико-аскетическое направление в исламе. Каждый суфийский "тарикат" возглавлялся шейхом, религиозным наставником. Те, кто поступал в дервишские ордена, назывались мюридами. Члены ордена были обязаны жить в набожности и бедности, воздерживаясь от материальных благ и существуя на зекат - милостыню. Главным центром их поклонения была тюрбе - усыпальница основателя ордена, который почитался как святой. Наибольшим влиянием в Османской империи пользовались два суфийских ордена - Мевлеви и Бекташи, существовавшие еще с XIII века.

Положение исламского духовенства в период правления Абдул-Гамида II, было двояким. С одной стороны разгром конституционного движения и сторонников светского государства усилил позиции исламских религиозных деятелей, но с другой, будучи крайне консервативными и отказываясь признать необходимость реформ, они все больше изолировались от интеллектуальных и культурных перемен и, в конце концов, оказались закрытыми для прогресса. В османском обществе духовенство в своем большинстве оказалось на крайне правом фланге социально-политической жизни, а ее представители превратились в злейших врагов для нового поколения либеральных реформаторов.

Хронический кризис Османской империи, когда государство оказалось в долговой зависимости от европейских держав и банков, в эпоху правления Абдул Гамида II, не только не уменьшился, а только стал еще острее. Империя тратила денег больше, чем имела и поэтому вынуждена была продолжать брать кредиты в странах Европы. В конце концов, долгов стало так много, что османы уже не имели возможности их оплачивать в полном объеме. В декабре 1881 г. был опубликован указ султана, который объявил о создании Администрации оттоманского публичного долга. В административный совет этой новой организации вошли представители Англии, Франции, Германии, Италии, Авст-

ро-Венгрии, местных кредиторов Порты и Османского банка. Эта организация получила право с помощью собственного аппарата собирать в различных районах Османской империи отдельные государственные налоги и пошлины с целью обеспечить выплаты по внешнему долгу.

В 1882 г. в распоряжение этой администрации были переданы доходы от табачной и соляной монополий, гербовый сбор и сбор от спирта, право сбора десятины в ряде крупных городов и провинций. В дальнейшем этот список только пополнялся по мере усиления зависимости страны от внешних инвесторов.

Жесткий политический режим нового султана не смог искоренить либеральные воззрения у части правящей турецкой политической и военной элиты. Именно в этой среде сформировалось новое поколение реформаторов, стали возникать первые группы так называемых младотурок. Центром их притяжения стала газета «Мешверет» («Дебаты»), первый номер которой вышел в свет в Париже в декабре 1895 г. Там, в частности, была опубликована программа общества «Единение и прогресс», ставшая позже главной доктриной младотурок. В этой программе новые реформаторы выступили за неделимость империи, невмешательство иностранных держав в ее дела, за реформы с целью достижения прогресса страны, за равенство всех подданных империи без различия вероисповедания и национальности. Главной целью своей борьбы они объявили необходимость восстановления конституционного строя и созыв парламента.

Первый конгресс сторонников общества «Единение и прогресс» состоялся в Париже 4-9 февраля 1902 г. В собрании участвовало 60-70 (по другим сведениям — 47) человек. В его резолюции говорилось о необходимости борьбы с султанским режимом и иностранным вмешательством, о том, что следует децентрализовать административное управление и предоставить широкие полномочия местным властям.

Султан и его окружение почувствовали возросшую активность оппозиции и в армейской среде. Там быстро росло число сторонников младотурок. Власть начала расследование, готовились аресты офицеров - выступавших в поддержку требований общества «Единение и прогресс». В таких условиях сторонники перемен начали действовать - Ниязи-бей — офицер гарнизона в

Ресне, руководитель одной из конспиративных групп младотурок с отрядом в 200 человек ушел из казарм в горы. К восставшим быстро присоединялись офицеры с отрядами солдат-повстанцев из других гарнизонов. Султан попытался двинуть против них верные ему части, но они одна за другой стали открыто присоединяться к восставшим. Вскоре повстанческие отряды и присоединившиеся к ним воинские подразделения повсеместно начали брать в свои руки власть в Македонии.

3. Младотурки - еще одна попытка реформ

Под впечатлением успеха восстания младотурок султан и имперское правительство вынуждены были объявить о восстановлении конституции 1876 г. и пообещали созвать палату депутатов. Однако этого было уже недостаточно для сохранения власти и стабилизации ситуации в стране. Во многих городах Империи в эти дни проходили массовые митинги в поддержку конституции. Повсеместно из тюрем освобождали политзаключенных. В октябре 1908 г. состоялся конгресс общества «Единение и прогресс», который принял решение о его преобразовании в политическую партию. Конгресс принял программу партии в духе основных программных установок младотурок: ограничение прав султана и расширение полномочий парламента, ответственность министров перед парламентом, право депутатов на внесение законопроектов, снижение возрастного избирательного ценза до 21 года, изъятие из конституции права султана на высылку неугодных ему лиц. Программа провозглашала свободу слова, печати и собраний. К национальному вопросу программа подходила в духе доктрины османизма, что сразу ограничивало сферу ее поддержки в основном турецким большинством.

Мусульманское духовенство и те, кто шел вслед за ним, выступили резко против программы младотурок. Они попытались поднять мятеж против новой младотурецкой правящей верхушки, используя для этого верных им солдат стамбульского гарнизона. Выступление началось в ночь с 12 на 13 апреля 1909 г. и его участниками стали как приехавшие в Стамбул улемы с зелеными знаменами ислама, требовавшие полного соблюдения шариата, так и офицеры, уволенные из армии младотурками. Число

мятежников быстро достигло 30 тысяч. В городе начались расправы с офицерами, считавшимися приверженцами младотурок.

Однако успех традиционалистов был временным, так как после перегруппировки в Салониках младотурки и верные им части, в которых насчитывалось около ста тысяч человек, вернулись к Стамбулу и после упорных боев взяли город. Вслед за этим было объявлено о низложении Абдул-Гамида II и лишении его сана халифа.

Лидеры младотурок Энвер паша, Талаат паша и Джемаль паша

Позже, во время сессии парламента младотурки провели в палате депутатов ряд важных изменений конституции 1876 г. Султан был лишен права назначать и увольнять министров, распускать и созывать парламента, высылать из страны неугодных ему лиц. Значительно были расширены права парламента. В области внутренней политики младотурки также осуществили ряд реформ. Они провели реорганизацию армии, внедрив в нее германскую военную систему.

В сфере экономики и особенно аграрной экономики реформы младотурок оказались заметно скромнее. После своей победы

они так и не выполнили обещания улучшить положение крестьян и ликвидировать натуральный налог — десятину (ашар), избавить крестьян от откупной системы. Но самой серьезной и неразрешимой проблемой для них оказался национальный вопрос. Власть, которую они возглавили, стремилась сохранить империю и статус-кво в национальных отношениях, и поэтому идти на серьезные уступки в плане расширения прав национальных меньшинств никто не собирался. Наоборот, под лозунгами османизма и пантюркизма и панисламизма младотурки рассчитывали поставить под контроль и подавить арабские, курдские, албанские освободительные движения. Что касается особенно острого - армянского вопроса, то и здесь они на реформы идти не хотели и не допустили расширения административных, экономических и культурных прав армянского населения.

Очевидную непоследовательность и ограниченность младотурецких реформ можно объяснить тем, что их власть оставалась непрочной. Поражение в войне с Италией и потеря Ливии заметно усилили позиции их противников, младотурков оттеснили на второй план более консервативно настроенные круги и только очередные неудачи турецкой армии в Балканских войнах вновь дали шанс младотурецкой партии вернуться к управлению государством.

Оказавшись снова у кормила власти, младотурки стали действовать более решительно, чем раньше - после убийства одного из своих лидеров они развязали террор против политических противников – сторонников возвращения к исламскому правлению и шариату. Вне закона были объявлены все политические партии, арестованы сотни оппозиционеров, и контроль над страной окончательно перешел в руки сформировавшегося внутри младотурецкого движения триумvirата, когда три их наиболее авторитетных лидера — Энвер, Талаат и Джемаль фактически возглавили Империю.

4. Поражение Османской империи в Первой мировой войне

Еще до начала мировой войны в поиске нового союзника младотурки повернулись к Германии. Они рассчитывали полу-

читать от немцев вооружение, а также военных советников, способных передать свой опыт османской армии. Приезд немецкого генерала Лимана фон Сандерса в Стамбул в 1913 г. в качестве главы немецкой военной миссии стал свидетельством военно-политического сближения Османской империи и Германии. Поэтому неудивительно, что в Первой мировой войне младотурецкий триумфизм, где Энвер – паша занимал посты военного министра и начальника Генерального штаба, Талаат – паша – Председателя правящей партии «Единение и прогресс» и министра внутренних дел, а Джемаль – паша – морского министра, шефа полиции и военного губернатора Стамбула, выбрал сторону Германии. Для такого решения было много причин: желание

Лиман фон Сандерс - немецкий генерал на османской службе.

вернуть под контроль Стамбула Египет, где господствовали англичане, восстановить позиции на Балканах, недоверие к французам и англичанам, поддерживавших оппозицию младотуркам внутри страны. Важно было и то, что Германия идеологически была близка к взглядам младотурок, так как их пантуркистские поиски, оказались ориентированы в одном направлении с идеями пангерманцев. К этому следует добавить и преобладающее содействие Германии в укреплении турецкой армии и флота и то, что младотурки, рассчитывали ликвидировать режим капитуляций и освободить экономику страны от бесконечной долговой зависимости от Великобритании и Франции.

В первые месяцы войны Османская империя формально еще соблюдала нейтралитет, надеясь, что страны Антанты будут заинтересованы в такой ее позиции, и согласятся на ликвидацию

режима капитуляций. Но, не дожидаясь решения Франции и Англии по этому вопросу, младотурки уже 2 августа 1914г. заключили тайный военный союз с Германией, и в этот же день опубликовали указ о всеобщей мобилизации. Все это означало, что Османская империя готовится вступить в войну.

Бомбардировка Одессы, Севастополя, Феодосии и Новороссийска османскими кораблями произошла 29 октября 1914 г. До этого 19 октября османские части попытались начать наступление на Батум. Все это означало нарушение нейтралитета со стороны Османской империи, и 2 ноября Россия, а 5 ноября Британия и Франция объявили ей войну.

Вскоре стало ясно, что ставка на победу Германии оказалась роковой ошибкой младотурецкого триумvirата. Османские войска оказались не готовы к войне и терпели многочисленные поражения. Только в защите полуострова Галлиполи, где отличился генерал Кемаль, они сумели добиться громкой победы, заставив англичан отступить. На других фронтах они вынуждены были отступать, потеряли Палестину и Ирак, а войска Российской империи, взяв Эрзерум, вступили во внутреннюю Анатолию. Когда стало ясно, что Берлин войну проиграл, Стамбул, войска которого только убитыми потеряли почти миллион солдат, объявил о своей капитуляции. 30 октября 1918г. Османские представители подписали в порту Мудрос на острове Лемнос перемирие с Антантой. На следующий день командующий главной турецкой армией немецкий генерал Лиман фон Сандерс передал свои полномочия Мустафе Кемалю, турецкому генералу завоевавшего огромную популярность после того как войска под его командованием выиграла битву против англичан на Галлиполлийском полуострове. Правящий триумvirат — Энвер, Талаат и Джемаль — вышли из состава султанского правительства и навсегда покинули страну. Для Османской империи наступили последние дни ее существования.

Глава VII. Иран: политика модернизации в конце XIX начале XX века.

1. Особенности иранского социума и попытки его модернизации во второй половине XIX века

Модернизация в Иране началась существенно позже, чем в соседней Османской империи и поэтому иранские реформаторы в своих планах преобразования общества имели возможность во многом копировать опыт новых османов и конституционалистов. Однако особой пользы это им не принесло, так как в Иране процесс реформ встретился с еще большими трудностями и развивался еще более противоречиво, чем в Османской империи. Связано это было со спецификой самого иранского общества, с тем, что подавляющее большинство иранцев исповедовали ислам шиитского толка. В стране реально сосуществовали две власти - духовная в лице шиитского духовенства и возглавлявших его аятолл и административная в лице шаха, и его окружения. Отношения между духовенством и правящим режимом всегда были сложными, шахская власть все время пыталась поставить духовенство в зависимость от себя. У духовенства в свою очередь был огромный моральный авторитет, ее представители контролировали школы, играли ключевую роль в суде, так как из-за отсутствия гражданских законов все дела решались на основе шариата. Активно участвовало духовенство и в политической борьбе, при этом широко применяя обычай беста - право предоставлять лицам преследуемым властями, неприкосновенное убежище в мечетях, гробницах, домах влиятельных муджтехидов (исламских богословов).

Фактически духовенство представляло в определенном смысле «вторую власть», которая во многих случаях противостояла первой - власти шаха. Это противостояние накладывало отпечаток на ситуацию в стране, формируя конкурент-

ную реальность, в которой любой правитель так или иначе был зависим от шиитского духовенства.

Специфика модернизации в Иране заключалась еще и в том, что феномен превосходства Запада, придававший такой сильный импульс к переменам и у Османов и в странах Восточной Азии, в Иране в силу его отдаленности от Европы ощущался существенно слабее. Соответственно и демонстрационный эффект европейского развития оказывался слабее, да и наиболее реальные угрозы безопасности исходили не столько от Европы, как от Османов и от намного менее развитого чем Иран Афганистана.

Амир-Кабир - иранский визирь-реформатор

Следует отметить и тот факт, что в условиях Ирана не всегда работала и знакомая по Османской империи схема продвижения реформ - когда в правительстве и в правящей администрации среди прозападных либералов и прогрессистов рождаются проекты модернизации, которые наталкиваются на стену жесткого традиционализма и сопротивления консервативной части правящей элиты и духовных лидеров. В Иране ситуация была более сложной, духовенство стремилось ограничить шахский авторита-

ризм и беззаконие представителей власти на местах, защищало интересы простых людей. Представители духовенства часто становились жертвами репрессий со стороны шахской власти и в своей борьбе с ее всевластием и абсолютизмом они иногда были более готовы принять демократические перемены, чем собственно правящий режим. Сама же борьба за реформы протекала в Иране как столкновение внутри правящей элиты, в котором шиитское духовенство могло быть как

на стороне консерваторов, так и прогрессистов. Все это превращало процесс реформ в Иране в политическую борьбу с непредсказуемым исходом.

Определить какой-то четкий рубеж начала процесса модернизации иранского общества довольно сложно. Очевидно, что движение Бабидов, охватившее Иран в 50-е годы XIX века при всем его радикальном подходе к исламу, оставалось по существу в рамках феодальных дефиниций. В нем и намек на модернизацию, в том смысле как мы ее понимаем, не было. Реформы, проведенные в 1848-1851 под руководством «великого министра» Таги-хан Амир-Кабира, также нельзя назвать началом модернизации. Все его реформы в реальности свелись к сокращению административного аппарата, уточнению обязанностей чиновников, определению размеров выплачиваемого им жалованья, а также определением различных пособий членам царствующего дома. «Великий министр» стремился проводить протекционистскую политику, чтобы сохранить в стране ремесленное производство, он ликвидировал внутренние таможенные границы, поощрял разработки полезных ископаемых. Он же инициировал создание первого светского учебного заведения для подготовки военных специалистов, медиков, инженеров.

Но даже эти реформы вызвали самый жесткий ответ традиционалистского большинства. За устранение Таги-хан Амир-Кабира выступили манифестанты в Тегеране, солдаты азербайджанских полков, начались антиправительственные волнения в Тебризе. В конце концов «великого министра» и первого иранского реформатора отстранили, судили и сослали, а потом и казнили в 1852 году.

После некоторого перерыва идеи реформаторства вновь встали на повестку дня, когда в 1870 г. к власти пришел новый визирь Мирза Хусейн-хан. Этот политический деятель был настроен еще более радикально, чем его несчастливый предшественник. Он хотел ограничить власть шаха и создать в Иране гражданское правительство европейского типа, разделить как это было принято на Западе судебную, административную и военную власть, принять свод гражданских зако-

нов, учредить светские суды, независимые от религиозных шариатских. Но все эти перемены, в реальных условиях Ирана оказались не более чем благими пожеланиями. Максимум, что смог сделать правивший в эти годы Наср эд-Дин-шах так это учредить министерства внутренних дел, почт и телеграфа, просвещения, юстиции, основать несколько светских школ для детей правящей элиты, провести некоторую европеизацию одежды придворных. Изменить что-то по - настоящему, и в частности, несколько ограничить судебную власть духовенства ему удалось можно сказать ценой своей жизни. Попытка провести судебную реформу привела к тому, что восстановила против шаха многих авторитетных и влиятельных шиитских богословов. В 1896 г. шах был убит в результате покушения на него религиозного фанатика.

Известный британский государственный деятель лорд Керзон в 1892г. писал об Иране, что «в стране столь отсталой с точки зрения конституционного развития, столь нуждающейся в законах и хартиях... личный элемент, насколько можно судить, доминирует и система правления в Персии представляет собой не более чем деспотическую власть, осуществляемую по нисходящей иерархии от суверена до старосты небольшой деревни». Сохранение феодализма и архаичных порядков при отказе от реформ могли продолжаться в Иране бесконечно долго, если бы не ухудшение год от года экономической ситуации. Экономика не обеспечивала растущие потребности государства, все время сохранялся дефицит бюджета, налогов собиралось мало, а потребности режима и в модернизации армии и в приобретении европейских товаров для правящей элиты, стремившийся к роскоши и богатству все время возрастали. К началу XX в. к. долг Ирана иностранным государствам составил 6 млн.ф. ст., в уплату которого казна ежегодно выплачивала свыше 500 тыс. ф. ст.

Дефицит бюджета иранское правительство стремилось устранить с помощью иностранных займов, продажи концессий, которые как считали многие наблюдатели, передавались в руки иностранцев путем взяток и подкупа иранских высокопоставленных чиновников. Причем подчас сами чиновники

даже не представляли, какие богатства они за бесценок передавали в руки иностранных предпринимателей.

Наиболее скандальной из таких концессий была сделка, заключенная в июле 1872 г. сроком на 70 лет с известным в то время владельцем английского телеграфного агентства бароном Рейтером. Кроме постройки трансиранской железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива было дано разрешение на строительство ответвлений для соединения дороги с различными городами и провинциями страны или железными дорогами в других государствах. Рейтеру разрешалось прокладывать шоссейные дороги по всему Ирану. Ему предоставлялось право разработки месторождений угля, железа, меди, свинца, нефти и других природных богатств, право на эксплуатацию государственных лесов. Концессионеру разрешалось создание банка, строительство газовых и других заводов, мельниц, благоустройство столицы Тегерана. Рейтер получал в полное распоряжение дороги, почту, телеграф. Ему передавалось управление таможнями на 20 лет за 20 тыс. фунтов стерлингов. Эта концессия, по признанию лорда Керзона, представляла собой «небывалый и самый экстраординарный акт полной продажи всех богатств государства иностранцам». Только благодаря энергичным протестам России, а также общему возмущению в стране, которое захватило и некоторые придворные круги, она была отменена. Но и после этого в принципе для иранских верхов мало что изменилось и они и дальше продолжали подписывать невыгодные для страны концессии, брать кабальные кредиты. Так, например, русский промышленник Лианозов получил право эксплуатации рыбных промыслов на южном побережье Каспийского моря, английская компания Гальбот — монопольное право на скупку, обработку и продажу табака по всей стране. Постоянно нуждаясь в деньгах, шахское правительство за сравнительно небольшие суммы предоставляло иностранцам и другие, самые разнообразные концессии, которые, однако, не могли решить проблему все увеличивавшегося долга.

В самом начале XX в. с Англией и Россией были подписаны соглашения о новых займах, по условиям которых прави-

тельство Ирана отменило или значительно снизило пошлины на русские и английские товары. Английские и русские предприниматели получили новые концессии из которых самой известной стал договор, заключенный в 1901 г. с австралийским финансистом Д'Арси на монопольную эксплуатацию нефтеносных районов всей страны, за исключением пяти северных провинций. На основе этой концессии позднее была организована Англо-персидская (затем Англо-иранская) нефтяная компания, превратившаяся вскоре в «государство в государстве» и на десятилетия ставшая главным раздражителем для всех иранских политиков, выступавших в защиту национального суверенитета.

Неэффективная система сбора налогов и слабый контроль над административным аппаратом вынуждали иранские власти основные источники государственных доходов, отдавать на откуп. В связи с неэффективностью такой экономической политики ситуация в стране в начале XX века резко обострилась, попытки властей провести ограниченные реформы в экономике и увеличить сбор налогов с населения привели лишь к тому что материальное положение большинства народа ухудшилось, а недоверие к власти и коррумпированным чиновникам только увеличилось.

2. Демократическая революция, перешедшая в хаос

В ситуации, когда власть вызывала возмущение и протест у миллионов людей, требовался лишь повод, чтобы эти чувства выплеснулись в антиправительственных беспорядках. 12 декабря 1905 г. в Тегеране были арестованы и избиты несколько купцов, выражавших недовольство ограничением цен на свой товар. Одновременно в столице стало известно о расправе, учиненной местным губернатором над торговцами в Кермане. Все это вызвало общее возмущение жителей столицы. 13 декабря в Тегеране закрылись все базары, лавки, ремесленные мастерские. В мечети состоялся митинг, участники которого потребовали отставки губернатора и создания комиссии для разбора жалоб на злоупотребления властей. Ми-

тинг был разогнан, но антиправительственные выступления продолжались, так как, несмотря на обещания выполнить требования восставших, шах не предпринимал для этого никаких действий.

Ситуация еще более обострилась, когда во время очередного протеста солдаты застрелили сейда (особо почитаемого верующими потомка пророка). Вновь закрылись все базары, лавки, мастерские. Демонстранты вместо знамени несли на шесте одежду убитого мученика. Во время демонстраций, продолжавшихся весь день 12 июля, войска опять стреляли в народ. В этой ситуации шиитские религиозные лидеры действовали решительно - 15 июля 200 представителей высшего духовенства демонстративно выехали из Тегерана в Кум. 16 июля группа видных тегеранских купцов села в бест в саду английской миссии. Через несколько дней число участников беста достигло 13 тыс. человек. Они раскинули большие шатры, задымили костры. Почти непрерывно происходили митинги. Севшие в бест выделили руководящую комиссию, которая координировала действия с духовенством, ушедшим в Кум, с другими провинциями и городами. Она предъявляла шаху свои требования, которые наряду с выдвинутыми раньше пунктами о смещении премьер-министра включали и новые и крайне радикальные для слабо модернизированного иранского мира— о введении конституции и созыве меджлиса как органа народного представительства. В ситуации жесткого давления со стороны торговой и духовной элиты Шаху пришлось принять выдвинутые требования. В конце июля главой правительства был назначен либерально настроенный сановник Мошир-эд-Доуле, а в начале августа был издан указ о выборах в меджлис. После этого бест прекратился, открылись мастерские и лавки, высшие духовные лица вернулись из Кума в Тегеран

Необычным во всех этих событиях было то, что центром движения за политическую реформу и либерализацию выступило шиитское духовенство, видевшее в шахе и его абсолютной власти главную угрозу своему влиянию. Именно под давлением со стороны масс мобилизованных агитацией шиитско-

го духовенства шах вынужден был подписать 5 августа 1906 г. указ о введении конституции, а 9 сентября утвердил положение о выборах в меджлис. Они должны были проходить по двухступенчатой куриальной системе с высоким имущественным цензом; женщины были отстранены от голосования. Конституция, принятая 30 декабря 1906 предоставила меджлису широкие полномочия - утверждение бюджета и всех законов, контроля за их исполнением, одобрение любых международных соглашений.

Персидская казачья бригада

Как мы видим, в Иране именно духовенство стало той силой, которая вынудила власти провести ключевую политическую реформу и радикально модернизировать способ управления страной. Представители духовенства в это время не отрицали необходимости заимствования у европейцев «разумных» новшеств, но только подчеркивали, что они должны изначально соответствовать или быть приведенными в соответствие с заповедями Пророка. Претендуя на важную роль в управлении государством, шиитское духовенство принимало модель конституционной монархии (принципы которой они

декларативно отстаивали вместе со светскими реформаторами) только при сохранении, или даже усилении своих политических и экономических позиций. Более того, среди иранского духовенства в это время все большее распространение получала разрабатывавшиеся на протяжении всего XIX века концепция верховного руководства мусульманской общиной - государством со стороны шиитских духовных лидеров как реализация идеи верховной справедливости и антитеза шахскому произволу и беззаконию.

Формирование парламента и начало его деятельности лишней раз подчеркнуло необычность модернизации в Иране. Шах и его окружение апеллировали к традиционалистским настроениям и собирали на антипарламентских митингах возле Бахаристанского дворца, где заседал меджлис, тысячи людей, призывавших к разгону этого «скопища бабидов и оплота еретиков». В течение всего 1906 г. меджлис не мог принять свой устав и существовал лишь на основе шахского указа, а о его решениях люди узнавали главным образом в мечетях. В стране сложилась странная ситуация с одной стороны была принята конституция, которая объявляла всех жителей Ирана, независимо от вероисповедания, равными перед законом, гарантировала неприкосновенность жизни и собственности граждан; в ней провозглашалось введение в Иране конституционной монархии, декларировались принципы независимости законодательной, исполнительной и судебной властей. Но в то же время все эти европейские заимствования ограничивались религиозной цензурой, причем запрещались все организации, наносящие вред «чистой» религии. В этой конституции имелся и еще один интересный пункт, в котором указывалось что меджлис, являвшийся вместе с шахом высшей законодательной инстанцией, подчинялся особому совету из пяти или более авторитетных духовных лиц. Эта коллегия обладала исключительным правом отмены любого постановления парламента, если оно, по ее мнению, не отвечало требованиям шариата.

Такой совет тогда так и не был создан, но включение пункта о нем в текст конституции свидетельствовало о том,

что шиитское духовенство уже тогда в принципе сформулировало свою модель управления иранским государством. Воплотить ее в жизнь удалось не сразу только через семьдесят с лишним лет после революции 1979 г.

Особенность политического процесса в Иране в начале века состояла еще и в том, что либеральные прозападные группы оказались маловлиятельными, не имели возможности самостоятельного действия и группировались главным образом вокруг шахской власти. Эта власть, в свою очередь стремилась не к либеральным реформам, а к тому, чтобы стать абсолютной и разогнать парламент, который поддерживало шиитское духовенство.

Свергнутый Мохаммед-Али шах во время иранской Революции

Получалась странная с точки зрения процесса модернизации картина: либералы и прогрессисты вместе с шахской властью выступали против демократического института - парламента, а шиитское духовенство, наоборот его поддерживало. Такой раскладки политических сил не было нигде на Востоке.

Терпение шаха и его окружения в отношении неуправляемого и враждебного им меджлиса иссякло и в июне 1907 г. здание меджлиса по приказу шаха атаковала персидская казачья бригада во главе с полковником Ляховым, а сопротивление ополченцев-добровольцев было подавлено артиллерийским огнем. Однако на этом революционный процесс не завершился - на защиту парламента, распущенного шахом, встали объединения верующих и так назы-

ваемые моджахедские (от моджахед- борец) отряды, возникшие еще в начале революции.

Противники шаха в этом противостоянии оказались сильней и после нескольких сражений защитники разогнанного меджлиса вошли в Тегеран, шах Мохаммед Али был низложен и бежал, а чрезвычайный верховный совет возвел на престол его 14-летнего сына. Однако, все эти события оказались лишь прелюдией к новым столкновениям, так как, когда в ноябре 1909 г. начал работу меджлис 2-го созыва, то выяснилось, что внутри антишахского движения развернулась ожесточенная борьба между «умеренными», составлявшими парламентское большинство и пользовавшихся поддержкой духовенства и поднявшимися на волне революции радикалами – демократами. Радикалы выступали против духовенства и требовали установления контроля над вакуфами, настаивали на расширении представительства религиозных меньшинств в меджлисе, изменения закона о выборах. Каждая из группировок опиралась на свои группы боевиков, между которыми начались вооруженные столкновения.

В ситуации нарастающего хаоса Россия и Великобритания на основе англо-русского соглашения 1907 г. о разделе Ирана на «сферы влияния» выступили фактически против парламента, потребовав навести порядок в стране и уволить неугодных им министров. Парламент сделать это отказался и после этого две державы начали фактическую оккупацию страны, разоружая отдельные группы и банды на севере и на юге.

Почувствовав поддержку великих держав, шахское правительство также начало действовать, тем более, что его позиции в стране заметно усилились так как оно позиционировало себя как сила, выступающая за наведение порядка. Люди устали от беспорядков, неопределенности и хаоса, их поддержка противников шаха заметно ослабла. Духовенство, увидев усиление антиклерикальных радикалов, и почувствовав изменившийся настрой народа, также отошло от сторонников демократии и народовластия. В таких условиях революционное движение стало быстро слабеть. В августе 1910 по приказу правительства полиция и бахтиарские отряды разоружи-

ли в Тегеране отряды федаев, а позже отразили попытку свергнутого шаха Мухаммеда Али силой захватить власть. В декабре 1911 иранская полиция и отряды бахтиаров разогнали меджлис, и тем самым поставили точку в летописи иранской революции. Политическая модернизация Ирана сделала как-бы полный круг, в результате которого шах и его окружение вновь оказались на вершине власти. Но это уже была власть в сильно изменившемся обществе, в период революции совершившим настоящий рывок в деле политической модернизации, где активно распространялись демократические и даже радикально-социалистические идеи. Кроме того, все эти бурные события позволили многим иранцам избавиться от иллюзий относительно эффективности революционного действия для достижения справедливости, благополучия и процветания. Важные выводы, по-видимому, сделала и верхушка шиитского духовенства, проигравшая больше всех в ходе революции. Смысл этого вывода состоял в том, что не следует осуществлять власть через меджлис, либо какой-то иной орган светской власти, а нужно полностью брать ее в свои собственные руки, как и было сделано во время революции 1979 г.

3. Иран во время Первой мировой войны

С начала мировой войны Иран хоть и объявил о своем нейтралитете, оказался ареной серьезных военных столкновений английских и русских войск с одной стороны, и вторгнувшихся на территорию Ирана турецких армий с другой. Постепенно почти вся территория страны оказалась оккупированной: север — войсками России, запад, вплоть до Хамадана, — германо-турецкими войсками, юг — англичанами. При этом шах больше симпатизировал Антанте, а созданный после долгого перерыва осенью 1914 г. меджлис склонялся больше к германо-турецкому блоку.

Расклад сил определили победы англичан на Юге, где им удалось отразить атаки на нефтеносные районы и перейти в контрнаступление и успехи русских войск на севере, когда

войска под командованием генерала Баратова, высадившись в октябре 1915 г. на каспийском побережье, взяв Казвин, начали угрожать и самому Тегерану. Увидев, что силы Антанты в Иране существенно сильнее своих противников шах разрешил свой спор с большинством меджлиса тем, что в ноябре 1915 г. прогерманский меджлис был распущен. Несколько позже в Тегеране было сформировано новое правительство, которое по большей части находилось под британским влиянием. Это правительство, возглавляемое англофилом Восуг-эд-Доуле, оставалось у власти до окончания Первой мировой войны.

Раздел II

Процесс модернизации в странах Востока в период от Первой и до окончания Второй мировой войны

Глава I. Первая мировая война и ее значение для стран Востока

Первая мировая война, оказалась во многом переломным рубежом для стран Востока. Она втянула в себя весь этот огромный регион от Японии и до Турции, и хотя активные военные действия затронули по большей части лишь страны Ближнего Востока, повлияла самым решительным образом на процесс политического развития во всех рассматриваемых нами странах.

Изменились отношения по линии колония - метрополия, так как война требовала огромного количества снаряжения, продовольствия, одежды, металлов, самого разнообразного сырья. В связи с этим резко увеличился вывоз материальных ценностей и экономическая эксплуатация колониальных и зависимых стран Востока. Метрополии старались переложить финансовое бремя войны на свои колонии. Но, с другой стороны, колониальные державы вынуждены были развивать местные производства для нужд войны. Кроме того, от конкуренции со стороны европейских товаров освободились внутренние рынки колоний и зависимых стран, сократился ввоз промышленных товаров из метрополий, что дало толчок импортозамещению и росту местной промышленности. Особенно заметно увеличилось за годы войны промышленное производство в Индии, Китае, Корее.

Существенные перемены произошли и в отношении миллионов людей на Востоке, которые участвовали в войне на стороне метрополий, к колониальному статусу своих стран и

европейскому доминированию. При этом речь идет не только о солдатах турецкой армии или японской, которые захватили немецкие владения на Дальнем Востоке. За четыре года войны только Франция мобилизовала в своих колониях около 1,4 млн., Англия — свыше 4,5 млн. человек. В 1917 г. в войну против Германии вступил Китай, пославший в распоряжение стран Антанты сотни тысяч рабочих-кули. Миллионы людей из стран Востока вынужденно обрели невиданную мобильность. Они воевали и находились длительное время в Европе, где могли сравнивать свою жизнь и жизнь в метрополии. Причем, находясь в Европе, многие из них познакомились с идеями социализма, провозглашавших социалистическое переустройство мира, равенство, справедливость братство всех угнетенных. Возвращаясь домой, многие из них стали другими, мало похожими на тех, кто уходил на войну. Из среды вернувшихся с европейских фронтов солдат и мобилизованных выдвинулись позже многие политические лидеры, возглавившие левые, коммунистические и радикально-националистические движения в Китае, Турции, странах ЮВА, Индии.

Изменения затронули и традиционную для стран Востока социальную стратификацию. Во многих из них вместо прежних ведущих социальных групп - крестьян, чиновников купцов и ремесленников сформировался довольно значительный по численности слой промышленных рабочих, а также национальных предпринимателей. Последние за время войны сильно разбогатели и политически окрепли. Национальный бизнес и связанные с ним круги творческой интеллигенции стали все более откровенно показывать, свою оппозицию колониальной власти, не скрывать желание самим править в своей стране. Повсеместный всплеск антизападных движений на Востоке после войны во многом связан именно с этим феноменом, а также с тем, что война показала, что Запад не только не един, но расколот глубокими противоречиями, которые можно использовать для того, чтобы ослабить его доминирование.

Именно после Первой мировой войны вопросы национального освобождения из полуфантастических мечтаний от-

дельных просветителей - националистов стали обретать реальные очертания, более того резко расширилась палитра политических сил в странах Востока. Там сформировались политические течения как сторонников западно-либерального пути, так и пути в рамках социалистической и коммунистической альтернативы, которая открылась перед странами Востока вслед за победой Октябрьской революции в России и установлением там власти большевиков.

Традиционалистские же сценарии окончательно отошли на периферию политического поля и политические силы, выступавшие в это время за независимость и против колониального правления, в своих программах даже не упоминали необходимость восстановления империи Османов или императорской власти в Китае, имперской власти в Корее, или власти князей в Индии.

Глава II Кризис японской модернизации: Япония в 20 – 40-ые годы XX века

1. Политическая борьба в Японии в 20-е годы

По итогам Первой мировой войны в японском обществе и в правящей элите возникло серьезное недовольство позицией западных держав, которые не только ограничили возможности японской экспансии, но и строительство японского флота. Они также оказывали давление по вопросу японской политики в Китае, по уходу с Дальнего Востока России, где японцы пытались закрепиться путем формирования марионеточных правительств в Приморье. Растущий антагонизм в отношении США и Великобритании, сопровождался формированием идеологии паназианизма, в которой утверждались лозунги – «Азия для азиатов», «Япония – лидер Азии», выдвигалось требование изгнать европейских колонизаторов и сформировать в Азии великую зону «сопрощетания» во главе с Японией.

Внутри страны также возник серьезный внутренний раскол в элите между политиками настроенными умеренно против экспансии и столкновения со странами Запада и прежде всего с США, и теми, кто выступал с позиций империализма, величия и единовластия императора и императорской власти. Обе группировки расходились и по вопросам внутренней политики. Одни выступали за сохранение и развитие заложенных в реформах Мейдзи демократических институтов, а другие за сокращение полномочий парламента, и передачу всей полноты власти императору. Представители умеренных опирались в основном на парламент, где господствовали консервативная партия Сэйюкай (общество политических друзей), а также чуть более либеральная Кэнсэйкай (общество конституционного правления). При этом назвать японский парламент подлинным органом народного представительства

было никак нельзя, так как от большинства народа его отделял высокий имущественный ценз, ценз оседлости, возрастной ценз и целый ряд других ограничений. В 1913 г., например, избирательным правом обладали всего лишь 1,5 млн. человек, что составляло менее 3% населения Японии. В 1925 г. был принят Закон о всеобщем избирательном праве. Но и он не давал избирательных прав женщинам, ограничивал возраст тех, кто мог избирать и быть избранным, пределом 25 и 30 лет соответственно. Несмотря на эти ограничения, численность избирателей возросла до 12,5 млн. человек.

Следует отметить, что, несмотря на расширение электоральной базы, реальная роль парламента в политической системе страны оставалась не слишком высокой. Ключевые для страны решения принимались вне его стен, а депутаты обладали ограниченными возможностями влиять на принятие ключевых решений. Внепарламентские структуры, на которые как раз и опирались сторонники экспансионистского курса - вооруженные силы, радикальные милитаристские группировки проявляли большую активность в политической сфере, а самое главное - сторонники экспансии обладали преобладающим влиянием в тайном Совете при императоре и оказывали, как показали вскоре события в Маньчжурии, определяющее влияние и на решения самого императора. В сложившейся в стране политической системе, а также во внутренней политике было немало примеров, когда смена кабинетов определялась не сдвигами в соотношении политических сил, а личными договоренностями в чрезвычайно узком кругу высших государственных чиновников, состоявших в тайном совете при императоре.

2. Усиление японского милитаризма и экспансионизма

Преобладание сторонников экспансии в правящей элите страны привело к тому, что Япония особенно с конца 20-х начала 30-х годов все более открыто переходила к курсу ничем не ограниченного империализма и захвата новых территорий, прежде всего в Китае. Программу новых японских завоеваний

представил императору в 1927 г. генерал Танака, ратовавший за укрепление империи путем расширения ее жизненного пространства. В число намеченных в ней целей входило нападение на СССР и отторжение дальневосточных районов, полное подчинение Китая и «сокрушение США». В Японии до сих пор не признают подлинность меморандума Танака, однако вся последующая экспансионистская политика японских властей подтверждает, что этот документ не только реально существовал, но и, скорее всего, был принят к исполнению.

Отношения с США и Великобританией постепенно ухудшались, а мировой экономический кризис 1929-1933 годов еще более обострил противоречия между Японией с одной стороны и англосаксонскими державами с другой. Между ними разгорелась настоящая торговая война, в ходе которой японские кампании были обвинены в демпинговой политике, и против них в США был применен комплекс протекционистских мер.

Такие действия американцев сильно осложнили положение в японских экспортных отраслях, и так серьезно пострадавших из-за обвала цен на мировых рынках. При попытках ответить на протекционизм США японское правительство обнаружило ограниченность своих возможностей: страна полностью зависела от поставок сырья из стран, находившихся вне зоны японского контроля. Констатация этого факта вызвала новый прилив энергии и дала новые козыри сторонникам расширения империи, которые стали моделировать азиатское пространство как некую замкнутую область во главе с Японией, которая, получив контроль над природными ресурсами и источниками сырья, превратилась бы в одну из сильнейших мировых держав. Собственно так и складывалась идеология всей будущей войны как войны за источники сырья и сбыта японской продукции, что в официальной пропаганде называлось войной за выживание и независимость Японии.

Рост милитаризма в сочетании с плохо скрываемой враждебностью по отношению к США, Великобритании и другим европейским колониальным державам подрывали сами принципы «революции Мейдзи», как революции направленной на

восприятие западных идей и институтов. В первую очередь это ощущалось в сфере политики и идеологии, где на первый план в общественном сознании вышли антизападные настроения, и укрепился тренд на формирование в стране мобилизационной экономики и традиционалистско-милитаристских моделей организации власти.

Правые радикальные группировки обрели колоссальное влияние и требовали, как например генерал Араки (военный министр в 1931-1934 гг.) и его сторонники, ликвидации парламентской системы и перехода к доминированию армии. Этот политик заявлял, что только армия, свято хранящая моральные принципы самурайской доблести «бусидо», способна сменить у власти «разложившиеся и подкупленные капиталистами» политические партии и вывести страну из кризисного состояния. В 1932 и 1935 годах сторонники правых радикалов пытались путем военного переворота захватить власть, однако оба раза, несмотря на ощутимую общественную поддержку, их попытки срывались, так как правящая элита была еще не готова к приходу к власти крайних радикалов.

Атмосфера нестабильности, жажда экспансии и завоеваний в политически активных слоях общества создавали напряженную и во многом непредсказуемую обстановку в стране. Логичным исходом всей этой ситуации стал так называемый маньчжурский инцидент, который обозначил новый этап в политике экспансии и перехода страны на военные рельсы. Произошел он 18 сентября 1931 г., когда севернее Мукдена (ныне Шэньян) были взорваны рельсы на железной дороге, где шел японский военный эшелон. Обвинив во взрыве китайскую сторону, японская армия напала на казармы китайских войск. В течение последующих пяти дней все важнейшие населенные пункты маньчжурских провинций Мукден и Гирич были оккупированы японцами. При этом все эти действия армии не были санкционированы японским правительством. На экстренном заседании кабинета премьер-министр принял решение вернуть армию в казармы. Однако военные из Квантунской армии апеллировали к императору, который, проигнорировав мнение премьер-министра и правительства, встал

на сторону захватчиков и фактически одобрил начавшуюся операцию.

Вслед за оккупацией Маньчжурии и созданием там марионеточного государства Маньчжоу-Го во главе с Пу И – последним императором из династии Цин, была сделана попытка захватить Шанхай, где был высажен отряд японской морской пехоты. Но здесь японцы встретили хорошо организованное сопротивление китайских войск. Кроме того Великобритания и США направили в Шанхай военные корабли, потребовали прекратить агрессию. В результате 3 марта 1932 г. командование японских войск в

Пу И - последний император цинского Китая и с 1934 г. император Маньчжоу-Го.

Шанхае опубликовало заявление о прекращении операций, после чего японские войска были выведены из города. В то же время на другом фронте - на границе Китая и Маньчжоу – Го японская агрессия шаг за шагом неостановимо шла вперед. В конце 1932 г. японская армия вторглась в провинцию Жэхэ, захватила ее и в 1933 г. включила в Маньчжоу-Го под предлогом усиления безопасности. В июне 1935 г. по соглашению с Китаем, на который было оказано неприкрытое давление, японцы оккупировали провинции Хэбэй и Чахар. В ноябре 1935 года при поддержке Японии было провозглашено создание независимого государства в Хэбэе. К началу 1937 года Япония уже контролировала все территории к западу, северу и востоку от Пекина.

3. Подготовка к войне, отказ от ключевых реформ Мейдзи и в политике и в экономике.

Захват Маньчжурии и ползучая агрессия в Китае привели Японию к серьезному кризису в отношениях со странами Запада. Лига Наций осенью 1932 года обвинила японцев в нарушении устава и потребовала восстановить статус-кво. В ответ на это Япония демонстративно вышла из этой международной организации, а в декабре 1934 г. правительство Японии заявило об одностороннем выходе из Вашингтонского соглашения по флоту.

Военный министр Тэраути
- один из тех, кто готовил
мировую войну.

Чуть позже уже в 1935 г. после отказа США и Великобритании согласиться на равенство флотов с Японией, представители Токио вышли из всех переговоров по этому вопросу. После этого начался процесс быстрого наращивания военно-морских сил, развернулось строительство новейших авианосцев, крупнейших в мире линкоров. В условиях открытой подготовки к войне, в стране все более усиливались авторитарные тенденции, когда не парламент, а внепарламентские структуры решали ключевые вопросы будущего Японии. В январе 1937 г. парламент, протестуя против излишнего вмешательства армии в политическую жизнь, устроил обструкцию военному министру- будущему маршалу Тэраути, который 22 января 1937 г. подал в отставку. На следующий день за ним последовал и правительственный кабинет в полном составе. Возникший кризис в политической элите разрешился в пользу военных и сторонников экспансии. В марте 1937 г. глава так называемого надпартийного кабинета Хаяси заявил, что правительство не удовлетворено позицией политических партий и поэтому распускает парламент и приступает к созданию «единой политической партии». По словам премьера, новой политической системой, к которой при-

дет Японии в результате «обновления», будет «парламентаризм, очищенный от западного влияния и больше отвечающий японскому духу».

В условиях «холодной войны» с западными демократиями Япония в ноябре 1936 г. подписала Антикоминтерновский пакт с Германией. Стороны обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него борьбу и принимать необходимые меры против тех, кто прямо или косвенно действует в пользу Коминтерна. Позже к этому пакту присоединилась и Италия и, таким образом, сформировалась коалиция тех стран, которые и развязали Вторую мировую войну.

В эту войну Япония фактически вступила в июле 1937 г. после так называемого «инцидента у Лугоуцзяо» (называемого еще «инцидентом на мосту Марко Поло»). Исчезновение одного из своих солдат японцы посчитали актом агрессии со стороны китайских войск и под этим предлогом начали широкомасштабное вторжение в Китай. В 1937-1938 годах японские войска успешно наступали по трем направлениям: вдоль Пекин-Тяньцзиньской железной дороги на Шаньдун, на юг по направлению к Ханькоу, а также в северо-западном направлении на Суйюань. К августу 1937 г. военные действия были перенесены в район Шанхая. К концу сентября в Китае уже воевала японская армия численностью в 350 тыс. человек.

После почти трех месяцев ожесточенных боев, в ноябре, японские войска вошли в Шанхай, а в декабре — в столицу Китая - Нанкин, что сопровождалось страшными погромами и насилием над мирным населением, продолжавшимися около шести недель. На захваченной китайской территории японцы создали марионеточное правительство по типу Маньчжоу-Го во главе с бывшим видным деятелем Гоминьдана Ван Цзинвэем, который стал премьером так называемого центрального правительства Китая с центром в Нанкине.

Поставив под контроль наиболее развитые районы Китая, японские правящие круги перенесли свое внимание на страны Юго-Восточной Азии. В ноябре 1938 г. правительство принца Коноэ опубликовало официальное заявление, подписанное

императором, о том, что цель японской политики состоит в том, чтобы установить «новый порядок в Восточной Азии». Фактически речь шла о распространении японской экономической и политической гегемонии не только в Китае, но и в странах Юго-Восточной Азии. Для достижения этой цели правительство взяло курс на еще большую милитаризацию всех сфер жизни, с тем, чтобы и государство и общество быстрее переходили на военные рельсы. В это время принимаются законы о контроле государства над военным хозяйством, над торговым судоходством, над производством и распределением искусственных удобрений и ряд других. Важнейшее место занимал закон о контроле над военными финансами. В соответствии с ним ликвидировалась свобода перемещения капитала, вводилось государственное регулирование движения капиталов. Таким образом, происходил отход уже не только от политических, но и от либеральных экономических принципов, заложенных еще в период «реформ Мейдзи».

*Князь Каноз Фумимару -
премьер-министр Японии*

Подтверждением этому стал указ, принятый в октябре 1939 г., по которому цены на все товары, а также арендная плата, плата за фрахт и заработная плата фиксировались на уровне, существовавшем на день публикации указа, и могли быть повышены только с разрешения государственных органов. Это вызвало огромный рост спекуляции и возникновение «черного рынка», что подтолкнуло правительство к введению системы рационирования. В 1940 г. был завершён перевод населения на карточное снабжение.

В 1938 - 1939 году японские войска вступали и в пограничные конфликты с СССР. Все их попытки изменить конфигурацию границы в районе озера Хасан и монгольско-манчжурской границы у реки Халхин-Гол успеха не принесли. Особенно тяжелым оказалось поражение японской шестой

армии в боях на реке Халхин-Гол. После нескольких месяцев боев ее соединения подверглась разгрому, потеряв около 55 тыс. убитыми, ранеными и пленными.

Но это поражение, как и затянувшаяся война в Китае, где японские войска втянулись в тяжелые бои, не уменьшили решимости правящей элиты Японии осуществить давно вынашиваемые планы глобальной экспансии в Азии. Внутри страны остатки демократии были свернуты уже в июле 1940 г., когда премьер-министр Каноэ заявил, что политические партии любых направлений «несовместимы с новой государственной структурой». После этого заявления все политические партии в стране «добровольно» самораспустились, а многопартийность как система организации политической жизни перестала существовать. Вместо прежних политических партий в сентябре 1940 г. появилось «Движение помощи трону». В дальнейшем отход от «реформ Мейдзи» стал еще более очевидным - в декабре 1941 г. уже после нападения на Перл-Харбор был принят закон, который жестко ограничивал свободу слова, печати и собраний и предусматривал получение специальных разрешений на деятельность не только для новых, но и уже существовавших общественных организаций. На основании этого закона было закрыто несколько сотен различных обществ, а также усилены репрессии против «ненадежных элементов» — пацифистов, предполагаемых коммунистов, вообще всех несогласных с политикой правительства. Уже на второй день после начала войны по всей Японии было арестовано 3 тыс. человек. Репрессии коснулись также и профсоюзов. Многие организации ликвидировались, а вместо них насаждались «патриотические» профсоюзы, входившие в так называемое «Общество служения отечеству».

В экономике, отход от «реформ Мейдзи» и переход к государственному регулированию носил почти тотальный характер. В декабре 1940 г. власти организовали так называемые контрольные ассоциации, которые от имени государства осуществляли функции надзора, снабжения и регулирования в различных отраслях. Их председателями были назначены представители крупнейших японских концернов. В 1942 г.

был принят Закон о трудовой повинности, предоставивший правительству право призывать гражданских лиц мужского и женского пола в возрасте от 12 до 70 лет для работы в любой отрасли промышленности и в любом районе Японии вне зависимости от постоянного местожительства.

Подготовка к войне с формированием «Новой политической» и «Новой экономической» структур вкупе с господством имперской идеологии великой Японии кардинально изменили облик страны, обратили вспять ключевые реформы предыдущего периода и превратили Японию в большей степени в традиционалистское государство, чем модернизированное. Ключевые элементы «реформ Мейдзи», связанные с политическим плюрализмом и экономическими свободами и конкуренцией были отставлены ради формирования военной мобилизационной экономики. Страна в результате серии контрреформ превратилась в военизированное и фактически тоталитарное государство, нацеленное на глобальную войну за господство в Азии и в мире.

Окончательный выбор относительно того на чью сторону встать в новой мировой войне японцы сделали 27 сентября 1940 г., в Берлине, когда подписали так называемый «Тройственный пакт» заключенный между Германией, Японией и Италией. В соответствии с ним стороны признавали «руководящее положение» Германии и Италии в Европе и Японии в Азии. Предусматривалось оказание взаимной помощи, «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению» со стороны какой-либо державы, не участвующей в настоящее время в военных действиях.

В ответ на заключение Японией союза с Германией и Италией, которые к тому времени уже находились в состоянии войны с Великобританией, правительство США ввело запрет на вывоз в Японию металлов и лома, а Великобритания вновь открыла бирманско-китайскую дорогу, по которой шло снабжение китайских войск Чан Кайши. В октябре 1940 г. Вашингтон и Лондон пошли еще дальше и подписали соглашение о совместной обороне западного полушария и тихоокеанских владений.

Заключение этого англо-американского союза, явно направленного против Японии, не остановило, а только ускорило начало японского наступления, которое в один момент изменило всю расстановку сил во всем Азиатско-тихоокеанском регионе.

4. Япония во Второй мировой войне: крах имперских иллюзий

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г., когда войска третьего рейха вторглись в Польшу. Это событие существенно изменило расстановку военно-политических сил в Восточной и Юго-Восточной Азии, где и без того обстановка оставалась крайне напряженной в связи с японской агрессией в Китае и все более очевидными внутривосточными переменами в Японии, где сторонники расширения войны заняли доминирующие позиции в руководстве. Начало войны в Европе играло этим силам на руку, так как вступление в войну Великобритании в сентябре 1939 г. и переброска основных сил британского флота в Атлантику существенно осложнило ее возможности по контролю за ситуацией в подчиненных ей колониях. Разгром Франции и Нидерландов немецкими войсками в 1940 г. также резко ослабил власть этих колониальных держав на Востоке. Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. вынудило Советский Союз направить все свои силы, в том числе и с Дальнего Востока, на отражение германского вторжения и тем самым, Япония получила невиданную ранее свободу действий на Тихом Океане.

Не удивительно поэтому, что международная ситуация сложившаяся в Восточной Азии к концу 1941 г. казалась японской военно-политической элите очень благоприятной для начала большой войны. Европейские колониальные державы были сильно ослаблены и не обладали необходимым военным потенциалом, чтобы защищать свои владения. Фактически лишь США могли выступить серьезным оппонентом японской армии, но их силы японское руководство рассчитывало уничтожить одним внезапным и мощным ударом.

Такой удар Япония нанесла утром 7 декабря 1941 г., когда внезапным налетом самолетов авианосной группы по главной базе американского Тихоокеанского флота на Гавайях- Перл - Харбору японцам удалось потопить и повредить значительную часть американского флота и особенно линкоры, составлявшие ядро Тихоокеанского флота США. После разгрома американских кораблей в Перл-Харборе японский флот получил преимущество на Тихом Океане. Японцы без помех высадились в районе Кота-Бару и в Южном Таиланде, потопили крупнейшие британские линкоры у берегов Малакки и начали продвижение по Малаккскому полуострову с севера на Сингапур. В декабре 1941 г. крупные силы японских войск начали филиппинскую операцию, которая завершилась взятием Манилы, отходом американцев на полуостров Батаан и долгой осадой главной их крепости на островах- Коррехидора. В мае американские войска капитулировали, и Филиппины перешли под полный контроль Японии. Японцы высадились на Яве и захватили всю территорию Индонезии, уничтожив в ходе морских сражений совместный американо-британо-голландский флот. 15 февраля 1942 г. перед ними капитулировала сильнейшая британская крепость в Юго-Восточной Азии - Сингапур. Успешно проходили для японцев и операции в Бирме. В первой половине 1942 г. они захватили Рангун и другие ключевые города в этой стране, заставив после ряда сражений защищавшие Бирму китайские дивизии уйти далеко на Север, а британские части отступить в Индию. В середине 1942 г. на юге Тихого Океана японцы продвинулись до Новой Гвинеи, создав угрозу вторжения в Австралию.

В результате всех этих успешных операций Япония за короткое время достигла практически всех основных целей войны. Императорские войска контролировали почти всю Восточную и Юго-Восточную Азию, захватили огромные территории с источниками сырья и рынками сбыта. Но война продолжалась и надежды на то, что США и Великобритания пойдут на заключение мира и признают японские завоевания, не оправдалась. Уже сражение авианосцев в Коралловом море показало, что сопротивление американцев нарастает, а война

затягивается. После поворотной битвы в войне на Тихом Океане у атолла Мидуэй, когда в июне 1942 г. японский флот потерял четыре ударных авианосца и сотни, прекрасно подготовленных пилотов, стало очевидно, что наступательные возможности Японии оказались исчерпанными и ей предстоит тяжелая война на истощение, в которой ресурсы ее противников были неизмеримо выше. После сражения у Мидуэя на японских верфях строилось только 6 авианосцев, а в США — 13 тяжелых и 15 эскортных. Более того выяснилось, что минеральные богатства захваченных стран японцы в полной мере использовать не могут, так как морской путь из Юго-Восточной Азии в Японию подвергался постоянным атакам американских подлодок и торговый флот Японии нес колоссальные потери.

Сражения 1943 г. показали, что оборонительный периметр, который японцы выбрали для своей обороны на Тихом Океане, оказался уязвимым и, несмотря на их ожесточенное сопротивление, наступление превосходящих американских сил успешно развивалась по двум направлениям - через центральные районы Тихого Океана к Японии и на Юге от Новой Гвинеи в направлении Филиппин. Один за другим многочисленные островные гарнизоны японцев гибли под ударами флота и авиации США. Попытка японских военно-морских сил провести масштабную операцию и не допустить высадки американских войск на Филиппинах в заливе Лейте в конце октября 1944 г. привела лишь к тому, что японский флот оказался почти полностью уничтожен американской авиацией. Лишившись сильного флота, Япония оказалась в морской блокаде, и даже массированное наступление на юге Китая с целью создания сухопутного транспортного коридора из ЮВА через

*Адмирал Ямато -
главнокомандующий Объединенным флотом Японии..*

Вьетнам, Китай и Корею в Японию, несмотря на успехи японских войск, ситуацию не спасло.

Крайне негативно развивалась для японцев и события в оккупированных ими странах ЮВА. Местные националисты, на которых они так рассчитывали опереться, убедившись, что «освободители» преследуют свои собственные интересы, быстро обернулись против них. Созданные японцами, так называемые национальные армии, только ждали момента как в Индонезии или Бирме, чтобы выступить против оккупантов. Потеря островов Иводзима в феврале 1945г. и Окинава к началу июля лишь подчеркнули безнадежность военного положения страны. Япония находилась под постоянными ударами американских тяжелых бомбардировщиков, многие города лежали в руинах, погибли сотни тысяч людей.

Отказ от условий капитуляции, выдвинутый союзниками на Потсдамской конференции, который инициировали наиболее упорные и непримиримые японские военные, только продлили агонию существовавшего режима. В начале августа 1945 г. события стали развиваться очень быстро: 6 и 9 августа 1945 г. американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки; 8 августа СССР объявил войну Японии и его войска перешли в наступление в Маньчжурии; 15 августа, несмотря на протесты наиболее непримиримых военных, император Хирохито объявил о капитуляции страны. 20 августа в Маниле в штабе американского главнокомандующего генерала Макартура японским представителем был вручен акт о капитуляции, согласованный союзными державами. Церемония его подписания произошла 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора Миссури в Токийском заливе. Этот день японской капитуляции принято считать датой окончания Второй мировой войны.

Глава III. Корея под властью Японии в 20-е-40-е годы

1. Восстание 1919 г. и его последствия для формирования национально-освободительного движения

Окончание Первой мировой войны и огромные перемены в мире, связанные с распадом европейских империй и революционными событиями в России, оказали большое влияние на формирование корейского национального движения.

Корейцы выступали против японской власти и стремились к независимости, рассчитывая на поддержку великих держав и, прежде всего США. В феврале 1919 г., в Сеуле был создан инициативный центр по организации движения за независимость Кореи во главе с лидером организации «Чхондогё» Сон Бёнхи. Этот политик составил Декларацию независимости, в которой указывалось, что «Корея независимая страна, а ее народ самостоятелен. Мы, утверждалось в этом документе, - стремимся добиться того, чтобы и наше, и будущие поколения соотечественников отныне и во веки веков пользовались этим законным правом». Документ был направлен в японский парламент, генерал-губернатору Кореи и в адрес Парижской мирной конференции.

1 марта 1919 г., накануне похорон последнего корейского императора Коджона, в присутствии 4 тыс. человек декларация независимости была провозглашена и поддержана всеми корейцами. Ее текст быстро распространился по стране и во многих городах начались манифестации под лозунгами: «Да здравствует независимая Корея!», «Японцы, убирайтесь домой!», «Корея принадлежит корейскому народу!» Японские власти в ответ объявили в Сеуле, Пхеньяне и других крупных городах военное положение. 5 марта в Сеуле произошла новая демонстрация с участием более 100 тыс. человек. Полиция встретила демонстрантов ружейным огнем. Для того, чтобы подавить это движение, японцы убили почти 8 тыс., ранили

почти 16 тыс. и арестовали около 53 тыс. человек. Было сожжено 760 корейских домов, 47 церквей, что может служить подтверждением того, что корейские протестанты и католики самым энергичным образом противостояли властям.

Ли Сын Манн - первый президент Корейской республики

В апреле 1919 г. эмигрировавшие из Кореи лидеры мартовских выступлений созвали в Шанхае Корейский национальный конгресс, который провозгласил образование Корейской Республики и избрал Временное правительство. Президентом Корейской Республики провозгласили Ли Сынмана. В состав правительства вошли представители корейских эмигрантских кругов Шанхая, Маньчжурии, США, а также Корейской социалистической партии и Корейского национального совета Рос-

сии. Корейские эмигранты подготовили проект первой конституции страны, в которой консервативно-монархическая альтернатива для Кореи полностью исключалась, и будущее ее представлялось им уже как демократическое свободное и многопартийное. В отношении способов борьбы за независимость Кореи эмигранты раскололись - более радикальные выступали за вооруженное сопротивление и за последующий путь ориентации на Советскую Россию и на идеи марксизма и коммунизма. Другие выступали за выборы, реформы и строительство страны в рамках западно-либеральной модели. Временное правительство приняло в Шанхае конституцию Корейской Республики, в которой идеи монархии и империи отсутствовали, а провозглашалось, что власть в Корейской Республике принадлежит народу.

В мае 1919 г. во Владивостоке состоялся еще один съезд двух корейских социалистических организаций — Союза корейских социалистов (Ханин сахве тонмэн) и Союза новых граждан (Синмин) Они объединились в единую Корейскую

социалистическую партию, заявившую о вхождении в Коминтерн. Второй центр левого движения сформировался в Шанхае, где группа корейских революционеров созвала другой съезд, который провозгласил образование еще одной компартии, принял ее платформу, манифест и устав, объявил о ее вступлении (вместо Корейской социалистической партии) в Коминтерн. В начале 20-х годов формируется и третий зарубежный центр корейского коммунистического движения — в Японии, в состав которого входили главным образом обучающиеся в Японии корейские студенты.

Наличие нескольких конкурировавших между собой коммунистических центров привело к тому, что Компартия Кореи, образованная на конспиративном собрании коммунистов. 17 апреля 1925 г. в Сеуле была вскоре распущена по решению VI Конгресса Коминтерна из-за открытой межфракционной борьбы между различными группами коммунистов. Эта борьба продолжалась длительное время и, поэтому в 30-40-е годы среди корейских коммунистов сложилось три основные группы: «внутренняя», «яньаньская», и «маньчжурская» (или «партизанская»). Во «внутреннюю» группу входили коммунисты, не покинувшие страну и в условиях полицейских преследований продолжавшие подпольную деятельность в самой Корее, главным образом, в Сеуле и южных районах страны. «Яньаньскую» группу составили коммунисты, находившиеся в эмиграции в Китае и после начала японской агрессии, собравшиеся в штаб-квартире Компартии Китая в Яньани. В 1942 году они создали там «Северокитайскую Лигу независимости Кореи» («Лига независимости», «Чосон тоннип тонмэн») — наиболее крупную из всех существовавших за рубежом корейских коммунистических организаций, а также военную организацию — «Корпус Корейских Добровольцев».

«Партизанская» группа представляла собой партизанские отряды, с 1934 года объединённые в Корейскую народно-революционную армию. Эта армия, представлявшая из себя по большей части небольшие партизанские отряды, участвовала в нападениях на японские гарнизоны, расквартированные в Маньчжурии и в северных районах Кореи. В 1936-1939 го-

дах она действовала особенно активно, но после того как японцы усилили свои войска в приграничных с СССР районах и разгромили несколько партизанских баз, многие ее командиры перешли на сторону японцев, другие же отступили на территорию Советского Союза. Одним из партизанских командиров, перешедших на Дальний Восток, оказался Ким Ир Сен, ставший позже многолетним правителем Северной Кореи.

Политические процессы в прозападной и либеральной части политического спектра корейского освободительного движения развивались примерно также как и в прокоммунистической среде – межфракционные распри происходили почти непрерывно внутри образованного в 1919 г. Временного правительства. Формально оно претендовало на лидерство в освободительном движении, но реально, находясь сначала в Шанхае, а позже переехав в Чунцин, влачило малозаметное существование. Оно так и не получило признания других мировых держав, полностью зависело от дотаций со стороны Гоминьдана и Чан Кайши. Такая зависимость особенно проявилась в 1943 г., когда Чан Кайши навязал чунцинским корейцам совершенно невыгодный им договор. В соответствии с ним предусматривалась передача будущим корейским правительством прав на внешние сношения и на управление корейской промышленностью Гоминьдану, а сам Чан Кайши, в свою очередь, брал обязательство оказывать своим корейским контрагентам материальную помощь и содействовать их приходу к власти.

Для того чтобы продемонстрировать хоть какие-то признаки жизни в 1940 году под эгидой Временного правительства Кореи началось формирование так называемой корейской Армии возрождения. С началом войны на Тихом океане ее подразделения были направлены в Индию и Бирму, где совместно с англичанами принимали участие в боях. После капитуляции Японии подразделения этой армии были переброшены американцами в Южную Корею, где сыграли важную роль в укреплении власти правительства Ли Сынмана.

Более активным, чем в Чунцине оказался третий центр корейской эмиграции – в США. И это было не случайно, так как главным лидером корейцев в США стал Ли Сынман, избранный еще в 1919 г. президентом Корейской республики. В США корейские эмигранты создали две организации — Корейскую комиссию и Корейско-американский совет. Комиссию возглавлял сам Ли Сынман, который в ней представлял Временное правительство Кореи. Задача этой комиссии заключалась в том, чтобы «добиться такого положения, чтобы к этому правительству относились так же, как к правительствам стран, подписавшим Декларацию Объединенных Наций». Перед конференцией США, Англии и Китая в Каире в 1943 г. Ли Сынман и его окружение издали программные документы о послевоенном устройстве Кореи под названием «Корея и война на Тихом океане». Издание состояло из трех частей — военной, политической и экономической. В первой части выражалась готовность создать корейскую армию и в качестве ее ядра использовать Армию возрождения Временного правительства. Вторая часть предусматривала образование корейского правительства и составление Конституции, за основу которой будет взята Конституция Временного правительства 1919 г. В третьей части говорилось об экономическом восстановлении Кореи с помощью США.

2. Политическая и экономическая ситуация в Корее накануне окончания Второй мировой войны

Накануне окончания Второй мировой войны Ли Сынман, понимая, что после войны в статусе Корея произойдут решительные перемены, действовал особенно активно. В феврале 1945 г. он потребовал признать право Временного правительства на участие в работе конференции в Сан-Франциско. Для того, чтобы добиться такой возможности возглавляемое им Временное правительство Кореи даже объявило войну Германии.

В самой Корее ситуация также стала постепенно меняться. Политика ассимиляции, когда корейцев заставляли брать

японские имена, говорить только по-японски и выражать почтение японскому императору как сакральному правителю страны постепенно сходилась на нет. Несмотря на то, что сотни тысяч корейцев были мобилизованы в армию и служили японцам, стало очевидным, что превратить их в «новых японцев» не получится. В условиях все более масштабных поражений японские власти вынуждены были и несколько ослабить «сабельный режим» и более широко привлекать корейцев к управлению, прежде всего в сфере экономики и промышленности. За годы войны общее количество промышленных предприятий в Корее существенно выросло с 6952 в 1939 г. до 14 856 в 1945 г. В стране функционировали пять крупных металлургических комбинатов с годовой мощностью около 1 млн. т чугуна и 800 тыс. т стали, начали работать перебазируемые из Японии автомобильные и авиасборочные заводы. Добыча угля в стране, уже в 1941 г. составлявшая около 6 млн. т, превысила в 1944 г. 8 млн. т. Добыча железной руды возросла в те же годы с 2 млн. до 3 млн. т.

Растущая зависимость Японии от положения дел в Корее привела к тому, что японцы стали искать поддержку со стороны местной корейской элиты, представители которой наконец-то стали допускать в руководящие органы японских компаний и обществ. Отдельных наиболее связанных с японцами людей стали подключать к политической жизни с тем, чтобы они выступали от имени корейского народа. Рассчитывая на укрепление политических позиций коллаборационистов, японцы в 1944 г. приняли закон о предоставлении корейцам политических прав. Однако эта ключевая политическая реформа слишком запоздала, как впрочем, и все политические реформы, которые японцы срочно стали проводить в захваченных ими странах Азии накануне своего поражения. Прояпонская политическая элита в Корее так и не сформировалась, поэтому после того как японцы капитулировали будущее страны оказалось в руках эмигрантов, связанных либо с советскими и китайскими коммунистами, либо с американскими и гоминьдановскими кругами, которые осенью 1945 г. в массовом порядке стали возвращаться в страну.

ГЛАВА IV. Китай: модернизация и гражданская война в 20-40-е годы

1. Особенность политической борьбы в период 20-х годов

После окончания Первой мировой войны ситуация в Китае оставалась неопределенной. В стране не оказалось политической силы, которая могла бы обуздать милитаристов и местных сепаратистов. В правящей элите отсутствовало единство, продолжалась борьба между правительствами на Севере и на Юге.

На фоне очевидного национально-го раскола в Китае активно распространялись левые, демократические и республиканские идеи, особенно в связи с революционными событиями в России и приходом к власти большевиков. Идеи социальной справедливости, национальной независимости и сильного государства, с которыми ассоциировалась социалистическая перспектива, оказались особенно популярны у учащейся молодежи. Кроме социалистических, распространялись и либеральные идеи, увлекавшие молодых китайцев перспективами строительства в стране свободного, демократического общества.

Следует отметить, что выступали они тогда, как общая альтернатива произволу милитаристов, и коррумпированных слабых политиков, зависимых от иностранных держав, и воспринимались как наиболее удачный путь строительства нового Китая.

Левонастроенная интеллигенция и молодежь группировалась главным образом вокруг журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь»), основанного профессором Пекинского университета Чэнь Ду Сю. Журнал стал центром «движения за новую куль-

*Чэнь Дусю -
первый Генеральный секретарь
Компартии Китая*

туру», за обновление и демократизацию Китая. Участники движения считали главным препятствием в развитии Китая консерватизм конфуцианства. Они утверждали, что старая литература и ее письменный язык (вэньянь) были органично связаны с кастовой культурой, конфуцианской идеологией, что на их основе нельзя было добиться развития новых сфер культуры и науки. Они предлагали выдвинуть на первый план разговорный язык байхуа, который способны будут выучить миллионы людей.

В это время в Китае происходили как бы два разнонаправленных процесса: с одной стороны раскол государства и борьба милитаристских групп за власть и влияние, а с другой расширение интеллектуальной и массовой базы для либеральных и демократических идей. Знаковым событием этого периода стал революционный взрыв, детонатором к которому стали события 4 мая 1919 г. В тот день более 3 тыс. студентов 13 высших учебных заведений Пекина вышли на площадь Тяньаньмень с требованиями не подписывать Версальский мирный договор, пока не будут удовлетворены требования китайской делегации - передать Китаю Шаньдун, аннулировать японское «21 требование», изгнать из правительства прояпонски настроенных министров. Попытки правительства Дуань Цижуня силой подавить молодежное движение протеста вызвало лишь новую и более широкую волну антияпонских и антиправительственных выступлений уже не только в Пекине, но и в Тяньцзине, Шанхае, Нанкине, Чанша и других городах. В майские дни в движении протеста активно участвовали учащиеся высших и средних учебных заведений, постепенно центр его переместился в Шанхай, где 4 июня, солидаризируясь с учащейся молодежью, объявили всеобщую стачку торговцы, которую поддержали забастовкой шанхайские рабочие. В патриотическом движении протеста участвовало примерно 60 тыс. шанхайских рабочих, а затем и рабочие других городов.

Массовая кампания протеста заставила правительство отказаться от подписания Версальского мирного договора, отстранить от власти министров служивших японским интересам, прекратить репрессии против участников патриотического движения. Все это говорило о том, что демонстрации и забастовки как формы политического давления могут иметь успех и что власть

в Китае не настолько сильна, чтобы игнорировать народные протесты такого масштаба. Однако историческое место «Движения 4 мая» определяется не только этим. Это движение захватило молодежь, к нему примкнули интеллигенция, предприниматели, рабочие - тысячи людей, которые таким путем вошли в китайскую политику. Общенациональный характер подъема был столь значительным, что даже некоторые милитаристы (например, У Пэйфу) вынуждены были его поддержать.

В «Движении 4 мая» активно участвовали будущие видные деятели Компартии Китая, которые уже в апреле 1920 г. установили связи с Коминтерном, который направил группу своих работников из Владивостока для распространения социалистических идей и помощи китайским марксистам в организации коммунистических кружков в крупных городах. В Шанхае, например, уже в августе 1920 г. был создан первый кружок во главе с Чэнь Дусю, затем в Пекине, в Чанша (руководитель Мао Цзэдун), Гуанчжоу, Ухане, Цзинане и среди китайских эмигрантов в Токио. Активно распространялись марксизм и большевистские идеи и среди китайской молодежи, работавшей и учившейся в Европе. В начале 1921 г. во Франции, создается кружок по изучению марксизма. В него вошли Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Чэнь И и другие будущие известные деятели Компартии. «Китайцы обрели марксизм в результате применения его русскими... — напишет впоследствии Мао Цзэдун. — Идти по пути русских — таков был вывод». В опыте Октября, в идеях большевиков молодых китайских радикалов привлекло представление о том, что процесс естественно-исторического развития общества можно прервать и перейти к такому революционному развитию, которое позволяло бы построить справедливое

Чжоу Эньлай - один из ключевых лидеров китайских коммунистов, бессменный председатель Госсовета КНР

социалистическое общество не как посткапиталистическое, а как альтернативное ему.

Оформление коммунистических кружков в политическую партию произошло в июле 1921 г. в Шанхае, где состоялся I съезд Коммунистической партии Китая. Делегаты его представляли семь кружков, в которых состояло всего 53 человека. На съезде была принята первая программа КПК и «Первое решение» о целях КПК. Руководящим органом было избрано Временное бюро во главе с Чэнь Дусю. Главной задачей коммунистов была объявлена борьба за победу диктатуры пролетариата. Таким образом, кроме Гоминьдана на политической арене Китая появились мало кому тогда заметные коммунисты. У обеих политических организаций были общие политические враги в лице милитаристских клик, общие цели в русле идей демократизации и обновления, общая слабость организационных и военных структур.

Чэнь И - маршал и многолетний министр иностранных дел КНР

Следует отметить, что у коммунистов долгое время были колебания, вступать ли в союз с Гоминьданом или развиваться отдельно. В этой связи большое значение имело принятие на втором съезде КПК, проходившем нелегально в Шанхае 16-23 июля 1922 года так называемой программы - минимум, опубликованной в виде «Декларации II съезда КПК». В этом документе формулировалась концепция единого антиимпериалистического фронта и поддержка рабочим классом революционного буржуазно-демократического движения. Фактически на съезде было принято решение идти на союз с Гоминьданом в борьбе против общих врагов - империализма и милитаризма. Как показали последующие события, это было логичным и разумным решением в сложившихся обстоятельствах. Под крылом Гоминьдана Компартия выросла и численно и

организационно, могла проводить активную работу по расширению своего влияния на общество.

Съезд также принял Устав КПК, определивший главной задачей КПК как пролетарской партии большевистского типа руководство пролетариатом и его классовое воспитание. КПК также вступила в Коминтерн.

В феврале 1923 г., при поддержке части южных милитаристов Сунь Ятсен вновь вернулся в Гуанчжоу и начал реорганизацию Гоминьдана на принципах демократического централизма. Он со своей стороны заключил союз с коммунистами, которые вошли в Гоминьдан своей отдельной организацией. Первый конгресс реорганизованного Гоминьдана состоялся в Гуанчжоу в январе 1924 г. На конгрессе присутствовали делегаты, представлявшие 11 тыс. членов Гоминьдана, в том числе и члены КПК. Конгресс принял манифест, программу и устав. Их

содержание было направлено на превращение Гоминьдана в массовую политическую партию с четкой организационной структурой и строгой дисциплиной. Было положено начало созданию собственной армии Гоминьдана как на базе войск южных милитаристов, поддерживавших Сунь Ятсена, так и военной офицерской школы Вампу (Хуанпу), в которой обучались собственные военные кадры Гоминьдана. Начальником школы был назначен Чан Кайши, политработу вел коммунист Чжоу Эньлай.

По мере укрепления позиций Гоминьдана в стране и превращения его в ведущую политическую силу, особенно на Юге, разногласия между коммунистами и республиканцами стали возникать все более часто. До смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. определенный баланс сил удавалось поддерживать, хотя всем было очевидно, что у Гоминьдана была своя программа реформ, а у коммунистов своя.

ДЭН Сяопин – политик, сумевший вдохнуть новые идеи в китайскую революцию

После смерти Сунь Ятсена в Гоминьдане активизировалось антикоммунистически настроенное крыло, которое критиковало саму форму единого фронта: наличие у вступивших в Гоминьдан коммунистов собственной партии, организационно оформленной, со своими съездами, уставом, программой. В то же время и коммунисты в документах IV съезда КПК, заявили о курсе на завоевание гегемонии в революционном процессе, в руководстве рабочим движением, поставили цель освободить профсоюзы от влияния Гоминьдана. В ответ Чан Кайши 20 марта 1926 года снял китайских коммунистов с руководящих постов в Гоминьдане. На следующий день он потребовал ухода комиссаров и коммунистов из военной школы Вампу

В мае 1926 г. пленум ЦИК Гоминьдана принял решение, ограничить права коммунистов на занятие руководящих постов в Гоминьдане. На этом же пленуме сообщили, что в Гоминьдане состоят около 300 тыс. членов в 20 провинциях Китая и около 100 тыс. за границей. Программа по крестьянскому вопросу, принятая пленумом Гоминьдана, исключала объявленную коммунистами классовую борьбу в деревне, что на практике означало противопоставление крестьянских союзов бедняков имущим слоям деревни. В противовес мнению коммунистов было заявлено, что рабочее движение должно развиваться не по пути классовых конфликтов, а в интересах развития национальной революции и под неперменным контролем Гоминьдана.

Летом 1926 г. под командованием Чан Кайши, который возглавил Народно-революционную армию после смерти Сунь Ятсена, был начат так называемый Северный поход, в результате которого основные клики милитаристов были разгромлены, а войска Гоминьдана вошли в Пекин. Успех северного похода и превращение Гоминьдана в доминирующую политическую силу еще более обострило противоречия с коммунистами. Антикоммунисты в Гоминьдане стали требовать изгнания коммунистов, разгрома Компартии и ареста их лидеров. Сам Чан Кайши считал, что Коминтерн ставит своей целью посредством советских советников и китайских коммунистов захватить Гоминьдан и Национальное правительство и если это произойдет, то Китай будет вновь зависеть от внешних сил. Он позже утверждал, что

для него «красный империализм» Москвы был не лучше империализма капиталистических держав.

В мае 1927 г. командир одной из гоминьдановских дивизий поднял мятеж, требуя обуздать руководимые коммунистами крестьянские союзы, чуть позже командир полка в главном городе провинции Хунань - Чанша разоружил рабочие пикеты и изгнал коммунистов. ЦИК Гоминьдана в Ухане принял решение о разрыве с КПК, а коммунистам, занимавшим посты в Гоминьдане, было сказано немедленно отказаться от своего членства в партии. Эти события обозначили очевидный разрыв и конец эпохи единого фронта, двух партий выступавших за модернизацию, но имевших разные модели и программы того как ее добиться.

В ответ Компартия приняла решение об организации в Наньчане вооруженного восстания против Гоминьдана силами частей НРА, руководимых коммунистами. Целью восстания был поход революционных войск в Гуандун, воссоздание там революционной базы и организация нового Северного похода. КПК провозгласила радикальные требования - конфисковать земли крупных помещиков, снизить крестьянам арендную плату. В сентябре 1927 г. лозунг воссоздания левого, революционного Гоминьдана, в который могли бы вернуться коммунисты, был заменен лозунгом образования Советов, которые должны были стать органами демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Ожесточенность противостояния Гоминьдана и КПК нарастала. Восстание под руководством коммунистов на Юге страны потерпело неудачу, однако полностью уничтожить своих политических противников гоминьдановцем так и не удалось. Коммунисты отступили, и это означало, что борьба за власть не закончена и, что поражение восстания оказалось только началом длительной борьбы между двумя политическими течениями. Уже осенью 1927 г. отряд во главе с Мао Цзэдуном пришел в горный район Цзинганшань на границе провинций Хунань и Цзянси, к нему в начале 1928 г. присоединился отряд другого коммуниста будущего маршала Чжу Дэ. Вместе они образовали 4-й корпус Красной армии, положившей начало формированию армии Компартии.

Таким образом, к началу 30-х годов в Китае сложилась совершенно новая расстановка сил: с одной стороны Гоминьдан, подчинивший себе после северного похода практически всех милитаристов и перенесший столицу страны в Нанкин, с другой - коммунисты, которые сумели избежать разгрома, отступив в отдаленные районы. Их влияние в стране резко сократилось, так как они оказались на периферии политического процесса, который стал развиваться на основе программы Гоминьдана.

2. Вооруженное противостояние Компартии и Гоминьдана в 30-е годы

Военное объединение Китая, о чем объявил Чан Кайши в 1928 г., когда он перенес столицу страны на Юг в Нанкин, напряженную ситуацию в стране не разрядило. Власть Гоминьдана оставалась во многих местах и провинциях чисто номинальной. Требовалось время и жесткая политика, чтобы ликвидировать местничество и сепаратизм. В Гоминьдане это прекрасно понимали, поэтому в конце 1928 г. ЦИК Гоминьдана объявил о начале с 1 января 1929 г. «периода политической опеки» сроком на шесть лет. Этот период должен был подготовить установление в стране конституционного правления, осуществляемого Национальным собранием, избираемым народом. Специально созданная комиссия разработала программу политической опеки и «Органический закон Национального правительства Китайской Республики». В этих документах устанавливались принципы организации власти и «партийной опеки» Гоминьдана над всеми сферами государственного управления. Высшим органом государства объявлялся Национальный конгресс Гоминьдана. Закон об опеке означал фактический отход Гоминьдана от демократических принципов, таким путем верхушка Гоминьдана на шесть лет установила свою диктатуру, взяв в свои руки все ветви власти.

Чан Кайши превратился и в военного и в политического лидера, сосредоточил в своих руках властные посты: председателя Национального правительства, председателя Военного совета ЦИК Гоминьдана, главнокомандующего. В январе 1928 г. по его инициативе был обнародован манифест Национального прави-

тельства, в котором было заявлено требование отменить неравноправные договора великих держав с Китаем, заключенные ранее. Чан Кайши собирался вернуть контроль над китайскими морскими таможнями, ликвидировать отчужденные территории иностранных селтльментов и концессий, исключить неподсудность иностранцев китайским законам (право экстерриториальности). Другая его цель состояла в том, чтобы сокрушить коммунистов, которые отступив в периферийные районы, успешно перегруппировались, сформировали там военные силы, которые охраняли контролируемые ими территории.

Следует отметить, что так называемые «советские районы», где власть находилась в руках коммунистов, не являлись стабильно контролируемой ими территорией. Ведя маневренную партизанскую войну, отряды китайской Красной армии перемещались, осваивая все более отдаленные, недоступные места. В конце 1930 г. правительство Чан Кайши организовало первый военный поход, чтобы ликвидировать Центральный советский район, но сделать это не удалось. Военные неудачи Гоминьдана позволили коммунистам усилить свои организационные и пропагандистские структуры - в ноябре 1931 г. в административном центре Центрального советского района — городе Жуйцзине состоялся 1-й Всекитайский съезд представителей советских районов. На нем было провозглашено создание Китайской Советской республики. Главой этой республики и председателем правительства был избран Мао Цзэдун. Съезд принял проект конституции и проекты законов об аграрной политике, экономической политике, по национальному вопросу. Закон о земле устанавливал безвозмездную конфискацию земли и имущества помещиков и кулаков, закреплял деревенскую бедноту как главную силу в деревне, поддерживавшую коммунистов.

В 1934 г. после серии неудач войска Гоминьдана плотно окружили территории, контролируемые коммунистами, и готовились нанести им решающее поражение. Однако те в октябре 1934 г. совершили прорыв из кольца и начали так называемый великий поход Красной армии на северо-запад, в окраинные районы на севере провинции Шаньси, куда они пришли после почти года скитаний и боев. В результате отхода на северо-запад коммунисты, хотя и потеряли довольно значительные территории, но со-

хранили свои силы, не позволили Гоминьдану победить их в гражданской войне. Во время похода, китайская Красная армия прошла с непрерывными боями свыше 10 тысяч километров, пересекла 12 провинций, преодолела 18 горных цепей, форсировала 24 реки и на северо - запад из примерно 85 тысяч человек, вышедших из Центрального советского района на Юге в провинции Цзянси, пришло только 4 тысячи. Однако это были закаленные и абсолютно преданные коммунистической идее люди, которые составили костяк партии, превратили ее в хорошо организованную и устойчивую к любым испытаниям структуру.

Молодой Мао Цзэдун

Во время этого похода еще более обозначилось лидерство Мао Цзэдуна. В январе 1935 г. в г. Цзуньи (провинция Гуйчжоу) на расширенном совещании Политбюро ЦК КПК он выступил с резкой критикой ошибок, которые, по его мнению, были допущены частью руководства, и в том числе представителем Коминтерна в ходе подготовки и проведения военных операций. На этом совещании Мао Цзэдун был введен в состав Секретариата ЦК КПК и сменил Чжоу Эньляя на посту комиссара Красной армии. Он также возглавил Военный комитет ЦК КПК.

3. Политическая борьба в Китае в период японской агрессии

Великий поход Красной армии совпал по времени с другим значительным событием в жизни Китая. Япония, укрепив свою власть в Маньчжурии, продолжила экспансионистскую в отношении Китая политику. В октябре 1935 г., когда Чан Кайши гонялся в горах за войсками коммунистов, Япония предъявила его правительству в Нанкине ультиматум. В Токио требовали от китайского правительства официально признать легитимность созданного после захвата Маньчжурии и полностью контролируе-

мого японцами государства Маньчжоу -- Го, а также подавить антияпонское движение в стране и развивать всестороннее сотрудничество с Японией. Этот ультиматум был руководством Гоминьдана отклонен. По всей видимости Чан Кайши учел печальный опыт Юань Шикая, который после принятия японских условий в 1915 году подорвал свою власть, растеряв авторитет и уважение в народе и правящей элите.

Отказ Чан Кайши принять японские требования только ускорил японскую экспансию. В 1936 году были аннексированы провинции Жэхэ и Чохар, а контролируемые японцами территории почти окружили Пекин. В июле 1937 г. после военной провокации, на пограничном мосту в Лугоуцзяо, японская армия перешла в полномасштабное наступление в Северном Китае. 28 июля был захвачен Пекин, 29 июля — Тяньцзинь. 13 августа начались бои за Шанхай, который был захвачен 11 ноября. 13 декабря пала столица Гоминьдана Нанкин, где японцы устроили массовые убийства мирных жителей. Правительство Китая эвакуировалось сначала в Ухань, а позже после падения и этого города в столицу Сычуани - Чунцин.

Следует отметить, что хотя японская армия в Китае и добилась очень значительных побед, ее сил для захвата всего Китая было явно недостаточно. Чан Кайши показал неожиданную твердость и решимость воевать с японцами до конца. Убедившись в этом, японцы попытались расколоть Гоминьдан, привлечь на свою сторону прояпонское крыло этой партии, чтобы с его помощью сформировать новое марионеточное, зависимое от Токио, правительство Китая. Они убедили одного из лидеров Гоминьдана Ван Цзинвэя заявить о принятии японского ультиматума. Вслед за этим Ван Цзинвэй и его сторонники бежали из Чунцина в оккупированный японцами Нанкин. Там японцы составили из них так называемое «центральное правительство» в Нанкине.

*Чан Кайши - бессменный лидер
Гоминьдана*

В новых условиях сложившихся в стране, когда японская агрессия стала угрожать самому существованию независимого Китая, вопрос о прекращении гражданской войны и воссоздании единого фронта против агрессора стал на повестку дня. После серии переговоров представители Компартии и Гоминьдана договорились о прекращении огня и объединении усилий против японской экспансии. Инициаторами этого соглашения выступили коммунисты, когда еще 8 июля 1937 г. они обратились к правительству Чан Кайши с предложением о сотрудничестве. В специальном заявлении ЦК КПК руководство Компартии призвало Гоминьдан общими усилиями отстоять независимость и свободу китайской нации путем мобилизации всего народа на национально-революционную войну.

Чжу Дэ - маршал народной освободительной армии Китая

Коммунисты предлагали установить демократический режим и созвать национальное собрание, чтобы выработать конституцию и план спасения страны. При этом они давали обещание вести борьбу за осуществление трех народных принципов Сунь Ятсена; прекратить организацию восстаний, направленных на свержение гоминдановских властей; отменить политику насильственной конфискации помещичьих земель; преобразовать Советское правительство в целях создания единой для всей страны демократической власти; Они даже согласились

изменить название Красной армии и реорганизовать ее в часть Национально-революционной армии, подчиняющейся Военному совету Национального правительства, которая будет вести борьбу с японскими захватчиками на первой линии фронта.

Понятно, что Чан Кайши не доверял заявлениям коммунистов, но в сложившихся условиях у него не было иного выбора, как согласиться на создание с ними единого национального фронта. При этом правительство Гоминьдана признавало легальный статус коммунистического правительства Пограничного

района Шэньси — Ганьсу — Нинся, а также вооруженных сил, руководимых КПК. 22 августа был издан официальный приказ о преобразовании китайской Красной армии в 8-ю Национально-революционную армию. Командующим 8-й НРА был назначен Чжу Дэ, его заместителем — Пэн Дэхуай. Численность армии составляла в то время 45 тыс. человек.

В конце сентября было опубликовано специальное заявление Чан Кайши об установлении сотрудничества Гоминьдана и КПК. Правительство признало легальное положение КПК и, тогда же 8-я армия НРА получила разрешение выступить на фронт в Северном Китае. В октябре Гоминдан согласился на создание под руководством коммунистов еще одной, Новой 4-й армии в Центральном Китае. Вскоре эта армия (12 тыс. бойцов) также начала боевые действия.

Благодаря союзу с Гоминьданом китайские коммунисты самым решительным образом изменили свое положение в стране. Им удалось не только выстоять в почти безнадежной ситуации, но и легализовать и свою власть на подконтрольной территории, и свои войска. Они получили передышку от постоянных атак войск Гоминьдана и начали планомерно укреплять армию и против японцев и в перспективе, готовясь к неизбежной новой схватке с Гоминьданом.

4. КПК и Гоминьдан в годы Второй мировой войны. Изменение баланса сил в Китае

Во время войны внутри КПК произошли значительные перемены, связанные с окончательным утверждением Мао Цзэдуна во главе партии. Находясь в Яньани, он провел кампанию чистки партийных рядов, в результате которой ставленники Коминтерна в КПК во главе с Ван Мином утратили в партии всякое влияние. В ходе кампании, которую он называл Чжэнфэн. (упорядочивание стиля работы), продолжавшейся несколько лет и наиболее активно в 1942 - 1944 гг., практически весь аппарат Компартии прошел через собрания критики и самокритики. В это время особенно процветали доносы, аресты, покаяния. Арестованные на допросах вынуждены были указывать на других «сообщников» чтобы спасти себя от расправы, а также писать покаянные заяв-

ления и выступать с публичными раскаяниями в прояпонской или прогоминьдановской деятельности. За этот период репрессиям подверглось большое число партийцев, а большинство испытало настоящий шок от выдвинутых против них обвинений. Страх, ставшая очевидной зависимостью прошедших через Чжэнфэн партийных функционеров от Мао Цзэдуна, сформировали новую вертикаль власти в форме личной преданности вождю. Кроме того Чжэнфэн привел к укреплению партийной дисциплины, превратил партию в слаженную иерархическую структуру, подчиненную своему лидеру и признающую его полную легитимность в принятии основных решений.

Мао и Чан Кайши во время переговоров 1945 г.

Если говорить о стратегии, которую использовал Мао Цзэдун в борьбе с японцами, то она сводилась к полному приоритету партизанской тактики, к отказу от сколько-нибудь крупномасштабных операций против японских войск. Мао Цзэдун старался всячески укреплять армию для послевоенной схватки с Гоминьданом, он старался организовывать наступления там, где японцы были слабы и где шансы на успех операции были высоки. Такая тактика позволила добиться значительного расширения освобожденных районов. Только в ходе операции «Ста полков» в

1940 г. КПК поставила под свой контроль почти пять миллионов человек. К весне 1945 г. существовало уже 19 освобожденных зон, главным образом в Северо-западном Китае.

Гоминьдан и армия под командованием правительства Чан Кайши с большим трудом вынесли основные тяготы многолетней войны с японцами. В отличие от коммунистов, которые выходили из войны более сплоченными и с намного более сильными войсками, чем это было в 1937 г., гоминьдановские войска к концу войны выглядели даже слабее чем в ее начале. Одна из причин этого заключалась в том, что в ходе ожесточенных сражений 1944 - 1945 гг. когда японская армия сумела пробить сухопутный коридор через весь Китай с юга на север от границы с Вьетнамом и до Кореи, лучшие военные части Чан Кайши понесли тяжелые потери. Это касалось и личного состава и с таким трудом поставленной им американцами и англичанами боевой техники.

Вопрос техники для армии Гоминьдана стоял особенно остро, так как еще в 1939-1940 гг. после захвата большинства китайских портов японской армией, у правительства Китая остались только три пути для получения помощи от союзников — узкоколейная дорога в Куньмин из вьетнамского Хайфона во Французском Индокитае; извилистая Бирманская дорога, по которой военные грузы, прибывавшие в бирманские порты, отправлялись в Юнанань через территорию британской Бирмы и, наконец, дорога через Синьцзян, проходившая от советско-китайской границы. Все это были довольно уязвимые и сложные пути доставки военных грузов и, в результате, войска Гоминьдана получали явно недостаточную военную помощь, особенно современной техникой с учетом масштаба военных операций в Китае. Даже в январе-феврале 1945 г., когда на всех других фронтах все уже было предрешено, китайские правительственные войска с трудом оборонялись от наступающих японских войск в провинциях Хунань, Гуандун и Гуанси. С конца марта по май продолжалась еще одна наступательная операция японцев в западной части провинции Хэнань и в северной части провинции Хубэй. Успех японских войск в этих операциях, тогда, когда Япония по сути уже стояла на краю военной катастрофы, объяснялся общей слабостью гоминьдановских сил.

Следует отметить также, что и в пропагандистском плане Гоминьдан в ходе войны также уступил коммунистам. Те формировали мифологию победы, указывая на успех отдельных партизанских операций, особенно битвы «ста полков» 1940 г. которые на самом деле решающего значения на ход войны не оказывали. Успехов же у армии Гоминьдана было немного. Чан Кайши, хотя и не сдался японцам в самые тяжелые моменты войны, однако ореол победоносного полководца и победителя вокруг него так и не сложился.

Сразу же после известия о том, что 9 августа 1945 г. советские войска в Маньчжурии перешли в наступление, командующий вооруженными силами КПК Чжу Дэ отдал приказ о переходе в наступление. Вслед за этим, не дожидаясь официальной капитуляции японских войск в Китае, которая состоялась только 9 сентября 1945 г, войска Гоминьдана также переходят в наступление на всех фронтах. Началась жесткая конкуренция между гоминьдановскими и коммунистическими силами, стремившимися уже после прекращения японского сопротивления взять под свой контроль как можно больше территорий и населения. Уже эта гонка и отдельные столкновения противоборствующих сторон друг с другом показали зыбкость и непрочность союзных отношений Гоминьдана и КПК и стали как-бы прелюдией начала новой гражданской войны.

ГЛАВА V. Страны ЮВА между двумя мировыми войнами

1. Общее и особенное в послевоенном развитии стран ЮВА

Окончание Первой мировой войны и весь последующий период в истории стран ЮВА характеризовались несколькими важными процессами:

А) Давление на колонизаторов со стороны национальных обществ, направленное на то, чтобы провести реформы расширявшие права местных элит на доступ к власти и принятие ключевых решений, постоянно нарастало. Массовые выступления практически во всех странах ЮВА в начале и в середине 20-х годов свидетельствовали о том, что национальная интеллигенция как главный мотор перемен и борьбы за независимость заметно расширила поле своего влияния. Теперь не только учащаяся молодежь активно поддерживала идеи независимости, но и «поднявшийся» за годы войны национальный класс предпринимателей, выступавших за ограничение импорта и расширение национального производства, а также большие группы рабочих, которые объединились в профсоюзы и превратились в серьезную политическую силу.

Освободительное движение при этом, развиваясь вширь, теряло внутреннюю сплоченность, формировались политические группы и партии различного направления от радикальных националистов и до коммунистов. В то же время, несмотря на идейную и организационную раздробленность, силы, выступавшие за национальное освобождение, в главном, в борьбе за национальную независимость всегда находили точки соприкосновения. Смысл их усилий состоял в том, чтобы заставить колониальные державы расширить возможности местных элит не только влиять, но и участвовать в принятии решений. Следует также добавить, что в конце 30-х годов «на руку» национальным движениям играла и растущая угроза японского вторжения в страны ЮВА. Колониальные державы в этом регионе в поисках союзников вынуждены были и в Индонезии и во Вьетнаме и в Бирме

пойти на определенные уступки местным националистам, считывая таким путем сохранить свою власть и перед лицом японского вторжения получить поддержку местных элит. Это не везде получилось, но в целом такая политика себя оправдала.

Б) В сфере экономики в рассматриваемый период в странах ЮВА также произошли существенные перемены. В 20-30-е годы можно отметить общую тенденцию - в них хлынул поток иностранных инвестиций. В каждой из колоний они выросли в несколько раз. Для примера можно привести Индонезию, где общая сумма иностранных капиталовложений увеличилась примерно с 750 млн. долл. в 1914 г. до 2.26 млрд. долл. в 1937 г.

Частные французские вложения в Индокитае составляли в 1924—1930 гг. 3.8 млрд. фр., а накануне второй мировой войны — 10—12 млрд. фр. В Бирме между 1914 г. и кануном второй мировой войны иностранные капиталовложения (без учёта индийских и китайских) приблизительно утроились, достигнув уровня свыше 50 млн. ф. ст. Экспансия иностранного капитала происходила в послевоенный период и в Сиаме, правда в более ограниченных масштабах.

На волне экономического роста впервые в своей истории страны ЮВА оказались интегрированными в глобальный рынок продовольствия и, прежде всего риса, на котором они быстро превратились в чуть ли не главных его участников. Это особенно проявилось в период мирового экономического кризиса 1929-1932 гг., когда и Бирма и Вьетнам и Таиланд сильно пострадали от падения мирового спроса на рис.

В) В рассматриваемый период происходил процесс укрепления взаимных связей стран ЮВА, в интеллектуальных элитах стало все явственнее вырисовываться общее понимание географических и социо-культурных границ своего региона. Огромную роль в этом сыграло то, что в 1942 - 1945 гг. страны ЮВА оказались оккупированы японцами, которые разрушили европейские системы колониального управления и установили в них довольно жесткий режим управления и эксплуатации их богатств. Исторически раздробленная Юго-Восточная Азия второй раз за относительно короткий исторический период (первый раз это установление колониального господства) почувствовала общность своей судьбы и отдельность своего региона от других.

Кроме того японская оккупация и неспособность европейских колонизаторов защитить свои колонии уничтожила легитимность колониальной власти в глазах жителей стран ЮВА.

Японская оккупация подстегнула также движение к независимости практически во всех странах, тем более, что после 1943 г. японские власти старались сами всячески активизировать этот процесс и объявляли о независимости Бирмы, Камбоджи, Вьетнама, Филиппин. Причем если для европейцев это была фиктивная независимость, то в странах ЮВА многие воспринимали ее всерьез.

Г) Еще одна особенность политического развития стран ЮВА в это время заключалась в том, что левые и прокоммунистические идеи играли очень значительную роль и в национальном социуме и, особенно, в освободительном движении. Причем если вначале распространялись они в основном через китайские общины, то в последующем вызвали интерес у местной учащейся молодежи.

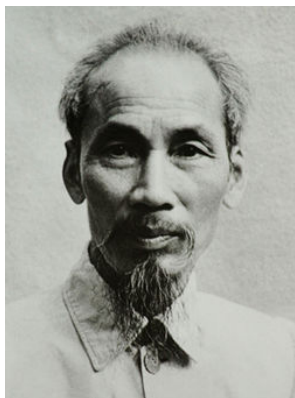
За спиной первых коммунистических групп и кружков стояла тогда еще единая для всех стран ЮВА Коммунистическая партия – так называемая Коммунистической партии Южных морей, которая в 1926-1927 гг., объединяла марксистов из стран Индокитая и Малайского архипелага, в том числе – и из Сиам. В 1930 г. Компартия Южных морей была упразднена и на свет появились отдельные относительно самостоятельные коммунистические организации почти во всех странах ЮВА.

Заметное укрепление позиций коммунистов произошло в период японской оккупации. Сотрудничество с японцами многих видных сторонников национальной независимости антикоммунистической направленности позволило коммунистам, которые являлись последовательными противниками японцев и выступали за их изгнание, быстро превратиться в чуть ли не ведущую политическую силу во многих странах региона. Так, например, в Бирме Компартия была создана в 1939 г., а уже в 1944 г. она – один из главных инициаторов формирования Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС), возглавившей позже и освободительную войну, и независимую Бирму. В Малайе коммунисты к 1945 г. превратились в ключевого военного и политического игрока, обладавшего армией превышавшей 7 тысяч человек.

Во Вьетнаме коммунисты, действуя в рамках общенациональной Лиги борьбы за независимость Вьетнама (Вьетминь), руководили всем политическим и военным процессом. В Индонезии их влияние также было очень велико. Член Политбюро ЦК Компартии Амир Шарифуддин занимал, например, ключевые должности министра обороны в 1945-1947 гг. и даже премьер-министра в 1947г. в правительстве независимой Индонезии.

2. Страны ЮВА в 20-е первой половине 30-х годов

Вьетнам

Хо Ши Мин – лидер вьетнамской революции

С окончанием Первой мировой войны французские колониальные власти под давлением вьетнамского образованного класса и организованного им массового движения вынуждены были провести определенную децентрализацию административного управления и «вьетнамизацию» аппарата. Наиболее значительные реформы в виде постепенного создания мировых судов с вьетнамским составом были проведены в судебной сфере. Некоторые частные улучшения были введены в области образования, появились первые законы о труде. Однако

эти незначительные перемены не удовлетворили требования вьетнамской политической элиты, которая стремилась и рассчитывала намного больше расширить свое участие в управлении страной. Поэтому в 1923—1928 гг. во Вьетнаме продолжился процесс активного давления на колониальные власти, с тем, чтобы расширить возможности, полномочия и права местных элит.

В это время во Вьетнаме все более очевидным становится раскол в национальном движении на сторонников социалистической и радикально-националистической и либеральной модели развития. В 1923 г. появилась Конституционная партия - объединившая людей умеренных либеральных взглядов выступав-

ших за то, чтобы Вьетнам получил статус самоуправляющейся страны (типа доминиона), полного равноправия в правах французов и вьетнамцев, введения политических свобод. К этой же категории относилась и созданная Фан Бой Тяу в Китае на рубеже 1924 и 1925 гг. Национальная партия Вьетнама, основанная первоначально на принципах Сунь Ятсена.

На позициях радикальной борьбы стояла так называемая Группа единомышленников, созданная вьетнамской революционной молодёжью в 1924 г. в китайской провинции Гуанчжоу. Ее члены полагали, что террористические методы борьбы и использование вьетнамских солдат французской армии против колонизаторов должно стать главным путем национального освобождения.

Во второй половине 20-х годов из нескольких групп сформировалась Революционная партия нового Вьетнама, состоявшая в основном из интеллигенции и учащихся. Наконец, к организациям марксистского направления относилось созданное в июне 1925 г. Товарищество революционной вьетнамской молодёжи. Политическими и социальными целями группы назывались национальная независимость и перераспределение земли в пользу трудящихся крестьян. Во Вьетнаме также как и в других странах ЮВА складывавшийся национальный политический класс был един в стремлении добиться независимости, но относительно того как этого добиться и особенно в рамках какой модели дальше будет развиваться страна, внутри него существовали серьезные расхождения. Радикальные националисты, объединенные в рамках Национальной партии, которая и в программе и в идеологии стремилась копировать китайский Гоминьдан, попытались организовать восстание вьетнамских подразделений колониальной армии в феврале 1930 г. в городе Йенбай. Восстание было подавлено французскими войсками, его лидеры репрессированы, а самая влиятельная в то время политическая партия практически прекратила свое существование. Освободившуюся в результате разгрома Национальной партии радикальную нишу борьбы за независимость сумели заполнить коммунисты, которые, к этому моменту, благодаря авторитету и усилиям Хо Шимина (тогда у него был революционный псевдоним Лин или товарищ Лин), сумели преодолеть внутренний раскол. На конфе-

ренции в Гонконге в феврале 1930 г. они образовали Коммунистическую партию Вьетнама, которую чуть позже в октябре 1930 г. из-за присоединения камбоджийской и лаосской секций переименовали в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК).

В социальной сфере во Вьетнаме происходили примерно такие же изменения, как и в других странах ЮВА. Если к началу первой Мировой войны численность рабочего класса не превышала 50 тыс. человек, то к 1929 г. на французских предприятиях было занято уже 221 тыс. рабочих, Вьетнамский бизнес в значительной степени находился в руках этнических китайцев, которые выступали как связующее звено между феодальным, по сути, землевладением, и французским капиталом. Собственно национальный вьетнамский предпринимательский класс без защиты от китайских и французских конкурентов рос медленно. Предпринимательская прослойка оставалась очень немногочисленной и экономически слабой. Свыше 94% населения Вьетнама по-прежнему было занято в сельском хозяйстве, где господствующими оставались феодальные и полуфеодальные отношения.

Некоторая стабилизация ситуации в стране, обозначившаяся после подавления восстания в Йенбае, сменилась новой нестабильностью после того как летом 1940 г. стало известно, что Франция разгромлена Германией и подписала капитуляцию. Это сообщение привело в движение вьетнамских националистов, тем более, что колониальная администрация демонстрировала явные признаки слабости, уступая шаг за шагом японским требованиям. Националисты рассчитывали, что прибывавшие во Вьетнам японские войска разоружат и ликвидируют французскую колониальную власть. Поэтому только с сентября 1940 по январь 1941 г., в различных частях Вьетнама они организовали сразу три довольно крупных восстания, которые, однако, были быстро французами подавлены. Японцы, их не поддержали, так как действовали в соответствии с подписанными ими с французским правительством Виши договоренностями. Получилось, что силы националистов оказались ослабленными, а между французской администрацией и японским военным командованием установился вплоть до марта 1945г. определенный статус-кво. Японцы

согласились на сохранение власти Франции во Вьетнаме и в Индокитае и старались особо не вмешиваться в события в стране.

Такое соглашение оказалось на руку вьетнамским коммунистам, так как ослабленные силы французской колониальной администрации уже не могли жестко контролировать всю страну. Северные, горные районы на границе с Китаем оказались фактически вне их контроля и именно там сумели закрепиться вьетнамские коммунисты, многие из которых перешли туда с сопредельной китайской территории.

Этих коммунистов возглавлял вернувшийся во Вьетнам Хошимин - ветеран Коминтерна, долгое время работавший в Москве. В разгар сталинского террора в Коминтерне ему удалось уехать из СССР, перебраться в Китай, а потом и на границу Вьетнама и Китая в горный район Вьетбак, Там в мае 1941 г. он создал Лигу Освобождения Вьетнама (Вьет-Минь), которая вскоре превратилась в главного организатора освободительного и антиколониального движения в стране.

Бирма (Мьянма)

Попытка англичан исключить Бирму под предлогом её отсталости из конституционных реформ, на которые британцы были вынуждены пойти в 1919 г. в отношении Индии, послужила импульсом к началу политической борьбы бирманского образованного класса за расширение своих прав участвовать в принятии решений относительно судьбы своей страны. В ходе этой борьбы, в сентябре 1920 г. на очередной конференции БАМ, эту организацию переименовали в Генеральный совет бирманских ассоциаций (ГСБА), которая и стала главной политической структурой для всего бирманского социума. На конференции ГСБА в 1921 г., впервые, было сформулировано требование о предоставлении Бирме независимости.

Под давлением национального движения в 1923 г. в Бирме были проведены реформы «как в Индии» и появился выборный законодательный совет. К этому времени ГСБА превратилась в массовую организацию, причем количество местных ассоциаций (отделений) увеличилось до 8 тыс. в 1923 г., Однако внутри ГСБА в это время обострились противоречия между сторонни-

ками левого социалистического выбора и сторонниками прозападного либерального курса. В 1925 г. в ГСБА произошёл формальный раскол. Появились две ГСБА, а на крайнем левом фланге в 1924 г. сформировалась прокоммунистическая Рабочая партия (РП).

Ба Мо - первый премьер-министр Бирмы и главный бирманский коллаборационист.

В дальнейшем наиболее активной бирманской политической силой вместо расколовшейся ГСБА, стала молодежная радикальная организация Добама асиайон (Ассоциация «Наша Бирма»), или Партия такинов (от бирманского обращения такин — господин, хозяин). В 1933—1934 гг. такины активно распространяли по всей стране призывы к немедленному национальному освобождению и независимости Бирмы. Рост политической напряженности, связанный с активностью националистов и сторонников независимости, англичане попытались нивелировать путем проведения реформ, которые, как они полагали, должны были снизить радикализм большинства бирманцев.

Английский парламент в 1935 г. принял Закон об управлении Бирмой, предусматривавший отделение её от Индии в 1937 г. Эта была важная уступка бирманскому национальному движению, которое уже давно выступало за это решение. В принятом законе предусматривалось еще и расширение избира-

тельных прав, создание в стране правительства, которое должно было быть сформировано на основе большинства колониального парламента. Англичане стремились заручиться поддержкой умеренных националистов, выступавших за постепенное движение к независимости.

В 1936 г. в Бирме состоялись выборы по новой конституции, после которых было сформировано правительство во главе с ли-

дером умеренных националистов Ба Мо. Такой результат не устроил радикальных националистов, которые в ответ решили перейти на вооруженные методы борьбы. В 1938 г. генеральным секретарём Добама стал лидер такинов Аун Сан, а президентом Союза студентов Рангунского университета, где их влияние было особенно велико — Такин Ну (впоследствии известный как У Ну). Эти деятели создали подпольную Народно-революционную партию внутри Добама, а марксистские группы и кружки 15 августа 1939 г. объединились в Коммунистическую партию Бирмы (КПБ).

Аун Сан - руководитель борьбы за независимость Бирмы

Как мы видим, в бирманском политическом классе сформировалось как либерально-умеренное направление, связанное с англичанами во главе с Ба Мо, так и левое во главе с коммунистами и левыми националистами, лидером которых являлся Аун Сан. Для изгнания англичан левые радикалы вступили в контакты с Японией, рассчитывая, что та даст им оружие для борьбы против английской власти. Аун Сан побывал в Токио, где обещал японским властям сотрудничество в обмен на помощь в освобождении Бирмы от английского господства. В марте 1941 г. он нелегально вернулся в Рангун, где собрал группу добровольцев, которые тайно перебрались в Японию для военного обучения. В числе этих, так называемых тридцати товарищей были Аун Сан, Не Вин и другие активные деятели Добама.

Индонезия

Во главе антиколониального движения в Индонезии в начале 20-х годов находились индонезийские левые, которые в мае 1920 г. на собрании Индийского социал-демократического союза в Семаранге провозгласили создание Компартии Индонезии (КПИ). Члены этой партии активно действовали по всей

стране, их лозунги радикальной аграрной реформы в интересах большинства крестьян, пользовались поддержкой на селе, а требования 8 часового рабочего дня были популярны среди рабочих. Они выступали за немедленное изгнание колонизаторов, созыв Народного собрания и за всеобщее избирательное право. Достичь всего этого они собирались путем всеобщего восстания. Такая тактика, в реальности оказалась провальной. Попытки вооруженным путем захватить Батавию 12-13 ноября 1926 г. и опираясь на отряды крестьян взять власть в отдельных провинциях в январе-феврале 1927 г. потерпели неудачу. Голландцы жестоко подавили восстание, убили более тысячи его участников, арестовали не менее 13 тысяч человек, из них около 3 тысяч было сослано на верную смерть в джунгли Новой Гвинеи.

*Сукарно - первый президент
Индонезии*

После поражения восстания 1926—1927 гг. и разгрома КПИ ведущая роль в освободительном движении перешла к умеренным националистам, лидером которых выступал будущий первый президент страны Сукарно. В его концептуальных построениях прослеживался курс на сочетание традиционно индонезийских политических институтов с либерально-демократическими идеями и обещаниями построить справедливое государство. В политической жизни Индонезии, конца 20-х — начала 30-х годов наиболее значительную роль стала играть Национальная партия Индонезии (НПИ)

и ее преемник — Партиндо (Партия Индонезии). Лидером обеих партий выступал сам Сукарно.

В отличие от англичан, которые в своих владениях довольно успешно лавировали в отношениях с националистами, могли иногда даже уступать их давлению в каких-то вопросах, голландцы проводили более жесткую политику, стремясь сохранить в неизблемости свое господство. Они не намерены были идти на компромиссы с националистами, без колебаний арестовывали и высылали их лидеров. Несмотря на это они не смогли не только

разгромить, но даже приостановить рост и расширение политического поля Индонезии, где как и в других странах ЮВА действовали самые различные по ориентации политические силы – от коммунистов и до сторонников либеральных реформ.

В отличие от бирманцев индонезийские националисты с подозрением относились к возможной экспансии со стороны Японии. В этом случае они даже были готовы при определенных условиях поддержать колониальные власти. Националистические партии, вошедшие в 1939 г. в так называемое Политическое объединение Индонезии (ГАПИ), заявили о том, что при условии предоставления стране самоуправления они готовы сотрудничать с властями в борьбе с нарастающей угрозой со стороны Японии.

Филиппины

После окончания первой мировой войны в политическом поле Филиппин особых перемен не произошло. Из, так сказать, долгоиграющих событий можно было выделить лишь то, что в 1924г. в стране появилась первая партия марксистского типа —

Рабочая партия, выступившая за «немедленную и полную независимость». Ее голос на фоне созданных ранее националистических партий был малозаметен, хотя она и нашла свою нишу, по большей части среди бедных и беднейших крестьян, а также в городах среди рабочих.

Общее давление на американские власти всех политических сил привело к тому, что в 1934 г. конгрессом США был принят Закон об автономии Филиппин, по которому стране должна была быть предоставлена независимость по истечении десятилетнего периода, а на этот период — сформированы автономное во внут-

*Мануэль Кэсон - первый
всенародно избранный
президент Филиппин*

ренных делах правительство, а также национальная армия. Поэтому можно сказать, что из всех стран ЮВА ближе всего к достижению независимости в период до Второй мировой войны подошли именно Филиппины. В 1935 г. в стране состоялись первые выборы президента автономных Филиппин. Им стал лидер Партии националистов Мануэль Кэсон, победивший своего соперника, которого поддерживали левые социалисты, коммунисты и профсоюзы. Выборы показали, что в филиппинском обществе консерваторы - националисты, несколько опережают по массовой поддержке и популярности левые силы, выступавшие за большую социальную справедливость, реформы в аграрном секторе и передачу земель латифундистов крестьянам.

Особенностью политического развития Филиппин в это время было то, что Компартия с 1937 г. получила возможность легально вести свою деятельность. Более того американские власти вполне спокойно относились к тому, что ее позиции в стране укреплялись, что в 1938 г. коммунисты поглотили популярную среди крестьян Лусона Социалистическую партию, что через крестьянские организации они контролировали десятки тысяч сельских производителей. Одна из причин, почему коммунистам позволили добиться такого положения, заключалась в том, что они последовательно выступали за активное противостояние японской экспансии, рассматривая ее как главное зло. В отличие от националистов, среди которых прояпонские и антиамериканские настроения были достаточно сильны, коммунисты последовательно призывали к тому, чтобы вместе с американцами противостоять возможной японской агрессии. В причудливой палитре филиппинской политики они оказались союзниками США и поэтому достаточно свободно действовали в стране.

Таиланд

После окончания Первой мировой войны Таиланд вступил в эпоху преобразований и социальной реконструкции. При короле Прачадипоке (1925—1935) появилось радиовещание, был построен международный аэропорт в Бангкоке. В то же время политическая система абсолютной монархии, несмотря на посто-

*Рама VII Прачадинок - король
Сиам в критический
период 1932*

янные разговоры о реформах, оставалась практически неизменной. Все высшие посты в армии и правительственной администрации занимали только принцы королевской крови. Сложившиеся к этому времени интеллектуальные и военные элиты не имели шансов прийти к власти. Амбициозных военных и политиков совершенно не удовлетворяли реформы вроде создания при короле совещательных советов из принцев и высших сановников, уменьшения расходов на содержание двора и штатов в министерствах и армии. Образованный класс, в котором особенно влиятельными были армейские офицеры, недовольные сокращением расходов на оборону и вышедшие из разночинцев интеллектуалы, желавшие большего участия в политической жизни, выступали против сохранения в стране абсолютной монархии и аристократического доминирования принцев. Они требовали введения конституции, выборов и демократических свобод как гарантии своего участия в политике. Режим абсолютной монархии среди радикально настроенной части новой элиты – военной и гражданской стал рассматриваться как тормоз на пути национального развития. В Сиаме и, особенно, за его рубежами стали возникать антимонархические группы, объединившиеся позже в Народную партию, которая взяла курс на организацию военного переворота и ограничение власти короля.

Организованный Народной партией переворот в июне 1932 г., который неожиданно удался, обозначил важный рубеж в модернизации сиамского общества. Небольшая группа заговорщиков меньше чем в 200 человек сумела изменить политическую систему страны и резко продвинуть вперед процесс демократизации. Во главе переворота стояли наиболее активные представители военной и гражданской элиты, неформальным лидером которых выступал молодой адвокат Приди Паномионг.

Он получил образование во Франции и являлся сторонником не просто республиканских, но левосоциалистических принципов и идей.

24 июня 1932 г. армейские части под командованием связанных с Народной партией офицеров вошли в королевский дворец и арестовали членов правительства. Король Прачатипок вынужден был подписать уже 27 июня временную конституцию, составленную Приди Панамиионгом, которая начиналась фразой о том, что верховная власть в стране принадлежит народу. По этой конституции, король лишился большей части привилегий, включая право вето и право назначать наследника. Однако сам институт монархии остался, так за это выступили многие члены Народной партии.

*Приди Панамиионг - идеолог
и организатор революции
1932 г.*

В декабре 1932 г. была принята постоянная конституция страны, устанавливавшая конституционную монархию и учредившая Ассамблею народных представителей (парламент). В парламенте Приди и его сторонники близкие к социалистическим и даже коммунистическим взглядам первым делом предложили немедленно национализировать экономику Таиланда. Однако модернизация по-социалистически не получилась. Напуганные радикализмом Приди, король и поддержавшие его умеренные и консервативные силы в апреле 1933 г. распустили Ассамблею и заставили Приди покинуть страну. Но попытка повернуть время вспять к успеху не привела. 20 июня 1934 г. группа молодых офицеров во главе с полковником Пибунгом Сонгкратом совершили новый переворот и создала новое правительство, в состав которого вошел и Приди Паномиионг. Отставка короля стала символом конца традиционной для страны системы власти - абсолютной монархии, она превратилась в конституционную монархию, а власть перешла к демократически избираемому парламенту и формируемому им правительству.

Пибун Сонграм - многолетний военный лидер и премьер-министр Таиланда.

Однако на практике после переворота 1934 г. ядром новой политической системы, как выяснилось, оказалась армия. Во главе нее встал полковник Пибун Сонграм, который повел дело к установлению в стране режима своей личной власти. Он стремился ориентироваться на японцев, стимулировал милитаристскую и шовинистическую кампанию в стране, развернутую под лозунгом борьбы против засилья «белых» иноземцев и китайцев. Он сформулировал концепцию тайского национализма, обещал построить великое тайское государство, с объединением всех мест, где проживали тайские народы. Он же переименовал страну, которая стала отныне называться не Сиам, а Мыанг Таи или Таиланд.

Победив на выборах в 1938 г., Пибун Сонграм консолидировал свою власть и провозгласил новую экономическую политику, смысл которой состоял в ускоренном развитии и модернизации страны путем объединения государственного и частного капитала, формирования смешанной экономики. В определенном смысле он был одним из первых правителей Азии, который нащупал и стал реализовывать именно такую модель экономического роста. Однако начало Второй мировой войны, в которой Таиланд участвовал на стороне Японии, надолго отложило воплощение этой модели в жизнь.

Малайя

Малайя в период между мировыми войнами существовала как поставщик двух основных продуктов на мировой рынок — олова и каучука. В середине 30-х годов она производила при-

мерно 26% всего мирового производства олова, а под каучуком в 1938 г. находилось свыше 1320 тыс. га, из которых более двух третей занимали крупные плантации, принадлежавшие английскому капиталу. Мелкие и средние плантации (от 6 до 40 га) принадлежали в основном китайским и индийским предпринимателям. Малайские крестьяне разводили гевею на небольших участках (0,5— 2 га). Производство каучука выросло со 196 тыс. т в 1920 г. до 361 тыс. т в 1938 г.

В 20-30-е годы окончательно сложилась национальная и социальная структура Малайи, которая из мононациональных по большей части княжеств, превратилась в сообщество китайцев, индийцев и малайцев. Китайская иммиграция в Малайю и после Первой мировой войны оставалась очень высокой - в 1920—1930 гг. в страну прибыло 2,5 млн. человек. Китайское население Малайи с 1921 по 1941 г. выросло с 1174 тыс. человек (35% всего населения) до 2379 тыс. человек (43%). Рост происходил главным образом за счет положительного миграционного баланса — превышения числа прибывавших в Малайю, над числом уезжавших в Китай. Во время кризисных падений цен на каучук и олово (1920—1921, 1929—1933, 1937—1938 гг.) происходил массовый отлив китайского населения. Но постепенно в Малайе росла прослойка постоянных китайских поселенцев. В 1921 г. 22% китайского населения составляли родившиеся в Малайе, а в 1931 г. — 31%. Вплоть до кризиса 1929—1933 гг., вызвавшего обвал на рынке олова, английские колониальные власти не накладывали ограничений на китайскую иммиграцию. В 1930 г. был ограничен только въезд китайцев-мужчин, но уже в апреле 1938 г. иммиграция из Китая в Малайю была фактически совсем запрещена. Результатом английской политики длительного поощрения иммиграции китайцев и индийцев в Малайю для использования их на плантациях и шахтах, стало резкое изменение баланса между проживавшими в стране этносами, главным образом между малайцами и китайцами. При этом малайцы, составлявшие немногим более 42% населения (2278 тыс. человек в 1941 г.), в основном были крестьянами. Они также формировали аристократическую элиту в султанатах, из которой складывалась местная бюрократия, занимавшая низшие и средние звенья колониального аппарата. Китайцы составляли преимущественно городское

население, значительную часть плантационных рабочих, а также основную массу мелких, средних и крупных предпринимателей. Что касается индийцев, то они были самой большой группой плантационных рабочих.

Внутреннего единства в стране не было, так как в этнических, религиозных и социальных отношениях в Малайе существовал огромный разрыв между патриархальной малайской мусульманской деревней, находившейся во власти султанов и адата, и китайскими городами и рабочими поселками при рудниках и плантациях.

Сингапур

Особняком в сложившейся «малайской географии» выступал город-порт Сингапур, большинство населения которого состояло из китайских иммигрантов, часть из которых формировала местный рабочий класс, другие класс предпринимателей. Политическая борьба среди сингапурских китайцев во многом копировала события в континентальном Китае. В период 1921—1923 гг. там были созданы первые профсоюзы рабочих и первые прокоммунистические структуры. Одновременно был образован и так называемый Гоминьдан Малайи, из которого в 1927 г. выделилось левое крыло — Революционный комитет Гоминьдана Малайи, куда вошли в основном сторонники Чан Кайши. В 1926 г. в Сингапуре возникла и первая общественная малайская ассоциация — Сингапурский малайский союз («Кесатуан Мелаю Сингапура»), нацеленная на привлечение малайцев к участию в общественной жизни и в политике, на развитие образования, защиту интересов малайского населения перед английской администрацией.

На практике, создав отделения в Малакке и Пинанге, этот союз вышел за пределы Сингапура и стал родоначальником организованного малайского национализма, выступившего в первую очередь в защиту привилегий малайской политической элиты. В 30-е годы по всей Малайе при его поддержке стали возникать малайские политические ассоциации, которые критиковали колониальные власти за недостаточную, по их мнению, «малайзацию» административного аппарата. Цель всей кампании со-

стояла в том, чтобы добиться выдвижения малайцев в верхний эшелон администрации. Эти требования, впрочем, как и деятельность малайских ассоциаций, во многом поддерживалась самими англичанами, которые, опасаясь радикализации в китайских и индийских сообществах, где левые идеи и настроения все больше брали верх, стремились противопоставить им организованных консервативных малайцев.

3. Политические процессы и политическая повестка дня до и во время японской оккупации

7 декабря 1941 г., напав на американскую базу в Перл-Харборе, Япония начала войну на Тихом Океане и в Юго-Восточной Азии. Вскоре после серии успешных сражений японцы поставили под свой контроль Малайю (в январе 1942 г.), Сингапур (в феврале), Индонезию и Бирму (в марте), Филиппины (в апреле).

Население стран ЮВА оценивало сокрушительный разгром своих прежних хозяев в большинстве случаев настороженно, хотя в каждой стране находились политики и политические партии, которые доверяли японской пропаганде, лейтмотивом которой была мысль о «бескорыстной великой державе», готовой освободить угнетённые Западом народы от оков «белого империализма» и вернуть их земли «братьям-азиатам». На Филиппинах японская пропаганда имела успех среди членов радикально-националистической партии Сакдал, связанной с тайными крестьянскими союзами. После оккупации Филиппин на основе этой партии оккупанты создали Общество служения новым Филиппинам (Калибапи), в члены которого в обязательном порядке зачислялись все чиновники местной администрации, Среди лидеров Калибапи наиболее известным был Бенигно Рамос, в прошлом руководитель партии Сакдал.

Во Вьетнаме после того как в сентябре 1940 г. французы вынуждены были согласиться на ввод японских войск в северную часть страны, на Японию стала ориентироваться Лига возрождения Вьетнама, призывавшая изгнать колонизаторов и возвести на вьетнамский престол одного из принцев, еще в начале века эмигрировавшего в Японию. В Бирме сторонником Японии стал

бывший премьер колониального правительства, популярный среди бирманского крестьянства Ба Мо, а также и руководство Народно-революционной партии (НРП) во главе с Аун Саном. Определенные надежды на помощь Японии возлагали некоторые реформисты и радикальные националисты в Индонезии и Малайе. Первоначально казалось, что японцы осуществят эти надежды - вхлотившие в Джакарту императорские войска несли впереди индонезийские национальные флаги. В Бирме население бурно приветствовало вступившие в страну японские войска, так как в их первом эшелоне шла Армия независимости Бирмы (АНБ), сформированная из бирманцев при японском содействии на территории Таиланда во главе с Аун Саном. Однако эта радость сильно померкла, когда японская оккупационная администрация в Бирме, не доверяя бирманцам, преобразовали АНБ, сократив её до трех тыс. человек и разместив японских советников во всех подразделениях.

Ожидание позитивных перемен и независимости быстро развеялись и в других странах ЮВА. Японцы всюду создавали оккупационную администрацию, которая грабила и обирала население под предлогом военных нужд намного жестче, чем европейские колонизаторы. Местные националисты реальной власти так и не получили, их повсюду использовали на вторых ролях - в каждой оккупированной стране из их числа были созданы полицейские силы и вспомогательные военные формирования из местного населения. Находились они под контролем японских офицеров, а также как и подконтрольная японцам гражданская администрация, причём часто состоявшая из числа тех же самых местных чиновников, которые раньше находились на службе европейских колонизаторов. В Малайе японцы опирались на султанов и их администрацию, на Филиппинах на традиционную правящую элиту, сохранив почти полностью существовавший до оккупации чиновничий аппарат, в Индонезии сделали ставку на лидеров националистов, которые с ними активно стали сотрудничать, возглавляя (по их послевоенным признаниям вынужденно), японскую пропагандистскую кампанию называвшуюся Тига –А («Три А»), что расшифровывалось как три ипостаси Японии в Азии: «светоч», «вождь» и «покровитель». Цель кампании заключалась в доказательстве индонезийцам общности

их интересов с Японией, чтобы они много трудились на японскую армию и поддерживали японскую администрацию и политику. После неудачи этого проекта японцы решили использовать индонезийских националистов для создания прояпонской политической партии. Официально она была основана 3 марта 1943 года и получила название «Путера». Для японцев это расшифровывалось как сокращение от слов «Центр народных сил», но для индонезийцев звучало и как «сын Отечества». Формально руководили партией Сукарно и три его заместителя — Хатта, Мансур и Деванторо. Основными задачами Путеры объявлялись создание «Великой Азии, помощь индонезийцам в преодолении трудностей войны, а также углубление взаимопонимания между японцами и индонезийцами».

В Таиланде с началом мировой войны Пибун Сонгкрам установил режим личной диктатуры. Рассчитывая на то, что после разгрома Франции в Европе колониальные власти в Индокитае не смогут оказать серьезного сопротивления он решил военной силой вернуть часть территорий на западе Камбоджи и Лаоса, которые Таиланд в конце XIX века вынужден был передать Франции. Во время войны тайские войска не имели успехов на суше, а на море большая часть флота была потоплена в январе 1941 г. французскими кораблями. Однако под давлением Японии, которая взяла на себя посредничество в конфликте, колониальная администрация Франции вынуждена была подписать в мае 1941 г. мирный договор и передать часть территории Лаоса и две камбоджийские провинции Сиемреап и Баттамбанг Таиланду. Эта «победа» укрепила режим личной власти и популярность Пибун Сонгкрама, который присвоил себе звание фельдмаршала и провозгласил лозунг «Верьте в вождя!».

Несмотря на симпатии к Японии тайландский диктатор долго не мог решить, на чью сторону встать в надвигающейся войне. Японцы по-своему решили ускорить его выбор и 8 декабря 1941 г. в рамках общей операции по захвату стран ЮВА вторглись в Таиланд и быстро поставили под контроль ключевые пункты его обороны. В сложившихся условиях Пибун Сонграм вынужден был принять условия Токио и 21 декабря 1941 г. заключил военный союз с Японией, а через месяц объявил войну Англии и США. На протяжении всей войны, несмотря на оче-

видное ухудшение условий жизни большинства тайцев, Пибун Сонграму удалось поддерживать внутреннюю стабильность. Его власть оказалась под угрозой только в 1944 г., когда исход войны уже вполне определенно вырисовывался, и в стране активизировалась оппозиция, объединившаяся в подпольную организацию Свободные Таи, к которой примкнули некоторые члены правительства, надеявшиеся при помощи западных союзников свергнуть вожда.

По мере того, как становилось все более очевидным, что Япония проигрывает войну западным союзникам, сопротивление японской оккупации в странах ЮВА заметно усилилось, а настроения большинства политически активного класса также изменились. Почувствовав это, националисты, тесно сотрудничавшие с японцами, стали все более подчеркивать, что их покровители не оправдали их надежд особенно в плане расширения власти и полномочий и предоставления независимости, и что они на стороне японцев только потому, что так лучше для судьбы народа. Это была довольно непоследовательная позиция, которая подрывала их авторитет и открывала нишу борьбы за независимость другим политическим движениям. Коммунисты в ЮВА практически везде воспользовались возможностью занять эту нишу. В период оккупации маловлиятельные и малозначительные местные коммунистические партии и группы существенно выросли и организационно и численно и стали превращаться в серьезную военно-политическую силу.

Им на руку играло то, что японцы своей политикой конфискации, запретов и репрессий вызвали в странах ЮВА широкое возмущение и даже ненависть к себе. Оккупанты вывезли в Японию наиболее современные заводы, а местные ресурсы — каучук, олово, хром, вольфрам, нефть, копру, хинин, джут, пеньку, продовольствие — изымали за бесценок, расплачиваясь оккупационными деньгами, не имевшими никакого обеспечения. Часто они вообще прибегали к реквизициям на нужды войны. Они принуждали крестьян сажать хлопчатник на месте посевов сахарного тростника и табака (Филиппины) или земляного ореха (Бирма), заставляли выращивать продовольственные культуры на кофейных и чайных плантациях (Индонезия), клещевину вместо риса (Камбоджа). Не менее 60—70% сбора сельскохозяйст-

венной продукции подлежало сдаче оккупационным властям. В массовом масштабе японцы использовали и принудительный труд местного населения. Мобилизованных — ромуся — гнали строить дороги, фортификации, рубить лес, грузить корабли. Их перебрасывали в отдалённые от родных мест районы, иногда даже в другие страны. Ситуация усугублялась еще и тем, что японцы вели себя в странах ЮВА очень высокомерно, демонстративно пренебрежительно относились к местному населению, заставляя его каждое утро петь японский гимн и поднимать японский флаг и всячески демонстрировать верность Японии и императору.

Тысячи людей, не желавших этого, решали бороться с японской оккупацией вооруженным путем и пополняли партизанские отряды, находившиеся в основном под контролем коммунистов. Крестьяне, видя в этих отрядах освободителей от гнета японцев, также выступали в их поддержку.

Переход тысяч людей на сторону партизан оказался особенно активным во Вьетнаме, где созданный коммунистами во главе с Хошиминем в сентябре 1941 г. Единый национальный фронт Вьет-Минь выступил с привлекательной политической программой. Она не носила классового характера, а излагала простые и понятные для вьетнамцев политические задачи - борьба за независимую республику, в которой будут гарантированы демократические свободы, обеспечены социальные права рабочих, снижена арендная плата с крестьян и будет сохранена за национальными предпринимателями свобода ведения бизнеса, а за помещиками — собственность на землю.

В Малайе позиции Компартии (КПМ), созданной еще в 1930 году, также заметно укрепились. Эта была состоящая в основном из этнических китайцев и ориентированная на этнических китайцев партия, а как раз в китайской среде в результате японского завоевания Малайи и произошли самые серьезные перемены. Начались жестокие репрессии против китайцев со стороны японских оккупационных властей, которые передали в руки малайцев большинство руководящих должностей, освободившихся после разгрома англичан. Китайцы в новой этно-социальной иерархии превратились в наиболее угнетаемую социальную группу. Особенно тяжелым оказалось положение китайских рабочих

заняты в добыче олова и на плантациях. С приходом японцев оборудование добывающей промышленности по большей части было отправлено на переплавку, а плантации захирели без должного руководства. Китайским рабочим, не оставалось иного выхода, как уходить в джунгли, занимая необжитые малайцами участки земли и пытаясь вести там земледельческое хозяйство. Общая численность таких лесных поселенцев - сквоттеров составила почти 500 тысяч человек и из их числа были сформированы первые военные подразделения коммунистов. В 1942 г. они организовали партизанские отряды, а в 1943 г. на их базе была создана Антияпонская армия народов Малайи (ААНМ), руководство которой осуществлял Центральный военный комитет Коммунистической партии Малайи, находившийся в Паханге. Опираясь на материальную и информационную поддержку со стороны британского военного командования, малайские коммунисты уже к концу 1943 г. контролировали не только горные районы Перака и Джохора, но и практически всю территорию Малайи за пределами городских центров и крупных селений.

На Филиппинах коммунисты также превратились в серьезную силу. Они создали в центральных районах Лусона несколько партизанских отрядов, которые в марте 1942 г. объединились в Народную антияпонскую армию (Хукбалахап). В ряде районов Центрального Лусона Компартия создала подпольные органы самоуправления — так называемые Народные комитеты обороны. Коммунисты были особенно активны в сельской местности, в Маниле же антияпонское сопротивление оставалась в руках подпольных организаций националистов враждебных коммунистам.

В Бирме коммунисты, которые были тесно связаны с левыми националистами Аун Сана, также проявляли высокую активность. Как последовательные противники японской власти их поддержка в обществе возрастала, впрочем, как и численность их отрядов и политическое влияние в стране. Лидер коммунистов Такин Тан Тун стал одним из наиболее авторитетных деятелей освободительного движения. Коммунисты создавали подпольные группы, накапливали оружие и распространяли антияпонские листовки. Вместе с Аун Саном, который ранее являлся

членом КПБ, они участвовали в подготовке антияпонского восстания.

4. Предоставление японцами формальной независимости оккупированным ими странам ЮВА и последствия этого шага

Тан Тун – многолетний лидер бирманских коммунистов

Реальная угроза «отчуждения» элит большинства стран ЮВА от Японии вынудила Токио пойти на существенные уступки националистическим силам. Японцы приняли решение о предоставлении государствам ЮВА независимости по типу «Маньчжоу-Го», то есть независимости формальной и полностью подконтрольной японской администрации на местах. 1 августа 1943 г. они объявили Бирму «полностью независимым и суверенным государством». Армия обороны Бирмы была переименована в Национальную армию. Во главе её стали Аун Сан и Не Вин.

Провозглашение формальной независимости не остановило рост антияпонских настроений и подготовку восстания против их власти. В августе 1944 г. участники различных антияпонских групп Бирмы провели в подполье конференцию, на которой была основана Антифашистская лига народной свободы (АЛНС) — первая в истории Бирмы организация единого национального фронта. Руководителями её были избраны Аун Сан, Тан Тун, Не Вин. АЛНС, объявила о своей решимости обеспечить в будущей независимой Бирме демократические свободы, социальную справедливость, гарантии прав национальных меньшинств. АЛНС готовилась поднять антияпонское восстание, с учётом хода наступательных действий английских войск на индийско-бирманской границе.

На Филиппинах обещанное провозглашение «независимой республики» состоялось 14 октября 1943 г., когда сформированная японцами Национальная ассамблея избрала президента республики. «Независимое» правительство Филиппин немедленно заключило военный союз с Японией, а в сентябре 1944 г. объявило войну США. Весь этот фарс происходил на фоне тяжелейших японских поражений, когда всем было очевидно, что их власть в стране долго не продержится. Антияпонские настроения охватили в это время подавляющую часть представителей правящей элиты, способствовали укреплению позиций прокоммунистических партизан из движения Хукбалахап.

*Многолетний лидер Бирмы генерал
He Hui*

Во Вьетнаме японские власти, несмотря на уговоры местных националистов, не стали объявлять независимость в 1943 г., так как все еще рассчитывали на лояльность французской колониальной администрации. Французы, в свою очередь, старались не сталкиваться с японцами и занимались в основном тем, что активно боролись с пропагандой Вьет-Миня, охотилась за отрядами пропагандистов, формировавших по всей стране ячейки Вьет-Миня, посылали военные экспедиции для того, чтобы уничтожить базы коммунистов на севере страны. Успеха вся эта деятельность в целом не приносила, так как выполнялась по большей части довольно формально. Дело в том, что среди колониальной администрации, по мере успехов союзников и неудач японцев, возрастало число сторонников генерала Де Голля и Свободной Франции, которые видели главного противника в лице своих японских кураторов. В ситуации очевидного вакуума власти силы коммунистов росли и в декабре 1944 г. в провинции Каобанг появились первые партизанские отряды Вьет-Миня, положившие начало Освободительной армии Вьетнама.

В Индонезии японцы также не спешили с предоставлением независимости. Причин тут было несколько. Их вполне устраивало, что лидеры националистов тесно сотрудничали с оккупационными властями в рамках партии Путера, а также японцы не собирались создавать как того желали индонезийские националисты одну страну в рамках всей Нидерландской Индии. Они рассчитывали на островах в перспективе создать сообщество государств от них зависимых. Всё, на что пошли японские власти, — это создание Центрального совещательного совета во главе с Сукарно на Яве и Мадуре и местных советов на Суматре, Калимантане и Сулавеси. Сформировали они в 1943 г. и так называемую Добровольную армию защитников отечества (Пета). Это вспомогательное войско насчитывало 60-65 тыс. человек, Командовали им индонезийские офицеры, но во всех подразделениях имелись японские «инструкторы», приказы которых должны были неукоснительно исполняться.

В Малайе японская администрация также ввела в конце 1943 г. некоторые новшества, расширявшие полномочия местных элит. В султанатах были восстановлены распущенные в начале оккупации государственные советы во главе с султанами и советы по делам религии. Японцы рассчитывали, что такой шаг укрепит поддержку со стороны малайских правителей. Оккупационные власти стремились играть на противоречиях малайцев и китайцев и при поддержке малайцев бороться против сопротивления китайской общины. Такая политика себя не оправдала и к 1945 г. антияпонская армия народов Малайи (ААНМ) начала наступление и вступила в султанат Джохор, где захватила ряд крупных населенных пунктов.

5 Освобождение стран ЮВА от японской оккупации

Филиппины стали первой страной ЮВА, освободившейся от японской власти. Американские войска высадились на Лусоне в январе 1945 г., и за несколько недель ожесточенных боев японская оккупационная армия была полностью разгромлена. Отряды «Хукбалахап» установили связь с американцами и оказывали им максимальное содействие. В Бирме, Национальная армия во гла-

ве с Аун Саном, вступив в контакты с британским командованием, 27 марта 1945 г. подняла восстание против японцев и 1 мая, за два дня до прибытия английских войск, освободила Рангун. Во Вьетнаме японцы 9 марта 1945 г. ликвидировали французскую колониальную администрацию, опасаясь ее перехода на сторону Де Голля. Император Бао Дай по указанию японских властей объявил о восстановлении независимости Вьетнама. О независимости в это время было объявлено и в Камбодже и в Лаосе. Отстранение французской колониальной администрации от непосредственного контроля за ситуацией в стране, привело к вакууму власти во многих районах Вьетнама. На мес-

*Бао Дай – последний император
Вьетнама*

тах образовалось фактическое безвластие, когда поставленные японцами вьетнамские политики, ориентировавшиеся на Токио ни реальной политической силой, ни популярностью в народе не пользовались. Давление на Вьет-Минь резко ослабло и коммунисты стали быстро набирать популярность и силу, их партизанские отряды выросли численно и уже в апреле 1945 г. они свели их в армию, которая к августу насчитывала около пяти тыс. бойцов. В июне в шести провинциях Северного Вьетнама, где в сельской местности было сильно влияние Вьет-Миня, появились первые «временные органы народной власти».

В Индонезии, которая так и не дождалась от японцев даже формальной независимости, в феврале 1945 г. произошло восстание батальона «Петя» в округе Блитар, в ходе которого были убиты японские инструкторы. Восстание быстро подавили, но оно вызвало широкий резонанс в националистических кругах, которые оправдывали восставших и осуждали действия японцев. Для того, чтобы как-то остановить нарастание антияпонских настроений среди индонезийских националистов оккупационные власти в марте 1945 г. образовали так называемый Исследовательский комитет по подготовке независимости Индонезии.

В его состав они включили известных в стране политиков, долгое время с ними связанных. Будущий президент Сукарно, хотя и не был избран его главой, стал главным автором проекта первой индонезийской конституции, и он же на одном из заседаний Исследовательского комитета, состоявшегося 1 июня 1945 г. провозгласил принципы Панча Силы : национализм, демократия, всеобщее благосостояние, вера в Бога. Впоследствии они стали основой государственной идеологии Индонезии.

В Малайе разоружение японцев началось тогда, когда британские войска в стране еще отсутствовали, поэтому их капитуляцию принимали коммунисты - командование Антияпонской армии. На волне очевидных побед малайские коммунисты, фактически захватившие на короткое время власть в стране, объявили о программе радикальных социальных экономических и этно-религиозных реформ, и о предстоящем создании Малайской демократической республики. Большинство малайского населения, впрочем, как и часть зажиточных китайцев и индийцев с большой тревогой отнеслись к объявленным перспективам переустройства государства на принципах социальной справедливости и передаче власти бедным. Поэтому, возвращение англичан, высадивших в стране экспедиционный корпус численностью до 250 тысяч человек, было воспринято большинством жителей Малайи с явным облегчением и поддержкой.

С новым утверждением англичан в Малайе, их интересы и цели их недавних союзников - малайских коммунистов, быстро разошлись, а их отношения особенно после ультиматума выдвинутого КПМ в сентябре 1945 г. о передаче ей всей полноты власти, окончательно испортились. Уже в мае 1946 г. деятельность Коммунистической партии Малайи была официально запрещена, а сама партия вынуждена была вновь уйти в подполье.

Это событие стало знаковым для организаций коммунистов почти во всех странах ЮВА с точки зрения их ближайшего политического будущего.

ГЛАВА VI. Дилеммы индийской модернизации в 20-40-е годы

1. Формирование индийского политикума. Ганди, ИНК и британская власть.

Окончание Первой мировой войны совпало в Индии с заметным ростом влияния Ганди и его идей, а также с новым всплеском террористической активности радикалов-националистов. Участвовавшие в 1918-1919 гг. антианглийские выступления и террористические акты привели к тому, что англичане решили ужесточить контроль над политической ситуацией. В марте 1919 г. были приняты законы, которые предоставляли британским властям чрезвычайные полномочия: возможность установить контроль над прессой, право осуждать политических преступников одним судьей без присяжных, право задерживать людей по одному только подозрению в преступных замыслах. В ответ на это по всей Индии начались демонстрации и так называемые харталы (закрытие лавок, прекращение деловой активности), а ИНК объявил, что переходит к гандистским методам освободительной борьбы. Национальный конгресс объявил о проведении всеиндийского хартала в котором приняло участие более 30 городов. Особенно сильные волнения, граничившие с восстанием, произошли в Ахмадабаде и в Пенджабе (Лахор, Гуджранвала).

Подписание Севрского договора между странами Антанты и Турцией (10 августа 1920 г.) вызвало такое возмущение индийских мусульман, что англо-индийское правительство вынуждено было обратиться к метрополии для его пересмотра. Конгресс решил возглавить волнения в мусульманских районах и поддержать так называемое «халифатское движение», начало которому было положено еще в 1918 году мусульманской интеллигенцией и духовенством протестовавшими против планов Антанты расчленить Османскую Турцию. Османский султан формально считался духовным главой (халифом) всех мусульман-суннитов, включая и мусульман Индии. Во главе движения встала новая политическая организация - Лига халифатистов во главе с хали-

фатским комитетом, сотрудничавшим с Индийским национальным конгрессом и поддерживавшим его антиколониальную деятельность. Комитет возглавляли члены Индийского национального конгресса (ИНК) братья Мухаммед и Шаукат Али. На какой-то момент халифатское движение приобрело большее влияние, чем собственно Мусульманская лига. 1 августа 1920 года его руководство совместно с М. Ганди объявило о начале кампании гражданского неповиновения — отказа от сотрудничества с британскими властями. Кампания проходила в форме митингов, демонстраций, харталов. Махатма Ганди был избран председателем халифатского комитета. Казалось, что гандистское движение ненасильственного сопротивления и массы сторонников халифа и Османской империи в Индии практически слились, и борьба индусов и мусульман стала проходить под эгидой ИНК. Однако наметившееся единение было обманчивым. Гандисты проповедовали индуистскую идею ненасилия, мусульманам же эта идея была чужда. Идея «халифата», религиозная в своей основе, нацеливала мусульман скорее на борьбу со всеми «неверными», в том числе и с индусами. Лидеры движения в защиту халифата хотя и провозглашали единение индусов и мусульман, но движение вскоре вышло из-под их контроля и вызвало такое обострение индусско-мусульманских противоречий, которого не наблюдалось прежде.

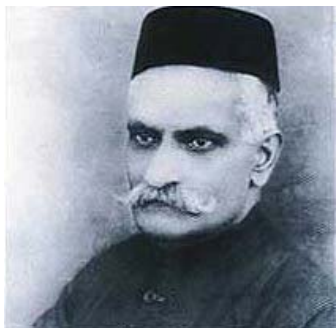
На фоне всех этих беспорядков умеренная часть индийского политического класса, лояльная к англичанам, которой были чужды террористические вылазки, бойкот английских товаров, митинги и харталы по-своему, но тоже влияла на политику британских властей, подталкивая их к проведению реформ, в которых, как они полагали, нуждалась их страна. Одной из таких позитивных реформ стало разграничение компетенций и финансов центра и провинций. С 1921 г. провинции получили отдельные бюджеты. Собственно с этого акта можно сказать начался современный индийский федерализм. Более того, расширение прав провинций само по себе делало более широким участие индийцев в управлении, в частности повышало роль индийских чиновников в общей административной структуре. За губернатором теперь «резервировались» вопросы сбора земельного налога и поддержания порядка. Законодательным собраниям и назначае-

мым ими министрам-индийцам «передавались» сферы местного самоуправления, образования, здравоохранения и распоряжения акцизами. Это разделение ответственности было названо в законе «диархией», то есть «двоевластием», хотя по существу на более высоких уровнях власть сохранялась в руках колониального аппарата.

Расширение возможностей индийской элиты в управлении страной открывало и новые возможности для политического давления на британские власти с тем, чтобы ускорить как процесс политической модернизации, так и возможности национального освобождения. Однако принятие конгрессом идей гандизма с его стремлением построить идеальное общество всеобщего благоденствия — сарво-даيه явно отдаляло руководство ИНК от целей модернизации страны. Более того, программа Ганди, ставшая основой политического курса Конгресса, в некотором смысле встала на пути модернизации политической системы. Она предусматривала отказ индийцев от титулов и званий, полученных от англичан; бойкот выборов в законодательные собрания; бойкот судов, правительственных учреждений и английских учебных заведений; отказ от одежды европейского образца; поощрение ручного ткачества и ручного прядения; отказ от уплаты налогов.

В рамках этой программы каждый последующий пункт рассматривался как более высокая степень бойкота. Но получилось, что вместо вполне понятных требований по расширению поля власти для собственно индийцев, формированию среди них демократических структур, конгресс занялся пропагандой утопизма. Да и само ненасильственное восстание, которое рассчитывал организовать Ганди в феврале 1922 г., закончилось очень быстро — после первого же кровавого инцидента, в котором были убиты полицейские. Ганди расценил этот инцидент как показатель того, что массы не созрели для исповедуемых им ненасильственных действий, и решил прекратить кампанию. 11-12 февраля он созвал срочное заседание Рабочего комитета ИНК в Бардоли (ныне в штате Гуджарат) и настоял на принятии решения о прекращении борьбы (Бардолийская резолюция). Подавляющее большинство участников движения, в том числе его руководители не принимали указаний вождя и оказались деморализованы поступком

Ганди. Они считали, что он предал движение в тот момент, когда оно приобрело наибольший размах и имело шансы на успех.

Мотилал Неру - президент ИНК в 1929 г.

Неудача руководства ИНК в организации ненасильственного восстания привела к тому, что в партии многие разочарованные в отсутствии радикализма у Ганди заинтересовались коммунистической идеологией. Они стали искать альтернативу гандизму на путях социализма и социалистической революции. 1 января 1923 г. бывший председатель ИНК Ч.Дас вместе с другим известным политиком Мотилалом Неру объявили о создании

Конгресс-халифатистской партии свараджа (самоуправления) и опубликовали ее программу. Дас провозгласил лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», приступил к организации крестьянских союзов, призвал рабочих к организованности с целью построения «свараджа для народа». Современники отмечали близость его взглядов к идеям Сунь Ятсена.

Коммунистические группы, возникшие в то время в Индии, заявили о своей готовности сотрудничать со сторонниками свараджа. Внешне этот союз чем-то напоминал первоначальный союз коммунистов и гоминьдана в Китае. Но в Индии события развернулись по-другому, лидеры коммунистов приняли решение действовать отдельно и самостоятельно, не дожидаясь пока ИНК разорвет с ними отношения. В декабре 1925 г. на очередной сессии Конгресса в Канпуре они официально объявили об основании своей партии, но в Конгресс не вступили так как не нашли общего языка со свараджистами. В 1926-1928 гг. они действовали довольно активно - стали основывать провинциальные Рабоче-крестьянские партии — в Бомбее, Панджабе и других провинциях.

В 20-е годы все большую остроту приобретали индуско-мусульманские противоречия. В 1922-1925 гг. волна индо-мусульманских погромов охватила Амритсар, Кохат, Панипат, Джабалпур, Гонду, Агру, Нагпур, Лакхнау, Калькутту. Погибло

около 500 человек. Активизировались как радикальные инду-ские, так и мусульманские организации. В апреле 1925 г. инду-ская организация Хинду Махасабха провозгласила своими целя-ми консолидацию индусов по всей стране (сангатхан);— оказа-ние помощи индусам, пострадавшим от мусульман;— возвраще-ние в лоно индуизма тех, кто когда-то перешел в ислам и другие религии (шуддхи, «очищение», имелось в виду также «очище-ние» «неприкасаемых» и принятие их в лоно индуизма);— попу-ляризацию языка хинди; — устройство индуистских праздников.

В том же 1925 г. была создана организация Раштрия Сваям-севак Сангх (РСС, Союз добровольных служителей государства). Ее лидер К.Б.Хедгевар считал ее культурно-просветительской организацией, призванной развивать индуcкую культуру и вос-питывать массы в духе традиционных индуcких ценностей. Но по структуре на самом деле это был скорее военизированный орден. Ее члены (в основном молодежь) должны были носить форму — шорты цвета хаки, рубашку того же цвета (позднее за-менена на белую), черную пилотку. Они регулярно собирались на слеты, где получали идеологическую и строевую подготовку. Член РСС давал клятву верности организации, но в 1929 г. был принят принцип «эччалак анувартита» («следование единому лидеру»), и клятва стала приноситься ему.

В связи со всеми этими событиями, обострившими индо-мусульманские отношения в целом, в декабре 1925 г. на сессии в Алигархе официальной доктриной Мусульманской Лиги стала теория «двух наций». Ее сторонники утверждали, что угроза «мусульманской нации» исходит от индусов, а защиту она может получить только от англичан. Мусульманские политики заявили о своем стремлении обратиться в ислам как можно большее числа жителей Индии. Это был серьезный вызов Конгрессу и такая провокационная политика в отношении индуcкого большинс-ва, только усиливала конфронтацию двух основных религиозных общин.

В ответ на этот очевидный вызов конгресс не стал дальше обострять ситуацию, а объявил о том, что собирается претворить в жизнь так называемую «Конструктивную программу», кото-рую Ганди выдвинул, еще находясь в тюрьме после неудавшего-ся восстания 1922г. Состояла она всего из четырех пунктов: 1.

Популяризация ручного ткачества и прядения. 2. Борьба за ликвидацию «неприкасаемости». 3. Укрепление единства индусов и мусульман. 4. Развитие образования на индийских языках.

Эта программа и особенно ее первый пункт вызывала всеобщее удивление. Никто не понимал связи борьбы за национальное освобождение и развития ручного ткачества. Ганди на все вопросы отвечал, что он не видит лучшего пути к достижению независимости, чем реализация всех его предложений. С 1924 г. он призвал к тому, чтобы каждый член Конгресса платил членский взнос в виде 2 тыс. ярдов собственноручно выделанной пряжи.

Понятно, что в такой программе лишь пункт о неприкасаемых мог действительно рассматриваться как меняющийся сложившуюся реальность. В то же время «конструктивная программа» своим откровенным примитивизмом не должна скрадывать того факта, что в ИНК разрабатывали и более сложные и серьезные документы, в которых модель будущей свободной и независимой Индии стала обретать реальные очертания. Речь идет в первую очередь о будущей конституции Индии, которую разработали в ИНК под руководством одного из лидеров - Мотилала Неру. Его конституция была задумана как противовес документу по реформированию управления Индией, который подготовила прибывшая из Лондона так называемая комиссия Саймона. Конгресс на сессии в Мадрасе принял решение бойкотировать эту комиссию и вместо нее создать собственную комиссию по выработке проекта конституции с участием представителей всех основных политических партий. Был провозглашен лозунг «пурна сварадж» («полную независимость»).

В июле 1928 г. был опубликован проект будущей конституции Индии по версии ИНК, которая на поверку оказалась очень умеренной, рассчитанной на то, что с нею согласятся все основные партии Индии и даже английские колонизаторы. Предполагалось предоставить Индии права доминииона при сохранении за англичанами контроля над внешними сношениями и обороной. Государство должно было представлять собой федерацию автономных провинций, образованных по языковому принципу. Провозглашались демократические права и равенство всех граждан вне зависимости от касты и религии. Парламент должен был избираться прямыми выборами без курий. В данном пункте про-

ект конституции не учитывал требования Мусульманской лиги и других политических сил, опасавшихся доминирования индусского большинства в законодательном органе будущей независимой Индии.

Конституция, подготовленная Мотилалом Неру и принятая Конгрессом как программный документ, при всей своей умеренности стала свидетельством того, что в интеллектуальной и политической элитах Индии сформировался образ будущей, основанной на принципах федерализма страны как принципиально нового для индийской культуры государственного образования. В его основу легли принципы демократии и главенства закона, механизм политической конкуренции с выборной системой и разделением властей, моральные нормы, отрицающие кастовые и иные различия и провозглашающие равенство всех граждан страны.

В июне 1930 г. был опубликован доклад комиссии Саймона, в котором предлагалось несколько расширить корпус избирателей и в то же время увеличить количество курий на выборах. Кроме того, было высказано мнение о желательности отделить провинцию Синд от Бомбея и Северо-Западную пограничную провинцию от Панджаба, а также выделить Бирму в отдельную колонию. На фоне конституции Неру документ подготовленный комиссией выглядел скорее не как программа реформ, а как незначительные изменения в политико-административный механизм. В то же время сравнение этих двух документов наглядно показывает, что националисты-реформаторы и западники были намного более решительны в строительстве нового, чем собственно колониальные власти и, что основной драйв перемен в колониальной Индии исходил из активности национальных элит, а не британских властей.

2. ИНК и Компартия Индии. Борьба умеренных и радикалов за политическое и идейное лидерство в стране

В марте 1931 г. ИНК подготовил специальную резолюцию «Об основных правах и обязанностях граждан Индии», которая стала рассматриваться как дополнение к Конституции Неру. В этом документе определялась будущая экономическая политика

страны: проявлялось намерение конгрессистов национализировать основные отрасли промышленности, облегчить жизнь трудящихся и ограничить доходы имущих. Анализ этого документа показывает, что руководство Конгресса заинтересовали все более популярные в мире идеи модернизации в рамках социалистической альтернативы, причем вряд ли этот импульс исходил от Компартии Индии, которая из-за своего радикализма занимала периферийные в политической системе страны позиции. В 1930 г., например, в журнале «Коммунистический Интернационал» был опубликован проект программы коммунистов Индии. В нем Индийский национальный конгресс характеризовался как «реакционная организация, союзник британского империализма», а его левое крыло, возглавлявшееся в то время Дж. Неру и С.Ч.Босом, как «наиболее опасное препятствие на пути победы революции». Задачами КПИ объявлялись: 1) достижение независимости путем вооруженного ниспровержения колонизаторов; 2) конфискация всей британской собственности; 3) учреждение советского правительства, создание Индийской федеративной советской республики рабочих и крестьян. Без сомнения радикализм коммунистов и их ставка на вооруженное восстание и бескомпромиссность в отношении других индийских политических сил в той или иной мере сотрудничавшими с колонизаторами, были рассчитаны на поддержку той части индийского общества, которая выступала за достижение независимости и изгнание английских колонизаторов любым путем. Это, как показали выборы 1937 г. была довольно значительная часть политически активных граждан, которые, однако, коммунистов не поддерживали, так как идеи республики рабочих и крестьян и вообще идеи классовой борьбы вызывали у них очевидное неприятие. Поэтому коммунисты так и не смогли в это время ощутимо повлиять на индийскую политику и претендовать на значимую роль в политической системе. Их ставка на бескомпромиссную борьбу ослаблялась и внутренней борьбой, а главное тем, что Лондон проводил в Индии политику постепенных, но значимых уступок в сфере расширения возможностей индийцев в управлении страной. Политика легального давления на британские власти постепенно давала свои плоды, поэтому у умеренных политиков и в ИНК, и

в Мусульманской лиге всегда находились козыри в споре с наиболее радикальными политическими оппонентами.

После очередного реформатирования индийских марксистов и коммунистов в 1933 г. на свет появилась Коммунистическая партия Индии, уже как секция Коминтерна, которая должна была выполнять указания из Москвы и разделять общую коммунистическую стратегию. Энтузиазма среди индийских радикалов и левых эта инициатива не вызвала так как для них было неприемлемо, что вопросы подготовки восстания и ведения вооруженной борьбы против англичан отодвигались на «второй план» и решались в Москве. Новая партия долгое время оставалась немногочисленной, насчитывая всего лишь 300 человек, да и то вскоре она была запрещена англичанами и перешла на нелегальное положение в мае 1934г. Возглавить процесс освобождения Индии от власти колонизаторов индийским коммунистам так и не удалось.

3. ИНК, Мусульманская Лига и британские власти: специфика отношений в конце 30-х годов

Примером вынужденной уступчивости англичан давлению индийского политического социума стал опубликованный в августе 1935 г. так называемый Закон об управлении Индией, который стал известен как «Конституция 1935 г.». Этот документ состоял из двух частей: «Федеральная схема» и «Провинциальная автономия». Генерал-губернатор назначался, как и прежде, из Лондона и был ответственен только перед королем, Совет министров в свою очередь был ответственен только перед генерал-губернатором. Провинциальные собрания формировались путем прямых выборов, правительства утверждались собраниями и были ответственны перед ними. При этом, губернатор, назначаемый из центра, утверждал принимаемые законы, имел право вето и право издавать указы, имеющие силу закона. Имущественный ценз давал избирательные права только 12% населения. На выборах вводилось 12 курий: «общая» (т.е. индусская, включая «неприкасаемых»), мусульманская, сикхская, индийских христиан, англо-индийцев, европейцев, землевладельцев, торговцев и промышленников, интеллигенции и рабочих. Кроме того, «об-

шая» и мусульманская курии подразделялись на городскую и сельскую.

Если с провинциальной схемой согласились все значимые политические силы Индии, то в отношении Федеральной все они выступили единым фронтом против. Конгресс и Мусульманская лига и даже представители княжеств отнеслись к ней крайне отрицательно. В княжествах, опасались, что прописанное в новом законе их вхождение в единую с провинциями федерацию, в конце концов, приведет к ограничению их суверенитета и прав. Под общим политическим давлением индийского политикума, англичане вынуждены были «отложить» введение в действие «Федеральной схемы». Но даже с учетом этого факта закон 1935г. можно считать поворотным моментом в формировании нового уровня влияния индийских политиков.

В соответствии с ним, англичане, хотя и сохраняли верховную власть, но делали значительный шаг в сторону расширения сферы индийского самоуправления, а значит и поля реальной власти индийских политиков. Доказательством этого вывода могут служить прошедшие в 1937 г. выборы в федеральное и провинциальные собрания, на которых соперничали собственно индийские политические силы. Это была уже настоящая политическая борьба за власть, вынудившая ИНК впервые в своей истории на съезде в Лакхнау в 1936 г. принять аграрную программу. В ней предусматривались реальные меры по улучшению жизни крестьян - снижение ренты, снижение налогов, списание недоимок по налогам.

На этой же сессии один из главных лидеров конгресса Джавахарлал Неру объявил себя сторонником социализма. Он сказал, что «единственным ключом к решению мировых проблем и проблем Индии является социализм». Кстати, и руководство Мусульманской лиги в предвыборном манифесте (июль 1936 г.) заявило, что в области социальных реформ оно поддерживает программу Конгресса. Состоявшиеся в 1937 году выборы принесли довольно неожиданные результаты - выяснилось, что индийский электорат намного более радикален, чем признанные политические силы и их лидеры. Практически все партии и политики, кто поддержал конституцию 1935г. потеряли сокру-

шительное поражение и, наоборот, те, кто был против этого закона, продемонстрировали свою популярность и влияние.

Конгресс, являвшийся главным фаворитом, победил, в первую очередь, за счет поддержки в сельских районах, а вот Мусульманская лига получила только 109 мест из 482, предоставленных мусульманской курии. Такая очевидная неудача заставила руководство этой партии перейти на более радикальные позиции, выступить за «полное национально-демократическое самоопределение Индии», под которым мусульманские лидеры понимали тогда не отделение Пакистана, а «образование полностью независимой Индийской федерации». Такая федерация должна была состоять из свободных демократических государств, в которых права и интересы мусульман и других меньшинств были бы в должной мере эффективно гарантированы конституцией».

После анализа причин поражения на выборах руководство Мусульманской лиги взяло курс на превращение своей партии в массовую политическую организацию. Выросло число активистов, расширились районы их деятельности, а главное партия приступила к созданию партийных комитетов на местах. Если еще в 1927 г. Лига оставалась партией мусульманской верхушки (1330 человек), то к 1940 г. она стала массовой (89 тыс. членов, 300 первичных организаций).

ИНК, также почувствовал общую радикализацию общественных настроений, и его руководство заявило об отказе формировать правительства в тех провинциях, где Конгрессом была одержана победа. В партии требовали, чтобы губернаторы, назначенные англичанами, отказались от ряда полномочий, которые предоставлялись им конституцией — права вето и права издавать указы. Под давлением индийских политиков колониальным властям вновь пришлось уступить. Было заключено джентльменское соглашение, по условиям которого губернаторы отказались использовать эти права. После этого Конгресс сформировал свои правительства в провинциях, практическая деятельность которых до сих пор трактуется историками неоднозначно. С одной стороны эти правительства убрали все административные препятствия для деятельности профсоюзов и крестьянских организаций; уменьшили земельный и водный налоги; вернули

земли тем, кто потерял их за неуплату налогов. В мае 1938 г. состоялась конференция главных министров правительств, сформированных Конгрессом, на которой они договорились о размерах снижения ренты, отсрочке уплаты недоимок и долгов, согласовали положения арендных и антиростовщических законов.

С другой стороны несомненные успехи в сфере социальной и защиты прав бедных и обездоленных людей компенсировались ошибками и неудачами в сфере национальных и межрелигиозных отношений. Дело в том, что политика конгрессиистских правительств, вызвала резкое отчуждение мусульман от индусов, привела к многочисленным столкновениям и погромам. При том, что Конгресс всегда позиционировал себя не как индусская, а как светская общенациональная партия представляющая интересы и мусульман и индусов, в реальной политике на местах анти-мусульманский уклон оказался очевидным. Так, например, в начале заседаний Законодательных собраний, где большинство было у Конгресса, вместо государственного гимна стали исполнять песню «Банде матарам», гимн Конгресса, чуждый другим депутатам.

Во многих провинциях по инициативе депутатов от ИНК принимались законы, разрешавшие проведение индуистских праздников с песнями и танцами вблизи мечетей; убой коров был приравнен к уголовному преступлению; языком администрации особенно в северных провинциях стал хинди, употребление же урду (языка североиндийских мусульман) всячески ограничивалось; в школах курс хинди стал обязательным, а изучение урду, арабской и персидской литературы было отменено; участились случаи дискриминации мусульман при приеме на работу.

Все это вызывало протест у мусульманской части населения и побудило Мусульманскую лигу в 1938 г. назначить специальный комитет по расследованию притеснений мусульман в провинциях, где власть осуществляли представители ИНК.

4. Положение в Индии накануне и во время Второй мировой войны

Напряженная ситуация в стране, связанная с противостоянием и конкуренцией ИНК и МЛ еще более обострилась после того, как в сентябре 1939 г. Англия вступила во Вторую мировую войну. Без всякого согласования с индийскими политическими силами, вице-король лорд Линлитгоу объявил Индию воюющей стороной. В знак протеста против такой дискриминации и авторитарных действий вице-короля фракция Национального конгресса в Центральном законодательном собрании объявила о бойкоте заседаний. 14 сентября 1939 г. Всеиндийский комитет Конгресса принял специальную декларацию об отношении к войне. В ней было объявлено о поддержке Национальным конгрессом военных усилий Англии, но на определенных условиях: официальное признание английским правительством права Индии на самоопределение; созыв учредительного собрания; признание за индийскими политическими партиями права на руководство в будущем политикой Индии; незамедлительное создание ответственного перед Центральным законодательным собранием правительства при вице-короле. Мусульманская лига в свою очередь также объявила о поддержке военных усилий Англии, но при условии расширения представительства мусульман в законодательных органах. Английское правительство, как бы отвечая на запрос индийских политиков, опубликовало 17 октября 1939 г. «Белую книгу», в которой изложило цели войны. Уклонившись от прямого ответа на требования, изложенные в декларации Всеиндийского комитета Конгресса, правительство Англии объявило о своем намерении разработать после войны новую конституцию Индии при консультации с представителями индийских политических партий. Оно обещало расширить за счет индийцев состав Исполнительного совета при вице-короле и предложило создать при нем совещательный консультативный комитет из представителей политических партий и князей.

«Белая книга» дала фактически негативный ответ на предложения выдвинутые ИНК. Более того, колониальная администрация объявила об отказе от «джентельменского соглашения» с Конгрессом. Это означало сокращение полномочий конгресси-

ских правительств и увеличение их у назначенных британскими властями губернаторов провинций. Англичанами был также принят Закон о дополнениях к Конституции и Закон об обороне Индии, которые возвращали колониальной администрации возможности полного контроля над провинциальными правительствами. Для противников власти вводилось превентивное заключение, предусматривалась и возможность смещения британскими губернаторами провинциальных правительств, ответственных перед законодательными собраниями.

В знак протеста против позиции английской администрации министры-конгрессисты в восьми провинциях подали в отставку, а в конце октября 1939 г. руководство ИНК опубликовало свой ответ на английские предложения, содержащиеся в «Белой книге». ИНК выдвинул следующие требования : 1) в Индии немедленно должно быть создано ответственное правительство: 2) новая конституция должна быть выработана учредительным собранием; в случае если британские власти откажутся выполнить эти требования руководство Конгресса угрожало начать кампанию гражданской неповиновения.

Однако, на сей раз расчет на уступчивость колониальных властей себя не оправдал. Шла война, Индия оставалась важнейшим элементом английских усилий в борьбе против Германии, и правительство не могло допустить в этот момент угрозы хаоса и беспорядков, которые могли бы подорвать его власть в стране. В связи с этим англичане на принятие условий ИНК не пошли, а на главное требование конгрессистов — о немедленном создании ответственного правительства при вице-короле положительного решения также не приняли.

Ослабление позиций ИНК, потеря партией контроля над многими провинциями, где правительства ушли в отставку и тем самым лишились важного инструмента воздействия на политический процесс, играли на руку мусульманским активистам. Сложившейся ситуацией попыталось воспользоваться в своих интересах руководство Мусульманской лиги. В декабре 1939 г. Лига объявила о проведении в стране кампании «освобождения от ига Конгресса». Кроме того провинциальные правительства в Ассаме, Синде и Северо-Западной пограничной провинции, сформированные почти полностью из числа членов Лиги, отка-

зались самораспуститься и после ухода министров от ИНК, продолжили сотрудничество с колониальной администрацией.

Оказавшись в ситуации войны, как с британской администрацией, так и с Мусульманской Лигой, руководство Конгресса во главе с Ганди попыталось использовать свое испытанное оружие - развернуть по всей стране кампанию гражданского неповиновения. Однако надежды на успех этой кампании быстро угасли, так как британские власти действовали жестко и решительно и только в 1940г. арестовали около 30 тыс. активистов ИНК.

Несмотря на это, руководство Конгресса попыталось еще более обострить ситуацию, выдвинув в отношении британских властей лозунг «Вон из Индии» и потребовав немедленной независимости страны. В ответ ИНК была объявлена вне закона, с фронтов было отозвано 57 батальонов для того, чтобы подавить организованные активистами Конгресса антибританские выступления. С 9 августа по 31 декабря 1942 г. во время спровоцированных сторонниками ИНК беспорядков было убито 940 человек, 1630 ранено, 18 тыс. из числа арестованных продержали в тюрьме до конца войны. Почти все руководство Конгресса во главе с Ганди также оказалось в тюрьме.

Политика Конгресса подверглась давлению и с другой стороны - вслед за британскими властями на индийском радио и в газетах стали называть Конгресс организацией предателей, активно «разоблачать» его «долговременную цель» — установить в Индии «конгрессистско - индуистско- буржуазную власть». Конгресс стали обвинять в том, что он хочет заключить сепаратный мир с Японией, указывая, что один из наиболее его в прошлом ярких лидеров Чандра Бос, перешел на сторону японцев и сформировал в составе японской армии индийский легион для войны с англичанами.

На фоне преследований руководства Конгресса и критики его позиции в прессе, Мусульманская лига, которая всячески демонстрировала свою лояльность британским властям, сделала

Субхас Чандра Бос - наиболее радикальный борец за независимость Индии

решающий шаг к расколу страны - руководство партии заявило, что отвергнет любой проект будущей конституции, предусматривающий создание «единой общеиндийской федерации». На сессии в Лахоре в марте 1940 г. была принята специальная резолюция с требованием создать отдельное государство из территорий с преобладанием мусульманского населения. Лидеры Лиги предложили и конкретный план действий - ИНК должен был одобрить их резолюцию, после чего две партии смогли бы выработать совместную программу действий «для освобождения Индии от иностранного контроля».

*Джавахарлал Неру -
многолетний лидер ИНК и
премьер-министр Индии*

Ситуация, при которой инициатива в определении будущего устройства Индии перешла от Конгресса к Мусульманской Лиге вызвала серьезное недовольство в рядах ИНК. Все более явной становилась критика действий Ганди, понимание ограниченности его методов и его неспособности как противостоять британским властям, так и договориться с Мусульманской лигой на условиях ИНК. Действительно Ганди, который был выпущен из заключения в 1944 г., несколько раз встречался с Джинной,

безуспешно стараясь убедить его в необходимости сохранения единства Индии. Неудачи Конгресса привели к тому, что позиции Ганди как неоспоримого лидера партии сильно пошатнулись, хотя пиетет к его личности, уважение и восхищение его убеждениями и действиями во многом сохранился. На первый план в руководстве ИНК выдвинулись другие люди, которых можно охарактеризовать как прагматиков и реалистов. Их возглавлял будущий первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру, который стал председателем ИНК еще в 1927 г., но долгое время находился в тени Ганди. Теперь, когда вопрос выживания партии, и ее лидерства в будущем встал крайне остро, он вышел из тени и выступил с разумной и прагматичной программой. Джавахарлал Неру предложил придерживаться прагматичного курса, признать сложившиеся реалии и действо-

вать исходя из них. Вместо ручного ткачества и утопической сарво-даيه он видел будущее страны в достижении независимости как ближайшей цели в послевоенный период и в строительстве независимого государства, основанного на либеральных ценностях в политике, секуляристских — в духовной сфере, социалистических в экономике. Он понял, что остановить выделение отдельного мусульманского государства из состава Индии невозможно, что борьба против этой идеи будет означать тотальную войну и невозможность строительства независимой и процветающей Индии. Благодаря такой позиции ИНК вновь вернул себе лидерство в индийской политике, превратился в ответственного партнера на ключевых переговорах о будущем страны, которые состоялись в Симле уже после окончания Второй мировой войны.

ГЛАВА VII. Реформы Ататюрка: Турция от распада Османской империи и до окончания Второй мировой войны

1. Ситуация в стране от восстания Мустафы Кемалья до принятия конституции

Мустафа Кемаль - Ататюрк

Первая мировая война закончилась для Османской империи подлинной катастрофой. Султанское правительство капитулировало и в страну стали прибывать оккупационные войска из стран победителей, поставившие многие районы будущей Турции под свой контроль. Англичане заняли Стамбул, французы — Киликию и Искендерун, итальянцы — Антакью, а греки Измир. В ответ на оккупацию в стране с мая-июня 1919 г. начались стихийные протесты, которые возглавил, порвавший с султанским правительством генерал Мустафа Кемаль.

Вместе со своими сторонниками он сформировал массовое националистическое движение, выступившее против оккупантов. В январе 1920 г. по требованию кемалистов султанский парламент принял так называемый «Национальный обет». Это была декларация, определявшая территориальные границы и особенности устройства будущего турецкого государства, населенного «османским мусульманским большинством, объединенным религией, расой и идеей». В «Национальном обете» подчеркивалось, что выделенные в нем территории являются собственно турецкими, «представляют собою единое целое, которое не терпит разделения ни де-юре, ни де-факто по каким бы то ни было причинам». В этом документе кемалисты показали себя и реалистами и реформаторами. Они фактически отказались от самой идеи восстановления Османской империи и сделали ставку на

создание национального турецкого государства. Причем государство это по мысли их лидера должно было строиться на тотальном отрицании всего, что являлось сколько-нибудь важным для Османской Империи.

Вместо монархии - республика, вместо государственной идеологии ислама - идея светского государства, вместо религиозного - светское образование. Ключевым элементом идеологии кемализма стал национализм, объявлявший Турецкую республику государством турецкого народа. С ним же был связан и другой важный элемент кемализма - принцип народности, провозглашавший единство турецкого общества и межклассовую солидарность внутри него. Государство кемалистов должно было основываться также на принципах республиканизма, светскости, этатизма и реформизма. Принцип республиканизма определял демократический механизм формирования государственной власти, принцип этатизма постулировал ведущую роль государства и в экономике и в жизни общества, а принцип реформизма утверждал возможность в случае необходимости проведения новых реформ, менявших привычные стандарты в жизни турецкого общества.

В апреле 1920г. в противовес султанскому правительству Мустафа Кемаль создал правительство Великого национального собрания (ВНСТ) в Анкаре, а также обратился к правительству большевиков в Москве с просьбой о помощи. С осени 1920 г. большевистская Россия стала оказывать массивную поддержку кемалистам, рассматривая их как важных союзников по антиимпериалистической борьбе. В Москве 16 марта 1921 года был подписан договор о дружбе и братстве между РСФСР и правительством ВНСТ, в рамках которого Советская Россия, несмотря на голод в Поволжье и общую разруху, в течение 1921 года направила в распоряжение кемалистов 10 млн. руб. золотом, огромное количество разнообразного вооружения и боеприпасов. Во многом, благодаря этому, наступление греческой армии в Анатолии в 1921 г. оказалось неудачным, греков остановили на подступах к Анкаре. Постепенно инициатива перешла к турецким войскам. Осенью 1922 г. кемалисты перешли в решительное наступление, разорвали растянутый греческий фронт, разгромили войска Греции в Малой Азии, а позже освободили

Стамбул, причем последний османский султан покинул город на английском военном корабле.

Итоги всех этих сражений и войн подвел Лозаннский мирный договор, подписанный в 1923 г. по итогам одноименной конференции. Он заменил унижительный для Турции Севрский договор, заключенный еще султанским правительством в 1920 г. Договор установил новые границы Турции, юридически оформив распад Османской империи, закрепив территорию Турции в её современных границах. Страны Антанты официально признали кемалистское правительство и объявляли о мире с ним. Договор отменил режим капитуляций, всех экономических и политических привилегий иностранцев в Турции, а также ликвидировал международный контроль над турецкими финансами.

Чаяниям турецких националистов отвечало и принятое в Лозанне решение о принудительном обмене населением с соседними странами, когда миллионы греков были выселены с Малой Азии, а сотни тысяч турок с территории Греции. Представители национальных меньшинств, что остались в Турции оказались жертвами открыто националистической политики, направленной на их ассимиляцию в турецком социуме. Эта политика осуществлялась под лозунгом «одна страна - одна нация». Лозаннский договор хотя и гарантировал возможность армянам, грекам и евреям создавать в Турции собственные организации и учебные заведения, а также пользоваться национальным языком, но на практике им в этом постоянно отказывали. В стране проводилась кампания по насаждению турецкого языка не только в официальных учреждениях, но даже в быту, в семьях представителей национальных меньшинств под лозунгом: «гражданин, говори по-турецки!». Одновременно официальная печать призывала религиозные меньшинства «стать настоящими турками» и в подтверждение этого добровольно отказаться от прав, гарантированных им в Лозанне. В конечном итоге выселение миллионов греков, прибытие сотен тысяч турок с Балкан, последовательная кампания по насаждению всего турецкого, привели к тому, что население управляемой кемалистами территории стало более однородным. Но если для Запада Турции это утверждение в целом справедливо, то на Востоке курдско-турецкие противоречия не только не были решены, но в условиях политики насильст-

венного отуречивания еще более усилились. Жестокое подавление восстания шейха Саида в 1925 г., охватившего почти весь Курдистан, когда погибли тысячи курдов, а их лидеры были повешены турками, только на время пригасило огонь этого противостояния. Время показало, что все попытки превратить курдов в «восточных турок» и заставить их отказаться от идеи собственной независимости успехом не увенчались. Поэтому, говорить об эффективности национальной политики кемалистов не приходится, она скорее расколола страну, так и оставив «единую турецкую нацию» как недостижимую мечту турецких националистов.

Новое турецкое государство, которое после лозаннских соглашений официально появилась на карте мира, возглавили радикальные реформаторы, которые собирались построить сильную и влиятельную страну. Для этого они рассчитывали изменить и европеизировать сами основы турецкой жизни. При этом они не собирались делиться властью ни с султаном, ни с окружавшей его элитой, ни с духовными исламскими авторитетами. С этой точки зрения можно сказать, что кемалисты выиграли не только национально-освободительную войну, но и войну гражданскую. В этой войне султан и вся политическая верхушка с ним связанная, духовные деятели его поддерживавшие, потерпели поражение и потеряли и авторитет и власть. Сложилась уникальная для турецких реформаторов ситуация, когда консервативные и традиционалистские круги оказались настолько ослабленными, что открылись возможности для проведения радикальных реформ, которых никогда не было ни у «новых османов» ни у младотурков.

2. Модернизация политической системы и турецкого общества

Решающий шаг в формировании демократической политической системы Турции - переход к республиканской форме правления состоялся 29 октября 1923 г. В тот день Великое Национальное Собрание — турецкий парламент, уже более трех лет, действовавший в Анкаре как независимая альтернатива султанской власти, — принял поправку к конституции, согласно которой формой власти турецкого государства провозглашалась рес-

публика. В ту же ночь тайным голосованием был избран первый президент Турецкой республики — Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк).

Принятая в 1924 г. новая конституция провозгласила Турцию светским республиканским государством, признающим свободу совести, слова, печати и собраний. Места для сохранения власти султана в ней не нашлось. Поэтому, 29 февраля 1924 г. состоялась последняя традиционная церемония пятничного посещения последним султаном-халифом уже несуществующей Османской империи мечети в Стамбуле. Объясняя, позже, необходимость ликвидации халифата, Мустафа Кемаль обвинил последнего султана в политических интригах, и, в частности, указал, что «недопустимо использование ислама как политического инструмента». Он потребовал вернуть ислам «к истинному предназначению», срочно и самым решительным образом спасти «священные религиозные ценности» от разного рода «темных целей и вожделений». Вслед за этим на заседании ВНСТ были приняты законы об отмене в Турции шариатского судопроизводства, передаче вакуфного имущества, весьма обширного, в распоряжение создаваемого генерального управления вакуфами. Предусматривалась также передача всех учебных заведений, в том числе и по подготовке имамов и хатибов в распоряжение Министерства просвещения. Закон об упразднении халифата декларировал: «Халиф низложен. Ввиду того, что предназначенность халифата отражена в основных концепциях правительственной власти и республики, халифат как властная инстанция ликвидируется». Всем членам семьи султана-халифа, запрещалось пребывание на территории Турецкой республики, предписывалось в течение десяти дней с момента принятия закона покинуть пределы Турции. Другие статьи запрещали им получать гражданство республики, владеть недвижимостью на ее территории.

Было объявлено также о том, что турецкому народу передавалось «все недвижимое и движимое имущество двора на территории Турции» — земли, дворцы, иные строения, в том числе переданные в аренду, султанская казна, включая сокровища. Учреждалось управление по делам религии, с того времени и поныне регулирующее от имени государства всю религиозную деятельность в стране. Муфтии становились служащими этого

управления. Под его контроль перешли не только мечети, но и различные религиозные обитатели, прибежища дервишей и их орденов, которые особенно активно противодействовали реформам.

Нельзя не отметить, что глубокие перемены, менявшие все стороны жизни традиционного турецкого общества, Мустафе Кемалю и его окружению удалось провести не только благодаря его высокому авторитету как военного деятеля и защитника независимости государства. Надо признать, что на всех этапах сложной политической борьбы, особенно в начале 20-х годов лидер кемалистов проявлял волю и решимость, демонстрировал ясность в понимании цели, к которой он идет. Так, например, во время дискуссий о форме правления Турции он заявил, что «Нам необходимо радикально изменить систему. Поэтому я решил, что Турция будет авторитарной республикой, управляемой президентом, который имеет в руках всю исполнительную власть и часть законодательной власти также. Форма правления турецкого государства будет республикой».

Следует также сказать, что кемалисты в массе своей были реалистами и прагматиками, они не были похожи на предыдущих прозападных реформаторов - далеких от народа новых османов, или внутренне противоречивых младотурков, стремившихся сохранить все-таки империю и халифат. В своей идеологии и практической политике они сумели соединить национализм и идеи либерального реформаторства. То же самое принесло успех реформам и в Японии и в Китае и в Индии, где при соединении либерального реформаторства и национализма в рамках одной политической партии, группы или организации дело модернизации быстро двинулось далеко вперед.

Кемалисты противопоставляли себя и Османскую империю примерно также как и их союзники - большевики, которые тотально отказывались от всего, что ассоциировалось с империей Российской. Кемалисты не стали, да и не могли стать коммунистами, так как вместо борьбы классов они провозглашали межклассовую солидарность внутри народа и его противостояние внешним агрессиям. Но в то же время очевидно, что они явно восприняли размах и радикализм большевистских преобразований. Только такой, в духе большевистской жесткости и последо-

вательности подход к судьбе традиционного духовенства, позволил кемалистам силой устранить религиозную оппозицию в лице многочисленных сторонников сохранения халифата и сохранить власть в своих руках. Естественно, что в их пользу играло и то, что армия, находясь под их командованием, превратилась в главного гаранта выживания турецкого национального государства.

Реакция исламских кругов, таких активных и влиятельных в Империи, теперь находилась под постоянным контролем и давлением власти. Возможно, поэтому она так и не приобрела организованного характера. Отдельные антикемалистские выступления крестьян и курдов, инициированные в основном дервишами и их орденами в конце 1924 и в 1925 г., были подавлены. Вслед за этим ВНСТ принял новый антиисламский закон о закрытии мест религиозной деятельности и поклонения — текке, или завие (обители дервишей), тюрбе (усыпальницы дервишских святых), об упразднении общественного статуса их служителей.

Мустафа Кемаль, на опыте новых османов и младотурков, справедливо видел главного противника реформ в лице традиционного исламского духовенства, крайне влиятельного в народе. Поэтому на протяжении 20-х годов он последовательно утверждал принципы светскости, оттесняя духовенство от реальной политики, ставя его под полный контроль государства. В 1926 г. под его давлением были приняты два важнейших закона, утверждавших и защищавших светский путь Турции на уровне как гражданского, так и уголовного права. Гражданский кодекс Турции, принятый 17 февраля 1926 г., считается и поныне второй турецкой конституцией, он был переписан с текста швейцарского гражданского кодекса, в то время самого передового в Европе.

Принимая Гражданский кодекс, Ататюрк сделал еще один символический жест разрыва с прошлым - отказался от использования Меджелле — многотомного свода османских законов, во многом сохранявшего положение шариата. Новый кодекс устанавливал в Турции светские принципы частного и семейного права, причем категории собственности и владения определялись теперь в рамках европейских понятий. В 1928 г. был сделан еще один шаг в утверждении светского характера государства - из

конституции было изъято положение о том, что государственной религией Турции является ислам. В это же время была проведена реформа письменности турецкого языка. При личном участии Мустафы Кемали была организована кампания, направленная на замену арабского алфавита - латинским. В ноябре 1928 г. был принят соответствующий закон, а уже с декабря в городах стали появляться вывески на латинице.

Нет сомнения, что секуляризация первоначально была принята лишь небольшой частью турецкого общества, образованным классом в городах. Вся остальная Турция оставалась сельской, религиозной и консервативной. Потребовался период долгой трансформации общественной идеологии, в условиях постепенно укрепляемой властной диктатуры, которая обрела форму политического доминирования Народно-республиканской партии. Эта, образованная в сентябре 1923 г. Мустафой Кемалем политическая структура, апелировавшая к идеям национальной независимости и тюркизма, быстро превратилась в ключевой элемент авторитарной по своему существу власти.

3. Реформы в сфере экономики

Перемены в организации власти и ее функционировании развивались в Турции параллельно с переменами в сфере экономики. Кемалисты прекрасно понимали необходимость ускоренного экономического развития как гаранта их власти, поэтому стремились как можно скорее провести весь комплекс реформ, модернизирующих ключевые сферы экономики. Уже в 1924 г. они принимают законы о деревне (1924 г.), о кадастре (1925 г.), о замене ашара поземельным налогом - то есть вместо натуральных платежей, ввели налог в денежной форме, что должно было дать толчок торгово-денежным отношениям на селе. Чуть позже в 1927 г. они принимают закон о поощрении промышленности, и примерно в это же время Торговый и Гражданский кодекс (1926 г.). Смысл всех этих перемен заключался в том, чтобы создать институциональные условия для индустриального развития и особенно перестроить и модернизировать отношения на селе, где проживало большинство населения. Правительство кемалистов стремились передать крестьянам как

можно больше земли и сформировать из них фермеров, интегрированных в товарную экономику. Процесс передачи части государственных земель в руки крестьян не прекращался на всем протяжении с 1923 по 1945 г. За это время крестьяне получили за выкуп, а часто безвозмездно в собственность примерно 1,1-1,2 млн. га пригодных для обработки земель. Это было эквивалентно 10% обрабатывавшихся в то время в стране сельскохозяйственных площадей. Всего земельными собственниками стали около 270 тыс. семей.

Особенностью модернизации экономики в Турции стало и то, что главный упор делался на развитие государственного сектора, а рост индустриального потенциала осуществлялся главным образом за счет расходов из государственной казны. Такой порядок рассматривался как реализация базового для государства принципа этатизма. Не желая даже малейшего сравнения себя с коммунистами, преследуя и уничтожая собственных коммунистов, кемалисты широко использовали многие положения социалистической модели модернизации для развития Турции. Так, например, с 1933 г. планирование экономики стало осуществляться в рамках пятилетних планов, причем упор делался на индустриализацию на основе активного импортозамещения. Тогда же были национализированы железные дороги, жестко контролировалась государством и банковская система.

4. Турция до и во время Второй мировой войны

Особенность сложившегося к концу 30-х годов политического механизма заключалась в том, что реальной демократии в стране не существовало. Вся полнота власти находилась в руках правительства состоявшего в основном из членов НРП, которое полностью подчинялось президенту — сначала Ататюрку, а после его смерти в 1938 г. — ближайшему его сподвижнику - Исмету Инёню. Устойчивость этой политической системе придавала не только личность самого Ататюрка, актуальность политических идей, которые он отстаивал, но и то, что власть опиралась на две самые влиятельные национальные элиты — военную и гражданскую, которые в эпоху Мустафы Кемалы были тесно переплетены друг с другом.

Перед началом Второй мировой войны турецкие власти, в лице министра иностранных дел Сараджоглу, занявшего этот пост в 1938 году, выступали за укрепление отношений с Францией и Англией. После того как в апреле 1939 года Италией была оккупирована Албания, Великобритания предоставила Турции гарантии безопасности и независимости. В октябре 1939 г. в Анкаре был подписан англо-франко-турецкий акт о взаимной помощи.

Исмет Иненю - второй президент Турции

В то же время страна пыталась развивать и дипломатические отношения с Германией. Так, 18 июня 1941 года между державами был подписан пакт о ненападении. В целом Турция во Второй мировой войне лавировала между двумя блоками, стремясь сохранить нейтралитет и, несмотря на давление Берлина, в войну на стороне Германии она так и не вступила.

Турецкий нейтралитет не спас страну от резкого ухудшения экономической ситуации. Дело в том, что правительство активно готовилось к войне, постоянно увеличивая численность армии (к 1942 году она составила 1 млн. солдат и офицеров). Военные расходы к 1945 году «съедали» примерно половину всего бюджета страны. Денег не хватало на развитие экономики, в Анкаре и Стамбуле ситуация была настолько сложной, что были введены карточки на хлеб, а цены на самые необходимые продукты выросли в несколько раз. В 1942 году был введен имущественный налог, который собирался с владельцев недвижимости и доходов предпринимателей, что привело к еще большему недоверью и падению уровня жизни.

Особенно правительство опасалось волнений в районах населенных курдами, куда были введены войска, а с 1940 по 1945 год там действовало военное положение. Насаждение национализма и пантюркизма в эти годы также усилилось, так как правительство, стараясь не допустить выступлений и беспорядков в собственно турецких районах и сохранить социальную стабильность в условиях падения доходов большинства населения, вновь вы-

двинуло на первый план идею единой нации. Эту идею оно активно противопоставляло коммунистическим принципам классовой борьбы, объявляя всех потенциальных демонстрантов и забастовщиков чуть ли не национальными предателями.

Двойственная политика Турции по отношению к воюющим сторонам прекратилась только тогда, когда стало ясно, кто побеждает. В 1944 году союзники перестали поставлять вооружение в страну, после чего турецкое правительство было вынуждено отказаться от вывоза хрома в Германию. В августе 1944 г. после ультиматума союзников все договора об экономическом сотрудничестве между Германией и Турцией были расторгнуты. Однако и после этого Турция вступать в войну на стороне союзников не спешила и объявила войну Германии только в феврале 1945 г., причем так и не послала свои войска на фронт.

Вступив войну, правительство Турции заявило о своем присоединении к Объединенным Нациям и 5 марта 1945 г. получила приглашение участвовать в конференции ООН. Так, Турция фактически и не воевав, сумела обеспечить себе место среди победителей Второй мировой войны.

ГЛАВА VIII. Иран: политика модернизации с 20-х годов и до конца Второй мировой войны

1. перевороты Реза хана, основание новой династии

Окончание Первой мировой войны, и особенно события в соседней Турции, связанные с восстанием под руководством Мустафы Кемалю, вызвали новую турбулентность в иранской политической элите. Слабое проанглийское правительство Вусуг-ад Доуле потеряло контроль над положением в стране, особенно на севере в Иранском Азербайджане и Гиляне. Там при поддержке российских большевиков сформировались политические организации, стремившиеся освободить эти земли от власти правительства в Тегеране. Местные националисты и революционеры - социалисты захватили власть и провозгласили образование самостоятельных республик. Центральное правительство, рассчитывавшее на помощь англичан, ее так и не получило и в условиях нарастающего политического кризиса амбициозный командир иранской казачьей дивизии Реза хан в феврале 1921 г. совершил государственный переворот - вместе со своими войсками вступил в Тегеран.

Столица была захвачена фактически без боя, правительство было низложено, произведен арест неугодных лиц и сформировано новое правительство во главе с Зия-эд-Дином и военным министром Реза-ханом, получившее название «Черный кабинет». Новое правительство опубликовало декларацию о «борьбе против аристократов». В этой декларации говорилось о намерении улучшить положение рабочих и крестьян, провозглашалась независимая внешняя политика, и объявлялось об аннулировании англо-иранского соглашения 1919 г., по которому Иран превращался фактически в английскую полуколонию. Правительство Зия-эд-Дина, а затем сменившее его в мае 1921 г. правительство Кавам-эс-Салтана существенно ослабили влияние Англии в стране. Был ликвидирован сформированный англичанами корпус южноперсидских стрелков, из страны удалили английских воен-

ных инструкторов и финансовых советников, а весной 1921 г. из Ирана были выведены английские оккупационные войска.

В это же время начинается стремительное восхождение Реза-хана к власти : после поста военного министра, он с октября 1923г. и почти до конца 1925г. занимал пост премьер-министра, а потом совершил государственный переворот и объявил себя новым шахом Ирана.

Уже на посту военного министра он показал, что решительно настроен на перемены. Первым его шагом после успеха переворота стал арест почти 200 крупных феодалов, шахских приближенных и сановников,— с целью получения с них «выкупа» для пополнения казны и выплаты жалованья казакам, которые выступили как главная сила в смене власти. Новый правитель заявил, что «мы желаем иметь такое правительство, которое не было бы игрушкой в руках иностранцев и наша цель состоит в том, чтобы образовать... сильное правительство, которое сможет создать мощную и пользующуюся уважением армию, так как только сильная армия может вывести страну из бедственного положения».

Реза-хан Пехлеви

После переворота иранский меджлис был восстановлен и под давлением Реза хана аннулировал англо-иранский договор 1919 г., по которому Великобритания имело право назначать своих советников в государственный аппарат Ирана и английских офицеров в иранскую армию. Для стабилизации ситуации и прекращения хаоса новый правитель разделил страну на шесть областей, в каждой ввел военное положение, и передал власть в руки назначенных им военных губернаторов.

Это были по большей части его доверенные люди, которым также был передан контроль над сбором всех налогов, распределением хлеба и других продуктов. В помощь своим ставленникам в каждой области он разместил по боеспособной

дивизии, причем ее командир подчинялся не губернатору, а лично Реза-хану.

В модели власти Реза - хана армия превратилась в ядро политической системы. На ее содержание тратилось ежегодно в среднем 35,5% бюджета. В этом была своя логика, так как именно армия помогла покончить с региональным сепаратизмом, особенно среди курдов и луров на западе страны, централизовать управление и провести ключевые реформы. В 1923 г. центральному правительству были подчинены еще недавно полунезависимые шахсевенские, хальхальские, талышские и макинские ханы Северного Ирана. При этом в ряде районов конфисковывалось до 80% земель, в том числе и часть вакуфов. Эти земли раздавались новым владельцам из числа приближенных Реза - хана и его офицерам. Всего, таким образом, было перераспределено 2,5 млн. га земли. Но в ее использовании ничего не изменилось: новые хозяева, как и прежние, сдавали их в аренду крестьянам.

Превратившись в неформального диктатора, став премьер-министром и верховным главнокомандующим Реза - хан вынудил Ахмад-шаха легитимного правителя Ирана из династии Каджаров, эмигрировать за границу и 12 декабря 1925 г. провозгласил себя шахом Ирана, основателем новой династии Пехлеви. Все это, как объяснял свои действия новый шах, было сделано лишь для того, чтобы провести в Иране необходимые реформы, бороться с коррупцией и спекуляцией и превратить страну в сильное государство. Его приближенные говорили, что Реза -хан даже хотел объявить Иран республикой, но не сделал этого, так как против такого шага было настроено шиитское духовенство.

*Ахмадшах Каджар,
смищенный Реза-Ханом*

В результате государственного переворота политическая система Ирана вновь вернулась к своей традиционной конфигура-

ции: самовластный шах, опирающийся на армию на вершине административной власти и противостоящее ему шиитское духовенство как ядро внутренней оппозиции. Восстановленный меджлис, где господствовали его сторонники из им же образованной партии обновления - то есть два новых элемента в иранском политическом механизме, которые должны были и могли бы придать ему новое качество, оказались в условиях авторитарного правления Реза - хана по большей части чисто декоративными структурами.

2. Эпоха реформ Реза- хана

При оценке деятельности нового иранского шаха следует сказать, что при всем его авторитаризме и жажды власти, он действительно совершенно искренне старался провести глубокую модернизацию иранского общества. Его привлекал не только опыт Мустафы Кемали в Турции, но и опыт российских реформ от Петра I и до большевиков, которые смогли встряхнуть общество, ускорить его развитие.

Разнообразные реформы, которые затронули почти все сферы иранской жизни, особенно активно осуществлялись в период с 1928 по 1934 г. Тогда в Иране была проведена аграрная реформа - издан ряд аграрных законов, которые закрепили по существу право частной собственности на землю и источники воды. В рамках этой реформы началась распродажа земель из государственного фонда частным лицам. В 1930 г. был принят закон, гарантировавший неприкосновенность земельной собственности, запрещавший насильственный сгон крестьян с земли. Созданный в том же году государственный Сельскохозяйственный банк начал выдавать ссуды на модернизацию сельскохозяйственного производства. Как вскоре выяснилось, этих мер оказалось недостаточно, чтобы реформировать отношения в аграрной сфере. Там продолжали действовать традиционные отношения, крестьяне, как и раньше, арендовали земли, расплачиваясь частью урожая; платили и за воду, и за скот, и за инвентарь. Арендная плата в среднем составляла от 1/2 до 4/5 урожая.

В 1928 г. в ходе реформы банков был образован Национальный банк Ирана, к нему постепенно перешли полномочия Анг-

лийского банка. В 1930 г. право денежной эмиссии было передано в исключительное ведение Национального банка. В 1931 г. Иран ввел государственную монополию на внешнюю торговлю, пытаясь ограничить импорт и увеличить экспорт. Реза-хан, ставший Реза-шахом, даже поставил вопрос о пересмотре условий договора с Англо-иранской нефтяной компанией. В 1932 г. Иран пошел еще дальше - аннулировал выданную еще в начале века концессию этой компании и начал с Англией переговоры, завершившиеся подписанием нового соглашения. Новая концессия предоставлялась этой компании также сроком на 60 лет (начиная с 1933 г.), но ее условия по сравнению с прежней были существенно изменены - район эксплуатации месторождений значительно ограничивался по площади, а отчисления в пользу Ирана подсчитывались исходя из объема добычи нефти. Кроме того экономические льготы и привилегии англичан в Иране были сильно урезаны, часть их предприятий была выкуплена иранским государством.

Реза-шах стремился ускорить развитие и в сфере промышленности: в 1930 г. был разрешен безлицензионный ввоз машин и оборудования, установлены льготные таможенные пошлины на импорт, если он был предназначен для организации производства. Вновь создаваемые предприятия на 5 лет освобождались от всяких налогов. Были введены протекционистские пошлины на промышленную продукцию.

В период 1927-1934 гг. была проведена и реформа образования - приняты законы и о всеобщем, обязательном и бесплатном начальном и платном среднем и высшем образовании, об организации сети светских государственных школ. В 1934 г. был основан Тегеранский университет, кроме того резко возросло число иранцев получавших образование за границей. Если за 90 лет правления династии Каджаров такое образование получили 60 иранцев, то за 16 лет правления Реза-шаха - 10 тыс.

В марте 1934 г. название «Персия» было официально изменено на «Иран». Это было символическое действие, означавшее, что новая иранская элита и в первую очередь Реза-шах, прекрасно помнят о великом прошлом страны и будут стремиться вернуть Ирану утерянное величие.

Масштабы реформ, проведенных Реза - шахом за относительно короткое время, не могут не впечатлять. Впечатление такое, что он решил одним махом покрыть весь длительный процесс модернизации любого восточного общества. Также как и Мустафа Кемаль в Турции он рассматривал этатизм и главенство государства во всех сферах жизни общества как необходимый элемент продвижения реформ. Шах был далек от либерализма, он видел в государстве инициатора и главного бенефициара реформ. Но в реальных условиях Ирана для успеха реформ, для их закрепления ему было необходимо иметь поддержку со стороны основной части иранского общества. Для этого ему надо было найти общий язык с крайне влиятельным в среде народа шиитским духовенством. А он этой поддержки никогда не имел.

Особенно враждебными их отношения стали тогда, когда по указанию Шаха стали разрабатываться гражданский, уголовный, коммерческий кодексы по европейским образцам, а полномочия шариатских судов были урезаны. Духовенство не одобрило и введения европейского стиля в одежде, упразднения феодальных титулов и обращений, введения фамилий. Еще с большим неприятием встречались духовенством законы о правах женщин, которые по принятому закону получили доступ к образованию в высших учебных заведениях, и возможность поступать на государственную службу. В 1935 г. был принят закон об отмене чадры.

Как мы видим, вся масштабная модернизация всех сторон иранской жизни проводилась шахом в условиях постепенно нараставшего жесткого противостояния с шиитским духовенством, в котором Реза-шах справедливо видел своего главного противника. Он следил за любыми оппозиционными движениями в религиозной среде, священнослужителей по первому доносу арестовывали, их сажали в тюрьмы без следствия и приговора суда; их морили голодом, а наиболее опасных и влиятельных просто умерщвляли.

Но все эти действия эффекта особого не приносили, так как реформы, проводимые в жизнь, продолжали встречать молчаливое сопротивление со стороны духовенства. Открыто выступить против оно не могло, но не допустить проникновения и закреп-

ления реформ в иранскую жизнь - это было ему вполне по силам. Многие реформы, как показали дальнейшие события, оказались недолговечными. Как только в сентябре 1941 г. Реза-шаха свергли, значительная часть его реформ рассыпалась, не оставив и следа.

3. Внешняя политика Реза-шаха и ее печальный финал

Во внешней политике Реза-шах также оказался не особенно удачлив. Устав от постоянной опеки англичан, которые преследовали в Иране свои собственные интересы, он, в противовес им, выбрал своим главным внешнеполитическим союзником Германию. Туда направлялись на учебу иранские офицеры, отсюда в иранскую армию прибывали немецкие военные советники. В 1940/41 г. доля Германии составила 45,5% всего внешнеторгового оборота Ирана. Между двумя странами было заключено торговое соглашение, невыгодное для Тегерана по которому Германия вывозила из Ирана сырье и сельскохозяйственные продукты, закупая их в кредит по низким ценам и поставляя в Иран промышленные товары по ценам в два с половиной раза превышающим мировые. Такое соглашение было заключено специально, так как Шах, симпатизировавший немцам, хотел поддержать германскую экономику, оказавшуюся в изоляции после начала Второй мировой войны.

После вторжения Германии в СССР тесные отношения Тегерана и Берлина создавали угрозу, как интересам Великобритании, так и СССР, которые вновь выступили как союзники в мировой войне. 25 августа 1941 г. по взаимному согласию обе страны одновременно ввели войска в Иран. Советские войска, вступившие со стороны Кавказа и Туркестана, в течение нескольких дней, не встречая почти никакого противодействия, продвинулись в северные провинции — Азербайджан, Гилян, Мазендеран,

Мохаммед Реза Пехлеви

Хорасан. Английские войска заняли юго-западные округа Ирана; английские военно-морские силы вошли в порты Персидского залива — Бендер-Шахпур и Хорремшехр. После этого с иранскими властями было подписано соглашение, которое определило дислокацию советских и английских войск на иранской территории.

Фактический раздел, и оккупация страны вынесли приговор правлению Реза-Шаха. 16 сентября 1941 г. он подписал заранее заготовленный правительством акт отречения, передав престол своему старшему сыну — Мохаммеду Реза Пехлеви. Отшедшего от власти правителя отправили в Южную Африку, где он и скончался в 1944 г.

Для иранской политики отставка Реза-шаха означала фактическую революцию - новое правительство объявило о восстановлении конституционных свобод (свободы слова, печати, собраний, свободы организации политических партий и групп). Начали издаваться демократические газеты, создаваться различные партии. Выпущенные из тюрем политические заключенные, в том числе коммунисты, в октябре 1941 г. образовали партию «Тудэ» — Народную партию Ирана (НПИ), которая в 1942 г. насчитывала уже около 4 тыс. членов. К своему первому съезду в 1944 г. она выросла до 25 тыс. человек, и стала претендовать на существенную роль в политической жизни страны, выступая за светскую и социалистическую перспективу развития.

В 1943 г. в Иран после 20-летней эмиграции вернулся бывший премьер Сейид Зия эд-Дин. На субсидии Великобритании он создал националистическую и антикоммунистическую партию «Ватан», которая заявила о своем противостоянии с НПИ. На короткое время могло показаться, что после ухода диктатора, в Иране стало формироваться традиционное для модернизовавшихся стран Востока политическое противостояние. Смысл его в борьбе за власть между просоветской и прозападной партиями, за выбор либо либеральной, либо коммунистической модели развития. На самом деле это был бы крайне поверхностный вывод, так как в иранской реальности такая конфигурация политической борьбы сохранялась только на время нахождения на его территории советских и британских войск. По мере того как из Ирана выводились советские и английские части, власть

нового шаха Мохаммеда Реза Пехлеви и его окружения становилась все более явной и значительной, а партии и их политическая борьба друг с другом отходила на второй план.

Когда Вторая мировая война закончилась, то ненавидимые и шахом и духовенством коммунисты были официально запрещены, их арестовывали, расстреливали, лишь небольшая часть эмигрировала в СССР. Либералы и демократы по большей части примкнули к правительству и шаху, меньшая часть оказалась в оппозиции к шаху, сохраняя при этом тесные связи с духовенством. Но главный парадокс заключался в том, что после иранской «оттепели» и политической борьбы в демократическом формате Иран, в очередной раз возвратился к традиционной внутривнутриполитической конфигурации, когда власть оспаривали прошахские силы с одной стороны, и как всегда подспудно и скрытно шиитское духовенство с другой.

Раздел III

Страны Востока от окончания Второй мировой войны и до распада СССР

ГЛАВА I. Вторая мировая война и ее последствия для модернизации стран Востока

Окончание Второй мировой войны показало, что в мире остались только две доминирующие военно-политические силы США и СССР, которые превратились по ее итогам в сверхдержавы. Между ними и развернулось вскоре борьба за глобальное лидерство.

Выступление одного из участников Бреттон-Вудской конференции

При этом США не понесли таких разрушительных и страшных потерь как СССР, и вышли из войны значительно усилившимися. Далеко обогнав все другие страны в экономическом и в военном отношении, Америка превратилась в единоличного лидера капиталистического мира, в гигантскую «сверхдержаву», претендующую на мировое лидерство. Эти претензии получили

свое выражение, когда в июле 1944 г. было подписано Бреттон-Вудское соглашение, на основании которого стал строиться весь послевоенный мировой финансовый механизм, в котором США стали играть определяющую роль.

Соглашение в Бреттон-Вуде положило начало таким важнейшим институтам будущего американского глобального доминирования как Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ). В рамках Бреттон-Вудской системы утвердился долларový стандарт, или как иногда говорили золотодолларový стандарт, так как на тот момент США обладали 70-ю процентами всего мирового запаса золота. В мире, после Бреттон-Вуда, именно американский доллар — валюта, конвертируемая в золото, — стал базой валютных паритетов, преобладающим средством международных расчетов, валютных интервенций и резервных активов. Национальная валюта США превратилась в мировые деньги, которые обеспечили Америке возможность глобальной экономической и политической экспансии, много позже получившей название процесса глобализации.

Советский Союз, несмотря на колоссальные жертвы и разрушения, сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, обладал мощнейшей сухопутной армией, контролировал значительную часть Восточной Европы и в результате победы в войне самым значительным образом увеличил свою мощь и международный авторитет. При этом СССР продемонстрировал эффективность своей политической и экономической системы, выстоявшей в самые тяжелые периоды германского наступления. Успехи СССР, который активно содействовал в это время формированию глобальной системы социализма, как антитезы «мира во главе с США», привели к тому, что в странах Востока интерес к коммунистическим и социалистическим идеям резко вырос, и соответственно произошел очевидный рост популярности коммунистических и социалистических партий и их идеологии. Практически везде на Востоке начавшаяся холодная война между США и СССР вылилась в противостояние прозападных и прокоммунистических партий и организаций, борьба между которыми во многом предопределила пути их национальной модернизации.

Не менее существенным последствием войны стало и то, что для собственно азиатских элит, особенно в странах ЮВА, поражение европейских колониальных держав, захват и оккупация японцами их колониальных владений показал очевидную слабость колониальной власти, неспособность метрополий защищать свои колонии. «Харизма» незыблемости колониального правления разрушилась, как и исчезло ощущение превосходства европейцев в глазах местных элит. Они теперь больше стали смотреть в сторону националистических и национал-патриотических политических организаций, выступавших против восстановления власти бывших колонизаторов, за немедленное достижение национальной независимости. После войны в странах Востока в целом сложился намного более широкий консенсус национальных сил относительно достижения независимости, чем это было в довоенный период. Поэтому, власть, возвратившихся в страны ЮВА в 1945 г. бывших колонизаторов, несмотря на все их усилия, оказалось зыбкой и непрочной. Перемены в общественном сознании, выразившиеся в более высокой самооценке, большей уверенности в себе, в своей способности руководить страной со стороны местных интеллектуальных и политических элит, предопределили во многом неизбежность распада колониальной системы и выхода на международную арену новых независимых государств Востока. Национальные элиты почувствовали за годы войны свою силу, они уже не хотели и дальше быть на «вторых ролях» в собственной стране.

Наиболее долговременным следствием Второй мировой войны стало разделение мира на противостоящие лагеря, когда границы нового послевоенного мироустройства пролегли по линии военно-политического и идеологического противостояния США и СССР. Образовались два главных полюса притяжения мировых сил, условно называемые Восток и Запад; начали формироваться два идеологических и военно-политических блока, противостояние которых во многом определило устройство послевоенного — двухполюсного мира.

Довольно быстро вокруг каждой из сверхдержав сформировался свой лагерь из числа стран следовавших в рамках советской или американской модели организации общества и государства. В странах Востока по мере того как развивался процесс де-

колонизации возникла дилемма к какому лагерю примкнуть, каким путем эффективнее развивать национальное строительство. Одна линия развития выстраивалась как - национализация промышленности и банков, обобществление в деревне с последующей коллективизацией, формирование власти, так называемой народной демократии. Эта « демократия» подразумевала существование авторитарного политического режима во главе с руководящей коммунистической партией. Другая альтернатива предусматривала сохранение рыночного характера экономики, сочетание помещичьего и крестьянского землевладения, сохранение слоя бедных и безземельных крестьян системы социального неравенства и внутренних противоречий. Она предполагала развитие частного бизнеса и предпринимательства, сохранение формальной политической конкуренции, выборности и многопартийности.

Успешный опыт социалистического строительства в СССР, превративший страну в одного из мировых лидеров, а также реализация идеалов равенства и социальной справедливости, привлекали внимание к советской модели. С другой стороны финансовая и экономическая мощь США, более высокий уровень жизни в Америке, чем в СССР, возможность получать значительную финансовую помощь при условии антикоммунистического выбора подталкивала национальные элиты к проамериканскому выбору.

Ставки в этом выборе для правящих политических элит стран Востока были очень высоки - холодная война, которая началась между СССР и США превратила вопрос выбора модели развития в вопрос выживания того или иного политического режима. Какой бы выбор он не сделал, то неизбежно сталкивался либо с угрозой антикоммунистического военного переворота, либо с коммунистическим восстанием и длительной партизанской войной. И здесь поддержка со стороны «большого брата» оказывалась почти единственным шансом выжить. Добившейся независимости Восток и, в первую очередь, Восточная и Юго-Восточная Азия на основе выбора модели развития и внешнеполитических союзников и заступников, разделились на два противостоящих друг другу блока. Границы между ними на десятилетия превратились во фронты «холодной войны».

ГЛАВА II Послевоенная Япония - демократизация в политике и либерализация в экономике

1. Ключевые реформы в эпоху американской оккупации 1945-1952 гг.

В последние дни августа 1945 г. американские войска высадились в Токийском заливе, заняли японскую столицу и арестовали ключевых членов японского руководства, ответственных за развязывание войны. Эти события, обозначили начало нового этапа в истории Японии - периода оккупации, продолжавшегося почти семь лет до апреля 1952 г.

Есида Сигэру - один из главных строителей послевоенной Японии

Верховная власть в стране перешла к штабу оккупационных войск США, который на протяжении всего периода оккупации действовал фактически единолично, несмотря на создание международных структур - Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии. Свою власть этот штаб во главе с генералом Макартуром осуществлял посредством назначенного им японского правительства, вся деятельность которого находилась полностью под американским контролем.

Оккупационные власти США строили свою политику так, чтобы с одной стороны разрушить политические и экономические структуры, способствовавшие милитаризации страны и ее вступлению в войну, а с другой - провести такие реформы, чтобы ни при каких обстоятельствах не допустить возрождения японского военного потенциала и идеологии милитаризма.

Для решения этих задач был взят курс на демократизацию политического режима путем восстановления гарантий прав граждан, свободы политической деятельности и создания поли-

тических партий. Такие реформы, были предусмотрены еще в принятой в июле 1945 г. Потсдамской декларации союзников. В ней указывалось, что в Японии «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ, заставив его идти по пути всемирных завоеваний», и что «японское правительство должно устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа». В этом же документе определялось и будущее положение японского императора в системе власти. В декларации отмечалось, что «с момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему союзных держав. Императору будет предложено санкционировать и обеспечить подписание правительством Японии и японской императорской штаб-квартирой капитуляции, ..., и он должен будет дать от себя приказы всем японским военным, военноморским и авиационным властям и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам... прекратить боевые действия и сдать их оружие».

На начальном этапе оккупации американцы, судя по мемуарам генерала Макартура, собирались вообще ликвидировать императорскую власть в Японии и предать императора суду. Но, в конце концов, опасаясь крайне негативной реакции японского общества и убедившись в очевидной готовности императора Хирохито к сотрудничеству с ними, они отказались от ареста и даже согласились оставить за ним церемониальные функции. «Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей народа, которому принадлежит суверенная власть» - указывалось во вступившей в силу в 1947 г., новой японской конституции. В отличие от предыдущей конституции 1889 г., где император обладал огромными прерогативами, в этом документе подчеркивалось, что только японский народ облечен суверенной властью... а «государственная власть основывается на непоколебимом до-

Дуглас Макартур - генерал армии, начальник штаба американских оккупационных войск в Японии

верии народа, ее авторитет исходит от народа, ее полномочия осуществляются представителями народа, а благами ее пользуется народ. Это — принцип, общий для всего человечества, и на нем основана настоящая Конституция. Мы отменяем все конституции, законы, указы и рескрипты, противоречащие настоящей Конституции».

Император Хирохито

Принятие конституции в такой редакции означало, что многовековой период существования в Японии как бы двух конкурирующих властей сначала император - сегун, потом император – премьер-министр, где даже формально император обладал большими правами на высшую власть, будучи как-бы отцом всех японцев закончился. Ликвидация двоевластия сразу же упростила политическую систему в стране, так как вместе с императорской властью исчез и Верховный тайный совет при императоре, который реально осуществлял власть после реформ Мейдзи, а радикальные политические активисты

уже не могли апеллировать к императору, как это делали радикалы 30-х годов. Теперь вся власть в стране сосредотачивалась в руках правящей партии и ее лидера - премьер-министра. В новой Конституции провозглашались также основные демократические права и свободы, вводился принцип разделения властей и другие свойственные демократической форме правления положения.

Серьезным изменениям подверглось и конституционное право. Новый закон о парламенте в частности утверждал верховенство парламента, приоритет палаты представителей, самостоятельность палат. Пересмотренный закон о выборах в палату представителей допускал женщин к управлению государством. Важнейшим шагом японских законодателей стало создание не существовавшего в довоенный период института — органов выборного местного самоуправления. Одновременно были внесены

изменения в гражданский кодекс (в частности, теперь основой семейной системы признавалась нуклеарная семья) и в юридическую систему. По словам известного исследователя Э. Рейшауэра в немалой степени успех этих ключевых институциональных реформ и принятие их в японском обществе объяснялось тем, что они «отвечали направлению, которым шла сама Япония».

Демократизация политического устройства страны сопровождалась и глубокими переменами в ее экономическом механизме. Реформы в социально-экономической сфере осуществлялись по нескольким основным направлениям. В соответствии с директивой американской оккупационной администрации о роспуске дзайбацу — финансово-промышленных объединений (октябрь 1945 г.) парламент принял в 1947 г. два закона, составивших основу антимонопольного законодательства: о запрещении частных монополий, обеспечении честных и справедливых сделок и о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи. Согласно этому законодательству были распущены головные компании больших корпораций, а их акции были изъяты и пущены в открытую продажу. Кроме того, ограничивалась межкорпоративная собственность. Наиболее крупные компании ведущих концернов были разделены, а те из них, что впоследствии были восстановлены, уже не имели прежней власти, их организация стала более гибкой, а связи — подвижными. Децентрализация экономики и связанная с ней жесткая конкурентная борьба положительно повлияла на накопление капитала и рост производительности труда.

Эффективной оказалась и послевоенная земельная реформа, завершившаяся в основном к 1949 г. В результате было ликвидировано помещичье землевладение и преобладающим стало частное мелкокрестьянское хозяйство на собственной земле. Укреплению хозяйств крестьян-собственников способствовал и закон 1947 г. о сельскохозяйственной кооперации. В короткий срок она охватила все аспекты личной и производственной деятельности сельского населения. Земельная реформа способствовала также и расширению внутреннего рынка благодаря росту производственного и личного потребления на селе, а также высвобождению рабочей силы для быстро развивающихся промышленности и сферы услуг. Так в краткие сроки в результате реформ в стране

появился господствующий и сегодня в Японии слой мелких и средних собственников.

Восстановление японской экономики, сильно разрушенной в результате войны, проходило в условиях строгого государственного контроля с введением системы государственных лицензий, фиксирования цен и заработной платы, рационирования торговли, регулирования деятельности кредитных институтов. Но первоначально темпы экономического роста были незначительными. Наибольшую угрозу стабильности составляла высокая инфляция, для преодоления которой по указанию американской администрации правительством была принята Программа экономической стабилизации (1948 г.).

Эта программа известна как «Линия Доджа» и «Налоговая реформа Шоупа» (названы так по именам американских экспертов). По рекомендации американского банкира Д. Доджа сбалансированность японского бюджета была достигнута на основе резкого сокращения всех видов государственных субсидий и ликвидации компенсационных выплат. Это резко ухудшило положение людей, но в то же время правительству удалось поставить промышленность под контроль рынка. Налоговая реформа вводила прогрессивное налогообложение личных доходов (при сокращении максимальной ставки), снижение необлагаемого минимума, а также налогов на имущество, юридических лиц и прибыль. Была введена система резервных фондов, не подлежащих налогообложению, значительно сократилось и налоговое бремя в сельском хозяйстве. Все это способствовало тому, что на рубеже 1949-1950 гг. денежная эмиссия была фактически прекращена, бюджет превратился в бездефицитный, снизился средний уровень потребительских цен, упали цены «черного рынка», выросла заработная плата. Проведенная в начале 1950-х годов по рекомендации того же Крамера Шоупа переоценка основных японских фондов увеличила сумму амортизационных отчислений и способствовала накоплению капитала. Процесс ломки существовавшей системы контроля и субсидирования был весьма болезненным, так как напрямую затрагивал интересы предпринимательских кругов и связанных с ними политиков, однако эта «шоковая терапия» принесла свои плоды и японская экономика к 1955 г. сумела полностью восстановиться.

К началу 50-х годов стало очевидно, что оккупационный режим изжил себя, а начавшаяся война в Корее (1950- 1953) и возникшее здесь противостояние США с одной стороны и СССР и только образованной КНР с другой, совершенно по новому обозначили роль Японии в американской стратегии. Теперь она должна была играть роль ближайшего союзника и военного форпоста США на Дальнем Востоке. Кстати, военные заказы США во время корейской войны сыграли важную роль в выходе японской экономики из кризиса.

Окончательно, черта под послевоенным периодом в жизни Японии была подведена 8 сентября 1951 г., когда был подписан Сан-Францисский мирный договор, а вместе с ним “Договор безопасности” между Японией и США и японо-американское Административное соглашение, вступившие в силу 28 апреля 1952 г.

Мирный договор зафиксировал территорию Японии - признавалась независимость Кореи, провозглашался отказ от прав на Тайвань и Пескадорские острова и от «всех особых прав и интересов в Китае». Страна принимала на себя обязательство следовать в международных отношениях Уставу ООН. В преамбуле другого документа - договора безопасности между Японией и США указывалось, что «Япония желает, чтобы в качестве временного мероприятия по ее обороне США содержали свои вооруженные силы в Японии и вблизи ее для предотвращения вооруженного нападения». Специально заключенное Административное соглашение, в котором конкретно толковались положения договора безопасности, определяло правила размещения войск США на территории страны. В том же году было подписано соглашение о помощи в обеспечении взаимной обороны между Японией и США и, наконец, ратификацией в 1954 г. Договора о дружбе, торговле и мореплавании, завершалось создание так называемой Сан-Францисской системы японо-американских отношений. В новой системе отношений правительство страны обрело самостоятельность в принятии решений, ликвидировался контроль оккупационных властей над его политической и экономической деятельностью.

2. Социально-экономическое и политическое развитие Японии в 50-60-е годы

Подписание Сан-Францисского договора вызвало двойственное отношение со стороны японского общества. С одной стороны Япония вернула себе государственный суверенитет, но с другой в рамках подписанных соглашений на долгие десятилетия превратилась в зависимое от США с точки зрения обороны государство, в главного политического союзника США в Восточной Азии. Такое положение на протяжении многих лет вызывало протесты и сопротивление и в японском обществе и у части политических элит. Но в то же время нельзя было отрицать, что ориентация и союз с США придавали стабильность и безопасность в отношениях с соседями, а также открывали благоприятные возможности по доступу японских товаров на американский рынок, к американским технологиям и кредитам.

В политической и экономической системе Японии в это время обозначились серьезные социальные перемены. В стране впервые в ее истории был законодательно установлен 8-часовой рабочий день и 6-дневный оплачиваемый отпуск. Нанимателям предписывалось оплачивать сверхурочную работу, обеспечивать охрану труда и производственное обучение. Рабочие, хотя и с ограничениями, получили право на создание профсоюзов, ведение коллективных переговоров, организацию забастовок. Еще в 1950 г. была создана крупнейшая национальная профсоюзная организация — Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё), объединивший около половины организованных наемных работников и ставший важным элементом формировавшейся новой социально-политической системы. А в ней еще с периода американской оккупации четко прослеживались две основные политико-идеологические тенденции - либерально-консервативная и социалистическая. Политические партии, которые в это время сформировались в Японии, отражали именно эти тенденции и эти настроения избирателей.

На правом фланге японской политики главную роль стали играть две партии - Либеральная и Демократическая, общий электорат которых существенно превосходил электорат левых сил, где главная роль принадлежала Социалистической партии. В

1947 г. социалисты еще формировали правительство, однако череда разногласий и расколов сильно ослабила их политическую организацию. Поэтому первенство перешло к умеренно консервативной Демократической партии, представлявшей правое крыло политического спектра. На протяжении всей первой половины 50-х годов ситуация оставалась неустойчивой как на правом, так и на левом фланге. Кристаллизация партийно-политической системы произошла в ноябре 1955 г., когда на основе объединения консервативных политических сил на свет появилась Либерально-Демократическая партия. Новая партия представляла интересы предпринимательских кругов мелких и средних собственников, которым она обещала создание наилучших условий для бизнеса. В своей программе она также обещала процветание всего народа, превращение большинства японцев в “средний класс», а самой Японии в “государство всеобщего благосостояния”.

Особенность формирования ЛДП состояла в том, что в ней образовались нескольких фракций, борьба между которыми во многом и стала определять ее политику. Первое время эти фракции представляли собой достаточно независимые от центрального руководства объединения, с жесткой дисциплиной, субординацией и, что немаловажно, с собственными источниками финансовой поддержки. Они вели борьбу за лидерство внутри партии и соответственно за власть в стране, так как председатель партии автоматически становился премьер-министром. Во фракции входило большинство депутатов ЛДП в обеих палатах парламента. Фракционность была связана не столько с идеологическими различиями внутри партии, сколько с личными амбициями ее лидеров, а также разнообразием источников финансовой поддержки самой партии, которая на пике своей власти представляла собой сложный симбиоз политиков, администраторов и бизнеса. Единство самой партии поддерживалось путем сохранения баланса интересов всех фракций, что достигалось путем закулисных интриг, переговоров и компромиссов. Только когда закулисное решение принималось, оно оформлялось в рамках формальных демократических процедур. В программных документах ЛДП (Декларация об учреждении партии, «Программа», «Миссия партии») она позиционировала себя как народная, пацифистская прогрессивная парламентская партия.

На левом фланге японской политики действовали правые и левые социалисты, а также коммунисты, которые из-за своего радикализма, из-за того, что в одиночку попытались начать чуть ли не партизанскую войну против американского оккупационного режима, оказались вне легального поля и на периферии политической борьбы. Объединительный съезд социалистов, состоялся в октябре 1955 г., когда произошло слияниелевой и Правой социалистических партий Японии в единую Социалистическую партию. В принятой программе на первое место были выдвинуты задачи расширения и усиления повседневной борьбы трудящихся за экономические и политические требования. Отвергалось сотрудничество с КПЯ и подчеркивалось, что осуществление социалистической революции возможно лишь мирными средствами, путем завоевания большинства в парламенте.

Социалистическая партия, как показали дальнейшие события, имела куда менее широкую социальную базу и не пользовалась такой популярностью, как ЛДП. Она опиралась главным образом на профсоюз Сохе и поддержку рабочего движения, позиционируя себя как «классовая партия трудящихся масс». ЛДП же декларировала опору на все слои японского бизнеса, на мелких и средних собственников и, поэтому постоянно обходила на выборах своего главного соперника. Следует отметить, что политическое влияние социалистов, которые все время находились в оппозиции, постепенно снижалось. Это было связано, как с расколами в рядах СПЯ, вследствие которых были образованы Партия демократического социализма (ПДС, 1960 г.) и Социал-демократический союз (СДС, 1978 г.), так и постепенным восстановлением парламентской активности Коммунистической партии Японии (КПЯ); появлением партии Комэйто (Партия чистой политики, 1964 г.), созданной по инициативе буддийской организации «Сока гаккай».

После проведения парламентских выборов 1955 г. объединенная Либерально-демократическая партия стала располагать 298 мандатами из 467 в палате представителей и 119 из 252 в палате советников японского парламента. В последующие годы эти цифры если и менялись, то незначительно и так возник «феномен ЛДП» - когда одна и та же партия непрерывно на протяжении десятилетий осуществляет руководство страной. Такая практика

сильно отличалась от опыта других ведущих демократических стран Европы и Америки, где преобладали двух и многопартийные системы, при которых на политической арене стабильно доминируют несколько крупных партий, попеременно сменяющих друг друга у кормила власти. В этой связи японскую политическую систему этого периода было сложно поставить в один ряд с ними, это скорее был вариант демократии на восточный лад.

Важным элементом японского успеха в экономике стало то, что открытые американские рынки и тесные политические и экономические связи с США, позволили Японии выстраивать свою экономику с учетом возможности экспортировать значительную часть промышленной продукции в Америку. Тем самым, Япония резко расширила рынок сбыта своих товаров, а перед ее промышленностью возникла перспектива длительного и быстрого роста.

Кроме наличия огромного американского рынка существовал еще ряд важных факторов, определявших «японское экономическое чудо» - высокая норма накопления и соответственно исключительно высокий прирост капиталовложений; целенаправленное государственное регулирование, в частности дифференцированное и прогрессивное налогообложение, выгодный валютный курс, поощрительные правительственные субсидии, строгий контроль над внешней торговлей; экспортная ориентация ряда отраслей промышленности, незначительная доля военных расходов (никогда не превышающая 1% ВВП, хотя законодательно и не оформленная); низкий в сравнении с другими развитыми странами уровень заработной платы. К этим факторам можно добавить энергичное внедрение достижений научно-технического прогресса (НТП); создание благоприятных условий для импорта передовых технологий; возможность ввоза по сравнительно низким ценам сырья и материалов; всеобщая грамотность населения.

Существенную роль в быстром развитии страны сыграли и сложившиеся гибкие предпринимательские структуры, состоявшие из горизонтальных и вертикальных объединений. Первые — крупные корпорации (например, Мицубиси, Сумитомо) с головными банками и универсальными торговыми компаниями, связанные между собой перекрестным владением акциями. Вторые

— так называемые кэйрэцу — представляли из себя объединение крупных фирм в той или иной отрасли промышленности со средними и мелкими предприятиями в единые группы, связанные субподрядными отношениями, а также путем владения акциями, и оказания финансовой помощи и других услуг.

Кэйрэцу, с их сложными, но сбалансированными внутренними связями, многие исследователи считают специфически японским бизнес изобретением. Графически их часто изображают в виде треугольника, на вершине которого находится головная компания, а средние и мелкие фирмы размещаются на расположенных ниже уровнях, при этом наибольшее их число оказывается в основании треугольника. Такая система приносит экономическую выгоду всем участникам, хотя, в большей степени она работает в интересах головных компаний, ибо в период неблагоприятной конъюнктуры основные тяготы ложатся как раз на мелкие и средние фирмы. Особые и часто неформальные отношения для поставщиков и сбытовиков в рамках кэйрэцу, как свидетельствует сложившаяся экономическая жизнь, подчас оказываются важнее, чем даже максимальная эффективность и цена продукция.

Надо сказать, что японцы не сразу воспользовались открывшимся окном экспортных возможностей. В середине 50-х годов ввоз американских товаров в два с лишним раза превышал вывоз японских товаров в США. Но тенденция на быстрое увеличение экспорта японской продукции на американские рынки уже вполне определилась: символом этого нового тренда стало как появление первого транзисторного приемника Сони в 1955 г., быстро завоевавшего Америку и весь мир, так и создание в 1960г. будущего мирового корпоративного гиганта - «Сони корпорейшен оф Америка», что стало свидетельством начала выхода японского бизнеса и капитала за пределы национальных границ.

Следует особо отметить, что развитие японской экономики происходило в эти годы не столько путем привлечения иностранных инвестиций, сколько путем увеличения объемов производства потребительских товаров на экспорт. В то же время интеграция Японии в мировую экономику напоминала тогда «улицу с односторонним движением» - основные японские рынки и, в первую очередь аграрный, оказались надежно защищены

высокими пошлинами, что резко затрудняло доступ к ним для партнеров Японии.

Поэтому, следует уточнить, что хотя Япония и вошла в процесс интеграции в американский, а потом и в глобальный рынок, но ее полномасштабное участие в нем реализовалось много позже, уже в рамках либеральных реформ 90-х годов.

3. США главный союзник и торговый партнер

Привязка японской экономики к американскому рынку привела к тому, что отношения с США стали критически важными для продолжения экономического роста и процветания страны. В руководстве ЛДП значимость связей с США прекрасно понимали, поэтому, несмотря на протесты миллионов японцев, выступавших против заключения нового оборонного соглашения с США и сохранения американских войск в Японии, правительство премьер-министра Киси в январе 1960 г. подписало с США новый договор о взаимном сотрудничестве и безопасности (сроком на десять лет). В отличие от предыдущего подобного документа, теперь обе стороны выступали как формально равноправные партнеры. Из текста договора были исключены статьи, по которым американским силам предоставлялись на территории Японии полицейские функции, Япония также получила право без согласия США предоставлять базы или разрешать транзит через свою территорию вооруженным силам третьих стран. В то же время Япония по-прежнему предоставляла США базы на своей территории, а американцы брали на себя обязательства по обороне страны.

Благодаря сохранению союзнических отношений с США экономический рост и в 60-е и в 70-е годы развивался высокими темпами, причем, как и рассчитывали в руководстве ЛДП, японский экспорт в США превысил импорт из этой страны и этот разрыв в пользу Японии стал быстро увеличиваться. Япония за-

*Премьер-министр Японии **Нобусукэ Киси**, подписавший договор безопасности с США в 1960 г.*

няла лидирующие позиции в сфере современных технологий, а ее расходы на научно-исследовательские и опытные разработки оказались вторыми в мире, отставая только от США.

В дополнение к собственным исследованиям, японцы активно скупали лицензии на новые разработки по всему миру, и являлись крупнейшим покупателем в этой сфере среди развитых стран. В эти же годы Япония переместилась на первые места в мире по размерам золотовалютных резервов, в стране сформировался рынок свободного капитала, и Япония приступила к его вывозу в виде прямых инвестиций в американскую европейскую и азиатские экономики. Основным рынком приложения японского капитала стали США, в Западной Европе - Великобритания и Нидерланды, в Азии - Индонезия и КНР.

Экономический подъем еще более увеличил значимость Японии для американской политики в Азии и в мире. В Гуамской доктрине президента Никсона (1969 г.) стране уже отводилась роль главного союзника США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В условиях очевидных неудач в боевых действиях во Вьетнаме, американцы настолько были заинтересованы в сохранении союзнических отношений с Токио, что в ходе новых переговоров о продлении договора безопасности, проходивших в 1970 г., вынуждены были согласиться на передачу Японии административных прав на остров Окинава, где располагались их главные военные базы.

4. Восстановление отношений с КНР, проблемы в отношениях с СССР

Нормализация дипломатических отношений между Японией и Китаем началась только после того как в Пекине побывал президент США Р. Никсон, подписавший с Мао Цзэдуном так называемое Шанхайское коммюнике. Этот документ обозначил существенное сближение КНР и США и фактическое признание сильнейшей страной Запада коммунистического режима в Китае. После этого у японского правительства оказались «развязаны руки» и уже в сентябре 1972 г. состоялся визит премьер-министра К. Танака в Пекин. Японо-китайские переговоры про -

ходили достаточно сложно, так как они затрагивали такие спорные вопросы, как признание КНР единственным законным представителем Китая, а Тайваня неотъемлемой частью ее территории. Пекин требовал также признать недействительным заключенный в 1952 г. межгосударственный договор Японии и Тайваня. В итоговом коммюнике Япония заявила о своем фактическом согласии с китайскими требованиями. В нем было записано, что правительство Китая признает Тайвань неотъемлемой частью своей территории, а правительство Японии с полным пониманием и уважением относится к этой его позиции, что идет в русле Потсдамской декларации (где условием капитуляции Японии было признано требование о возвращении Китаю всех захваченных Японией территорий). Двадцатилетнее существование японо-тайваньского договора было оценено в коммюнике как «ненормальное состояние». Япония заявила, что японо-тайваньский договор утратил силу, а также выразила раскаяние за деяния прошлого, а КНР, в свою очередь, «в интересах дружбы» отказалась от репараций.

Успех визита в Китай подвиг японского премьер-министра осуществить в 1973 г. официальный визит в Москву. Цель его заключалась в том, чтобы подписать мирный договор и нормализовать отношения Японии со своим северным соседом. На переговорах с советским руководством Какуэй Танака предложил вернуться к условиям Совместной японо-советской декларации 1956 г., предусматривавшей заключение мирного договора и передачу Токио двух из четырех островов южной части Курильской гряды. Со своей стороны японское правительство было готово к значительному расширению экономического сотрудничества с СССР в освоении сырьевых ресурсов Дальнего Востока и Сибири. На переговорах премьер-министр Японии настаивал на том, чтобы Москва дезавуировала свое заявление от 1960 г. об одностороннем отказе от выполнения условий Совместной дек-

Какуэй Танака - премьер-министр и самый влиятельный политик в ЛДП в 70-80-е годы

ларации 1956 г. На такой шаг в Москве пойти отказались и прорыва в отношениях Японии с СССР не произошло.

5. Япония и страны Азиатско-тихоокеанского региона

*Фукуда Такэо -
премьер-министр
1976-1978 гг.*

*Ясухиро Накасонэ -
премьер-министр
Японии 1982-1987 гг.*

Японская внешняя политика активизировалась в это время не только в отношениях с Москвой и Пекином, но и в отношениях со странами АТР. В интеллектуальном поле вновь возрождается концепция паназианизма, предусматривавшая преобладание в японской политике азиатского вектора над американским. Однако при всем желании добиться такого поворота даже для влиятельных в Японии политиков было крайне сложно. На американском рынке реализовалось 29% японского экспорта и обеспечивалось 22% импорта.

В свою очередь на Японию приходилось свыше 11% американского экспорта, в том числе почти 20% сбыта сельскохозяйственной продукции. Поэтому особенностью японского курса в АТР стало то, что политически страна осталась в американском фарватере, а экономически она стала активно продвигаться в этот регион, исходя из собственных интересов. Такой подход нашел отражение в так называемой доктрине Фукуда (Фукуда Такэо, премьер-министр в 1976—1978 гг.). В своем обращении к странам ЮВА он заявил, что Япония никогда вновь не станет военной державой, призвал к чистосердечному доверию и пониманию во всех сферах, заверил страны АСЕАН в своей поддержке, наметил такую же политику в отношении стран Индокитая. Такую же политику проводил и премьер-министр Накасонэ Ясухиро (1982- 1986 гг.), который стре-

мился расширить в странах АСЕАН японское политическое влияние, сохраняя при этом общие позиции с США. В дальнейшем внешнеполитический курс Японии в отношении стран ЮВА был сформулирован в «трех принципах Такэсита» (Такэсита Нобору— премьер-министр в 1987-1989 гг.): уважать взгляды стран АСЕАН, поддерживать и развивать систему свободной торговли, развивать в регионе многосторонние связи. Он предложил странам АСЕАН «думать вместе и двигаться вместе». Такое предложение оказалось очень актуальным, так как уже в 90-е годы Япония столкнулась со все возрастающей конкуренцией со стороны Китая за влияние на страны этого региона.

*Нобору Такэсита -
премьер-министр
Японии 1987-1989 гг.*

6. Политические и экономические процессы в Японии в 60-80-годы

Внутриполитическая ситуация в стране на протяжении 60-х-70-х и 80-х годов менялась мало. Все разговоры аналитиков о том, что оппозиционные силы вот - вот объединятся и прервут монополию ЛДП на власть, реальности не соответствовали. Оппозиция дробилась, воевала, друг против друга. Социалистическая партия так и не смогла стать центром объединения, скорее, наоборот она теряла то свой левый, то свой правый фланг, где появилась Партия демократического социализма, отколовшаяся от социалистов. На всех выборах, состоявшихся в эти годы, ЛДП довольно уверенно лидировала, несмотря даже на то, что с определенной регулярностью в прессе публиковались данные о злоупотреблениях властью верхушкой ЛДП, коррупционных скандалах вокруг ее видных членов. Даже такое громкое дело, как получение во время премьерства Танака им и другими правительственными чиновниками крупных взяток от американской кампании Локхид, в обмен на содействие в размещении в Японии заказов на эти самолеты, не смогло подорвать авторитет и гегемонию правящей партии.

Да и как можно было ее подорвать, когда уровень жизни в стране заметно вырос, а доля Японии в общем объеме промышленного производства развитых стран повысилась за 1975- 1989 гг. с 13 до 18%, а в экспорте - с 8 до 13%. Вслед за кампанией Сони новые японские корпорации - такие как Тошиба, Хитачи или Панасоник превращались в транснациональные структуры, чье присутствие просматривалось во всех регионах мира. Японский капитал активно скупал как успешные компании вроде американских «Бриджстоун» и «Коламбия пикчерз», так и недвижимость вроде Рокфеллер-центра в Нью-Йорке, открывал новые производства по всему миру от Китая и до Латинской Америки. Рост курса иены, многократное увеличение стоимости японских активов вследствие повышения котировки ценных бумаг и цен на недвижимость, сделали японцев самыми богатыми в Азии. Они начали приобретать больше всех в мире золота, платины, драгоценностей, престижных автомобилей и других предметов роскоши.

Новая экономическая и социальная реальность заставляли политические силы страны существенным образом корректировать свои программы и политику. В 1985 г. правящая ЛДП опубликовала новую политическую программу, в которой обещала продолжить экономическое развитие и обеспечить глобальную роль Японии в мире. Чуть позже уже в 1986 г. главный оппонент либерал-демократов - социалисты утвердили так называемую «Новую декларацию» и объявили все предыдущие программы партии недействительными. В Декларации уже не было акцента на классовый подход, подчеркивался общенародный характер партии, ее желание решать не классовые, а общенародные задачи. Исключено было и само слово революция.

С принятием «Новой декларации» социалисты стали все более походить на западные социал-демократические партии. Такая их эволюция была связана не только с безуспешными многолетними попытками прийти к власти, но и с тем, что середина 80-х ознаменовала собой пик разочарования в марксистских и классово-социалистических моделях. Глубокий кризис в СССР как-бы подтверждал бесперспективность классово - социалистического подхода и вообще развития в рамках замкнутой и авторитарной политической и экономической структуры.

Новые тенденции в политической жизни страны, когда «старые» партии - ЛДП и СПЯ, вступили в глубокий кризис, и произошло почти полное переформатирование японского политического поля, проявились уже после распада СССР в принципиально ином мире 90-х годов.

ГЛАВА III. Корея от окончания Второй мировой войны и до распада СССР

1. Причины формирования двух корейских государств

Ситуация в Корее после окончания Второй мировой войны сложилась совсем не так, как рассчитывали и надеялись корейские эмигранты. Страна оказалась разделена на две части, когда на Юге Кореи с целью разоружить японцев высадились американские войска, на Север Кореи с той же задачей вошли советские. Граница между двумя зонами контроля прошла по 38 параллели, к югу от нее власть оказалась в руках американской военной администрации, а к северу в руках советской.

Первое время казалось, что это разделение временное, связанное только с необходимостью интернировать японцев и обеспечить порядок на корейской земле до формирования там дееспособных властей. Советская администрация на Севере в первое время действовала именно исходя из таких предположений, поддерживала местных националистов, полагая, что те более чем иные политические силы способны установить порядок в стране. При поддержке советских представителей на Севере стали создаваться органы местного самоуправления — народные комитеты. К концу 1945 г. в них работало уже свыше 10 тыс. человек. Для координации деятельности этих комитетов было учреждено Административное бюро пяти северных провинций, а также образованы десять департаментов, которые руководили основными отраслями экономики, просвещением и здравоохранением. Председателем Административного бюро стал один из лидеров националистов Чо Ман Сик.

На Юге все было по-другому. Там, после высадки 9 сентября 1945 г. войск США командующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке генерал Макартур издал приказ о переходе всей административной власти в Южной Корее в его руки. Американская администрация всячески препятствовала формированию на Юге народных комитетов, полагая, что за их

спиной могут стоять коммунисты с Севера. Не признала она в качестве власти ни народные комитеты, которые сторонники Чо Ман Сика пытались образовать и во многих районах Юга, ни так называемого временного правительства Кореи, члены которого вернулись из Китая. У Макартура на роль лидера Кореи была своя креатура - много лет проживший в США, бывший глава Временного правительства Кореи - Ли Сын Ман.

Для того, чтобы обеспечить именно его приход к власти военное командование США доставило этого политика в Сеул раньше других известных корейских политических деятелей и активистов независимости, находившихся в эмиграции. Кроме этого американцы не допустили корейских коммунистов к участию в Учредительном собрании, которое они создали на Юге под своей эгидой.

Председателем этого собрания, полномочия которого на Севере признаны не были, стал как раз - Ли Сын Ман. Он сразу стал позиционировать себя как ярый враг коммунистов и при поддержке американской администрации не допустил их участия ни в Законодательной палате, ни в гражданской администрации. Стараниями Ли Сын Мана, уже с конца 1946 г. Компартия Южной Кореи находилась в подполье. Однако действовала она довольно активно, причем, не только организуя массовые антиправительственные выступления, но переходя к собственно вооруженной борьбе и к восстанию. С 1947 г. Компартия взяла курс на вооруженное сопротивление режиму и во многих горных районах власть перешла в руки к партизанам-коммунистам и их временной администрации.

Уже через два года после освобождения Кореи от власти японцев стало ясно, что не националисты, которые из-за постоянных противоречий никак не могли организовать сильную партию, а коммунисты, опиравшиеся на советскую помощь, превратились в наиболее сильную и организованную политическую группу в стране. Они контролировали Север, и допустить их к власти на Юге американцы не хотели ни под каким видом. Ли Сын Ман, непримиримый к коммунистам и неспособный к компромиссу, да и не желавший его, превратился в главную креатуру генерала Макартура. Его укрепление у власти означа-

ло, что шансов на строительства единой Кореи почти не осталось.

Удивление в этих событиях вызывает еще и то, насколько слабыми оказались левые и правые националисты. Их движение, такое упорное в эмиграции никак себя в этот решающий момент не проявило. Они не смогли сформировать альтернативу и противостоят тому, что у американцев на Юге и у СССР на Севере оказались свои кандидатуры на высшие посты.

*Ким Ир Сен – многолетний
лидер Северной Кореи*

Кстати, многие ученые полагают, что укрепление антикоммуниста Ли Сын Мана оказало решающее влияние на выдвижение на политическую авансцену Севера молодого Ким Ир Сена. Убедившись, что ставка на националистов себя не оправдывает, и у них нет шансов на Юге, советская военная администрация сделала новый выбор - теперь уже на корейских коммунистов, на формирование с их помощью просоветского режима на Севере.

Следует отметить, что процесс реконструкции под коммунистов политической системы Северной Кореи происходил примерно также как и в странах Восточной Европы, где советская военная администрация энергично продвигала лидеров коммунистов к ключевым постам в управлении. В Северной Корее в феврале 1946 г. был создан Временный народный комитет, который возглавил выбранный Москвой из числа доверенных корейских коммунистов - Ким Ир Сен. Этот Совет в 1946 г. инициировал принятие на Севере ряда законов (о земельной реформе, национализации промышленности, транспорта, связи и банков), которые сформировали государственный сектор экономики и, тем самым, положили начало формированию экономической базы нового режима.

В госсектор вошло больше тысячи промышленных объектов, охватывавших около 80% промышленного производства. В результате земельной реформы были конфискованы земли поме-

щиков и более 700 тыс. крестьян стали владельцами земельных участков. Тем самым, с системой помещичьего землевладения на Севере было покончено, и арендаторы получили обрабатываемые ими наделы в собственность.

В 1946-1947 гг. на Севере были в основном восстановлены промышленные предприятия, налажена торговля, системы здравоохранения и просвещения. Вновь заработали более 40 предприятий тяжелой промышленности, угольные шахты, предприятия текстильной, рыбной, бумажной промышленности.

В политической сфере формировался жестко авторитарный режим, который должен был возглавить строительство социализма в Северной Корее. В 1946 г. коммунисты переименовали свою партию, назвав ее Трудовой партией Кореи. При поддержке советской администрации эта организация быстро превратилась в доминирующую политическую силу на Севере страны.

Как мы видим, за относительно короткое время на Севере Кореи сложились все предпосылки - руководящая партия, жестко авторитарный режим, доминирующий госсектор, крестьянская масса готовая к организации в кооперативы, для развития в рамках советской модели модернизации и социалистической альтернативы.

Естественно, что все эти перемены воспринимались на Юге американской администрацией, Ли Сын Маном и его окружением крайне негативно. Американский ставленник сам претендовал на контроль над всей Кореей, собирался наступать на Север и видел в коммунистах главное препятствие и угрозу своим планам. Коммунисты, в свою очередь, видели в Ли Сын Мане своего главного врага, собирались захватить при удобном случае Юг и направить его развитие в том же направлении, что и Север. Поэтому все попытки примирить обе корейские стороны и реализовать последний шанс на сохранение единой страны – сформировать общекорейское Временное правительство, которое находилось бы под совместной опекой со стороны великих держав, о чем в принципе договорились СССР и США, так и не удалось. Причем главной стороной, выступившей категорически против этого проекта оказался Ли Сын Ман.

Убедившись в неосуществимости проекта общекорейского правительства и объединения государства, Ли Сын Ман в авгу-

сте 1948 г. при поддержке США провозгласил создание Республики Корея. Президентом, этой новой страны сам он и стал. США и другие западные государства немедленно признали новый корейский режим и установили с ним дипломатические отношения.

В ответ на Севере в сентябре 1948 г. при поддержке СССР была провозглашена Корейская народно-демократическая республика (КНДР). Так, на Севере и Юге сформировались два государства, не скрывавших враждебности друг другу, а главное претендовавшие на распространение своей власти на всю Корею. Каждое из правительств, считало своего оппонента незаконным и готовилось к войне за доминирование на Корейском полуострове.

2. Подготовка к Корейской войне, ее ход и последствия

В 1948 г. США и Республика Корея подписали соглашение об оказании помощи в создании южнокорейской армии. На Юге были сформированы вооруженные силы численностью 300 тыс. человек. Сеул получил от США более 500 млн. долл. на военное строительство. В рядах южнокорейской армии находилось около 2,5 тыс. американских военных советников.

Северокорейское руководство во главе с Ким Ир Сенем также форсировало военные приготовления. После вывода из КНДР советских войск в октябре 1948 г. практически все их вооружение и боевая техника были оставлены Корейской народной армией (КНА). Сотни советских военных инструкторов и советников остались в стране и непосредственно участвовали в формировании боевых частей северокорейского режима.

Война в Корее разразилась 25 июня 1950 г., когда подготовленная советскими военными советниками 175 тысячная северокорейская армия, имевшая на вооружении 150 танков, нанесла мощный удар по формированиям южнокорейской армии (войска США покинули Юг в июне 1949 г.). За короткое время, сформированная американскими советниками и вооруженная американским оружием 93 тысячная южнокорейская армия была разгромлена. Северокорейские вооруженные силы за три дня боев овладели Сеулом, а в августе подошли к Пусану - послед-

нему крупному городу, оставшемуся в руках южнокорейцев. Практически вся южная часть страны оказалась в руках коммунистов. Однако война на этом не закончилась.

Американский десант на подходе к Инчхону

В сентябре 1950 г. неожиданно и для северокорейцев и для их союзников и советников в СССР и в Китае был высажен 50-тысячный военный контингент США в районе Инчхона. Преодолев сопротивление немногочисленных частей северокорейцев, американцы заняли Сеул, а вскоре перерезали все коммуникации северокорейской армии, находившейся на Юге полуострова. Ход войны кардинально изменился. Теперь северокорейская армия, находившаяся на Юге, оказалась практически разгромленной. К концу октября 1950 г. американцы и их союзники перешли 38 параллель, овладели Пхеньяном и заняли почти весь Север Кореи. Их передовые части стали выходить к границе КНДР с Китаем.

*Маршал Пэн Дэхуай -
командующий китайскими
добровольцами в Корее.*

В такой ситуации китайское руководство во главе с Мао Цзэдуном вмешалось в корейский конфликт и 25 октября 1950 г. первые отряды 270 тысячного корпуса китайских «народных добровольцев» под командованием Пэн Дэхуая вступили на корейский Север, атаковав американские части. Те, не выдержав натиска многочисленных китайских войск, начали отступать обратно на Юг и после напряженных боев к началу 1951 г. фронт в целом стабилизировался в районе 38-й параллели, практически в тех же самых районах, откуда началась война. В середине 1951 г. начались мирные переговоры, продолжавшиеся два года и завершившиеся подписанием 27 июля 1953 г. Соглашения о перемирии в Корее.

Это соглашение окончательно разделило корейский полуостров на Север и Юг, причем после жестокой войны и на Юге и на Севере города, коммуникации, предприятия оказались разрушенными. Четыре миллиона корейцев были убиты, ранены и пропали без вести. Развитие двух разъединенных частей страны с тех пор пошло в двух направлениях: на Севере стали восстанавливать экономику в рамках строительства социалистического общества, на Юге в рамках капиталистической экономики. Первое время в начавшемся негласном соревновании двух Корей наилучшие результаты показывала Корея северная. Там, в рамках трехлетнего плана восстановления 1953-1956 гг. при помощи СССР, Китая, было восстановлено около 240 и построено 80 новых промышленных объектов. В 1958 г. было завершено кооперирование крестьянских хозяйств и к 1960 г. Север опережал Южную Корею по всем основным экономическим показателям.

Однако вслед за этим ситуация в соревновании двух Корей стала постепенно меняться в другую сторону. В КНДР сформировался режим личной власти Ким Ир Сена, который не просто исключил, но уничтожил любую оппозицию, в том числе и в рядах ТПК. Строительство социализма стало пониматься как реализация якобы исторически присущих корейцам «идей чучхе».

В них ставка делалась на самостоятельность и независимость северокорейцев даже от ближайших союзников, абсолютизировалась концепция «опоры на собственные силы» для развития государства.

Для Ким Ир Сена формулирование такой идеологии стало важным подспорьем во внутривластной борьбе с противостоящими ему в руководстве сторонниками ориентации на опыт СССР и Китая. В 1956 г. просоветская и прокитайские группы в верхушке партии даже предприняли попытку сместить Ким Ир Сена с высшего партийного поста. Эта попытка успеха не имела во многом потому, что Ким Ир Сен и поддерживавшая его, так называемая группа бывших партизан, позиционировали себя как сторонников самостоятельности и независимости Северной Кореи. Они указывали на то, что выступают за первоочередность национальных интересов, против навязывания догм и решений со стороны советских и китайских коммунистов.

Внутривластная борьба закончилась расстрелами противников Ким Ир Сена и окончательным утверждением режима его личной власти. На северокорейской экономике политические потрясения сказались негативным образом. Дело в том, что одержавший победу Ким Ир Сен стал реально осуществлять лозунг опоры на собственные силы, причем понимая это буквально как необходимость производить в Северной Корее абсолютно все от гвоздей и до тепловоза, от лампы и до металла. Эта была политика экономического абсурда и постепенно страна стала все более замыкаться сама в себе, а ее руководитель, буквально трактуя идеи чучхе, всю энергию направил на строительство военизированной и самообеспечивавшейся экономики, отделенной и от стран социализма и от стран капитализма.

Постоянно готовясь к войне против Южной Кореи, Ким Ир Сен превратил оборонную промышленность в главную и основную, которая поглощала большую часть национального дохода. Такая стратегия оказалась губительной и для национальной экономики и для уровня жизни северокорейцев. Выявилась и ограниченность внутреннего рынка, а главное ресурсов, серьезно ограничивавших масштабы экономического роста. В таких условиях сбалансированное развитие экономики оказалось невозможным. Уровень жизни людей, особенно в сельской местности ока-

зался крайне низок. В стране не прекращалось нормированное снабжение людей продуктами питания и товарами первой необходимости.

Выходом из этой ситуации могло бы стать более широкое сотрудничество с соседними социалистическими странами, в первую очередь с СССР и Китаем. Однако для северокорейского лидера такая альтернатива представлялась невозможной, так как он стремился избежать любой зависимости от внешних сил. Такая система приоритетов сделала экономический кризис перманентным для Северной Кореи явлением.

3. Южная Корея - рывок в модернизацию и глобализацию. Реформы Пак Чжон Хи

В Южной Корее после окончания корейской войны восстановление и развитие экономики происходило главным образом на основе займов, предоставлявшихся правительством США. Эти деньги использовались малоэффективно, уходили они в основном на закупку американских продовольственных и потребительских товаров. Лишь небольшая их часть шла на восстанов-

Пак Чжон Хи – президент Южной Кореи. Выдающийся реформатор, который правил с 1960 по 1979 г.

ление производственной инфраструктуры промышленности и сельского хозяйства. К началу 1958 года число безработных и полубезработных составляло в стране около 4,3 миллиона человек (36,6% всего трудоспособного населения Южной Кореи). Однако социальная и политическая ситуация на Юге оставалась довольно стабильной и намного более устойчивой, чем это было до Корейской войны. Одна из причин этого заключалась в том, что иллюзии южан насчет способности коммунистов Севера построить процветающее и справедливое национальное государство, исчезли. Более того Север превратился в опасного и жестокого врага, так как когда северокорейцы

в 1950 г. захватили практически весь Юг, они тут же

принялись устанавливать свои порядки. Начались массовые аресты "реакционных элементов", причем "реакционером" мог оказаться и бедный рыночный торговец, и мелкий чиновник муниципальной администрации, и сержант южнокорейской армии. Арестованных сгоняли в тюрьмы, которые в сентябре, во время отступления северокорейской армии, были "расчищены" с помощью пулеметов. Во многих случаях репрессии против южан проводились по принципу круговой поруки – людей арестовывали только за то, что они являлись родственниками бежавших "реакционеров". Принудительные мобилизации в северокорейскую армию проводились жестко и беспощадно. Людей под страхом смерти заставляли сражаться с такими же корейцами, но одетыми в форму южнокорейской армии.

В результате те самые рядовые жители Юга, которые в июне-июле 1950 г. встречали с цветами северокорейские войска, в сентябре-октябре того же года приветствовали американцев и лисынмановцев с еще большим энтузиазмом. Это особенно касалось южнокорейской интеллектуальной элиты, игравшей решающую роль в формировании общественного мнения в Южной Корее. Она пострадала больше чем другие слои южнокорейского общества и буквально впитала в себя ненависть к северокорейскому режиму.

К концу 50-х годов неэффективность и коррумпированность режима Ли Сын Мана, который раз за разом избирался президентом страны, авторитарные методы его правления, хронические экономические трудности и общая бедность вызвали в конечном итоге взрыв общественного протеста против 84-летнего президента, который всеми силами пытался держаться за власть. После того как по его приказу была расстреляна очередная демонстрация и погибло более ста человек, людей уже было сложно остановить. Армия отказалась стрелять в людей, выступивших против Ли Сын Мана, после чего бессменный президент вынужден был уйти в отставку и бесславно покинуть страну. Вслед за этим Южная Корея погрузилась в политический хаос, а новую демократическую власть, сформировавшуюся после бегства Ли Сын Мана на Гавайи, южнокорейские военные заподозрили в симпатиях к Северной Корее.

Решения гражданского правительства сократить армию и военные расходы, а также установить контакты с руководством КНДР, против чего выступали военные круги, подтолкнули их к вмешательству в политическую жизнь и к государственному перевороту. 16 мая 1961 г. группа военных во главе с генералом Пак Чжон Хи совершила государственный переворот. В стране было введено военное положение. Правительственные учреждения были взяты под контроль армии, распущены парламент и политические партии, запрещены митинги, демонстрации, закрыт ряд газет и журналов, введена цензура.

Вскоре выяснилось, что военные пришли к власти с вполне определенной программой национального развития. Высший совет национальной реконструкции, состоявший из военных чинов (всего 32 человека) и наделенный законодательной и исполнительной властью, взял курс на искоренение коррупции, создание самостоятельной экономики и объединение нации, а также обещал передать власть гражданскому правительству после выполнения задач «революции». В административных органах власти стали преобладать офицеры, военные трибуналы заменяли гражданское судопроизводство.

Политическая жизнь в стране перешла под жесткий контроль созданного в июне 1961 г. корейского Центрального разведывательного управления. С приходом к власти Пак Чжон Хи, были опубликованы списки 4 тыс. политических деятелей (левых, центристов и консерваторов), которым запрещалось заниматься политикой в течение шести лет. В соответствии с принятым в июле 1961 г. «антикоммунистическим законом» запрещались дискуссии или какие-либо акции в поддержку объединения Севера и Юга Кореи. Нарушители закона карались смертной казнью или тюремным заключением на срок от 5 до 15 лет. За годы военного режима от этого закона пострадало более 20 тыс. человек, в том числе политические активисты, лидеры партий, ученые, редакторы газет, преподаватели университетов, деятели культуры.

Но образование авторитарного военного режима, захватившего власть и подавлявшего свободы, было только одной стороной медали. Вторая сторона была совершенно иной. Смысл захвата власти Пак Чжон Хи видел в том, чтобы в кратчайшие сро-

ки модернизировать страну, превратить ее в промышленно развитое и процветающее государство. Военному режиму досталась слабая и отсталая экономика, когда более 50% бюджета и 70% военных расходов Кореи обеспечивалось за счет экономической помощи США. Для реконструкции государства администрация Пак Чжон Хи стала реализовывать программу экономических реформ, которая предполагала переход к экспортно-ориентированной модели развития, с одной стороны, и введение практики пятилетнего планирования экономики, с другой.

Предлагалось также предоставить финансовые льготы и государственные кредиты предприятиям, работавшим на экспорт. В тех отраслях, которые были определены как перспективные, для быстрого роста были сформированы новые организационные формы взаимодействия капитала, бизнеса и производства. Именно во время правления генерала Пака в стране стали доминировать так называемые чеболи — крупные частные конгломераты, занимавшиеся различной экономической деятельностью. В то же время, правительство сохранило за собой право собственности на железные дороги, источники электроэнергии, водоснабжение, автодороги и порты.

Модель экономического развития, предложенная Пак Чжон Хи имела много общего с японской, но с корейской спецификой, когда роль правительства в регулировании экономики оказалась значительно выше, чем в Японии. Мобилизация всех ресурсов страны на ускоренное экономическое развитие в Южной Корее также оказалась существенно выше. Здесь видимо сказался личный опыт генерала Пак Чжон Хи, который в прошлом был коммунистом и даже в свое время был приговорен к смертной казни. Он был помилован по личному распоряжению Ли Сын Мана, когда сдал практически всех известных ему сторонников коммунистов в южнокорейской армии. Под руководством Пак Чжон Хи южнокорейское правительство направляло и жестко контролировало выделение кредитов предприятиям и ограничивало импорт, стимулировало ввоз сырья и технологий для производства товаров народного потребления, поощряло сбережения. Длительное время внутренние инвесторы получали отрицательный реальный процент на их сбережения, поскольку все средства были направлены на мобилизацию ресурсов. По оценкам Мирowego

банка, почти 2/3 прироста ВВП за период 1960-1995 гг. было обеспечено в Южной Корее за счет использования исключительно внутренних ресурсов.

Для формирования нового экономического порядка Пак Чжон Хи провел и масштабную национализацию. Вся банковская система перешла под контроль государства, несанкционированный отток капитала за рубеж был сведен к нулю, а финансирование национальной промышленности существенно улучшилось. Кроме этого правительство освободило крестьян (58% населения) от выплат долгов по ростовщическим процентам, приняло программу стабилизации цен на сельскохозяйственную продукцию, увеличило процент выплат по банковским вкладам, что также стимулировало приток в банки свободных средств и облегчило получение кредитов.

Как мы видим, Пак Чжон Хи реконструировал южнокорейскую экономику, сохраняя и контроль государства в ключевых сферах и смешанную государственно-частную форму ее организации. Если сравнить его действия с опытом Китая, Тайваня и стран ЮВА и особенно Вьетнама, то там происходило примерно то же самое. В то же время в период правления Пак Чжон Хи особенно проявилась специфика социо-культурного уклада корейского общества, в котором именно в это время прослеживается усиление влияния протестантизма на все стороны жизни. Корейцы работали больше всех в мире, и это рассматривалось как жертва ради будущего процветания страны, потребляли же они крайне умеренно, если не сказать мало, что также рассматривалось многими как элемент пуританской этики. Более того, именно при Пак Чжон Хи динамизм, предприимчивость и энергия стали отличительными чертами южнокорейского бизнеса, а в самой корейской жизни все больше стал ощущаться дух коллективизма и общей судьбы, новый патриотизм. Это новое качество южнокорейского общества особенно проявилось несколько позже во время финансового кризиса 1997-1998 гг., когда в самый его разгар тысячи корейцев стояли в очередях, чтобы добровольно сдать свои личные драгоценности в государственный фонд поддержки национальной экономики.

Еще одна особенность модернизации в Южной Корее заключалась в том, что государство сохраняло за собой значительную

собственность в сфере финансов и инфраструктуры. Благодаря этому оно оказалось способным финансировать ключевые проекты в индустриальной сфере, контролировать и направлять развитие смешанной экономики, которая, как и везде в Азии развивалась при самом активном содействии и контроле со стороны государства. Как показали дальнейшие события, плюсы такой модели компенсировались ее серьезными изъянами, связанными с покровительством со стороны чиновников тем или иным компаниям, коррупционными связями представителей государства и частного бизнеса.

Реформы Пак Чжон Хи придали экономике Южной Кореи сильнейший импульс для роста. В период с 1962 по 1971 год иностранные инвестиции составили 2,6 миллиарда долларов, в основном в виде займов, предоставленных правительству и частному сектору. Среднегодовой прирост в экономике составлял 9,2%, ВВП на душу населения вырос с 87 долл. в 1962 г. до 1503 долл. в 1980 г. Темпы роста экспорта за тот же период составили 32,8%.

В 1971 г. произошло знаменательное для Южной Кореи событие - южнокорейский бюджет перестал зависеть от американской экономической помощи. Чеболи, а к концу 1970 г. в стране было образовано 15 крупных финансово-промышленных групп, пользовавшихся поддержкой правительства, превратились в локомотивы развития национальной экономики. В 1987 году доходы только четырех крупнейших чеболей составили \$80,7 млрд., что составляло две трети валового национального продукта страны. Некоторые из них вроде Самсунга, Хендэ и LG стали превращаться в транснациональные корпорации (ТНК), владевшими производственными подразделениями в нескольких странах мира.

Более того, и другие южнокорейские чеболи могли считаться полновесными ТНК, так как они стали компаниями, чей международный бизнес занял существенное место в системе глобальной торговли. В целом среднегодовой рост экспорта в период 60-80-х годов выглядел следующим образом в 60-е годы - 33,4%, в 70-е - 39,8%, в 80-е - 14,5%.

Экономический рост, улучшение жизни миллионов корейцев, появление в стране среднего класса, выступившего за более ши-

рокие политические свободы и за демократический путь развития, подтачивали авторитарный военный режим. Свою миссию он выполнил: страна встала на эффективный путь развития, определила основные цели и параметры и правила экономической модели. Опасаясь манифестаций и митингов со стороны оппозиции и не желая никакой демократизации Пак Чжон Хи, в октябре 1972 г. принял решение еще более ужесточить политический режим. Был распущен парламент и политические партии, изменена конституция. Национальное собрание было заменено Национальной конференцией за объединение, состоявшей из 2359 независимых депутатов, одна треть которых назначалась президентом страны. Для того, чтобы получить поддержку со стороны американской администрации в 1965-1973 гг. южнокорейский президент послал воинский контингент во Вьетнам, где южнокорейцы воевали на стороне США, причем свыше 3 тыс. из них погибли.

Общественное давление на режим Пак Чжон Хи с целью заставить его либо уйти, либо проводить демократические реформы достигло своего пика в 1979 г. В октябре этого года Пак Чжон Хи, не желая уступать, не обращая внимания на рекомендации американских властей, ввел в стране военное положение. Это вызвало осуждение в политических кругах США, где его все больше стали представлять как одиозного и амбициозного диктатора. Совсем не случайно, что 26 октября 1979 г. Пак Чжон Хи был убит своим приближенным - директором Центрального разведывательного управления Южной Кореи, который был самым тесным образом связан с американскими спецслужбами. Убийство Пак Чжон Хи можно поставить в тот же ряд, что и ликвидация в 1963 г. южновьетнамского диктатора Нго Динь Зиема, который пришел к власти при поддержке США, но также стремился действовать самостоятельно без оглядки на рекомендации американских союзников. Он и его брат были убиты по указанию приближенных генералов, связанных с США.

4. Южная Корея после убийства Пак Чжон Хи: армия опять у власти

После убийства президента Пак Чжон Хи его функции стал временно исполнять премьер-министр Цой Гю Ха. Вскоре Национальная конференция за объединение избрала его президентом. Однако военные не собирались уходить от власти, и против нового президента был организован военный переворот, возглавил который генерал Чон Ду Хван.

Сопrotивление перевороту со стороны гражданских активистов было решительно и жестоко подавлено военными, особенно ожесточенные столкновения произошли на Юге Кореи в городе Кванчжу, где местные жители подняли настоящее восстание, захватили на время весь город и обороняли его от войск нового диктатора.

Несмотря на репрессии со стороны военных, реакция корейского общества на новый переворот была настолько сильной, что военные не могли не почувствовать, что страна после 1960 г. изменилась самым существенным образом. Городские средние слои были настроены против военной диктатуры, их симпатии были целиком на стороне демократических процедур и политической конкуренции. Все это вынудило Чон Ду Хвана в октябре 1980 г. обнародовать измененную конституцию, в соответствии с которой вновь воссоздавалось Национальное собрание, а также был введен пункт, согласно которому президент мог быть избран только один раз на семилетний срок.

В январе 1981 г., когда основная волна протестов спала, военное положение в стране было отменено. Стали воссоздаваться политические партии, несколько ослабла цензура в печати, хотя антикоммунистический запал и оставался ключевым элементом пропаганды. Под давлением США политический противник военных, известный сторонник демократии Ким Дэ Чжун, которого во время переворота и последующих событий арестовали и при-

*Генерал Чон Ду Хван.
Правил Южной Кореей
с 1980 по 1988 гг.*

говорили к смертной казни, был освобожден и ему дали возможность выехать в Америку.

Чон Ду Хван и поддержавшие его военные также как и Пак Чжон Хи пришли к власти с конкретной программой структурных реформ. Для снижения инфляции новым правительством была принята консервативная монетаристская политика и жёсткие фискальные меры. Рост денежной массы был ограничен с 30% в 1970-х годах до 15% в 80-х. Вмешательство государства в экономику сильно уменьшилось, а для иностранных инвесторов были созданы более привлекательные условия для вложений в Южную Корею. Для того, чтобы добиться популярности и получить поддержку населения, правительство увеличило объём инвестиций в такие проекты, как дорожное строительство, создание сетей коммуникаций и в механизацию деревенского труда.

При Чон Ду Хване южнокорейская экономика вышла на прежний уровень роста уже во второй половине 1980-х годов. В период с 1986 по 1988 годы экономика росла на 12,5% в год. Инфляция, которая в 70-х годах в процентном выражении составляла двузначную цифру, была взята под контроль, цены на товары увеличивались в среднем на 4,7% в год.

Генерал Ро Дэ У - президент Южной Кореи в 1988-1993 гг.

В политической сфере военные постепенно шли на все большие уступки гражданскому обществу, требовавшего демократизации и возвращения к конституционному правлению. В значительной степени этот процесс инспирировался извне, из США, которые давили на военных, чтобы те скорее отошли от власти. В 1985 г. в страну из США вернулся Ким Дэ Чжун, что стало верным признаком приближавшихся перемен. В 1987 г. по истечении полномочий Чон Ду Хвана армия согласилась провести в стране первые демократические выборы президента, с участием всех наиболее известных деятелей оппозиции. На них большинство жителей Южной Кореи поддержало генерала Ро Дэ У, который обошел лидеров оппозиции впоследствии также ставших президентами — Ким Ен Сама и Ким Дэ Чжуна.

На посту президента генерал Ро Дэ У сделал ставку на сотрудничество с оппозиционными политическими силами и принял практически все их требования. Он освободил политических заключенных, отменил ряд антидемократических законов, прекратил вмешательство правительства и военных в деятельность СМИ. На выборах в Национальное собрание в апреле 1988 г. большинство мест получила возглавляемая им Демократическая партия справедливости, за ней следовала Партия за мир и демократию главного политического оппонента - Ким Дэ Чжуна, далее— Демократическая партия за объединение Ким Ен Сама и Новодемократическая республиканская партия Ким Чжон Пхиля.

В январе 1990 г. правящая партия объединилась с партиями Ким Ен Сама и Ким Чжон Пхиля, образовав Либерально-демократическую, а с 1991 г.— Демократическую партию. Таким образом, в постсоветскую эпоху Южная Корея вошла, восстановив демократическую систему организации политической власти. Эпоха военных диктаторов и президентов осталась позади.

ГЛАВА IV Китай и его развитие после Второй мировой войны и вплоть до распада СССР

1. Предчувствие гражданской войны (1945-1946 гг.)

Окончание мировой войны означало для Китая то, что внутренние противоречия китайской политики вновь вышли на первый план. Выяснилось, что соперничество и борьба за власть между Гоминьданом и Компартией никуда не исчезли, а их союз после разгрома Японии оказался очень хрупким. К концу 1945 г. стало очевидно, что страна, вновь стоит на пороге гражданской войны, несмотря на вроде-бы вполне успешные переговоры в Чунцине, по итогам которых коммунисты и гоминьдановцы в начале октября подписали специальное соглашение о ее предотвращении.

На самом деле Чан Кайши уже через три дня после подписания этого соглашения отдал приказ о наступлении на позиции войск Компартии. Добиться быстрого успеха ему не удалось и при посредничестве США начались новые переговоры, которые показали, что разногласия двух сторон по ключевым вопросам власти, реформам и общего вектора развития Китая оказались очень глубокими. Каждая сторона стремилась к власти над всем Китаем, каждая намеревалась воплощать в полной мере свои политические принципы и программные установки.

Поэтому, подписывая соглашение в Чунцине и проводя в январе 1946 г. еще одно политическое консультативное совещание, и Компартия и Гоминьдан стремились лишь выиграть время, чтобы лучше подготовиться к новому этапу гражданской войны. Коммунисты перебрасывали свои силы на север в Маньчжурию, где находились советские войска, в районы, примыкавшие к советской границе. Имея возможность легко получать там все самое необходимое из СССР, Компартия тем самым создала важный оплот на севере страны, ключевую точку, откуда через несколько лет и началось решающее наступление войск коммунистов. Гоминьдан, в свою очередь всячески старался увеличить численность своей армии путем присоединения к ней марионе-

точных войск Ван Цзинвэя, служивших японцам, чья выучка и моральный дух оставались на очень низком уровне. Свои основные силы они также направляли на север в Маньчжурию.

Накануне возобновления гражданской войны общий расклад сил казался крайне благоприятным для Гоминьдана. Его армии и численно и по вооружению превосходили части Компартии. Гоминьдан восстановил контроль над ключевыми и самыми развитыми районами Китая, и в зоне его власти оказалось в разы больше людей, чем у коммунистов. Однако преимущество Гоминьдана на самом деле не было так велико как могло показаться с первого взгляда, более того соотношение сил по сравнению с тридцатыми годами изменилось явно в пользу коммунистов. Целый ряд факторов работал теперь против правительства Чан Кайши. Дело в том, что за короткий период прошедший после изгнания японцев, Гоминьдан не успел полностью восстановить структуру власти в регионах, освобожденных от японской оккупации. А это были наиболее богатые и развитые части Китая, которые сильно пострадали от военных действий и поэтому не могли представлять как раньше главную опору для его власти.

Правительство в Чунцине, несмотря на помощь американцев, не успело восстановить и наиболее боеспособные части, которые приняли на себя основные удары японской армии. Против партии Чан Кайши работало и сложившаяся за годы войны представление, будто бы она не сумела выиграть у японцев ни одного серьезного сражения, а из ее состава на сторону противника перешли тысячи партийцев, составивших костяк марионеточного правительства Ван Цзинвэя в Нанкине.

Сложность положения Гоминьдана заключалась еще и в том, что за время войны сама партия все более превращалась в авторитарную организацию, вводившую жесткие ограничения и в экономике и в политике и как правящая партия несущую ответственность за бедственное положение миллионов людей в городе и в деревне. Провозглашая республиканские и демократические лозунги, Гоминьдан на деле выстраивал власть как однопартийную диктатуру. Он вступил в продолжение гражданской войны сильно коррумпированным, без внятной политической программы по ключевому для Китая аграрному вопросу, без особой поддержки со стороны влиятельной китайской интеллигенции.

В рамках мобилизационной модели Чан Кайши фактически утвердил тотальное господство государства во всех сферах жизни, полное огосударствление всей крупной собственности и даже развитие коллективных форм хозяйствования в деревне. Он выступал за экономику, которая бы находилась под жестким государственным контролем. Отказ от демократических преобразований, подавление оппозиционных движений, резкое усиление экономической роли государства фактически сближали двух казалось бы политических антиподов - Гоминьдан и Компартию, скрадывали тот огромный лаг который был между ними в отношении путей будущего развития страны.

Перед началом гражданской войны Чан Кайши безуспешно пытался консолидировать власть над перешедшей под контроль Гоминьдана территорией, побороть коррупцию и как-то объединить собранную из разных частей огромную по численности армию. Он рассчитывал на поддержку своих действий со стороны США и полагал, путем успешных военных операций в Маньчжурии и в Шэньси выиграть гражданскую войну.

Компартия в это же время сплотилась вокруг Мао Цзедуна, показателем ее единства стал проведенный весной 1945 г. VI съезд КПК. Коммунисты создавали и вооружали трофейным японским оружием новые боевые части, готовились не только к обороне, но и разрабатывали планы наступательных операций. С помощью многочисленных пропагандистов они широко распространяли информацию о своей победоносной борьбе с японцами, о своей чуть ли не решающей роли в общей победе. Они также жестко пресекали коррупцию в подконтрольных им районах, обещали провести радикальную аграрную реформу с передачей земли крестьянам.

Существенным было и то, что коммунисты имели теперь и огромный освобожденный район в Маньчжурии, примыкавший к советской границе, откуда могли получать разнообразную помощь. Что касается собственно армии, то хоть она и была численно меньше, чем у Гоминьдана, но она была более сколоченной и управляемой, жестко организована и идеологически мотивирована. Ядро командования этой армии составляли ветераны Великого похода.

2. Гражданская война в Китае и ее последствия

Послевоенная гражданская война в Китае началась серией наступлений гоминьдановских войск. В мае-июне 1946 года 310-тысячная группировка атаковала войска коммунистов, оборонявших Хэнань — Хубэйский советский район. В июне полу-миллионная группировка начала наступление на советский район Шаньдун — Аньхой. Эти операции, и особенно удар по многолетней ставке Мао Цзэдуна, вынудивший лидера коммунистов покинуть Яньань, оказались довольно успешными. В то же время на главном направлении наступления - в Маньчжурии ситуация для войск Гоминьдана развивалась неудачно. Здесь им противостояли хорошо вооруженные войска, опиравшиеся на поддержку СССР с танками и артиллерией.

Под командованием Линь Бяо они не только успешно оборонялись, но и сами перешли в контрнаступление. С середины 1947 года инициатива в войне стала переходить к войскам коммунистов. В серии сражений полевые армии Компартии, разгромили основные гоминьдановские части, и поставили под свой контроль ключевые районы и административные центры страны.

В январе 1949 г. армия коммунистов вошла в Пекин, в апреле форсировала Янцзы и двинулись дальше на юг Китая. Исход гражданской войны был predetermined - 1 октября 1949 г. - Мао Цзэдун на митинге в Пекине на площади Тяньаньмэнь объявил об образовании Китайской Народной Республики и чуть позже войска Компартии захватили последние анклавы гоминьдановцев в провинциях Ганьсу, Юннань и Синьцзян.

Чан Кайши и все руководство Гоминьдана эвакуировались на остров Тайвань, под защиту американского флота, а весь остальной Китай оказался в руках Компартии, которая после победы в гражданской войне получила возможность провести модернизацию страны по своим собственным сценариям.

*Маршал Линь Бяо -
министр обороны КНР с
1959 по 1971 гг.*

3. КНР: Основные сценарии социалистического строительства и их реализация в 50-е годы

Первоначально сценариев социалистического переустройства Китая было два. По одному планировалось продвигать страну по пути так называемой народно-демократической революции, предполагавшему постепенные реформы, с сохранением частной собственности мелкого и среднего предпринимательства, отдельного владения крестьян землей.

Партийные теоретики полагали, что такой этап неизбежен и должен подготовить фундамент для последующего этапа социалистической революции, в рамках которого начнется уже обобществление в деревне, ограничение и ликвидация частной собственности, становление социалистической экономики более эффективной, чем капиталистической.

Второй сценарий не предполагал подготовительного этапа к началу собственно социалистической революции. Его сторонники и прежде всего Мао Цзэдун полагали, что Китаю следует, не дожидаясь полного восстановления экономики, немедленно переходить к этапу социалистического строительства. Общим для сторонников первого и второго сценариев было желание как можно быстрее провести в Китае три основных модернизационных процесса - революцию в сфере экономики, культуры и образования и военного дела. Их цель была в кратчайшие сроки построить новый современный и сильный Китай, который бы ни экономически, ни в сфере культуры, ни в военной сфере не уступал бы западным государствам.

Политическую предпосылку для этого они видели в установлении в стране политического режима тоталитарного типа, как в сталинском СССР, обладающего всей полнотой власти, способного осуществить задуманные радикальные реформы и устойчивого к противодействию любой оппозиции. Ядром этого режима должна была стать Компартия Китая как авангард народа, как сила отдающая отчет и знающая в каком направлении следует развивать страну.

Сразу же после военной победы и провозглашения КНР, режим, основанный на практически абсолютной власти Компартии, распространил свой контроль на все сферы жизни китайского общества, причем утверждался он крайне жестокими ме-

тодами, когда за два года после окончания гражданской войны в стране было расстреляно почти 2 млн. человек. Их обвинили в том, что они контрреволюционеры, агенты империализма и просто враги Китая. Смысл таких широких и длительных репрессий состоял не только в том, чтобы уничтожить реальных противников коммунистов, но и в том, чтобы посеять в стране атмосферу страха и подчинения и исключить любую оппозицию партийному курсу.

В начальные годы правления Компартии казалось, что страна будет больше склоняться к первому сценарию социалистического строительства. В июне 1951 г. был принят закон о земельной реформе, в соответствии с которым отменялась помещичья собственность на землю. Она передавалась в частную собственность малоземельным и безземельным крестьянам по количеству едоков в семье. Это была ожидаемая реформа, так как во время гражданской войны коммунисты проводили подобные мероприятия в освобожденных районах. В стране продолжала существовать частнокапиталистическая промышленность, которая показывала довольно высокие темпы роста.

От Гоминьдана коммунистам досталась и так принадлежавшая государству наиболее развитая часть крупной промышленности, современный транспорт, кредитно-банковская система, внешняя торговля – все то, что партия Чан Кайши национализировала в тридцатые годы в попытке организовать мобилизационную экономику во время антияпонской и гражданских войн. В то же время расцвет частной экономики вызывал у руководства Компартии тревогу относительно возможного давления частных на власть, ее перерождения особенно на местах и последующего отказа от социалистических преобразований, в которых они и видели цель всех революционных усилий. В связи с этим в конце 1951 — начале 1952 г. была развернута массовая кампания борьбы против частного бизнеса и предпринимательства. Частные предприятия превращались в смешанные государственно-частные, многие фирмы закрывались, а их хозяев арестовывали. Такая политика быстро привела к сокращению производства, уменьшению товарооборота, росту безработицы, появлению дефицита на отдельные товары. Особенно ошутимым ударом по частному предпринимательству стало введение в октябре 1953 г. хлебной монополии. Частным лицам было запрещено торговать

зерном. В городах вводилась карточная система. Вскоре она распространилась на все основные предметы потребления. Государство в 1954 и 1955 гг. стало изымать у крестьян в виде налога и закупок почти третью часть выращенных зерновых. Деревня оставалась фактически на полуголодном пайке. При этом зерно закупалось государством по цене, как правило, ниже его себестоимости. Объяснялось все это необходимостью мобилизовать ресурсы для индустриального развития.

Окончательный отказ от разных форм собственности и фактический запрет частного предпринимательства был зафиксирован в 1954 г., когда на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) была принята конституция КНР, в которой признавалась лишь одна форма собственности – общественная. Уже в 1955 г. под давлением властей около 80% мелких и средних предприятий перешли в собственность государства. Почти все крупные промышленные предприятия превращались в смешанные государственно-частные. К лету 1956 г. процесс ликвидации частного предпринимательства был в целом завершен.

Мао Цзэдун спешил начать переустройство общества на социалистических началах. В сентябре 1952 г. он заявил, что «следует построить социализм в течение 10-15 лет, а не начинать переход к нему спустя 15 лет». Он в это время полностью отмежевался от концепции «новой демократии», связанной с продвижением народно-демократической революции и подверг критике часть своих соратников, которые «топчутся на одном месте». Полностью была им отвергнута и подготовленная «сторонниками долгого пути к социализму» новая налоговая реформа, в которой провозглашалось равенство частной и государственной форм собственности. Во главу угла были поставлены вопросы формирования современной промышленности и индустриализации Китая.

Для решения этой ключевой задачи китайское руководство подготовило и реализовало первый пятилетний план развития народного хозяйства (1953-1957 гг.), который во многом копировал подобные же планы развития, осуществленные в СССР. «Путь, пройденный Советским Союзом, и есть тот пример, которому мы должны сегодня следовать», указывалось в партийных документах. Сотрудничество КНР и СССР, как «двух коммунистических братьев», в это время развивалось во всех сферах,

особенно в военно-политической. Примером эффективности такого сотрудничества служили совместные военные действия в Корее, где усилия китайских сухопутных войск поддерживала советская авиация.

Отношения двух стран опирались на подписанный в феврале 1950г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, и на ряд других соглашений, в том числе о предоставлении Китаю долгосрочного кредита в 1200 млн. рублей на льготных условиях (1% годовых). В 1953-1954 гг. были заключены также советско-китайские соглашения о содействии в строительстве и реконструкции 156 индустриальных объектов (в том числе нескольких металлургических комбинатов, автомобильного и тракторного заводов, предприятий тяжелого машиностроения). Доля СССР в экспорте КНР в годы первой пятилетки составляла в среднем 59,4%, то есть Советский Союз являлся главным покупателем товаров производившихся в Китае. В 1954 г. для укрепления атмосферы доверия и сотрудничества Советский Союз по своей инициативе вывел военно-морские части из совместно используемой военно-морской базы Порт Артур и безвозмездно передал эту базу китайской стороне. Такое же решение было принято и относительно принадлежавшей СССР Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Как мы видим, тесные экономические и военно-политические связи с СССР обеспечили китайским властям возможность начать процесс индустриализации. Союз с Москвой, давал новой власти гарантию безопасности от агрессии извне, позволял существенно модернизировать армию. Китайские добровольцы в Корее под командованием Пэн Дэхуая вполне успешно сражались с американцами советским оружием, которое ничем не уступало вооружению противника. Отношения с СССР и европейскими союзниками Москвы в значительной мере компенсировали международную изоляцию Китая со стороны США и стран Запада. КНР в это время с точки зрения идеологии и политики являлся интегральной частью мировой системы социализма, ключевым звеном в продвижении социалистических идей в Азии, а позже и во всем мире.

4. Революционное нетерпение - большой скачок в коммунизм, предпосылки и последствия

Успехи, достигнутые Китаем в середине 50-х годов в переустройстве экономики и социальной жизни, Мао Цзэдун рассматривал как ограниченные, а главное медленные. Он полагал, что страна может и должна меняться еще быстрее. В 1955 г. он выступил с предложением приступить к радикальным преобразованиям в деревне. Он утверждал, что «...можно осуществить строительство социализма, не оглядываясь на Советский Союз», что нужно быстро и в кратчайшие сроки провести общенациональные мероприятия и ввести социалистические отношения в китайской деревне.

Мао полагал реальным путь форсированного и даже «скачкообразного» решения задач модернизации Китая, и вывода страны на современный уровень, прежде всего в военной области, а также в промышленности, в сельском хозяйстве, науке и технике, в сфере образования.

В сельской местности процесс перемен в русле указаний Мао Цзэдуна развивался особенно активно и к концу 1956 г. было создано 756 тыс. производственных кооперативов, охвативших более 96% крестьянских хозяйств, причем в кооперативы высшего типа с почти полным обобществлением имущества и труда было объединено около 88% дворов. Естественно, что весь этот процесс происходил при постоянном давлении и даже насилии со стороны государства.

Социальные и экономические перемены сопровождались и неожиданными переменами в политике. Для того, чтобы выявить недовольных и вообще противников режима, особенно среди интеллигенции, Мао Цзэдун использовал простой прием - объявил о начале кампании под лозунгом «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все научные школы». Официально ее цель состояла в том, чтобы дать представителям интеллигенции возможность свободно высказываться о положении дел в стране, а неофициально - определить несогласных и наиболее активных среди них, а потом всех тех, кто подверг резкой критике коммунистов арестовать или изолировать от общества.

Идея именно таким хитрым способом выявить врагов была поддержана другими соратниками Мао, а осуществлена она была

в период с 8 мая по 7 июня 1957 г. В эти 30 дней людям официально предложили полную свободу слова и критики. Многие представители интеллигенции поверили в то, что цель кампании вскрыть слабые стороны и ошибки политического курса. Они выступили с критикой, обозначив тем самым свои взгляды. Этим они допустили большую ошибку. Позднее главный орган Компартии газета «Жэньминь жибао» написала, что оппозиционерам специально дали высказаться для того, чтобы... ядовитые травы могли разрастись пышно-пышно, и народ увидел бы это и содрогнулся».

Недоверие к интеллигенции, как носителю альтернативного знания и потенциально главному социальному оппоненту правившего режима, акцентирование различий и противоречий между ее интересами и интересами «простого народа» стало важным элементом социальной политики Мао Цзэдуна. Эпоха гласности завершилась 8 июня 1957 г., когда по инициативе Мао Центральный комитет принял «Указания об организации сил для контрнаступления против правых элементов». Свобода слова была ликвидирована, и коммунисты вернулись к прежним методам политического и идеологического давления и преследования. Однако, полностью уничтожить интеллигенцию или даже просто переучить интеллектуальную и культурную элиту страны даже «великому кормчему» было не под силу. Он решил действовать в этом направлении постепенно и взял курс на перевоспитание и идеологическую индоктринацию наиболее известных и влиятельных представителей интеллектуальной элиты.

Мао призвал их обернуться к народу и жить его ценностями и интересами. Тот, кто не мог или не хотел делать это, был объявлен правым оппортунистом и стал жертвой политической кампании «против правых», которая вылилась в травлю интеллигенции. Ярлыки «правых буржуазных элементов» были приклеены миллионам образованных людей. Около полумиллиона из них были заключены в «лагеря трудового перевоспитания». К числу «правых элементов» были отнесены даже родственники репрессированных.

Эти удары по интеллектуальной элите в некотором смысле можно рассматривать не только в качестве подготовки «большого скачка в коммунизм», но и в качестве репетиции культурной революции. Вождя не устраивал медленный процесс идеологи-

ческой перековки, впрочем, как и темпы индустриализации и экономического развития страны в целом. Мао полагал, что страна может и должна развиваться быстрее, если начнется активное внедрение социалистических и коллективистских основ.

Осенью 1957 г. на пленуме ЦК КПК он впервые заговорил о возможности колоссального роста сельскохозяйственного производства, предложив восстановить забытый лозунг «больше и быстрее». «Если мы будем тщательно обрабатывать землю, наша страна станет страной самой высокой урожайности в мире, — заявил он. — Уже сейчас... есть уезды, где собирают по тысяче цзиней (один цзинь- 596 грам) зерна (с одного му). Можно ли показатели 400, 500, 800 (4-5 ц. с га) повысить соответственно до 800, 1000, 2000? Я думаю, можно... Я раньше тоже не верил в то, что человек может полететь на Луну, а теперь поверил». Он потребовал резко увеличить урожайность и эффективность сельскохозяйственного производства, привлечь миллионы людей к ирригационному строительству, предложил с целью резкого увеличения производства стали создать повсюду малые сталеплавильные заводы, в виде деревенских плавильных или доменных печей.

По инициативе Мао развернулась кампания критики темпов кооперирования сельского хозяйства, стали раздаваться требования значительно ускорить продвижение вперед по всем направлениям, развернуть критику консервативных взглядов. Мао Цзэдун выдвинул новую «генеральную линию», утверждая, что Китай способен при движении к социализму делать «больше и лучше», чем в Советском Союзе. При этом его курс предполагал «приложение усилий с целью двигаться вверх по течению», преодолевать сопротивление инерционных сил, как на международной арене, так и внутри Китая. Он указывал, что партийная бюрократия борется и против народа и против его лидера, что именно их действия не позволяют новым отношениям развернуться в полной мере.

В мае 1958 г. состоялась вторая сессия VIII съезда КПК, на которой были приняты новые показатели второй пятилетки. В области промышленности они были повышены вдвое или более, а в области сельского хозяйства — на 20—50% и больше по сравнению с показателями, принятыми на первой сессии того же съезда партии. Так, планировалось выплавить стали 30 млн. т.

вместо 12 млн. т, добыть угля 400 млн. т. вместо 200 млн., собрать зерна 350 млн. вместо 250 млн. т. Все эти изменения, в уже принятые планы, были внесены под давлением Мао, который, выдвинул лозунг «За три года упорной борьбы в основном изменить отсталый облик страны».

В партии приняли указания председателя КПК на то, чтобы «выкорчевать теорию пассивного сбалансированного развития» и «утвердить теорию активного сбалансированного развития», цели которой формулировались в таких призывах и лозунгах: «Сталь — вот наша программа», «Высоко вздымайте знамена трех наших маршалов» (имелись в виду сталь, уголь, зерно), «Нам прокладывают путь два наших командира авангарда» (транспорт и энергетика).

Мао провозгласил курс «трех красных знамен», подразумевавший новую «генеральную линию», «великий скачок» и «народные коммуны». В народных коммунах Мао видел особую форму социальной организации в деревне, чисто китайскую форму коммунизма. «Народная коммуна, считал он, характеризуется, с одной стороны, большими размерами, с другой — обобществлением... в ней слиты производство и администрация, налаживается питание через общественные столовые; приусадебные участки ликвидируются. Куры, утки, деревья возле домов пока остаются в собственности крестьян. В дальнейшем и это будет обобществлено».

Превращение Китая в некое сообщество народных коммун произошло после того как в начале августа 1958 г. Мао Цзэдун при посещении нескольких провинций заявил, что «народные коммуны — это дело хорошее». За один месяц в коммуны вошло 100% крестьянских дворов. К концу 1958 г. ранее существовавшие 740 тыс. кооперативов были превращены в 26 тыс. коммун, объединявших 120 млн. крестьянских дворов, причем в каждую коммуну входило в среднем около 20 тыс. человек. Коммуны становились низовыми местными административными органами, а главное - рассматривались руководством партии как форма преобразования прежних производственных отношений с целью высвобождения производительных сил.

Считаюсь, что потенциал народных коммун огромен. Такая форма организации, в которой были объединены и политическая и социальная и идеологическая составляющие, представляла со-

бой с точки зрения руководства КПК ту «плавильную печь», где «сплавлялись» вместе рабочие, крестьяне, торговцы, учащиеся, солдаты, где все они становились строителями коммунизма. Распространение народных коммун стало одним из главных элементов политики «большого скачка» - то есть резкого ускорения процесса социалистической модернизации. Именно так рассматривал эту политику Мао Цзэдун, говоривший, что «мы должны разбить устоявшиеся нормы, максимально использовать передовую технику и в не слишком долгий исторический срок превратить нашу страну в мощное современное социалистическое государство. Именно этот смысл заложен в том, что мы называем большим скачком».

Другим ключевым элементом «большого скачка» стало радикальное увеличение производства стали. В соответствии с директивами ЦК КПК, во всех местах стали возводиться малые плавильные печи из глины, которые топили дровами. Рабочих для производства чугуна набирали из близлежащих деревень. К осени 1958 года по всему Китаю действовало более 700 тыс. кустарных доменных печей, на работу по производству металла было мобилизовано до 100 млн. человек.

Руководствуясь принятыми решениями, Госплан КНР разработал новый вариант пятилетнего плана на 1958—1962 годы. Он предусматривал дальнейшее резкое ускорение темпов экономического развития. Предполагалось увеличить выпуск промышленной продукции в 6,5 раза, сельскохозяйственной в 2,5 раза, причем среднегодовой прирост в промышленности должен был составить 45 %, а в сельскохозяйственном производстве — 20 %. Выплавку стали предполагалось увеличить уже не до 30 млн. тонн, а в 10 раз - до 100 млн. тонн.

Однако вскоре выяснилось, что все планы «большого скачка» потерпели неудачу. В 1958 г. производство стали возросло на 45 %, а в 1959— ещё на 30 %. Однако неэффективность малой металлургии стала очевидна, производство стали там оказалось очень низкого качества. От малой металлургии пришлось отказаться, и выплавка стали вернулась к уровню 1958 года только в 1964 г. Еще хуже обстояло дело в сельском хозяйстве. В 1958 г. в китайской печати было объявлено об огромных достижениях: собранный урожай якобы достиг почти 300 млн. т. однако в дей-

ствительности было собрано намного меньше, около 100 млн. т. зерна.

В середине декабря того же года стала ощущаться нехватка продовольствия. К весне следующего возник острый дефицит продуктов питания: овощей, рыбы, масла и даже чая. Три последующих года (1959-1961) стали периодом больших бедствий - засухи, неурожая, наводнений. Вместе с разорением деревни, вызванным «большим скачком» все эти природные факторы обусловили массовый голод и гибель сотен тысяч людей.

5. Борьба в руководстве КПК относительно путей строительства социализма

Очевидный провал политики «большого скачка», инициированного партийным вождем не мог не вызвать обострения политической борьбы в руководстве КПК, где все более явным стало выделение двух линий в строительстве социализма и модернизации. Одна во главе с Лю Шаоци и Дэн Сяопином выступила за постепенные и последовательные реформы, с учетом объективных условий сложившихся в стране. Они критиковали радикальные лозунги политики «трех красных знамен». Так на одном из партийных совещаний Лю Шаоци указал, что «великий скачок» совершен поспешно и в результате теперь в течение десяти лет придется заниматься урегулированием положения в экономике.

Лю Шаоци назвал «битву за сталь», «мыльным пузырем», призвал отказаться от ликвидации рыночных отношений, восстановить коллективную и частную торговлю на сельских рынках. Реагируя на такую критику, Мао Цзэдун, с одной стороны, признавал, что несет ответственность за допущенные ошибки, но одновременно настаивал, что в принципе курс «трех красных замен» является правильным.

В это время многие отмечали, что после очевидных неудач и массового голода, охватившего страну, позиции радикальной

Лю Шаоци - один из лидеров КПК, председатель КНР 1959-1968 гг.

группировки и, прежде всего председателя КПК - Мао Цзэдуна несколько пошатнулись. Он отошел как-бы на второй план, а на первом стали действовать Лю Шаоци, ставший Председателем КНР вместо Мао и Дэн Сяопин, занимавший тогда пост Генерального секретаря КПК. На IX пленуме ЦК КПК, состоявшемся в январе 1961 г., они объявили новую политическую линию, на «урегулирование, закрепление, пополнение и повышение», которую стали называть политикой урегулирования. На пленуме, естественно, причины смены партийного курса объяснялись не ошибками руководства, а «временными экономическими трудностями в стране», причина которых «небывалые за последние 100 лет» стихийные бедствия. Особо говорилось о том, что отзыв из Китая советских специалистов также усугубил общую ситуацию.

Особенно болезненным для развития китайской экономики и советско-китайских отношений оказалось инициированное Н.С. Хрущевым решение об отъезде советских специалистов из КНР. Без них большинство проектов, начатых с советской помощью, так и остались нереализованными. Для китайских коммунистов это событие стало настоящим шоком, разрушившим в их глазах имидж СССР как близкого идейного друга и союзника. Находившийся в это время в Китае и имевший возможность беседовать с представителями интеллектуальной и правящей элиты КНР французский ученый Ж. Делен написал позже, что у него сложилось впечатление, что «китайцы все же не ожидали, что братская социалистическая страна так неожиданно покинет их. Они не могли поверить, что соперничество между государствами возьмет верх над идейной солидарностью и пролетарским интернационализмом».

Вставшие у руля оппоненты Мао стремились сбалансировать экономику и ликвидировать последствия «большого скачка». Вместо «народной коммуны» основной производственной единицей в деревне стала «производственная бригада» из 10-30 дворов. Крестьяне вновь получили приусадебные участки, им вернули личное имущество, было разрешено держать свиней, открылись «свободные» сельские и городские рынки. Началось восстановление системы материальной заинтересованности в промышленности, а в сфере идеологии часто повторявшийся Мао Цзэдуном тезис «политика— командная сила», подвергся

критике. В целом результаты периода урегулирования оказались впечатляющими - в 1963 и 1964 гг. сельскохозяйственное производство ежегодно росло на 10%, а темпы роста промышленного производства составляли почти 20%.

Однако все эти перемены и позитивные результаты не означали, что Мао и его сторонники отказались от борьбы за свой сценарий развития Китая. В их концепции страна должна была развиваться на основе курса «опоры на собственные силы» и «энтузиазма масс». В понятие «опора на собственные силы» Мао вкладывал политику по созданию экономически замкнутых «самообеспечивающихся» хозяйственных единиц, «самостоятельность» которых заключалась в «праве» обеспечивать себя всем необходимым без всякой помощи со стороны государства, и в то же время предоставлять последнему максимум производимой ими продукции.

Идея создания самообеспечивающихся хозяйств отражала ту концепцию модернизации Китая, которая впервые была высказана еще в яньаньский период жизни Мао, когда именно таким путем на принципах «уравнительного коммунизма», он собирался решить проблему бедности и голода. По мысли Мао продвижение Китая вперед должно было происходить по модели зеркально противоположной капиталистической — рынок - плановая экономика, демократия - власть революционеров, объединенных в правящей партии как единственной доминирующей силы общества, частная собственность - общественная собственность.

Мао отвергал всякие полумеры в сокрушении старого и строительстве нового как внутри страны, так и вовне. В Китае критиковали советского лидера Н.С. Хрущева за ревизионизм и отход от правильного марксизма, не признавали марксистской выдвинутую Хрущевым идею мирного сосуществования государств с различным общественным строем, отказывались принять его же утверждения о возможности прихода к власти коммунистов парламентским путем.

Мао был не согласен с критикой культа личности Сталина, а также с действиями Хрущева в плане отказа передать КНР схемы производства ядерного оружия, отзыва советских советников, его позицией по пограничным вопросам и конфликту Китая с Индией в Тибете. В результате антагонизм двух лидеров и вза-

имная критика двух крупнейших социалистических стран стала быстро нарастать, между ними началась борьба за главенство в международном коммунистическом движении и, в конце концов, КНР и СССР превратились в злейших идеологических и политических противников.

б. «Культурная революция»: предпосылки, ход и последствия

Внутри страны Мао после некоторого перерыва, вновь развернул борьбу со сторонниками прагматичного и сбалансированного курса, указывая, что «полумерами и полуреформами, социализма не построить». Он обрушился на Лю Шаоци и Дэн Сяопина заявив в декабре 1964 г, что необходимо усилить классовую борьбу, направив ее, прежде всего против «группировки, стоящей у власти». В итоговом документе этого совещания в ЦК КПК, отмечалось, что «центр тяжести нынешнего движения — борьба против тех облеченных властью, которые находятся в рядах партии и идут по капиталистическому пути». Там же указывалось, что «среди этих облеченных властью и идущих по капиталистическому пути одни выступают на сцене, другие же действуют за кулисами».

В сфере экономики Мао в противовес своим оппонентам выступал против принципа материальной заинтересованности, стремился пропагандировать и распространять опыт большой производственной бригады Дачжай в провинции Шаньси, а в промышленной сфере — опыт создания и работы нефтепромыслов в Дацине в провинции Хэйлунцзян. Суть «опыта Дачжая и Дацина» заключалась в создании экономических структур, сочетавших в себе элементы как сельскохозяйственного, так и промышленного производства, ориентированных на почти полное самообеспечение. При этом вся прибыль от их работы передавалась государству. Мао видел в этих примерах элементы будущего, в которое он верил и к которому стремился.

К середине 60-х годов вождь КНР полагал, что у него есть все для того, чтобы Китай быстро развивался в рамках радикальных преобразований социалистического и коллективистского типа. Единственным препятствием для решающего рывка к коммунизму являлась, как он убедился, его собственная партия, которая, мало того, что имела в своих рядах массу людей несоглас-

ных с курсом Мао, так еще и превратила партию - авангард революции в разветвленный административно-бюрократический механизм.

Считается, что к началу «великой чистки рядов» у Мао не было явного большинства в партии, поэтому для разгрома противников и утверждения своей программы социалистического строительства, он выбрал особую форму политической борьбы, которую назвал «культурной революцией». Осуществляя такую революцию, он рассчитывал с одной стороны уничтожить своих политических противников в руководстве партии, а с другой добиться глубоких сдвигов в структуре и идеологии китайского общества в целом. Он хотел реализовать свою главную мечту - превратить Китай в сообщество самодостаточных и самоуправляющихся аграрно-промышленных сообществ со справедливым распределением, реальной внутренней автономией и относительным процветанием. Модель коммунистического Китая должна была опираться на новое сознание и новые мотивации китайцев. Мао хотел кардинально изменить психологию народа, который должен был прийти к обществу, в котором будет уничтожено разделение труда, постепенно будут ликвидированы товарно-денежные отношения, и где не будет больше различий между рабочими и крестьянами, городом и деревней, умственным и физическим трудом. Эта была без сомнения амбициозная и, как показали дальнейшие события, утопическая в реальных условиях Китая и современного мира программа.

Первым предвестником начала «великой пролетарской культурной революции», считается публикация в Шанхае в начале ноября 1965 г. статьи посвященной критике широко известной в Китае драмы о судьбе опального минского сановника Хай Жуя. Выход этой статьи, по тексту которой неоднократно прошло перо лично Мао Цзэдуна, в партии был воспринят как сигнал к началу новой политической кампании.

Развивалась эта кампания вначале довольно медленно, встречая очевидное сопротивление в партийной среде. Центральные и местные газеты, несмотря на требования Мао Цзэдуна дали перепечатку статьи о Хай Жуне лишь в конце ноября, что свидетельствовало о существовании влиятельной оппозиции его курсу. Единственной газетой, давшей ту оценку, которой и добивал-

ся Председатель ЦК КПК, была армейская «Цзэфанцзюнь бао». В ней пьеса была названа «большой ядовитой травой».

Пэн Чжэнь - мэр Пекина, одна из первых жертв культурной революции

Вплоть до начала 1966 г. серьезной массовой политической кампании Мао развязать так и не удалось. Сохранялось определенное равновесие - одна сторона добивались активизации кампании критики автора пьесы заместителя мэра Пекина У Ханя, а другая пытались назвать ее не более чем «научной дискуссией».

Перелом произошел в апреле 1966 г., когда впервые со страниц главной военной газеты прозвучал призыв к началу «культурной революции». Цели этой политической кампании Мао Цзэдун изложил на расширенном совещании Политбюро

ро ЦК КПК в мае 1966 г., по итогам которого было принято так называемое «Сообщение ЦК КПК от 16 мая». В нем указывалось, что «представители буржуазии, проникшие в партию, правительство и армию, различные сферы культуры, представляют собой группу контрреволюционных ревизионистов... Они гото-

Цзян Цин - жена «великого кормчего», один из главных участников культурной революции.

вы при первом удобном случае захватить власть в свои руки и превратить диктатуру пролетариата в диктатуру буржуазии». Такое за явление означало объявление открытой войны всем несогласным с курсом вождя в руководстве партии. Мао заявил о начале борьбы против «стоящих у власти. и идущих по капиталистическому пути». Вслед за этим со своих постов были сняты партийный и административный руководитель Пекина Пэн Чжэнь, ряд других руководителей, не вызывавших доверия у председателя КПК. Для проведения политической кампании была переформатирована, не обладавшая ранее большим влиянием в иерархии

китайской власти «группа по делам культурной революции», которую возглавил теперь близкий к Мао политик - Чэнь Бода. Эта группа, куда, кстати, вошла и жена «великого кормчего» Цзян Цин, фактически превратилась в главный штаб по проведению всей компании чистки партийных рядов.

Основную ставку, в развязанной им политической кампании, Мао Цзэдун сделал на молодежь и прежде всего на студенчество и учащихся средних школ. В них он нашел силу, которую можно было бы использовать в борьбе против тех в партии, кто составлял активную оппозицию. В мае 1966г. занятия в университетах и школах прекратились, начались, инспирированные «сверху», нескончаемые митинги, появилась масса обличительных листовок, дацзыбао (заявлений о своей политической позиции, написанных от руки крупными иероглифами), малоформатных газет. Учащиеся стали громить сначала ректораты и парткомы своих вузов, а затем партийные и государственные учреждения оскорблять и пытаться своих преподавателей, заставляя их сознаваться в том, что они сторонники консерватизма и традиционализма. Первые «красные охранники» (хунвэйбины) появились в высших и средних заведениях столицы в начале лета 1966 г. Могло показаться, что это стихийное движение молодежи, направленное против руководства партийных комитетов, профессоров и преподавателей, настроенных недостаточно лояльно по отношению к Председателю ЦК КПК. На самом деле движение хунвэйбинов было инициировано теми, кто входил в наиболее близкое окружение Мао Цзэдуна.

С самого начала этому движению был придан организованный характер по типу военных структур. Армия принимала самое непосредственное участие в его развитии, создавая специальные пункты по приему хунвэйбинов, центры связи, снабженные транспортными средствами, типографским оборудованием, финансами. К каждой группе из 20-30 человек прикреплялся военнослужащий, призванный обучать их военной дисциплине и осуществлять контроль. Для распространения столичного опыта «красным охранникам» было разрешено разъезжать по стране за государственный счет на всех видах транспорта. За период с осени 1966 г. по весну 1967 г. только по железной дороге было перевезено больше 20 млн. хунвэйбинов, на что использовалось около 30% всего железнодорожного транспорта.

В такой обстановке состоялся очередной XI пленум ЦК КПК (август 1966 г.). В его работе уже не участвовали члены ЦК, репрессированные к этому времени, и их место заняли представители «массовых революционных организаций». В ответ на доклад одного из своих главных оппонентов - Лю Шаоци, призывавшего стабилизировать ситуацию, Мао Цзэдун опубликовал собственную дацзыбао, озаглавленную «Открыть огонь по штабам». Имя главного руководителя «буржуазного штаба», против которого направлена была эта дацзыбао, еще не называлось открыто, однако присутствующим было понятно, кто именно имеется в виду. Пленум поддержал Мао Цзэдуна в развертывании «культурной революции», вновь объявил его «идеи» руководящей идеологией партии, произвел смену руководства. В результате принятых решений фактически перестал действовать секретариат ЦК, возглавляемый Дэн Сяопином, который был снят со всех постов, а власть в центре безраздельно оказалась в руках Мао Цзэдуна и его сподвижников.

Ставка Мао на молодежь в разрушении партийных структур себя полностью оправдала. Осенью 1966 г. Пекин был наводнен хунвэйбинами, которые приехали со всей страны. Была организована серия митингов, в которых в общей сложности участвовало более 10 млн человек, перед которыми выступали высшие руководители страны во главе с Мао Цзэдуном. На одном из митингов, обращаясь к молодежи, Мао Цзэдун заявил: «Я решительно поддерживаю вас!». В декабре 1966 г. в городах стали создаваться отряды «бунтарей» (цзаофаней). В них входила рабочая молодежь, перед которой была поставлена задача - распространять «культурную революцию» за пределы учебных заведений на предприятия и в организации, что позволило бы охватить все общественные структуры.

Под лозунгом «Сжечь всю старую литературу!» развернулась кампания за уничтожение книг, изданных до «культурной революции». В вузах горели костры из книг. Одновременно уничтожались произведения искусства, предметы старины, разбивались на куски надгробия знаменитых людей.

В декабре 1966 г. хунвэйбины провели операцию по захвату бывшего секретаря парткома Пекина Пэн Чжэня. Ночью, ворвавшись в дом, они подняли его с постели, бросили в грузовик и увезли. Тогда же хунвэйбиновский «специальный полк по по-

имке Пэн Дэуая» по приказанию Цзян Цин ворвался в его дом в провинции Сычуань, где он в тот период находился, и увез его в Пекин. Здесь опальный министр обороны был заключен в тюрьму. Репрессии были обрушены и на второго человека в партии - председателя КНР и заместителя председателя ЦК КПК Лю Шаоци. В начале августа 1967 г., в годовщину написания Мао Цзэдуном дацзыбао «Открыть огонь по штабам», в столице были устроены судилища над Лю Шаоци и Дэн Сяопином. На глазах жены и четырех детей Председателя КНР, одетого только в нижнее белье, избивали руками и ногами, били цитатником Мао Цзэдуна по голове. Масштабы репрессий, организованных «великим кормчим» и его сподвижниками были колоссальны. Только по делу о предательстве председателя парткома провинции Юннань погибло 14 тыс. человек, а по делу антипартийной клики Уланьфу во Внутренней Монголии и по делу Народно-Демократической партии Внутренней Монголии прошли 346 тыс. людей, причем более 16 тысяч из них погибли.

Разрушив старую систему партийной власти, Мао создавал новую: повсюду появились так называемые революционные комитеты (ревкомы), основанные на «соединении представителей «революционных левых группировок» (хунвэйбинов и цзаофаней), военных, взявших на себя основную роль в создании ревкомов, а также избежавших репрессий деятелей прежнего партийно-государственного аппарата. По замыслу инициаторов их создания, ревкомы были призваны заменить прежние конституционные органы власти снизу доверху, включая и партийные комитеты.

Добившись полного доминирования в партийном и государственном руководстве, избавившись от политических соперников, Мао постепенно начал свертывать «культурную революцию», которая в середине и в конце 1967 г. ввергла страну в хаос и стала выходить из под его контроля. В июле 1968 г. на встрече с руководителями организаций «красных охранников» Пекина, Мао Цзэдун заявил о необходимости прекращения «борьбы с применением силы» и пригрозил, что, если эксцессы будут продолжаться, то последует неминуемая расправа. Вскоре был выдвинут лозунг «рабочий класс должен руководить всем», под прикрытием которого началась широкомасштабная акция по ликвидации хунвэйбинов, которые свою роль в перетряске пар-

тии и в монополизации власти «великого кормчего» выполнили. На места были направлены «агитбригады», в которых ключевую роль играли военные. Вслед за этим последовала массовая высылка молодежи из городов в деревню, охватившая около 10 млн. членов «левых революционных организаций». Высылались в деревню и кадровые работники — их число приблизилось к 6 млн.

В целом воздействие «культурной революции» в ее активной фазе на жизнь страны оказалось не менее разрушительным, чем «большой скачок». Спад промышленного производства составил в 1967 г. 20%, сельскохозяйственное производство не росло, в то время как показатели дохода на душу населения довольно заметно снизились.

Конфуций

Оценивая все эти события с точки зрения модернизации следует отметить, что «культурная революция» по существу классический пример, наиболее радикального варианта перемен, когда власть не просто стремится уничтожить своих политических противников, но и разрушает историко-культурный ландшафт страны, уничтожает традицию как факт идентичности. Расчет делался на то, чтобы превратить общество «в белый лист бумаги», на котором амбициозный властитель может писать все, что ему заблагорассудится. Характерна

на в этой связи упорная борьба « великого кормчего» с философией Конфуция, жившего в 6 веке до н. э.

Во взглядах великого философа, Мао увидел одну из причин консерватизма в китайском обществе, преграду в рождении нового человека, который бы знал только его идеологические установки. Конфуций мешал ему конструировать человека будущего, поэтому он в стиле древнего императора Цинь Шихуанди сжигал, конфуцианские книги, преследовал и не доверял образованным людям. Он понимал, что залогом реализации его проекта будущего Китая могут быть только перемены в головах лю-

дей. Китайцы и, в первую очередь молодежь, должны думать по иному, должны изменить стереотипы и мотивацию поведения взгляды на те, или иные проблемы. Этот сверхзамысел «культурной революции» оказался утопией. Добиться этого «великому кормчему», как впрочем и императору Цинь Шихуанди, так и не удалось.

Наиболее разрушительный период «культурной революции» завершился к апрелю 1969 г., когда состоялся IX съезд партии. К этому времени, число пострадавших от этой политической кампании по официальным данным составило более 100 млн. человек. Опасаясь возрастающей роли армии, представители которой контролировали целые провинции, Мао начал вновь восстанавливать партийный аппарат, в который теперь вошли в основном сторонники «культурной революции» и ее выдвиненцы, преданные вождю. Это достижение, добытое огромной ценой, оказалось, пожалуй, единственной ощутимой победой «великого кормчего», да и то как выяснилось позже победой временной.

Главных целей «культурной революции» - перестроить сознание людей и выковать «нового человека социализма» «великому кормчему» так и не удалось. Он это прекрасно понимал, отсюда его пессимизм, когда Мао сказал, что «в ходе этой революции, мы многое не завершили... Возможно через несколько лет придется вновь прибегнуть к революционной практике».

После съезда он отметил даже то, что фундамент господства поднятых им на вершины власти левых радикалов «не крепок». Это было провидческое замечание, так как последующие события - раскол поддерживавших его радикальных сил на две группировки и заговор и последующая трагическая гибель долгое время близкого к нему министра обороны Линь Бяо, привели к тому, что новая элита, сформированная во время «культурной революции», еще до смерти вождя показала свою малую дееспособность. Это было настолько очевидно, что в начале 70-х годов Мао согласился разбавить партийный и государственный аппарат старыми проверенными кадрами из уцелевших во время культурной революции ветеранов КПК вроде Дэн Сяопина. Этот партийный деятель, известный своей эффективностью и компетентностью, был возвращен из ссылки, реабилитирован и стал заместителем Чжоу Эньлая - премьера Госсовета. С возвраще-

нием партийных ветеранов во власть, вновь возникла конфигурация политических сил в верхушке партии, когда с одной стороны находились последователи радикального левого курса, а с другой политики, которые видели будущее Китая в рамках прагматичной и сбалансированной политики, в которой идеология занимала бы подчиненное положение по отношению к национальным интересам Китая.

7. Китай на новом пути развития

Перемены в китайской внешней политике, связанные с установлением отношений с США, стали знаком, того, что «культурная революция» осталась позади, и на повестку дня в Китае все больше выходят прагматичные интересы национального развития. На рубеже 60-х годов после разрыва с СССР китайское руководство осуществляло так называемую линию "трех не принимать": не принимать иностранной помощи, займов и капиталовложений. Опора исключительно на внутренние инвестиции с одной стороны существенно сокращала возможности экономического роста, но с другой позволяла китайской экономике развиваться вне зависимости от мировых кризисов и внешних влияний.

Хуа Гофэн - приемник Мао на посту председателя КПК

Этот курс подвергся переменам, когда Мао в начале 70-х, пошел на американо-китайское сближение. В 1970 г. начались первые секретные контакты представителей Пекина и Вашингтона, а в 1971 г. помощник президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер тайно посетил Пекин. В 1972 г. президент Никсон прибыл в Пекин и встретился с Мао Цзэдуном. В результате, стороны не только установили межгосударственные отношения, но и подписали Шанхайское коммюнике.

В этом документе они фактически позиционировали себя в качестве партнеров в международных делах. КНР, благодаря договоренностям с США, вышла из международной изоляции, получила место в ООН и других ключевых

международных организациях и окончательно отодвинула Тайвань и правивший там гомиьндановский режим, на периферию международных отношений.

Смерть Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 г. несколько затормозила реализацию курса на развитие отношений с США, так как на вершине власти разгорелась новая политическая война. Казалось бы, что все шансы захватить власть были у левых радикалов из числа выдвиженцев «культурной революции». Они занимали главенствующие посты в партии, в средствах массовой информации. Их главный противник - Дэн Сяопин снова был в опале, после того как его обвинили, что он будто бы организовал антиправительственные выступления в апреле 1976 г., когда десятки тысяч людей без разрешения партийного руководства, собрались на центральной площади китайской столицы и демонстративно сложили там венки в память скончавшегося в январе 1976 г. Чжоу Эньлая.

Хуа Гофэн, занимавший пост премьер-министра Госсовета, а затем ставший преемником «великого кормчего» рассматривался левыми радикалами, как слабый политик и не вызывал у них особых опасений. Они считали, что он вполне обычный партийный функционер, который выдвинулся только благодаря тому, что был из одной с Мао провинции и пользовался его полным доверием. Однако, как оказалось, они явно недооценили нового вождя. Тот увидел непосредственную угрозу своему положению со стороны партийных лидеров из числа активистов культурной революции, которые не скрывали своего желания самим без Хуа Гофэна возглавить Китай. В поиске поддержки Хуа Гофэн обратился к партийным ветеранам и при помощи наиболее влиятельного из них - министра обороны КНР маршала Е Цзяньина, сумел организовать арест так называемой «банды четырех», в которую входили лидеры левых радикалов, в том числе и жена Мао Цзэдуна - Цзян Цин. Разгром радикалов привел к тому, что случилось невероятное – казалось бы подавленные и отброшен-

Маршал Е Цзяньин.
*Ключевая фигура в
возвращении к власти ранее
репрессированных ветеранов*

ные на периферию китайской политики прагматики из числа партийных ветеранов и оппонентов Мао, стали один за другим возвращаться во власть, причем на самые высокие посты. В июле 1977 г., несмотря на все предыдущие постановления и статьи, направленные, против Дэн Сяопина, он был восстановлен в качестве заместителя премьера Госсовета, а в августе на XI съезде партии был избран заместителем председателя КПК. В декабре 1978 г. сразу девять крупных руководителей, ранее отстраненных по указанию Мао от своих постов, были введены в состав ЦК КПК и немного позднее, именно они возглавили ключевые партийные и государственные структуры.

*8. Дэн Сяопин у власти: начало эпохи рыночных реформ,
ключевые экономические шаги*

Радикальные перемены в верхушке партии и приход к власти Дэн Сяопина и близких ему людей означали смену приоритетов и курса КПК. Социалистическая модернизация в ее уравнилельной и коллективистской модели была отставлена, как и идея перманентной революции и представление о том, что на пути строительства социализма обязательно происходит обострение классовой борьбы.

Вместо классовой борьбы на первый план в политике КПК вышли совершенно другие вещи. «Новые» - «старые» руководители Китая заявили о необходимости перехода от «революции» к строительству, к сосредоточению усилий на решении проблем экономического характера. В основу их курса была положена стратегия «четырёх модернизаций» - вывода на мировой уровень промышленности, сельского хозяйства, науки и армии. В отличие от первого плана индустриализации, который осуществлялся при кредитно-финансовой и технической поддержке СССР, новый план предполагалось осуществить за счет разворота на Запад - западных кредитов, импорта современных технологий и оборудования из промышленно развитых стран.

В сфере политики новое руководство приступило к массовой реабилитации пострадавших и погибших в годы «культурной революции» людей, возвращения выживших ветеранов на руководящие посты. На волне реабилитаций и критики репрессивной политики эпохи «культурной революции» в стране был несколь-

ко ослаблен политический режим. Людям решили дать возможность свободно высказаться о прошлом и о текущем положении в стране. Благодаря этому в Пекине начался удивительный, но очень короткий период так называемой пекинской весны, когда на одной из улиц появилась так называемая «стена демократии», где разрешили свободно вывешивать дацзыбао с критикой тех или иных решений партийного руководства.

Как и предыдущий опыт политической свободы – месяц расцвета «ста цветов» в конце 50-х, «стена демократии» просуществовала также очень недолго. Как только там появилась ставшая широко известной дацзыбао с требованием «пятой модернизации», а именно введения демократии и многопартийности, эту стену закрыли, а автор дацзыбао провел после этого 18 лет в тюрьмах и лагерях.

Следует отметить, что открытие «стены демократии» вызывалось не только внутренними, но и внешними причинами. Китай во главе с Дэн Сяопином, вступил в многоплановое партнерство с США и Западом и новый вождь стремился показать, что режим способен на смягчение цензуры и ослабление давления на так называемые демократические и прозападные круги интеллигенции.

Правда, как только в Пекине убедились, что вопросы развития демократии в Китае на самом деле мало волнуют новых союзников, «стена демократии» оказалась не нужна и была свернута. В сентябре 1979 г. на пленуме ЦК КПК была осуждена и «культурная революция». В основном докладе она была названа как «потрясающее, чудовищное бедствие», в ходе которого насаждалась «диктатура насквозь прогнившего и самого мрачного фашизма с примесью феодализма». Начался пересмотр всей деятельности Мао. Новым руководством осуждена была и так любимая им практика развития экономики по пути копирования опыта Дачжая и Дацзина, а сам опыт их деятельности был признан ошибочным. Отказ от народных коммун и больших производственных бригад и переход на селе к системе подворного подряда, стал еще одним ударом по созданной в годы культурной революции экономической системе.

Следует сказать, что первые аграрные реформы китайские власти в качестве эксперимента решили провести в одной из провинций, где была ликвидирована коллективная система хо-

зайства, а земля передана в аренду крестьянам на 15 лет, причём право аренды разрешалось перепродавать. Выяснилось, что новая система оказалась высокоэффективной (сборы зерна увеличились на 10 %), и её распространили уже на национальном уровне. Так в Китае была осуществлена земельная реформа, введено свободное ценообразование, и с 1981 г. 98 % сельскохозяйственных земель стало обрабатываться крестьянскими семьями. Преобразования на селе быстро доказали свою эффективность. Если сборы зерна до реформы росли на 2,1 % в год, то после реформы — на 4,9 %. Согласно расчётам экономистов, три четверти роста производительности труда в сельском хозяйстве Китая с 1978 по 1984 год были вызваны аграрной реформой и лишь четверть — улучшением методов обработки земли. В 1985 году, впервые за 25 лет, Китай превратился в экспортёра зерна.

В начальный период реформ стал особенно очевиден прагматичный подход нового руководства к модели развития страны. Доминирующая во власти группа ветеранов внутри себя не была едина: оставались и сторонники плановой экономики, и те, кто выступал за либерализацию и переход к рынку. По многим вопросам среди них бывали споры. Но был один критерий, который объединял всех - делать то, что полезно стране именно в данный конкретный момент. При этом марксистские идеологические клише и принципы отходили на второй план перед прагматическими интересами. Если требовалось жестко на плановой основе контролировать экономическое развитие, то так и делалось, в период 1979-1981 гг. Если требовалась проведение экономической либерализации, рыночных реформ и открытия страны для притока иностранного капитала, то и это успешно воплощалось в жизнь.

При анализе китайских реформ нельзя не отметить еще и их продуманность, сбалансированность, длительность и последовательность. Взяты хотя бы такие ключевые реформы как либерализация цен и либерализация внешней торговли. Эти реформы носили постепенный и хорошо продуманный характер, сочетали в себе плановую и рыночную составляющие. При либерализации цен, например, одновременно использовались и фиксированные цены и гибкие. Каждому предприятию давались плановые задания и выделялись ресурсы для их выполнения. Произведённая в рамках плана продукция оплачивалась по ценам, назначаемым

централизованно. Всё, что было произведено сверх плана, поставлялось на рынок по гибким ценам.

Централизованные цены постепенно повышались, оставаясь, однако, ниже рыночных, поэтому предприятия стремились все время расширять рыночные продажи. Плановые задания специально назначались не особо напряжёнными, так чтобы оставить предприятиям возможность сверхпланового производства. Более того, по мере роста производственных мощностей эти задания увеличивались достаточно медленно или даже уменьшались, так что со временем доля планового выпуска становилась незначительной, и плановые задания могли быть отменены без каких либо отрицательных последствий для системы.

Этот процесс получил название «дуальной либерализации». Идея дуальной либерализации систематически нигде раньше не использовалась и оказалась крайне эффективной. Вводилась она постепенно. В самом начале реформ, в 1978 году, шесть предприятий в провинции Сычуань получили право поставлять сверхплановую продукцию по свободным ценам. В следующем 1979 году это право было делегировано 100 предприятиям. Ещё через год система была распространена на государственные предприятия, производившие 60 % всей продукции. К 1984 году уже все производственные структуры стали участниками свободного рынка, однако, рыночные цены могли быть выше плановых, не более чем на 20 %.

Это последнее ограничение было снято в 1985 году. К 1993 году доля планового выпуска в общем объеме продукции сократилась до 5 %, и план был отменён полностью. Таким образом, процесс либерализации цен и отмены плановых заданий закончился, продлившись 15 лет. Такая постепенная стратегия перехода к рынку позволила Китаю избежать производственного спада, инфляции, доминирования бартера и кризиса неплатежей.

Такой же постепенный осторожный и продуманный подход применялся и в отношении либерализации внешней торговли. Этот процесс продолжался еще дольше, чем либерализация цен - в течение 17 лет, с 1979 по 1996 год, когда Китай, шаг за шагом интегрировался в мировую экономику. Либерализация внешней торговли осуществлялась путём постепенного расширения числа китайских регионов, которым предоставлялись права торговли с границей.

В 1979 году двум провинциям — Гуандун и Фуцзянь были предоставлены специальные права вести внешнеторговый обмен и привлекать зарубежные инвестиции. В 1980 году были созданы четыре специальные экономические зоны (СЭЗ), где были разрешены свободные цены и частная собственность. В 1984 году специальный внешнеторговый статус получили 14 прибрежных городов, в 1988 году — провинция Хайнань, в 1992 году — большинство городов на Янцзы и на границах страны также вошли в зоны развития внешней торговли. Иностранные инвесторы, убедившись в неизменности курса на либерализацию торговли, постепенно поверили в Китай. В результате иностранные инвестиции за один только 1992 год выросли в 2,7 раза. На каждом этапе этой реформы характер предоставляемых прав провинциям несколько различался, но всё это время сохранялись два обменных курса юаня — плановый и рыночный. Лишь к концу 1993 года плановый курс был отменён. Предприятиям, которым это изменение могло нанести ущерб, государство компенсировало потери. К этому моменту разница между плановым и рыночным обменными курсами составляла 50 %, но плановый курс применялся лишь к одной пятой всего объёма внешней торговли. В 1996 году была объявлена конвертируемость юаня по текущим операциям, однако по капитальным операциям сохранился жёсткий государственный контроль. С конца 1990-х годов активная тарифная политика стала дополняться политикой занижения реального валютного курса за счёт накопления валютных резервов.

Как мы видим, избранная Китаем стратегия либерализации внешней торговли позволила избежать массового вывоза сырья вследствие разницы мировых и внутренних цен и подавления внутреннего производства фирмами-импортёрами.

Анализируя экономическое развитие страны в период реформ, следует особо отметить, что и в 80-е и даже в 90-е годы главным мотором экономического роста в стране являлись муниципальные предприятия — городские и сельские. Формально эти предприятия были собственностью небольших городов и сёл, фактически же значительная (не всегда чётко определённая) их доля принадлежала муниципальным администрациям, назначавшим менеджеров. Подобное весьма странное для западной экономики явление смещение бизнеса и государственного управле-

ния было характерно и для других успешных азиатских экономик — Японии, Южной Кореи, Тайваня. В реальной китайской жизни региональные и партийные функционеры, обогащаясь за счёт муниципальных предприятий, обеспечивали им административную поддержку в условиях размытых законов и изменчивых правил, равно как и защиту от посягательств криминальных структур и федеральных органов. Муниципальные предприятия имели более жёсткие бюджетные ограничения, чем государственные, но они обладали большей свободой в выборе цен, формы и уровней оплаты труда, номенклатуры товаров. Бурный рост таких предприятий явился неожиданностью для китайского руководства, но в дальнейшем государство их поддерживало. В частности, они платили меньшие налоги, чем частные фирмы. В ходе реформ доля государственных предприятий в промышленном производстве Китая постепенно снижалась. Если в 1970 году она составляла 88 %, в 1980 году — 75 %, в 1990 году — 55 %, в 1999 году — 28 %.

Считается, что вначале снижение доли государственных предприятий, происходило за счёт быстрого роста муниципальных предприятий, которые выполнили несколько важных задач - инициировали быстрый рост экономики, дали толчок развитию рыночной инфраструктуры, изменили отношение людей к частной собственности и рынку. Что касается частных предприятий, то опережающий рост их доли в промышленном производстве начался только со второй половины 90-х годов.

9. Китай и США - союзники против СССР

Внешняя политика Китая в 80-годы была целиком подчинена решению задач экономического развития. Крайне важным в этой связи стало налаживание сотрудничества с США и их союзниками — индустриально развитыми странами, способными дать Китаю и технологии и финансы на строительство современной промышленности. В 1978 г. было объявлено об установлении дипломатических отношений с США. С того времени стали быстро развиваться политические, экономические и иные связи между двумя государствами, которые нашли общего геополитического противника в лице СССР. Началось взаимное зондирование возможностей военного сотрудничества. В январе-феврале

1979 г. Дэн Сяопин совершил визит в США. В итоговом коммюнике стороны провозгласили совместную оппозицию «гегемонизму третьих стран». Китайский лидер открыто призвал к созданию единого фронта борьбы против СССР, считая, что в него должны были войти КНР, США, Япония, государства Западной

Встреча Дэн Сяопина с президентом США Дж. Картером 29 января 1979 г.

Европы. Одним этим предложением, Дэн политически ввел Китай в состав наиболее влиятельных стран мира, причем в качестве их потенциального союзника. Тем самым, он создал внешнеполитические предпосылки для прихода в Китай транснациональных и прежде всего американских корпораций, для притока иностранного капитала в страну и выхода китайских товаров на мировые рынки и, прежде всего в США. Вашингтон, заинтересованный в таком союзнике в противостоянии с СССР, разра-

ботал в отношении Китая, как там называли - engage policy- то есть буквально «втягивание» Китая в качестве младшего партнера в пространство американской политики. В США рассчитывали даже на организацию совместных с КНР акций на международной арене, направленных против СССР. Поэтому американцы оказывали всемерное содействие росту экономики своего китайского союзника. Только за 80-е годы они вложили в Китай более 600 млрд. долларов инвестиций, открыли свой рынок для притока китайских товаров, передали современные технологии для организации производства. Китай, в свою очередь выступал совместно с США и по проблеме Афганистана и по проблеме Камбоджи, резко снизил напряженность вокруг гоминьдановско-

го Тайваня. В Пекине выдвинули компромиссный лозунг для объединения с мятежным островом - «одна страна – две системы». Смысл его заключался в том, что главным для обеих сторон должно было стать единство Китая, а идеологические разногласия относительно путей развития теряли определяющее значение. В сфере военного сотрудничества с США, китайское руководство пошло даже на то чтобы предоставить американцам свою территорию в Синьцзяне для размещения станций слежения за запуском советских ракет.

10. Дорога на Тяньаньмынь

В политической истории Китая весь период 80-х годов сопровождался серьезными вызовами руководящей роли партии, массовыми общественными выступлениями и глубокими противоречиями в правящем слое партийного руководства относительно ответа на общественный запрос к демократии. Политика «оттепели» направленная на то, чтобы найти общий язык с интеллигенцией, дать возможность ей критиковать политику КПК, проводить общественные дискуссии о демократизации и свободах, привели к формированию довольно многочисленного демократического движения, которое позиционировало себя как оппозиционное по отношению к правящей партии. Угроза дестабилизации власти усиливалась еще и тем, что часть руководства партии, копируя советского лидера М.С. Горбачева, явно симпатизировала демократам и выступала за плюрализм и политические реформы, а другая часть выступала резко против.

Чэнь Юнь - один из конструкторов современной модели развития Китая.

*Чжао Цзыян -
генеральный секретарь ЦК
КПК в 1987-1989 гг., один
из наиболее либерально
настроенных лидеров
партии*

возникло обманчивое ощущение, что достаточно легкого толчка и однопартийная система власти Компартии развалится.

*Ху Яобан - генеральный
секретарь ЦК КПК в 1980-
1987 гг., сторонник
демократизации
политической системы
КНР.*

оружие и пустив в ход бронетехнику, подавили демонстрации на площади Тяньаньмэнь. Тысячи людей погибли, многие оппозиционеры были арестованы и брошены в тюрьмы, а некоторые даже казнены. После этих трагических событий политическая модернизация как демократизация общественно-политической жизни Китая была решительно свернута.

В развернувшейся дискуссии наиболее авторитетные ветераны партии - Дэн Сяопин и Чэнь Юнь полагали необходимым сохранять однопартийную систему. С их точки зрения, допустимо было говорить лишь о «совершенствовании демократии». Более молодые руководители Чжао Цзыян и Ху Яобан готовы были пойти на существенные уступки требованиям оппозиции. Колебания в руководстве КПК относительно того, что делать перед лицом набиравшего силу и популярность демократического движения, как реконструировать политическую систему, привели к тому, что среди оппонентов КПК и сторонников демократии

В апреле 1989 г. в Пекине начались массовые демонстрации под лозунгами демократизации политической жизни, ликвидации однопартийной системы и борьбы против коррупции. В демонстрациях принимали участие сотни тысяч студентов, в том числе приехавшие из других регионов страны. Когда ситуация в городе стала выходить из-под контроля по указанию Дэн Сяопина в Пекин были введены воинские части и танки. В ночь с 3 на 4 июня 1989 г. по приказу главы правительства КНР Ли Пэна и с благословения верховного главнокомандующего Дэн Сяопина военные, применив

В конце июня 1989 г. на пленуме ЦК КПК главного сторонника демократического компромисса с оппозицией - Чжао Цзыяна, объявили в провоцировании этих событий и сняли с поста генерального секретаря ЦК КПК, и вместе с группой сторонников исключили из партии. Однако эти политические события и возвращение к авторитаризму партийной власти, развитие Китая в рамках рыночных реформ не остановили. Уже после Тяньаньмэня, в 90-е годы, страна показала просто феноменальный экономический рост, доказав, что отсутствие демократии никак не мешает строительству экономики мирового уровня и интеграции в глобальные рынки.

ГЛАВА V. ЮВА от окончания второй мировой войны и до распада СССР

1. Общие тренды в развитии стран ЮВА в 40-е-50-е годы

Когда 14 августа 1945 г. император Японии объявил о полной капитуляции, события в странах ЮВА стали развиваться самым стремительным образом:

Во Вьетнаме освободительная армия начала разоружение японских частей, а 16 августа на севере страны был сформирован Национальный комитет освобождения во главе с Хо Ши Мином. Коммунисты действовали быстро и решительно: 19-20 августа они взяли власть в Ханое, а 25 августа император Бао Дай отрекся от престола и признал ее переход к Вьет-Миню и созданному им Национальному комитету освобождения. 27 августа в Ханое было сформировано Временное революционное правительство во главе с Хо Ши Мином. 2 сентября новый премьер-министр провозгласил образование Демократической Республики Вьетнам (ДРВ).

В Индонезии, после получения известия о капитуляции Японии, представители нескольких антияпонских групп, главным образом радикальные националисты и коммунисты, собрали 15 августа 1945 г. совещание, на котором приняли решение просить лидеров национального движения Сукарно и Хатту немедленно провозгласить независимость Индонезии. После некоторых колебаний, Сукарно последовал этой «просьбе» и 17 августа 1945 г. во дворе своего дома в Джакарте огласил Декларацию независимости. На следующий день Исследовательский комитет по подготовке независимости утвердил текст конституции. «Пять принципов» Сукарно - (Панчасила) вошли в конституцию в качестве её главной идейной основы. Приятый документ провозгласил создание независимой унитарной Республики Индонезии, демократические права, равенство всех граждан перед законом, право на труд и образование, свободу собраний, союзов, слова, печати, вероисповедания. Экономические статьи консти-

туции, провозглашали решающую роль государства в экономике и контроль над деятельностью иностранного капитала. В качестве временного представительного органа учреждался Центральный Национальный Комитет Индонезии, в обязанности которого входила, в частности, подготовка к созданию постоянных законодательных органов власти. Центральный Национальный Комитет Индонезии (ЦНКИ) был сформирован 29 августа 1945 года и эта дата считается сегодня началом индонезийского парламентаризма. Президентом республики стал Сукарно, а в правительство вошли популярные лидеры различных политических партий, среди них были и представитель Компартии Амир Шарифуддин. На местах стали создаваться органы власти — Национальные комитеты, а на основе батальонов Пета - индонезийские вооруженные силы.

Послевоенное развитие событий во Вьетнаме и в Индонезии - это частные примеры одной тенденции, которая распространилась по всем странам ЮВА. За время войны соотношение политических сил в них кардинально изменилось. Коммунисты и левые националисты, которые наиболее последовательно выступали против японских оккупантов за национальную независимость и социальную справедливость, осенью 1945 г. либо пришли к власти как во Вьетнаме, либо превратились во влиятельную политическую силу как в Бирме и Малайе, и находились буквально в шаге от власти. Они были влиятельны в Таиланде, на Филиппинах, в Индонезии представитель Компартии несколько позже занял пост премьер-министра.

Можно сказать, что не будь возвращения колонизаторов, весь регион имел высокий шанс продолжать модернизацию в рамках социалистической альтернативы. Только лишь в наименее развитых странах - Камбодже и Лаосе в силу абсолютного господства традиционалистов левонастроенные реформаторы и появившиеся там местные коммунисты, связанные с КПИК оказались вне органов власти.

Эпоха первоначальной независимости для стран ЮВА, когда тон почти везде задавали коммунисты, оказалась, однако очень краткой и продолжалась всего несколько недель - от капитуляции Японии и до появления американских, британских и французских войск. Вслед за их приходом и разоружением японских

гарнизонов, в страну прибывали из эмиграции представители администрации старых метрополий. При этом и голландцы, и французы и даже англичане не вполне осознавали масштаб перемен в национальных сообществах. Они не верили, что за время войны ситуация кардинально изменилась и возвращения к старому порядку невозможно. Из-за этого непонимания и желания старых метрополий в том или ином виде восстановить свою власть, национальные сообщества в странах ЮВА вынуждены были вновь бороться за свою независимость. При этом эта борьба оказалась длительной, долгой и кровавой, так как в них параллельно происходили как-бы две войны - одна за независимость, а вторая гражданская, за власть между прозападными националистами и просоветскими коммунистами.

Дело в том, что после возвращения администрации и войск бывших колонизаторов почти во всех государствах ЮВА опять произошла перегруппировка политических сил. Если капитуляция Японии обозначила уход с национальной политической сцены коллаборационистов, сотрудничавших с японскими властями, которые были объявлены предателями, и восхождение к власти левых - коммунистов и социалистов, ставших патриотами и национальными героями, то возвращение бывших колониальных властей ситуацию вновь радикально поменяло. Бывшие - новые колониальные власти после недолгих сомнений практически повсюду поддержали антикоммунистические партии и политиков, причем даже тех, кто сотрудничал с оккупантами. Более того, опираясь на них, игнорируя их предательство во время войны, бывшие колониальные державы организовали подавление коммунистов и в Малайе и на Филиппинах. В Таиланде коммунисты вновь были загнаны в подполье после переворота 1948 г., а противоречия и амбиции коммунистов и левых социалистов вызвали раскол на левом фланге и привели как, например, в Бирме к гражданской войне между левыми националистами и коммунистами.

В результате гражданских войн, завершившихся в большинстве стран лишь к середине 50-х годов, бывшие коллаборационисты, опираясь на возвратившихся колонизаторов, вновь оказались на вершине власти, а коммунисты превратились в вооруженную оппозицию, сопротивление которой постепенно ослабе-

вало. Вся эта длительная и кровавая война прозападных и прокоммунистических сил привела к тому, что регион на многие десятилетия превратился в один из фронтов начавшейся холодной войны. Из всех государств ЮВА коммунисты сумели победить и закрепиться лишь на Севере Вьетнама. На Юге же власть оказалась в руках антикоммунистов, впрочем, как и во многих других странах этого региона.

Интересно, что ни в одной из стран ЮВА за исключением Камбоджи и Лаоса традиционалистская и монархическая альтернатива серьезного влияния на ход политической борьбы не оказывала. Попытка французов использовать авторитет императорской династии и императора Бао Дая во Вьетнаме никакого отклика не вызвала. Скорее ставка на этого монарха только ослабила их позиции. А в Камбодже король Сианук, чтобы его не отождествляли с монархической традицией, в 1955 г. сам отрекся от престола, и возглавил политическую партию, одержавшую победу на выборах.

2. Первая индокитайская война и превращение ЮВА в «горячий фронт» «холодной войны».

Наиболее значимым событием в ЮВА в первые годы после окончания Второй мировой войны оказалась так называемая Первая индокитайская война (1945–1954 гг.), итоги которой повлияли как на будущее региона, так и всего мира.

Вьетнамский кризис начался с того, что французские власти, вернувшиеся во Вьетнам, отказались признать законность действий Вьет-Миня и провозглашение ДРВ. 23 сентября 1945 г. французский экспедиционный корпус внезапным ударом овладел Сайгоном и сверг местную вьетнамскую администрацию. В Ханое французы появились в октябре 1946 г., когда подразделения китайской армии, разоружавшие японские части, были выведены из северных районов Вьетнама. Попытки реставрации власти Франции и давление на ДРВ становилось все более жестким. В декабре 1946 г. руководство ДРВ теснимое со всех сторон французами обратилось по радио к народу с призывом взяться за оружие. Развернувшиеся военные операции складывались для войск Вьет-Миня неудачно. Они потеряли контроль над города-

ми, военная инициатива принадлежала французам, которые попытались консолидировать в это время все вьетнамские политические силы на платформе антикоммунизма и национальной монархической традиции - вокруг бывшего императора Бао Дая, который вновь возглавил страну. 31 декабря 1949 г. они предоставили государству Вьетнам во главе с Бао Даем внутренний суверенитет. Правительство США, Англии и других стран Запада заявили о признании правительства Бао Дая, как единственного законного правительства Вьетнама. В то же время СССР и Китай в качестве единственного и законного признавали отступившее в горы на Севере Вьетнама правительство ДРВ.

Военная ситуация во Вьетнаме коренным образом изменилась после выхода войск китайских коммунистов на его северную границу в 1949-1950 г. Вьетнамские части, получив значительную помощь, перешли в контрнаступление, финалом которого стало поражение французской армии в районе Дьенбьенфу, где ранеными, убитыми и пленными она потеряла 16 тыс. человек. Это поражение вынудило французские власти начать переговоры о мирном урегулировании в Индокитае. На конференции в Женеве, состоявшейся в 1954 г., при участии великих держав и всех заинтересованных сторон, были приняты решения о прекращении боевых действий и восстановлении мира в Индокитае. В отношении Вьетнама стороны согласились установить примерно по 17 параллели временную демаркационную линию. С каждой стороны от этой линии создавалась демилитаризованная зона шириной 5 километров. На севере от временной военной демаркационной линии должны были разместиться вооруженные силы Вьет Миня, а на юге — силы Французского Союза. В соглашении также предусматривалось, что «гражданская администрация в каждой зоне перегруппировки обеспечивается сторонней, вооруженные силы которой должны быть там перегруппированы». При этом специально подчеркивалось, что это положение должно было существовать лишь «до проведения всеобщих выборов, намеченных на 1956 г. которые должны были «осуществить единство Вьетнама».

В реальности Вьетнам после Женевы оказался фактически расколот на две противостоящие друг другу части — коммунистический Север и антикоммунистический Юг. На две части рас-

кололся и Лаос, где контролируемые лаосскими коммунистами боевые части должны были перегруппироваться в восточных провинциях Пхонгсали и Самнеа, перешедших надолго под их контроль. Из стран, входивших во Французский Индокитай, только Камбоджа, благодаря активности и решительности короля Сианука, обещавшего создать всем политическим силам равные возможности, сумела избежать разделения по политико-идеологическому принципу.

Женевские соглашения по Индокитаю, завершившие первую индокитайскую войну, не принесли прочного мира. Вьетнам и Лаос оказались разделены на противостоящие друг другу политические образования, каждое из которых опиралось на помощь и поддержку противостоявших друг другу в уже начавшейся «холодной войне» великих держав. В Камбодже вместо политических свобод коммунисты оказались под наблюдение полиции, а их лидеры, опасаясь арестов, вынуждены были либо уйти в подполье, либо уехать в эмиграцию в ДРВ. В сохранении реального противостояния, которое на время перешло как-бы в латентную фазу, заключалась внутренняя непрочность мира, установленного в Женеве, и лежали предпосылки для нового витка вооруженной борьбы.

3. Бирма, Таиланд, Филиппины, Индонезия, Малайзия и Сингапур - политические и экономические процессы в 40-60-е годы

Бирма в 40-50- годы проделала сложный путь, оказавшись в итоге под властью военного и социалистического по сути режима, который на десятилетия определил вектор развития страны. В 1948 г. страна мирным путем получила независимость от Великобритании, возглавляемая в это время левыми националистами из АЛНС, тесно связанными с коммунистами. Этот блок просуществовал недолго, так как после гибели в результате террористического акта в 1947 г. наиболее авторитетного лидера АЛНС Аун Сана и большинства членов ее руководства, к власти в этой партии пришли националисты уже не левые, а правые, видевшие в коммунистах не союзников, а соперников. АЛНС имел подавляющее большинство в представительных органах власти в центре и на местах и пользовался поддержкой значи-

тельной части населения. Борьба за власть между Лигой и Компартией быстро вышла за рамки собственно политической борьбы и переросла в войну гражданскую, которая сразу же приняла затяжной характер. К 1950 году правительственные войска поставили под свой полный контроль основные равнинные рисопроизводящие районы, оттеснив коммунистов, их военные формирования, а также отряды национальных меньшинств — шанов, каренов, чинов и монов в отдаленные горные районы, где те сумели закрепиться и отразить многочисленные атаки войск центрального правительства.

После проведенных в 1951 г. выборов, вся власть в Бирме сконцентрировалась в руках премьера У Ну и его окружения, которые быстро разочаровали бирманское общество и особенно армию масштабом коррупции и воровства, некомпетентностью, неэффективностью реформ, а главное стремлением вновь восстановить связи с Британией и с США и, тем самым, как полагали многие офицеры-националисты, вновь поставить страну в зависимость от империалистических держав. Из-за непрекращавшейся гражданской войны, а к 1958 г. по официальным данным насчитывалось до девяти тыс. повстанцев разного толка, а по неофициальным намного больше, роль армии в стране все время возрастала, а гражданское правительство практически не обладало над ней контролем. В конце концов военные, которые фактически превратились в отдельную и независимую касту, в 1962 г. совершили переворот, свергли гражданское правительство и сформировали свое во главе с генералом Не Вином. После этого они обнародовали программу реформ, названную «бирманский путь к социализму», ввели запрет на все иные политические партии, кроме созданной ими Партии бирманской социалистической программы (ПБСП). В стране был установлен военно-тоталитарный режим, который и по своим целям, и по характеру своей политики, был очень близок к китайско-северовьетнамским образцам процесса модернизации. В принятой в 1974 г. конституции было записано, что «буржуазная демократия и парламентаризм лишь укрепляют в Бирме власть феодалов, помещиков и капиталистов». Целью государства было объявлено строительство социализма, государственный строй был назван социалистической демократией, а социалистическая

система объявлена его экономическим фундаментом. В рамках реформ экономическая политика правящего режима стала носить резко антизападный и антикапиталистический характер. Не Вин заявил, что частный сектор «несовместим с нашими целями», и провел широкую национализацию, и огосударствление всех сфер экономики. Все банки были национализированы и названы народными. Потом были национализированы закупка, распределение и экспорт риса, а также лесозаготовки и лесопереработка. В 1964 г. военные объявили о национализации всех торговых и торгово - посреднических фирм. Так в Бирме надолго сложилась удивительная политическая система, где правили военные, которые проводили социалистическую политику и при этом вели ожесточенную борьбу с коммунистической партией. Интересно, что в соседнем Таиланде власть также с небольшими перерывами находилась в руках военных. Там они ориентировались на США, но делали ставку на развитие частного предпринимательства и привлекали иностранные инвестиции, В Бирме же наоборот военные видели в США главного врага, боролись с частной собственностью и даже не помышляли о развитии демократии. Они модернизировали страну в рамках коммунистической модели, но без коммунистов, которых они ожесточенно преследовали, уничтожая их базы и лагерь. В конечном итоге такая политика военных отбросила страну на периферию процессов развития в ЮВА и, во многом, предопределила неизбежность столкновения правящей военной элиты и общества на рубеже 80-х-90-х годов.

В Таиланде лозунги национального освобождения и независимости, игравшие такую важную роль в других странах региона, особого значения не имели. На первом плане здесь стояли вопросы внутреннего развития, и связанная с ними проблема внешнеполитической ориентации. С окончанием войны власть вновь перешла в руки левых политиков - Приди Панамиионга и его сторонников, известных своими просоциалистическими экономическими и политическими взглядами. В сфере экономики они предложили полную национализацию промышленности и сельского хозяйства, а в сфере политики выступали за более активное участие таиландских коммунистов в политической жизни страны. Созданный сторонниками Приди политический блок —

Конституционный фронт, одержал убедительную победу на выборах в Национальную Ассамблею в январе 1946 г., имел тесные контакты с тайландскими коммунистами, находившимися официально в подполье. Правительство Конституционного Фронта добилось принятия новой, более демократической конституции, всячески поощряло создание крестьянских кооперативов, пыталось законодательно ограничить рост цен на продовольственные товары. Это правительство официально разрешило легализовать и развернуть политическую деятельность Компартии Таиланда, а также пошло на установление дипломатических отношений с СССР.

Усиление влияния коммунистических и прокоммунистических сил в Таиланде, возможный поворот страны в русло социалистической альтернативы не могли не вызвать вполне определенной негативной реакции со стороны США. Планы США по смене политического режима и укреплению позиций прозападных сил облегчались тем, что внутри Конституционного Фронта не прекращались внутренние споры и столкновения между центристами, с одной стороны, и левыми радикалами, близкими к коммунистам, — с другой. Кроме того сам Приди Панамонг настойчиво проводил непопулярный курс на упразднение монархии и провозглашение республики, а также заметно расширил возможности китайской иммиграции и натурализации в Таиланде, что также не прибавило ему общественной поддержки.

Весной 1947 г. вокруг бывшего диктатора Пибуна Сонграма, который вышел из тюрьмы, военные образовали партию с многозначительным названием Тамматипат (Право — в силе). Вскоре они под предлогом защиты страны от коммунистов, совершили военный переворот. Приди Панамонг и его сторонники вынуждены были бежать за границу, либо скрыться в джунглях, где с этого времени стало развиваться повстанческое движение. Возвратившийся к власти Пибун Сонграм, запретил деятельность КПТ, которая вновь перешла на нелегальное положение. Попытка коммунистов военным путем противостоять армии не удалась. Отряды Компартии были плохо вооружены и хуже обучены, поэтому, они быстро оказались оттесненными на дальнюю периферию в отдаленные и пустынные районы на северо-востоке и крайнем юге Таиланда. Поддерживая политику

военного режима, США в 1949 г. сняли секвестр с тайландского золота (43 млн. долл.), хранившегося со времени Второй мировой войны в Японии. В том же году при их непосредственной поддержке Таиланд был принят в Международный банк реконструкции и развития (МБРР), откуда стал получать ежегодные займы на выгодных условиях. В сентябре 1950 г. между Таиландом и США были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, а позже и о взаимной военной помощи. Режим Пибуна Сонграма, в свою очередь, отправил на поддержку американских войск в войне в Корее почти четыре тыс. тайских солдат. В 1954 г. Таиланд вступил в созданный для борьбы с распространением коммунизма блок СЕАТО (Организация договора Юго - Восточной Азии) и на долгие годы превратился в ближайшего союзника США в ЮВА.

В сфере экономики тайландские военные власти сделали ставку на привлечение в страну иностранного капитала и создание ему наиболее благоприятных условий для деятельности. В октябре 1954 г. был принят закон о развитии промышленности, в соответствии с которым почти 30 отраслей производства получили особые льготы: снижение пошлин на сырье и оборудование для новых предприятий, освобождение от налогов до трех лет, право свободного вывоза прибыли за границу, гарантию от национализации. В том же 1954 г. правительство Таиланда заключило соглашение с Агентством международного развития США о страховании имущества американских инвесторов в Таиланде от конфискации, убытков или запрета репатриации капитала и вывоза прибылей. В конце 1958 г. военными был отменен как «социалистический» закон о труде. Эта акция, как и запрещение профсоюзов, должна была гарантировать иностранным инвесторам особую дешевизну тайландской рабочей силы. В 1962 г. был издан закон о поощрении инвестиций, согласно которому подоходный налог с организуемых иностранцами предприятий не должен был превышать 25%, а налог на вывоз прибылей — 15%.

В поощряемых отраслях (к ним были отнесены все основные отрасли промышленности и часть сферы услуг) иностранный капитал наравне с местным получал право беспошлинного импорта оборудования и экспорта готовой продукции, право свободного перевода капиталов за границу, освобождение сроком на

пять лет от подоходного налога и пошлин на импорт сырья. Все эти меры дали значительный эффект. Если за период с 1951 по 1958 г. иностранные капиталовложения в Таиланде выросли всего на 24 млн. долл. (со 140 млн. до 164 млн. долл.), то за такой же отрезок времени — с 1959 по 1966 г. — уже на 355 млн. (до 519 млн. долл.), то есть в 14 с лишним раз больше, чем за предыдущее семилетие. К концу 1969 г. общая сумма частных иностранных капиталовложений в Таиланде достигла 787 млн. долл., а темпы экономического роста стали одними из самых высоких в мире.

*Первый президент независимых
Филиппин Мануэль Рохас.*

Политическое сосуществование коммунистов и антикоммунистических правительств, оказалось возможным и на Филиппинах. После освобождения страны от японцев, филиппинские коммунисты вышли из подполья. Они попытались действовать в легальном поле и, образовав так называемый Демократический Альянс с частью левых националистов, превратились в одну из ведущих политических сил в стране. Естественно, что возможный приход коммунистов к власти на Филиппинах не мог устро-

ить американскую администрацию. Поэтому накануне предоставления стране независимости США решили поддержать в качестве будущего президента не действовавшего Осменью, тесно связанного с левыми и шедшего на выборы при непосредственной поддержке Демократического Альянса, а лидера правого крыла Национальной партии Рохаса, яркого антикоммуниста, тесно сотрудничавшего в годы оккупации с японцами. Накануне всеобщих выборов группировка Рохаса, объединенная в так называемую Либеральную партию, получила практически неограниченную финансовую административную и пропагандистскую поддержку со стороны американцев. Это сказалось на результатах выборов: Демократический Альянс выборы проиграл, а Ро-

хасу удалось победить с очень небольшим преимуществом, получив 54% голосов.

Провозглашение независимости Филиппин состоялось 4 июля 1946 г. Государственное устройство страны, определенное конституцией 1935 г., было целиком скопировано с американских образцов — президентская форма правления, двухпалатный конгресс в качестве высшего законодательного органа. Уже в 1947 г. правительство Рохаса подписало с США соглашение о предоставлении военных баз и о получении от США военной помощи для армии Филиппин. После этого, собрав все силы, в ходе короткой военной кампании, армией были подавлены, находившиеся под контролем Компартии отряды Хукбалахап. Поражение коммунистов сначала на выборах, а потом в короткой гражданской войне, фактически предопределило на долгое время прозападный и проамериканский внешнеполитический курс Филиппин.

В Индонезии, после окончания войны, политическое лидерство в борьбе за независимость оказалось у националистов, с которыми коммунисты, перешедшие на легальное положение в октябре 1945 г., вступили в противостояние. Созданные под эгидой Компартии «красные отряды» вступили в вооруженные столкновения с отрядами националистов, закончившиеся так называемыми Маджунскими событиями 1948 г., когда силы коммунистов оказались полностью разгромленными, а сама партия оказалась на грани уничтожения.

Вся эта политическая борьба происходила на фоне голландской интервенции, когда бывшая колониальная держава попыталась вернуть власть в Индонезии. После целой серии военных столкновений переговоров и соглашений голландцы вынуждены были признать невозможность восстановления своей власти, и подписали соглашения так называемого «круглого стола», в соответствии с которыми в декабре 1949 г. на свет появились Соединенные Штаты Индонезии (СШИ), а Сукарно был избран их президентом. Такая форма организации индонезийского государства существовала недолго. Националисты стремились к созданию унитарного государства, а не федерации, поэтому, после разгрома основного центра сепаратистов на Западном Борнео (Калимантан) в январе 1950 г. они подготовили, а 17 августа

1950 г. в парламенте приняли так называемую временную конституцию Индонезии уже как единого унитарного государства.

Президент Сукарно, ставший к этому времени бесспорным национальным лидером, заявил о преимуществах социалистического выбора для Индонезии, о том, что он желает строить общество социальной справедливости и взял курс на сближение с СССР и КНР. Коммунисты выступили в его поддержку, а Сукарно, в свою очередь, помог им оправиться от Мадиунского разгрома. Такое сотрудничество было со стороны Сукарно во многом вынужденным, так как кроме него другим центром консолидации политических сил в стране стала армия, которая оставалась по большей части на антикоммунистических позициях и видела в коммунистах не только идеологических противников, но и агентов китайского влияния. Военные были против сближения с Китаем, социалистических экспериментов и шумных кампаний коммунистов по разжиганию классовой борьбы в деревне, путем изъятия «лишней» земли у зажиточных крестьян и раздачи ее бедным.

Постепенно в Индонезии сложилась политическая система, основанная на определенном балансе политических сил, когда сильные коммунисты на левом фланге и сильная армия на правом, как-бы противостояли друг другу, а между ними играя на их противоречиях, выстраивал свою политику президент Сукарно.

*Унтунг Шамсури -
военный руководитель
попытки переворота в
Индонезии*

Решающие события, показавшие всю непрочность сложившейся политической конструкции, произошли в ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 г., когда группа военных, состоявшая в основном из младших офицеров, связанных с КПИ, захватила президентский дворец и радиостанцию. При этом мятежники объявили, что образованное ими «Движение 30 сентября», действовавшее в армии, приняло меры против «Совета генералов», который якобы планировал государственный переворот при поддержке ЦРУ. Шесть генералов, руководившие

армией, были похищены и расстреляны, однако успеха мятежникам добиться не удалось. Генерал Сухарто ввел преданные ему войска в столицу и разгромил сопротивление немногочисленных групп заговорщиков. 2 октября авиабаза, где они держали отстраненного от власти президента Сукарно и, где находилась штаб-квартира так называемого Революционного совета, была захвачена, а сам лидер мятежников подполковник Унтунг Шамсури бежал, а позже был арестован и расстрелян.

Разгром военного мятежа радикально изменил расстановку политических сил в стране. Уже 8 октября деятельность Компартии была запрещена в Джакарте, несколько позже и в других регионах страны. Карательные части начали массовые аресты и расстрелы коммунистов, стремясь не допустить организованного ухода КПИ в подполье и организацию партизанской войны. Сотни тысяч людей, связанных с КПИ, ее рядовых членов были истреблены в ходе начавшейся бойни. Компартия после этого разгрома была удалена из политического поля, а сам президент Сукарно, вынужденный под давлением военных подписать 11 марта 1966 г. указ о передаче всех властных полномочий генералу Сухарто, оказался фактически отстраненным от власти. Победившие военные не только отодвинули Сукарно от власти, а потом поместили его под домашний арест, но и на годы установили в стране военный режим, который жестко контролируя политическое поле, направил индонезийскую экономику на модель роста на основе привлечения иностранных капиталов и интеграции в азиатские и глобальные рынки.

Провозглашение в июле 1947 г. Малайской Федерации и введение новой конституции 1 февраля 1948 г. можно считать точкой отсчета для многолетней войны, которая охватила Малайю в конце 40х — начале 50х гг. В этом противостоянии на одной стороне выступала политическая элита сначала малайской, а через некоторое время и китайской общин, которые опирались на английскую колониальную администрацию, а на другой — Ком-

Президент Сухарто

партия Малайи, рассчитывавшая на поддержку китайских сельскохозяйственных и плантационных рабочих, и на сквоттеров. Компартия Малайи требовала немедленной независимости, не признала принятых англичанами документов, заявила о начале борьбы против британской власти.

Реальные боевые действия начались после того, как партизанами были убиты три британских плантатора. Обвинив коммунистов в этом преступлении, британские власти 2 июля 1948 г. ввели в Малайе чрезвычайное положение. Коммунистическая партия ответила атаками на британские посты и военные базы. Наибольшего успеха малайские коммунисты добились в 1950-1951 гг. Тогда, в частности, был убит сам верховный комиссар по делам Малайи Генри Терней, который с трудом справлялся с обороной ключевых районов от действий партизан. Освободительная армия разрослась к этому времени до 13 тысяч человек, а Компартия Малайи, располагала еще 40 тысячами вооруженных бойцов – подпольщиков. Против коммунистов действовали вооруженные силы Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. В стране было сосредоточено 250 тысяч британских, 40 тысяч австралийских и новозеландских военнослужащих и подразделения малайской полиции общей численностью до 60 тысяч человек.

Война с коммунистами в Малайе носила характер классической партизанской войны. Ее история не знает позиционных боев, масштабных боестолкновений. Как правило, противостояние осуществлялось по линии партизанская группа – отделение или взвод британской морской пехоты. В противодействии Компартии Малайи британские власти использовали не только военную силу, но и политические и социально-экономические методы, которые должны были ослабить поддержку населением коммунистических отрядов. Прежде всего, англичане постарались завоевать симпатии малайцев. Поскольку партизанское движение практически полностью было китайским, у малайцев оно особой поддержкой и так не пользовалось. На это и делали упор англичане, поддерживая малайских крестьян продовольствием и медикаментами и всячески демонстрируя свое дружелюбное к ним отношение. В результате, китайцам, ушедшим в джунгли, пришлось действовать практически без опоры на деревенских жите-

лей – малайцев, что негативно сказалось на тыловом обеспечении партизанской армии. Вторым стратегическим решением англичан, стало переселение китайцев в так называемые «новые деревни», под контроль британских военных. Этим колониальные власти также хотели отсечь потенциальную социальную базу партизан.

Хотя война продолжалась долгих 12 лет, вплоть до 1960 г., но ее результат в целом определился уже в начале 50-х, когда стало ясно, что коммунисты потерпели серьезное поражение. К концу 1953 г. численность их отрядов сократилась до нескольких сот человек и с тех пор серьезного влияния на развитие политических процессов в Малайе они уже оказать не могли, так как по большей части были оттеснены в джунгли. Власть в стране англичане передали в

руки малайской политической элиты, несмотря даже на то, что на протяжении всего периода японской оккупации именно малайские султаны и их окружение наиболее активно сотрудничали с японцами. Английские власти сделали примерно такой же политический маневр, как американцы на Филиппинах и в Таиланде. Их настоящие союзники по антияпонской борьбе, а генсек Компартии Малайи Чин Пен принимал участие в параде победы в Лондоне и был награжден высшими британскими орденами, превратились после войны в их идеологических и политических противников. В то же время коллаборационистские силы, занимавшие жестко антикоммунистические позиции, выступавшие в ходе войны против англичан, стали их главной опорой.

Политическое ядро формируемого нового малайского государства составили организации, представлявшие интересы малайской и китайской элит. В 1952 г. Объединенная малайская организация (ОМНО) и китайская ассоциация Малайи КАМ заключили соглашение о союзе и выступили с требованием скорейшего проведения федеральных выборов. Несколько позже, в октябре 1954 г., к союзу двух партий присоединился представлявший интересы большинства индийцев Индийский конгресс

*Чин Пен – лидер
Компартии Малайи*

Малайи. Все эти три партии образовали так называемую Союзную партию, которая на выборах 1955 г. получила 51 из 52 мест, и на долгие годы превратилась в доминирующую политическую силу Малайи.

*Ли Куан Ю -
премьер-министр Сингапура,
«отец» сингапурского
экономического «чуда»*

Бурные события, происходившие в Малайе в 1946–1948 гг. затронули и Сингапур. Дело в том, что в Сингапуре Компартия Малайи обладала традиционным влиянием, особенно среди городских рабочих и беднейших слоев населения. Под контролем коммунистов находились общественные организации, политические партии, рабочие профсоюзы. Поэтому, хотя вооруженной борьбы после июня 1948 г. в городе и не было, на колонию было распространено действие чрезвычайных законов, принятых в Малайе против коммунистов. Политические и общественные организации, подозреваемые в связях с КПМ, были запрещены и распущены. Та же участь постигла и левые профсоюзы, связанные с коммунистами. Образовавшийся политический вакуум оказался довольно быстро заполнен политическими и общественными движениями не коммунистической, а скорее левонационалистической ориентации. Они объединились в рамках Партии Народного действия (ПНД). Эта организация, которая на десятилетия будет доминировать в сингапурской политике, на выборах в апреле 1955 г. в Законодательный совет колонии вместе со своими политическими союзниками впервые получила большинство. На выборах 1958 г. ПНД победила уже самостоятельно, а когда в июне 1959 г. официально было провозглашено самоуправление Сингапура, то лидер ПНД Ли Куан Ю на долгие годы занял пост премьер-министра.

Что касается модели экономического развития, то и в Сингапуре и в Малайе, которая добилась независимости от англичан в 1957 г. и превратилась в Малайскую федерацию, формировалась она примерно по одному образцу. Руководство Союзной партии, как и ПНД в Сингапуре официально заявило о своем намерении

поощрять приток иностранных инвестиций в страну и не препятствовать свободному переводу за рубеж капитала и прибыли. После выборов 1959 г. правительством Малайской федерации был взят курс на ускорение темпов индустриализации и структурное преобразование хозяйства. Стержнем в решении этих задач стало развитие национального частного предпринимательства и поощрение иностранных инвестиций. В 1958 г. был принят закон о предоставлении статуса «первооснователя», который получали местные вкладчики капитала или акционерные общества, создававшие предприятия в отраслях, недостаточно развитых или жизненно важных для интересов страны. «Первооснователи» освобождались от подоходного налога на срок от двух до пяти лет, причем, чем больше был инвестируемый капитал, тем большим было и налоговое освобождение. Что касается иностранных инвестиций, то вкладчикам из стерлинговой зоны было предоставлено право свободного изъятия капитала и перевода прибылей, процентов и дивидендов. С рядом стран были подписаны соглашения об освобождении иностранных компаний от дополнительного налогообложения и о выплате компенсаций в случае национализации или конфискации их имущества. Все эти меры дали мощный толчок национальной экономике, позволили стране выйти на устойчивые 7–8% роста ВВП в год.

В Сингапуре правительство Ли Куан Ю придерживалось примерно такого же курса, причем развитие модели экономики, ориентированной на экспорт, происходило в рамках госкапитализма, когда наиболее крупные и эффективные производства оставались в собственности государства. Они получили широкую самостоятельность в определении экономической политики и привлечении инвестиций и вполне органично вписались в структуру открытой рыночной экономики.

4. Предпосылки для формирования АСЕАН

Если в целом рассмотреть экономическое развитие региона в период 50–60х гг., то можно сказать, что страны Юго-Восточной Азии существовали в это время в рамках самых разнообразных экономических систем. Там, где определяющее влияние на власть оказывали коммунисты и близкие к ним по взглядам на-

ционалисты левого толка, использовалась модель, при которой определяющими мерами в экономике становились национализация, огосударствление даже мелкого бизнеса, ликвидация помещичьего и, вообще, крупного землевладения и создание производственных кооперативов в деревне, вытеснение из страны иностранного капитала.

Там, где к власти приходили националисты центристского толка, стремившиеся держаться на равноудаленной дистанции, как от прокоммунистических, так и прозападных влияний, использовалась иная модель, при которой основные предпочтения отдавались местному национальному капиталу, тесно связанному с властью, при вытеснении или серьезном ограничении иностранного. Там, где у власти находились последовательные антикоммунисты, опиравшиеся в своей политике на поддержку стран Запада и, прежде всего, США, использовалась модель открытой экономики — создание максимально выгодных условий для привлечения иностранного капитала, развития страны, в тесной связке с деятельностью транснациональных корпораций (ТНК) и мировыми товарными рынками.

Ко второй половине 60-х гг. стало все более очевидно, что наиболее эффективные результаты, с точки зрения ускорения развития национальной экономики, дает как раз последняя модель. Заметное расширение американского присутствия в регионе, связанное с начавшейся Второй индокитайской войной, смена политического режима в Индонезии, резко расширили поле распространения модели открытой экономики. В это время она становится все более определяющей для таких стран, как Таиланд, Малайзия, Индонезия и Сингапур. На Филиппинах также возникает в это время сильное движение за то, чтобы реформировать экономическую модель, приблизить ее к образцам открытой экономики.

Все эти перемены в сфере политики и экономики создавали условия для сближения экономических систем в наиболее развитых странах ЮВА. Дополнительный импульс к сближению придавала их общая антикоммунистическая политика, когда борьба с коммунизмом и коммунистами провозглашалось как чуть ли не главная задача государства. Так, постепенно, общая экономическая модель, общий враг и противник в лице коммунистов,

общий друг и союзник в лице США, объединили на антикоммунистической основе пять наиболее развитых стран ЮВА. Взаимное сближение Таиланда, Малайзии, Сингапура, Филиппин и Индонезии поддержали, а некоторые аналитики полагают, что даже инициировали американцы, заинтересованные в условиях новой индокитайской войны в союзе всех антикоммунистических сил в регионе. Сложение этих факторов и сформировало фундамент движения их навстречу друг другу, выработку общих для всех стран «правил игры», что позволило безболезненно вступить на путь региональной экономической и политической интеграции в рамках, созданной в 1967 г. Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

*5. Вторая индокитайская война и ее последствия:
коммунистический Индокитай против капиталистического
АСЕАН*

События в Юго-Восточной Азии в 60-е, начале 70-х годов определялись американской агрессией во Вьетнаме, где разгорелась уже вторая индокитайская война. В августе 1964 г. американцы использовали так называемый «Тонкинский инцидент», когда северовьетнамские корабли, якобы атаковали американский эсминец, как повод для начала агрессии. Они приступили к массовой переброске своих войск в Южный Вьетнам и начали ожесточенные налеты авиации на территории ДРВ. В этот момент конфликт коммунистического Северного Вьетнама и антикоммунистического Южного превратился в фактор глобальной политики, так как за спиной ее участников - Северного Вьетнама встали Китай и СССР, а за спиной Южного - США и их союзники.

Движение к новой войне началось, когда в ответ на подавление коммунистов на Юге Вьетнама и отказа южновьетнамского

*Нго Динь Дьем -
антикоммунист и
южновьетнамский
диктатор, не желавший
быть марионеткой США*

диктатора Нго Динь Дьема проводить, как было записано в Женевских соглашениях, всеобщие выборы на Юге, руководство ДРВ решило возобновить там вооруженную борьбу. Первая группа коммунистов с Севера прибыла на Юг в августе 1959 г., где после этого стали появляться первые крупные партизанские отряды, которые занимали значительные территории, и образовывали так называемые «освобожденные районы». В одном из них 20 декабря 1960 г. и был образован Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, в который вошли как прокоммунистические организации Юга и их союзники, так и южновьетнамские политики, оппозиционные проамериканскому режиму в Сайгоне.

К середине 1964 г. войска Фронта, шаг за шагом расширяя сферу своего контроля, уже овладели более тремя четвертями всей южновьетнамской территории и половиной южновьетнамского населения. Администрация США стремилась не допустить победы коммунистов на юге Вьетнама. В Вашингтоне опасались, что распад антикоммунистического и прозападного режима в Южном Вьетнаме может стать прелюдией к ликвидации других таких же режимов в странах региона. Американцы называли такое развитие событий «теорией домино» и, чтобы не допустить падения новых «фишек» из числа своих союзников, решили вмешаться в события в Южном Вьетнаме. После этого туда потоком хлынуло американское вооружение, а вслед за ним на Юге Вьетнама появились большие группы американских советников.

В ответ на расширение американского военного присутствия в Южном Вьетнаме, Китай и Советский Союз направили на север Вьетнама свое вооружение, боеприпасы и группы советников. Так конфликт двух Вьетнамов превратился в конфликт двух политико-экономических систем и трех великих держав. При этом СССР и Китай, выступая против США, конкурировали между собой за преобладающее влияние на вьетнамское руководство и на руководство других коммунистических партий Индокитая и Юго-Восточной Азии в целом. Такое соперничество вынуждало северовьетнамское руководство постоянно лавировать между советскими и китайскими интересами, приводило к расколу и взаимной борьбе просоветских и прокитайских группировок в Компартиях других стран региона.

Событием, с которого принято собственно и начинать отсчет Второй индокитайской войны, стал «Тонкинский инцидент», когда американский эсминец «Мэддокс», патрулировавший Тонкинский залив в августе 1964 г., якобы подвергся атаке со стороны вьетнамских торпедных катеров. Американцы использовали этот инцидент для начала разрушительных бомбардировок Северного Вьетнама. В 1965 г. авиация США совершила 55 тыс. самолето-вылетов, а уже в 1966 г. — 148 тысяч. Другим направлением американского вмешательства стала отправка сухопутных войск США в Южный Вьетнам. В начале 1965 г., на юге Вьетнама насчитывалось лишь 27 тыс. американских солдат, а уже к концу 1968 г. — более 550 тыс. человек.

Однако все эти усилия ожидаемого в Вашингтоне результата так и не дали. Масштабное наступление северовьетнамских дивизий и южновьетнамских партизан в 1968 году, несмотря на ограниченные успехи, привело к значительным потерям американских войск, вынудило США перейти к так называемой политике «вьетнамизации», то есть замены американских частей южновьетнамскими. Попытки американских советников создать из клики южновьетнамских генералов, управлявших страной, устойчивые административные структуры, имевшие бы поддержку со стороны населения, ожидаемого результата не дали. Убедившись в невозможности одержать военную победу, и потеряв тысяч солдат убитыми, американская администрация в мае 1968 г. начала первые официальные «беседы» с представителями ДРВ относительно путей мирного урегулирования конфликта в Южном Вьетнаме. Эти переговоры, в зависимости от ситуации на вьетнамских фронтах, то прекращались, то возобновлялись, причем американцы пытались жестокими бомбардировками территории Северного Вьетнама заставить северовьетнамцев согласиться с их условиями. В конечном итоге после крупного наступления северовьетнамцев в 1972 г., которое едва не привело Южный Вьетнам к военной катастрофе, убедившись в неэффективности бомбовых ударов, администрация США приняла окончательное решение уйти из Вьетнама. В январе 1973 г. в Париже госсекретарем США Г. Киссенджером и членом Политбюро ЦК ПТВ Ле Дык Тхо, было подписано соглашение о достижении мира во Вьетнаме. В соответствии с ним США обязывались пре-

кратить «все свои военные операции против территории ДРВ...», а также в течение 60 дней после подписания соглашения вывести свои вооруженные силы из Южного Вьетнама.

Подписание парижского мирного соглашения по Вьетнаму 27 января 1973 г.

После вывода американских войск южновьетнамский режим сумел продержаться у власти только полтора года. Первое же крупное наступление армии ДРВ весной 1975 г. привело к освобождению Сайгона и всего вьетнамского Юга. В 1976 г. вьетнамские коммунисты объединили Север и Юг страны в единое государство. В это же время не менее существенные перемены произошли и в Камбодже, и в Лаосе, где прозападные и проамериканские режимы потерпели поражение и местные коммунисты, опиравшиеся на поддержку северовьетнамской армии, также пришли к власти.

б. Социально-экономические и политические процессы в Индонезии, Филиппинах, Таиланде Малайзии и в Сингапуре после окончания второй индокитайской войны

Вторая индокитайская война завершилась в 1975 г., когда коммунисты пришли к власти на всей территории бывшего Французского Индокитая. Несмотря на существовавшие противоречия между вьетнамской и кхмерской Компартиями, которую возглавлял Пол Пот, было абсолютно понятно в каком направлении страны Индокитая будут двигаться дальше. В противовес этому в прозападных государствах ЮВА характер власти тоже изменился. Переворот Маркоса на Филиппинах в 1972 г., возвращение к власти тайландских генералов в 1977 г., усиление военного режима «нового порядка» в Индонезии, и сохранение антикоммунистических чрезвычайных законов в Малайзии, показало, что на политическом поле АСЕАН власть стала существовать в форме авторитарных военных и военно-гражданских режимов.

Смысл их появления оказался не только в том, чтобы удержать ситуацию в каждой из стран в условиях активизации местных коммунистов на волне побед их вьетнамских единомышленников. Главная задача, тесно связанная с первой, заключалась в том, чтобы добиться поддержки населением этих режимов. Наиболее реально этой цели можно было добиться путем достижения прозападными странами ЮВА высоких темпов экономического роста и соответственно роста уровня жизни большинства их граждан. На руку военным режимам играло то, что оказавшись на передней линии холодной войны, они получили привилегированный статус со стороны США и стран Запада. Американцы хотели, чтобы некоммунистические страны ЮВА продемонстрировали экономический рост и эффективность, большие, чем могли бы достичь вьетнамские ком-

Фердинанд Маркос - президент и фактический диктатор Филиппин с 1965 и до 1986 г.

мунисты в рамках социалистической модернизации. Для США и стран Запада стало принципиально важно, чтобы именно их союзники победили в соревновании двух систем в регионе ЮВА. В связи с этим и диктаторский режим Маркоса на Филиппинах, и индонезийские и тайландские генералы и жестко антикоммунистический режим в Малайзии - все получили максимальную от них поддержку и в политике и в экономике. Так, благодаря сочетанию нескольких факторов - политической стабильности, понятной экономической модели, значительным иностранным инвестициям, прозападные страны ЮВА и начали свой путь впечатляющего экономического роста и интеграции в глобальную экономику.

В Индонезии пришедшее к власти армейское руководство во главе с генералом Сухарто, выдвинуло доктрину двух функций армии. Одна заключалась в обороне страны, другая в участии в национальном строительстве. Политической базой военного режима стала созданная еще в 1964 г. организация ГОЛКАР (Объединенный секретариат функциональных групп). Эта политическая структура была объявлена «кровным братом вооруженных сил», и при поддержке военных превратилась в доминирующую политическую силу в том, что осталось от индонезийской политики. В 1969 г. было установлено, что ГОЛКАР должен иметь не меньше половины мест в органах местного самоуправления. В это же время началось массовое вступление чиновников всех уровней — от центральных министерств до низших территориальных единиц в ГОЛКАР. Для сохранения видимости политического процесса военные оставили на политическом поле еще две партии — мусульманскую Партию единства и развития (ПЕР) и Демократическую партию Индонезии (ДПИ), объединившие мусульманские и светские политические организации. Эти партии участвовали в выборах и должны были придать военному режиму «демократический антураж».

В экономике военные показали себя реалистами и прагматиками. Они создали благоприятные условия для притока иностранного частного и государственного капитала, поощряли национальное предпринимательство. Они вернули часть иностранных предприятий — голландских, английских, малайзийских и других, национализированных в эпоху Сукарно, обратно их вла-

дельцам, а кроме того, согласилась уплатить выкуп за некоторые национализированные (в основном голландские) предприятия. Ставка была сделана на рост смешанных предприятий с участием индонезийского и иностранного капитала. Все эти меры создали благоприятный климат для притока иностранных инвестиций, которые с 1967 по 1979 г. составили около 7,5 млрд долл., а с учетом вложений в нефтяную промышленность. свыше 10 млрд долл. В результате Индонезия резко ускорила темп экономического развития, который на протяжении длительного времени - почти всех 70-х – 80-х и первой половины 90-х годов оставался на уровне 6–8% в год. Уже к 1980 г. объем внутреннего валового продукта (ВВП) почти удвоился по сравнению с 1970 г., при этом доля сельского хозяйства, включая рыболовство и лесное хозяйство, сократилась с 42 до 31%. Что касается обрабатывающей промышленности, то с 1970 по 1996 гг. ее доля в ВВП выросла с 8,4% до 24,3%.

Развитие Индонезии могло бы быть еще более впечатляющим, если бы не нарастающий вал коррупции, хищений и злоупотреблений чиновников. С середины 70-х гг. режим провозгласил стратегию экономического национализма, что подразумевало некоторое ограничение деятельности иностранного капитала, был объявлен курс на индонезиацию экономики, пересмотрены в пользу Индонезии устоявшиеся пропорции раздела доходов от нефти. Результатом такой политики стало заметное усиление влияния чиновников на систему предпринимательства, что быстро привело к установлению особых отношений правящей военной бюрократии и крупного бизнеса, в котором главную роль играли этнические китайцы. В стране сложился феномен так называемого бюрократического капитализма с избирательным покровительством государства отдельным компаниям и лицам, и всякого рода «обменам услугами» между властью и бизнесом.

Такая взаимозависимость и связанная с этим коррупция подрывали авторитет правящего режима, дискредитировали его бессменного лидера генерала Сухарто. В стране, даже несмотря на экономический рост, формировалось поле массового недовольства существующими порядками.

На Филиппинах политическое развитие во время и после Второй индокитайской войны происходило под знаком господ-

ства диктаторского режима президента Маркоса, который руководил страной более 20 лет с 1965 по 1986 г. При этом к власти филиппинский диктатор пришел демократическим путем в результате всеобщих выборов 1965 г., на которых одержал победу. Маркос обещал избирателям провести реформы, ускорить рост национальной экономики и повысить уровень жизни людей. Однако его попытки реформ, особенно в сельском хозяйстве, встретили сильнейшую оппозицию со стороны традиционной землевладельческой олигархии. Обострение социальных противоречий, особенно в сельской местности, создавало новые возможности для привлечения недовольных, особенно молодежи, под знамена заметно активизировавшихся в это время коммунистов. Под влиянием идей китайской «культурной революции» в Компартии Филиппин выделилось политическое крыло во главе с Хосе Марией Сисоном, который попытался влить новую струю в почти увядшее партизанское движение. В 1969 г. была создана Новая народная армия (ННА), которая развернула вооруженную борьбу с правительством как на Центральном Лусоне, так и в других районах страны. Не меньшей проблемой в это время становится для Филиппин и переход к вооруженной борьбе мусульманских экстремистов на юге Архипелага. В 1968 г. на свет появилось Движение за независимость мусульман, а в 1969 г. был основан Фронт национального освобождения моро (ФНОМ), который возглавил вооруженную борьбу за самоопределение и отделение мусульманских районов страны.

В такой ситуации президент Маркос заявил, что противодействие оппозиции мешает ему принять действенные меры и в политике и в экономике для спасения страны. Именно этим он объяснил то, что в сентябре 1972 г. организовал военный переворот, приостановил действие конституции, установив в стране режим личной власти. Эта акция сопровождалась заявлениями, что Филиппины построят «новое общество», где не будет ни господства землевладельческой олигархии, характерного для предшествующего периода и мешающего нации двигаться вперед, ни угрозы коммунистической революции, провоцируемой этим господством. Наряду с аграрными преобразованиями, глава государства развернул административную реформу, принимал меры к поощрению промышленного роста, привлечению иностранных

инвестиций и диверсификации экспортного потенциала. По сути дела, программа Маркоса предусматривала, что на Филиппинах, как и в ряде стран Восточной и Юго-Восточной Азии, диктаторский по своей природе режим, обеспечит политическую стабильность и создаст условия для общего ускорения процессов развития и модернизации. Главными элементами экономической политики режима стали проведение аграрной реформы, расширение экспорта и привлечение капиталов из - за рубежа. Уже в 1973 г., Маркос добился прироста ВВП на 10% (против 4,3% годом ранее), а показатели экспортных поступлений поднялись до рекордных 1,7 млрд. долл. Иностранцы бизнесмены подали заявки на инвестиции, общая сумма которых более чем вдвое превышала цифры, зафиксированные в 1972 г.

Однако дальше экономический рост на Филиппинах продолжался по снижающейся экспоненте, и хотя на основе иностранных инвестиций были заложены основы ориентированного на экспорт промышленного сектора страны, ее развитие заметно отставало от темпов роста экономики стран-соседей. Дело в том, что режим Маркоса не был последователен и постоянно вмешивался в текущую экономическую ситуацию. Диктатор контролировал потребительские цены, пытался сдерживать их рост путем выплаты субсидий за счет введения дополнительных налогов на экспорт леса, копры, сахара и ряда других товаров. И он и его окружение старались еще больше увеличить число предприятий госсектора, которые находились бы под их полным контролем. В 1973 г. власти учредили 12 новых госкорпораций, а в 1974 г. еще шесть. Смешанная экономика оказалась явно перекошена в пользу государства и превратилась не в мотор развития, а в средство обогащения диктатора и его окружения.

Как и в Индонезии именно армия выступала как главная опора режима. Старших офицеров и генералов Маркос направлял в регионы для контроля над местными властями, а также в различные министерства и ведомства для надзора за реализацией при-

Сенатор Бенigno Акино - главный оппонент Маркоса, убитый в 1986 г.

нятых решений. Однако эти меры не смогли остановить взяточничество и коррупцию, препятствовавшие развитию. Даже при том, что за счет внешних заимствований внешний долг Филиппин почти удвоился (в 1981 г. он достиг 14,9 млрд долларов), экономический рост почти замер, составляя 1-2 % ВВП в год

О масштабах обогащения чиновников и верхушки филиппинской власти можно судить по таким данным: в 1980 г. стоимость предметов роскоши, импортированных на Филиппины, составляла 922 млн долл., тогда как в Южную Корею — 62 млн долл. В 1981 г. эти показатели были соответственно 1,095 млрд и 140 млн. Общие расходы по этой статье за период 1980—1986 гг. составили у Филиппин более восьми миллиардов долларов, то есть на семь с лишним миллиардов больше, чем у намного более успешной в экономическом развитии Южной Кореи.

Корасон Акин - супруга убитого Бенigno Акино, ставшая президентом на волне революции 1986 г.

Кризис режима начался в августе 1983 г. после убийства прибывшего в Манилу из США одного из главных политических противников Маркоса — Бенigno Акино. Насильственная смерть этого политика вызвала такой резонанс, что сложилась мощная коалиция сил, поддержанная влиятельной иерархией католической церкви, выступившей за свержение Маркоса и возвращение страны к демократии. Выборы, состоявшиеся в самом начале 1986 г., принесли победу политическим противникам диктатора. Маркос пытался сопротивляться. Но, в конце концов, в феврале 1986 г. его правлению положило конец четырехдневное ненасильственное выступление

жителей Манилы, именуемое с тех пор «революцией ЭДСА» (в честь столичной магистрали, превратившейся в арену противостояния властям). Маркос был вынужден бежать в США, а на Филиппинах восстановился демократический режим.

Свергнув диктатора в стиле всенародного ненасильственного протеста, противники Маркоса во главе с Корасон Акино - вдовой погибшего оппозиционера, ставшей новым президентом страны - оттеснили на обочину политического процесса филиппинского

пинских левых, так и не дав им возможности возглавить борьбу за свержение диктатуры. При этом возврат к традиционным конституционно-демократическим порядкам произошел очень быстро, без серьезных репрессий в отношении политических сил, поддерживавших диктатора. Тем самым, создались благоприятные условия для новой интеграции олигархических группировок - как существовавших до Маркоса, так и возникших под его опекой, в казалась бы обновленную политическую систему. Со второй половины 80-х годов и вплоть до начала нынешнего столетия, при последовательно сменявших друг друга президентских администрациях К. Акино, Ф. Рамоса и Дж. Эстрады, интеграцию олигархических группировок во власть остановить так и не удалось.

В Таиланде в 50-80 годы военные от власти почти не отходили, один генерал сменял у ее кормила - другого. Кажется бы вечный национальный и военный лидер Пибун Сонгкрат и тот был свергнут своими подчиненными в 1958 г. Его преемником стал генерал Сарит Таннарат, который в 1963 г. передал ее генералу Таному Киттикачону. Этот военный диктатор правил почти десять лет вплоть до массовых выступлений студентов в 1973 г.

Оценивая власть военных, следует отметить, что в сфере экономики они проводили последовательную политику индустриализации и экономического роста, активно привлекали иностранные инвестиции и создавали для иностранных инвесторов наиболее благоприятные условия. Все годы правления военных можно рассматривать как эпоху быстрого экономического роста (7— 11% ВВП в год), когда Таиланд начал интегрироваться в глобальные рынки, а внутри страны сформировался средний класс, заметно изменилась жизнь крестьян-фермеров, чьи доходы существенно выросли. В социально-политическом плане в стране происходили важные изменения - стала складываться ситуация, когда бессловесное и едва сводившее концы с

Сарит Танарат - военный лидер пришедший к власти в результате переворота. Правил с 1958 по 1963 гг.

концами крестьянство стало превращаться в мощную социальную силу. Они отшатнулись от радикализма коммунистов, но их требования справедливости, снижения налогов, большего участия в определении своего будущего никуда не делись. Они лишь ждали, когда появится подходящая политическая сила, чтобы ее поддержать.

Монопольная власть военных режимов, их тесная и непрерывная связь с национальным капиталом, где в основном представлены были этнические китайцы, создала такую же ситуацию, как и в странах - соседях, когда власть и бизнес оказались связаны неразрывно: высшие военные чины превратились в банкиров и предпринимателей, фактически перестали быть профессиональными военными, хотя формально и занимали высшие посты в вооруженных силах.

*Таном Киттикачон,
правивший Таиландом
почти десять лет
с 1963 по 1973 гг.*

Такое положение вызывало протест не только со стороны левонастроенной интеллигенции, видевшей в таком симбиозе источник коррупции, но и в самой армии, где многие офицеры среднего уровня крайне отрицательно относились к предпринимательской деятельности своих начальников. Кризис военного режима наступил в октябре 1973 г., когда правительство арестовало нескольких студентов и преподавателей, обвинив их в прокоммунистическом заговоре. В ответ на это в Бангкоке состоялись антиправительственные манифестации, в которых, по разным оценкам, приняло участие от 250 до 400 тыс. человек.

Жестокий разгон и убийство почти 80 манифестантов накалили политическую обстановку в стране до предела. Военные диктаторы намеревались использовать против демонстрантов регулярные войска, однако, после консультации военного командования с королем, Таном Киттикачон бежал в США.

Так, в октябре 1973 г. многолетняя военная диктатура пала и на ее место временно пришел парламентский режим. В 1974 г. было созвано Учредительное собрание, состоявшее из 299 депутатов, причем только 36 из них представляли армию и полицию.

Новая конституция, вступившая в силу в октябре 1974 г., вообще лишала представителей армейской верхушки (офицеров на действительной службе) права быть избранными в Национальную ассамблею и занимать министерские посты в правительстве.

Несмотря на все эти перемены, военное командование сохранило контроль над армией, полицией, службами безопасности и фактически продолжало выступать как самостоятельная политическая группировка, почти независимая от правительства. Слабость гражданского правительства, вкупе с активизацией левых и прокоммунистических сил, попытавшихся вновь развернуть партизанские действия после победы их единомышленников в странах Индокитая, привели к тому, что в стране стала нарастать неопределенность и армия вновь вернулась к власти. В октябре 1976 г. после бои в Таммасатском университете, где праворадикальные активисты расправились с леворадикальными студентами, военная верхушка организовала очередной переворот и вновь пришла к власти, установив самый жесткий за всю историю Таиланда военный режим. Достаточно сказать, что были арестованы тысячи левых активистов, членство в компартии приравнялось к государственной измене и наказывалось смертной казнью. В госаппарате и системе образования прошла радикальная чистка, в прессе введена была жёсткая цензура. Когда основная работа по разгрому левых радикалов завершилась, произошел новый военный переворот, который возглавил генерал Криангсак Чаманан. Новый военный диктатор занял в сформированном им правительстве посты премьер-министра, министра внутренних дел и сохранил за собой должность главнокомандующего вооруженными силами.

По сравнению с предыдущим это был намного более мягкий режим, который восстановил тесную связь правящей военной и столичной политической элиты, сильно пострадавшей во время репрессий против всех левых. Успокоение в стране привело к существенному увеличению притока иностранного капитала. В течение всех 80-х гг. наблюдался экономический рост в 7–9% ВВП в год, что позволило не только сгладить социальные противоречия в городах, а также провести довольно радикальную и финансово очень затратную аграрную реформу. В ее рамках ты-

сячи крестьян не только получили землю, но и прошли обучение современным формам ведения аграрного производства.

Выкупив и раздав землю крестьянам, военному режиму удалось выбить главный козырь у коммунистов и снизить общественную поддержку, которую получали их партизанские отряды от бедных крестьян на Северо- Востоке страны. Социальная изоляция партизан сопровождалась активными военными операциями, в ходе которых их отряды, несмотря даже на то, что после переворота 1976 г. они пополнились многими левыми активистами, бежавшими из городов, потерпели поражение и были рассеяны.

*Абдул Раза -
премьер-министр
Малайзии с 1970 по
1976 гг.*

В Малайзии после подавления коммунистов чрезвычайные законы отменены не были, в стране сохранялся фактически авторитарный однопартийный режим, который доминировал и контролировал все политическое поле. События, произошедшие в 1969 г. когда в Куала-Лумпуре после выборов начались межнациональные столкновения между малайцами и китайцами только еще более усилили напряженность и контроль власти над обществом. После межнациональных столкновений в стране было объявлено чрезвычайное положение, и создан Национальный оперативный совет (НОС) во главе с заместителем премьера и министром обороны Абдул Разаком. К этому совету, в состав которого вошли начальник штаба вооруженных сил, генеральный инспектор полиции, ряд ключевых министров, а также руководители партнеров ОМНО по Союзной партии — главы Китайской ассоциации Малайзии и Индийского конгресса Малайзии, перешла вся власть в стране. Парламент был распущен, а деятельность политических партий запрещена.

За время действия чрезвычайного положения в 1969–1971 гг. правящей коалиции за счет жестоких репрессий (аресту подверглось почти девять тыс. человек), удалось существенно укрепить свою власть. Кроме того был организован и диалог двух общин — китайской и малайской. Результатом стало провозгла-

шение общественного договора для многообразного малайзийского сообщества, названного новой государственной доктриной - «Руконегара» (Основы государства). Идеологическим фундаментом этой доктрины стали пять принципов: вера в Бога и веротерпимость (хотя ислам и провозглашался государственной религией), преданность монарху и стране, уважение конституции, соблюдение законов, правильное поведение и соблюдение моральных норм. В «Руконегара» утверждалось, что цель развития Малайзии — создание единой малайзийской нации, равенство всех этносов, при этом, правда, указывалось на то, что привилегии малайцев должны быть сохранены.

Модель экономического развития Малайзии мало чем отличалась от стран-соседей. Иностранные инвестиции, смешанная экономика с существенной ролью государства, новые технологии и опора на растущий экспорт – все это были элементы принятой в 1970 г. в условиях чрезвычайного положения так называемой новой экономической политики (НЭП). Малайзийская специфика состояла лишь в том, что в программе еще и ставилась задача увеличить долю малайской общины в экономике до 30% и несколько ограничить монополию этнических китайцев в малайзийском бизнесе. Считалось нетерпимым, что в это время малайцы составляли всего 4,9% от общего числа квалифицированных специалистов в стране.

В 1981 г., когда к власти пришел новый премьер-министр Мохатхир Мухаммед, основной упор в развитии экономики был сделан на приватизацию предприятий госсектора, развитие обрабатывающих производств, ускорение темпов роста электронной промышленности и машиностроения. Успех этой политики пре-

Махатхир Мохаммад – премьер-министр Малайзии с 1981 по 2003 гг., амбициозный реформатор.

вошел все ожидания. Ежегодно малазийская экономика росла в эти годы примерно на 8 %. Отличие было лишь в том, что уровень коррупции в Малайзии в силу личных качеств Махатхира Мухаммеда - премьер-министра правившего страной с 1981 по 2003 годы оказался существенно ниже, чем в Таиланде и в Индонезии и тем более на Филиппинах. Коррупционной ловушки, в которой оказались и филиппинский и индонезийский и таиландский режимы, Малайзии удалось избежать, хотя и обвинений властей в коррупции и реальных коррупционных дел там также было предостаточно. В результате малазийская экономика оказалась более эффективной, чем у соседей, и все ее экономические индикаторы показали за время правления Мохатхира Мухаммеда беспрецедентный рост. На волне экономического подъема значительно возрос уровень жизни, доля малазийцев, за чертой бедности снизилась с более чем 50% до 7%.

Сингапур развивался в описываемый период также в рамках общей для региона модели развития. В политике сложился авторитарный режим во главе с Партией народного действия (ПНД). Ее лидер Ли Куан Ю создал централизованную систему власти, резко ограничил деятельность оппозиции, в 1966 и 1968 гг. ввел в стране антирабочие законы, лишившие рабочих права на забастовку. Этот политик на десятилетия превратился в фактического хозяина города - государства, легко побеждавшего на выборах любых соперников. Сингапурская экономическая модель, которую выстраивал Ли Куан Ю, имела как бы две стороны: с одной — правительство создавало благоприятные условия для деятельности национального частного и иностранного капитала, а с другой — сохраняло позиции государства как главной регулирующей силы и организатора всего экономического процесса. Развитие Сингапура в 60-е - 2000-е годы стало в некотором смысле предметом для подражания других стран региона, так как оно целиком базировалось на колоссальном притоке в экономику иностранных частных инвестиций. Происходило это, главным образом, посредством транснациональных корпораций (ТНК), на долю которых к концу 70-х гг. приходилось почти 70% (почти 3 млрд. долл.) всего экспорта готовой продукции. В рамках широкого присутствия ТНК в экономике Сингапура произошел важный качественный сдвиг — импорт полуфабрикатов и

оборудования сменился их производством в системе транснациональных корпораций. Кроме того Сингапур превратился и в глобальный финансовый центр, а его фондовая биржа в одну из крупнейших в мире.

7. Вьетнам - проблемы и трудности социалистической модели развития

Вьетнам после объединения в 1976 г. в единое государство развивался медленно и сложно. Необходимость восстановления разрушенного за годы войны народного хозяйства, налаживания новых экономических связей внутри страны и интеграции Юга в общевьетнамскую экономику, требовали и времени и адекватного сложившейся реальности политико-экономического курса. Руководство ДРВ во главе с Ле Зуаном, возглавившим партию после смерти Хо Ши Мина, вместо восстановления Юга в рамках присущей ему рыночной экономики, взяло курс на развертывание там борьбы с «эксплуататорами и паразитическими элементами», на ограничение и полное искоренение частной собственности, на преследование и ограничение мелкого и среднего бизнеса и коллективизацию в деревне. В результате резко обострились отношения с многочисленной и крайне влиятельной китайской общиной, контролировавшей почти весь бизнес на Юге, тысячи китайцев под предлогом репрессий массово стали возвращаться в КНР. Все это только углубляло кризис в экономике, где ни осязаемого роста производства, ни энергичного восстановления хозяйства не происходило. Ситуация усугублялась еще и тем, что выбранный курс на индустриализацию путем преимущественного развития тяжелой промышленности не соответствовал реальным условиям, когда отсутствовала и инфраструктура и рынок сбыта и огромные проекты превращались в незаконченные долгострой. Внешнеполитические потрясения –

*Ле Зуан - многолетний
руководитель партии и
вьетнамского государства.*

свержение Пол Пота и ведение военных действий в Камбодже, отражение агрессии Китая в 1979 г. еще более затрудняло подъем экономики. Отставание Вьетнама в темпах роста от стран АСЕАН оказалось настолько явным, что во второй половине 80-х гг., на фоне непрекращающихся экономических трудностей и проблем вьетнамские коммунисты, стали искать выход из очевидного тупика. На VI съезде КПВ в 1986 г. была провозглашена «политика обновления» («дой мой»), и курс был взят на формирование рыночной среды и в сельском хозяйстве и в промышленности. Правительством был принят целый комплекс реформ, которые полностью изменили условия хозяйствования в стране. В законодательном порядке получило закрепление право индивидуальной и частнопредпринимательской деятельности в различных сферах экономики, были сняты ранее существовавшие ограничения на наем рабочей силы (не более пяти человек), на объемы производства и — что особенно важно — на внешнеэкономические связи. У владельцев частных предприятий появилась возможность самостоятельно устанавливать торгово-экономические отношения с границей, привлекать капиталы из-за рубежа, заключать контракты, поставлять или закупать продукцию, технологию или оборудование, используя государственные внешнеторговые компании.

За период с 1987 по 1990 г. 40% государственных предприятий было закрыто из-за отсутствия государственных дотаций, а 30% оказались под угрозой банкротства. В 1989 г. число кооперативных предприятий было также сокращено на 30% — главным образом за счет ликвидации убыточных. На плаву остались наиболее успешные и именно они позволили впервые после окончания Второй индокитайской войны обеспечить существенный экономический рост как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Переход к системе длительной аренды пахотной земли, так же как и в соседнем Китае, дал импульс крестьянским хозяйствам расширять производство и уже в 1989 г. страна сумела полностью обеспечить себя продовольствием. Производство риса превысило уровень предыдущего года более чем на три миллиона тонн (18 млн. в 1988 г. и 21 млн. в 1989 г.). Весь этот прирост достигнут был главным образом за счет резкого расширения обрабатываемых площадей.

Продвигаясь в общем фарватере китайских реформ, крайне осторожно подходу к опыту «советской перестройки», Вьетнам сумел запустить механизм экономического роста путем формирования частной и смешанной экономик, привлечения иностранного капитала, переориентации своего экспорта от СССР на страны АСЕАН и мировые рынки.

8. Пол Пот и социальный эксперимент «красных кхмеров» в Камбодже

В Камбодже ситуация после прихода в апреле 1975 г. «красных кхмеров» к власти развивалась по катастрофическому для большинства жителей страны сценарию.

Новые власти, установив в стране жесткий репрессивный режим, приступили к эксперименту по всеобщему обобществлению в сельском хозяйстве, ликвидации городов и превращению большей части народа в подневольных работников, трудившихся на рисовых полях или на раскорчевке девственных джунглей с рассвета до заката и получавших за это миску пустого рисового супа. Деньги за ненадобностью были отменены, даже простейший товарообмен, по мнению главарей режима, порождал эксплуатацию, угнетение и неравенство, и поэтому был запрещен. Уже вскоре после захвата власти в 1975 г., и особенно в 1976 г., большая часть населения оказалась в ситуации перманентного голода и десятки тысяч людей умирали от недоедания, непосильного труда и болезней.

Программа «реформ» «красных кхмеров» являла собой доведенную до абсурда модель социалистической модернизации. В ней особо выделялось необходимость выполнения нескольких основных пунктов, реализация которых должна была подвести кхмерское общество к социализму. Предусматривалось, в част-

Пол Пот – руководитель Компартии Камбоджи. Его попытка в рамках тоталитарного режима провести радикальную модернизацию Камбоджи стоила кхмерам миллионов жизней.

ности, эвакуировать людей из всех городов; уничтожить все рынки; уничтожить деньги лонноловского режима и воздержаться от использования уже напечатанных «революционных денег»; ликвидировать монашество, а самих буддийских монахов заставить работать — выращивать рис; ликвидировать всех функционеров прежнего режима; организовать кооперативы высшего типа по всей стране, предусмотрев в них общие кухни; изгнать все вьетнамское население; расположить войска вдоль границ, особенно вдоль границы с Вьетнамом.

Пол Пот и его соратники полагали, что страна уже готова к «великому скачку вперед», представляя его как взрывное расширение сельскохозяйственного производства, с последующей продажей риса за границу и строительством фабрик и заводов на вырученные средства. Как быстро показала реальная жизнь, абсурдная не учитывавшая кхмерские реалии радикальная модернизация, закономерно привела кхмерское общество к архаизации. Страна и в политическом, и в экономическом отношении оказалась отброшена в далекое средневековье. Социальные отношения и экономика с их рабским и полурабским трудом, с превращением человека в функцию, с полным ограничением его личной свободы, изъятием государством практически всего выращенного урожая, скорее напоминали какой-нибудь месопотамский город эпохи Хаммураппи, чем государство второй половины XX века. Попытки одномоментно увеличить и пахотные земли и поднять эффективность каждого гектара обернулись лишь гибелью тысяч людей в джунглях, где они должны были устроить новые рисовые поля, на строительстве плотин, которые прорывались при каждом сезоне дождей, или каналов, которые в силу отсутствия инженерного расчета даже не заполнялись водой.

Во всех своих неудачах Пол Пот и его окружение видели только саботаж и предательство кадровых партийных работников, которые якобы, все как один оказывались вьетнамскими агентами. Однако массовые репрессии и убийства всех виновных и невиновных не могли скрыть катастрофические результаты экономической политики, в которой все обобщено и запрещены даже простейшие формы обмена. Страна, которая раньше экспортировала рис, не могла себя прокормить и голодала. В конце концов, главным виновником всех бед был объявлен со-

седний Вьетнам, который хочет поставить Демократическую Кампучию- (так тогда называлась Камбоджа) под свой контроль. Заручившись поддержкой и получая военную помощь со стороны КНР, «красные кхмеры» с первых месяцев 1977 г. стали предпринимать вторжения на вьетнамскую территорию. Этот конфликт из двухстороннего, быстро перерос в многосторонний. В Индокитае оформилось новое противостояние: с одной стороны, Вьетнам, за спиной которого стоял Советский Союз, подписавший с Ханоем осенью 1978 г. договор о дружбе и взаимопомощи, а с другой — Камбоджа, опиравшаяся на китайскую поддержку.

В декабре 1978 г. вьетнамские части начали решающее наступление и в январе 1979 г. вошли в Пномпень и свергли власть Пол Пота. Вместо режима «красных кхмеров», ставших одиозными из-за своей жестокости, на свет появился иной коммунистический режим - Народная Республика Кампучия, которую возглавили кхмерские коммунисты, бежавшие в свое время от репрессий Пол Пота во Вьетнам. Их внутренняя и внешняя политика копировала вьетнамскую, с попытками нового обобществления в деревне и в городе датируемыми началом 80-х и отказом от этой политики во второй половине 80-х, когда власти разрешили частный бизнес, частную торговлю и отдельные крестьянские хозяйства.

Экономическое развитие Камбоджи сильно тормозилось вялотекущей гражданской войной, продолжавшейся все 80-е годы, когда в противовес правительству в Пномпене при поддержке Китая, США и стран АСЕАН было создано прозападное правительство Камбоджи в изгнании во главе с Сиануком. В этом правительстве, появившемся на свет в 1982 г. к бывшему монарху примкнула ориентированная на США группировка бывшего премьер-министра Сон Санна, а также «красные кхмеры», которых продолжал поддерживать Китай. Военные столкновения противоборствующих сторон носили характер партизанской войны, ко-

*Король Камбоджи **Нородом Сианук**, сумевший найти путь к примирению в Камбодже.*

гда противники пномпеньского режима устраивали отдельные взрывы, нападения на села, засады на дорогах, а потом отступали на свои базы, расположенные вдоль камбоджийско-тайландской границы. Завершились эти военные действия уже в 90-е годы в рамках мирного плана ООН по урегулированию ситуации в Камбодже.

9. Некоторые итоги развития стран ЮВА накануне распада СССР

Как мы видим, соревнование социально-экономических моделей развития стран Индокитая и АСЕАН с бесспорной очевидностью завершилось в пользу АСЕАН. В то время как страны Индокитая находились в перманентном кризисе, государства АСЕАН совершили в полном смысле рывок в плане модернизации всех сфер жизни и интеграции в мировую экономику. Такой исход противостояния был вполне предсказуем. Экспортноориентированная модель, опиравшаяся на приток капитала извне и самые благоприятные условия для поставки товаров на мировые рынки и прежде всего в США, оказалась куда как эффективнее политики коллективизации в городе и деревне, ограничения частной собственности и индустриализации путем возведения малоэффективных заводов тяжелой и оборонной промышленности. Помощь со стороны СССР странам Индокитая хотя и была довольно значительной, но не шла ни в какое сравнение с притоком капитала в страны АСЕАН.

В то же время следует отметить, что исходные условия для соревнования стран Индокитая и АСЕАН были абсолютно неравными. Вьетнам, Лаос и Камбоджа после всех боев и разрушительных американских бомбардировок вышли из войны в полной разрухе, их развитие осложнялось отсутствием самого необходимого. Так что, по большому счету, делать определенные выводы из сравнения стран АСЕАН, на которые не упала ни одна бомба, выполнявших на протяжении всей войны роль важного тылового района для США с полуразрушенным Индокитаем вряд ли оправданно. В то же время очевидно, что отсутствие прагматизма, учета реальности, желание организовать общество по догматичным схемам, еще больше усугубляли и без того непростую ситуацию в странах Индокитая.

ГЛАВА VI. Индия от обретения независимости до распада СССР

1. Политический процесс в Британской Индии после Второй мировой войны и ее раздел на два суверенных государства

Решающие для будущего Индии события произошли накануне окончания Второй мировой войны, уже после капитуляции Германии, но еще до капитуляции Японии. В июне 1945 года в Симле, под председательством британского вице-короля открылась конференция для обсуждения формулы организации правительства независимой Индии. Сначала консультации проходили вполне успешно и был достигнут компромисс – договорились, что в составе правительства 40% будет у индусов, 40% у мусульман и 20% у других. Однако вскоре возникло серьезное противоречие - Лига претендовала на то, что все «мусульманские» места в правительстве заняли бы ее люди, а Конгресс настаивал на том, что одно из этих мест должно быть предоставлено мусульманину-члену Конгресса. Требование было логичным, поскольку в ИНК входило заметное число мусульман и Конгресс никогда не соглашался с тем, что он исключительно партия индусов. Компромисса, однако, по этому вопросу добиться не удалось, и переговоры закончились безрезультатно.

Неудача конференции в Симле не означала, однако, что раскол страны стал неизбежным. Политический процесс в еще единой стране продолжал развиваться и в сентябре 1945 г. английское правительство объявило о проведении выборов в центральное и провинциальные законодательные собрания, а в марте 1946 г. было объявлено о решении предоставить Индии статус доминиона. На состоявшихся с ноября 1945 по апрель 1946 г. выборах в законодательные органы, проходивших на куриальной основе и с участием 13-15% населения, Конгресс получил большинство мест по общей, или индусской, курии, а по мусульманской курии победил в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП). Мусульманская лига получила большинство голосов по этой ку-

рии во всех провинциях, кроме СЗПП. В целом Конгресс получил почти вдвое больше мест, чем Мусульманская лига. В то же время очевидный успех Лиги среди мусульманского социума показал, что выдвинутый этой партией лозунг создания Пакистана оказался привлекательным для большинства индийских мусульман.

В августе 1946 г. было сформировано временное правительство Индии, которое возглавил Джавахарлал Неру. В его состав помимо лидеров Конгресса, вошли представители сикхов, христиан и парсов. Руководство Лиги отказалось участвовать в правительстве, заявив, что оно игнорирует интересы мусульман и поэтому они собираются начать борьбу за создание Пакистана. 16 августа 1946 г. было объявлено Мусульманской лигой днем начала борьбы за создание Пакистана. В Калькутте, других городах Бенгалии и Бихара начались индусско-мусульманские столкновения и погромы. В Бенгалии и в Синде, где у власти находились правительства Мусульманской лиги, был объявлен всеобщий хартал.

Столкновения начались, когда активисты Лиги стали принуждать индусов закрывать лавки, магазины и мастерские. Отдельные стычки быстро превратились в кровавую резню, когда 16 августа в Калькутте было убито около 20 тыс. человек. В тот же день волнения перекинулись на Бенарес, Аллахабад, Дакку и Дели. Повсюду происходили убийства и поджоги, за 4 дня, по официальным данным, погибло свыше 6 тыс. человек. Руководство Конгресса, тем не менее, настаивало на сохранении единства Индии. Ганди, указывая на традиционную для англичан политику «разделяй и властвуй», которая подогривала враждебность между мусульманами и индусами. Чтобы сохранить единую Индию Ганди выразил готовность пригласить лидера мусульман Джинну сформировать общеиндийское правительство, включив туда членов Мусульманской лиги.

Однако на сей раз план Ганди не встретил поддержки у руководства Конгресса, члены которого понимали опасность потери власти в стране. За план Ганди высказался только лидер конгрессистов в СЗПП Абдул Гаффар-хан. Отказ соратников принять его предложение вынудил Ганди покинуть Дели и фактически выйти из руководства ИНК.

Относительно того как делить Индию существовало несколько предложений. Первые планы образования Пакистана предполагали лишь раздел Бенгалии, Панджаба и Ассама. Мусульманскую Лигу такое решение не устраивало, ее лидеры желали включить в него все территории Индии, в которых мусульмане составляли большинство. Они полагали необходимым образовать две зоны для будущего Пакистана на Северо-Западе и Северо-Востоке Индии в составе шести провинций — Синда, Белуджистана, Северо-Западной пограничной провинции, Панджаба, Бенгалии и Ассама. После споров и согласований 3 июня 1947 г. на свет появился ставший окончательным план о разделе Индии на независимые доминионы — Индию (Индийский союз) и Пакистан. 18 июля 1947 года британский парламент принял Акт о независимости Индии, завершивший формальное разделение. В Акт об управлении Индией 1935 г. были внесены поправки, чтобы создать законные основы существования двух новых доминионов. Вслед за этим британский вице-король объявил 15 августа 1947 г. Днем независимости Индии и Пакистана. Ситуация в стране в это время складывалась критическая - во всех районах подлежащих разделу происходили ожесточенные столкновения индусов и мусульман, в одном Панджабе сотни тысяч людей были убиты в межобщинных столкновениях и миллионы покинули свои дома, чтобы спасти жизнь. Бенгалия и Калькутта сумели избежать резни, благодаря тому, что Ганди, который прибыл туда, своим авторитетом сумел остановить готовившуюся бойню. Исходя из сложившихся реальностей, Неру и руководство Конгресса призвало своих сторонников поддержать предложенный английскими властями план раздела. Объясняя свою позицию, они утверждали, что «Пакистан уже реализуется в еще не разделенных Бенгалии и Панджабе. Поэтому лучше признать Пакистан, чем продолжать то разрушение, которое происходит в Индии».

Две отдельные страны из бывшей Индийской империи юридически возникли в полночь 15 августа 1947, причем церемония передачи власти пакистанским властям была проведена днём раньше в Карачи, который в то время стал столицей появившегося на свет доминиона Пакистан. Поэтому Пакистан празднует день независимости 14, а Индия — 15 августа. Пакистан возник

как два не соединённых друг с другом анклава — Восточный Пакистан (ныне Бангладеш) и Западный Пакистан (ныне собственно Пакистан), между которыми, простиралась территория Индии. Пакистан был образован из провинций, населённых преимущественно мусульманами, а Индия — преимущественно индусами.

В ходе этого раздела многочисленным индийским княжествам, а их было более шестисот, дали формальную возможность сделать свой выбор, к какой из двух стран присоединиться. Решать судьбу княжеств должны были сами правители. При этом по принятым правилам княжества не могли объявлять себя независимыми государствами. Попытки получить независимость правителем Хайдарабада были пресечены индийскими властями. В целом, подавляющее большинство княжеств, присоединились к Индии, а самый серьёзный конфликт произошел в княжестве Кашмир, который вызвал первую индо-пакистанскую войну. Причиной конфликта стал спор о принадлежности штата Джамму и Кашмир, в котором преобладало мусульманское население, поэтому формально он должен был отойти Пакистану, но махараджа Кашмира принял решение о присоединении к Индии. В ответ 21 октября 1947 г. началось вторжение в Кашмир пакистанских полувоенных формирований из пуштунских племён (численностью около 2 тысяч человек). Через пару дней была захвачена столица княжества — Сринагар, и махараджа Хари Сингх обратился за помощью к Дели. 27 октября он подписал договор о присоединении к Индии. Прибывший батальон сикхов выбил пуштунов из Сринагара.

Пакистан объявил северную часть княжества своей территорией под названием Азад (Свободный) Джамму и Кашмир и ввёл туда свои войска. В этой войне индийской армии и военизированным формированиям бывшего княжеского войска противостояли пакистанская армия и военизированные формирования пуштунских племен. Ни одна из сторон в ходе конфликта решающего успеха добиться не смогла и, в конце концов, в соответствии с резолюцией ООН, с 1 января 1949 г. вступило в силу перемирие, а с 27 июля Индия и Пакистан подписали соглашение о линии прекращения огня. Примерно 60 % Кашмира пере-

шли под контроль Индии, 40 % оказались под контролем Пакистана.

2. Политическое доминирование ИНК. Принятие конституции и экономические реформы

После провозглашения независимости на территории Индийского Союза политическая власть оказалась в руках Конгресса, на территории Пакистана в руках Мусульманской лиги. Для упрочения своей власти Конгресс в это время широко использовал авторитет, завоеванный в годы национально-освободительной борьбы, что обеспечивало его лидерам поддержку широких масс и индийского бизнеса и соответственно закрепляло их главенствующую роль в индийской политике.

Конституция Республики Индия была утверждена Учредительным собранием, состоявшим из 299 членов – в основном из депутатов ИНК, избранных провинциальными органами власти (около 3/4 всех членов), а также из представителей индийских княжеств, направленных в Учредительное собрание в результате консультаций. Конституция была введена в действие 26 января 1950 г. Лидеры конгресса во главе с Неру добились закрепления в основном законе равных прав для всех граждан, демократических принципов устройства индийской политической системы, защиты достоинства личности, свободы мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, содействие миру между народами. В конституцию ввели и идеи «индийского социализма», который понимался как демократический путь строительства социализма, как третий путь развития, отличный от капитализма Запада и тоталитарного социализма, как в СССР и в Китае. Учредительное собрание избрало одного из лидеров Конгресса — Раджендру Прасада президентом Республики. Од-

*Раджендра Прасад -
президент независимой
Индии с 1950 по 1962 гг.*

новременно был упразднен пост генерал-губернатора Индии, которая до этого времени имела статус британского доминиона.

В это же время в стране начался процесс радикальных преобразований. Причем, первоначально Неру придерживался модели социалистической модернизации. Еще в середине 1930-х годов он заявлял, что целью ИНК является «бесклассовое общество с равной для всех экономической справедливостью и возможностями», а все, что мешает этому, «должно быть устранено, мягко, если это возможно, или силой, если это необходимо». Позже, он несколько изменил свои взгляды, стал указывать на то, что очень далек от того, чтобы быть коммунистом. « Мне не нравится, - отмечал он, - догматизм и интерпретация работ Карла Маркса или любых других книг как священного писания, которое не может быть изменено, мне не нравится и регламентация и охота на еретиков, которые, похоже, являются особенностью современного коммунизма». В связи с этим для модернизации Индии Неру избрал как-бы средний курс - в экономике с одной стороны активная политика индустриализации, опора в основном на собственные силы, развитие госсектора, а с другой сохранение частного предпринимательства, причем не только мелкого и среднего, но и крупного.

Из социалистической модели модернизации Неру заимствовал также опыт планирования основных параметров экономического развития, а также то, что базовые предприятия национальной индустрии должны находиться в руках правительства и под его контролем. Именно такая формула развития экономики была положена в основу первого индийского пятилетнего плана (1951-1956гг.). Следует отметить, что в рамках аграрных преобразований правительство ИНК отвергло левую альтернативу, за которую выступали коммунисты, призывавшие перераспределить землю в пользу сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян; ликвидировать все формы помещичьего землевладения; создать в деревнях в качестве обязательной меры кооперативные хозяйства. Правительство не пошло также на национализацию банков и страховых компаний, а также угольных шахт.

Отказавшись проводить радикальные реформы в аграрной сфере, Неру открыл широкое поле для формирования левой оппозиции, которая как раз и выдвигала радикальные лозунги типа

перераспределения земель, наделения безземельных крестьян землей, изъятой у помещиков. Поэтому в начале 50-х годов единственно реальной оппозицией ИНК выступали левые во главе с коммунистами. Правое крыло политического поля после убийства Ганди 30 января 1948 г. одним из активистов правой религиозно-общинной организации индусов Раштрия сваямсевак самх (Союз добровольных служителей нации — РСС) оказалось фактически вне закона. Правительство наложило запрет на деятельность РСС, арестовало президента и около 20 тыс. членов этого союза. Однако политический вакуум, образовавшийся справа от ИНК, заполнился довольно быстро: один из авторитетных деятелей правых - Мукерджи вышел из правительства из-за, как он считал, мягкой позиции Индии в отношении Пакистана и преследования индусов в этой стране и создал в 1951 г. новую правую партию — Бхаратия джана сангх. Руководство РСС приняло непосредственное участие в создании БДС. После избрания Мукерджи президентом БДС он заявил о необходимости борьбы с «диктатурой» ИНК.

На первых всеобщих выборах (одновременно в парламент и законодательные собрания всех штатов, которые проходили в Индии в конце 1951 — начале 1952 г.) Конгресс победил не только в центре, но и во всех штатах. На выборах в Лок сабха (Народную, или нижнюю, палату парламента) Конгресс получил 45,5% голосов избирателей и 364 депутатских мандата из 480 (75,8%). Главной силой оппозиции оказалась Коммунистическая партия (КПИ), получившая вместе с союзниками 8,9% голосов и 41 мандат в парламенте. Только что образованная БДС, выступавшая под лозунгом «единой страны, единой нации, единой культуры», смогла набрать всего 3,1% голосов и три места в парламенте.

Получив фактически карт-бланш, ИНК и сформированное им правительство приступило к строительству в Индии «общества социалистического типа», которое с начала 60-х годов стали называть обществом «демократического социализма». Различия между этими двумя определениями были малозначительными - вся индийская экономическая политика в это время базировалась на смешанной экономике, остававшейся под жестким государственным контролем, на проведении политики индустриализации и

модернизации инфраструктуры и ключевых отраслей промышленности.

Именно на это были нацелены (второй — 1956/57- 1960/61 гг. и третий — 1961/62-1965/66 гг.) пятилетние планы развития страны. Такой курс приносил и определенные результаты: темпы роста экономики превышали 5-7 %, однако проблемы с эффективностью предприятий госсектора оставались, так как они не показывали высокой производительности. Многие из них были просто убыточными, и поэтому постепенно в индийском политическом руководстве складывалась тенденция в пользу более широкой частной инициативы, на основе которой развивался мелкий и средний бизнес. Дистанцирование индийских лидеров от советско - китайской модели строительства социализма с обобществлением, классовой борьбой и ликвидацией частной собственности, была вполне очевидной. Неру не желал новых революций, поэтому «индийский социализм» не привел к переделу собственности или к ее экспроприации, как это было в СССР и Китае. Он не привел и к смене политического порядка, сохранив конкурентную политическую среду, свободу слова и многопартийность.

Успех, выбранной Неру модели развития, был очевиден - к середине 1960-х годов в государственном секторе был заложен фундамент национального индустриального производства, в строй были введены основные предприятия тяжелой индустрии — черной и цветной металлургии, нефтехимии, тяжелого машиностроения, производства строительных материалов и электроэнергетики. Общий объем промышленного производства с 1948 по 1964 гг. вырос в 2,5 раза.

Успешно развивалась и система частного предпринимательства, доля которого в валовой промышленной продукции составляла в 1960 г. 82%. Поддержка оказывалась и крупному частному бизнесу - с 1956 по 1966 г. 70 крупнейших корпораций получили более половины всей государственной помощи, выделенной частному сектору.

В сельском хозяйстве перемены также были вполне ощутимы. Аграрная реформа, хотя и ограниченная по своим масштабам, привела к появлению фермерских хозяйств, к распространению в сельской местности рыночных отношений. На 7,5 млн.

акров увеличилась площадь обрабатываемых земель, и к 1965 г. валовая продукция сельского хозяйства выросла на 65%. В то же время ни программа по борьбе с бедностью, ни программа по достижению всеобщей грамотности особенно среди молодых, ни борьба с сохранением в обществе кастового сознания особого результата не дали. В стране стала складываться парадоксальная внешне ситуация – с одной стороны развитие современных отраслей и в целом - очевидная модернизация с появлением современного среднего класса, а с другой сохранение и даже расширение зон бедности и нищеты. Это было необычное развитие, когда одна часть Индии уверенно шла вперед, а другая фактически оставалась на месте.

3. Индия и конфликты по ее границам. Особенности внешнеполитического курса

Важным элементом развития Индии в это время являлась ее внешняя политика. Первоначальные утопические надежды некоторых индийских лидеров жить в мире и дружбе со всеми и, особенно с соседями по региону, оказались благими пожеланиями. Страна существовала в сложном международном окружении, когда отношения с Пакистаном осложнялись проблемой вялотекущего конфликта в Кашмире, а отношения с Китаем ситуацией в Тибете.

В 1958 г. китайские власти заявили о необходимости пересмотра китайско-индийской границы в районе Аксай Чин. Причина этого заключалась в том, что вопрос о начертании линии границы между бывшей Британской Индией и китайским Тибетом остался неурегулированным еще с колониальных времен. Спорными считались два участка. Один из них, площадью 518 км², помещался в северо-восточной части Кашмира, известной также как Акчсай Чин. Второй спорный район находился в северной части современного штата Арунчал-Прадеш и, занимал территорию 82,88 тыс. км² вдоль линии границы примерно 700 км длиной.

В 1960 г. КНР предлагала уступить Индии восточный спорный участок в обмен на свободу рук в пределах западного. Индия с этим предложением не согласилась. Обстановка на границе

оставалась неопределенной и напряженной, а непосредственным поводом к вооруженным столкновениям стало строительство Китаем дороги через Аксай Чин. Есть и другая версия этого конфликта: причиной китайского вторжения явилось предоставление Индией политического убежища духовному лидеру Тибета Далай - ламе, который нашел в Индии убежище после разгрома национального восстания тибетцев. Боевые действия между Индией и Китаем продолжались почти месяц с 20 октября по 21 ноября 1962 г. и в результате индийские войска вынуждены были оставить Аксай-Чин.

Балансирование на грани конфликта и с Пакистаном и с Китаем, настороженность в отношении США, которые явно симпатизировали пакистанским генералам, вынуждали Индию искать себе сильного союзника, которого она и нашла в лице СССР. Уже осенью 1953 г. в Дели прибыла первая официальная советская делегация, и начались переговоры о строительстве в Индии с советской финансовой и технической помощью металлургического комбината в Бхилаи. Обмен визитами Дж. Неру и Н.С.Хрущева в 1955 г. ознаменовал начало длительного периода особых отношений Индии и СССР, кульминацией которых стал Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, подписанный в августе 1971 г.

Следует сказать, что выбранная Индией политика опоры на СССР в качестве главного союзника, себя полностью оправдала. Москва поддержала Индию во второй войне с Пакистаном, которая началась в 1965 г. из - за спора о территориальной принадлежности района Качского Ранна на южном участке совместной границы Индии и Пакистана. Вскоре война перекинулась на север в Кашмир, где возобновились ожесточенные бои. Ни одна из сторон не могла добиться успеха, и только благодаря вмешательству СССР военные действия удалось остановить. В январе 1966 г. в Ташкенте при посредничестве Москвы представители сторон подписали Ташкентскую декларацию, которая официально прекратила эту войну.

Еще более ощутимой поддержка со стороны СССР оказалась в ходе третьей индо-пакистанской войны, которая началась в ноябре 1971 г. и была вызвана жестоким подавлением пакистанскими войсками массового восстания бенгальцев в Восточном

Пакистане, где повстанцами была провозглашена Народная республика Бангладеш. Индия оказывала восставшим помощь, на ее территории разместились почти 10 млн. беженцев. Получив значительную дипломатическую и военную поддержку от СССР, индийская армия начала военные действия, в результате которых Пакистан потерпел полное поражение в Бенгалии. В плен попали почти сто тысяч пакистанских военнослужащих. Половина пакистанских военных кораблей была потоплена военноморскими силами Индии, а половина – блокирована в портах. В декабре 1971 г. правительство Индии приняло решение о прекращении огня. Восточный Пакистан (историческая область Восточная Бенгалия) получил независимость. Он стал называться Бангладеш.

Окончательно этот конфликт был урегулирован в 1972 г., когда новое правительство Пакистана во главе с Зульфикаром Али Бхутто подписало с Индией соглашение в г. Симле (Симлское соглашение), в котором признало независимость Бангладеш. Пакистан, тем самым, потерял 15% своей территории, треть ВВП и половину населения. После Симлы Индия стала доминирующей державой Южной Азии, однако соперничество между двумя странами сохранилось.

Политика, направленная на развитие особых отношений с СССР, способствовала укреплению независимого индийского курса не только в военно-дипломатической сфере, но и в сфере экономики. В Москве стремились поддержать Дели не просто как важного союзника, но и страну, которая заявляет о социалистическом выборе в качестве модели развития. При определенных обстоятельствах Индия вполне могла бы стать одним из центров так и не состоявшейся социалистической глобализации. По крайней мере содействие и сотрудничество с СССР в этот период времени носило во многом определяющий для индустриализации Индии характер. Достаточно сказать, что к началу 80-х гг. на объектах, построенных при содействии СССР, производилось около 40% чугуна и стали, почти

Премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто

80% металлургического оборудования, более 40% горношахтного и свыше 55% тяжелого энергетического оборудования, более 10% электроэнергии, значительная часть нефти и нефтепродуктов, каменного угля, приборов, медицинских препаратов и другой продукции. Следует учесть также и то, что одновременно со строительством промышленных объектов СССР передавал Индии технологии, привлекал к проектным работам индийских специалистов для передачи опыта. Осуществлялась крупномасштабная подготовка кадров. При содействии СССР было подготовлено в общей сложности более 120 тыс. индийских специалистов.

4. Индия и ИНК после смерти Джавахарлала Неру. Начало перехода к двухпартийной системе.

Индира Ганди - премьер-министр Индии с 1966 по 1977 гг. и с 1980 по 1984 гг.

Стабильность политической власти ИНК существенно пошатнулась, когда в середине 60-х годов, один за другим ушли из жизни Дж. Неру и его преемник Лал Бахадур Шастри. В верхушке конгресса возник вакуум, сразу несколько политиков стремились возглавить партию, при этом никто из них и в том числе возглавившая Индию в январе 1966 г. дочь Дж. Неру Индира Ганди, не обладала таким же авторитетом как ушедшие вожди. Кроме того выяснилось, что и электоральная база ИНК заметно сократилась, так как окрепшие зажиточные слои в деревне и городе слабо реагировали на социалистическую риторику

правящей партии, еще меньше ее приветствовали предпринимательские круги. ИНК пользовалась значительной поддержкой главным образом среди наиболее бедных слоев индийского населения.

Для того, чтобы переломить эту тенденцию и сохранить влияние в среднем классе, Конгресс объявил о первых мероприятиях по реформированию индийской экономики на рыночных началах, согласованных с Всемирным банком и другими международными финансовыми институтами. По предложению экспертов Всемирного банка правительство согласилось девальвировать рупию, снять ограничения на импорт промышленного оборудования. За это стране обещали помощь со стороны международных финансовых организаций и развитых стран Запада. Однако надежды на западные инвестиции не оправдались, так как инвесторы не были уверены в прочности нового экономического курса, тем более, что внутри ИНК раздавались голоса тех, кто был недоволен отходом от политики самообеспечения и опоры на собственные силы, кого пугали проблемы связанные с переходом к более открытой экономике и соответственно с уменьшением возможностей государства контролировать и управлять экономическими процессами. Такие, в определенном смысле консервативные взгляды, разделяла и Индира Ганди, которая придя к власти, приняла решение вернуться к курсу своего отца на импортозамещение и самообеспечение, к идее социальной справедливости и к строительству « демократического социализма».

Противоречия в Конгрессе, проявившиеся в процессе передачи власти Индире Ганди, внутренняя борьба его лидеров, ставшая известной избирателю, ослабила позиции партии и вызвала первый кризис индийской демократической системы построенной на доминировании одной политической силы. На парламентских выборах 1967 г. правящая партия смогла получить всего 40,8% голосов (против 45% в 1962 г.) и 283 депутатских мандата из 520 (54,4%). Но главное — она утратила положение правящей партии в 9 из 17 крупных штатов. Монополия Конгресса на власть в стране была существенно подорвана. Это поражение, однако, не помешало ИНК продолжить курс на строительство «индийского социализма» в духе заветов Дж. Неру. Сформированное Индирой Ганди правительство в июле 1969 г. приняло программу, которая предусматривала национализацию ряда крупных коммерческих банков и предприятий угольной промышленности, страхового дела, ликвидацию привилегий

бывших правителей княжеств, введение ограничений на владение городской землей, реформу арендных отношений в деревне, мероприятия по ограничению власти монополий и концентрации экономической власти. В специальном обращении к нации в связи с национализацией банков Индира Ганди заявила, что решение о построении общества социалистического образца, принятое много лет назад, остается неизменным. Она подчеркнула, что контроль над банками как над «командными высотами экономики» является жизненно необходимым в такой бедной стране, как Индия. Она также заявила, что в последние годы Конгресс отошел от простого народа, поскольку провозглашенные им социалистические лозунги не были полностью реализованы. Вера народа в Конгресс и его правительство пошатнулась. Поэтому правительство должно предпринять необходимые шаги, чтобы восстановить доверие населения.

В это время на индийском политическом поле произошли существенные перемены: правые силы в лице БДС заметно укрепили свои позиции и теперь главный политический оппонент ИНК находился не слева как раньше, а справа. За десять лет с 1957 по 1967 гг. численность БДС выросла с 75 тысяч до 1 миллиона 300 тысяч человек. Индийско-китайский вооруженный конфликт в 1962 г. и индийско-пакистанский — в 1965 г. были в полной мере использованы БДС для демонстрации своего патриотизма и укрепления политических позиций. Джана сангх потребовала от правительства пойти на сближение с Западом и странами Юго-Восточной Азии, чтобы «отразить угрозу Китая». БДС также выступил против переговоров с Пакистаном по Кашмиру и осудил подписание в январе 1966г. Ташкентской декларации между Индией и Пакистаном.

Политики из БДС обещали избирателям в случае прихода к власти провести «революционные перемены» в экономической политике, основой которых должна была стать «самообеспечивающаяся, процветающая и эгалитарная» экономика. Вместо пятилетних планов предусматривалось ввести более долгосрочное индикативное планирование. Уже одно перечисление основных экономических требований БДС показывает, что эту партию не следует рассматривать как прозападную, скорее как националистическую партию индийского зажиточного класса.

В своей экономической политике БДС не только повторяла ИНК, но она была даже более консервативна, чем ИНК, так как делала упор на свадеши (отечественном производстве), которому, как заявляли в этой партии, был нанесен ущерб «безответственной либеральной импортной политикой» Конгресса. Вместо либерализации, по мнению Джана сангх, должна была проводиться «рационализация», которая смогла бы обеспечить прагматичный и здравый подход к экономике.

Другое предложение БДС заключалось в том, чтобы «индianизировать» шахты, другие предприятия, а также чайные, кофейные и джутовые плантации, находившиеся преимущественно в распоряжении иностранного капитала. Руководство БДС утверждало даже, что сможет свести к минимуму использование этого капитала. Так что, говорить о том, что БДС формулировала праволиберальную альтернативу левому курсу ИНК, не приходится. Она, как и ИНК оставалась социальной партией, которая продолжала традиции индусского национализма. В это время в индийской политике, пожалуй, только внутри ИНК среди части членов руководства, критиковавших курс на «индийский социализм» были распространены праволиберальные взгляды и настроения. Эти люди во главе с Морарджи Десаи в 1969 г. покинули ИНК и образовали свою собственную партию, названную ИНК (О).

Политические перемены происходили в 60-е годы и в индийских штатах. После принятия в 1956 г. Закона об их реорганизации в стране осталось только 14 штатов, но зато они теперь были полностью уравнены в правах между собой. В них сформировались собственные политические элиты и в 1967 г. местные региональные партии впервые оказались в состоянии сформировать самостоятельные правительства в двух штатах (в южноиндийском штате Тамилнад к власти пришла организация Дравида муннетра кажагам, а в Пенджабе – Широмани акали дал).

На левом фланге индийской политики также произошли значительные перемены: в 1964 г. из-за разногласий по поводу тактики и стратегии раскололось коммунистическое движение Индии на Коммунистическую партию Индии и Коммунистическую партию Индии (марксистскую). Первая выступала за создание в

Индии государства «социалистической ориентации» и поддержку «прогрессивных» шагов правительства, а вторая стремилась к созданию государства народной демократии на основе образования широкого леводемократического фронта. В 1965 г. разногласия по поводу выбора основных союзников (левых или правых антиконгрессистских сил) привели Объединенную социалистическую партию к распаду на Социалистическую партию и Народно-социалистическую партию.

В то же время незавершенность и ограниченность аграрных реформ привели к тому, что в стране появились и радикально настроенные политические группы, действовавшие вне рамок легального политического поля. Летом 1967 г. левые экстремисты возглавили движение беднейших крестьян и сельскохозяйственных рабочих на севере Западной Бенгалии в деревне Наксалбари (отсюда их название — «наксалиты»). Основное содержание этого движения состояло в насильственном захвате ее участниками, земель принадлежавших помещикам и плантаторам. По своей социально-экономической природе движение наксалитов было похоже на более ранние крестьянские движения в Западной Бенгалии и других штатах. Но особенность его состояла в том, что происходило оно во время пребывания у власти в этом штате правительства с участием коммунистов, и объективно было направлено именно против него. Левые экстремисты выдвинули в это время заимствованные из Китая лозунги «народной войны» и «вооруженной революции». Они также говорили о необходимости захвата власти сначала в одном или нескольких сельских районах, а затем и в центре.

Все эти перемены в политической ситуации в стране, сделали почти закономерным и раскол внутри ИНК на левоцентристские и правые силы. Политическое поле Индии как шахматная доска заполнялась все новыми фигурами и долго место для либеральной оппозиции пустовать не могло. В ноябре 1969 г. из Конгресса вышла группировка, образовавшая новую партию, уже упоминавшийся ИНК (О). Там собрались политики, выступавшие за то, чтобы модернизацию страны из модели смешанной экономики перевести в русло свободно рыночной экономики с ликвидацией тех ограничений, которые накладывало государство на частный бизнес. Формирование отдельной ИНК (О) было логич-

ным еще и потому, что в стране за годы независимости изменилась социальная структура. Появились большие группы среднего класса и предпринимателей, которые искали политическую организацию, которая бы более полно, чем Конгресс выражала их интересы и взгляды.

Итогом этого раскола стала существенная потеря ведущей национальной партией политического влияния в целом ряде важных регионов страны. Но в то же время этот раскол фактически дал толчок формированию полноценной двухпартийной системы в стране, так как вокруг ИНК (И) и ИНК (О) стали консолидироваться другие политические силы. Левая оппозиция, за исключением Объединенной социалистической партии, выступила в поддержку И. Ганди и ее ИНК (И). Правые партии— Джана сангх и «Сватантра»— поддержали Конгресс (О). На досрочных выборах в парламент в марте 1971 г. четыре партии — Организация Конгресс, «Сватантра», Джана сангх и ОСП— выступили единым альянсом под лозунгом «Индира хатао!» («Долой Индиру!»). Но ИНК под руководством И. Ганди одержал убедительную победу, получив 350 депутатских мандатов в парламенте из 515 (накануне выборов у партии было всего 220 мандатов).

5. Кризис концепции» индийского социализма»

Провозглашенные ИНК (И) лозунги демократии, социализма и секуляризма, обеспечили этой партии поддержку огромных масс бедноты, в том числе мусульман и индусских низших (зарегистрированных) каст. Особенность этих выборов состояла еще и в том, что ИНК (И) выступал на них и как партия справедливости и определенного равенства, и как сила обещавшая продолжение прежней политики модернизации страны и общества в духе заветов Дж. Неру.

Однако проблема Конгресса и премьер-министра И.Ганди заключалась в том, что, несмотря на поддержку отобюрокразированной активистами ИНК всеиндийской бедноты, продолжение строительства «индийского социализма» путем национализации частных кампаний и изъятия земель у помещиков в пользу безземельных крестьян, встречало все более упорное сопротивление

со стороны интеллектуальной и бизнес элит. Кроме того эта политика не приносила ожидаемого экономического и социального эффекта. Снижение «потолка» землевладения в деревне (до 10-18 акров) и распределение излишков земель среди безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих вызвало особенно острую реакцию. Странники крупных землевладельцев указывали на неэффективность таких реформ на то, что крупные хозяйства, организованные современным образом более способствуют росту экономики, чем мелкие и мельчайшие. Перед лицом такого сопротивления радикализм реформы был сведен к минимуму. В ответ некоторые леворадикально настроенные члены ИНК (И) стали утверждать, что партия недостаточно решительно стремится к проведению преобразований в пользу деревенской бедноты, а своими социалистическими лозунгами только вводит в заблуждение людей.

Помимо аграрной реформы острая борьба с правительством ИНК разгорелась вокруг вопросов, связанных с национализацией свыше 100 иностранных и индийских страховых компаний, ряда промышленных предприятий. В рамках кампании «новой национализации» под контроль государства перешло около 100 текстильных фабрик, владельцы которых угрожали их закрытием, ссылаясь на убыточность. В условиях усилившегося конфликта бизнес сообщества и правительства в качестве компромисса между государством и предпринимателями возникла идея создания «совместного» сектора в экономике. Речь шла об использовании финансовых возможностей государства для контроля над деятельностью монополий путем покупки их акций. Со своей стороны, крупные промышленники настаивали на реприватизации предприятий государственного сектора.

Правительство занималось также разработкой программы ликвидации бедности, которая нашла свое выражение в пятом пятилетнем плане Индии (1974/75-1978/79). В соответствии с ним предусматривался существенный рост сельскохозяйственного производства, повышение производительности малых и средних фермерских хозяйств, внедрение программ гарантированной занятости в сельской местности, а также развитие трудоемких малых производств в городах.

Однако на деле осуществить эту программу правительству так и не удалось. И дело здесь было не в ошибках И. Ганди, не в отсутствии у нее воли в достижении поставленных целей. У ее правительства не оказалось средств для ее реализации: сначала помешала засуха, потом началась индо-пакистанская война 1971 г., когда миллионы бенгальских беженцев перешли на индийскую территорию. Потом ситуация осложнилась в связи с нефтяным кризисом 1973-1974 гг., резко увеличившим расходы индийского бюджета и экономики в целом на закупку нефти.

Кроме того, крайне негативно на авторитет власти повлияла кампания по сокращению рождаемости. Насилие в осуществлении контрацепции среди наиболее бедных социальных групп, стало распространенным способом ее осуществления. В связи с этим и общим ухудшением экономического положения, критика правительства в обществе и в политическом поле стала быстро нарастать. Индиру Ганди объявляли чуть ли не узурпатором власти, большая часть партий и известных политиков призывали добиться ее ухода и отставки.

Рассчитывая переломить ситуацию и ограничить возможности оппозиции по противодействию политике правительства, в июне 1975 г. Индира Ганди ввела в стране чрезвычайное положение, которое получило одобрение парламента, где большинство было у ИНК. После этого многие руководители оппозиционных партий были арестованы, запрещена деятельность некоторых религиозно-общинных и левозэкстремистских организаций, ограничена свобода печати. Оппозиционные партии осудили репрессивные действия властей, в первую очередь аресты участников движения неповиновения.

Через пять дней после введения чрезвычайного положения премьер-министр обнародовала «Программу из 20 пунктов», ради реализации которой собственно и были ограничены возможности оппозиции. Эта программа по своей сути была очередным и, как выяснилось, последним изданием модели модернизации Индии в рамках социалистической альтернативы. Ее положения во многом повторяли социально-экономические программы 50-60-х и начала 70-х годов. Предусматривалось, в частности, снижение цен на продовольствие и другие, жизненно важные товары, изъятие излишков земли[®] сверх «потолка» установленного

землевладения, распределение их среди безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, освобождение сельской бедноты от кабальной задолженности. При этом программа делала уступку противникам Индиры Ганди. В ней говорилось о том, что широкая национализация не будет продолжена, и что правительство видит смысл в либерализации в сфере частного предпринимательства.

Однако даже самые привлекательные обещания программы «20 пунктов», не могли предотвратить глубокий раскол правительства и общества. Индира Ганди, попытавшись силой навязать обществу свою программу, нарушила неписанные правила сложившейся политической системы и поэтому весь политический класс за исключением уж совсем близких к ней людей выступил против нее. Репрессии против оппозиции, когда только в ночь введения чрезвычайного положения было арестовано от 30 до 100 тысяч человек, а затем и против профсоюзных активистов, жестокое подавление забастовок привели к началу кампании гражданского неповиновения, которая стала быстро распространяться по всей стране.

Ситуация усугублялась тем, что продолжение кампании по стерилизации бедных, на чем настаивал, ставший вторым человеком в ИНК сын Индиры Ганди - Санджай, превратилось по сути в массовое насилие, а наведение порядка в городах, что он также требовал, на практике вылилось в насильственное выселение оттуда мусульман и представителей низших каст. Страна быстро погружалась в состояние острого гражданского конфликта и в такой ситуации, почувствовав, что контроль над политическими процессами выходит из - под ее власти, Индира Ганди отступила - в январе 1977 г. объявила о проведении выборов в парламент, о смягчении законов чрезвычайного положения, об освобождении оппозиционных лидеров. Тем самым, премьер-министр признала простой факт, что в условиях Индии попытка установления диктатуры и слома существующей политической системы оказалась бесперспективной. Кроме того стало ясно, что возможность перехода к социалистической модели модернизации в существующей реальности невозможна. Накануне внеочередных выборов оппозиция ИНК объединилась и образовала Джаната парти (Народную партию). В ее состав вошли Органи-

зация Конгресс, Бхаратия джана сангх, Бхаратия лок дал (Индийская народная партия) и Социалистическая партия.

Еще одним ударом по престижу и амбициям ИНК (И) стал выход из партии накануне выборов группы видных деятелей во главе со старейшим членом руководства Джагдживаном Рамом - влиятельным и популярным политиком особенно среди представителей низших каст и неприкасаемых. Он объявил о создании новой партии — Конгресс за демократию, провозгласив в качестве своих целей демократию, социализм и секуляризм — против «диктатуры Индиры Ганди и ее сына Санджая».

6. Первое поражение ИНК (И) на выборах. Причины и последствия

На выборах 1977 г. блок Джаната парти — Конгресс за демократию одержал убедительную победу над ИНК (И). Лидером парламентской фракции Джаната парти был избран Морарджи Десаи, который и стал премьер-министром. Следует сказать, что победившая оппозиция выступала примерно с теми же самыми левоцентристскими лозунгами, что и Конгресс. Джаната парти утверждала, что отстаивает ценности Махатмы Ганди, и видит задачу в построении демократического и социалистического общества, что партия осуждает пороки капитализма и против политики монополий. Парадокс заключался еще и в том, что реальную альтернативу предвыборным программам ИНК и Джаната парти неофициально выдвинул Санджай Ганди. В декабре 1975 г. в одном из интервью он осудил работу госсектора и призвал приватизировать госпредприятия. Тем самым он поставил под сомнение один из главных принципов «индийского социализма».

Как и предполагали многие аналитики победившая оппозиция, объединившаяся на общем стремлении отстранить Индиру Ганди от власти, оказалась неспособна согласовать свои взгляды

Санджай Ганди - сын и наиболее вероятный преемник Индиры Ганди. Он погиб в июне 1980 г. при катастрофе спортивного самолета

и проводить консолидированную политику. Одна часть коалиции представляла интересы низших каст, другая, в частности БДС, высоких каст между которыми согласия не было. В стране вновь обострилось «кастовое сознание», резко усилились межкастовые противоречия и столкновения. Так и не сформулировав чего-то цельного, после целой серии расколов в 1979 г. коалиция Джаната парти распалась, а правительство во главе с Морарджи Десаи ушло в отставку.

Неудача политических оппонентов предоставила новый шанс Конгрессу вернуться к власти. И этот шанс был использован. ИНК(И) сумел восстановить поддержку со стороны низших каст и неприкасаемых и благодаря этому одержал победу на внеочередных выборах, состоявшихся в начале 1980 г. и вернулся к власти.

Проигравшие выборы оппоненты ИНК на основе Бхаратии джана сангх в апреле 1980 г. образовали новую партию - Бхаратия джаната парти (Индийская народная партия — БДП). Это организация как показали дальнейшие события, довольно быстро превратилась в мощную политическую силу и с ее образованием в стране на федеральном уровне фактически сложилась двухпартийная система. Но это была особая, сильно отличавшаяся от других стран Азии система политического соперничества. Почти везде в мире и, в том числе в странах Востока, противником просоциалистических или левоцентристских партий выступали правоцентристские и праволиберальные силы, ориентированные на господство частной экономики, личный индивидуализм, тесную связь с США и с Западом в целом.

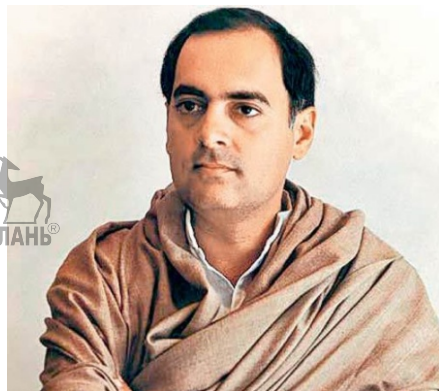
В Индии же носителем перемен продолжал оставаться ИНК(И), а правые политики из БДП, по большей части, делали упор не на либеральные, а на традиционные ценности, сохранение ведущей роли представителей высших каст. В сфере экономики они, как и ИНК(И) выступали за сильный государственный сектор и ключевую роль государства, при поощрении частного предпринимательства и поддержку частного бизнеса.

7. Проблемы политического и социального развития Индии в 80-е годы

Новое правительство Индиры Ганди сразу же после формирования вынуждено было решать сложнейшую проблему, связанную с борьбой сикхов за независимость Пенджаба и создание своего собственного государства - Халистан. Переговоры с сикхами результатов не дали, тогда правительство ввело президентское правление в Пенджабе. В ответ сикхи забаррикадировались в своей религиозной святыне и отказывались подчиняться властям. Наконец, в июне 1984 г. армия провела в Пенджабе операцию «Голубая звезда», в ходе которой против сикхов применялось тяжелое вооружение, включая танки. Они обстреляли Золотой храм, в котором укрывались сепаратисты. В результате операции погибло много мирных людей, позиции ИНК среди сикхов оказались подорванными, а в финале всего этого конфликта Индира Ганди, которая как премьер-министр отвечала за операции вооруженных сил, 31 октября 1984 г. была убита охранником-сикхом.

Правительство страны после ее убийства возглавил сын Индиры Ганди – Раджив. Он стал вторым человеком в ИНК (И) после гибели своего старшего брата - Санджая Ганди в авиакатастрофе в 1980 г. В отличие от своего брата, который не скрывал желания приватизировать госсектор, привлечь в страну иностранные капиталы, интегрировать Индию в глобальные рынки, Раджив не был готов к этому. Он не хотел что-либо менять в традиционной социалистической риторике ИНК (И). Новый лидер утверждал, что социализм является подлинно индийской идеологией, уходящей корнями в историю страны, провозглашал задачей

Раджив Ганди - премьер-министр Индии с 1984 по 1989 гг.

правительства экономическое развитие на основе социальной справедливости при «ограничении игры рыночных сил и свободы частного корыстолюбия и жадности».

Эти лозунги, а также симпатия миллионов индийцев к Индире Ганди, которая всегда твердо отстаивала единство Индии, обеспечили убедительную победу ИНК на состоявшихся в конце 1984 г. выборах. Возглавив правительство, Раджив Ганди превратился в самого популярного политика в Индии, у него появилась собственная харизма и огромное количество выступавших в его поддержку людей. О доверии ему заявляли миллионы избирателей. В такой ситуации он, будучи реалистом и прагматиком, объективно оценил углублявшийся в мире кризис «социалистической альтернативы». Путь экономической либерализации на этом фоне казался единственно правильным и, видимо поэтому именно он решился сделать первые подготовительные шаги для постепенного отказа ИНК (И) от модели «индийского социализма».

Социалистическая риторика руководства партии стала уступать место заявлениям иного типа о необходимости более широкого внедрения рыночных отношений, привлечения иностранных инвестиций и большей открытости страны миру. Все это должно было быть реализовано для того, чтобы Индия, как говорил он, «успешно могла участвовать в новой технологической революции, в прыжке в XXI век».

Инициированный им постепенный отход Конгресса от идей социализма и социальной справедливости, тесные связи с влиятельной бизнес - элитой, которые никак не скрывались, вызывали у простых индийцев подозрения в коррумпированности ИНК (И), ее зависимости от наиболее богатых кланов. Из-за этого партия оторвалась от своего традиционного массового избирателя. Это позволило оппозиции попытаться перетянуть хотя бы часть электората ИНК в лице бедных безземельных крестьян, представителей племен и низших каст на свою сторону. Возможность сделать это возникла из-за того, что ИНК не включил в свою предвыборную программу вопрос о резервировании квот в государственных службах и в учебных заведениях для представителей этих слоев общества. Его оппоненты из Национального фронта, в который вошли пять оппозиционных партий, которых

активно поддерживала БДП, выступили за реализацию принципа резервирования. Это естественно добавило им голоса и позволило обыграть ИНК, которая получила на выборах 1989 года всего 197 депутатских мандатов..

Важно здесь было и другое - впервые правая оппозиция смогла выступить против ИНК (И) не как консервативная сила, настроенная на защиту традиционных порядков и ценностей, а наоборот, как сила национальной модернизации. При всех спорах, которые вызвал закон о низших кастах в БДП, партия согласилась с уравниванием в реальных правах всех членов общества, включая неприкасаемых и членов низших каст. Для индийского политического класса и всего общества это решение стало огромным шагом вперед в преодолении кастового сознания и формирования однородного политического поля. В августе 1990 г. в парламенте было объявлено о принятии 27 %-ного резервирования рабочих мест в государственных учреждениях и такой же доли мест в высших учебных заведениях федерального подчинения для представителей низших и отсталых каст.

Несмотря на то, что внутренние расколы вновь помешали оппозиционным ИНК (И) силам остаться у власти надолго, курс на смену ориентиров в развитии экономики с социалистических на либеральные был продолжен уже правительством ИНК(И) после победы партии на новых выборах. Раджив Ганди, который мог бы стать главным индийским реформатором, до этой победы не дожил. В мае 1991 г., во время предвыборной кампании, террористка из организации «Тигры освобождения Тамил илама» убила лидера ИНК (И). Его преемником стал Нарасимха Рао, который после выборов 1991 г. стал премьер-министром и дал старт экономическим реформам, изменившим страну.

Подводя некоторые итоги развития Индии с момента обретения независимости и до начала 90-х годов, можно сказать, что политическая элита, возглавившая страну в 1947 г., выполнила в

Нарасимха Рао – премьер-министр Индии, перешедший к политике экономической либерализации

целом стоявшую перед ней историческую задачу по ее модернизации. Она обеспечила законодательное единство и взаимосвязь политического пространства, единую систему прав собственности и сформировала общее экономическое пространство, утвердила общие правила политической борьбы, а после принятия закона о резервировании для низших и отсталых каст возникло и общее социальное поле, что в условиях кастового сознания было делом особенно трудным. Все эти достижения обеспечили политическое единство страны, создали предпосылки для ее быстрого экономического роста и интеграции в глобальные рынки.

ГЛАВА VII. Турция от окончания Второй мировой войны и до распада СССР

1. Смена внешнеполитических приоритетов

К концу войны в турецкой правящей элите радикально поменялось представление о том, какая из стран Запада может выступить в качестве главного внешнеполитического партнера и союзника. Разгромленная в войне Германия на эту роль больше претендовать не могла, а без сильного союзника Турция оставалась одна перед лицом Советского Союза, который как считали в Анкаре, реально угрожает безопасности и территориальной целостности. Это не были беспочвенные утверждения, так как во время Потсдамской конференции советская делегация выступила с предложением рассмотреть вопрос о создании в Черноморских проливах военной базы, а также за то, чтобы возвратить некоторые территории на востоке Турции Советскому Союзу. Поэтому при первой возможности турецкое руководство стало искать помощи и поддержки у американцев, а позже заключило с ними военный союз и вступило в НАТО.

В июле 1947 г. было подписано первое турецко-американское соглашение о предоставлении Турции американской военной помощи на сумму 100 млн. долл. В 1948 г. была достигнута договоренность о порядке предоставления Турции помощи в рамках «плана Маршалла». В свою очередь турецкое правительство с началом корейской войны направило турецких солдат на фронт оказывать поддержку американцам. Заключив военно-политические соглашения с США, а позже, в 1952 г., вступив в блок НАТО, Турция надолго определилась в выборе стратегии своего внешнеполитического развития, стала позиционировать себя как бастион Запада на Черном море и на Кавказе.

На территории страны была развернута система военно-воздушных и военно-морских баз НАТО, площадок для запуска ракет, радиолокационных установок, пунктов прослушивания и

другой военной инфраструктуры. Армия и армейские офицеры, отправившись учиться в западные и прежде всего в американские военные академии, а внутри страны выделились в высокооплачиваемую, элитарную и ориентированную на Запад часть общества. Более высокий, чем в целом по стране уровень жизни в армии был связан с тем, что на ее содержание значительные средства поступали из США. Так, например, из 2,9 млрд. долл. помощи, полученной Турцией от США в период 1948 - 1959 гг., две трети составляла прямая американская военная помощь. Благодаря ей Турция смогла содержать и обучать огромную для нее, более чем полумиллионную армию.

2. Перемены в политике и в экономике в 40-50-е годы

Внутренняя политика Турции после окончания войны подверглась также серьезным переменам. После смерти Ататюрка антиклерикальный и антиисламский импульс в ней заметно ослабел, в стане кемалистов начались разногласия. Особенно они касались вопросов, связанных с отходом от тоталитаризма времен Ататюрка, расширением демократии и возвратом исламской религии в общественную жизнь. Тенденция к этому после окончания войны становилась все более явной. В декабре 1946 г. в меджлисе был обсужден вопрос о расширении в стране религиозного образования, причем объяснялось это желанием морального противодействия коммунистической опасности. В 1947 г. впервые турецким государством были выделены паломникам средства для хаджа в Мекку. В 1949 г. в школьные учебные программы включили в качестве факультативных уроки ислама, а при Анкарском университете для подготовки религиозных деятелей был создан богословский факультет.

В 1949 г. процесс реабилитации ислама вышел на новый этап - министерство просвещения открыло два первых десятимесячных курса имамов-хатибов в Анкаре и Стамбуле, за этим последовало открытие таких же курсов в других региональных центрах. В то же время попытки части депутатов изменить ключевую статью Уголовного кодекса, запрещающую использование ислама в политических целях, успехом не увенчались, хотя сторонники принятия этой поправки утверждали, что этот запрет —

«агрессия против ислама, он защищает безбожие и отдает коммунистическим духом».

Ослабление авторитарного характера кемалистского режима и его кризис стал еще более очевидным после провала Народно-республиканской партии на первых всеобщих выборах в 1950 г. На них НРП потерпела сокрушительное поражение от созданной в январе 1946 г. Демократической партии. Эта политическая сила состояла из кемалистов - бывших членов НРП, которые вышли из партии из-за несогласия с ее, как они утверждали, антидемократическим и авторитарным курсом. Они выступали за смягчение политического режима, учет влияния ислама на турецкое общество, за усиление позиций частного капитала и частного бизнеса в национальной экономике.

Такая программа привлекла турецких избирателей, уставших от почти тридцатилетнего правления НРП, и в результате Демократическая партия получила 408 мест в парламенте, а НРП всего 79. Можно сказать, что оппортунисты - кемалисты победили кемалистов-традиционалистов и вплоть до переворота 1960 г. довольно прочно удерживали власть за собой.

В период правления Демократической партии процесс реформ и, прежде всего в сфере экономики, был продолжен. Так, например, в основу земельного закона 1950 г. был положен принцип неприкосновенности частной собственности. Позже в 1955 и 1957 гг. парламент принял дополнения к этому закону, которые переносили главный акцент в земельном вопросе на освоение и заселение целинных и залежных земель, государственного фонда. Цель состояла в том, чтобы переселить крестьян, нуждавшихся в земле, в новые колонизуемые районы, и тем самым ослабить остроту аграрных противоречий в районах малоземелья.

В развитии турецкой промышленности главной проблемой являлась нехватка инвестиций и оборотного капитала. В связи с этим основным инструментом достижения экономического роста все правительства, сформированные Демократической партией в 50-е годы, видели в увеличении государственных расходов на финансирование госпредприятий, на осуществление новых инвестиционных проектов, на поддержку сельского хозяйства. При этом, хотя руководство Демократической партии, и заявляло о

намерении ограничить госкапитализм, приступить к постепенной передаче частному бизнесу ряда государственных предприятий, к реальной приватизации оно так и не приступило. Традиции кемализма были еще очень сильны и противники либерализации утверждали, что в Турции госсектор выполняет ключевую функцию поддержки и развития национальной экономики, оптимизации социального баланса в обществе, дотирования малоимущих слоев, а также науки и культуры.

Хроническое превышение расходов над доходами привело к разбалансированности турецкого бюджета, к административной борьбе с инфляцией и ростом цен, когда был принят закон, по которому местным органам власти вменялось в обязанность устанавливать предельно допустимые цены на товары и тем самым ограничивать прибыли оптовиков, импортеров и розничных торговцев установленными пределами. В 1953 г. в связи с оттоком валюты, правительство было вынуждено резко ограничить импорт: для ввоза товаров следовало получать специальное разрешение. Также была введена система строгого лицензирования, квот и валютных ограничений.

Несмотря на все эти проблемы и ставший хроническим дефицит бюджета, правительство демократов делало ставку на ускоренную экономическую модернизацию и формирование современных отраслей промышленности. Процесс индустриализации страны развивался в это время очень быстрыми темпами - в 1950-1953 гг. среднегодовые показатели роста ВВП превышали 11%. Однако долго такой несбалансированный рост, основанный на иностранных заимствованиях, продолжаться не мог и в первой половине 1958 г. турецкое правительство вынуждено было признать себя банкротом: оно оказалось не в состоянии произвести расчеты по своим внешним долгам. В результате в обмен на финансовую поддержку Запада правительство вынуждено было согласиться принять стабилизационную программу, вошедшую в историю страны как «программа августа 1958 г.». Разработанная при участии экспертов МВФ, она предусматривала упразднение введенной в 1956 г. системы контроля над ценами, ограничение объема банковских кредитов. Это привело с одной стороны к достижению сбалансированности бюджета, но с

другой к резкому сокращению темпов экономического роста с 1954 по 1958 г. до 4,1%, а в 1959-1961 гг. до 3,1% ВВП в год.

Экономические трудности и рост социальной напряженности, руководство Демократической партии стремилось компенсировать путем все более явного возврата ислама в политическую жизнь страны. Во второй половине 50-х годов был отменен запрет на чтение зана (призыв на молитву) на арабском; уроки религии, сохраняя свою факультативность, превратились в неотъемлемую часть учебной программы. Открылись новые школы имамов-хатибов — в Анкаре, Стамбуле, Адане, Испарте, Мараше, Конье и Кайсери; впервые уроки религии были добавлены к программе средней школы. Такая политика правительства вызывала все большее недовольство у ортодоксальных кемалистов и особенно в верхушке турецкой армии, где светские основы государства рассматривались как фундамент новой Турции. Часть военных была убеждена, что существующий режим подрывает основы - принципы светскости турецкого государства, заложенные Ататюрком.

Ощущая непрочность своего положения, лидеры демократов, попытались первыми нанести удар по оппозиции и предотвратить ее выступление. Фактически они встали на путь репрессий, стремясь доказать наличие антиправительственного заговора среди ортодоксальных кемалистов. Аресты производились среди всех слоев населения. 18 апреля 1960 г. была даже создана парламентская комиссия по расследованию «подрывной деятельности» кемалистов из НРП. Комиссия приняла решение запретить на три месяца проведение собраний и съездов оппозиционных партий и публикацию в газетах любой политической информации.

Выступления против непопулярных экономических мер правительства, продиктованных МВФ, а также его происламских симпатий и скатывания к диктатуре, приняли довольно широкий характер. 27 апреля 1960 г. студенты Стамбульского университета провели митинг протеста против начавшихся репрессий. На следующий день состоялась многотысячная демонстрация, против которой полиция пустила в ход слезоточивый газ, а потом и открыла огонь на поражение. В результате столкновения были убитые и раненые, что вызвало в стране широкое возмущение.

Али Аднан Мендерес - премьер-министр Турции 1950-1960. Смещен и повешен в результате военного переворота.

В мае 1960 г. к антиправительственным выступлениям студентов, присоединилась и часть армии: около тысячи курсантов Анкарского военного училища вышли на демонстрацию. В ночь с 26 на 27 мая 1960 г. танки заняли наиболее важные пункты столицы, а находившиеся в Анкаре члены правительства, депутаты правящей партии, начальник Генерального штаба были арестованы. Премьера А. Мендереса арестовали в Эскишехире. Руководители переворота объявили о свержении правящего режима и об учреждении Комитета национального единства. 27 мая по турецкому радио выступил генерал Дж. Гюрсель, ставший главой этого Комитета, который объявил, что армия берет всю полноту власти в свои руки, а он становится главой Временного правительства. После этого кемалисты – ортодоксы устроили расправу над кемалистами - оппортунистами из числа лидеров Демократической партии и их приближенными. В сентябре 1960 г. к суду были привлечены почти 600 наиболее видных представителей бывшего режима. По приговору суда бывший премьер-министр А. Мендерес, министр иностранных дел Ф. Зорлу и министр финансов Х. Полаткан были повешены, большинство других подсудимых были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

3. Турция после военного переворота 1960 г.

Переворот 1960 г. открыл новую эпоху в истории Турции, когда армия и ее высший офицерский состав присвоили себе право определять судьбу того или иного гражданского правительства, выступая в роли гарантов невозврата к исламизму и сохранения принципов светского государства и светской жизни, введенных Ататюрком. Военные заявили о непереходящей актуальности сформулированных основателем турецкого государства так называемых шести принципов кемализма - светскость, национализм и либерализм, этатизм, революционность и народность. Эти принципы, подчеркивали они, должны постоянно

присутствовать в турецкой политике. Военные также однозначно заявили, что они видят будущее Турции в Европе и крайне отрицательно относятся к попыткам восстановления ислама как определяющей национальной идеологии.

Такой жесткий и однозначный подход военного командования на годы задал идеологические рамки для действий любых гражданских правительств, придал турецкой политике определенность и предсказуемость, что позитивно сказалось и на положении в стране и на темпах экономического роста. После переворота курс на интеграцию в европейское экономическое и социально-политическое пространство стал доминирующим и для внешней и для внутренней политики. В 1963 г. Турция подписала соглашение о присоединении к европейскому «Общему рынку» в качестве ассоциированного члена. В начале 60-х годов была принята и новая конституция, провозгласившая Турцию «национальным, демократическим, светским и социально-правовым государством».

Конституция подтверждала республиканскую форму правления, независимость законодательной, исполнительной и судебной власти, выборность и сменяемость представительных органов. В ее тексте особо оговаривались принципы светскости: право верующего на исполнение молитвы, образование, свободу заявлять или не заявлять о своих религиозных чувствах. В одной из статей запрещалась эксплуатация религиозных чувств в политических и личных целях. Здесь явно просматривалась попытка конституционно защитить принцип светскости от усиливающихся нападков сторонников возвращения ислама в турецкую политику. В то же время конституция не решала проблему национальных меньшинств, прежде всего курдов, которые в эти годы все более политизировались и начинали вновь осознавать себя как самостоятельная и иная чем этнические турки, часть турецкого общества. Запреты на курдские фамилии, на то, чтобы они даже дома разговаривали на своем языке, обучали своих детей в национальном духе, вызывали все больший протест, который подогревался тем, что тысячи курдов, которые в эти годы отправились на работу в Германию, активно развивали там свой язык, литературу. У них крепло убеждение в необходимости расширения прав своих соотечественников в Турции. Ортодок-

сальный кемализм с его идеей подавления национальных меньшинств и превращения их всех в турков, в курдском вопросе дал серьезный сбой, который через некоторое время стал угрожать единству и целостности страны.

Военный переворот 1960 г. несмотря на весь радикализм и жесткость установленной власти, не остановил, а только притормозил тенденцию к восстановлению ислама. Жесткая ставка военных на построение светского государства и даже их ориентация на Европу, особой поддержкой со стороны большинства общества не пользовались. Более того, после переворота выяснилось, что продолжение развития страны на принципах кемализма встречает все более серьезное сопротивление, так как на большей части Турции силу набирали совершенно иные тенденции - возврата к традиционализму, исламскому порядку. Несмотря на жесткий контроль военных администраторов за политикой и идеологией, в разных районах страны все время возникали движения и партии, стремившиеся использовать общественный тренд на традиционализм и совместить борьбу за ислам и за демократию.

Неджметтин Эрбакан - премьер-министр Турции в 1996-1997 гг. Видный происламский политик.

В январе 1970 г. была организована Партия национального порядка, в программе которой подчеркивалось, что она выступает против «использования светскости... в качестве инструмента давления на религию». Ее лидер Н. Эрбакан подвергал европейский выбор Турции, движение в «Общий рынок», а затем и в Европейское экономическое сообщество критике, называя все это «детищем сионистских кругов».

Одновременно он стал выступать и против особых отношений сложившихся в то время у Турции с Израилем. Его пропаганда имела довольно сильный отклик в турецком обществе, причем главным образом среди огромной массы мелких предпринимателей, не имевших серьезной правительствен-

ной поддержки, опасавшихся конкуренции с европейскими производителями в случае дальнейшего сближения с ЕС.

Таких людей было очень много - итоги промышленной переписи 1970 г. свидетельствовали о том, что в Турции на указанный год имелось свыше 170 тыс. мелких предприятий обрабатывающей промышленности с количеством занятых 325 тыс. человек. Более двух третей этой армии грудящихся были владельцы предприятий и члены их семей. 68% предприятий составляли мельчайшие мастерские. Социальный потенциал этой огромной армии ремесленников и мелких торговцев, был весомой силой и проявлялся в поддержке традиционалистских и антизападных лозунгов и сил. Там где их было особенно много - в Центральной и Восточной Анатолии массовые протесты часто выливались в форму «национальной» и религиозной борьбы против «масонов, сионистов и империалистов».

Правительство, возглавляемое Сулейманом Демирелем - лидером Партия справедливости, сформированной в 1961 г. на обломках запрещенной Демократической партии после выборов 1965 г. сменило у власти близких к военным народных республиканцев. Но вскоре стало ясно, что новый кабинет министров фактически повторяет путь своих несчастливых коллег, ставших жертвами военного переворота 1960 г. Демирель и его министры не предпринимали никаких мер, чтобы остановить процесс восстановления ислама как национальной идеологии. Да и как они могли этот процесс остановить, если опирались как раз, на те самые слои общества, какие и выступали инициаторами и сторонниками традиционалистского тренда. На выборах 1965 г. Партия справедливости добилась оглушительного успеха, получив в меджлисе 240 мест (из 450), опираясь на различные группы предпринимателей, на владельцев земли, на зажиточных крестьян. Благодаря этой победе ПС сформировала однопартийное правительство, которое возглавил С. Демирель. Ее главный противник кемалистская

Сулейман Демирель - выдающийся турецкий политик, умеренный консерватор, много раз был премьер-министром и президент Турции в 1993-2000 гг.

НРП, которую стали называть чуть ли не марионеткой военных кругов, завоевала лишь 134 места в меджлисе и осталась в оппозиции.

Бездействие Партии справедливости в противостоянии с религиозными экстремистами вызвало новый подъем антизападных и происламских настроений, а также нарастание активности нелегальных партий и организаций коммунистического, троцкистского, анархического толка. Столкновения левых и крайне правых молодежных движений создали в стране атмосферу анархии, обуздать которое правительство, несмотря даже на введение в Измире и в Стамбуле чрезвычайного положения, не смогло. Стабильность была спасена благодаря новому вмешательству армии. 12 марта 1971 г. решением ее высшего командования правительство Демиреля было отправлено в отставку. Военные объявили чрезвычайное положение на 30 месяцев.

4. Новый переворот и новое десятилетие развития.

Турция в 70-80е годы

Сразу же после военного переворота армия стала вновь наводить порядок в стране, имея в виду уничтожение наиболее радикальных группировок разной политической направленности. По представлению военных Конституционный суд запретил деятельность Партии национального порядка за выступления против светского режима; ее лидер Н. Эрбакан из-за угрозы ареста вынужден был эмигрировать. Новые кабинеты министров стали формироваться только с согласия генералитета, выступившего в поддержку Народно-Республиканской партии, которая, апеллируя к идеалам кемалистской революции и турецкому национализму, превратилась в главного противника традиционалистов и исламистов.

После военного переворота в руководстве НРП стали осознавать недостаточность обращения только к истокам кемализма, чтобы остаться одной из ведущих сил турецкой политики. В это время начинается поиск нового имиджа партии, поиск новой проблематики актуальной для избирателей. НРП находит себя в повороте к идеалам европейской социал-демократии. Политические свободы, многообразная интеграция в Европу, светский ха-

раक्टर власти - все это помогло НРП обрести «второе дыхание». В 1973г. партия победила на выборах, а ее популярность еще больше возросла в связи с решительными действиями турецкого правительства после переворота на Кипре и свержения там законно избранного лидера - архиепископа Макариоса.

Под лозунгом защиты интересов турок-киприотов турецкие войска высадились и захватили примерно 40% территории острова. После этого лидер НРП, в лучших традициях кемалистов, демонстративно разорвал отношения с США и НАТО из-за осуждения ими действий турецкого правительства и заявил, что пересматривает отношения с «Общим рынком», укрепляет торговлю с СССР. Такие решительные антизападные шаги и особенно демонстративный разрыв с США, как вскоре выяснилось, особой поддержки в турецкой элите не нашли. После выборов, состоявшихся в 1977 г., партия премьер-министра Эджевита, хотя и получила больше всех голосов, не смогла сформировать собственное правительство, и вынуждена была разделить министерские портфели с Партией закона Сулеймана Демиреля. Коалиция двух традиционных соперников, которые в борьбе друг с другом использовали поддержку разного рода экстремистских сил и организаций, положительного эффекта не дала. Скорее привела к тому, что в условиях паралича власти, когда обе соперничающие силы блокировали любые инициативы друг друга, и в экономике и в политике ситуация в стране стала быстро ухудшаться.

В экономике темпы роста падали и все более проявлялись ограничения импортозамещающей модели. Государственные предприятия оставались основой развития турецкой промышленности. Прежде всего, это касалось металлургии и нефтехимии, государство контролировало производство электроэнергии, ему принадлежали железные дороги и весь подвижной состав, значительная часть морского транспорта страны, шоссейные дороги, связь и авиационные перевозки. Банковская система страны также находилась под контролем государства. В условиях двухпартийного кабинета и ослабления общего контроля и руководства вся эта система оказалась слабоуправляемой, коррумпированной, а многие предприятия оказались неэффективными и работали в убыток.

Особенно опасным для власти являлось восстановление позиций происламских политических группировок. В условиях ослабления влияния со стороны центра, контроль над значительной частью районов на Востоке и в центре Анатолии перешел к исламским традиционалистам, которые последовательно брали под свой контроль целые вилайеты. В июле 1980 г. был убит бывший премьер-министр Турции Нихат Эрим. В августе от рук террористов ежедневно погибало до 20 человек. В начале сентября в г. Конья состоялась большая манифестация, организованная происламской партией Национального спасения, во время которой участники, одетые в религиозные одежды, требовали упразднения "безбожного государства" и объявления джихада. Как тогда часто шутили образованные и проевропейски настроенные турки - «армии пришло время выйти из казарм».

5. Переворот 1980 г. и последующие события

Угроза экономического кризиса, прихода к власти исламских активистов, анархии и гражданской войны стала настолько велика, что армия вновь вышла на политическую арену. У генералов можно сказать, и не было другого выхода. После отставки президента Корутюрка, у которого в апреле 1980 г. истекли полномочия, межлис должен был избрать нового президента, однако лидеры политических партий оказались неспособными прийти к согласию. Парламент в течение шести месяцев заседал, обсуждал, голосовал (было проведено 116 голосований), но так и не смог избрать нового президента. Работа законодательного органа Турции была фактически парализована. В таких условиях только армия могла восстановить порядок и статус-кво в стране.

На день выступления военных, 12 сентября 1980 г., Партия Национального Действия (ПНД) главная политическая сила происламских радикалов и пантюкистов контролировала уже 1700 легальных «идеологических» обществ, насчитывавших 200 тыс. членов, имела примерно 1 млн. сторонников. В распоряжении ПНД находились военизированные лагеря для подготовки террористов и штурмовиков, склады оружия, радиостанции. В ряде так называемых освобожденных районов, губернаторы и полиция действовали от ее имени.

12 сентября Национальный совет безопасности, возглавляемый генералом Кенаном Эвренем, объявил по национальному телеканалу о государственном перевороте. Этот новый высший орган власти ввел военное положение в пределах всей страны, упразднил Парламент и правительство, временно приостановил действие Конституции и запретил все политические партии и профсоюзы. Пришедшие к власти военные, провозгласили переворот в духе кемалистских традиций; государственного секуляризма и объединения нации, чем уже оправдывались предыдущие перевороты и представили себя как противников коммунизма, фашизма, сепаратизма и религиозного сектанства.

Военный переворот привел к разгрому наиболее радикально настроенных организаций исламистов и надолго остановил процесс ползучей исламизации страны. В то же время тысячи людей были арестованы, высланы из страны, лишены гражданства, десятки были убиты. Это, кстати, Эврону не простил Эрдоган и его сторонники-исламисты. Придя к власти, они в 2014 г. приговорили бывшего генерала и многолетнего президента к пожизненному заключению и разжаловали его в рядовые. Тот в 2015 г. так и умер в тюрьме.

Переворот 1980 г. отличался по целому ряду факторов от предыдущих переворотов 1960 и 1971 гг. На сей раз военные не просто передали власть связанным с ними гражданским политикам, а представили сформированному после переворота новому правительству карт-бланш на проведение либеральных экономических реформ. Пришедшее к власти в результате выборов правительство Тургутта Озала - лидера созданной им незадолго до выборов партии Отечества, получившей в междлисе 211 мест из 400 возможных, отбросило традицию, шедшую еще от Ататюрка, на сохранение этиатистского государства и господство госсектора в экономике и перешло к политике широкой либерализации и приватизации. Характери-

Тургут Озал - премьер-министр, который сумел реформировать турецкую экономику. С 1989 и по 2003 гг. президент Турции.

зую свои взгляды и взгляды своих однопартийцев, Тургут Озал любил повторять, что «мы консерваторы в вопросах морали, либералы в экономике и прогрессисты в том, что касается социальной справедливости».

Суть первых законодательных мер правительства Т. Озала состояла, в отмене монополии государства на ряд отраслей экономики и допуск в них частных компаний, а также в приватизации ключевых предприятий госсектора. В тексте принятого в 1984 г. пятого пятилетнего плана развития (1985—1989) подчеркивалось, что государственные капиталовложения в промышленность и торговлю уже не составляют основные объемы капиталовложений. Ставка была сделана на частные инвестиции и инвестиции из-за рубежа. В июне 1986 г. был принят закон, получивший в Турции наименование Кодекса приватизации. Согласно ему государственное предприятие даже занимавшее монопольное положение в какой-либо отрасли, могло быть приватизировано, так же как и государственный пакет акций в капитале смешанной компании мог быть передан в частную, либо корпоративную собственность. Кроме того был отменен существовавший с 1930-х годов жесткий контроль государства над валютной системой, либерализованы режимы импорта, деятельности иностранного капитала, поощрения экспорта, ограничено в значительной мере вмешательство государства в ценообразование.

Участие государства в экономике правительство Т. Озала стремилось ограничить лишь теми областями, где частный сектор не мог рассчитывать на получение приемлемого дохода. Речь шла о таких сферах, как оборонная промышленность, коммунальное обслуживание, здравоохранение, образование, промышленная инфраструктура. Все, что могло быть приватизировано, законодательно открывалось для местного и иностранного частного капитала. Переход на модель экономики ориентированной на экспорт, в условиях очевидной политической стабильности, позволил Турции привлечь иностранные инвестиции. Страна сумела выйти со своей продукцией на новые рынки и обеспечить ежегодные темпы прироста ВВП в среднем за 1984 - 1987 гг. на 7% в год. 90-е годы Турция встречала ощутимым экономическим подъемом, заметным ростом уровня жизни. Менялась со-

циальная картина - в крупнейших городах появился многочисленный средний класс. Много тогда писали о том, что Турция демонстрирует то, как мусульманская страна может успешно идти по пути модернизации. Казалось, что в сложившихся реалиях шансы сторонников восстановления ислама и шариата невелики. Жизнь в 90-е и последующие годы показала, что это оказалось не так.

ГЛАВА VIII. Иран: противоречивая история от 1945 и до 1991 г.

1. Бурные события 1945-1952 гг.

После окончания Второй мировой войны перед иранской правящей элитой с особой остротой встала проблема сохранения территориальной целостности страны. Дело в том, что на севере в Иранском Азербайджане, за время пребывания там советских войск сформировалась альтернативная правящая элита, объединенная в Демократическую партию Азербайджана, стремившаяся к максимальной самостоятельности и автономии. Примерно такого же рода вопросы стояли и в Курдистане, где активно действовала своя Демократическая партия. В Иранском Азербайджане после провозглашения демократической республики в декабре 1945 г. правительство провело выборы, выпустило собственные деньги, установило контроль над банками и ввело государственную систему торговли, объявило азербайджанский - государственным языком. Управление Иранским Азербайджаном перешло в руки активистов ДПА, из которых стала формироваться и местная армия. Одновременно с провозглашением Демократической Республики Азербайджан, в январе 1946 года, в Иранском Курдистане была провозглашена так называемая Мехабадская республика, которая также стремилась копировать азербайджанский опыт.

Трудно сказать, как дальше развивались бы события в Иране, но под давлением Великобритании и США, СССР принял решение о выводе своих войск из Северного Ирана. После этого судьба демократических республик была предрешена, несмотря даже на то, что иранские власти официально заявляли о готовности вести переговоры об их автономии. В ноябре 1946 г. правительство Ирана объявило о введении войск в Азербайджан и Курдистан «для обеспечения свободы выборов в меджлис 15-го созыва». Всего было сосредоточено до 20 батальонов. 15 декабря

1946 года иранцы, не встретив сопротивления, вступили в Тебриз, на несколько дней позже в Мехабад в Курдистане.

Единство Ирана было восстановлено и тогда на повестку дня иранской политики вышли вопросы отношений с Великобританией и США, а точнее вопрос о контроле над нефтяными богатствами страны. Эта проблема на долгие годы превратилась в болевую точку иранской внутренней и внешней политики. В попытке наполнить постоянно дефицитный бюджет шахское правительство попыталось поставить под свой контроль нефтяную промышленность, которая согласно договоренностям 1901 г. и концессионному соглашению 1933 г. (срок действия — до 1993 г.) полностью находилась в ведении Англо-иранской нефтяной компании (АИНК).

В 1947 г. меджлис принял закон, который не только аннулировал соглашение о создании советско-иранского общества по разведке и эксплуатации нефти на севере Ирана, (кстати, это было одним из условий вывода советских войск с территории Иранского Азербайджана), но и предписывал руководству страны «восстановить право иранского народа на южную нефть». Это решение создавало правовую основу для борьбы за пересмотр отношений с АИНК. Возглавил эту борьбу созданный в 1949 г. так называемый Национальный фронт (НФ), представлявший собой самые разнородные политические силы левого и националистического толка, в том числе и коммунистов из Народной Партии Ирана (хотя партия была уже официально запрещена).

Лидером Национального фронта стал доктор Мохаммад Мосаддык, который возглавил правительство в апреле 1951 г. после одобрения меджлисом закона о национализации нефтяной промышленности. Инициированные им переговоры с англичанами об условиях продажи иранской нефти затягивались, а объявленная национализация нефтяного сектора привела к ответной экономической блокаде страны, что только усилило и без того кризисное состояние экономики. Сокращение валютных поступлений от экспорта нефти, привело к резкому ограничению импорта, началась дезорганизация внутреннего рынка, задержка с выплатами зарплат нефтяникам.

Воспользовавшись общим ухудшением ситуации, шах в июле 1952 г. объявил об отстранении премьер-министра Мосаддыка от власти. Однако это решение одобрения в обществе не вызвало. В поддержку «левого» Мосаддыка и его борьбы за национализацию нефтяных ресурсов и в целом антизападной и антианглийской политики правительства выступило шиитское духовенство. Это сразу же резко повысило массовость выступлений за возвращение Мосаддыка к власти. Роль шиитского духовенства особенно проявилась в начавшемся в июле 1952 г. восстании в Тегеране. С призывом к «великому джихаду» против правительства, возглавляемого Кавамом ас Солтане, который в пятый раз занял премьерское кресло и давно был тесно связан с американцами и англичанами, выступил

Доктор Мосаддык - премьер-министр Ирана с 1952 по 1953 гг., реформатор, был свергнут в результате военного переворота.

аятолла Аболькасем Кашани, наиболее популярный в то время шиитский лидер. После расстрела многотысячной демонстрации и начавшихся беспорядков в Тегеране и в стране, шах и его окружение согласились на уступки и 22 июля 1952 г. доктор Мосаддык был вновь назначен премьер-министром.

Генерал Захеда. Свергнувший правительство Мосаддыка.

Казалось, что победа блока националистов и в том числе левых и шиитского духовенства в борьбе против шаха и его западных покровителей уже достигнута. Шах и его окружение, опасаясь нападений, покинули страну, и в условиях нараставшего хаоса на политическую арену вышла иранская армия. 19 августа 1952 г. в результате военного переворота во главе с генералом Захеда правительство Мосаддыка было отстранено от власти. Захеда стал премьер-министром, в стране ввели военное положение, запретили деятельность всех

политических партий независимо от их программ. Сотни сторонников Мосаддыка были арестованы и казнены.

Все эти события означали не только поражение светской оппозиции шахской власти, но и поражение шиитского духовенства, которое в очередной раз вынуждено было отступить и подчиниться доминированию шаха и его окружения.

2. Укрепление шахской власти и программа модернизации, названная «белой революцией» 1952-1979 гг.

После переворота и возвращения шаха из эмиграции в стране сложилась довольно благоприятная ситуация для проведения реформ - и левые, и традиционалисты и вообще все основные антишахские силы оказались разгромлены и подавлены, шиитское духовенство также серьезно пострадало и на долгие годы вынуждено было отойти от активной политики. В связи с этим, возможности оказать сопротивление модернизационным реформам со стороны оппозиционных политических сил оказались очень ограниченными.

Перед началом серии реформ, названных позже «белой революцией», шах и его окружение установили самые тесные отношения с США. Еще в 1950 г. они заключили с американцами соглашение «О взаимной помощи в целях обороны». В 1955 г. Иран присоединился к так называемому Багдадскому пакту - военно-политической группировке на Ближнем и Среднем Востоке, которая была создана по инициативе Великобритании, США и Турции. В том же году Тегеран заключил военный договор с Вашингтоном, превратившись фактически в его главного союзника на Среднем Востоке.

Задуманная шахом и его окружением масштабная и довольно радикальная модернизация представляла собой серию реформаторских шагов, которые развивались в целом по единому плану и ставили своей целью превратить Иран в современное и процветающее государство, которое бы входило в десятку наиболее развитых стран мира. Идеология реформы сводилась к прагматизму, причем на начальном этапе «белой революции» больше использовались элементы, взятые из доктрины социалистической модернизации и, в частности, планирование, упор на разви-

тие госсектора, но позже все более очевидным стал упор на расширение в стране частной инициативы.

Первые два семилетних плана — 1948/49-1954/55 и 1955/56 1961/62 гг. были направлены на развитие инфраструктуры и предприятий с преобладающим государственным участием. Позже в стране стал вводиться механизм продажи государственных предприятий частным лицам. При этом правительство шаха отказалось от жесткого протекционистского курса и широко открыло двери импорту. В 1955 г., после почти двухлетних дебатов, меджлис принял закон «О привлечении и защите иностранных инвестиций». По этому закону иностранный капитал в течении пяти лет освобождался от уплаты налогов, зарубежные инвесторы имели право вывозить прибыль в валюте, законом гарантировалась неприкосновенность инвестиций. В 1957 г. был введен так называемый ирано-американский закон, предоставлявший дополнительные привилегии и гарантии американским частным инвесторам. В 1958 г. был принят специальный закон об отмене ограничений для иностранных банков в Иране.

За несколько лет шахская власть укрепилась настолько, что уже в 1957 г. отменила военное положение и разрешила деятельность партий, в том числе Национального фронта. В стране вновь активизировалась партийное строительство, причем шахский режим попытался сформировать двухпартийную систему. Были образованы две партии - «Меллион» («Националисты») во главе с премьер - министром Манучехром Экбалем и «Мардом» («Народ») - как партия лояльной режиму оппозиции. Сложившиеся, таким образом поле для легальной политической деятельности оказалось, однако, очень узким. В него не вошли ни шиитские традиционалисты, ни левые социалисты и коммунисты, оставшиеся фактически вне закона. Созданный парламентский механизм слабо отражал общественные настроения, и партии и политики были накрепко связаны с шахским режимом, поэтому вся эта политическая конструкция реального влияния на политику не оказывала, а лишь свидетельствовала для внешнего мира о том, что в стране есть и партии, и выборы, и демократические свободы.

В конце 50-х годов шахское правительство провело серию реформ в аграрной сфере, в рамках которых значительная часть

государственных и принадлежавших шаху земель были переданы крестьянам в собственность для создания первых сельскохозяйственных кооперативов. Был принят закон, который ограничил помещичье землевладение, в результате резко сократилась доля издольной аренды. В январе 1962 г. шах подписал еще один закон, который ограничивал собственность помещиков одной деревней по их выбору. Остальные земли подлежали продаже крестьянам-арендаторам, которые помимо оплаты земель в рассрочку на 15 лет должны были вступать в сельские кооперативы. Государство брало на себя обязанность рассчитаться с помещиками за отчуждаемые земли в течение десяти лет. Им предлагалось решить проблему взаимоотношений с крестьянами одним из трех способов — либо сдать им земли в аренду на 30 лет, либо продать издольщикам по обоюдному согласию, либо разделить на основе сложившейся между крестьянами и помещиком доли в распределении урожая (издольная аренда предусматривает раздел урожая в соответствии с участием в производстве). Реформа затронула также земли духовенства: угодья общественных вакуфов (свыше установленного максимума владения) предлагалось сдать в аренду обрабатывающим ее крестьянам на 99 лет. Плата за аренду устанавливалась из расчета средних доходов землевладельцев за последних три года.

В промышленной сфере также произошли значительные перемены. Были приняты законопроекты о продаже государственных фабрик и заводов в частные руки для финансирования аграрной реформы (государство часть выкупных платежей отдавало помещикам в виде акций предприятий, переводя их в разряд промышленных предпринимателей), об участии рабочих в прибылях предприятий. Для распространения грамотности Шах создал так называемый Корпус просвещения, настоял на новых правилах выборов в меджлис и сенат. Последний закон, по которому женщины получили одинаковые с мужчинами избирательные права, вызвал особенное противодействие духовенства.

В начале 60-х годов главными ориентирами в развитии национальной экономики на 25-летний период были названы: среднегодовой рост национального дохода в 6%, рост населения в пределах 2,5%, увеличение доходов на душу населения в 2,5 раза. К началу действия плана они составляли всего 150 долл., а

в 1977 г. (через 15 лет после принятия этого плана и накануне исламской революции) достигли почти 2 тыс. долл. То есть они увеличились почти в 12 раз.

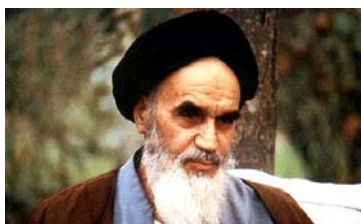
В результате реформ 1960-1970-х годов среднегодовой темп прироста валового внутреннего продукта за 1960/61-1966/67 гг. составил 6,7%, за 1967/68-1976/77 гг. — 10,8%. Общее направление экономического развития Ирана стала определять промышленность. С 1970 г. доля промышленных отраслей в ВВП устойчиво превосходила долю сельского хозяйства. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства в 1960/61 — 1966/67 гг. равнялись 11,1%, в 1967/68-1976/77 г. — 12,8%. Появился и быстро развивался ряд новых отраслей: автомобилестроение, нефтехимия, радиотехника, металлургия, машиностроение. В стране были построены Исфаганский металлургический комбинат полного цикла, заводы тяжелого машиностроения, тракторный завод, обустроены крупные угольные шахты и рудники по добыче и обогащению железной руды. Западный и японский капитал стал активно осваивать нефтехимию, автомобилестроение, производство бытовой техники. В стране появилась современная банковская система и фондовая биржа.

В 1974 г. была создана иранская организация атомной энергии, программа деятельности которой предусматривала строительство 20 крупных реакторов, создание собственной сырьевой базы. Казалось, что Иран не просто сделал решительный рывок в модернизации социальной и экономической систем, но и готовится участвовать в глобальном интеграционном проекте.

Ситуация резко изменилась в 1977-1978 гг., когда темпы экономического роста начали падать, а инфляционные процессы нарастать. В условиях массового недовольства противники шаха и его реформ, находившиеся долгое время в глухой оппозиции, либо за границей, немедленно активизировались с тем, чтобы использовать нараставшие трудности в борьбе за власть. В ноябре 1977 г. начались антиправительственные выступления студентов политологического университета «Арьямехр» и Тегеранского университета. Выступления продолжались несколько дней, режим, все более ощущавший свою уязвимость, действовал непропорционально жестко: при подавлении полицией и армией

студенческих выступлений было убито несколько десятков студентов, что резко обострило политическую ситуацию.

В этих условиях на политическую арену вышло шиитское духовенство, которое, оправившись после переворота генерала Захеда, начинает организационно и идеологически оформляться в антишахскую оппозицию. Одним из центров антишахского движения стал город Кум, где с 1961 г. стали собираться сторонники аятоллы Хомейни.

*Аятолла Хомейни.
Идеолог и организатор исламской
революции в Иране.*

Еще в 1941 г. этот религиозный деятель опубликовал работу «Кашф аль-асрар» («Раскрытие тайны»), где обосновал идею исламского правления и необходимости его установления в Иране.

Считается, что началом антишахского движения духовенства, стала речь Хомейни в медресе Фейзие в Куме 3 июня 1963 г. — в день Ашуры (день поминовения мученика Хосейна), которую он посвятил критике монархии Пехлеви, в том числе и за сближение с США и Израилем. После этого Хомейни был арестован и заключен в тюрьму Каср в Тегеране. Такими шагами шах сам превращал Хомейни в мученика и главного оппозиционера, идеи которого обрели огромную популярность в среде шиитского духовенства и окормляемых им людей. В январе 1978 г. из-за нападок в прессе на Хомейни начались выступления учащихся медресе в Куме. В ходе подавления этих манифестаций было убито несколько десятков человек.

Сталкиваясь с все более серьезным сопротивлением, шах Ирана стремился максимально укрепить свой режим, фактически превращая его в диктатуру, в которой господствовала служба внутренней безопасности (САВАК). Он не шел на уступки, не пытался расколоть оппозицию, перетянуть на свою сторону светских оппозиционеров, воспользоваться тем, что появившийся в Иране благодаря его реформам средний класс, сможет оказать ему серьезную политическую поддержку. В своей борьбе за власть шах показал себя в это время противоречивым и непоследовательным политиком. Он то склонялся к радикальной де-

мократизации, инициировал отставку назначенного им и преданного ему премьер-министра и правительства, только потому, что его политические противники обвиняли его министров в коррупции, то объявлял о свободе деятельности партий (кроме марксистских). Он отменял цензуру и объявлял о возврате к мусульманскому летоисчислению. Но все эти метания власти указывали на ее слабость, поэтому, не добившись нужного ему результата, он вновь возвращался к репрессивной политике, которая становилась все более кровавой - объявлял в Тегеране военное положение, в результате чего во время столкновений в один день погибло около 3 тыс. человек. Было очевидно, что шах и его окружение окончательно оторвались от общества, находятся в панике и не имеют программы что делать и как выходить из кризиса.

Шахпур Бахтияр.
Последний премьер-министр назначенный шахом . Правил всего месяц с 4 января по 5 февраля 1979 г.

Находясь во Франции, Хомейни - неоспоримый лидер религиозной оппозиции, убедившись в бессилии правящей власти, 25 ноября 1978 г. обратился к иранскому народу с призывом начать кампанию массового неповиновения. Этот призыв поддержали миллионы людей. В таких условиях шах уже ничего не мог противопоставить в борьбе за власть. Предложив, одному из лидеров светской оппозиции Шахпуру Бахтияру, сформировать правительство, он 16 января 1979 г. навсегда покинул Иран.

Бегство шаха еще не означало окончательный крах его реформ и отката страны к правлению религиозных богословов. У власти находились светские политики, которые при определенных условиях вполне могли бы добиться формирования демократического консенсуса во главе с умеренно националистическими и умеренно прозападными политическими кругами. Этого не произошло в силу ряда причин.

Дело в том, что правительство Шахпура Бахтияра совершило ряд серьезных ошибок, и главная из них состояла в том, что стараясь быстрее сбить волну социальных протестов, оно резко повысило выплаты через государственный сектор, для чего

только за два месяца почти удвоило денежную эмиссию. Это было плохо просчитанное решение, так как его результатом стал еще больший всплеск инфляции, рост цен и общественного недовольства. Всего за год-полтора Иран, модель развития которого рассматривалась, как чуть ли не образец для подражания, оказался охвачен массовым народным движением, подрывавшим основы существовавшей власти. Экономика страны начала быстро разрушаться, причем особенно болезненным оказалось бегство из Ирана предпринимательской элиты вместе со своими деньгами и ценностями. Только за два предреволюционных года объем вывоза частных капиталов за рубеж составил более миллиарда долларов, что равнялось среднегодовому поступлению валютных средств в страну. Остановить этот разрушительный процесс постшахское светское правительство также не смогло.

Но все-таки главной причиной, по которой светской элите не удалось стабилизировать ситуацию в стране, стало то, что впервые за новейшую иранскую историю шиитское духовенство, под руководством имама Хомейни, само стремилось прийти к власти. Для начала представители духовенства объявили правительство Шахпура Бахтияра нелегитимным из-за того, что его назначил на этот пост шах. Сам Хомейни вернулся в Иран 1 февраля 1979 г. после 14 лет изгнания. Возвращение было триумфальным, чтобы встретить его собралось, по разным оценкам, от четырех до шести миллионов человек. И уже 5 февраля Хомейни объявил о создании альтернативного правительству Шахпура Бахтияра - Временного революционного правительства во главе с лидером партии Движение за свободу Ирана Мехди Базарганом. Всего через неделю 11 февраля 1979 г., в результате вооруженного мятежа правительство Шахпура Бахтияра было низложено.

Мехди Базарган.
Премьер-министр назначенный Хомейни. Попытался, но не смог остановить формирование теократического режима в стране.

Страна вступила в период перехода власти от светских кругов к шиитскому духовенству.

3. Государство имама Хомейни и особенности его внутренней и внешней политики

После отставки последнего правительства еще назначенного шахом, страна казалось вновь погрузилась в хаос. В Иране параллельно действовали разного рода исламские, рабочие, революционные и прочие комитеты, отряды федаинов, из глубокого подполья вновь возникли иранские коммунисты и их партия Тудэ. Но все это были явления так сказать внешнего порядка. На самом деле, власть постепенно стала сосредотачиваться в руках шиитского духовенства, которое еще в период правления шаха формировало на местах свои структуры управления. Исламский революционный совет (ИРС) как законодательный орган и Временное революционное правительство как высший орган исполнительной власти были созданы по инициативе Хомейни еще до начала революции.

Так как наименее охваченной исламскими организациями оставалась армия, то уже через две недели после свержения шахского режима был создан Корпус стражей исламской революции (КСИР), ставший противвесом армии и военной силой, подчиненной власти религиозных деятелей, на которую они могли опираться в политической борьбе. Ключевым шагом в переходе государственной власти к религиозным деятелям явился референдум, проведенный в марте 1979 г. На него был вынесен всего один вопрос: «Согласен ли ты на замену шахской монархии Исламской республикой?». Иранские избиратели в подавляющем большинстве проголосовали против шахского режима и 1 апреля 1979 г. Иран, согласно результатам референдума, был провозглашен Исламской республикой. После этого духовенство получило легитимную возможность установить в стране теократический режим.

В сфере экономики в это время усилились разрушительные процессы. Режим аятолл не скрывал, что стремится разрушить результаты «белой революции», особенно в сфере внешней торговли и связей с западными странами, оторвать страну от миро-

вых рынков и подорвать, тем самым, позиции тех социальных сил, которые поднялись в процессе шахских реформ и потенциально могут стать ядром оппозиции теократическому правлению. Было принято решение об аннулировании соглашения с Международным нефтяным консорциумом, отменены соглашения с иностранными компаниями, относительно реализации ряда инфраструктурных проектов, ограничена их деятельность. Новые власти объявили даже о конфискации активов иностранных компаний, действовавших в стране. В июне 1979 г. была проведена сначала национализация всех частных и иностранных банков, а затем и страховых обществ. В июле ИРС издал закон о национализации крупных промышленных объектов. В соответствии с ним предусматривалась национализация предприятий черной и цветной металлургии, заводов по строительству и сборке судов, самолетов, вертолетов, автомобилей, предприятий тех владельцев, которые «незаконным путем» нажили капиталы. Заводы хозяев, не принимавших участие в борьбе против нового режима, оставались в их собственности.

В отличие от предыдущих законов о национализации, предусматривавших выплату компенсации, этот закон являлся конфискационным. Основной текст закона не содержал требования конфискации, но в качестве приложения к закону был опубликован список предпринимателей, чья собственность в виде предприятий или акций компаний подлежала конфискации. В список попали представители 51 семьи, владевшие акциями не только промышленных компаний, но и банков, поэтому этот закон подвел правовую базу под конфискацию национализированных ранее частных банков.

Кульминацией борьбы против всего иностранного стал захват американского посольства в Тегеране 4 ноября 1979 г., одобренный Хомейни. Были арестованы 66 членов персонала посольства, захвачена часть документации. Это был вполне продуманный шаг нового руководства Ирана, показывавший, что «рубикон» в отношениях с США и с Западом в целом пройден и о временах шаха можно забыть.

В этой связи можно сказать, что совсем не случайно отставка правительства Базаргана и вынесение на референдум текста новой конституции, предложенной Хомейни, в которой Иран пре-

вращался в исламскую республику, произошли именно в декабре 1979 г. уже после захвата заложников. В это время антиамериканские настроения достигли своего пика и каждый, кто был против конституции, мог рассматриваться как предатель и американский агент. В такой атмосфере происходило одобрение нового основного закона Ирана, так формировалась новая иранская реальность.

В соответствии с конституцией разработанной Хомейни, основой правовой деятельности в стране становились принципы ислама и нормы шариата. Главой государства — носителем религиозной и светской власти объявлялся рахбар (руководитель). В конституции говорилось, что все управление делами и руководство мусульманской общиной в Исламской Республике Иран в период отсутствия «скрытого имама» передавалось рахбару, которым при жизни был объявлен Хомейни. Совмещая религиозную и светскую власть, рахбар определяет генеральную линию в политике страны и осуществляет контроль над ее проведением.

Он также является главнокомандующим вооруженными силами, объявляет о войне и мире, мобилизации вооруженных сил, назначает факихов (богословов законоведов) в Наблюдательный совет, высших должностных лиц судебной власти, высший командный состав всех видов вооруженных сил, руководителя Государственной компании радио и телевидения. Он же подписывает указ о назначении президента после его избрания народом, но отстранить лично его не может. Рахбар избирается, его может отстранить от власти так называемый совет экспертов. Этот орган был создан еще в августе 1979 г. для разработки конституции, а затем конституционно введен в структуру власти. Он состоит из 86 наиболее авторитетных представителей исламского духовенства, которые избираются населением на восьмилетний срок. Вместе с Рахбаром Совет экспертов формирует высшие органы власти в стране.

Президент Ирана по конституции является вторым человеком во властной иерархии - гарантом конституции и главой правительства и исполнительной власти в целом. Он подчинен Рахбару и решения по ключевым вопросам могут им приниматься только после одобрения Высшего руководителя. Высшим законодательным органом был объявлен однопалатный парламент—

меджлис. Президент и меджлис избирались на основе прямых, тайных и всеобщих выборов. При этом все кандидаты в президенты должны быть предварительно одобрены Советом стражей конституции - еще одним религиозным собранием, закрепленным в конституции.

В результате перехода власти к верхушке шиитского духовенства и последующего закрепления этой власти в конституции, в стране сложилась уникальная политическая система. На низшем уровне оказались задействованы демократические принципы, когда народ всеобщим голосованием избирает парламент и президента. Но на высшем уровне руководства власть оказалась жестко централизована в руках узкой группы высших религиозных деятелей – аятолл, возглавляемых Рахбаром. Их власть опирается не только на миллионы иранцев, доверяющих им, смотрящим на события в мире и в стране, так как они их трактуют на пятничных молитвах в мечетях, но и на подчиненный только им корпус стражей исламской революции, сочетающий в себе и функции тайной полиции и полноценной армии. Поэтому никакие решения и перемены не могут произойти в стране без согласия Рахбара и Совета экспертов – высшего органа религиозного руководства.

Если в целом охарактеризовать сложившейся в стране к началу 80-х годов политический режим, то, несмотря на некоторые элементы демократии и политической конкуренции, его можно вполне обоснованно назвать теократической диктатурой. Ведь именно Рахбар и Совет экспертов имеют в Иране последнее слово по любому мало-мальски важному вопросу. Но самое удивительное состоит в том, что теократическая диктатура, подчинившая себе демократическую процедуру, оказалась вполне устойчивой и эффективной формой организации власти. Такая сложносоставная система, как показали последующие события, на долгое время оказалась непреодолимым барьером на пути любых попыток проведения в стране прозападных, либеральных по своей сути реформ.

Следует отметить, что огромную роль в укреплении созданной духовенством системы власти сыграли события длившейся на протяжении почти всех 80-х годов ирано-иракской войны. Началась она, когда после свержения шаха иракский режим Сад-

дама Хусейна потребовал пересмотра Багдадского договора 1975 г. о границе по реке Шатт-эль-Араб. В сентябре 1980 г. иракские войска перешли иранскую границу, захватили несколько городов на юге, после чего получив отпор иранской армии, перешли к обороне. Вслед за этим несколько больших и стоивших тысячи жизни наступлений провели иранцы, однако главной цели сокрушить Ирак и взять Багдад, или, по крайней мере, Басру на юге Ирака они так и не смогли.

Война с Ираком, требовавшая огромных затрат и приведшая к гибели тысяч солдат, тянулась восемь лет. За эти годы теократический режим сумел использовать патриотический подъем иранцев в своих интересах, убедить людей в решимости и способности защищать страну, а ощутимое падение уровня жизни по сравнению с временами шаха списывалось не на неэффективность экономической политики режима, а на войну.

Когда же война с Ираком закончилась, Иран вышел из нее другой страной – консервативной, религиозной и традиционалистской с жестким антизападным и особенно антиамериканским курсом. Антиамериканская, антизападная риторика, угрозы уничтожить Израиль только усугубляли ситуацию политического вакуума, в котором оказалась страна. В 90-е годы Иран вошел в ситуации полуизоляции, обремененный санкциями, противостоящий США и Западу, испортивший отношения со своими арабскими соседями и, в первую очередь, с выросшей на огромных нефтяных доходах Саудовской Аравией. Иран выбрал свой путь, отрицавший модели либеральной демократии и глобализации. Он остался вне, или точнее, он вышел из этого процесса.

Раздел IV

Распад СССР, эпоха глобализации и страны Востока.

Глава I. Проект глобализации: основные элементы и цели.

Распад СССР на рубеже 80-х-90-х годов оказался переломным событием, и в мировой истории, и в истории восточных обществ в XX веке. Вместе с исчезновением второго по силе и влиянию государства в мире ушла в небытие и Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, противостояние двух мировых военно-политических блоков и двух конкурирующих идеологий и моделей развития. В глобальном мире, в одночасье превратившимся из двухполюсного в однополюсный, на вершине остались только США, как единственная доминирующая сила наступившей реальности. По словам американского сенатора Р. Доула никогда до этого "Америка не была в таком одиночестве на вершине глобального лидерства". В это время у американских правящих кругов возник огромный соблазн взять на себя руководство глобальным развитием и направить его в нужное для США русло, так чтобы обеспечить американское доминирование на годы вперед. Госсекретарь США У. Кристофер утверждал тогда, что если этим миром «мы не будем руководить, то никто не будет". Новое американское лидерство должно было состоять не только в политико-военном доминировании, но и в доминировании в сфере глобальной идеологии, в рамках которой мир должен был постепенно перестроиться под американские представления и интересы. Планировалось за относительно короткое время сформировать в странах Востока ориентирующиеся на США либеральные политические

режимы, экономику открытую внешним инвестициям и влияниям с главенством частного бизнеса и предпринимательства и вытеснением из нее государства. Рассчитывали также, что в странах Востока сформируются и влиятельные социальные слои, интегрированные в американскую массовую культуру, которая таким образом должна была стать в полном смысле мировой. Помощник по национальной безопасности в администрации Клинтона Энтони Лэйк утверждал тогда, что «на смену доктрине сдерживания должна прийти стратегия расширения — расширения мирового сообщества свободных, рыночных, демократических государств».

Принятая стратегия расширения сферы американского влияния и обеспечения доминирования США в современном мире получила название проекта глобализации. Самые светлые умы американской и западной политологии от Хоффмана до Шагоlanda, и от Робертсона и до Стиглица стали разрабатывать различные варианты концепции глобализации, указывали на ее позитивные моменты и для мира, и для США, рассматривали ее как чуть ли не естественный процесс эволюции современной мировой цивилизации. Они старательно не замечали, что на самом деле этот проект конструировался в одной стране и из одного центра. Субъектами и объектами глобализма выступали естественно США и контролируемые ими международные институты - Международный валютный фонд (МВФ) Всемирный банк (ВБ) и Всемирная торговая организация (ВТО). Под их влиянием глобализация в мире стала развиваться в духе требований так называемого Вашингтонского консенсуса, то есть политики дерегулирования национальных экономик, широкой либерализации и приватизации. В этой схеме доминирование США осуществлялось опосредованно - через контроль финансовых и основных материальных ресурсов, а главное - через контроль «правил игры» формировавшегося глобализированного мира. Результатом этого проекта должно было стать формирование

глобального и однородного политического, экономического и духовно-культурного пространства, мир, организованный по американским образцам, некий общепланетный Pax Americana, в котором США надолго бы остались признанным лидером.

Другая особенность постсоветского мира состояла в том, что авторитет ООН и ее роль арбитра в международных делах существенно упала. Это было естественно, когда баланс в международных делах как таковой исчез, и в мире осталась одна страна, желавшая переустроить его в своих интересах и в нем доминировать. В таких условиях значение международного права заметно девальвировалось, США и их союзники стали избирательно его применять, так чтобы оно обслуживало по большей части только их интересы.

Функции главного регулятора мирового развития в постсоветском мире взяли на себя США, которые стали определять сами какая страна заслуживает введения против нее санкций, какая «гуманитарных интервенций», где у власти находится «правильный» режим, а где «неправильный». Немаловажным ресурсом для продвижения новой модели стал и контроль США над большей частью информационного пространства, когда американцы могли распространять ту информацию, какую они считали нужной и с таких позиций, которые они считали выгодными для себя. Постсоветская эпоха стала и периодом расцвета американской «мягкой силы», когда победа в «холодной войне» как-бы подтверждала распространяемое самими американцами во многом мифическое представление о своей стране, как самой демократичной, самой свободной, как пример подражания для других. Естественно, что «мягкая сила», то есть культурные и политические ценности, институты, которые способны притягивать других, формировать в других странах симпатию и позитивное отношение к США, а в некоторых случаях и «пятую колонну», способную влиять самым решительным образом на политику того или иного

режима, превратилась в важный элемент продвижения глобализации.

В какой-то момент, особенно в первой половине 90-х годов могло показаться, что американцы сумели выстроить удачную модель развития, которая с одной стороны создавала возможности для экономического роста в рамках открытых глобальных рынков, а с другой, обеспечивала на годы доминирование США. Тем более, что все, что было связано с социалистической моделью модернизации - планирование, обобществление, централизация, социальная справедливость - не просто объявлялось неправильным и вредным, только затрудняющим экономическое развитие, но и противоречащим «Вашингтонскому консенсусу», который превратился в чуть ли не в новое священное писание для современной политики и экономики. Такого рода новые реалии, сложившиеся в мире в 90-е годы в полной мере отразились на странах Востока. Но как мы увидим дальше, процесс глобализации на Востоке пошел совсем не так, как на это рассчитывали в США. «Наша главная задача, говорил известный американский политик Пол Вулфовиц, состоит в предотвращении появления нового соперника... необходимо не допустить доминирования враждебной нам державы в регионах, совокупные ресурсы которых при консолидированном контроле будут достаточны для появления глобальной державы». Добиться выполнения этой задачи, как это очевидно сегодня, американцы в полной мере не смогли. Взять под контроль глобальное развитие и диктовать всем, что хорошо, что плохо, что можно делать, а что нельзя, ни в конце XX, ни в начале XXI века американцам так и не удалось.

ГЛАВА II. Япония в 90-е годы - структурный кризис, сложные процессы в политике и экономике

1. Политическая система эпохи глобализации - новый расклад сил и новое либеральное политическое поле современной Японии

Начало 90-х годов стало определенным рубежом в недавней японской истории. Произошли такие тектонические сдвиги - распался Советский Союз, исчезла советская угроза, закончилась «холодная война», которые не могли не повлиять и на внутреннюю и на внешнюю политику Японии. В такой ситуации, когда явные угрозы японской безопасности перестали существовать, избиратели решили, что можно отказаться от традиционных предпочтений и дать шанс многолетним оппонентам ЛДП, не замешанным в коррупции, как вечно правящая партия, прийти к власти.

Такие настроения большинства японцев предопределили закат политического доминирования ЛДП, тем более, что внутри партии разразился очередной скандал, когда выяснилось, что лидеры одной из фракций обладали даже большей властью, чем собственно премьер-министр. Практика принятия ключевых государственных решений никем не избранными людьми, которые в реальности управляли ЛДП, напомнило японцам ситуацию с довоенным Тайным советом при императоре, который от имени народа принимал решения о войне и мире. Существование такого тайного совета внутри ЛДП плохо коррелировалось с утвердившимися традициями демократии и, поэтому, в новых условиях властная триада власти - союз политиков, бюрократии и бизнеса подверглась тотальной критике и в прессе, и в обществе.

Теперь конгломерат сложных отношений в правящей элите рассматривался не как позитивное сотрудничество бизнеса и государства, а как источник коррупции в правительственных сферах. Когда в 1992 г. разразился очередной коррупционный скандал, в котором были замешаны депутаты от ЛДП, избиратели отказали этой партии в поддержке. Под градом критики в прессе и обществе ЛДП стала распадаться на отдельные партии, когда часть ее фракций отделялась и образовывала собственные политические структуры. При этом скрытые лидеры ЛДП, мастера «подковерных интриг», вынуждены были превратиться в публичных политиков. В это время на свет появилась Новая партия, а также Партия обновления, в которой ведущую роль играли в прошлом теньевые лидеры ЛДП.

*Томиичи Мураяма.
Премьер-министр Япо-
нии в 1994-1996гг.- со-
циалист, нашел муже-
ство официально изви-
ниться за преступления
совершенные японцами
в период Второй
мировой войны*

Потеряв много мандатов, оставшиеся верными ЛДП политики ушли в оппозицию, а в Японии одно за другим к власти стали приходить коалиционные правительства, в которые входили почти все парламентские партии, кроме коммунистов. В июне 1994 г. произошло вообще невероятное для традиционного расклада политических сил событие - в очередном коалиционном правительстве, в которое вошли ЛДП и социалисты, ставшие к тому времени уже социал-демократами, пост премьер - министра занял бывший социалист -Томиичи Мураяма. Этот политик ради участия своей партии во власти и поста премьер-министра признал то, против чего социалисты боролись больше 30 лет -конституционность сил

самообороны и японо-американский договор безопасности.

Перестройка политического пространства совпала с реформой избирательной системы - в стране образовали 300 одномандатных округов и ввели пропорциональное представительство по партийным спискам в 11 региональных блоках. Тем самым, центр тяжести избирательной системы был перенесен от отдельных кандидатов к политическим партиям, более того к крупным политическим структурам, способным организовать эффективные предвыборные кампании. Не удивительно поэтому, что после этой реформы в стране образовались новые общенациональные партии: в 1994 г. — Партия новых рубежей, в которую вошли четыре партии и девять парламентских групп. В 1996 г. на политической арене Японии снова появилась Демократическая партия, которая стремилась позиционировать себя как партия городского населения, как политическая сила, представлявшая средний класс, составлявший большинство населения городов.

В отличие от либерал-демократов новые демократы даже в мелочах старались следовать западноевропейским стандартам и стереотипам и выглядеть как современная западная либеральная партия. В своей политике они выступали за обновление политической системы и рассчитывали на поддержку студентов и вообще образованной городской молодежи. Популярность восстановленной Демократической партии быстро росла, многие интеллектуалы видели в ней альтернативу политическому миру 50-80-х годов - закрытому и, по их мнению, сильно коррумпированному. Не удивительно, поэтому, что ДПЯ превратилась в одну из наиболее популярных партий в стране.

*Дзюньитиро Коидзуми -
премьер-министр Японии в
2001-2006*

Главным ее противником, как ни странно стала выступать постепенно оравлявшаяся после расколов начала 90-х годов консервативная ЛДП. В новой политической системе эта партия оказалась в противостоянии уже не с социалистами и левыми, как это было раньше, а с либералами, которые опирались на куда более широкую социальную базу, чем социалисты в 50-х-80-х годах. На руку ДПЯ были и социальные перемены в японском обществе,

связанные с повышением роли женщин, их более широким участием в общественной жизни и в системе управления, а также заметная смена приоритетов среди молодежи, когда вместо традиционного девиза «жить, чтобы работать» появился новый - «работать, чтобы жить».

Тем не менее, демократы, несмотря на свою популярность среди среднего класса и интеллектуальной элиты, долго не могли прийти к власти, так как ЛДП выдвинула в это время популярного и харизматичного политика - Дзюньитиро Коидзуми. Он пришел к власти под лозунгом - «изменим ЛДП - изменим Японию» и объявил о новом этапе либеральных реформ - приватизации государственных компаний, ослаблении контроля государства в экономике, введении новой налоговой системы. Коидзуми попытался решить проблему безнадежных долгов японского бизнеса и дефицита бюджета. Его структурные реформы носили откровенно либеральный характер, а его риторика мало напоминала традиционные речи лидеров ЛДП прошлого.

Путем кадровых перестановок и омоложения партии, борьбы с внутренними фракциями ему удалось заметно осовременить ЛДП и превратить ее в сильную праволиберальную партию, которая, по крайней мере, в экономике, выглядела и более решительной и

компетентной чем ДПЯ. Изменение стиля и формы деятельности ЛДП позволили еще более приблизить политическую систему Японии к европейским стандартам. Также как и в Европе, власть в стране стали оспаривать партия праволиберальная (обычно ее члены называют себя консерваторами) и партия леволиберальная (демократы или социал-демократы). Эти партии, представляя в целом одно политико-идеологическое направление, вместе осуществляют контроль почти над всем политическим полем, ведут между собой борьбу на выборах, попеременно приходя к власти.

Такой сценарий получился и в Японии. Когда популярный Коидзуми ушел в отставку на парламентских выборах 2009 г. Демократическая партия Японии (ДПЯ) сумела, наконец, одержать победу над коалицией, состоявшей из Либерально-демократической партии (ЛДП) и партии Комэйто. Демократы получили 308 мест против 119 у своих политических противников. В 2010 г. они же победили и на выборах в верхнюю палату. Но дальше у Демократической партии начались проблемы: за три года своего правления они сменили трех премьер-министров, но так и не сумели утвердиться у власти. Обещания реформировать систему соцстрахования, не увеличивая бюджет, поднять пособия на детей, отказаться от повышения потребительского налога — либо остались на бумаге, либо были свернуты.

Попытки «подвинуть» американскую базу на Окинаве, перенеся ее за пределы этой префектуры, привели к существенному осложнению японо-американских отношений, как раз тогда, когда территориальные споры с Китаем вокруг островов Сенкаку (Дайюдао-кит.) в Восточно - Китайском море заметно обострились и тесный союз с американцами был актуален как никогда. Не

Наото Кан
премьер-министр от
Демократической партии в
2010-2011 гг.

оправдались надежды и на то, что установление связей с КНДР и потепление во взаимоотношениях с Южной Кореей поможет демократам получить поддержку избирателей.

В стране ширилось недовольство не вполне продуманной и компетентной политикой ДПЯ и в других сферах, в результате чего через три года правления, на выборах 2012 года ДПЯ потерпела сокрушительное поражение. Из 230 мест в нижней палате у нее осталось всего 57. О масштабах разочарования японских избирателей говорит тот факт, что даже ведущие политики ДПЯ, бывшие министры, спикер правительства или бывший премьер Наото Кан, не были избраны в своих одномандатных округах.

Либерально-демократическая партия Японии, традиционно выступающая за укрепление связей с США, вновь вернулась к власти, получив на выборах в нижнюю палату парламента 294 депутатских мандата из 480.

2. Японо-американские отношения как ядро глобального проекта для стран Востока

Японо-американские отношения долгое время были главным раздражителем для левых и крайне правых японских политических сил и общественных организаций. В них видели отношения зависимости и неравенства, что не могло не вызывать протест. В 60 - и 70 -е годы миллионы людей выступали против заключения и последующего продления Договора безопасности, который и сегодня составляет фундамент японо-американского союза. Но в последние десятилетия, по мере того, как Япония превратилась в главного торгового и политического партнера США в Азии, и особенно, когда в японском обществе стала все больше осознаваться угроза со стороны быстро развивавшегося Китая, отношение к Договору существенным образом изменилось. Прошедшие в декабре 2012 г. внеочередные выборы парадоксальным образом

отразили это изменение в настроениях людей. В эпоху 50-60-х годов сохранение Договора безопасности было, чуть ли не самым уязвимым местом в имидже ЛДП, когда ее политические противники и, прежде всего социалисты собирали миллионы голосов на обвинениях ЛДП в том, что она превратила страну в сателлита США, не желает проводить подлинно независимую политику. В 2012 году все было уже по-другому: ЛДП получила миллионы голосов, как сила, способная сохранить стабильные и многообразные отношения с США, в которых японцы оказались крайне заинтересованы.

Если раньше политики ЛДП старались не афишировать своих тесных отношений с американцами, все это считалось «обузой» для партии, то начиная с 2000-х годов, ее руководство стало всячески подчеркивать, что именно они - политики из ЛДП очень много сделали и делают для сохранения и развития отношений с США. Так, например, по итогам визита президента США Б. Клинтона в Токио в 1996 г. им совместно с **Рютаро Хасимото** -

*Рютаро Хасимото
премьер-министр
Японии в 1996-1998 гг.*

премьер-министром от ЛДП была подписана Совместная японо-американская декларация безопасности, которая не только подтвердила важную роль двустороннего военного союза для безопасности самой Японии, но и подчеркнула роль Японии и США как гарантов мира и безопасности во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В сентябре 1997 г. опять-таки при правительстве ЛДП были опубликованы «Основные направления военного партнерства и сотрудничества США и Японии», которые заменили аналогичный документ, принятый еще в 1978 г. В нем главной целью сотрудничества была обозначена эффективная координация совместных действий сторон в случае возникновения критической ситуации.

Япония выразила также готовность предоставлять материально-техническое обеспечение для коллективных

японо-американских усилий в области обороны за пределами ее границ. Ранее японское участие в таких действиях ограничивалось только собственной территорией страны.

Сегодня в Азии Япония повсюду стремится действовать рука об руку с США, причем если США больше позиционируют себя как гарант безопасности азиатских стран, например, стран ЮВА, то Япония выступает как главный экономический конкурент Китая на азиатских рынках, как страна способная бросить вызов китайской экономической экспансии. Японцы предоставляют странам ЮВА значительные кредиты, не меньшие, чем КНР, берут на себя серьезные инфраструктурные проекты, вроде сооружения транспортных магистралей с востока на запад Индокитая. Кстати, пошли они на это только после того, как Китай начал строить такие же магистрали от своей границы на Севере в южном направлении. Цель японской стратегии очевидна - не допустить односторонней зависимости стран ЮВА от Китая и тем самым предотвратить экономическое доминирование КНР в этом регионе и в Азии в целом.

3. Экономика Японии в эпоху глобализации

В 90-е и 2000-е годы японская экономика, несмотря на резкое замедление темпов экономического роста, иногда даже переходившего в стагнацию, сохранила свое лидерство во многих отраслях и позволила Японии играть роль одного из главных центров глобального развития. Еще в 80-е годы произошла переориентация японской экономики с экспорта товаров на экспорт капитала. Во второй половине 1980-х годов страна заняла первое место в мире по экспорту прямых капиталовложений. Среднегодовой объем вывоза в 1981—1985 гг. равнялся 5, в 1986—1990 гг. — 32, в 1991—1993 гг. — 20 млрд. долл.

Только в начале 90-х японские компании в экспорте капитала пропустили вперед американские и французские

ТНК. Но по кумулятивному объему заграничных прямых инвестиций японский бизнес вышел на второе место в мире после США, при этом такие японские кампании как «Хитачи», «Мацусита», «Тойёта», «Сони», «Ниссо Ивай» по объему заграничных активов вошли в число 50 крупнейших мировых инвесторов.

В то же время успехи Японии на глобальных рынках товаров и капитала сопровождались стагнацией и рецессией внутри страны. Выход из этой ситуации японские власти попытались найти в углублении политики экономической либерализации, в отказе от государственного регулирования экономики.

Во второй половине 90-х правительство приступило к структурным реформам, направленным на либерализацию ключевых экономических институтов. В рамках реформы финансовой системы, начавшейся в 1998 г., был ослаблен контроль над страховым рынком и операциями с ценными бумагами, предоставлены скидки по налогам для корпораций и ограничено регулирование со стороны Министерства финансов. Был принят также пакет мер по списанию «плохих долгов» и финансовой поддержки банков. Часть банков в ходе этой кампании были национализированы, другие закрыты, третьим предлагалось объединиться в обмен на получение государственных средств. Число крупных банков сократилось с 21 до 15. Одновременно с этим правительство открыло финансовые рынки страны для деятельности иностранных компаний.

Такая политика привела к росту прямых иностранных инвестиций, рекордно высокий приток которых был достигнут в 2000/01 финансовом году, когда он составил около 26 млрд. долл. В это время под контроль американской инвестиционной компании «Меррил Линч» попала значительная часть брокерских отделений инвестиционного банка «Ямаити», а американская финансовая структура «Риплвуд» попыталась поставить под контроль Японский банк долгосрочного кредитования — один из крупнейших в стране. Иностранные брокеры захватили почти 40% рыночной доли на Токийской

фондовой бирже, а американская фирма «Голдман Сакс» за три года стала в Японии шестой по величине компанией по управлению взаимными фондами.

Иностранные компании скупали также акции японских корпораций, что ранее считалось недопустимым. Иностранные инвесторы приобрели большое количество акций японских фирм, зарегистрированных на Токийской фондовой бирже. Так, например, французская компания «Рено» приобрела 36,8% акций корпорации «Ниссан», «Даймлер-Крайслер» — 43% акций «Мицубиси моторс», «Бритиш телеком» совместно с американской «Эй ти энд Ти» — 30% акций «Джапан телеком».

Благодаря таким слияниям и поглощениям, третья экономика в мире в последние годы еще сильнее интегрировалась в глобальные финансовые и индустриальные связи. Японские активы скупали иностранные инвесторы, и в то же время японский бизнес в свою очередь покупал активы за рубежом, формируя экономику постмодерна, то есть новую реальность политических и экономических взаимосвязей глобальной экономики. Основные капиталовложения японского бизнеса сосредоточены в кредитной сфере (42,4%), в торговле (11,3%), недвижимости (11,1%).

В отличие от США и ФРГ, которые за пределы своей территории вывели соответственно 30% и 20% промышленного производства, Япония вывела существенно меньше — только 11%, но при этом по состоянию на 2010 год она занимала второе место в мире после Китая по экспорту капитала. Больше всего японских денег работает в США (42,2%), странах Азии (24,2%), Западной Европы (15,3%), Латинской Америки (9,3%).

Однако не все благополучно с японской экономикой - огромный внутренний долг, неустойчивый экономический рост, не решенная полностью проблема «плохих долгов» японских банков - все это существенно ослабляет позиции страны в экономической конкуренции с другими азиатскими государствами.

В то же время следует отметить, что существующие трудности экономического развития Японии связаны не только с укреплением конкурентов, а еще и с кризисом глобальной экономики, нарастанием нестабильности и конфликтов по всему миру. Возникают новые риски, новые вызовы устоявшимся экономическим связям. Все это создает реальные угрозы постмодернистским конструкциям японских политиков и бизнесменов.

Усиление в мире регионализма, национализма, противостояние Китаю в конфликте вокруг островов Сэнкаку (Дайюдао), угрожает процветанию и безопасности Японии. Ситуация осложняется еще и распространяющейся в японском обществе неуверенностью в том, что американский союзник, от которого Япония сегодня зависит, как никогда раньше, сможет выполнить все обязательства по обороне страны, вытекающие из Договора безопасности.

Несмотря на очевидные неопределенности и в мире, и в США, сохранение серьезных проблем в развитии экономики, японская правящая элита твердо следует путем глобализации. В Токио рассматривают себя, вместе с Вашингтоном, лидерами этого процесса, японские представители активно участвовали в продвижении проекта создания зоны свободной торговли АТР в рамках Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Японцев не смущало даже то, что предусмотренная соглашением либерализация их аграрного рынка могла вызвать падение внутреннего производства основных продовольственных товаров до 40%, так как японское сельское хозяйство почти полностью зависит от господдержки и не способно к открытой конкуренции. Но им решили пожертвовать ради выгоды, которую должны были получить от участия в ТТП японские экспортеры автомобилей, электроники и другой продукции обрабатывающей промышленности.

Японское руководство было согласно с тем, что в ТТП в отличие от других зон свободной торговли произойдет, снижение роли государства в регулировании экономики и возрастание роли ТНК, которые должны были получить

огромные возможности вплоть до того, что смогли бы на равных судиться с правительствами и легальным образом влиять на внутреннее законодательство стран в нем участвующих. Хотя в ТТП не планировалось участие Китая, однако присутствие там США, Вьетнама, Малайзии, Новой Зеландии, Мексики, Канады, Тайваня, Австралии открывало перед японскими ТНК и экономикой в целом новые горизонты. Ожидалось, что успех в развитии ТТП сможет придать Японии новый импульс для национального развития уже не столько в качестве традиционно понимаемого азиатского государства, сколько как интегральной части глобальной экономической системы с центральной ролью США, в которой взаимозависимость и взаимосвязи участников осуществляются поверх национальных барьеров.

Но ТТП как главный проект в развитии японской экономики, так и не состоялось, так как американцы после формирования в Вашингтоне администрации президента Трампа от него отказались. Для Токио это был серьезный удар, причем не только по экономике, но и по всей идеологии дальнейшего развития страны как ведущей нации в процессе глобализации. Вполне понятная приверженность к глобализму оказалась настолько велика, что в Токио решили и без американцев двигаться вперед и создать такое партнерство без США. В марте 2018 г. все участники ТТП за исключением США, которые по решению Трампа в это время вводили все новые барьеры на пути глобального торгового обмена, подписали соглашение о так называемом Транс-тихоокеанском комплексном (comprehensive) партнерстве, в котором сохранялись практически все новации проекта ТТП. Тем самым, в Токио показали стремление и дальше выстраивать мир в рамках открытых геополитических и экономических пространств.

Успех правящей ЛДП на выборах в палату Советников – верхнюю палату парламента летом 2019 г. показал стабильную поддержку ее курса, несмотря на то, что ближайший союзник и торговый партнер - США двигались совершенно иным путем. Как бы игнорируя это и

показывая свою приверженность продолжению глобализации на встрече глав государств «большой двадцатки» (G-20), которая состоялась в июне 2019 г. в Осаке, высокопоставленные японские представители выступали за сохранение свободы торговли и за дальнейшее разрушение разного рода тарифных барьеров и ограничений.

Нет сомнений, что в Токио надеялись, что новые выборы 2020 г. в США президент Трамп проиграет и сторонники глобализма вновь вернутся в руководящие кабинеты. В этом случае японцы были бы готовы вместе с ними немедленно возобновить этот процесс. Но проблема в том, что если на возврат к глобализации администрация Байдена не пойдет, а в той или иной мере продолжит то, что делал Трамп, то перед правящей и интеллектуальной элитой страны встанет серьезная проблема выработки новой модели национального развития для сохранения достигнутого уровня жизни, укрепления безопасности и экономического потенциала. Многие будут зависеть от того, как пойдет сотрудничество с Китаем в рамках соглашения о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), которое Япония подписала в ноябре 2020 г. При удачном стечении обстоятельств (минимизации политических трений с КНР) участие в этой ЗСТ может стать лучшим решением для Токио в сложившейся сегодня международной обстановке.

ГЛАВА III. Две Кореи - две противостоящие друг другу модели развития. Соотношение сил в постсоветский период

1. Северная Корея в постсоветскую эпоху

Ким Чен Ир.
*«продолжатель политики
своего отца - Ким Ир Великий
руководитель КНДР», Сена*

Глубокий кризис северокорейской экономики наступил в начале 90-х годов, когда после распада СССР, страна лишилась советской помощи. Без дополнительных поставок топлива встало сельское хозяйство и промышленность, многие предприятия закрывались, люди балансировали на грани голода, так как кризис в отношениях с Россией совпал еще и с крайне неблагоприятными погодными условиями, когда разрушения принесенные тайфунами погубили большую часть урожая риса. В таких условиях северокорейские власти во главе с возглавившим страну после смерти Ким Ир Сена его сыном Ким Чен Иром предприняли попытку несколько изменить внешнеполитический курс и привлечь в страну иностранный капитал. С этой целью в 1993 г. был принят ряд законов— об иностранных инвестициях, иностранном предпринимательстве, а также закон о свободных экономических зонах (СЭЗ). Однако все эти нововведения ощутимых результатов не дали. Против привлечения средств в Северную Корею выступили США и южнокорейские власти, рассчитывавшие, что политический режим в КНДР, оставшись в изоляции, вот -вот рухнет.

Ради справедливости следует сказать также и то, что тоталитарный характер политического режима не внушал инвесторам особого доверия, тем более, что и идеология и политическая риторика в Северной Корее практически не менялась.

Самый сложный период с точки зрения экономического развития пришелся в Северной Корее на середину и вторую половину 90-х годов. После ряда неурожайных лет и крупных стихийных бедствий в народном хозяйстве КНДР ощущалась острая нехватка электроэнергии, топлива, большинства видов сырья. Около 80% промышленных предприятий практически бездействовало. Функционировал только военно-промышленный комплекс, в который направлялось до 50% средств госбюджета. В стране ежегодно ощущался дефицит продовольствия. Особенно тяжело было в 1995 и 1997 гг., когда население КНДР просто голодало. По южнокорейским данным, в середине 1990-х годов в КНДР умерло от голода более 1 млн. человек. Ежедневная норма выдачи продуктов питания составляла 100-200 граммов. Международные гуманитарные поставки продовольствия, а в 1996-2000 гг. Северная Корея получала ежегодно по 1 млн. т. продовольствия в виде гуманитарной помощи, помогли стране выжить, однако не решили продовольственную проблему. В целом темпы падения производства промышленной продукции в период 1992-2000 гг. составили около 80%. ВВП сократился до 8 млрд. долл. (в 1990 г. — 22 млрд.).

Политический режим в эти годы сумел устоять только благодаря отлаженной работе службы безопасности и жесточайшему террору против любого инакомыслия и критики. Подавление недовольства сопровождалось мощнейшей пропагандистской кампанией о вражеском окружении и необходимости строительства «могущественной державы» для сохранения независимости. Северокорейцев убеждали в том, что в области идеологии, политики и обороны «могущественная держава» уже построена. Осталось «достроить» лишь

экономическую составляющую. В июле 2002 года с этой целью Северная Корея провела ряд экономических преобразований - была частично отменена карточная система, вводились материальные поощрения за более высокую производительность, было объявлено даже о существенной децентрализации власти. Однако эти реформы были весьма ограниченными, во многом формальными и ничего на практике не меняли в устройстве северокорейской жизни. Никакого притока экономической помощи и расширения торговли, на что рассчитывали власти, на основании этих реформ не произошло и экономическая составляющая «могущественной державы» на долгие годы так и осталась «недостроенной».

Ким Чен Ын.
*«Высший руководитель»
Северной Кореи. Третий
представитель династии
Кимов во главе этого
государства*

Но это не было критичным для КНДР, так как не экономика как таковая, а укрепление обороноспособности было объявлено «важнейшим» из всех государственных дел. В 1990-е годы КНА насчитывала в своих рядах более 1 млн. человек, 3600 танков, 1600 самолетов, более 400 кораблей. Кроме того, в стране были сформированы красная гвардия (1.5 млн. чел.) и 700-тысячная молодежная гвардия. В период 1990-х— начала 2000-х годов у Северной Кореи появилась и своя

военная ядерная программа и программа строительства собственных баллистических ракет. Таким путем северокорейский режим стремился гарантировать себя от любых угроз со стороны внешних сил, в первую очередь, от Южной Кореи и США.

После смерти Ким Чен Ира руководителем Северной Кореи стал его сын Ким Чен Ын. За короткое время нахождения у власти, он успел уже расстрелять, как сообщала южнокорейская печать, своего дядю и его родственников, обвинив их в попытке переворота. Молодой

руководитель во всем старается копировать своего деда Ким Ир Сена и продолжает в целом вести страну по давно избранному курсу. В рамках сохранения жестко тоталитарного режима и абсолютизации идей «чучхе», которые понимаются как поддержание абсолютной независимости от любых стран и глобальных процессов, КНДР все более архаизируется и отстает по многим параметрам развития от Южной Кореи.

Попытка несколько улучшить ситуацию и ослабить внешнее давление на КНДР была сделана Ким Чен Ыном в 2018 г. когда он на пике очередного «ракетного кризиса» согласился встретиться с американским президентом Д.Трампом в Сингапуре. В результате переговоров северокорейский лидер пошел на определенные уступки - согласился прекратить ядерные и ракетные испытания и обещал ликвидировать свой самый крупный ядерный полигон Пхунгери. В ответ Д. Трамп пообещал приостановить военные учения у границ северокорейского государства.

На следующей встрече в Ханое в феврале 2019 г. идея отказа от ядерного оружия северными корейцами под американские гарантии безопасности, своего развития не получила. И дело здесь было не только в том, что Ким Чен Ын не доверял Трампу и США, но еще и в том, что реализация такого соглашения могла бы подорвать позиции вождя в глазах могущественных руководителей армии и военно-промышленного комплекса.

Несмотря на то, что военный полигон Пхунгери северокорейцы взорвали, но какого-либо ощутимого сдвига в направлении выхода Северной Кореи из изоляции и из под санкций вновь не произошло.

Новая встреча Ким Чен Ына с Д.Трампом, состоявшаяся в июне 2019 г. на межкорейской границе, ничего не добавила в решение проблем безопасности и ядерного разоружения на Корейском полуострове.

Единственная сфера в чем Северная Корея сегодня не уступает Южной, так это в мощи своих вооруженных сил., которые по минимальным подсчетам насчитывают не

менее миллиона человек. Более того, она даже превосходит Южную Корею еще и в ракетном потенциале. Программа создания ядерного оружия и ракетный комплекс, который по уверению северокорейского руководства способен нанести удар даже по территории США, позволяет ему чувствовать себя в относительной безопасности от нападения извне и продолжать давно проверенный неизменный курс на полную независимость. О серьезных реформах, о либерализации экономики или даже о движении в сторону смешанной экономики по примеру Китая или Вьетнама, говорить не приходится. Правящий режим не готов и не желает открываться, давать большую свободу и информацию людям, так как в Пхеньяне понимают, что именно закрытость и репрессивный аппарат подавления любой оппозиции дают возможность сохранять существующие в стране порядки. Северная Корея сегодня, как некий реликт догматического социализма, идей «чучхэ» и реального тоталитаризма, продолжает свое отдельное независимое существование в XXI веке.

2. Южная Корея: реформы и попытки поиска компромисса с Севером

Ким Ён Сам

Избранный в декабре 1992 г., новым президентом страны пресвитер одной из сеульских церквей. Ким Ён Сам стал первым после военного переворота 1961 г. гражданским представителем на этом посту. Несмотря на то, что пришел он к власти как креатура военных, он объявил своей главной целью борьбу с коррупцией и смену тесно связанных с предыдущими военными режимами чиновников. В период его правления в

тюрьмах и под арестом оказались «неприкасаемые» в прошлом министры обороны и начальники штабов родов войск, высшие чины полиции, банкиры. Кульминацией

кампании по восстановлению законности стал суд над двумя бывшими президентами страны Чон Ду Хваном и Ро Дэ У, приговоренными к тюремному заключению как за банальное взяточничество, так и за причастность к подавлению демонстраций в Кванчжу в 1980 г.

После Ким Ен Сама следующим президентом стал лидер либеральной оппозиции Ким Дэ Чжун. Его приход к власти означал, что стране удалось без серьезных общественных потрясений организовать переход власти от военной элиты к элите гражданской. Символом окончания этого перехода можно считать акты помилования прежних военных лидеров Чон Ду Хвана и Ро Дэ У принятые новым президентом.

Его правление совпало с началом финансового кризиса в ряде стран Азии, который показал, насколько зависима от состояния глобального финансового рынка южнокорейская экономика. Потрясения на финансовых рынках стран Юго-Восточной Азии обострили экономические проблемы, повлекли за собой резкое падение обменного курса южнокорейской воны (почти в три раза), массовый обвал котировок на рынке корпоративных ценных бумаг южнокорейских корпораций. На критически низком уровне оказались золотовалютные резервы страны (около 5 млрд. долл.).

Финансовый кризис во многом был спровоцирован не только внешними факторами, но и нерациональной кредитной политикой южнокорейских банков, финансовых учреждений и финансово-промышленных групп. В результате бесконтрольного предоставления несвязанных краткосрочных займов, просроченные взаимные долговые обязательства южнокорейских компаний в 20 раз превысили сумму их ликвидности и составили около 110

*Ким Дэ Чжун -
президент Южной Кореи
1998-2003 гг.,
попытавшийся найти
решение конфликта с
Севером.*

млрд. долл. Кризис с ликвидностью вызвал цепную реакцию банкротств, когда из 30 крупнейших концернов обанкротились восемь, десятки тысяч людей потеряли работу. В такой ситуации Ким Дэ Чжун сумел договориться с МВФ, другими финансовыми организациями и крупнейшими инвесторами о кредите в 50 млрд. долл., который позволил сбалансировать ситуацию. При этом страна вынуждена была принять на себя обязательства перестроить банковскую систему, ужесточить фискальную политику, открыть для иностранных инвестиций ключевые сферы экономики, увеличить предел иностранного участия в южнокорейских компаниях до 55%, снять все ограничения на торговлю с Японией. Последствием кризиса и проведенных под его влиянием реформ стала еще более глубокая интеграция южнокорейской экономики в глобализационный проект.

В то же время финансовый кризис существенно ограничил возможности южнокорейцев в плане реализации главного замысла правления Ким Дэ Чжуна - попытки воссоединения двух Корей под патронажем Южной. Сделать так, как это произошло в Европе с двумя Германиями, где Германия Восточная буквально растворилась в Германии Западной, не удалось. Северная Корея, хотя и находилась в это время в глубочайшем кризисе, в почти полной торговой блокаде, организованной США, при отсутствии всякой экономической помощи, которую раньше предоставлял СССР, не шла ни на какие серьезные уступки.

Несмотря на все «солнечное тепло», которое Ким Дэ Чжун пытался распространить в Северной Корее и растопить лед в межкорейских отношениях, несмотря на его частые встречи с Ким Чен Иром и потоки помощи направленные от южан к северянам, ослабления тоталитарного режима на Севере не случилось. Разговоры о различных вариантах объединения ничего не дали и никакого осязаемого движения в этом направлении не произошло. Ким Дэ Чжун так и не стал «корейским Вилли Брандтом» - то есть авторитетной общенациональной

фигурой, хорошо известной на Севере и на Юге, а те немногие достижения «солнечного тепла» вроде регулярных контактов родственников или создания экономической зоны на Севере, куда могли бы инвестировать предприниматели Юга, явно не стоили затраченных усилий.

Ожидаемого эффекта от расширения взаимных контактов граждан двух Корей, большей информированности северокорейцев относительно жизни людей на Юге не произошло. И причина этого заключалась не только в том, что этому активно препятствовал северокорейский режим. Совершенно неожиданно для южан выяснилось, что северяне убеждены в своем преимуществе перед ними, так как для них КНДР представлялся подлинно независимым корейским государством, а Юг скорее ассоциировался с новым колониализмом, полной зависимостью режима от США.

Надежды на рост недовольства северокорейцев своим социальным положением и той бедностью, в которой они существовали, также не оправдались. В условиях северокорейского тоталитаризма малейшее проявление недовольства каралось самым жестоким образом, и люди даже в семье боялись рассказывать о жизни на Юге. Все информационное поле полностью контролировалось северокорейскими властями, которые преследовали любое инакомыслие. Убедившись в бесплодности формирования в КНДР «пятой колонны» южнокорейские власти после ухода Ким Дэ Чжуна с поста президента не только быстро свернули политику «солнечного тепла», но и вновь перешли к стратегии противостояния и враждебности, вновь начались концентрации войск у северокорейских границ, совместные с армией США маневры, призванные утратить северокорейцев. Такая политика вернула положение на Корейском полуострове обратно в 70-е годы, когда армии двух Корей были готовы в любой момент начать разрушительную войну.

*Ли Мен Бак -
президент Южной Кореи
2008-2013 гг.,
похоронивший политику
«солнечного тепла» в
отношении Северной*

Что касается ситуации в Южной Корее, то неудача с объединением с Севером, подорвала массовую поддержку либералов, у которых не оказалось достойного преемника Ким Дэ Чжуну. Надежды на Но Му Хена как продолжателя дела своего предшественника быстро угасли. Отношения с Северной Кореей в связи с очередными заявлениями северокорейского лидера Ким Чен Ира о разработке ядерного оружия резко ухудшились, а сам преемник Ким Дэ Чжуна оказался в центре коррупционного скандала и лишь чудом избежал процедуры импичмента. После его ухода с поста президента к власти вновь пришли близкие к армии представители консервативных кругов, во главе с новым президентом в прошлом опять-таки как и Ким Ен Сам пресвитером одной из сеульских церквей Ли Мен Баком. Как убежденный кальвинист не склонный к компромиссам, он окончательно похоронил политику «солнечного света» и выступил за ужесточение отношений с Севером и за укрепление союза с США. Символом полной неудачи межкорейского диалога стало закрытие в свое время широко разрекламированной особой промышленной зоны в Кэсоне. В лучшие времена там, на северокорейской территории, размещали производство почти 120 южнокорейских компаний, работало более 50 тысяч человек, в основном северян. На примере Кэсона, южане хотели показать способность и готовность в случае объединения, активно инвестировать в промышленность Севера. Однако, 10 февраля 2016 года, после испытания КНДР ракеты дальнего радиуса действия, Южная Корея заявила о прекращении работы промышленной зоны Кэсон. Вслед за этим власти Северной Кореи выдворили 280 рабочих с Юга с территории технопарка и перебросили туда военные подразделения. 12 февраля Южная Корея прервала подачу

электроэнергии и воды на территорию комплекса. Южнокорейское оборудование было также вывезено. В отношениях двух корейских государств вновь наступила холодная зима.

3. Южная Корея: интеграция в глобальные процессы. Плюсы и минусы выбранного пути развития

Поиски компромисса и путей сближения Северной и Южной Кореи происходили на фоне довольно быстрого роста южнокорейской экономики. Преодолев кризис в середине 90-х годов, рост экономики Южной Кореи в 2000-е годы, хотя и несколько замедлился, все равно оставался очень значительным. По состоянию на 2009 год Южная Корея стала 14-й в мире страной по валовому внутреннему продукту (по паритету покупательной способности) и 15-й в мире по номинальному ВВП, с объемом ВВП более одного триллиона долларов. Ее экономика, опирающаяся на производство таких товаров как электроника, текстиль, автомобили, на кораблестроение и металлургию оказалась глубоко интегрирована в глобальные финансовые и товарные рынки. Доля страны в мировом экспорте и сегодня продолжает расти с 0,04% в 1962г. до 1,1% в 1980г., 1,9% - в 1990 г. и 2,4% - в 1996.

Южная Корея оказалась привлекательной для иностранных инвесторов. С 1996 по 2003 год только американские компании инвестировали в ее экономику 20 млрд. долларов. В свою очередь Южная Корея со второй половины 80-х годов превратилась во все более значительного экспортера капитала. Общая сумма прямых инвестиций с 1981 по 1990 г. достигла 1,7 млрд.

Можно сказать, что сегодняшняя Южная Корея уже существует как интегральный элемент глобального рынка. Более того, она в определенном смысле является примером, почти идеалом того, чего хотели добиться американцы в рамках проекта глобализации. Если не принимать во внимание значительную роль государства в экономике и ее смешанный государственно-частный характер, то Южная

Корея сегодня - это современная и быстро растущая, завязанная при этом в основном на американские рынки экономика. Это еще и формально демократический политический режим, возглавляемой политической элитой, где крайне влиятельны протестанты - кальвинисты. Сегодня именно они оказывают определяющее влияние на формирование политического курса страны, что подтверждает опрос, проведенный в 2007 г. Корейским институтом свободы вероисповедания. В нем приняло участие 300 священнослужителей — по 100 представителей от буддистов, католиков и протестантов. На вопрос «какая религия оказывает наибольшее влияние на политические круги?» 47% опрошенных духовных лиц назвали протестантизм. На втором месте оказалось католичество (30,9%), а на третьем — буддизм (20,4%). Итоги этого опроса во многом объясняют такую тесную привязку Южной Кореи к США. Кроме всех военных и экономико-политических реалий, активная и влиятельная часть корейских протестантов, теснейшим образом связана со своими братьями по вере в США и видит в Америке не просто союзника, но еще и духовного собрата.

В то же время очевидны и потенциальные угрозы, связанные с глубокой интеграцией страны в американские рынки и ее зависимости от внешнеполитических приоритетов США. Дело в том, что нынешнее процветание Южной Кореи зависит не столько от политики ее руководства, или трудового энтузиазма ее рабочих, сколько от глобальных политических и экономических процессов, центры которых находятся далеко вне зоны контроля со стороны южнокорейских властей. Выгоды интегрирования в глобальную экономику в любой момент могут смениться серьезным проигрышем и глубоким спадом в случае углубления кризиса, сложившейся в мире экономической системы.

Отказ президента Д. Трампа от ТТП в некотором смысле облегчил выбор пути дальнейшего развития южнокорейской экономики и государства в целом. Ведь еще в ноябре 2013 г. не без американского давления Сеул

объявил о своей заинтересованности в участии в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), но соглашение о присоединении к нему, так и не подписал. Причина этого заключалась в том, по сравнению с японцами южнокорейская экономика не только слабее она и устроена по-другому. Фактически государство осуществляет оперативное руководство крупными корпорациями. Экономика носит смешанный государственно-частный характер. В случае присоединения к ТТП вся эта система была если бы не разрушена, то подверглась бы жесткой приватизации, что неизбежно сказалось бы на ее эффективности и управляемости. А так каких-то революционных перемен не требуется и есть возможность и дальше без особых проблем участвовать в глобальном торговом обмене.

4. Обзор некоторых итогов семи десятилетий конкуренции двух Корейских государств

Подводя некоторые итоги соревнования двух моделей модернизации и двух политических систем Южной и Северной Кореи, можно сказать, что одна из них оказалась эффективной и модернизация южнокорейского общества постепенно переросла в интеграцию в глобальные финансовые и товарные рынки, страна добилась впечатляющих успехов во всех сферах жизни. Что касается Северной Кореи, то следование политике жесткого самообеспечения, сохранения тоталитарной власти и опоры на собственные силы, оказалось тупиковым путем развития. Но делать из этих наблюдений однозначный вывод о преимуществах либеральной модели модернизации, по сравнению с социалистической было бы довольно опрометчиво.

Дело в том, что Южная Корея в эпоху реформ Пак Чжон Хи и в политике и в экономике была крайне далека от либерализма. Скорее она очень много взяла из социалистической модели, а южнокорейский бизнес из

протестантской этики с ее предприимчивостью, трудолюбием и пуританизмом. Что касается северокорейцев, то они, довели социалистическую модель до абсурда, сначала превратили социализм в догму, а потом вообще во многом заменили его, так называемыми идеями «чучхэ». В других странах Востока, также развивавшихся в русле социалистической модернизации - в Китае и во Вьетнаме, события происходили в совершенно ином ключе - успехи в экономическом развитии в 90-е и 2000-е годы стали результатом прагматичной и деидеологизированной экономической политики. На ее основе возникла современная смешанная государственно-частная экономика, превратившая эти страны в лидеров мирового экономического роста.

При анализе отношений двух Корей можно сделать и еще один довольно печальный вывод: экономический успех южных корейцев, их важное место в проекте глобализации, их, наконец, высокий технологический уровень, не создают им никаких военных преимуществ, кроме тех, которые связаны с возможностью тратить больше средств на вооруженные силы. Северная Корея неизмеримо более слабая экономически, чем Южная, находящаяся почти в полной международной изоляции, по военным потенциалам мало чем уступает своему продвинутому визави. Все это лишний раз подчеркивает, что сегодня в отличие от мира эпохи модернизации, бедные и архаичные страны могут в военном плане стать в один ряд с развитыми государствами и способны в любой момент разрушить существующий международный порядок.

ГЛАВА IV. Китай в постсоветскую эпоху - превращение в азиатского и мирового лидера

1. Ситуация в стране после событий на площади Тяньаньмэнь. Реакция Запада и китайской интеллигенции

После жестокого подавления митингующих на площади Тяньаньмэнь, вызвавшего крайне негативный для китайского руководства отклик в США и Европе, многие полагали, что отношения Запада с Китаем будут прерваны на многие годы. Но это оказалось не так. Не прошло и нескольких месяцев после трагических событий, как риторика западной прессы заметно изменилась, резко смягчилось в отношении китайских властей. Пекину как-бы был дан знак, что в США и в Европе демократизацию политической системы Китая не выдвигают теперь на передний план, что там полагают, что борьба за права человека и свободу это одно, а продолжение взаимовыгодных экономических отношений - совсем другое. Никаких санкций против Китая введено не было и, тем более, не было сделано попыток разорвать сложившиеся к этому времени взаимовыгодные экономические связи.

Уже в начале 1990-х годов, то есть через два-три года после кровавых событий, объем внешней торговли КНР составил около 200 млрд. долл., а приток иностранных инвестиций в экономику превысил уровень 80-х годов. Правда, при этом совокупные вложения из США, Японии и Европы, будучи примерно равными по объему, составляли около 20-30% всех инвестиций. Остальные 70-80% были вложениями зарубежных китайских предпринимателей.

Инвестиционный бум обеспечил КНР высокие темпы экономического роста, и уже к середине 90-х годов, Китай вышел на первое место в мире по общему объему

производства в таких отраслях, как сбор зерна, добыча угля, производство цемента, хлопка, мяса, телевизоров. К концу XX в. экономические показатели Китая выросли еще более значительно. Доход на душу населения увеличился до 840 долл. по сравнению с 500 долл. в конце 80-х годов. Доля сельского хозяйства в структуре валового внутреннего продукта к 2000 г. уменьшилась до 16%, а удельный вес индустриальных секторов повысился до 49%, объем внешней торговли особенно внушительным стал после возвращения в состав КНР Сянган в 1997 г. (В 1999 г. в состав КНР также был возвращен Аомынь, или Макао.) В конце века стоимость внешней торговли континентального Китая приблизилась к 500 млрд. долл.

Цзян Цзэминь

Весь этот процесс поступательного развития происходил на фоне сохранения однопартийной политической системы, в которой КПК и ее руководство играли ключевую роль. События, связанные с распадом СССР и крахом Компартии Советского Союза, произвели на китайское руководство и общество огромное впечатление. Разруха и распад ключевых отраслей промышленности, отбрасывание страны на периферию глобального развития, огромные потери в народонаселении и территории - все это стало важным аргументом для КПК еще крепче держать власть в своих руках. Печальный опыт СССР и КПСС долго оставался актуальным вопросом в формировании политики КПК. Так, на XVI съезде КПК, состоявшемся в 2002 г., через 11 лет после распада, Цзян Цзэминь, уходивший с поста Генерального секретаря партии, указал, что «если не произвести коренного обновления, возмущение народа может принять такие размеры, что КПК утратит свою власть, и в государстве

воцарится хаос. Он предупредил, что тогда к власти могут прийти деятели типа М. Горбачева и Б.Ельцина. В таком случае партию и Китай ожидает печальная участь КПСС и Советского Союза».

Следует отметить, что негативный пример распада советской страны и партии, оказался полезным китайским коммунистам еще и тем, что как-бы оправдывал кровавый разгон студентов на площади Тяньаньмэнь. Подразумевалось, что если бы не эти вынужденные жесткие меры, то Китай мог бы пропасть: партия разрушилась бы, а государство распалось. Поэтому эта тема стала важным элементом в системе подготовки партийных кадров и в укреплении внутреннего единства партии. Было даже принято решение о том, чтобы члены партии изучили и обсудили в ячейках специальное исследование китайских ученых о причинах и последствиях краха коммунистической идеологии и государства в СССР и уроках этих событий для Китая.

После событий на площади Тяньаньмэнь в политическом руководстве Китая произошли значительные перемены. В ноябре 1989 г. Дэн Сяопин хотя и ушел со всех постов, но добился, чтобы к власти пришло так называемое третье поколение китайских коммунистов, которое возглавил близкий к нему Цзян Цзэминь. С этого же момента, в руководстве КПК было решено строго соблюдать положения устава партии, который позволял Генеральному секретарю ЦК КПК находиться на своем посту не более десяти лет. Предполагалось, также, что вместе с ним в отставку будет уходить и все поколение его высокопоставленных сверстников, а на их место придет

*Ху Цзиньтао
генеральный секретарь
ЦККПК в 2002-2012 гг.*

новое поколение руководства, которое будет моложе предыдущего примерно на десять лет.

Это решение существенно модернизировало механизм подготовки и расстановки партийных кадров. В партии появился социальный лифт, который гарантировал постоянное обновление ее руководящих рядов. В то же время постепенный уход предыдущего поколения руководителей от власти позволял им контролировать преемственность политики и внутреннее единство КПК.

С начала 90-х годов накал оппозиционных настроений внутри китайского общества, такой высокий в 80-е годы существенно снизился. И дело здесь было не только в утраченности, которое произвели на интеллигенцию события на площади Тяньаньмэнь. Распад СССР и последующий хаос на постсоветском пространстве сильно повлияли на сторонников демократических преобразований в политической системе Китая. На примере печального опыта СССР, не только партийные кадры, но и китайская интеллигенция убедилась в опасности слома существующего политического режима, который кроме собственно идеологического контекста, выполнял еще и роль жесткого административного обруча для всего аппарата управления и являлся ключевым гарантом единства страны.

В такой ситуации, перед интеллигенцией, традиционно оппозиционной режиму, встал сложный выбор - борьба за демократизацию с потенциальной угрозой хаоса и распада страны, или сотрудничество с властью, открывавшее возможность найти работу в быстро растущих кампаниях в экономике, или в случае политических амбиций в деятельности многочисленных структур, или в аппарате КПК. Отсутствие серьезных общественных волнений и выступлений в период правления, так называемого третьего, да и четвертого поколений руководства КПК показывает, что подавляющая часть политически активного класса сделала выбор в пользу второго варианта. Общественное успокоение позволило обществу и

государству взаимодействовать в конструктивном духе и сосредоточиться на решении задач экономического роста.

2. Скрытая борьба в КПК за власть и реформы

Правящая партия Китая и в эпоху после событий на площади Тяньаньмэнь, не являлась внутренне цельной и единой. Несмотря на поражение сторонников прозападного выбора в 1989 г. их позиции в партии оставались довольно прочными и, в первую очередь, в экономическом блоке. Определенное место в руководстве имели и противники прозападного курса, выступавшие за сохранение в партийной политике идеалов социальной справедливости и классового подхода. Особенно активно они осуждали распространение в стране и в партии такого явления как коррупция, видя в ней реальную угрозу единству партии и незыблемости ее власти. Причиной коррупции они считали курс, направленный на «реставрацию капитализма».

Еще в партии выделяли региональные кланы, например, пекинский и шанхайский, а также клан так называемых «принцев» - выходцев из семей бывших крупных ее руководителей. Но при всех этих различиях большинство в партии придерживалось общей средней, прагматичной политики, которую как раз и проводил Цзян Цзэминь и Премьер Административного совета Чжу Жунцзы. Партийное руководство было настроено на реализацию тех же целей, которые провозгласил еще в 1949 г. Мао Цзэдун, а позже уже в 80-е годы несколько перефразировал Дэн Сяопин - строительство мировой державы мощного и независимого Китая, а также повышение уровня жизни китайцев до уровня средней зажиточности. Эти цели разделяли практически все в партии, поэтому, хотя политическая борьба внутри КПК между региональными кланами, отдельными лидерами и группами влияния, несомненно шла, и велась, подчас, довольно активно, но все это происходило «под ковром», в жестких рамках и при общем понимании того, что ни в

коем случае нельзя разбивать партийную лодку, в которой все они находятся.

Си Цзиньпин -генеральный секретарь ЦК КПК с 2012г., председатель КНР с 2013

Межфракционная борьба в этот период времени перестала в значительной мере носить идеологический характер. Обвинения переместились в сферу экономики и самым распространенным стало обвинение в партийного деятеля в коррупции того или иного чиновника или Наиболее известные из таких дел - арест в 1995 году и осуждение на 16 лет Чэнь Ситуна - члена Политбюро ЦК КПК, многолетнего главы Пекинского

горкома КПК, обвинённого в коррупции, арест в сентябре 2006 г. Чэнь Ляньбя - члена Политбюро и главы Шанхайского горкома КПК. Как установили в ходе расследования, он был причастен к растрате около 400 млн. долларов из пенсионного фонда Шанхая. Из последних дел арест и расстрельный приговор в 2008 г. заместителю мэра Пекина Лю Чжихуа, который был признан виновным в получении взяток на сумму в миллион долларов США, обвинения во взяточничестве и злоупотреблении служебным положением бывшего члена Политбюро ЦК КПК, секретаря партийного комитета и мэра Чунцина - Бо Силая. В 2012 г. его исключили из партии и арестовали. Бо Силая многие наблюдатели рассматривали как сторонника углубления либеральных реформ в экономике и, чуть ли не соперника нынешнего лидера КНР Си Цзиньпина. По всей видимости, против него выступал и покровитель Бо Силая, когда-то всемогущий министр общественной безопасности Чжоу Юнкан, который хотя и официально ушел на пенсию в конце 2012 г., вскоре после выборов нового партийного лидера был арестован вместе с большой группой людей из его ведомства по подозрению в коррупции. Китайская пресса пишет, что он мог присвоить себе невероятную

сумму в 90 млрд. юаней. Все эти аресты высокопоставленных партийных политиков и чистка партийного аппарата указывают на то, что политическая борьба в Китае различных группировок и кланов продолжается и, что вполне вероятно, что вскоре мы узнаем имена других нынешних и бывших руководителей, связанных с коррупцией. Искоренить ее в условиях, когда власть становится капиталом, средством извлечения прибыли, представляется делом чрезвычайно сложным. Более того, можно предположить, что коррупция является негативным элементом, построенной в Китае политико-экономической реальности: она развивается на стыке масштабной частной экономики и жесткой и закрытой от общества политической системы. Коррупция, как системный элемент, пронизывает разные уровни аппарата управления: по некоторым данным, с 2000 года было расстреляно за взяточничество и мздоимство более 10 тысяч чиновников. Очевидно, что нынешний Председатель КНР имеет свой собственный стиль руководства и рассчитывает добиться успеха в борьбе с этим очевидным злом в возвращении КПК к идеалам скромности и ответственности революционных лет.

3. Китайский путь к социализму - некоторые черты и особенности

Скрытые противоречия и не менее скрытая «борьба бульдогов под ковром» почти не влияли на успешную реализацию курса, названного в партийных документах строительством «социализма с китайской спецификой». Смысл этой специфики подразумевал в экономике сочетание свободно рыночных отношений и государственного регулирования, а в сфере политики - сохранение доминирования лишь одной политической структуры в стране - Компартии Китая.

Именно в такой политико-экономической конфигурации Китай выиграл больше всех других стран от интеграции в мировые товарные и финансовые рынки, и, тем самым,

показал авторам «Вашингтонского консенсуса» и разного рода либеральным «гуру» уязвимую сторону их проекта глобализации. Получилось, что наибольшего успеха в развитии добивались не страны, слепленные по американским лекалам, а государства типа Китая и Вьетнама с авторитарными политическими режимами и экономикой, в которой государство играет преобладающую роль. Тем самым, ключевая идея американских политологов о том, что глобальные факторы развития неизбежно вызовут изменения политических режимов в коммунистических и авторитарных странах, оказалась неверной. Такие режимы не только не ослабли, они получили дополнительную легитимность, благодаря устойчивому росту экономики и уровня жизни людей. А между тем, идея демократизации была заложена в проект глобализации, и в США рассчитывали, что на волне глобального сотрудничества в Китае или во Вьетнаме произойдет консолидация интеллигенции, средних городских слоев и предпринимателей, в результате чего коммунистическая власть падет, а вместо нее появятся демократические режимы, слепленные по американским образцам.

Нет сомнений, что в отношении Китая в США рассчитывали на так называемый «демократический транзит», когда авторитарный режим, экономически привязанный к США и американскому рынку, шаг за шагом будет двигаться к демократии, к правам человека и, в конечном итоге, позволит прозападной оппозиции взять власть.

Этот примитивный сценарий не удалось реализовать нигде на Востоке, а тем более в Китае. Руководство КПК постоянно подчеркивало, что при всех рыночных реформах Китай остается привержен пути строительства социализма, имея в виду, прежде всего сохранение монополии партии на власть в условиях строительства «справедливого и социально ориентированного общества». При этом, нежелание китайских властей обеспечить «демократический транзит», не помешали США только за

80-е годы вложить в китайскую экономику почти 600 млрд. долл. Такие гигантские инвестиции не могли быть потрачены впустую, поэтому, «закрыть» Китай по политико-идеологическим причинам оказалось невозможно, Эти средства должны были принести доход, который был возможен только в случае сохранения участия КНР в глобализационном проекте. Поэтому в США предпочли не замечать неизменности монопольной власти партии, которая на своем XV съезде, состоявшемся в сентябре 1997 г. подчеркнула, что Китай только еще вступил в начальную стадию строительства социализма, в котором капиталистические отношения продолжают играть существенную роль. Эту мысль выдвинул в своем докладе «Высоко неся великое знамя теории Дэн Сяопина, перевести строительство социализма с китайской спецификой на рельсы XXI века» Цзян Цзэминь. Он также указал, что «в современном Китае только теория Дэн Сяопина, объединившая марксизм с реальностью сегодняшнего Китая и особенностями эпохи и никакая другая теория, может решить перспективы и судьбу социализма». Съезд принял решение «О пересмотре Устава КПК», постановил принять теорию Дэн Сяопина в качестве руководящей идеи КПК и внести этот пункт в Устав партии. В Уставе теперь было записано, что компартия Китая «считает руководством к действию марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна и теорию Дэн Сяопина».

Эти новации, с введением идей Дэн Сяопина в партийную доктрину, имели значительный практический смысл, так как обозначили новый подход руководства партии к формированию партийных рядов. Если было указано, что капиталистические отношения играют в экономике существенную роль, то значит и их носители должны быть представлены в политической элите страны. В связи с этим, было принято решение о том, что КПК является не только партией рабочего класса и крестьянства, но и авангардом народа и китайской нации и открыть двери для предпринимателей, которые после XVI съезда КПК, состоявшегося в 2002 г. получили возможность массово

вступать в правящую партию. На том же съезде к власти пришло и новое поколение руководителей во главе с Ху Цзиньтао, которое в целом продолжило политику своих предшественников, поддерживая политическую стабильность и экономический рост.

Во время правления так называемого «четвертого поколения» партийных руководителей результаты длительного экономического роста стали видны буквально невооруженным глазом. Изменились города Китая, изменилась инфраструктура, изменились и люди. Существенным стало и то, что экономический подъем дал новую легитимацию власти КПК, партия как-бы доказывала свое право и умение руководить обществом и государством.

В начале XXI века Китай превратился в ключевого международного игрока в проекте глобализации. Его доля в мировом экспорте к 2008 г. стала составлять 8%. Китай вместе с США (9,3% мирового экспорта) и Германией (8,7% мирового экспорта) вошел в ведущую тройку крупнейших экспортеров мира, почти в 2 раза опережая по этому показателю Японию (4,5% мирового экспорта). КНР стала крупнейшим в мире экспортером одежды -пятым в мире экспортером продукции химической промышленности, офисного и телекоммуникационного оборудования, продукции сельского хозяйства.

Китайский рынок оказался настолько привлекательным, что КНР стала одним из крупнейших в мире получателей прямых иностранных инвестиций. На долю страны приходится свыше 50% всех таких инвестиций, которые направляются в развивающиеся страны. В целом по объемам привлечения прямых иностранных инвестиций Китай вышел на второе место в мире после США. За годы реформ среднегодовые темпы прироста ВВП в КНР (1980 - 2000-х) гг. составили 9,8%, и по этому показателю страна, также возглавила число самых быстроразвивающихся государств мира. Ко всему этому можно добавить, что по объему золотовалютных резервов, достигших в 2009 г. суммы в 2,3 трлн. долл., Китай занял первое место в мире.

Как мы видим, открытая экономика со свободным движением капитала и минимальными ограничениями в торговле, экономика, основанная на относительно свободной конкуренции и глобальном рынке, оказалась крайне выгодной именно Китаю, экономика которого в 2014 г., по паритету покупательской способности даже обошла США, и превратилась в крупнейшую экономику мира. При этом, добившись таких впечатляющих успехов, КНР даже намека не дала на то, что правящий режим готов увеличить роль либеральной оппозиции. Да и в экономике китайцы действовали исходя, прежде всего, из своих национальных интересов, развивали ее преимущественно как смешанную, государственно-частную, жестко регулируемую государством.

Рост экономического потенциала Китая и его вооруженных сил, превращение КНР в глобального игрока на мировой арене, интересы которого простираются во все регионы мира, оказали влияние на изменение внешнеполитического курса. По сравнению с эпохой начала «экономического чуда» во внешнеполитической сфере Китая стали особенно проявляться растущие амбиции его руководства, которое стремится к тому, чтобы экономическое могущество страны соответствовало его военно-политическому влиянию. Для этого расходуются все больше средств на строительство армии и флота, которые должны подкрепить территориальные претензии КНР. Наиболее опасными, с точки зрения начала вооруженного конфликта, являются претензии к Японии относительно островов Сэнкаку (Дайодао), и действия в Южно-Китайском море, где Китай заявил о своих правах на Парасельские острова и острова Спратли, произвольно провел так называемую 9-ти пунктирную линию, на основании которой объявил 80% всей акватории ЮКМ - 2,2 млн. кв. км. собственной территорией. Захватив Парасельские острова и часть островов Спратли, Китай начал их расширять, насыпать новые территории, строить там порты и военные аэродромы, объявил акватории вокруг них запретными для иностранных судов. Ни США, ни

Япония, ни страны АСЕАН не признали законность этих действий китайской стороны. Экспансия Китая на этих островах вызывает тревогу в странах ЮВА, которые в поисках союзника все чаще обращаются к США.

Следует отметить, что заметное обострение отношений двух стран - крупнейших мировых экономик, произошло во время первого визита президента США Барака Обамы в Китай, состоявшегося в январе 2009 г. Тогда руководство КНР фактически отказалось от предложенной ему роли младшего партнера в сотрудничестве с США. На заявление американского президента, что США готовы к укреплению взаимодействия с Китаем по важнейшим международным и региональным проблемам, китайское правительство ответило, что оно привержено собственному независимому курсу.

Барак Обама, видимо, рассчитывал продолжить в отношении Китая, так называемую *engage policy*, то есть политику привлечения Китая к решению глобальных проблем совместно с США. Отказ китайского руководства от этого предложения и очевидная ставка КНР на расширение своего экономического и военно-политического влияния в ЮВА и в мире, вынудили администрацию Обамы пересмотреть *engage policy*. Американцы перешли к так называемой *hedge policy*. Эта политика, предполагала совершенно иное видение отношений США с КНР. Из младшего партнера Китай превращался в противника и соперника в борьбе за глобальное лидерство, а отношения с ним формулировались уже как противостояние китайской экспансии, путем формирования блока союзных с США стран по периметру китайских границ.

Китай, в свою очередь, принял решение организовать собственные глобальные проекты типа «Великих шелковых путей -морского и сухопутного». Цель КНР состояла в том, чтобы расширить сферу своего преобладающего влияния и увеличить поток товаров на азиатские и европейские рынки, в рамках контролируемых им транспортных коридоров. Пока все эти проекты получают не очень

успешными, как и выстраивание своей собственной системы экономических и политических союзов. В ТТП - как новую фазу проекта глобализации Китай не просто не согласился войти, так как, там правила игры задавали США, но его еще туда никто не собирался приглашать. А даже если бы пригласили, то Пекин никогда бы не согласился с таким условием как резкое повышение роли ТНК в отношениях с национальным государством, что угрожало бы КНР ограничением суверенитета и, вообще, предоставляло возможность иностранцам вновь диктовать экономические правила китайской власти.

Отказ Д. Трампа от ТТП стал для Китая настоящим подарком. Ведь американцы не скрывали, говоря о перспективах Транстихоокеанского партнерства, своего желания влиять на внутренние процессы в странах-участниках проекта. В Америке полагали, что ТТП предопределил стандарты мировой торговли и инвестиций для всего XXI века. При этом они указывали, что в любом случае Китаю придется считаться с этими стандартами, несмотря на то, что в их разработке Пекин участия не принимает.

Долгое время казалось, что в соревновании двух глобальных проектов экономической интеграции - американского и китайского - преимущество было на американской стороне. В октябре 2015г. 12 крупнейших стран АТР и, в том числе - Япония, Канада, Австралия, а также Вьетнам, Малайзия и Чили подписали договор о присоединении к ТТП. А зона свободной торговли, инициированная Китаем -так называемое Всестороннее региональное экономическое партнерство(ВРЭП) оставалась не более чем привлекательным проектом с неопределенными перспективами, хотя китайцы успели к этому времени провести 10 раундов переговоров и четыре министерские встречи заинтересованных сторон. Состав потенциальных участников китайского проекта, как ни странно, был примерно тот же, что и в ТТП, что говорило т о том, что страны Восточной Азии не хотят складывать «все яйца в одну корзину».

На примере конкуренции этих двух глобальных проектов можно было увидеть насколько политические интересы и цели разводят США и Китай: США - организатор глобализации и КНР - наиболее успешный участник этого проекта, не столько сотрудничали, сколько боролись за доминирование в АТР и будущем глобальном мире. При этом американцы предлагали идти дальше на новый уровень и к новым правилам интеграции, а Китай в рамках ВРЭП обещал сохранение существующих порядков и правил глобальной интеграции.

При администрации Барака Обамы это соперничество не проявлялось так жестко и открыто как при Д. Трампе. В то время многие специалисты полагали, что борьбу двух ведущих держав современного глобального мира не стоит переоценивать с точки зрения опасности военного конфликта. Слишком, взаимосвязаны две страны, слишком много возможностей и преимуществ открывает им сохранение существующего статус-кво. И пока так и будет, пока выгода от глобального проекта останется обоюдной, а взаимный объем торговли будет превышать 500 млрд. долларов и Китай будет главным торговым партнером США, то серьезный конфликт, разрушающий всю экономико-военно-политическую структуру Восточной и Юго-Восточной Азии, да и весь глобальный проект, вряд ли возможен.

Приход к власти администрации Д.Трампа и ее политика в отношении КНР показала, что при всей логичности и справедливости утверждения о взаимозависимости, оно оказалось мягко говоря не совсем верным. Д. Трамп с 2017 г. стал последовательно разрушать механизм американо-китайской торговли, ставить китайцам ультиматумы, угрожать и вводить санкции. Он заявил, что Китай - главный противник США на международной арене, что Пекин получает несправедливую выгоду от торговли с Америкой.

Все эти действия накалили ситуацию самым серьезным образом. В ответ на санкции США, сокращение вложения капиталов в Китай, введение американцами высоких

импортных тарифов на большое количество китайских товаров, Китай тоже объявил Америке санкции на продукцию американского сельского хозяйства, ввозимую в Китай.

На этом фоне обострилось и военное соперничество, когда американцы направили большие силы флота в зоны западной части Тихого Океана в непосредственной близости от Китая. Инциденты, произошедшие осенью 2015 г., и связанные с проходом американского эсминца вблизи захваченных Китаем островов в архипелаге Спратли, пролет без разрешения КНР американского военного самолета над этими же островами, чуть было не привели к серьезному военному конфликту Китая и США. Такие острые ситуации регулярно продолжались и дальше, стали особенно опасными в последнее время, когда прямые столкновения китайских и американских кораблей в ЮКМ происходят все с меньшими интервалами по времени. История знает массу примеров, когда один лишь выстрел мог менять всю глобальную геополитику.

Противостояние в военной сфере дополняется очевидным политическим давлением, которое США оказывают на Китай. При этом самым активным образом используется ситуация, сложившаяся в Гонконге. В 2017 году там состоялись первые в Китае свободные выборы. Несмотря на то, что победила на них ставленник Пекина - Кэрри Лам, эти выборы дали импульс к появлению в Гонконге сильного антипекинского и демократического движения. Оно немедленно получило поддержку на Западе, особенно в Великобритании и США, где заявили что китайское население Гонконга якобы привыкло жить в условиях демократии и попытки Пекина навязать им свою систему управляемых выборов приведут только к новым столкновениям.

На сегодня Гонконг превратился в место, где можно наблюдать как осуществляется непосредственное давление на Китай, где происходит открытое противостояние технологии «цветных революций» и китайской политики по их подавлению. Очевидно, что на Западе рассчитывают,

что так называемая борьба за демократию в Гонконге с одной стороны работает на формирование имиджа Китая в мире как «душителя свободы», а с другой при благоприятных обстоятельствах может дать толчок к развертыванию демократического движения за переход к свободным выборам и в других районах страны. Это движение, после смерти в 2017 г. своего лидера правозащитника и Нобелевского лауреата Лю Сяобо испытывает явный кризис и требуется внешний импульс, чтобы как надеются на Западе, его разбудить.

В экономике КНР уже длительное время наблюдается замедление темпов роста, связанное во многом с тем, что администрация Д.Трампа объявила Китаю торговую войну. Несмотря на это в Пекине продолжают твердо придерживаться стратегии глобализации и стали особенно активны после того как ТПП ушла в историю. Пекин добился большого успеха, когда 15 ноября 2020 г. было согласовано и подписано соглашение по ВРЭП. При всем при том, что получилось оно не таким масштабным как планировали в Пекине, все равно был сделан важный шаг к расширению пространства свободной торговли и открытию новых рынков. Этот успех показал, что многолетние усилия Китая не прошли даром - конечная цель достигнута, и мир увидел, что ставить крест на глобализации только потому что это сделала американская администрация Д.Трампа преждевременно. Китай так много получивший от глобализационного процесса, полон решимости развивать и продолжать его дальше.

Нельзя не отметить, что одним из важных направлений экономической экспансии для Китая сегодня являются страны Центральной Азии. Почти все они принимают вместе с Китаем и Россией участие в Шанхайской организации сотрудничества, входят в глобальный транспортный проект «поояса и пути». Их сотрудничество с КНР и Россией не только втягивает их в глобальное разделение труда, но и служит преградой усилению традиционалистских и радикально-религиозных тенденций, общей архаизацией центрально - азиатских

социумов. Так что в определенном смысле Китай начинает выступать как фактор модернизации для этих обществ, то есть выполнять ту же роль, которую когда-то страны Запада, а позже СССР выполняли в Китае. Как говорится круг замкнулся.

ГЛАВА V. Юго-Восточная Азия в 1990-е - 2000-е годы. Экономический рост и новые вызовы региональной безопасности

1. Некоторые общие тенденции в развитии региона в 90-е годы

Распад Советского Союза и окончание «холодной войны» оказали огромное влияние на изменение обстановки в ЮВА. Прекратилось противостояние стран Индокитая и АСЕАН в Камбодже, откуда были выведены вьетнамские войска, все заинтересованные стороны согласились провести всеобщие выборы под эгидой ООН. В условиях, когда влияние внешних сил на ситуацию в регионе стало минимальным, на первый план вышли интересы находившихся в нем стран. Их общие усилия были направлены на то, чтобы наладить взаимное сотрудничество и в условиях мира и стабильности строить Юго-Восточную Азию, как самостоятельный регион мирового значения, с высоким уровнем интеграции и кооперации всех государств в него входящих.

Процесс формирования АСЕАН как единого регионального блока развивался на протяжении всех 90 - х, когда Вьетнам в 1995 г., а потом и другие страны Индокитая, а также Бирма вступили в АСЕАН. После вхождения Камбоджи в 1999 г. АСЕАН превратилась в полном смысле в региональный союз, в котором участвовали теперь все государства Юго-Восточной Азии.

Следует сказать, что во время расширения регионального блока участники АСЕАН проявили определенную самостоятельность, особенно при вступлении Бирмы в 1997 г. которая, к тому времени, после военного переворота 1991 г., находилась под западными санкциями. В АСЕАН проигнорировали недовольство

Вашингтона, который указал на различие в базовых ценностях стран АСЕАН и бирманского режима и порекомендовал вместо приема Бирмы, оказать на нее давление для защиты там прав человека и прекращения наркотрафика. В ответ в секретариате АСЕАН заявили, что в процессе развития взаимного сотрудничества и включения бирманского режима в интеграционный процесс, различия в ценностях постепенно будут исчезать.

Еще одной чертой формирования единого регионального блока стало то, что в отличие от Европы, где восточноевропейские страны при своем вступлении в Евросоюз сменили и политические режимы, и внешнеполитическую ориентацию, объявили период развития в рамках социалистической модели ошибкой, в Юго-Восточной Азии ничего подобного не произошло. Во всех странах Индокитая, взявших курс на рыночную экономику и сближение со странами АСЕАН, сохранились прежние политические режимы, а механизм власти изменился лишь в Камбодже, при сохранении неизменных руководящих персоналий, из числа бывших коммунистов, во главе этой страны.

Еще одной важной тенденцией, проявившейся в 90 - годы практически во всех странах АСЕАН стала тенденция к демократизации власти и всех сторон жизни общества. Во многих государствах, за исключением лишь Таиланда и Бирмы, парламентский процесс превратился в главный механизм формирования власти. Причины этого были многообразны, но общее в них было то, что за годы экономического роста в странах АСЕАН сформировался городской средний класс, который стал активной социальной силой в борьбе за расширение демократии и формирование устойчивых демократических институтов. Другим фактором стало изменение глобальной международной ситуации, прекращение холодной войны и фактическое исчезновение коммунистической угрозы для власти местных элит. Партизанские войны под флагом коммунистического переустройства ушли в прошлое, влияние когда-то грозных местных Компартий

приблизилось к нулю, социалистические идеи, еще до распада СССР, перестали быть маяком для местной молодежи и студенчества. В новых условиях гражданская власть стала меньше зависеть от военных, хотя роль армии практически везде оставалась критически важной, а в таких странах как Бирма и Таиланд ее представители имели отдельную квоту в местных парламентах.

2. Процесс демократизации в Бирме

*Аун Сан Су Чжи -
нобелевский лауреат и
самый влиятельный политик
современной Бирмы.*

Первой усиление тенденций демократизации почувствовала Бирма, где на выборах, состоявшихся в мае 1990 г., убедительную победу, получив более 80% голосов, одержала оппозиция, объединенная в Национальную лигу за демократию, которая возглавлялась Аун Сан Су Чжи. Военная верхушка, отказалась признать результаты всеобщих выборов и передать власть в руки гражданского правительства. Активисты оппозиции попытались отстранить армию от власти и взять ее в свои руки. В условиях острой политической борьбы и хаоса в стране произошел новый военный переворот. После него - лидер Национальной лиги за демократию Аун Сан Су Чжи на долгие годы оказалась под домашним арестом, а многие ее соратники попали в тюрьмы, были репрессированы или эмигрировали из страны.

Командующий армией генерал Тан Шве, организовавший этот переворот и после него возглавивший государство, не стал возвращаться к социалистическим принципам эпохи генерала Не Вина, а взял курс на экономическое развитие страны на основе расширения частного предпринимательства и привлечения иностранных инвестиций. Было объявлено о переходе к

свободной рыночной экономике и политике «открытых дверей» для иностранного капитала. В ноябре 1990 г. был принят самый либеральный за все годы независимости закон об иностранных инвестициях, а в 1994 г. не менее либеральный закон о внутренних инвестициях. Военные объявили о программе радикальной приватизации всех основных государственных предприятий.

Казалось бы, иностранные капиталы должны были рекой полииться в Бирму. Этого, однако, не произошло, и повторить путь Индонезии периода правления Сухарто бирманским военным не удалось. Главная причина этого заключалась в том, что Сухарто приветствовали как избавителя Индонезии от коммунизма, поэтому, он и получил от США и стран Запада максимальные преференции, а бирманские генералы оказались в глазах США «душителями свободы», которые не допустили прозападные политические силы к власти. Поэтому с ними был совершенно другой разговор и вместо инвестиций они получили санкции, которые сильно осложнили развитие страны. Перемен в Бирме пришлось ждать довольно долго. Только более чем через двадцать лет в условиях глубокого кризиса, связанного с неэффективностью военного правления, в условиях массового недовольства населения тяжелыми условиями жизни, в стране начали происходить политические изменения. Все началось с того, что в начале 2011 года командование армии объявило, что передает власть в руки гражданского правительства. Все наблюдатели полагали, что это был фарс, так как «новые гражданские» во главе с генералом Тейн Сейном, которым эта власть была передана, на самом деле были «старыми военными» и мало кто ожидал, что за этим последуют реальные изменения. Однако 2011 и 2012 гг. стали самым ярким и значительным

Многолетний военный диктатор Бирмы с 1992 по 2011 гг. - генерал Тан

периодом в истории страны за последние десятилетия. По истечении первого года президентства отставного генерала Тейн Сейна, многие поверили в реальность настоящих перемен. Особенно после подведения результатов довыборов в законодательное собрание, которые прошли в апреле 2012 г. когда лидер оппозиции Аун Сан Су Чжи завоевала кресло депутата. Эти же выборы принесли президенту Тейн Сейну и его команде международное признание и продемонстрировали, что Мьянма идет по пути реформ. Гражданское правительство из бывших военных шаг за шагом добивалось перемен - освобождало политических заключенных, заключало мир с националистическими группировками шанов, качинов и других народов, преодолевало режим санкций, устанавливая отношения с США и странами Запада. При этом в отличие от событий 1989-1991 гг. демократизация не носила взрывного характера, ключевым ее элементом стало время, на протяжении которого две главные политические силы военные и партия Аун Сан Су Чжи искали возможность компромисса и сосуществования в одной стране. Постепенно, взаимное недоверие было преодолено и партия Аун Сан Су Чжи - Национальная Лига за демократию (НЛД) согласилась с тем, что фракция депутатов от вооруженных сил будет составлять 25% от всего состава депутатов парламента. НЛД не возражала и против того, что депутаты от вооруженных сил будут избираться не на парламентских выборах, а отдельно, в воинских частях, и в депутатской должности их будет утверждать армейское командование. В свою очередь, военные предоставили НЛД свободу агитации, возможность создавать местные партийные структуры, а членам партии занимать посты в государственных органах. Результатом этих договоренностей стало успешное проведение парламентских выборов в 2015г. и президентских весной 2016 г. И на парламентских и на президентских выборах НЛД одержала убедительную победу. Новым президентом страны был избран Тхин Чжо - известный профессор и дипломат, личный друг Аун Сан Су

Чжи, который вступил в НЛД и стал членом ее центрального комитета всего за два месяца до выборов. Сама Су Чжи баллотироваться в президенты не могла, так как Конституция страны запрещает баллотироваться на пост президента страны тем, у кого есть родственники за границей. У лидера НЛД британское гражданство имеют двое ее сыновей.

Сегодня уже можно говорить, что переход Бирмы к демократии в 2011-2016 гг. оказался куда более успешным, чем в 1989-1991 гг. Однако понятно, что политическая ситуация остается сложной, армия не собирается уходить с политической сцены и в любой момент может вмешаться в политическую жизнь и разрушить пока еще хрупкую бирманскую демократию.

Надо сказать, что отношение в мире к Бирме и ее демократии сильно изменилось после подавления попытки восстания бенгальцев-рохинджа в штате Ракхайн на Юго-Западе Бирмы. В ответ на нападения боевиков на полицейские участки началось жесткое подавление всех тех, кто поддерживал вооруженные атаки с целью формирования в стране независимого государства бенгальцев-рохинджа. В результате миллион людей этой национальности и исламского вероисповедания вынуждены были бежать в соседнюю Бангладеш. Ситуация оказалась настолько тяжелой, что в августе 2017 года ООН охарактеризовало все это как самый быстрорастущий в мире кризис беженцев. После расследования всех событий позиция ООН в отношении Бирмы ужесточилась и ее представители охарактеризовали военное наступление бирманской армии в Ракхайне против рохинджа «хрестоматийным примером этнической чистки». Резко изменилось и отношение международного сообщества и особенно средств массовой информации Запада к Аун Сан Су Чжи. К ней «потеряли доверие», обвиняли в неспособности и в нежелании занять решительную позицию в отношении жестоких действий бирманской армии»..

После трагических событий 2017 г. короткий по времени «медовый месяц» бирманской демократии должен был закончиться возвратом армейских генералов к власти, но несмотря на все обвинения со стороны либеральных кругов Запада демократия в Бирме уцелела. И это произошло именно потому, что Аун Сан Су Чжи заняла взвешенную позицию в отношении конфликта с рохинджа и не дала повод армейским генералам снова вернуть в Бирму режим военного правления. Она оказалась готова сотрудничать и поддерживать военных в обмен на сохранении демократии и возможности проведения свободных выборов в 2020 г.

3. Демократизация тайландского общества и кризис политической системы в Таиланде

Таксин Чиннават - премьер-министр Таиланда в 2001-2006 гг. политик изменивший политическую систему своей страны.

В Таиланде всплеск популярности демократических и либеральных идей привел к падению в 1992 г. военного правительства. После этого в стране была принята очередная конституция и власть перешла к гражданским правительствам, сформировавшимся на основе всеобщих выборов. В политической сфере доминировала в это время Демократическая партия во главе с Чуаном Ликпаем, которая проводила последовательный курс на либерализацию, интеграцию в глобальные рынки и расширение экспорта. Однако после разрушительного валютно-финансового кризиса 1997-1998 гг., который начался как раз в Таиланде из-за коррупции и масштабных спекуляций в сфере строительства, доверие к премьер-министру и правящей партии, да и в целом к столичной политической элите оказалось подорванным.

На волне недовольства деятельностью правительства преуспевающий бизнесмен и амбициозный политик - Таксин Чиннават, основал новую политическую партию Тхай Рак Тхай (тай-цы любят тайцев), которая объявила себя выразителем мнений простых тайландцев и опиралась не столько на Бангкок и его элиту, сколько на тайландскую провинцию, особенно бедные районы на северо-востоке страны. В своей программе эта партия удачно соединила борьбу с социальной несправедливостью и национализм, завоевала поддержку массы людей в сельской местности, особенно на северо-востоке и, тем самым, сумела подорвать электоральные позиции традиционных политических партий, опиравшихся на столицу.

Тхай Рак Тхай удалось вовлечь в политический процесс миллионы, ранее не голосовавших на выборах людей, что мгновенно изменило весь политический ландшафт Таиланда. В принципе приход крестьян в политику был ожидаем, он вытекал из всего процесса модернизации тайского села, формирования там фермерской прослойки. Опираясь главным образом на крестьян, партия Чиннавата одержала победу на выборах 2001 г. Столичная правящая элита, хотя и признала свое поражение, оказалась совершенно не готовой к тому, что ее реально отстранили от власти. Более того, почувствовав, что Таксин Чиннават, в качестве премьер-министра только укрепляет свои позиции и вполне способен победить на следующих выборах, «игры в демократию» по-тайландски закончились.

Столичная элита сумела мобилизовать и направить против правительства тысячи людей, обвинив премьер-министра во всех грехах, даже в желании «подорвать позиции монархии в обществе». После массовых волнений

Йынглак Чиннават - последний гражданский премьер-министр Таиланда в 2011-2014 гг. из клана Чиннаватов. Ее свергли в результате очередного военного переворота.

в Бангкоке в сентябре 2006 г. правительство Чиннавата было свергнуто тайландской армией. В стране ввели военное положение, отменили конституцию 1997 года, распустили правительство, конституционный суд и парламент. Военные заявили о полной лояльности королю Пумипону Адульядету.

Государственный переворот возглавил командующий сухопутными силами генерал Сонтхи Буньяраткалин, который объявил о создании Совета административных реформ. Он же был провозглашен временным премьер-министром Таиланда. В августе 2008 года бывший премьер-министр Таксин Чиннават покинул страну, а в октябре того же года он был заочно признан виновным в коррупции и злоупотреблении властью и приговорен к двум годам лишения свободы.

Вскоре, однако, выяснилось, что военный переворот не решил проблемы тайландской политической системы. Дело в том, что как только военные передавали власть гражданским и проводили выборы, сторонники Чиннавата одерживали на них убедительную победу. В результате за три года (2006-2008) во главе правительства Таиланда сменилось четыре премьер-министра. Ситуация сложилась патовая - правящая элита Бангкока стремилась всеми силами сохранить свое традиционное доминирование в стране, а в условиях демократических выборов выполнить это желание было невозможно, так как их политические противники опирались на куда больший по численности электорат, главным образом из числа крестьян тайландских провинций.

Ожесточенная борьба между основными политическими силами Таиланда резко обострила положение в стране, которая вступила в затяжной политический кризис. С одной стороны, выступали так называемые «красные» - сторонники свергнутого Чиннавата, а с другой - так называемые «желтые» - студенчество, средние городские слои и интеллигенция Бангкока. Если «красные» выступали за демократизацию общественной жизни и даже за республиканскую форму правления, то «желтые» - за

сохранение традиционного статус-кво в политической системе страны. И та и другая партии обладают большими возможностями по мобилизации населения в защиту провозглашаемых ими лозунгов и требований. Поэтому в 2008 и в 2010 гг. во время пиков борьбы этих партий тайландскую столицу сотрясали массовые волнения. Причем в 2010 г. уличное противостояние народа и власти выглядело как «дежа вю» по отношению к событиям 2008 г. Различия состояли только в том, что в 2010 г. поменялись полюса противостояния. На этот раз улицы столицы были заполнены не «желтыми рубашками», объединившимися под флагом защиты монархии и против партии Чиннавата, а «красными рубашками», выступавшими в поддержку партии бывшего премьер-министра.

Состоявшиеся в июле 2011 г. выборы принесли сторонникам бывшего премьера 48,41% голосов и 265 мест (из 500) в парламенте. Их основной противник - Демократическая партия получила 35,15% и 159 мест соответственно, потеряв 14 депутатских мандатов. Дальше, однако, события вновь пошли по привычному кругу. Национальное примирение, заявленное как основная политическая цель правительства Йинглак Чиннават, не состоялось. Напротив, шаткая политическая ситуация в стране разрешилась новым военным переворотом. Он последовал, как и раньше после столкновений на улицах Бангкока сторонников противоборствующих политических сил.

В мае 2013г. армейское руководство, взяв власть в свои руки, заявило о введении военного положения, а командующий сухопутными силами генерал Прают Чан-Оча объявил о создании Национального совета по поддержанию мира и порядка, к которому переходит вся власть в стране. Особенностью нового переворота стало то, что военные не стали торопиться отдать власть в руки гражданских политиков. Реально оценивая ситуацию и понимая, что армия остается единственной силой в стране, способная навести порядок и обеспечить развитие, генералы не спешат вновь свергать страну в хаос и

противостояние. Это они делают, несмотря на очевидное давление со стороны США, которые настаивают на том, чтобы страна быстрее вернулась к демократии.

На примере длительного политического кризиса в Таиланде можно видеть, как перемены в социальной организации общества, связанные с экономическим развитием и модернизацией, разрушают традиционные механизмы власти, как возникает конфликт, когда старая и новая элиты не готовы искать пути для достижения компромисса. Сегодня проблема страны в том, что противоборствующие силы только ждут ухода военных от власти, чтобы вновь вернуться к взаимному противостоянию.

Ситуация усугубляется тем, что на мусульманском по преимуществу Юге, продолжается насилие и кровопролитие, взрывы бомб и нападения на полицейские участки, а на Севере и Северо-Востоке, населенном в основном лаосцами, оплоте клана Чиннаватов, раздаются голоса об отделении и создании собственного государства Исан. В таких условиях только армии удастся удерживать ситуацию в стране под контролем.

В июле 2020 г. несмотря на жесткость правящего режима, опирающегося на армию, антиправительственные выступления в Таиланде приобрели значительный размах. Протестующие потребовали распустить парламент и отправить в отставку правительство; разработать новую конституцию; прекратить преследования активистов; реформировать монархию. Организатором протестов выступила так называемая «Народная партия 2020», которая представляет собой объединение нескольких групп молодежных активистов, таких как «Свободные люди» и «Студенческий союз Таиланда». Созданная в сентябре новая протестная структура является отсылкой к первой политической партии Таиланда «Кхана Ратсадон» («Народная партия»), организовавшей бескровную Сиамскую революцию 1932 года, в результате которой абсолютная монархия была заменена на конституционную.

По всем свидетельствам видно, что Таиланд втягивается в новую эпоху нестабильности, когда сочетание американского давления на правящий режим с одной стороны и сторонников Чиннаватов с другой, может привести к новой фазе политической турбулентности. Она может быть особенно масштабной, так как такого авторитетного человека как король Пумипон Адульядет, который в критических ситуациях выступал как высший арбитр, в стране уже нет. Новый король особым авторитетом не пользуется, так что внутреннее противостояние и борьба за власть может пойти дальше, чем это было раньше.

4. Процесс демократизации и особенности постсухартовского режима в Индонезии

В Индонезии возвращение к демократическому режиму произошло в 1998 г., когда на волне экономического кризиса в отставку вынужден был подать генерал Сухарто, правивший страной больше двадцати лет. Военный режим, установленный после событий 1965 г. пал, на смену ему пришла эпоха восстановления демократии. Пришедший к власти новый президент Бухаруддин Юсуф Хабиби, столкнулся с необходимостью принятия самых решительных мер для скорейшего выхода из кризиса, сохранения стабильности и единства страны, где в условиях ослабления центральной власти, стали вновь формироваться разного рода сепаратистские партии и движения. В сложной ситуации нараставшего хаоса, этот политик на основе программы экономических реформ, предложенной МВФ, сумел остановить сползание страны в экономическую и политическую катастрофу и создал

Бухаруддин Юсуф Хабиби - президент Индонезии в трудные годы- 1998-1999 гг. Приемник генерала

условия для проведения демократических всеобщих выборов.

На этих выборах, состоявшихся в 1999 г. Демократическая партия Индонезии во главе с дочерью бывшего президента Сукарно - Мегавати Сукарнопутри одержала убедительную победу, набрав около трети голосов. Однако взять власть в свои руки она не смогла, так как действовавшее в стране законодательство предполагало избрание главы государства Народным консультативным конгрессом (НКК), а там большая часть депутатов предпочла сплотиться против Сукарнопутри.

Мегавати Сукарринопут
президент Индонезии в
2001-2004 гг. Дочь
президента Сукарно.

Президентом стал представитель мусульманских кругов Абдурахман Вахид, в то время как Сукарнопутри избрали на пост вице-президента. В середине 2001 г. после того как Вахиду был объявлен импичмент, в связи с его попытками изменить светский характер индонезийского государства, Сукарнопутри приняла на себя полномочия главы государства. Однако ее правление вызвало разочарование у большинства индонезийцев и выборы

2004 г. она проиграла отставному генералу Юдхойоно. Этот политик еще в 2001 г. вместе с группой единомышленников создал Демократическую партию, которая и стала его опорой на выборах. Он был тесно связан с американцами, не раз стажировался в США, а свое отношение к демократии и власти армейских генералов высказал в 2001 г. в одном из своих выступлений. Он заявил, что «после 1998 года военные приняли решение остаться вне политики и, что основной смысл военной реформы, которую он полностью разделяет — вернуть армии функцию сил обороны и лишить её возможности систематически влиять на политику в будущем». Он сказал также, что в условиях современной Индонезии уже не может быть никакой так называемой «двойной функции»

армии и так называемой «общественно-политической миссии вооружённых сил». Такой подход отставного генерала устроил и американцев, которые внимательно следили за развитием событий в Индонезии, опасаясь, что военные вновь прервут демократический процесс, и армейские круги, увидевшие в приходе военного на пост президента мягкое возвращение армии к власти. Даже мусульманские деятели и их противники демократы - западники приветствовали приход бывшего генерала на президентский пост.

Надежды, связанные с президентством Юдхойоно в целом оправдались. После бурных событий конца 90-х годов страна «успокоилась», сепаратистские настроения и на Молукках и на Новой Гвинее пошли на спад. Даже с непримиримыми фундаменталистами из Ачеха новый президент сумел наладить контакты. В то же время он показал, что может действовать жестко, когда разгромил исламское террористическое подполье и их организацию - «Джемаа исламия», ответственную за многочисленные взрывы на индонезийских курортах и, особенно, за страшный теракт на Бали в 2002 г., когда погибло более двухсот человек. На волне позитивных перемен Юдхойоно выиграл президентские выборы в 2009 г. и во время второго срока своего президентства основное внимание уделил вопросам экономического развития. Его политика в этой сфере была направлена с одной стороны на рост национальной промышленности, а с другой на привлечение иностранного капитала и расширение экспорта. Ему удалось добиться экономического роста на уровне 6% в год и глубже интегрировать страну в глобализационный проект.

После ухода Юдхойоно на президентских выборах состоявшихся 9 июля 2014 г. с перевесом в 6,3% голосов

*Президент Индонезии
Сусило Бамбанг Юдхойоно
(2004-2014 гг.) вернувший
стабильность в
политическую жизнь
страны.*

победу одержал уже не бывший военный, а гражданский политик, бывший губернатор Джакарты Джоко Видодо. Проиграл как раз военный - генерал-лейтенант в отставке Прабово Субьянто.

При оценке результатов этих выборов все наблюдатели сошлись на том, что индонезийская политика по сравнению с временами Сукарно очень упростилась, из нее ушли глубокие идейно-политические противоречия и борьба за выбор пути развития между консерваторами и коммунистами, либералами и сторонниками исламского правления. Все очень усреднилось, большинство из десятков, существующих в стране партий, выступают одновременно и за социальную справедливость, и за иностранные инвестиции, и за рост национальной промышленности, и за преобразования в аграрной сфере, и за дружбу с США, и за дружбу с Китаем, и за лидерство в АСЕАН т.д. Поэтому почти исчезло соревнование предвыборных программ и побеждают те кандидаты, которые вызывают у людей большие симпатии, которым они больше доверяют. В стране ощущается определенный консенсус политических сил, который особенно проявился после выборов апреля 2019 г. Несмотря на все сложности ни вновь победивший Джоко Видодо, ни вновь проигравший Прабово Субьянто не стали раскачивать страну, а нашли компромисс по разделу власти. Этот консенсус очень хрупок, кризисные явления в экономике, рост исламского фундаментализма, может в любой момент его разрушить, и страна вновь вступит в период поиска нового политического равновесия.

5. Камбоджа, Лаос и Вьетнам демократизация без демократии

В конце 80-х начале 90-х годов «триумфальное шествие демократии» в странах ЮВА достигло государств Индокитая, где стали происходить довольно существенные перемены. В Камбодже коммунисты, объединенные в

рамках правящей Народно-Революционной партии, пошли на решительные перемены с тем, чтобы и в новых условиях мирного процесса остаться у власти. В сентябре 1990 г. из названия партии было убрано слово революционная, а из конституции была изъята статья о ее руководящей роли, а также преамбула, где говорилось о строительстве коммунизма и социализма в стране как главной цели национального развития. Народная партия стала позиционировать себя как преданная демократии, отказавшаяся от коммунистической идеологии, принципов и символов. В ее новой политической программе, было заявлено о приверженности бывших коммунистов принципам рыночной экономики и либеральной демократии. При этом все партийные атрибуты, связанные с коммунистической символикой, вроде серпа и молота, были изъяты из обращения.

Коммунисты хорошо подготовились к началу «операции ООН по мирному урегулированию в Камбодже», цели которой состояли в том, чтобы добиться примирения сторон, участвовавших в гражданской войне, а также провести «свободные и честные» выборы, чтобы сформировать легитимные и дееспособные органы власти. Бывшие коммунисты, как одна из камбоджийских сторон конфликта, осенью 1990 г. вошли в Высший национальный совет (ВНС), который вплоть до проведения всеобщих выборов под контролем ООН, выполнял роль высшего органа власти. Они согласились с тем, что возглавил ВНС принц Нородом Сианук, который долгое время рассматривался ими как главный политический противник, и даже с тем, что отдали власть, так как в рамках плана мирного урегулирования ООН вся власть в стране в 1991-1992 гг. была передана временному органу ООН в Камбодже - ЮНТАК. Эта структура, образованная ООН, должна была организовать демократические выборы, а также контролировать процесс разоружения всех кхмерских военных группировок, способствовать возвращению беженцев, поддерживать порядок и безопасность.

*Многолетний лидер
Камбоджи - премьер-
министр Хун Сен.*

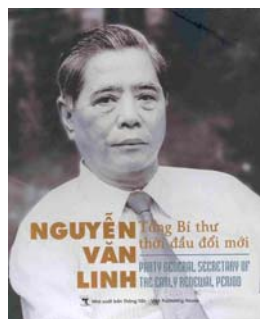
Казалось, что судьба бывших коммунистов, несмотря на все их реформы, вполне определена и к власти придут другие политические силы. Но этого не случилось. На всеобщих выборах, состоявшихся под контролем ЮНТАК в мае 1993 г., победу одержали сторонники Сианука во главе с его сыном принцем Раннаритом, получившие больше 45% голосов. Но и бывшие коммунисты выступили успешно. За них проголосовали чуть меньше 40% избирателей. В результате сложных послевыборных переговоров, ультиматумов и угроз со стороны НПК, коммунисты сумели остаться у власти, разделив ее с победившими сторонниками Сианука. Первым премьер-министром стал сын бывшего короля - Раннарит, а вторым премьер-министром — Хун Сен, возглавлявший НПК. Во всех ключевых министерствах появилось по два министра от каждой партии. Такая, непрочная политическая конструкция оказалась разрушена летом 1997 г., когда бывшие коммунисты, обвинив своих политических партнеров в желании захватить власть при поддержке бывших бойцов «красных кхмеров», ввели преданные им войска в Пномпень. Первый премьер-министр и его соратники были отстранены от власти и бежали. После вмешательства короля - Нородона Сианука, стороны достигли примирения и на новых всеобщих выборах бывшие коммунисты одержали победу и обеспечили себе возможность самостоятельного управления камбоджийским государством. Причина победы НПК и всех последующих ее побед на выборах 2003, 2008 и 2013 гг. заключалась в том, что ее электоральная база - в основном крестьяне и жители провинциальных городов, оказалась намного более многочисленной, чем опора на жителей Пномпеня со стороны роялистов и представителей других партий. Как и в соседнем Таиланде, организованная провинция оказалась

сильней, чем амбиции столичного социума. Кроме того, режим бывших коммунистов оказался, несмотря на коррупцию, экономически эффективным. Ежегодный рост ВВП составлял длительное время не менее 4-6%, заметно повысился и уровень жизни и доходы населения.

В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда после всех мирных операций ООН, выборов и попыток переворота, во главе Камбоджи в середине 2000-х годов находились все те же самые персоналии, которые возглавляли страну и в середине 80-х, когда она строила социализм и вела антиимпериалистическую борьбу. А премьер-министр Хун Сен, занявший этот пост еще в 1985 г., стал настоящим рекордсменом по времени пребывания у власти, которую он продлил себе после того как возглавляемая им Народная партия на выборах 2018 г. сумела завоевать все места в Национальном Собрании.

На рубеже 90 - и 2000-х годов в Камбодже произошло и еще одно важное событие - окончательно распалось и исчезло движение «красных кхмеров», которое правила страной в 1975-1979 гг. и было виновно в многочисленных преступлениях и жертвах. Пол Пот умер в джунглях в 1998 г., другие лидеры, заявившие, что разочаровались в социализме, сдались властям. Сначала они получили прощение от новой власти, но позже по требованию ООН были арестованы и привлечены к суду за свои преступления.

В Лаосе у власти также остался авторитарный режим бывших коммунистов, которые по примеру кхмерских и вьетнамских товарищей, кардинально сменили экономический курс в сторону развития частного сектора. Синхронно с Вьетнамом в 1988-1989 гг. в Лаосе был принят пакет законов о либерализации экономики. Основная масса крестьянских кооперативов была

*Нгуен Ван Линь -
генеральный секретарь ЦК
КПВ, главный вьетнамский
реформатор.*

распущена, были открыты возможности для свободного ввоза и вывоза капитала, притока инвестиций в Лаос. Система организации политической власти при этом не изменилась и Народно-революционная партия Лаоса, став, как и в Камбодже просто Народной, продолжила единолично управлять страной.

Процесс демократизации затронул на рубеже 90-х годов и Вьетнам. В стране в это время проводились рыночные реформы, полностью менялась модель хозяйствования, менялся и вектор внешней политики. В 1989 году под давлением США, Китая и стран АСЕАН, были выведены вьетнамские войска из Камбоджи. Этот шаг позволил Ханю выйти из дипломатической полуизоляции и восстановить отношения со своими бывшими противниками. В 1990 году генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь тайно посетил КНР, впервые после китайско-вьетнамской войны 1979 г. году были полностью нормализованы отношения с Китаем. Вместо распавшегося Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) социалистических стран, вьетнамские руководители объявили о стремлении вступить в АСЕАН. Руководство страны во главе с Нгуен Ван Линем сформулировало основы нового внешнеполитического курса, определив его как многовекторную политику, предполагающую поиски друзей и союзников по всему миру. В рамках этой политики Вьетнам в 1995 г. вступил в АСЕАН, установил после снятия американского торгового эмбарго, дипломатические отношения с США.

Переход к демократии оказался более трудным и, как вскоре выяснилось, «не соответствующим реальным условиям Вьетнама» делом. На рубеже 80-х и 90-х годов в стране, по примеру советской перестройки, начались первые открытые дискуссии о месте и роли Компартии в политической системе. На страницах журналов и на партийных конференциях, люди стали высказывать предложения о расширении гражданских прав и свобод, многие, особенно представители интеллигенции, выступали за возможность создания альтернативных

коммунистических политических партий, за проведение свободных выборов. Сама практика дискуссий и свободы мнений была позаимствована у «советских товарищей», поэтому, когда стало очевидно, что затеянная в СССР политическая кампания ведет Советский Союз к глубокому кризису и катастрофе, то дискуссии о демократии во Вьетнаме стали быстро стихать. Вьетнамские коммунисты обратились к китайскому опыту, где тенденция к демократизации привела к кровавым событиям на площади Тяньаньмэнь.

В конце концов, в руководстве КПВ решили, что утверждение плюрализма приведёт к отказу от социалистической перспективы, породит хаос и анархию. Сторонник политического плюрализма член Политбюро ЦК КПВ Чан Суан Бать, которого называли не иначе как вьетнамским Горбачевым, на VIII пленуме ЦК КПВ, состоявшемся в марте 1990 г. был исключён из партии, как лидер антипартийной группировки, и на том же пленуме было признано необходимым сохранить однопартийную систему.

Отказ от «поветрия демократизации» произошел во Вьетнаме на самых ранних этапах расшатывания сложившихся устоев, когда все ограничивается лишь критическими статьями и выступлениями, а мобилизация масс на борьбу с режимом еще только готовится. Это позволило вьетнамскому руководству без серьезных протестов «закрутить гайки», заявить, что сначала нужно провести демократизацию партий, бороться с коррупцией, а потом в перспективе можно подумать о политических реформах. Реформы, проведенные в партии в это время, во многом копировали китайские - было объявлено правило, согласно которому высшие руководители могли занимать свой пост не более двух сроков по пять лет. Это положение

*Нгуен Фу Чонг -
генеральный секретарь
ЦК КПВ*

устава обеспечило с одной стороны стабильность и предсказуемость, а с другой регулярную смену партийных лидеров, глав правительства и глав парламента. Изменению подверглась и социальная база партии. В июле 2005 года было принято решение, согласно которому члены партии могут вступать в нее не только от рабочих, крестьян или военных, но и от предпринимателей. Им разрешили заниматься предпринимательской деятельностью, но так, чтобы не заниматься эксплуатацией других людей.

Следует сказать, что отказ от «демократического транзита» Вьетнама, также как и в Китае, никак не помешал экономическому развитию страны, в основе которого лежало привлечение иностранного капитала и расширение национального экспорта. Вслед за Китаем в стране прошла земельная реформа. Закон о земле (1993 г.) дал право крестьянам достаточно свободно распоряжаться полученным от государства наделом. Они могли его дарить, обменивать, передавать по наследству, закладывать, сдавать в аренду. Право на пользование землей предоставлялось на 20 лет тем, кто выращивал рис, и на 50 лет на участках под технические культуры. В 1998 году в Закон о земле были внесены поправки, облегчившие переход земельных участков от одного хозяина к другому, участок земли мог стать объектом купли-продажи, можно было передать в залог. Сроки пользования землей были увеличены до 50, а в некоторых случаях до 70 лет.

Успешно проведенные реформы в политике и в экономике, где частные и смешанные государственно-частные предприятия стали играть основную роль, позволили Вьетнаму добиться значительных экономических успехов. В период 1991-1997 гг. среднегодовой рост ВВП составлял 8,5%, в том числе в 1995-1997 гг. — 9,39%. К 1997 г. общий экономический потенциал страны по сравнению с 1990 г. вырос на 176,6%. В 2000-е годы вьетнамская экономика превратилась в одну из самых динамичных в мире. Ежегодный рост ВВП составлял от 5 до 8 процентов, в 2005 г. 8,4 %, а в промышленности 5%. В 2014 г. объем внешней торговли

только с Китаем превысил 50 млрд. долл, а с США составил почти 35 млрд. В торговле с США Вьетнам имеет очень внушительное положительное сальдо, по некоторым оценкам порядка 19 млрд. долл. Возможно это подтолкнуло власти страны подписать осенью 2015 г. договор о создании ТТП. Это означало, что руководство СРВ во главе с Генеральным секретарем Нгуен Фу Чонгом сделало тогда ставку на США и твердо было уверено в своей способности контролировать ситуацию, в условиях глубокой либерализации не только экономики, но и сфер жизни миллионов людей, что оно не боялось потерять большую часть рычагов управления обществом и государством, например, не только не контролировать, но даже не иметь возможности из-за участия в ТТП, поддержать предприятия госсектора с тысячами рабочих.

Проверить насколько правильным было то решение оказалось невозможным из-за отказа Д. Трампа от ТТП. Но все равно до сих пор нет ответа и на вопрос возможен ли симбиоз однопартийной политической системы, где доминирует Компартия Вьетнама с ее идеалами справедливости, равенства, независимости с либеральной экономикой, в которой тон будут задавать либо иностранные бизнесмены, либо глобальные ТНК. Все это реальные угрозы стабильности и безопасности в случае дальнейшего движения в рамках политики либерализации, которая и сегодня стоит на повестке дня.

Ситуация сложная и противоречивая- с одной стороны продолжение либеральных реформ и угроза разрушительного «демократического транзита», который может быстро ввести вьетнамское общество в хаос и анархию, а с другой вынужденное вступление в инициированное Китаем ВРЭП, с целью сохранить возможность доступа на обширные рынки Большой Восточной Азии.

6. Малайзия - монополия на власть правящей партии и вызовы со стороны оппозиции

Ветры демократизации, охватившие Юго-Восточную Азию на рубеже 90-х годов, затронули и Малайзию. Оппозиционный политик Анвар Ибрагим бросил вызов бессменному лидеру страны с 1981 г. премьер-министру Мохатхиру Мухаммеду. Ибрагим рассчитывал объединить вокруг себя все оппозиционные силы и свергнуть монополию ОМНО и Национального фронта на власть. Опасность действий Анвара Ибрагима для правящей коалиции стала особенно велика, когда стало ясно, что он способен объединить необъединимое: в его поддержку выступили не только малайцы, настроенные против ОМНО и сторонники формирования исламского государства, но и китайцы и индийцы, выступающие за демократию. Популярный политик был немедленно арестован и обвинен в сексуальных преступлениях, причем это обвинение было сделано специально, чтобы подорвать его авторитет в религиозной малайской среде.

*Анвар Ибрагим -
главный оппозиционер*

Страна практически до начала 2000-х годов существовала в рамках авторитарного режима, возглавляемого премьер-министром Мохатхиром Мухаммедом. Этот политик поставил перед страной амбициозные цели – модернизировать экономику и войти в круг наиболее развитых держав мира. Огромные средства вкладывались в развитие информационных технологий, привлекались иностранные инвестиции для ускорения экономического роста. Во время финансового кризиса 1998 г.

правительство Малайзии отказалось следовать указаниям МВФ и пошло не на ограничение расходов, а на расширение государственного вмешательства в экономику,

ввело контроль над вывозом капиталов и перемещением финансовых средств, а также прибегло к стимулированию внутреннего спроса и потребления. Эти меры, кстати, позволили Малайзии гораздо быстрее, чем ее соседи выйти из кризиса.

После устранения Анвара Ибрагима, главную угрозу внутренней стабильности представляли политические партии, выступавшие за исламизацию малайского общества, введение в стране законов шариата. Борьба с исламским фундаментализмом среди малайцев являлась одной из ключевых задач правительства, так как угроза распространения радикального ислама грозила вновь вызвать межнациональные потрясения и противопоставить малайцев - китайцам и индийцам. Для того чтобы не допустить этого, Мохатхир Мохаммед проводил политику втягивания так называемых бумипутра - этнических малайцев во все сферы жизни, заставлял китайских предпринимателей в обязательном порядке брать их на работу.

Он справедливо полагал, что если они получат преференции и в учебе, и по службе и при устройстве на работу, то поддержка радикальных исламистов с их стороны окажется минимальной. В принципе, его расчеты оправдались и успехи Всемалайской исламской партии, которая пыталась отеснить Национальный фронт от власти оказались достаточно скромными и особой угрозы для правящей элиты не представляли.

Однако политика создания преференций для малайцев, которая существенно ограничивала политические успехи исламистов, вызывала явную оппозицию другой стороны малазийского общества. За прекращение такой практики выступили китайские, индийские политические организации, а также часть малайской элиты, объединившаяся в партию Народной справедливости, которую возглавил вышедший из тюрьмы Анвар Ибрагим.

На рубеже 2000-х годов была сформирована политическая программа, организованного Анваром Ибрагимом оппозиционного правящей партии полити-

ческого блока, в которой говорилось о том, что следует отменить привилегии для малайцев, расширить демократические свободы, отойти от системы коммуналистских партий и перейти к партиям общегражданским. В этот блок, кроме двух малайских партий - Всеисламской партии и Партии народной справедливости, вошла еще и очень популярная, и влиятельная среди китайского населения - партия Демократического действия (ПДД). На выборах 2008 года оппозиция получила 80 мест, а на выборах 2013 г. 89 мест. Правящий Национальный фронт завоевал 133 места в парламенте, но при этом если брать симпатии избирателей, то оппозиция получила в общей сложности 52 % голосов против 48% у правящей партии. Только сложность мажоритарной системы подсчета голосов и очевидный «административный ресурс» использованный правительством позволили не допустить прихода оппозиции к власти в стране.

Выборы 2013 г. показали, что Малайзия постепенно идет к двухпартийной системе, причем в отличие от Национального фронта, построенного по принципу объединения коммуналистских и общинных партий, его оппонент - Народный блок включает партии, открытые для всех граждан Малайзии без указания на их национальность. Успех Народного блока на выборах 2013 г. отразил изменения, произошедшие в социальной жизни и в сознании малазийцев. Ранее в стране люди считали, что их интересы могут отстаивать только организации, созданные по национальному признаку. Теперь это не так. Анализ прошедших выборов показывает, что водораздел среди избирателей проходит в Малайзии уже не по национальным границам (китайцы-малайцы), а скорее между городским и сельским населением. Горожане даже в штатах, оставшихся под контролем правящей коалиции, проголосовали за оппозицию, например, в столице Саравака городе Кучинге.

После выборов 2013 г. правящие круги попытались расколоть Народный блок, а главный малазийский оппозиционер - Анвар Ибрагим в марте 2014 года опять был

арестован и приговорен к пяти годам тюремного заключения. Несмотря на это летом 2015 г. в стране состоялись массовые демонстрации, собиравшие по 150-200 тысяч человек с требованием ухода в отставку правительства Национального Фронта во главе с Наджиб Разаком и ликвидации монополии на власть ОМНО. Эти выступления стали еще одним свидетельством серьезных перемен, происходящих в малазийском обществе, которое постепенно из коммуналистского все больше превращается в общегражданское.

Тенденция усиления общегражданских партий реализовалась уже на новых всеобщих выборах, прошедших в 2018 г. Накануне их в стране произошли серьезные события, которые во многом предопределили их неожиданный исход. Премьер-министр и лидер ОМНО Наджиб Разак оказался в центре коррупционного скандала, когда выяснилось, что на его счета в банках поступали огромные суммы из государственного инвестиционного фонда Малайзии 1MDB. Следователи из ФБР, привлеченные к этому делу, заявили, что 4,5 миллиарда долларов были израсходованы из этого фонда соратниками Наджиба. Генеральный прокурор США Джефф Сессионс назвал это «клептократией в худшем проявлении».

Скандал с Наджиб Разаком и его окружением подвигли Махатхира Мохамеда, которому было уже за 90 лет решиться на политическое возвращение. Его появление среди оппозиции существенно повысило ее шансы получить поддержку от сельских малайцев - ключевого блока для голосования. Коалиция Махатхира Мохамеда Pakatan Harapan ("Альянс Надежды") получила 121 из 222 мест в палате представителей парламента страны, правящая Barisan Nasional ("Национальный фронт") получила 79 мест. Действующий премьер-министр страны Наджиб Разак, заявил, что он принимает "волю народа". Новое правительство, которое опиралось на блок гражданских партий возглавил Мохатхир Мохамед. Однако победа оппозиции и приход к власти партий, основанных не на этнической принадлежности, а как объединения граждан разных национальностей совершенно не означает, что

коммуналистская система ушла в прошлое. ОМНО и ее индийские и китайские союзные партии сохраняют огромное влияние и на следующих выборах вполне могут повернуть «колесо истории» назад. О том, что это возможно свидетельствует и избрание нового премьер-министра Мухиддина Яссина, заменившего в марте 2020 г. Мохатхира на его посту. Говоря о своих позициях, политик не скрывал, что отдает предпочтение "малайцам, а не малайзийцам"- то есть выступает за продолжение доминирования малайцев, а не за равные с ними права всех остальных немалайских граждан страны.

7. АСЕАН как фактор модернизации государств ЮВА. Региональное объединение глобального масштаба

В 90-е годы АСЕАН превратилась, наконец, в общерегиональную организацию, в которой участвовали все страны Юго-Восточной Азии. Политический блок, основанный в 1967 г. как антикоммунистический, опиравшийся на идеологию борьбы с коммунистической угрозой, превратился в ключевую региональную структуру, где идеологию антикоммунизма вытеснила идея регионализма, то есть понимание общего интереса и общей судьбы всех стран региона.

Процесс сближения разных и по экономическому развитию, и по характеру политического режима стран, поддерживался тем, что их политические элиты увидели в АСЕАН эффективный инструмент как для регулирования конфликтов внутри региона, так и защиты своих интересов на международной арене. В 90-е годы АСЕАН выступает уже как одно из наиболее успешных международных интеграционных объединений, где страны - участники формулируют общее политическое видение и согласовывают позиции по ключевым международным проблемам, реализуют общий курс на интеграцию и формирование общего рынка. АСЕАН превращается в это время в глобального игрока на международной арене, а внутри блока запускает в 1992 г. проект АФТА (Asia free

trade area) - формирования зоны свободной торговли АСЕАН. В процессе строительства этой зоны за относительно короткое время экспортно-импортные тарифы в торговле стран АСЕАН друг с другом сократились с примерно 20% до 0,5 - 0%, что позволило резко увеличить объем товарообмена внутри АСЕАН.

Но главным для стран АСЕАН являлось не расширение внутренней торговли, а расширение торговли внешней. Именно внешняя торговля стала главным драйвером социально-экономического развития. Свидетельством этого является то, что так называемый показатель экспортности экономики, то есть уровня ее интегрированности в глобальные рынки (отношение доли страны в мировом экспорте к её доле в мировом ВВП) для стран АСЕАН в 2010 г. составил 2,4 (для сравнения, в ЕС -1,3).

Следует отметить, что в отдельных странах этот показатель существенно превышает даже среднее значение по региону (в Сингапуре отношение доли в мировом экспорте к доле в ВВП составляет 7,1, в Малайзии -3,6, в Брунее - 3,5). Ярко выраженная экспортная ориентированность экономик большинства стран АСЕАН, определяет высокую долю региона в совокупном мировом экспорте товаров - 6,9%.

В 2010 г. товарооборот стран АСЕАН составлял 2 трлн. долл. (в т.ч. экспорт - 1047 млрд. и импорт - 957 млрд. долл.), что сопоставимо с товарооборотом США (3,2 трлн. долл.), Китая (2,97 трлн. долл.) и Германии (2,34 трлн. долл.). Другой важный экономический показатель - приток иностранных инвестиций, также свидетельствовал о глубокой интеграции стран АСЕАН в глобальные рынки. Так, за период с 2002 по 2006 год страны Европейского союза инвестировали в АСЕАН 44,955 млрд. долл. Япония - 30,813, Соединенные Штаты - 13,736, Китай 2.3 млрд. долл. Инвестиции между самими странами Ассоциации в это же время составили 19,377 млрд. долл.

Необходимо отметить, что распределение прямых инвестиций по странам АСЕАН происходит весьма неравномерно. Так за относительно небольшой период

2004-2006 гг. Малайзия получила больше 12,6 млрд. долл. Сингапур больше 56, Таиланд 21.3, Вьетнам 5,4 и Филиппины 4,8 млрд долл. Характерно, что Сингапур, превратившийся в глобальный финансовый и логистический центр, получил за это время больше средств, чем все остальные члены АСЕАН вместе взятые. Инвестиции поступают в страны АСЕАН главным образом посредством ТНК, которые открывают там производственные филиалы, специализирующиеся на определенных типах продукции. Сегодня все действующие в регионе филиалы ТНК, связаны в единую глобальную производственную цепь, протянувшуюся в разные части АТР.

Интересно, что в сфере связанной с развитием демократии и обеспечением прав человека, то есть с тем, к чему так трепетно относятся в США, АСЕАН идет впереди стран в нем участвующих. Во многих странах, как например Лаосе, Бирме, Брунее, Вьетнаме, о либеральной демократии и речи нет, а на саммите в Себу в 2007 г. представители всех стран - участников принимают, а потом и ратифицируют так называемую «Хартию АСЕАН», где провозгласили общее для всех стран-участников либеральное видение отношений гражданского общества и власти. В этой же хартии они заявили о необходимости защиты свобод и прав граждан во всех странах блока. Причина такого единства в том, что модель демократического и свободного общества, зафиксированная в Хартии АСЕАН, рассматривается ныне как идеал и цель политического развития всех стран, входящих в этот блок.

Хартия в Себу, и сегодня это особенно понятно, была принята скорее для внешнего пользования, для того, чтобы обозначить общие ценности и интересы с Западом в целом и особенно с США, которые рассматривается многими в регионе как основной политический союзник и важнейший экономический партнер. Это подтверждается тем, что Малайзия и Вьетнам уже сделали свой выбор - подписали договор о вступлении в ТТП, Сингапур объявил, что готов

предоставить американцам военную базу, а Филиппины уже ее предоставили. Даже Бирма в лице своих новых руководителей заявила, что чуть ли не ее лучший друг - это США.

Все эти политические жесты в отношении США страны АСЕАН совмещают с развитием торгово-экономических связей с Китаем в рамках зоны свободной торговли КНР-АСЕАН (КАФТА). Эта зона развивается быстрыми темпами и является одной из самых успешных в мире. За первые 10 месяцев 2015 года торговля между Китаем и АСЕАН, например, составила 397,2 млрд долл, а инвестиции в страны объединения - 14,3% от всего объема зарубежных инвестиций Китая. КНР сегодня главный торговый партнер АСЕАН, китайские руководители постоянно указывают на важность развития связей и интеграции с этим региональным блоком.

Так, например, премьер-министр Китая Ли Кэцэн, на саммите Китай-АСЕАН, состоявшемся в 2013 г. назвал годы сотрудничества Китая и АСЕАН (2003-2013) «золотым десятилетием» и предложил назвать следующую декаду «бриллиантовым десятилетием». Премьер Китая еще предложил АСЕАН сотрудничество по формуле «2+7», где «2» - это взаимное доверие и экономическое развитие, а «7» - это семь направлений приоритетного сотрудничества: политика, торговля, усиление внутренних связей, финансы, морское сотрудничество, безопасность, обмен между людьми.

Парадокс в том, что на эти китайские предложения многие страны АСЕАН отвечают очевидным усилением проамериканского тренда, опасаясь попасть под доминирующее влияние «поднебесной». Огромную тревогу вызывает у них и экспансия Китая в Южно-Китайском море, и неспособность найти компромисс относительно выработки правил поведения сторон в этом конфликте.

В связи с растущим американо-китайским соперничеством на площадке АСЕАН перспективы этого блока - как глобального игрока XXI века, видятся сегодня довольно неопределенными. Они очевидно будут зависеть

от того как пойдет дальше процесс глобальной интеграции, как будут вести себя страны АСЕАН в отношении формирующегося Индо-тихоокеанского региона. У них есть программа действий, но их видение будущего сильно отличается от того, что хотят видеть в этом макрорегионе США. Для стран АСЕАН главное сохранение их центральной роли в тихоокеанской Азии, открытая экономика и среди участников ИТР вполне может быть и Китай. В Вашингтоне выстраивают в первую очередь военно-политический блок, направленный на «сдерживание Китая».

Вполне вероятно и то, что политика США на обеспечение своего доминирования в Азии, да и во всем мире посредством старой как мир политики «разделяй и властвуй» превратит страны АСЕАН во враждебный Китаю блок. Сегодня этот вектор американской политики просматривается повсюду от Филиппин и Вьетнама и до Бирмы и Таиланда. Превращение стран АСЕАН в некий санитарный кордон на китайских границах почти наверняка кардинально изменит их внутреннюю ситуацию. В условиях постоянного противостояния они могут быть охвачены милитаризмом, агрессивным национализмом, конфликтами на религиозной почве. Маловероятно при этом, что их нынешняя стабильность и процветание сохранятся.

Другая угроза состоит в том, что растущие противоречия двух ключевых сверхдержав США и Китая, их попытки перетянуть на свою сторону те или иные страны АСЕАН, могут вообще стать роковыми для всего регионального блока, его внутреннего единства и регионального мира. Он может быть разорван и исчезнуть с политической карты мира.

ГЛАВА VI. Индия от распада СССР и до победы Нарендра Моди. Либеральные реформы и вхождение в проект глобализации

1. ИНК и БДП - два политических соперника, идущие одной дорогой

Затяжной кризис, а потом и распад Советского Союза, сильно повлиял на изменение экономической политики в Индии. С ориентацией на социализм в правящих кругах было покончено, хотя первое время новый премьер-министр Нарасимха Рао старался не афишировать этот факт. Начиная либерализацию экономики, он действовал осторожно, часто указывал на то, что, полностью с социалистическими воззрениями ИНК не порывает, а только их развивает и, что его реформы осуществляются как-бы по среднему пути (между двумя «догмами» командной и рыночной экономик). На деле же именно этот премьер-министр осуществил решающий поворот индийской политики от «демократического социализма» к рыночной экономике и от импортозамещения к модели, ориентированной на экспорт.

Радикальная смена курса руководством ИНК объяснялась тем, что существовавшая экономическая модель в условиях среднегодового увеличения численности населения выше 2% была неспособна не только сохранить существовавший уровень жизни в стране, но и не могла дать сильный импульс к ускоренному развитию. Просоциалистические реформы Индиры Ганди середины 70-х годов, которые так и не смогли переломить тенденцию

*Нарендра Моди -
премьер- министр Индии,
избранный в 2014 г.*

к замедлению роста национальной экономики, служили весомым подтверждением этого. Кроме того, на рубеже 90-х годов идеи либерализации экономики, ее открытости, развития на основе укрепления частной инициативы и международной интеграции, превратились в господствующие тенденции во всей системе мировых отношений. Индийское правительство видело успешный опыт Японии, Южной Кореи, Тайваня, следило за экономическим ростом в Китае. В связи с этим можно сказать, что переход к реформам, направленным на интеграцию Индии в глобальные рынки был вполне закономерен и предсказуем.

С июля 1991 г. в Индии было объявлено о принятии программы экономической стабилизации и структурных преобразований, предложенной и финансируемой Международным валютным фондом, Всемирным банком, Азиатским банком развития и отдельными странами, в том числе Японией. Ключевыми элементами этой программы являлись меры по либерализации экономики, приватизация предприятий госсектора, привлечение иностранных инвестиций, реформы в сельском хозяйстве.

Правительство Нарасимха Рао одобрило закон, по которому для иностранных компаний, долгосрочная ставка на доходы от прироста капитала была снижена до 20%, а ставка налога на прибыль с 65% до 55%. Индийские и иностранные компании были освобождены от налога на доход, полученный от экспорта, упрощены и облегчены правила валютного контроля. Еще один шаг в интеграцию в глобальные финансовые рынки страна совершила в 1999г., когда после победы на выборах коалиции партий во главе с БДП был принят Закон о валютном регулировании (Foreign Exchange Management Act, 1999). Этот закон разрешил репатриацию капитала иностранных инвесторов и перевода за границу любого количества иностранной валюты, которую они получили в качестве прибыли.

Эффект от реформирования и либерализации экономики сказался очень быстро - уже к началу 2004 года объем только прямых иностранных инвестиций в Индию

превысил 35 млрд. долл. Темпы роста экономики также существенно выросли -примерно с 3-4% ВВП до 6%. Еще одним последствием либерализации стало и развитие так называемой «новой экономики» -наукоемких отраслей промышленности, ориентированных именно на глобальные рынки. Показатели роста в этой сфере оказались намного выше, чем в экономике в целом. Еще в 2000 г. Индия, например, экспортировала программных продуктов на сумму в 6 млрд. долл., а в 2008 г. почти на 50 млрд. долл.

Существенно медленнее развивался процесс приватизации государственных предприятий. В Индии, как и в Китае и правительство ИНК и сменившее его правительство БДП пытались проводить приватизацию с учетом национальной специфики и интересов федерального центра. В стране была образована так называемая "Комиссия по приватизации", с большими полномочиями: она не только определяла возможность продажи того или иного госпредприятия, но и принимала участие в его модернизации и повышении качества корпоративного управления. На практике деятельность этой комиссии носила двойственный характер - с одной стороны она добивалась повышения стоимости приватизируемых предприятий, но с другой превращала этот процесс, в длительную и сложную процедуру.

Кроме того, власти стремились избежать продажи всего предприятия целиком. Оно обычно акционировалось и частному капиталу продавалось только незначительная часть акций. Тем самым, правительство получало деньги и в то же время, сохраняло общий контроль над производством. Из-за такого подхода масштабы приватизации в Индии оказалась довольно ограниченными, а доминирующее положение государственной собственности в производственной сфере сохранилось. Роль частных индийских и иностранных акционеров так и осталась незначительной как в целом по Индии, так и в большинстве отраслей экономики. В 2008/09 г. например, 83,8% акций компаний центрального правительства принадлежало самому правительству (включая его акции в

холдинговых компаниях), 4,2% - правительствам штатов, 8,5% - государственным холдинговым компаниям, 1,3% - индийским (в основном государственным) финансовым организациям, 1,3% - работникам этих компаний; лишь 2,2% принадлежали индийским частным акционерам и 1,8% - иностранным акционерам.

Следует сказать, что так называемые департаментские предприятия - железные дороги, почта и телеграф, оборонные и гидроэнергетические объекты, на долю которых в 2007/08 г. приходилось 27% валовой продукции государственного сектора, вообще оказались выведенными из сферы приватизации. Средства от продажи госпредприятий направлялись в «Национальный инвестиционный фонд», доходы которого использовались как для инвестиций в социальные программы, - развитие образования, здравоохранения и роста занятости, так и в инвестиции в прибыльные государственные предприятия.

Сохранение сильного госсектора было характерной особенностью политики всех ведущих индийских политических сил. Такой линии придерживались и ИНК(И) и БДП, и еще одна политическая организация - партия Джаната дал, которая довольно неожиданно победила на выборах 1996 г. Эта политическая организация появилась на свет в октябре 1988г. и объединила как социалистов, так и консерваторов, как бывших недовольных членов ИНК (И), так и выходцев из противостоящей Конгрессу - Джаната парти. На парламентских выборах 1996 года Джаната дал вошла в Объединенный фронт вместе с региональными и коммунистическими партиями, получив 125 депутатских мандатов. Это позволило ей стать ядром парламентской коалиции из 13 левых и центристских фракций, сформировавшей при поддержке ИНК(И) правительство. Расцвет Джаната Дал был связан с тем, что благодаря активной левой риторике, с апелляцией к бедным и борьбой за социальную справедливость эта партия заняла традиционную нишу ИНК(И), в то время когда конгрессисты, занявшись либеральными реформами сдвинулись к центру политического поля. Этот «союз

обиженных политиков за социализм» оказался очень непрочным, самостоятельно править страной без поддержки ИНК(И) он так и не смог. В конечном итоге Джаната дал распалась на различные региональные партии, особенно после того, как в 2000-е годы ИНК (И) вновь активно стал работать с потенциальным электоратом Джаната Дал.

По итогам досрочных парламентских выборов 1998 года БДП получила 254 мандата, ИНК(И) - 144. Через год, уже на очередных парламентских выборах БДП и ее союзники еще более укрепляют свои позиции и получают 270 депутатских мест, ИНК(И) лишь 156. Получив такую очевидную поддержку со стороны избирателей, правительство БДП вместе с союзниками по парламентской коалиции приступило к новому туру либеральных реформ, в ходе которых промышленность была освобождена от государственного лицензирования, был ослаблен фискальный контроль над компаниями и предприятиями. Правительство показало, что готово поддержать лидеров индийского частного бизнеса концерны Бирлы, Таты и Миттала, которые в это время стали представлять из себя полноценные транснациональные корпорации. При правлении БДП Индия стала ядерной державой, после того как в 1998 г. была проведена серия успешных испытаний атомных зарядов.

Следует отметить, что все эти успехи и заметное ускорение экономического роста в 90-е годы и позитивный эффект экономических преобразований во многом оказался связан с тем, что обе конкурирующие индийские политические партии, а точнее уже коалиции партий при всех противоречиях в политике, в сфере экономики прокладывали одну и ту же дорогу. Индия никогда не смогла бы решить столько проблем и преодолеть столько препятствий на пути модернизации, если бы одна партия проводила реформы, а другая их отменяла. Поэтому, стоит говорить о том, что хотя в управляющем Индией политическом классе существуют различия в подходах, но очевидна и общность взглядов индийской политической

элиты в целом и в отношении места и роли Индии в мире и в отношении сохранения единства страны и общих принципов организации власти и развития индийской экономики. Поэтому там, где в других странах Востока, чтобы продвинуть процесс реформ и трансформации общества требовался жесткий авторитарный правитель, как например, в Южной Корее, в Турции и Иране, в Индии политическая культура и политическая система позволили добиться всего этого в конституционном поле.

2. Политическая борьба в 2000-е годы

Путь реформ оказался довольно тернистым для обеих политических коалиций. Ведь кроме тех социальных групп, которые выиграли от реформ, в стране оставались десятки миллионов обездоленных, которые требовали большей социальной справедливости в духе старого ИНК (И). Они были недовольны тем, что богатые становятся еще богаче, а бедные беднее. ИНК(И) проиграл выборы в 1996 г., но и БДП, которая, так убедительно победила в 1999 г. и так успешно проводила курс на либерализацию экономики и интеграцию ее в глобальные рынки, также не смогла удержаться у власти на второй срок.

Победа ИНК на выборах 2004 г. оказалась довольно неожиданной, так как правительственный альянс во главе с БДП и ее союзниками в провинциях вел предвыборную борьбу очень активно. Казалось, что правительство БДП, которое вывело Индию на траекторию роста ВВП под 7% в год, могло докладывать о своих успехах, о росте уровня жизни, сокращении бедности. Кроме того, противники ИНК(И) вели целенаправленную критику основного соперника премьер-министра Атала Бихари Ваджпаи — Сони Ганди, главным недостатком которой объявлялось ее иностранное происхождение. Про нее говорили, что Соня Ганди «не принадлежит Индии и не понимает Индию». По данным большинства опросов избиратели положительно оценивали такие достижения правительства БДП как

улучшение качества дорог (самая высокая поддержка — 58%), сохранение высоких темпов экономического роста (7,1% за 2003-2004 финансовый год), «размораживание» отношений с Пакистаном.

Соня Ганди - одна из наиболее влиятельных фигур на индийском политическом поле.

БДП, казалось - бы, приводила убедительные свидетельства восходящего развития страны. Однако рост экономики существенно не изменил сохранившуюся отсталость и нищету. Правительству БДП решить задачи борьбы с бедностью не удалось. К выборам 2004 года безработица в стране составляла более 20 процентов (около 150 млн. человек), треть населения по статистике жила за шкалой «абсолютной бедности», тысячи мелких фермеров разорились, а некоторые даже группы населения покончили с собой из-за долгов и голода. Лидеры БДП не считали, что эта статистика адекватно отражает положение в этой многочисленной страны.

На фоне развернувшегося экономического роста, увеличения численности городского среднего класса традиционная индийская бедность не могла, как полагали в БДП стать препятствием для их нового срока у власти. Правящая партия и ее союзники по альянсу готовились отпраздновать победу, а в результате они потерпели серьезное поражение. Выяснилось, что численность бедных и беднейших людей в Индии оказалась существенно выше, чем численность городских средних слоев, на поддержку которых так рассчитывали в БДП. Возможности организованных бедных, рупором которых и стала ИНК, проявились в безоговорочной победе Конгресса.

В БДП явно недооценили тот факт, что сельская местность -то есть (более 70% населения Индии), по большей части, продолжала существовать в условиях

низких доходов, открытой и скрытой безработицы, слабого развития социальной инфраструктуры и системы социальных услуг. Многие люди там оказались на обочине жизни и ИНК (И), обратившись к ним за поддержкой, сумела вновь стать ведущей партией индийской политики. Для объяснения причин победы ИНК(И) следует также добавить и тот факт, что перед выборами общественная репутация конгресса значительно улучшилась. Важную роль в этом сыграло решение Верховного суда Индии, снявшего все подозрения с руководства ИНК(И) второй половины 80-х гг. за якобы полученные от шведской компании «Бофорс» значительные «комиссионные» при продаже в Индию гаубиц и другого военного снаряжения.

На выборах 2004 года ИНК(И) и его союзники в Народной палате получили 217 мест, 185 мест оказалось у альянса во главе с БДП и 136 голосов получили представителей партий, не входящих в два основных блока, главным образом социалисты и коммунисты. В некотором смысле выборы 2004 г. стали повторением выборов 1996 г. только с обратным знаком. Тогда беднейшие слои населения отказали в доверии правительству ИНК(И), сократившему по требованию МВФ социальные программы для бедных в сфере здравоохранения и образования. Теперь уже БДП, своей ориентацией на зажиточных, богатых и успешных, лишилась поддержки бедноты, и проиграла выборы.

Кроме того, БДП так и не сумела разрешить и еще одно свое внутреннее противоречие - с одной стороны, поддержка экономической либерализации, причем более радикальной, чем у ИНК(И), но с другой, склонность к традиционализму и индусскому национализму. Кстати, именно этим умело воспользовался Конгресс и его союзники, последовательно отстаивавшие светскую политику и нерелигиозную общественную альтернативу.

Выборы 2009 года вновь принесли победу ИНК, который получил — 206 мест, БДП — 116, а так называемый Третий фронт, занявший нишу сошедшей с

дистанции Джаната Дал (коммунисты, социалисты) — 67 мест.

Второй срок пребывания у власти для ИНК (И) оказался очень сложным. По мере того, как импульс полученный экономикой страны в результате проведенных реформ постепенно затухал, темпы экономического роста стали заметно снижаться (в 2013 г. рост составил 4,9%, вместо ожидавшихся 8%). Соответственно повышение уровня жизни средних слоев существенно замедлилось, а жизнь беднейших групп населения вновь стала ухудшаться. Непрерывный рост цен на товары массового спроса и особенно бензин затронул самые широкие слои населения, что привело к тому, что картина предпочтений индийских избирателей существенно поменялась. Бедные, которые в 2000 годы стали главными конструкторами индийской власти к выборам 2014 г. вновь отвернулись от конгрессистов.

На этих выборах 2014 г. Объединенный прогрессивный альянс во главе с ИНК (И) победил только в 59 избирательных округах из 543. БДП — в 283. Получив абсолютное большинство, БДП стала первой за 30 лет партией, которая смогла сформировать правительство самостоятельно без региональных союзников. При этом следует учитывать, что БДП получила контроль только над нижней палатой - Лок Сабхой. В верхней палате парламента, Раджа Сабхе, у неё всего 46 мандатов из 240, а у ИНК(И) — 68, что дает Конгрессу право вето.

Несмотря на поражение в 2014 г. ИНК(И) остается крупнейшей оппозиционной партией - непосредственно контролирует 11 из 29 индийских штатов, а в двух входит в состав правящих коалиций. Из общего количества региональных депутатов 27 % принадлежат к ИНК(И) и 21 % к БДП. Так что, несмотря на сокрушительное поражение, у ИНК (И) есть все возможности для того, чтобы взять реванш в будущем. Это тем более вероятно, что большая часть страны, продолжает бороться с бедностью, около 28% граждан живут за ее чертой, а номинальный доход на душу населения составляет всего 977 долларов США.

Выборы 2019 г. реванша для ИНК (И) однако не принесли. Наоборот, феноменальную победу одержала партия премьер-министра Нарендры Моды. До выборов многие наблюдатели полагали, что из-за неудачной реформы по изъятию из оборота крупных банкнот и обострения отношений с Пакистаном премьер-министру не удастся без потерь пройти через голосование. Однако в итоге Моди может не искать новых партнеров для коалиции, так как набрал намного больше голосов – чем это нужно для формирования однопартийного правительства Бхаратия Джаната парти.

Основную роль в победе партии Моды сыграл, по мнению аналитиков, электорат в глубинке, которому нравится и то, что премьер говорит с ним на одном языке (хинди), и его простые и понятные обещания, многие из которых, как показали предыдущие пять лет, он исполняет. В частности, в стране активно строится транспортная инфраструктура, во многих местах происходит раздача бедным семьям газовых баллонов для кухонных плит, возводится доступное жилье.

При этом правительство еще в 2017 году ввело единый налог на товары и услуги, а от его уплаты были освобождены компании с годовым оборотом около \$30 тыс., а для компаний с годовым оборотом около \$115 тыс. была предусмотрена минимальная ставка налога (1–2%). Был также создан новый суд по банкротствам, призванный ускорить урегулирование имущественных споров.

Набор всех этих реформ плюс личная «харизма» Моды, оказались вполне достаточными, чтобы беднейшее крестьянство, мелкий и средний бизнес поддержали Джаната парти, которая победила по всей стране, а не только в традиционно поддерживающих ее северных провинциях.

3. Место и роль Индии в современном глобальном мире

Несмотря на данные об очень низком уровне жизни части населения Индии, говорить о провале реформ или их неудаче не приходится. По результатам 2011 г. по объему валового национального дохода (по ППС) Индия вышла на третье место в мире. (около 4,5 трлн. долл.). Темпы ее экономического роста даже в разгар мирового финансово-экономического кризиса в 2008-2009 гг. не опускались ниже 6,2%, а в 2011 г. составили 7,2%. При этом индийские ТНК успешно вышли на мировые рынки, в том числе и на рынки развитых стран. Если в 1990 г. объем накопленных индийских иностранных инвестиций составлял всего лишь 124 млн. долл., то в 2011 г. - он превысил 111,25 млрд. долл. На фоне сокращения общего объема мировых трансграничных инвестиций в 2000-е гг. Индия смогла сохранить устойчивый тренд притока прямых иностранных инвестиций в экономику (в 2008-2011 гг. в среднем 30 млрд. долл.). По объему привлекаемых денежных переводов эмигрантов с 2004 г. Индия ежегодно занимает первое место в мире (в 2011 г. он достиг 58 млрд долл., или около 4% ВВП). Доля выходящих из Индии в общем объеме инвестиций в ее экономику в последнее десятилетие составляла в среднем около 3% (в отдельные годы - 6%) При этом объем накопленных прямых иностранных инвестиций в ее экономике в 1990 г. составлял 1,657 млрд долл. (0,08% общего объема мировых трансграничных инвестиций) и увеличился к 2012 г. до 201,724 млрд долл. (около 1,0%).

На волне экономического роста и интеграции в мировые финансовые и фондовые рынки вырос и фондовый рынок самой Индии. По данным отчета Азиатского Банка Развития (АзБР) рынок ценных бумаг Индии, с рыночной капитализацией около 600 млрд. долларов США, стал после 2008 г. третьим по величине фондовым рынком, после Китая и Гонконга, в развивающемся азиатском регионе.

Все эти достижения одной части Индии блекнут перед проблемами другой и намного более многочисленной ее части. Для того, чтобы не допустить расширения и углубления пропасти между бедной и богатой Индией индийской правящей элите необходимо решить две наиболее острые проблемы. Первая состоит в необходимости сохранять и поддерживать в экономике традиционный сектор: за ним в настоящее время закреплено около 500 наименований товаров. Причем даже в производстве станков и электроприборов около 60% приходится на мелкие предприятия, свыше половины текстильного производства падает на кустарные мастерские. До сих пор простой факт определяет экономическую политику Индии: 10 млн. рупий инвестиций позволяют создать в современном секторе 360 рабочих мест, на мелких предприятиях — 1200 рабочих мест, а в традиционном секторе — 5,5 тыс. рабочих мест. Из этого понятно, что решить проблему огромной безработицы в рамках современного сектора просто невозможно и, что потребуются нерыночные административные меры, чтобы сохранить миллионам людей их работу и жизнь.

Вторая проблема заключается в растущем аграрном перенаселении: в Индии уже освоено под пашню свыше 1/2 части территории, это больше, чем где-либо в мире. Возможностей дальнейшего увеличения пахотной земли практически нет — максимум 20 млн. га. Потенциал «зеленой революции» также ограничен — она охватывает лишь 20% хозяйств. Около 35 млн. крестьян имеют менее 1 га земли. Поэтому перед правительством стоит дилемма — чему отдать предпочтение: более эффективному фермерскому пути или сохранению едва способных себя прокормить крестьянских хозяйств.

Есть еще и острые проблемы в социальной сфере, в частности неравенство в доходах: 20% населения, занятого в современном укладе, потребляют свыше половины национального дохода. Такое социальное расслоение, особенно когда оно увеличивается, а в Индии именно это

как раз и происходит, очень опасно для сохранения мира и стабильности внутри страны. Социальная напряженность может привести ситуацию к ширящейся волне протестов, манифестаций и даже, как это было в эпоху наксалитов, к террористическим актам против властей.

На примере всех этих проблем, с которыми сталкивается сегодня Индия, мы видим ограниченность процесса глобализации, который затрагивает лишь часть, но не все общество. В индийской реальности соседствуют современные предприятия и кустарные мастерские, богатые и современные фермерские хозяйства, и патриархальный уклад для миллионов. Причем даже успешное участие в глобальном проекте не дает возможности Индии решить эти проблемы. Интеграция в глобальные рынки лишь подчеркивает нарастающие различия в доходах и в качестве жизни, обозначает серьезный раскол индийского социума.

ГЛАВА VII. Турция: движение вперед и вспять. От либерализма Тургута Озала и до османизма Реджепа Эрдогана.

1. Исламизация как характерная черта турецкого развития в 90-е годы

Реджеп Тайип Эрдоган -
премьер-министр
2003-2014 гг. и президент
Турции с 2014 г.

Развитие Турции в 90-е годы носило в некотором смысле довольно странный, с точки зрения элементарной логики характер. В экономике шел процесс либерализации, приватизации и интеграции в глобальные рынки. В политике же, наоборот, шел процесс исламизации и даже определенной архаизации, то есть возвращения чуть ли не к феодальным порядкам в отдельных наименее развитых районах страны. В Турции в это время появились многочисленные религиозные фонды (вакуфы) социального назначения и интернаты для неимущих учащихся. За спиной вакуфов стояли, по большей части, запрещенные еще Ататюрком, действовавшие полулегально суфийские ордена (тарикаты). Они, в свою очередь, были тесно связаны с крупным капиталом из исламских государств. Новое законодательство предоставило особые льготы инвесторам из Саудовской Аравии, Ливии, Ирана, Ирака, Кувейта, ОАЭ, Бахрейна и Катара, которыми они активно пользовались, в том числе, чтобы финансово поддержать исламскую оппозицию.

Сама же светская власть, несмотря на то, что как бы по инерции от переворота 1980 г. еще продолжала преследование и аресты активистов полулегальных исламских группировок, выступавших за отказ от наследия Ататюрка и переход Турции к шариатскому праву, демонстрировала готовность несколько изменить господствующую доктрину кемализма. Речь шла о том, чтобы осуществить на практике так называемую концепцию «турецко-исламского синтеза».

Этот термин - изобрели турецкие интеллектуалы 70-х годов. После военного переворота 1980 г. он постепенно стал завоевывать умы турецкой интеллектуальной и административной элиты, которая увидела в нем определенный компромисс, турецкий вариант «общественного договора», который позволит надолго стабилизировать политическую ситуацию в стране. Смысл этого «синтеза» заключался в простом договоре - армия не трогает исламских активистов, но только тех, кто выступает с умеренных позиций и согласен с существованием секулярной системы организации турецкого общества. Без сомнения, согласие на такой «синтез» было серьезной уступкой военных кругов - исламской оппозиции и реальным отходом от жесткой и однозначной кемалистской позиции.

Идея «турецко-исламского синтеза», как новый вариант государственной доктрины, подхлестнула восстановление исламского общества в Турции, придала новую энергию политикам выступавшим за усиление влияния ислама в стране. В начале 90-х на первый план выдвинулись сторонники шейха Фетуллага Гюлена, который как раз и выступал с позиций такого синтеза, за умеренную трактовку ислама, предусматривавшую диалог и отказ от сопротивления или насилия в отношении турецкой секулярной системы.

Вслед за умеренными сторонниками Гюлена на авансцену турецкой политики начали выходить и намного более радикально настроенные исламские политики. Это стало особенно явным, когда во второй половине 90-х

лидер партии, выступавшей с исламских позиций - "ходжа" Н.Эрбакан возглавил правительство, и ввел в исполнительную власть своих сторонников. Он развернул кампанию критики кемализма, направленную на то, чтобы подорвать влияние своих идейных и политических противников и в правящей элите и в обществе. Это ему почти удалось - в политических кругах говорить позитивно о наследии кемализма, стало немодным, если основателя Турции и вспоминали, то обязательно с критическим отношением к его реформам. Даже военные, заявляя о своей приверженности идеям Ататюрка, светскости, умеренному национализму, указывали на то, что уже и сами готовы отказаться от некоторых прежних, «устаревших» светских заветов Мустафы Кемала.

Активный рост происламских настроений и в политической элите, и в обществе, не остался без внимания в мире и особенно в Европе. «Тихая» исламизация во многом подорвала имидж Турции как светского государства, а религиозный фактор превратился в существенный тормоз на пути движения страны в сторону европейской интеграции и вступления в ключевые европейские структуры. Турция официально обратилась с просьбой о принятии ее в полноправные члены ЕС еще в 1987 г., однако западные эксперты сочли, что страна не готова к вступлению в Европейский союз. Они указали, что сотрудничество возможно только в рамках Договора об ассоциации Турции в ЕС, а не как полноправного члена сообщества. Оставление Турции вне объединенной Европы оказало серьезную поддержку происламским партиям и группам и, наоборот, ослабило секуляристские и светские тренды в турецком обществе. А они в нем также все более активно проявлялись как ответ на исламизацию, охватывая, главным образом, интеллектуальные, управленческие и бизнес слои Юго-Запада - наиболее развитой части страны, а также население в крупнейших городах - Стамбуле и Измире.

Переход власти в руки религиозных партий происходил постепенно - в 1991 г. было сформировано коалиционное

правительство светских партий - правоцентристов и социал-демократов в лице соответственно Партии верного пути (ПВП) и Социал-демократической народной партии (СДНП). Эта коалиция с самого начала отличалась острыми разногласиями. ПВП выступала за либерализацию экономики и приватизацию государственных предприятий и возражала против политической демократизации, а социал-демократы, наоборот, требовали расширения демократии и стояли за соблюдение принципа этатизма. В условиях таких противоречий единство власти было непрочным, в экономике нарастали кризисные явления, сохранялся большой дефицит бюджета и накапливались новые внешние долги.

В сентябре 1995 г. на волне финансового кризиса и принятия очередной программы стабилизации, подготовленной в МВФ, коалиция двух партий распалась. Новый премьер-министр лидер ПВП Тансу Чиллер, выступила за принятие так называемого «пакета мер по экономической стабилизации», который турецкая печать назвала «пакетом нищеты». Сокращение расходов и соответственно зарплат и доходов миллионов граждан страны вызвали общее возмущение, которое вылилось в массовые забастовки рабочих и митинги госслужащих. На начало октября 1995 г. бастовало 330 тыс. человек. Газеты писали, что сентябрьская инфляция побила десятилетний рекорд.

В таких экономических условиях и в атмосфере всеобщего недовольства властью, прошли досрочные выборы, которые состоялись в декабре 1995 г. и принесли ошеломляюще неожиданный результат. На первое место по числу полученных голосов (21,3%) и мест в меджлисе (158) вышла происламская Партия Рефах во главе со своим лидером Н. Эрбаканом. Понятно, что многие избиратели голосовали за партию Эрбакана как - бы протестуя против бессилия политиков традиционных светских партий, их неспособности решить экономические проблемы, осуждая их взаимные склоки и противоречия. Но такая мотивация не могла изменить сложившейся картины - впервые после

создания современной Турции религиозные политики радикального толка оказались у власти в стране.

Это событие резко изменило конфигурацию политических сил, сформировало новую повестку дня для турецкой политики. До прихода Эрбакана к власти, борьба велась между двумя политическими полюсами - правоцентристским и социал-демократическим (левоцентристским). Между ними были существенные разногласия по вопросам внутренней политики, но в вопросах внешней политики оба полюса сохраняли четко выраженный прозападный характер, выступали за сохранение светского характера власти. После выборов 1995 г. размежевание прошло в иной плоскости, образовались два новых полюса. На одном из них сосредоточились все прозападные силы - и правоцентристы, и социал-демократы, а на другом - партия Эрбакана - Рефах, выступившая за переориентацию внешней политики страны на исламский мир на создание с участием Турции исламского общего рынка.

Положение для светских сил в Турции еще более усложнилось, когда, выяснилось, что находясь у власти, партия Н. Эрбакана только укрепляла свою популярность. Состоявшиеся в начале ноября 1996 г. частичные муниципальные выборы продемонстрировали рост числа ее сторонников. За Рефах проголосовали 30,4% избирателей. Такая тенденция делала победу партии Эрбакана на выборах 1999 г. почти неизбежной, что вынудило вмешаться армию, как последний резерв светского и секулярного общества. Как такового переворота не произошло. Высшие руководители армии выступили в конституционном органе - Совете национальной безопасности, где указали, что Эрбакан и его партия выступают против светских принципов организации турецкого государства и угрожают его спокойствию и безопасности. После такого недвусмысленного предупреждения со стороны военной верхушки Эрбакан подал в отставку, а в феврале 1998 г. конституционный суд принял решение о роспуске его партии «за действия,

несовместимые с зафиксированным в конституции светским характером государства».

Но разгром партии «Рефах» мало что изменил в господствовавших в Турции политических трендах. Тенденция на восстановление ислама, как организующего ядра общества, не только сохранилась, но еще более усилилась, так как многие не симпатизировавшие ранее исламской партии люди выражали свое недовольство вмешательством армии в политический процесс. Наблюдателям в Турции и за рубежом было понятно, что только вопрос времени отделял возвращение сторонников исламской Турции к власти.

2. Экономический кризис и реинкарнация исламской политики в лице партии Р. Эрдогана

Неустойчивая экономическая ситуация, связанная и с политической нестабильностью, и с тем, что экономический рост, основанный на иностранных займах и инвестициях, сделал турецкую экономику очень уязвимой и зависимой от процессов на глобальных рынках, завершилась экономическим кризисом, разразившимся на рубеже 2000-х годов. Ситуация усугублялась последствиями землетрясения в Измите, где были огромные разрушения и погибло 15 тысяч человек, ростом цен на нефть, безудержной инфляцией до 100% в год и отсутствием возможности погасить внешний долг, составлявший к тому времени более 100 млрд. долларов.

В такой сложной ситуации была образована партия Справедливости и Развития (ПСР), которую возглавил бывший мэр Стамбула и бывший член партии «Рефах» Н. Эрбакана - Реджеп Эрдоган. Этот политик назвал себя и своих сторонников - "консервативными демократами". В принятой программе он провозгласил демократию, верховенство закона, гражданское общество, права человека, участие в глобализации и вступление Турции в ЕС - как главные цели ПСР. В противовес прежним исламским политическим силам, партийный лидер заявил о

желании действовать в рамках существующей политической системы, а не быть в оппозиции к ней.

Таким образом, Р. Эрдоган нашел удобную форму и политическую нишу для своей партии, сделав ее девизом слова «реформа и развитие». В 2002 г. ПСР объявила о том, что разработала программу, сочетающую элементы прагматичной экономики, жесткой финансовой политики и постепенного усиления роли ислама в сфере культуры и образования. Все это понравилось избирателям и в ноябре 2002 г. на парламентских выборах ПСР получила 34% голосов и намного опередила всех своих политических противников. Это позволило Р. Эрдогану сформировать однопартийное правительство и всего лишь за два года превратить один из осколков, запрещенной военными партии Н. Эрбакана, в ведущую политическую силу Турции.

Зная о печальном опыте своих предшественников, происламские реформы которых разрушались вмешательством армии, Р. Эрдоган, оказавшись у власти, именно по военной верхушке и нанес первый удар. Он решил ликвидировать сложившееся двоевластие, когда любой гражданский кабинет вынужден был оглядываться на реакцию турецких генералов. Главное звено политического наследия Ататюрка - особая роль армии в турецком обществе, по мысли Эрдогана должна была быть разрушена. С 2002 г. начался бесконечный процесс раскрытия разного рода антиконституционных заговоров в верхушке армейского руководства. Расправа над генералами и адмиралами - главной опорой кемалистов, объяснялась в официальной пропаганде необходимостью укрепления демократии и народовластия, а также борьбой с коррупцией и разного рода заговорами.

Сегодня еще нет ответа на вопрос - действительно ли военные замыслили переворот против Р. Эрдогана, или новый премьер фабриковал все эти многочисленные «дела» против них, но так или иначе Р. Эрдоган взял верх и сумел фактически обезглавить верхушку армейского руководства и расставить там своих людей. Тем самым он обезопасил

себя от возможности нового вмешательства армии в политический процесс.

В экономической сфере премьер-министр и его правительство на первых порах придерживались именно той политики, которую и обещали. Экономическая либерализация, приватизация предприятий госсектора, привлечение иностранного капитала и создание атмосферы доверия у инвесторов - все это позволило решить проблему выхода из кризиса, и Турция встала на путь быстрого экономического роста. Причем все эти реформы получали полную поддержку со стороны международных финансовых организаций. Так, например, в августе 2004 г. МВФ выделил Турции очередной транш в размере 476 млн. дол., а также принял важное для Р.Эрдогана решение о специальных льготах для Турции в возвращении имевшегося долга в 11 млрд. долл. Вашингтон, также со своей стороны оказал весомую помощь Турции, выделив кредит на сумму 5 млрд. долларов. При такой финансовой поддержке правительство Эрдогана приняло ключевое для выхода из кризиса решение о деноминации лиры.

Преодоление кризиса и значимые успехи в экономике, а страна росла в середине 2000-х на 7-8 % ежегодно, привели к тому, что следующие выборы в 2007 г. принесли партии Справедливости и Развития уже 45% голосов. Этот успех был признанием способности партии Р.Эрдогана обуздать инфляцию, привлечь прямые иностранные инвестиции, провести реформы в сфере образования и здравоохранения, достичь прогресса на переговорах с ЕС, ограничить коррупцию.

Достижения премьер-министра и членов его правительства были очевидны - они сумели возродить экономику, вернуть в Турцию зарубежных инвесторов и создать условия для развития национального производства. Так, например, импорт технологий и поточных линий был избавлен от НДС, что сделало Турцию одним из ведущих экспортеров электроники. Процедура регистрации предприятий сократилась до 10 дней. Новый премьер учредил «Халк Банк» («Народный банк») для льготного

кредитования малого бизнеса, предоставил налоговые и ценовые льготы для инвесторов. При Р. Эрдогане Турция превратилась в 15-ую экономику мира, а ее ВВП вырос вдвое.

Стабильность и предсказуемость нового турецкого режима позволили привлечь инвестиции и с Запада и с Востока. В результате в 2010 году валовой внутренний продукт (ВВП) Турции превысил 735 млрд. долларов США, а среднедушевой ВВП - 10 тысяч долларов. Анализ структуры ВВП подтверждает огромные сдвиги в народном хозяйстве Турции - сектор услуг составлял 60% экономики, промышленности достигал примерно 30%, а продукция сельского, лесного и рыбного хозяйств - 12%. Рост экономики Турции в 2010-2012 гг. превысил 8%, что позволило даже конкурировать с Китаем за звание наиболее быстро развивающегося государства в мире.

Свидетельством того, что Турция стала превращаться в интегральную часть глобальной экономики, стал и тот факт, что начался процесс вывоза турецкого капитала за рубеж в основном в страны Европейского союза. Общая сумма турецких зарубежных инвестиций еще в конце 2004 г. оценивалась в 7 млрд. долл. , а к 2012 она выросла в несколько раз.

На волне всех этих впечатляющих успехов, Р. Эрдоган превратился в авторитарного и харизматичного лидера нации, который постепенно стал все дальше отходить от политической линии, которая принесла ему успех. Он все больше стал превращаться в амбициозного правителя, который вместо рационализма и прагматизма перешел к идеям национализма, пантюркизма и нового османизма. Популярность его в стране настолько велика, что в 2014 г. Р. Эрдоган был избран в первом же туре выборов Президентом страны, что как считают многие наблюдатели, позволит ему и реформировать конституцию, усилив в ней роль ислама, а также реформировать политическую систему в интересах сохранения доминирования своей партии и себя лично.

В то же время при всех успехах турецкого лидера именно при нем, особенно в последнем периоде его правления, Турция стала сталкиваться с серьезнейшими проблемами внутреннего единства. Если Тургут Озал, некоторыми уступками и финансовой поддержкой сумел в значительной степени пригасить огонь курдского сопротивления и Р. Эрдоган, первое время, действовал в той же манере, договорился о перемирии с Курдской рабочей партией (КРП), то позже все изменилось. Р. Эрдоган разорвал этот союз, и война на востоке Турции началась с новой силой. Перспектив на победу у Р. Эрдогана в этой войне нет, так как примерно от 12 до 20 млн. курдов, которые обрели и своих лидеров, и своих героев, мечтают о формировании независимого Курдистана.

Война с курдами, заигрывание с исламскими экстремистскими организациями на Ближнем Востоке, приток беженцев из охваченной войной Сирии, - все эти факторы крайне негативно влияют как на имидж Турции в мире, так и на главное достижение Р. Эрдогана - быстрый экономический рост, который сегодня сократился более чем вдвое по сравнению с лучшими временами. Ухудшающаяся ситуация в стране связана еще и с тем, что турецкому лидеру не удалось удержаться посередине между усилением роли ислама и модернизацией. Первое происходило существенно быстрее, чем второе. Поворот политики Турции на Восток, разговоры о новом османизме, о доминировании Турции в Сирии и Ираке, скрытая поддержка радикалов из Исламского государства - все это привело страну к новой нестабильности, к жестоким террористическим актам и к острому политическому противостоянию.

Активизировалась и оппозиция Р. Эрдогану. Летом 2014 г. на площади Таксим в Стамбуле прошла волна протестов либералов, коммунистов и ортодоксальных кемалистов. А в декабре начался коррупционный скандал, в ходе которого председатель государственного Народного Банка Турции, глава крупнейшей золотой компании

«Сафир» и сыновья двух министров были арестованы, а еще четверо министров - подали в отставку. Была сделана попытка обвинить в коррупции и самого Р. Эрдогана, который будто - бы раздавал распоряжения своим детям вынести миллионы евро, полученные якобы им в качестве «откатов» за госзаказы.

3. Внешняя политика Р. Эрдогана: желаемое и действительное

В период премьерства Р. Эрдогана произошли и существенные сдвиги в турецкой внешней политике. Турция все больше превращалась в самостоятельного игрока на международной арене, причем премьер-министр последовательно действовал в том направлении, чтобы ослабить свою зависимость от американцев, показать, что он более самостоятельный игрок, чем они думают. Уже в 2003 г. он воспрепятствовал американской армии открыть северный фронт против Ирака со стороны Турции. Изменил он и традиционное отношение Турции к Европе. В ответ на нежелание Европейского союза видеть Турцию своим полноправным членом, он принимает решение «идти на Восток», как собственно и предлагал в свое время Н. Эрбакан, членом партии которого он был. Для того, чтобы завоевать доверие арабских стран, Р. Эрдоган устраивает провокацию с так называемой «флотилией мира», резко ухудшает отношения с Израилем, с которым Турция много лет тесно сотрудничала и по политическим вопросам, и по вопросам современных военных технологий.

В это же время он пытается сблизиться с Ираном, вступает в опасную игру на Ближнем Востоке, рассчитывая, присоединить к Турции в случае распада Сирии северные районы этой страны. Кульминацией такой политики стал сбитый российский военный самолет, что резко обострило отношения с Россией. В отношениях с курдами он крайне неуспешен, не смог предотвратить сближение их с США и поставку курдским отрядам американского вооружения для борьбы с исламскими

террористами. Организованный им ввод турецких войск в курдские районы Ирака, никаких существенных преимуществ ни в политике, ни в расстановке военных сил ему не дал. Он стал очередным бесплодным шагом в попытке контролировать курдов и за пределами Турции. Когда же американская администрация настоятельно порекомендовала Р. Эрдогану вывести свои войска из Ирака, стало очевидно, что турецкий лидер может лишиться американской поддержки, что его внешнеполитический курс носит авантюристический характер.

В результате его политики Турция оказалась перед лицом серьезнейших внешнеполитических проблем, когда от первоначальной формулы турецкого лидера, выдвинувшего популярный в стране лозунг - «ноль проблем с соседями» не осталось ничего. Недоверие американцев и НАТО, явная враждебность с Ираком и Сирией, резкое ухудшение отношений с Россией и с Европой, которая обвиняет Турцию в том, что это именно она организовала массовое движение беженцев из Сирии и Ирака в европейские страны.

На фоне всех этих противоречий в ночь с 15 на 16 июля 2016 года группа мятежников из числа высших армейских чинов попыталась совершить военный переворот.

Он мог бы быть успешен, как и военные перевороты, происходившие в Турции раньше, однако Эрдоган был предупрежден (по некоторым данным из России) и покинул отель за несколько мгновений до того, как туда прибыли военные, планировавшие его убить или арестовать. Турецкий лидер спасся и сумел подавить мятеж. И вот тут в стране стали происходить серьезнейшие изменения. Эрдоган использовал неудачный против себя путч, чтобы покончить или по крайней мере сильно ослабить прозападные интеллектуальные и административные кадры, а также избавиться от военных, которым он не доверял. Немедленно после подавления выступления военных прокуратура Анкары выдала ордера на арест 44 человек, в том числе губернаторов, вице-губернаторов и других руководящих сотрудников местных

администраций. Вслед за этим были уволены или отстранены от работы около 100 тысяч госслужащих, причем увольнения затронули практически все министерства и ведомства. Работы лишились более 27 тысяч сотрудников сферы образования, более трех тысяч судей. Кроме того по указанию Эрдогана были закрыты три информационных агентства, 16 телеканалов, 23 радиостанции, 45 газет и 15 журналов, заблокирован доступ к более чем 20 новостным сайтам, отозваны лицензии у 29 издательств. По данным Комитета защиты журналистов, власти Турции выдали 88 ордеров на арест сотрудников СМИ.

Нет сомнений, что все эти репрессии означали фактический разгром прозападной турецкой военной, административной и интеллектуальной элиты. Все это были люди, якобы связанные с проповедником Фетуллахом Гюленом, находившимся в США, а на самом деле выступали как главная преграда на пути возврата Турции к османским ценностям внутри страны и перехода к политике экспансии под флагом неосманизма и пантюркизма.

После подавления путча Турция фактически перешла к авторитарной модели правления, Эрдоган по мнению многих стал вести себя не в стиле Ататюрка, а в стиле скорее османских халифов, еще активнее, чем раньше, способствовать возвращению ислама во все сферы жизни. Здесь следует сказать, что в своей политике «возвращения к истокам» Эрдоган показал себя, как и раньше, прагматичным политиком: отказ от достижений модернизации в одних сферах не означал отказа от модернизации вообще. Все, что работало на обеспечение военного потенциала новые заводы по производству новых видов вооружений- все это находилось в центре внимания турецких властей.

Фактически в стране стала складываться ситуация наподобие иранской — когда архаизация общественных отношений религиозный радикализм, незначительная роль в глобальной интеграции мало влияет на снижение военных

возможностей, позволяет проводить активную экспансионистскую политику. Более того, заметно расширившаяся при Эрдогане традиционалистская и радикально религиозная Турция, оказалась для него достаточной социальной базой, чтобы последовательно менять страну, действуя противоположно реформам Ататюрка.

Но вопрос в том, насколько устойчивы будут новации «нового султана» внутри страны, насколько успешной будет его внешняя экспансия, направленная буквально по всему периметру турецких границ - против Греции в спорах за месторождения газа в Средиземном море, против курдов в Сирии и Ираке, в Ливии против войск маршала Хафтара, используя вторую карабахскую войну продвигать турецкое влияние на Южном Кавказе, сказать сегодня сложно. Вполне вероятно, что в конце концов экономика Турции не выдержит мессианской политики Эрдогана, тем более если он собирается реализовывать проект Большого Турана и объединять тюркские государства Центральной Азии, усиливать влияние страны в мире ислама и вмешиваться в арабские дела. Тогда в одночасье все может измениться и существующая прозападная оппозиция, разгромленная после путча 2016 г., вновь выйдет на политическую сцену и позиционирование Турции вновь существенно изменится. В то же время коллапс экономики под давлением всех этих глобальных проектов вполне вероятен, но надо иметь в виду, что в условиях архаизации и расширения социального поля традиционалистов и радикалов, надо, чтобы произошло что-то совсем ужасное, чтобы люди из этого лагеря перестали бы поддерживать «нового халифа».

4. Некоторые обобщения

Опыт развития Турции последних десятилетий показывает удивительные колебания ее политики - 80-е-2000-е годы формирование либеральной экономики, способной к интеграции в глобальные рынки, а после примерно 2009 г., когда, казалось, что искомая модель, наконец, построена и работает - отход от этого курса, с

выраженным стремлением превратиться в регионального лидера на Ближнем Востоке. Стабильность, предсказуемость, приверженность либеральным экономическим взглядам, ориентация на США и согласие с существующими в глобальных раскладах правилами игры, то есть все то, чем занимался Эрдоган в начале своей премьерской деятельности, сегодня им же ставится под сомнение. Понятно, что нынешняя политика Р.Эрдогана, отражает не только его личные взгляды, но и позицию правящих верхов Турции, где, по всей видимости, консервативные и религиозные тенденции оказываются намного сильнее, чем либеральные и прозападные. Турция показывает пример если не выхода, то очень значительного отхода от неформальных правил глобализации, выбирая проект региональный, направленный на то, чтобы доминировать в своем регионе, противопоставляя себя всем.

И еще, опыт Турции интересен тем, что подтверждает вывод, сделанный на примере Китая, Кореи и Индии о том, что интеграция в глобальные рынки не охватывает всю страну, носит ограниченный характер, формируя в качестве кластеров развития лишь отдельные наиболее развитые районы. Поэтому и рождаются раскалывающие страну серьезные противоречия, вызванные тем, что современная экономика и соответствующие ей социально-политические настроения доминируют лишь в отдельных наиболее продвинутых районах в Стамбуле и на юго-западе, а исламизация и архаизация постепенно распространяются на остальную территорию страны. Ключевой вопрос для будущего Турции состоит в том, какой из этих трендов в конечном итоге сможет победить.

ГЛАВА VIII. Иран после распада СССР

1. Ситуация в Иране после окончания войны с Ираком. Политика президента Хатами

*Президент Ирана
1997-2005 гг., сторонник
реформ Мухаммед Хатами*

Завершившаяся на рубеже 90-х годов ирано-иракская война, самым серьезным образом повлияла не только на внутреннюю и внешнюю политику страны, но и изменила ее облик. На улицах, в учреждениях отряды стражей исламской революции строго следили за исполнением исламских норм поведения, ношением разрешенной шариатом одежды. Радикально изменился репертуар театров, кинотеатров, радио и телевидения. Запрещена была современная рок музыка, дискотеки, продажа видеокассет, даже безалкогольных импортных напитков.

Иранский правящий режим вынужден был выстраивать мобилизационную модель в экономике, постоянно расширяя роль государства в этой сфере. В условиях растущей изоляции и нехватки финансовых ресурсов ощущалось резкое снижение инвестиций в экономику. Это стало одной из причин того, что

экономическое развитие страны в 8090- годы резко замедлилось и было несравнимо с временами шаха. Ирану не хватало современных технологий и капитала, квалифицированных кадров, причем не столько для продолжения промышленного развития, сколько хотябы для сохранения того индустриального потенциала, который был создан в эпоху «белой революции». Фактически единственным источником валютных поступлений являлись доходы от нефти, которые шли главным образом на армию и систему административного управления.

Теократическая система власти, выстроенная аятоллами, за годы войны устоялась, обогатилась религиозно-патриотическим содержанием, показала способность даже в условиях ухудшения жизни людей и неопределенности в исходе затяжной войны, не допустить появления оппозиции и серьезного отката от завоеваний революции. Власть Рахбара и Совета экспертов стала рассматриваться как гарантия политической стабильности, как препятствие на пути непродуманных инициатив светских политиков, как сила защищающая при всех обстоятельствах национальную независимость и интересы страны. Эту роль религиозные деятели успешно выполняли, как при господстве в парламенте умеренных клерикалов в период правления президента Хашеми Рафсанджани, находившегося у власти с 1989 по 1997 г. и Мухаммеда Хатами - либерала и западника, ставшего президентом в мае 1997 г. и Махмуда Ахмадинежада - антилиберала, и консерватора, настроенного резко антизападно, правившего на протяжении двух сроков в начале 2000-х.

Следует отметить, что из всех этих руководителей наибольшие надежды на перемены, на изменение механизма и формы власти, на демократизацию, улучшение отношений со странами Запада и на большие свободы, связывались с президентством

*Махмуд Ахмадинежад -
президент Ирана
в 2005-2013 гг*

Мухаммеда Хатами. Когда он шел к власти, то заявлял публично, что «религия должна быть совместима со свободой», что нынешний век — это век, когда западная цивилизация доминирует «интеллектуально, морально и технологически», и Иран должен использовать ее достижения. Все эти крайне смелые в условиях иранской действительности заявления он, правда, оговаривал тем, что в западной цивилизации присутствуют и определенные недостатки, от которых и нужно защищать иранские «революционные ценности».

Когда же Хатами оказался у власти, то стало ясно, что о реформе политической системы, с передачей основных рычагов управления государством парламенту и сокращению полномочий Совета экспертов и Рахбара лично, не могло быть и речи. Стражи исламской революции зорко отслеживали все действия президента, а совет аятолл заранее блокировал любые либеральные новации, исходившие от президента и его окружения. Он вынужден был действовать в очень жестких рамках, причем не только в сфере внутренней и внешней политики, но и в сфере экономики.

Попытка президента-реформатора изменить что - то в этой сфере также оказалось неудачной. И здесь «революционные ценности», в виде господства госсектора оказались надежно защищены. В противовес этому, Хатами объявил курс на экономическую либерализацию. По его поручению даже разрабатывались программы приватизации госсектора, он выступил за расширение кредитов частному сектору и облегчение деятельности иностранного капитала. Но все это наталкивалось на консерватизм деятелей духовенства, которые относились ко всем таким новациям с большим подозрением. В результате ничего существенного для реформирования иранской системы власти и экономики, по большому счету, сделано не было. Естественно, что и никакого качественного сдвига в темпах роста экономики и ее интегрированности в глобальные рынки, так и не произошло.

В условиях, когда сам Рахбар, а им после смерти аятоллы Хомейни в июне 1989 г, стал аятолла Али Хаменеи, и окружавшие его религиозные деятели, были откровенно враждебны к разного рода либеральным реформам, видели в них происки Запада и мирового сионизма, который в их представлениях стал чуть ли не в главным врагом Ирана, шансов у президента Хатами на проведение серьезных перемен в экономике практически не оставалось.

Показателен здесь пример с приватизацией, за которую так боролся Хатами. Религиозное руководство и влиятельные антиамериканские и антизападные круги открыто саботировали этот процесс. В результате в 2007 году, например, 70 % промышленного производства все еще находилось в руках государства. Только предприятия легкой промышленности оказались по большей части приватизированными. Неудачи преследовали Хатами и в реконструкции главных отраслей иранской экономики -нефтедобычи и

нефтепереработки. Из-за западных санкций, правительство не смогло провести модернизацию предприятий, их производительность резко снизилась. В результате в 2000-х годах национальных нефтеперерабатывающих мощностей стало не хватать для обеспечения экономики электроэнергией, что привело к ее дефициту. Иран вынужден был начать закупать бензин за границей. К 2007 г. закупалось уже 40 % от всего потребляемого в стране бензина. Санкции вызвали и заметное ослабление боевого потенциала иранской армии, которая уже не имела возможности приобретать или модернизировать, закупленное за границей вооружение.

2. Борьба вокруг ядерной программы Ирана и ее последствия

Одним из немногих успехов в деятельности Хатами стало возобновление иранских ядерных исследований, что можно объяснить тем, что в этом вопросе интересы президента совпали с интересами Рахбара и Совета экспертов. Такие исследования в довольно большом масштабе осуществлялись еще в шахский период. Причем, если тогда Иран активно сотрудничал с МАГАТЭ, то теперь иранцы старались держать в тайне свои наработки, что вызвало серьезное недоверие к ним со стороны и МАГАТЭ и мирового сообщества. В 2002 г. американцы объявили о том, что Иран готовит свое ядерное оружие, и в 2005 году после безуспешных попыток договориться о приостановке ядерной программы, США ввели санкции против иранских банков, компаний и людей, связанных с атомной промышленностью.

В декабре 2006 г. за отказ Ирана прекратить обогащение урана, санкции против него ввел Совбез ООН. Они включали запрет на поставки материалов и технологий в ядерной области, а также заморозку

активов ряда лиц и компаний. В 2007, 2008 и 2010 годах Совбез ООН принял по Ирану еще три пакета санкций. В частности, было введено эмбарго на поставку оружия, товаров двойного назначения, расширен список попавших под санкции людей и компаний, ограничены транзакции с иранскими банками. В июле 2010 года из-за ядерной программы и нарушений прав человека, санкции против Ирана ввел и Европейский Союз. Ограничения включали запрет на экспорт технологий и направления инвестиций в нефтегазовую промышленность Ирана, заморозку активов компаний и запреты на въезд. В 2012 г. санкции ЕС были расширены, путем запрета на импорт сырой нефти, нефтепродуктов и газа, экспорт графита, ряда металлов и сплавов алюминия и стали. Иран был отключен от банковской системы SWIFT, что резко затруднило финансовые расчеты страны с остальным миром.

Наложение на Иран все новых санкций было вызвано его жесткой и неуступчивой позицией по вопросам контроля со стороны МАГАТЭ за его исследованиями и разработками в сфере ядерных технологий. Такую позицию последовательно занимал пришедший к власти после президента Хатами, радикал и антизападник - Ахмадинежад. Этот политик строил свою стратегию на противостоянии с Западом, называл США главным врагом, который угрожает независимости и суверенитету Ирана. Уступки по ядерной программе он рассматривал как удар по этим завоеваниям и, скорее был готов к введению новых санкций, чем к компромиссу.

В результате такой политики Иран все более превращался в страну-изгоя в международном сообществе, отодвигался на периферию глобальных интеграционных процессов. Махмуд Ахмадинежад вынужден был искать себе союзников в лице другого изгоя - северокорейского режима, который помог

иранцам создать ракету, способную доставлять ядерное оружие на сотни километров.

Негативное влияние западных санкций и санкций ООН на Иран особенно сказалось во время президентства Махмуда Ах-мадинежада, который пришел к власти в 2005 г. на волне разочарования в результатах правления Хатами. Новый президент представлял консервативные антиамериканские и националистические силы. Моментами он высказывал в отношении США и особенно Израиля настолько жесткие заявления, например, о том, что его цель уничтожить «сионистское государство», что религиозные иерархи из Совета экспертов даже были вынуждены их несколько смягчать и поправлять президента.

При Ахмадинежаде проблемы сбалансированности и устойчивости экономики встали особенно остро. Без притока иностранных инвестиций, ограниченности внутреннего инвестиционного капитала, экономика фактически стагнировала. К 2012 г. безработица превышала 15% трудоспособного населения, а инфляция была выше 25% в год. Цены на самые необходимые продукты и товары непрерывно росли, население нищало и даже религиозному руководству Ирана стало очевидно, что модель закрытого и изолированного от глобального мира общества, оказалась малоэффективной, тем более, что возможности внутреннего рынка, впрочем, как и импортозамещения в реальных условиях Ирана были очень ограничены.

Особенно разрушительным для иранской экономики стало принятие в 2012 г. США и странами ЕС новых санкций против иранского энергетического сектора и нефтегазовой промышленности. К этому, вскоре добавилось еще и нефтяное эмбарго, введенное Европейским Союзом, запрещавшее покупку иранских углеводородов странами ЕС. После этого ситуация для

Ирана стала просто критической. Тегеран был вынужден значительно сократить добычу нефти, приблизительно на 17% по сравнению с 2011 г., до 2,8-3,0 млн. баррелей в сутки (б/с) при этом экспорт сырой нефти также снизился и достиг отметки в 1,1-1,3 млн. б/с. (в 2011 г. - 2,2 млн. б/с). Данное обстоятельство привело к стремительному сокращению нефтяных доходов Ирана практически в 2 раза - с 78 млрд. долларов по итогам 2011 года до 43 млрд. долл. США в 2012 году, что, крайне негативно отразилось на финансовом состоянии государства. Для того, чтобы убедиться в неэффективности выбранного после революции 1979 г. пути развития национальной экономики, достаточно сравнить экономические показатели Ирана с другими азиатскими государствами, которые в свое время находились на примерно одном с ним уровне. В 1970 г., например, иранский ВВП (10 млрд. долл.) был выше и чем ВВП Индонезии (9.8 млрд. долл.) и ВВП Южной Кореи (9.2 млрд. долл.). В 2013 г. ВВП Индонезии составил 868,3 млрд. долл., Южной Кореи 1304,6 млрд. долл., а Ирана всего 492.8 млрд. долл., и по этому показателю страна занимала 27 место в мире и располагалась примерно на таком же уровне, как например Нигерия, чей ВВП составлял 515 млрд. долл. И это при том, что в Южной Корее в отличие от Ирана нефти вообще нет, а в Индонезии ее запасы, несравнимо меньше, чем иранские. Такова была цена революции, отдельного независимого плавания и противостояния всему западному миру.

В ситуации углубляющегося кризиса, когда уровень жизни в стране довольно заметно упал, к власти на новых выборах, состоявшихся в 2013 г., пришел умеренный реформатор Хасан Роухани. Он представлял полную противоположность Махмуду Ахмадинежаду и, скорее был продолжателем традиций президента Хатами. Новый иранский президент первым делом попытался изменить негативный облик страны, созданный усилиями предыдущего главы государства. Это во многом ему удалось, особенно после того как Иран возобновил переговоры по ядерной программе и пошел на значительные уступки своим контрагентам - шестерке стран (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай и Германия), представлявших интересы мирового сообщества. В результате в июле 2015 г. было подписано историческое соглашение, в соответствии с которым Тегеран обязался ограничить свою ядерную программу, поставить ее под полный контроль международных организаций и придерживаться достаточно строгого контрольного режима в течение многих лет. Он даже согласился перестроить ядерный реактор в Араке так, чтобы он не смог вырабатывать оружейный плутоний.

В обмен на эти уступки, практически все санкции в отношении Ирана были сняты, как по линии ООН, так и со стороны США и стран Запада. Тегеран вновь получил возможность вести полноценную финансовую деятельность, свободно сотрудничать с другими странами в торгово --экономической и в военно-технических сферах. Для иранских властей достигнутые соглашения носили в полном смысле прорывной характер. После десятилетий развития в изоляции и под санкциями ООН, США и государств Запада страна получила возможность свободного выхода на глобальные рынки сырья и капитала, появилась возможность резко нарастить производство и экспорт нефти, и тем самым, создать условия для преодоления экономического кризиса и стагнации экономики.

Следует учитывать, что Иран возвращается в «глобальную игру» как сильный и независимый участник. При достижении соглашений с «шестеркой», Иран пошел на компромисс только в ядерной сфере, не изменил ни механизма организации власти, где последнее слово за аятоллами, ни экономической системы с государственным присутствием и контролем, ни аппарата подавления оппозиции и инакомыслия. Он остался, как и раньше, все так же далек от идеалов западной модели демократии и глобализации.

По всей видимости именно отсутствие прогресса во внешней и внутренней политике Ирана его сохранявшаяся враждебность в отношении Израиля и стремление сформировать так называемый «шиитский пояс» с выходом к Средиземному морю, поддержка йеменских повстанцев и желание доминировать в регионе, подтолкнули администрацию президента Д. Трампа к выходу из так долго готовившейся, но просуществовавшей так мало ядерной сделки. Еще в ходе своей предвыборной кампании Д. Трамп неоднократно обвинял Тегеран в спонсорстве терроризма и резко критиковал заключенную с Ираном ядерную сделку.

После избрания его президентом американцы начали практические действия по новой изоляции Ирана. В апреле 2017 г. за нарушение прав человека они включили в санкционный список Тегеранскую организацию тюрем, а в мае и июле расширили санкции против ряда юридических и физических лиц, "поддерживающих баллистическую ракетную программу Ирана, иранские военные закупки или Корпус стражей исламской революции". 2 августа 2017 г. Д. Трамп подписал закон "О противодействии противникам Америки посредством санкций", предусматривавший введение ограничений в отношении лиц, имеющих отношение к иранской программе по разработке баллистических ракет. Чуть позже в октябре 2017 г. Трамп заявил, что США намерены противостоять "дестабилизирующему влиянию" Ирана. В тот же день министерство финансов США ввело санкции против трех

иранских организаций, а также внесло КСИР в список организаций, "поддерживающих терроризм". В ноябре 2017 г. американский президент продлил эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов из Ирана.

Всех этих действий американскому лидеру показалось мало и 8 мая 2018 г. он объявил о выходе Вашингтона из соглашения по иранской ядерной программе, что означало постепенное восстановление действия ранее замороженных ограничительных мер в отношении Тегерана, а также третьих стран, торгующих с ним. Протесты других участников соглашения и в первую очередь европейских стран и России, да и самого Ирана во внимание не принимались и в начале августа 2018 г. были восстановлены ограничения на продажу Ирану американской валюты, покупку у Тегерана золота и других ценных металлов, приобретение иранских бондов и облигаций, работу с иранским автомобилестроением. Также под ударом оказались компании, специализирующиеся на алюминии, графите, угле, стали и выпускающие компьютерные программы для промышленных предприятий.

На этих мерах Д. Трамп, однако, не остановился и продолжал сжимать кольцо вокруг иранской экономики. В ноябре 2018 г. он объявил о восстановлении ограничений, связанных с экспортом нефти и энергетическим сектором, судоходством и судостроением, деятельностью финансовых институтов, осуществляющих операции с Центробанком Ирана. Таким образом, Трамп вернул все американские санкции, отмененные в январе 2016 года, после подписания соглашения по ядерной программе Ирана.

В ответ на действия США Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи заявил, что «вводя санкции, США хотели парализовать и остановить рост национальной экономики, однако на деле все закончилось движением в сторону самодостаточности Ирана. Иранская нация в течение многих лет импортировала все, а теперь выработала привычку все производить". Это заявление верховного лидера Ирана выдавало скорее желаемое за

действительное. На самом деле введение санкций крайне негативно повлияло на иранскую экономику и в 2019 году экономическое положение страны стало значительно хуже чем в предыдущие годы. Дело в том, что бюджет Ирана лишился десятков миллиардов долларов в результате, по сути, американской нефтяной блокады ИРИ. Так, в апреле 2018 г. Иран экспортировал около 2,5 млн. баррелей в сутки, в конце 2019 г. (по разным данным) - от 100 до 350 тыс. баррелей в сутки.

Поскольку иранская экономика чрезвычайно зависима от нефтяных доходов, то, естественно, нефтяная блокада усугубила и без того сложное экономическое положение страны. За 2018 – 2019 года национальная валюта, риал, потеряла 70 процентов своей стоимости по сравнению с долларом. В результате инфляция за год составила от 30 до 50%. Потребительские цены возросли от 60 до 100 % на различные виды товаров. Только жесткий контроль над жизнью иранцев и ставшая уже привычной для них ситуации многочисленных ограничений позволила правящему режиму, несмотря на отдельные протестные выступления устоять.

3. Некоторые общие замечания относительно «иранского пути»

Оценивая сегодняшнее положение Ирана, можно сказать, что эта страна, несмотря на выход из режима санкций, а потом обратный в него вход, и почти полной международной изоляции, продолжает свой в полном смысле слова уникальный путь развития. Особенность этого пути заключается в том, что традиционалистские и консервативные силы оказались существенно сильнее в исторической ретроспективе, чем силы модернизации и прозападной либерализации. Ни в одной из рассмотренных нами стран Востока такого не встречалось, везде, так или иначе, но сторонники модернизации и заимствования западных моделей и институтов, оказывались, в конце концов, сильнее. В Иране же религиозные деятели и

консерваторы сумели в значительной степени свести на нет все попытки либерального реформирования и раз за разом от реформ Реза-хана и до Мохаммеда Реза Пехлеви брать верх над своими политическими противниками.

Обычная для модернизовавшихся стран Востока парадигма - борьба либералов и коммунистов за власть и выбор модели модернизации здесь так и не состоялась. Здесь столкнулись светские и религиозные политические круги, в результате чего на свет появилось теократическое государство. Причины этого видятся не только в ошибочных действиях Реза-хана или Мохаммеда Реза Пехлеви, или в особой религиозности иранцев, но и в гибкости и способности к эволюции шиитского духовенства, которое на всех этапах новейшей иранской истории, выдвигало из своих рядов ярких и авторитетных личностей, способных повести за собой миллионы людей. Духовенство вместе с народом страдало от беззакония шаха и его окружения, оно никак не ассоциировалось с властью, выполняя социальную функцию, консолидировало людей на борьбу с несправедливостью. Больше того, аятоллы смогли интеллектуально переиграть светскую власть - сформулировать собственное видение государства, которое находилось бы под жестким контролем духовенства. В результате революции 1979 г. они пришли к власти и реализовали эту программу - выбрали путь особого теократического режима и сохранения религиозных традиций в быту и культуре населения.

Следует отметить, что выбранная Ираном экономическая модель, особенно с учетом нового ввода американских санкций, хоть и не вполне устойчива, и управляема, но позволяет удерживать ситуацию в стране под контролем. До последнего времени то же самое можно было сказать и о модели власти и политического устройства. Однако сегодня ситуация несколько изменилась и в антиправительственных выступлениях последнего времени стала проявляться новая черта - люди

нападают и поджигают офисы пятничных имамов. В 2019 г. такое произошло в 12 крупных городах страны. А это значит, что население начинает все более воспринимать религиозных деятелей как представителей власти, а религию не как откровение, а как государственную идеологию.

В случае более широкого распространения таких взглядов возникнет реальная угроза всему механизму иранской власти и современному теократическому режиму. Он будет вынужден либо еще более ужесточить свою внутреннюю политику, либо, что менее вероятно, пойти на то, чтобы отделить религию и власть, ограничить роль религиозных деятелей в сфере политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Современное состояние глобализации на Востоке и ее перспективы

Подводя некоторый итог грандиозной эпохи перемен в истории стран Востока, можно сделать вывод о том, что, благодаря модернизации и глобализации эти страны изменились самым существенным образом. Они превратились в ключевые государства современного мира, положение которых на международной арене не может и близко быть сравнимо с ситуацией начала их модернизации в XIX веке.

В то же время говорить сегодня о том, что эти страны обрели подлинную свободу и независимость, в том смысле, как мечтали инициаторы перемен, применительно к современному глубоко взаимозависимому миру было бы большим преувеличением. Действительно в настоящее время государства Востока активно формулируют свою собственную повестку дня, выстраивают такую модель жизнеустройства, которая отвечала бы их национальным интересам. Одновременно с этим, участвуя в той или иной мере в формировании глобального мира, они, так или иначе, оказывались в зависимости от США, которые до прихода к власти в Америке президента Дональда Трампа, выступали как главный центр, инициатор и контролер процесса глобального развития.

Нет сомнений, что существовавшая в мире вплоть до 2016 г. модель глобализации отражала господство интересов США и стран Запада, которые распространили

по всей планете стальные нити потоков финансового капитала, опутали его интересами разнообразных транснациональных корпораций (ТНК) и глобальных финансовых структур. Фактически таким путем США осуществляли, говоря словами нобелевского лауреата Дж. Стиглица глобальное управление без глобального правительства, причем само это глобальное управление находилось вне контроля со стороны стран Востока.

Дональд Джон Трамп — американский государственный деятель, политик, предприниматель, президент США с 20 января 2017 года.

Приход к власти в США администрации Д. Трампа и немедленный отказ нового президента от главных проектов американской модели мира эпохи Барака Обамы – Транстихо-океанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического партнерства с Европой, серьезные изменения в экономической политике от открытости к защите американского рынка, ограничение миграции и многие другие меры, направленные

на возвращение ключевых производств и капиталов назад в Америку, стали сильнее ударом по процессам глобализации. Они были не просто заморожены, но были решительно отставлены, несмотря на высокую степень готовности соглашений и их подписание всеми сторонами как например это было для ТТП. Причина всех этих решительных мер заключалась в том, что к этому времени стало ясно, что США не хватает ресурсов и они не способны дальше продолжать процесс, в ходе которого в страны Востока перетекает и американский капитал, и американская индустрия. В стране сохранялась высокая безработица, падал уровень жизни миллионов

американцев, а в американском ВВП сфера услуг вытеснила с первого места сферу производства. Все это по мнению Дональда Трампа вело в конечном итоге к ослаблению совокупной американской мощи.

Тупик глобализации[®], обозначившийся так рельефно при Трампе объективно показал границы американских возможностей, неспособность для Америки доминировать во всем мире, контролировать там происходящие события. «Глобальный полицейский» устал и признание этого факта, вызвало прилив антизападных тенденций в экономической и общественно-политической жизни, привело к подъему традиционализма, патриотизма и регионализма во многих странах Востока.

Такие государства как Китай, Индия или Турция стали все меньше оглядываться на западные рецепты национального строительства и международной политики и более или менее успешно формируют новую реальность исходя из своих традиций, интересов и принципов. Сегодня, после победы президента от Демократической партии Джозефа Байдена и возможной реинкарнации глобализации, они, если и войдут снова в этот процесс, то только на основе учета собственных национальных интересов и повышения собственной роли в определении путей дальнейшего развития глобальной интеграции.

Этот прогноз вытекает из того факта, что процесс глобализации, как показывает проведенное исследование, практически нигде на Востоке не обеспечил реального перехода к модели либеральной демократии- наиболее восприимчивой к влиянию Запада. Сложившаяся к настоящему времени действительность идет вразрез с мнением подавляющего числа западных аналитиков, которые не раз утверждали, что в рамках глобального проекта либеральному политическому режиму на Востоке

нет альтернативы. Они указывали, что в глобальном сотрудничестве могут участвовать только демократические по своему устройству государства. Раймон Арон вообще утверждал, что глобализация – это триумфальное шествие универсального либерального сознания, которое опирается на новейшие средства информатизации. На самом деле, это оказалось не так и, пожалуй, только Япония и с большими оговорками Южная Корея могут быть примером относительно успешного демократического транзита.

Реальность глобального проекта оказалась совершенно иной и не либеральные, а скорее авторитарные по своему устройству режимы, с коммунистическими партиями во главе как, например, в Китае или во Вьетнаме, показывают сегодня наибольшие темпы экономического роста. Их влияние в мире, особенно это касается КНР, растет настолько, что они превращаются в лидеров современного глобализационного процесса. Свидетельством этого может служить то, что после многолетних дискуссий и в отсутствие альтернативы в виде ТТП, большинство стран АТР присоединились 15 ноября 2020 г. на он-лайн саммите АСЕАН в Ханое к интеграционному проекту Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), предложенному именно КНР. Тем самым они подтвердили свое желание продолжать двигаться без США и вместе с Китаем в направлении открытых границ, рынков и свободного движения капиталов.

2. Была ли возможна социалистическая глобализация

Рассматривая современный процесс глобализации, не может не возникнуть вопрос о том, почему этот проект сложился только в рамках либеральной модели

модернизации и мог ли он состояться в рамках модели социалистической. Ведь как мы не раз отмечали после Второй мировой войны мир, да и страны Востока разделились на два конкурирующих лагеря, вступивших в борьбу за глобальный выбор дальнейшего пути развития либо в рамках социалистической, либо либеральной модели.

По границам этого выбора и пролегли основные линии «холодной войны». Они пересекли как Восточную Европу, так и страны Востока, где после победы коммунистов в Китае, в Корее, а позже и в Северном Вьетнаме стал формироваться восточный вектор социалистической модернизации. Но этот вектор, как можно судить на данный момент, как самостоятельный путь глобального развития оказался тупиковым. Модель социалистической модернизации, так и не переросла в процесс социалистической глобализации.

Думается, что главная причина этого лежала видимо в экономической плоскости, в том, что фокусом развития социалистической модернизации всегда являлась импортозамещающая модель, которая рассматривалась как идеал национальной свободы и независимости. Строительство социализма подразумевало, чтобы госсектор господствовал в экономике, чтобы частный бизнес занимал подчиненное положение и контролировался государством, отдельная страна стремилась производить все товары сама, сокращая импорт, а значит и зависимость от других. В такой модели внешние инвестиции и переход собственности в иностранные руки рассматривались чуть ли не как покушение на подлинную независимость и суверенитет.

До определенного времени такая модель «опоры на собственные силы» показывала неплохие результаты, но

уже на рубеже 50-60-х годов выяснились ее серьезные изъяны, связанные с ограниченными размерами внутреннего рынка и инвестиций, что обусловило снижение темпов экономического роста, выявило определенный тупик в развитии.

В этот момент внутреннюю замкнутость социалистической модели можно было бы обойти путем формирования глобальной социалистической экономики. Но для этого требовался политический консенсус коммунистов разных стран, объединенных общими целями и принципами. Должен был начаться проект создания глобального социалистического мира с огромным рынком потребления, с центром планирования и руководства с переходом к интернационализму как форме организации социалистического пространства. Понятно, что в тех реалиях, которые сложились тогда между социалистическими странами, все это были полуфантастические утопии.

Переломным моментом для перспектив социалистической глобализации стал, как мне представляется, отказ советского лидера Н.С. Хрущева от ключевого положения марксизма о том, что социализм в мире может победить только после уничтожения системы капитализма. Его заявления о мирном сосуществовании, о том, что коммунисты могут прийти к власти не в результате революций, как считали классики марксизма, а путем участия в выборах, по сути, выбивали мобилизационное ядро, объединявшее мировой коммунизм, приводили к расколу и к углублению споров и противоречий внутри движения. Взаимное недоверие, отсутствие общей цели, ожесточенное противостояние двух крупнейших Компартий – советской и китайской обусловили глубокий кризис и, в конечном счете, отказ от

социалистической глобализации. Да и в политической сфере стран социализма вместо движения к ослаблению государства, развитию общественных и общинных форм власти укрепились авторитарные и тоталитарные режимы, которые подмяв общество под свои корыстные интересы, поставили окончательный крест на возможности перехода к социалистической глобализации.

Ожесточенное противостояние и враждебность советских и китайских коммунистов, и связанная с этим внутренняя борьба и расколы в большинстве Компартий Востока на просоветскую и прокитайскую фракции, очевидное разочарование в эффективности советской модели так называемого реального социализма, также предопределили неудачу глобального социалистического проекта. То, что в одиночку пытался выстроить СССР в виде Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), так и не вышло за рамки ограниченного экономического сотрудничества и, скорее копировало двусторонние связи, чем напоминало глобальную социалистическую мировую систему.

На фоне тупика в развитии социалистической модели, Китай, Вьетнам, в определенном смысле Камбоджа и Лаос, а также Бирма долгое время экспериментировавшая с социализмом, вернулись к идее рыночных реформ и сумели создать вариант смешанной модели государственного устройства с сохранением власти коммунистической партии в политике и свободно-рыночной интегрированный в глобализационный проект экономики. Северная Корея же так и осталась одна в тенетах ортодоксального социализма, отягощенного к тому же принципами «чучхэ», закреплявшими абсолютную самодостаточность и отдельность от остального мира этого государства.

Альтернативой глобальному социализму стала модель экономики, в которой иностранные инвестиции рассматривались как благо, внутренний рынок открывался для иностранной конкуренции, создавались условия для свободного движения капитала, товаров и рабочей силы. В этой модели вопросы национальной независимости, социального равенства и справедливости отошли на второй план, а на первый вышли задачи экономического роста и организации либеральных реформ в политике, в экономике, а также социо-культурной интеграции восточных обществ в западный мир.

Собственно распространение именно такой модели, в которую сначала интегрировалась Япония, потом так называемые азиатские тигры (Сингапур, Гонконг, Южная Корея и Тайвань), потом страны ЮВА и стало основой для начала глобализационного проекта. Инициатором его, как мы уже отмечали, являлись США, которые стремились таким путем реконструировать постсоветский мир, завязать его на себя, заставить следовать в русле американских интересов.

Кризис этой модели сегодня очевиден и не исключено, что идеи социализма - справедливости, коллективизма, равенства вновь выйдут на авансцену мировой политики, вновь станут альтернативой эффективному, но неустойчивому и конфликтному миру конкуренции, неравенства и социального господства. По крайней мере, такой выдающийся современный мыслитель как Эммануил Валлерстайн полагает, что в современную эпоху Америка теряет статус абсолютного лидера: «США пока сильнейшая держава в мире, – пишет он – но это увядающая держава. Вместе с Америкой увядает и мир-экономика, то есть современная глобальная система, после

которой по его мысли должна придти другая глобальная система, которую он называет - мир-социализм.

Но для того, чтобы эта модель мир-социализма победила требуется серьезнейшие перемены в ключевых общественных ориентирах.

Сегодня как никогда раньше открывается глубокий смысл марксистской аксиомы о том, что социализм победить сможет только тогда, когда капитализм будет окончательно уничтожен. Признаюсь, я долгое время не вполне понимал и был не согласен с этим утверждением. Но сегодня после распада СССР и «цветных революций» как почти безотказных механизмов смены власти, становится очевидным, что классики коммунизма имели в виду. Они совершенно справедливо предвидели, что система, основанная на таких понятиях как индивидуализм и конкуренция, по определению будет неизмеримо более эффективной экономически чем система основанная на принципах справедливости и равенства. Соревнование двух систем в ситуации когда экономические императивы доминируют над императивами равенства и справедливости в сознании социума, бессмысленно и фатально для социализма как системы. Его победа возможна только тогда, когда именно справедливость и равенство будут стоять во главе угла приоритетов национальных сообществ. В нашей жизни, где правят бал индивидуализм, жесткая конкуренция, где велики социальные диспропорции – это маловероятно. Трудно сказать в какой момент эти дефиниции подменили приоритет справедливости и равенства, но то, что их победа в умах людей предопределила крах экономической модели социализма не требует особых доказательств.

В то же время несмотря на распад и катастрофу с СССР система индивидуализма и конкуренции имеет и

свои серьезные изъяны - порождает зависть и конфликты ей соответствует не стабильный, а хрупкий мир, с постоянной борьбой и угрозой глобального конфликта. Не исключено, что при определенных обстоятельствах приоритеты в сознании людей могут и измениться, так как система справедливости и равенства намного более эффективна с точки зрения поддержания политической стабильности, предсказуемости и безопасности для большинства людей.

3. Модернизация - глобализация некоторые сравнения

Проводя анализ модернизации восточных социумов и их участия в глобальном экономико-политическом обмене, становится очевидным, что глобализация так и не стала таким всеохватывающим и сложным процессом, каким была в свое время модернизация. В ее рамках происходили глубокие перемены во всех сферах общественного бытия - в способе мышления, образовании, стандартах жизни, политических и культурных идеях, в системе политической и экономической власти. Причем процесс перемен затрагивал и широкие слои населения, и правящие, и интеллектуальные, и бизнес элиты. Более того в рамках социалистической модели утверждались идеи интернационализма и глобальной справедливости, которые понимались и как признание культурного многообразия участников социалистической модернизации и как необходимость оказания им безвозмездной помощи в ускорении национального развития и выравнивания уровней жизни. Справедливость, которая внутри этих стран понималась не просто как уравнительность в распределении, но как общее благо, на международном уровне выступала, как равное право всех субъектов

исторического процесса определять совместными усилиями будущее развитие и мирового социализма и, в конечном счете, всей нашей цивилизации!

В глобализации ни конкуренции различных моделей, ни такого размаха перемен и близко не было. Изменения в странах Востока носили социально узкий и можно сказать прикладной характер. Во многих из них сегодня можно видеть такую картину: с одной стороны, стоят суперсовременные предприятия, связанные с глобальным рынком, а рядом крестьянин мотыгой обрабатывает веками принадлежавший ему земельный участок. Подобная ситуация ведет к несбалансированности национального развития, раскалывает и формирует внутреннюю нестабильность в странах шедших по пути глобализации.

Огромные территории в Китае, в Индии, в Турции или Индонезии просто не замечали глобализации, они находились на далекой периферии этого процесса. Жизнь большинства людей в этих регионах почти не менялась за исключением тех, кто уходил на заработки в районы интенсивного развития. Более того по мере концентрации производства, возникали все более серьезные противоречия как внутри стран участвовавших в глобализации, где появляются как очень богатые, так и очень бедные районы, так и между самими странами, которые в условиях глобальной конкуренции начинают жить по ее законам, в возрастающей зависимости от центров политической и экономической власти им не подконтрольным.

В таких обстоятельствах идея справедливости, всегда игравшая важную роль в социальной психологии на Востоке, оказывается на периферии принятой модели развития, и не получает ни адекватного разрешения внутри

восточных государств, ни на международной арене. Такая ситуация не только становится питательной средой и для протестных движений, и для террористических организаций, но и работает против самой глобализации, так как без поддержания социального равенства, без идеи общего блага, как социальной доминанты, существующая модель глобализации оказывается очень уязвимой. Она превращается в объект серьезнейшего вызова и протеста особенно на арабском Востоке, в Передней и Южной Азии, где борьба с глобализацией и за справедливость начинает принимать характер религиозной войны, из-за того, что после распада модели социалистической модернизации возможность построения справедливого общества из сферы светской перешла в сферу духовную, особенно в мусульманском мире.

Существует несколько точек зрения на то, почему глобализация уступает модернизации в масштабах своего влияния. Сторонники одной считают, что это результат применения современных технологий, не требующих новой многочисленной рабочей силы. Они указывают, что большая часть продукции современных производств так или иначе контролируется ТНК и по большей части уходит на экспорт, вывозится из страны. Вполне достаточно, сравнительно небольшой по численности группы квалифицированных и высокооплачиваемых рабочих, а также технологий, чтобы участвовать в глобальной цепи ТНК и нет никакой нужды как при модернизации разворачивать индустриализацию и массовое производство, втягивая в это десятки тысяч и миллионы людей.

Другая точка зрения указывала на то, что глобализация находилась как-бы в начале своего пути, она еще не раскрыла полностью свои возможности по тотальному

изменению и образа жизни и характера отношений и метода производства в современном мире. Сторонники этой точки зрения говорят о дискретности глобального процесса, о приливах и отливах глобализации и полагают, что после очевидного кризиса, который она переживает сегодня, наступит новый и достаточно радикальный вариант формирования новой геополитической и геоэкономической реальности.

Наиболее популярна сегодня еще одна точка зрения, сторонники которой указывают на недостаток силовой составляющей в глобализационном проекте как причине всех бед. Дело в том, что в условиях модернизации со стороны стран Запада одновременно действовали и *hard power* (жесткая сила) и *soft power* (мягкая сила), а в условиях глобализации действовала в основном только мягкая сила. Этот способ влияния и контроля, который хотя и предполагает разного рода «демократические» и «гуманитарные» интервенции против несогласных, не может сравниться по жесткости с властью, европейских колонизаторов XIX века, построенной на открытом насилии и жестком принуждении. Глобального управления и глобального правительства, как бы не утверждали сторонники разного рода конспирологических теорий, и не желали некоторые экономисты и политики, как не было, так и нет, и все свидетельствует о том, что и в ближайшее время их появления не предвидится.

Нельзя не отметить в этой связи и мнение И. Валлерстайна, указывающего на "отсутствие перспектив современного капитализма" и предсказывающего приход "глобальной анархии", темный период борьбы между основными участниками мировой системы, исход которой неизвестен и не определен. О тупике глобализации говорит и Ш. Эйзенштадт, который рисует картину

"множественной модерности", не имеющей видимой тенденции к конвергенции. Его воззрения созвучны известной концепции "конфликта цивилизаций", но вывод Эйзенштадта более масштабен. Он предвидит несколько "современных цивилизаций", базирующихся не на либеральных ценностях и Вашингтонском консенсусе, а на идеях фундаментализма и движениях национал-коммунизма.

В определенном смысле эти алармистские взгляды вполне соответствуют складывающейся на наших глазах действительности, в которой правящие элиты большинства стран Востока почувствовали вкус свободы и уже не скрывают что готовы участвовать в новой глобализации если она появится только до тех пор, пока это будет выгодно их стране. Любой кризис или снижение позитива от глобальной взаимозависимости разрушает, ориентированный на интересы США экономический механизм, тем более, что и в Юго-Восточной Азии, и на Ближнем и Среднем Востоке, да и в Восточной Азии постепенно набирают силу модели регионального развития.

4. Регионализм и его перспективы

Еще некоторое время назад регионализм рассматривался западными авторами как позитивная тенденция, которая в определенном смысле готовит страны того или иного региона к более широкой интеграции в рамках глобализации. Теперь, отношение к этому явлению несколько изменилось, так как выяснилось, что региональное сотрудничество, особенно оформленное в рамках определенных организационных структур вроде АСЕАН, не столько помогает глобализации, как создает в

том или ином регионе вполне жизнеспособные замкнутые на себя экономические системы. Эти системы, в зависимости от складывающихся условий, могут ускорять глобальную интеграцию, но и могут ее тормозить, усиливая аспект регионального сотрудничества.

Сегодня в Восточной, Юго-Восточной Азии и в целом в АТР сформировано большое число зон свободной торговли, региональных союзов и ассоциаций, которые ориентированы в первую очередь на развитие экономического сотрудничества с соседями. В Восточной и Юго-Восточной Азии медленно, но верно выстраивается зона свободной торговли АСЕАН (Asia Free trade area - АФТА), между странами АСЕАН и Китаем действует наиболее успешная из существующих зон свободной торговли в Азии так называемая (China- ASEAN free trade area – КАФТА), уже созданы зоны свободной торговли АСЕАН с Японией и Южной Кореей, идут переговоры о создании других зон свободной торговли между странами региона. Однако выхода за пределы Большой Восточной Азии, какого-либо включения в глобальное геополитическое пространство эти инициативы развития не получили. Про Транстихоокеанское партнерство, от которого американцы отказались в 2017 г. мы уже упоминали, но до последнего времени буксовал также и китайский вариант глобальной зоны свободной торговли, которая должна была простирается от Японии и до Индии. Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) должно было уже давно активно действовать, но соглашение о нем было подписано только в ноябре 2020 г. и то в усеченном варианте стран-участников, когда Индия после долгих колебаний так и не присоединилась к нему. Без Индии этот вариант ЗСТ во многом потерял глобальный характер, так и оставшись еще одним

объединительным экономическим проектом стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Только присутствие Австралии и Новой Зеландии несколько расширяют масштабы этой новой ЗСТ.

В любом случае окончание переговорного этапа ВРЭП несомненный успех, особенно если учитывать, что подготовка этого проекта по инициативе Китая началось еще в 2012 г. Восьмилетняя длительность согласований связана с нежеланием США, чтобы он был вообще реализован, когда на каждом раунде переговоров какая-то страна с ними связанная выдвигала свои новые условия и согласование позиций начиналось как бы заново. Американцы рассматривали ВРЭП как соперника для ТТП и всячески осуждали этот проект, якобы направленный на закрепление китайского доминирования в глобальном контексте. Под влиянием американских обвинений многие азиатские участники также не спешили присоединиться к этой ЗСТ из-за опасений диктата с китайской стороны. В силу разных причин, оба варианта перевода регионального сотрудничества на уровень глобального не осуществились, несмотря на то, что соглашение относительно ВРЭП и было подписано. Как я уже отмечал без участия Индии новая ЗСТ потеряла свой глобальный характер- только Австралия и Новая Зеландия представляют мир вне Большой Восточной Азии.

Нет сомнений, что подписание соглашения о ВРЭП свидетельство того, что Китай занимает сегодня центральную позицию в восточно-азиатской интеграции и теперь не очень ясно, что американцы смогут ему противопоставить и какое место они будут занимать в регионе. Для их лидерства особых предпосылок не просматривается. У них нет ни экономических, ни политических структур, которые находились бы под их

руководством и куда бы входили страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Трудности с продвижением глобальных ЗСТ из Азии в мир в первую очередь вызваны тем, что импульс к глобализации и политический и экономический оказался во многом потерян, причем главным образом из-за обострившихся американо-китайских противоречий, торговых войн и геополитических конфликтов между двумя современными сверхдержавами. Ведь и в ТТП и в ВРЭП собирались участвовать примерно одни и те же страны, причем в одном случае, например в ТТП они ориентировались бы на США, а в другом - (ВРЭП) на КНР. Однако конфликт сверхдержав и связанный с ним раскол геополитического пространства во многом воспрепятствовали этой перспективе. Но даже если представить себе сегодня, что после победы Джо Байдена и связанных с ним глобалистов из Демократической партии ТТП вновь, как птица «Феникс» сможет появиться на международной сцене, то совсем неочевидно, что в складывающемся сегодня мире она станет фактором расширения глобализации, как это было задумано. Для нового рывка в глобализации требуются ресурсы и общее согласие, которого в Америке и близко нет. Скорее всего возникнув, ТТП вступит в конкуренцию с ВРЭП а главное она не будет носить глобального экономического характера, а будет скорее всего политическим объединением восточноазиатских стран вокруг США и на американских условиях.

Проблема в случае возобновления ТТП будет еще и в том, что что большинство западных ТНК доминируют в международном пространстве, а на региональном и тем более национальном уровне их интересы отнюдь не решающие - в наиболее успешных странах Востока

преобладает экономика национальная, причем чаще всего основанная не на господстве частных акционерных обществ, а на смешанном государственно-частном партнерстве. В Сингапуре, Турции, Южной Корее, Китае и Вьетнаме, да и в Японии роль государства в экономике несравнимо более значима, чем в США. В этой связи можно утверждать, что на Востоке до сих пор существует интересный феномен, когда отдельные элементы, а именно ведущая роль государства в экономике из давно канувшей в прошлое классической социалистической модели, остаются актуальными и поныне.

И это противоречие транснационального и национально-государственного подхода к развитию экономики еще один тормоз дальнейшей глобализации на Востоке, так как сопряжение ТНК и госсектора никогда гладким не бывает. А в Большой Восточной Азии вообще тон задают Китай и Вьетнам – страны где государство жестко контролирует экономику, планирует ее развитие, владеет значительной частью производственных мощностей и финансовых ресурсов. Руководство этих государств вряд ли допустит переход даже части ключевых секторов своей экономики под контроль ТНК. Примерно также обстоят дела даже в либерально-капиталистических Сингапуре и Южной Корее, так как там контроль и преобладающее влияние государства в экономике проявляются вполне явно.

Ведь и Ли Куан Ю, создавший современный Сингапур, начинал свою карьеру как левый политик, как адвокат рабочих профсоюзов и был долгое время очень близок с коммунистами и социалистами, а Пак Чжон Хи – «отец корейского экономического чуда» в молодости вообще являлся членом Компартии Кореи. Их знакомство с социализмом позволило им нащупать наиболее успешную

модель развития, когда национальная экономика развивается не столько как частная, сколько как смешанная, с огромной долей государственно-частного партнерства, где решающее слово всегда за государством.

Именно такая экономика и в Китае, и в Южной Корее, и в Индии, и в Турции, и в Сингапуре - это основа формирования национального ВВП и главный источник национального экспорта. Несмотря на регулярно повторяющиеся попытки отдельных прозападных либеральных политиков под предлогом неэффективности разрушить национальный госсектор или сделать его незначительным, его предприятия продолжают и сегодня выступать в качестве ядра национального развития. Для правящих элит во многих странах Востока представление о сильном государстве стойко связано с сильным госсектором, который создает ощущение их потенциальной независимости.

Следует сказать, что особняком среди наиболее развитых и влиятельных стран Востока стоит Иран. Эта страна не только не интегрировалась в глобальные рынки, но даже целый набор наложенных на нее западных санкций и ограничений не помешал ей превратиться в одного из политических гегемонов Ближнего и Среднего Востока. Опыт Ирана свидетельствует, о том, что в современном мире, чтобы быть сильным необязательно участвовать в глобализационном проекте, что глобализация и национальная мощь суть разные понятия, это, кстати, видно также и на примере Северной и Южной Кореи.

В связи со всем вышесказанным можно отметить, что перспективы возобновления процесса глобализации на американских условиях сегодня уже не представляются настолько бесспорными как раньше. По крайней мере на

Востоке правящие элиты во многих странах все чаще задают вопрос о том, где начинается национальный суверенитет и где находятся главные центры существующей политико-экономической системы, впрочем, как и штаб-квартиры ТНК, и насколько их интересы совпадают с интересами национальных государств. Такую тенденцию отметил Самюэль Хантингтон, указавший в своем исследовании, что «живущим за пределами Запада очевиден... тот разрыв, который существует между провозглашаемыми принципами Запада и его действиями. Лицемерие, двойная мораль, игра в “да” и “нет” – вот цена его претензий на универсализм».

Анализируя политику правящих элит в странах Востока, складывается впечатление, что они уже сейчас реально ищут альтернативу глобализации, особенно в той ее части, которая несет маловыразительные и хаотичные элементы так популярного на Западе постмодерна. Восточные элиты мало волнует отсутствие властных универсалий, они против господства информационных систем им не подходит и общая невнятность, отсутствие энергии искусственно сконструированного европейцами социума. Поэтому, если глобализация вновь и будет поставлена на повестку дня, то они собираются ограничить свое гипотетическое участие в ней чисто экономической выгодой. Все остальное, что связано с другими важными элементами этого процесса, особенно в плане адаптации у себя новых западных социо-культурных доминант, из работ Ж.Бодрийяра и З. Баумана, и других постмодернистов, все больше рассматривается как непосредственная угроза суверенитету и решительно отвергается. Такие настроения господствуют сегодня везде от Турции и до стран Юго-Восточной Азии.

Естественно, что эта «новая суверенизация», возникшая как ответ на отказ от глобализации в США также будет тормозить развитие глобализационного проекта если его все-таки попытаются возобновить. . Не менее существенно и то, что глобализация в том виде, как она реализовывалась ранее не способна не только охватить большую часть населения планеты, но и сформировать прочный, устроенный на международном праве мир.

Пауза глобализации, вызванная кардинальными переменами в политике США, немедленно привела к тому, что на Востоке стали формироваться новые центры силы, которые ныне ведут себя так как будто контроль со стороны США перестал быть ограничителем их действий. О подписании соглашения ВРЭП, против которого так боролись американцы, мы уже говорили. Но есть и более зримые свидетельства ослабления их глобального контроля. В качестве примера можно привести события октября 2020 г. на Южном Кавказе- когда министры иностранных дел Армении и Азербайджана подписали соглашение о перемирии в Вашингтоне в присутствии президента США, указавшего, что он добился восстановления мира в этом регионе. Казалось, что теперь, после прямого указания из Вашингтона, боевые действия действительно прекратятся. Но стоило азербайджанскому министру вернуться в Баку и обсудить этот вопрос с региональным лидером президентом Турции Эрдоганом, как по его «совету» война возобновилась. В такое игнорирование американской позиции еще 10-15 лет назад сложно было поверить.

Отказ от глобализации, или пауза, которую в отношении этого процесса взяли® американцы при президенте Трампе, мгновенно сказались на политике и положении стран Востока. В отсутствие позитивистских

идей и американского цивилизационного давления, начался процесс архаизации политического пространства, когда на Ближнем и Среднем Востоке возникли традиционные для еще Средних веков Иранский, Турецкий и Арабский центры силы, причем отношения между ними сразу же резко обострились. Дело в том, что каждый из этих политических регионов не скрывает стремление к расширению и экспансии, выставляет своим соседям полный список исторических обид и претензий, так как будто эпоха модернизации и глобализации прошли где-то мимо них. Как и в средние века Иран действует в Йемене, Турция возрождает неосманизм и пантюркизм, а арабский мир, его наиболее влиятельные силы пошли даже на то, чтобы признать факт существования Израиля и привлечь его для укрепления своих позиций.

Анализируя этот новый регионализм, мы видим насколько он далек от регионализма как предтечи глобализации. Этот регионализм, где национализм, этничность и религия, играют чуть ли не главную роль, направлен скорее в прошлое этого региона чем в будущее. Даже в такой стране как Турция, уверенно продвигавшейся еще недавно по пути модернизации и глобализации перемены в период правления президента Эрдогана стали настолько значимыми, что можно говорить о возвращении чуть ли не к до ататюрковским временам. Новый регионализм на Ближнем и Среднем Востоке носит какой угодно, но только не проглобалистский и позитивистский характер. Он все более напоминает регионализм традиционный, бывший реальностью в период до европейского доминирования.

В связи с этим возникает некий парадокс - получается, что без непрерывного военно-политического социально-экономического и культурного давления со стороны того,

что называют коллективный Запад инерция перемен на Востоке быстро иссякает и на первый план вновь выходят тени прошлого. Это особенно касается Среднего и Ближнего Востока. И хотя, существует точка зрения, что давление Запада и в том числе глобализация это не одномерный процесс, что, как мы уже отмечали, по времени она дискретна, и периоды ускорения глобальной интеграции перемежаются с периодами ее долгого застоя, факт остается фактом – сегодня реинкарнация глобализационного процесса остается под большим вопросом и налицо масса факторов, которые требуется преодолеть, чтобы вновь вернуться к продолжению не только глобальной интеграции, но даже социо-культурных заимствований.

5. Некоторые элементы новой американской стратегии

Американская глобальная стратегия на Востоке явно переживает не лучшие времена. С одной стороны, ощущается общее ослабление «западного ветра» - многообразного влияния коллективного Запада на коллективный Восток. Все больше свидетельств справедливости известного суждения Мао Цзэдуна о том, что ... «особенность нынешней обстановки: ветер с востока довлеет над ветром с запада». Но вполне вероятно ситуация, что «ветер с Запада» вновь усилится, так как несмотря на очевидное ослабление своей мощи цель американской стратегии - сохранение глобального доминирования в том числе и на Востоке остается неизменной. Вопрос только в том, как ее добиться, как сохранить в меняющемся мире инициативу и сферы влияния.

Анализ, проведенный в работе относительно стратегии США показывает, что сегодня во внешней стратегии Америки сталкиваются сразу три подхода – 1) господство через определение «правил игры» и контроля за ними -, как пример глобализация 90-х-2000-х годов. 2) господство в мире, в регионах и в отдельных странах посредством ведения так называемой «гибридной войны», формирования обстановки глобального хаоса, когда происходит обрушение ключевых структур внутри стран-региональных лидеров и вокруг них, когда все воюют со всеми и против всех. 3) господство путем выстраивания новой системы формализованных военных союзов, направленных против главных геополитических соперников. Здесь в качестве примера можно привести проект Индо - Тихоокеанского региона (ИТР) – военно - политического блока , объединяющего ключевых союзников США в Азии- Японию, Австралию и Индию и направленный против Китая.

Новая модель глобализации, если к ней все-таки когда-нибудь вернуться, будет по всей видимости во многом копировать отвергнутую Трампом ТТП. Причина этого в том, что ТТП являлась интеграционной структурой уже нового типа, где и правила интеграции, и контроль над ними были ужесточены самым радикальным образом. Ведь в ТТП, если бы она все-таки была осуществлена формировалась бы определенная институциональная однородность для экономик всех стран-участниц, так как предусматривалось регулирование по американским стандартам таких сфер деятельности, как инвестиции, конкурентная политика, государственные закупки, работа государственных корпораций и монополий, правила в области трудовых отношений и охраны окружающей среды. В ТТП страны- участники должны были стать

фактическим продолжением или приложением к американской экономике.

В соглашении о ТТП, подписанном осенью 2015 г., указывалось, что несправедливые преимущества предприятий госсектора подрывают открытую торговлю и инвестиции и выдвигалось[®] требование действовать решительно с тем, чтобы выровнять условия хозяйствования у них и у частного бизнеса. По условиям этого соглашения транснациональным корпорациям предоставлялась возможность подавать иски в международный суд на неправомерные с их точки зрения решения национальных правительств и парламентов, которые противоречат их интересам. Тем самым в новой модели глобализации, если она когда ни будь будет актуализирована, делается решающий шаг, чтобы фактически сравнивать по значимости интересы транснациональных корпораций и государственных органов власти отдельных стран-участников соглашения. Но все эти важные новации, которые в случае реализации явно продвигали бы страны Востока, вступившие в ТТП к эпохе постмодерна, пока что остаются в глубоком резерве.

Иная стратегия – стратегия управляемого хаоса, сегодня выступает как некое оружие возмездия особенно тем, кто противостоит американским интересам. Смысл ее в том, чтобы раскачать ситуацию в той или иной стране используя существующие в ней трудности и противоречия. Причем в одних странах это могут быть социальные движения, направленные на[®] смену, как правило коррумпированных режимов, в других это национальные движения одного этноса, который утверждает, что эксплуатируется другим, в третьем случае это могут быть религиозные противоречия, а в четвертом что-то иное. Смысл стратегии хаотизации в том, что существующий в

той или иной стране политический режим обрушивается под общественным давлением происходит либо его смена, либо возникают условия для гражданской войны.

В любом случае «цветная революция» выбивает объект американского интереса из равновесия и стабильности возникает как внутренняя там и внешняя турбулентность и в рождающемся хаосе вполне можно выстроить систему так, чтобы США могли бы управлять и добиваться своих целей.

Точку отсчета перехода американской политики к стратегии управляемого хаоса определить довольно сложно. Наиболее вероятно, что она стала реализовываться на рубеже 2005-2006 г., когда после вторжения США в Ирак и свержения Саддама Хусейна выяснилось, что в этой стране американцы вместо замирения стремятся спровоцировать разрушительные для единства Ирака и иракской государственности процессы. Ирак стал намеренно раскалываться на отдельные регионы, путем провоцирования столкновений суннитов и шиитов, курдов и суннитов, а главное - американская оккупационная власть не предпринимала эффективных мер, чтобы остановить рост экстремистских и террористических организаций.

Еще более полное выражение эта новая стратегия получила в 2011 г. с началом, так называемой арабской весны. Все тогда задавали вопрос, а зачем американцы стремятся ликвидировать относительно стабильные режимы в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии, зачем они открывают дорогу наиболее экстремистски настроенным силам, религиозным фанатикам и даже ненавистникам США. Появление и распространение на Ближнем Востоке так называемого исламского государства (ИГИЛ), поставившего в состояние неопределенности и хаоса весь

регион, стало естественным ответом на проведенную американцами дестабилизацию. Трудно сказать рассчитывали они на именно такой эффект или нет, но очевидно, что они потеряли контроль над событиями, которые из управляемого, превратились в неуправляемый хаос.

Тесно связана со стратегией управляемого хаоса и концепция так называемых «гибридных войн» - агрессивных действий, основанных на сочетании военных угроз, политического давления, информационного доминирования и эффективной «мягкой силы». Воздействие всех этих элементов совокупной мощи по своему влиянию сопоставимо сегодня с результатами военных действий и носит для проигравшей стороны не менее разрушительный и деморализующий характер, чем традиционная война в прошлом.

Однако ведущей стратегией с приходом к власти администрации Дональда Трампа, стали действия направленные на формирование военно-политического блока против главного глобального конкурента - Китая. Такой блок, по мысли американских политиков, должен был заменить ТТП как форму консолидации союзников США против Китая. В рамках этой стратегии сформировался план строительства союза стран Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как основного блока по сдерживанию Китая. Границы нового геополитического пространства были определены «от западных берегов Индии до западного побережья США», так, по крайней мере, указано в таком ключевом документе как Национальная стратегия безопасности США, которая была принята в декабре 2017 г. Таким образом, Индо-тихоокеанским регионом назвали пространство, которое полностью укладывалось в границы зон ответственности

Тихоокеанского командования США. Этот факт служит свидетельством того, что изначально, именно военные вопросы и вопросы безопасности были положены в основу нового проекта, который в своих границах повторял театр возможных военных операций американских вооруженных сил на Тихом и Индийском Океанах.

Таким путем привлекая на первом этапе Японию, Австралию и Индию на втором - страны АСЕАН, американцы собираются сформировать новую геополитическую конфигурацию, в которой расклад сил оказывается уже совершенно иным, чем в АТР. В новой геополитической картине Китай располагается на ее периферии, а США получают в союзники Индию, сравнимую с Китаем и по численности населения, и по темпам экономического роста. Тем самым, противостояние с Китаем в Азии переходит в совершенно иную фазу, в которой позиции США выглядят существенно более предпочтительно, чем в старой конфигурации в АТР, где они находились под постоянным давлением со стороны Китая.

б. Общий вывод на будущее - основы для оптимизма и пессимизма

Сегодня, будущее стран Востока выглядит неопределенным как никогда раньше. Продолжится ли процесс глобализации, или регионализм превратится в господствующую тенденцию на Востоке и, особенно, в Восточной и Юго-Восточной Азии или вообще всех накроет «управляемый хаос», сказать сложно.

Нет определенного ответа и на вопрос - сохранит ли власть на Востоке свой авторитарный характер, будет ли она и дальше строить свою политику так, чтобы избежать

чрезмерного социального неравенства, сохранить трудовую основу распределения национального дохода и ориентировать институты регулирования экономики на долгосрочные инвестиции в развитие производительных сил.

Страны Востока и мир в целом сегодня находятся на очевидном переломе исторической тенденции, когда общая конфликтность в мире нарастает, а США все сложнее диктовать свои правила в глобальных интеграционных процессах. В этой связи, можно согласиться с мнением современных постмодернистов, которые предлагают "деконструировать" как либеральные теории, так и концепции "зависимого развития" и "мирового порядка" или «управляемого хаоса». Опровергая эти теории, они указывают на случайность многих важных событий и тенденций, на несомненный релятивизм всего нашего бытия, на невозможность проектного представления о путях развития.

Постмодернистский подход оказался вполне справедливым и применительно к исторической эволюции рассмотренных в учебнике стран. Каждая из них развивалась своим отдельным путем, моментами, чем-то напоминая пути развития соседа, но по существу продвигалась по предназначенной только ей исторической дороге.

Изучение процессов модернизации на довольно значительном временном интервале не предоставило автору ни единого шанса выйти на какую-то обобщающую концепцию, при всем желании сделать это. Все аллюзии были либо банальны, либо схематичны, либо вообще и близко не описывали истинную картину событий. Кстати, из превеликого сонма теорий модернизации, да и глобализации также не удалось обнаружить ни одной

концепции, которая бы полностью описывала историческую реальность и уникальность в развитии каждой из стран Востока. Лишь глобальная концепция цивилизационного развития «Вызов и ответ» (Challenge and response) А.Гойнби объединяет и объясняет импульсы к переменам, в рассмотренных в настоящем учебнике странах. В ее рамках можно проследить общую закономерность, и даже предопределенность действий тех людей и политических сил, которые возглавили на Востоке процесс перемен.

Парадоксально, но при изучении процесса модернизации на Востоке, возникло ощущение неповторимого обаяния авторитарных и тоталитарных режимов и их лидеров, которые, как-бы к ним не относиться, являлись выдающимися людьми. Именно они окрашивали своей «аурой», своими чертами характера, темпераментом всю эпоху перемен, инициаторами и проводниками которых они собственно и были. Их энергия, направленная против традиционных культурно-психологических стереотипов, формировала переходное культурное поле и открывала возможность для модернизации. В то же время пространство традиционализма в культурном поле стран Востока, как показало наше исследование, оказалось, в конечном счете, устойчивее и сильнее любых даже самых радикальных новаций. Мы уже говорили о синтезе «старого» и «нового», но дело даже не в этом, а в том, что иного и быть не могло, так как без своей уникальной системы культурной коммуникации, конкретный восточный социум просто перестал бы существовать, распался бы на отдельные части. Ведь если и осталось что-то постоянное в нашем меняющемся мире, то это как раз традиция, на которую опирается идентичность и западных и восточных

сообществ. В этом смысле, так удивившая автора уникальность процесса перемен в каждой стране, оказалась явлением вполне закономерным, в определенном смысле залогом сохранения восточными сообществами себя, своего исторического пути и своих ценностей.

Мир меняется, и сегодня страны Востока приобрели огромный опыт в реализации политики перемен - они изменились и сумели аккультурировать и интегрировать в национальную культуру очень многое из опыта и культуры стран Запада и в то же время, сохранили испытанный веками взгляд на мир, традиционный быт и культуру, систему принципов и приоритетов. Такой социокультурный синтез сформировал ядро представлений, отношений и взглядов, придающих этим странам мощный импульс к развитию и нельзя исключать, что они сами через некоторое время будут распространять свои образцы и представления о современном глобальном мире, и эти образцы будут заимствоваться уже странами Запада. В этом случае можно будет сказать, что цель, которую ставили перед собой реформаторы в странах Востока, наконец-то будет достигнута.

Хотелось бы, чтобы этот оптимистический прогноз был реализован, но сегодня в конце 2020 г. очевидно, что вполне реальна и другая альтернатива, которая еще некоторое время назад казалось невероятной - архаизация и традиционализация как отдельных восточных социумов, так и их окружения. Во многих странах по мере ослабления «ветра с Запада», западно-восточный культурный синтез, лежавший в фундаменте и модернизации и глобализации как выяснилось, оказался не очень устойчив и обозначился процесс вымывания из него многого, что было накоплено за прошедшие годы. Это особенно заметно в современной Турции, проявляется в

Иране и Индии, но не в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, особенно далеко продвинувшихся в интеграции в глобальное политическое и экономическое пространство. Различие двух Азий и без того очевидное становится все больше и социо-культурные доминанты морских сообществ Восточной Азии и, в первую очередь, способность принимать и интегрировать все новое, все более отделяют их от намного более консервативных и склонных к традиционализму сообществ лежащих к Западу от Восточной и Юго-Восточной Азии.

Не исключено, что мы вступаем сегодня в такое время, когда происходят перемены большой силы - меняется политическое сознание и политическое поведение огромного количества людей в странах Востока - как политической элиты, так и самих граждан, причем происходит все это при явном дефиците позитивистских идей и привлекательных моделей организации общества. Растущая архаизация, особенно в странах исламского Востока может запустить процесс модернизации вспять, он станет жертвой «теней прошлого» и целые регионы на Востоке вернутся к конфликтам, расколам и противоречиям даже не недавней, а вообще к эпохе до начала модернизации. Так что, многолетний спор западников - модернизаторов и традиционалистов - консерваторов на Востоке совсем даже не окончен, он продолжается и еще неизвестно каков будет его окончательный результат.

РАЗДЕЛ V

Вопросы по курсу модернизации и глобализации на Востоке

I РАЗДЕЛ

ЛАНЬ®

1. Процесс модернизации - его причины и ключевые реформы в странах Востока
- 2.«Реформы Мейдзи» – их цель, их содержание и влияние на развитие Японии
- 3.Япония в эпоху после «реформ Мейдзи»
- 4.Причины формирования агрессивного внешнеполитического курса
- 5.Войны Японии в конце XIX начале XX века
- 6.Политика Японии во время Первой мировой войны.
- 7.Первая попытка модернизации Китая - политика самоусиления и причины ее краха
- 8.Движение «ихэтуаней» - как последний шанс китайского традиционализма
- 9.Синхайская революция: причины и последствия
10. Политика японских властей в Корее до начала Первой мировой войны
- 11.Формирование политических элит в странах ЮВА (первые партии и политические движения)
- 12.Образование ИНК как ключевого элемента в модернизации Индии - его лидеры, первоначальная программа и политическая деятельность.
- 13 Различные подходы индийских политических сил к борьбе за освобождение Индии от власти англичан
- 14.Реформы в Индии на рубеже XIX-XX веков
- 15.ИНК в начале XX века цели и характер борьбы
- 16.Неудачный опыт модернизации Османской империи – «Новые османы» и их реформы
- 17.Младотурки и причина неудач их реформ

18. Иранская революция 1906-1911 гг., ее причины, ход и последствия
19. Решения Версальской и Вашингтонской конференций и значение их для стран Азии.

II РАЗДЕЛ

1. Китай после Первой мировой войны. «Движение 4 мая» и связанные с ним события
2. Распространение идей социализма в Китае. Образование КПК.
3. Борьба за выбор модели модернизации. Гоминьдан и КПК в 20-е годы
4. Модель развития Китая в программе КПК
5. Модель развития Китая в программе Гоминьдана
6. Мао Цзэдун и его роль в формировании и идеологической эволюции КПК.
7. Китай в годы Второй мировой войны
8. Проблемы внутреннего развития Японии в 1920-е гг.
9. Отход от идей «реформ Мейдзи» в политике и в экономике в 1930-е гг.
10. Причины подъема национализма и экспансионизма в японском обществе накануне Второй мировой войны
11. Япония во Второй мировой войне
12. Индия после Первой мировой войны. Реформы британских властей.
13. Идеино-политические взгляды и деятельность М.К. Ганди.
14. Всеиндийские кампании гражданского неповиновения (сатья грахи).
15. Англо-индийские переговоры 1930-х гг. Закон об управлении Индией 1935 г.
16. ИНК и Мусульманская Лига история отношений и причины формирования идеи Пакистана
17. Османская империя после Первой мировой войны: формирование турецкого государства.
18. Реформы М. Кемаля в сфере управления и экономики Турции.
19. Идеология кемализма в 1930-е гг.
20. Внешнеполитический курс Турции в 1930-40-е гг.
21. Особенности политического строя Ирана: шиитское духовенство и шахский режим: сложная история отношений

22. Иран после Первой мировой войны. Переворот Реза-хана 21 февраля 1921 г.
23. Радикальная модернизация иранской жизни - Реформы Реза-шаха в Иране в период между двумя мировыми войнами
24. Процессы модернизации и реформ в странах ЮВА после Первой мировой войны
25. Страны ЮВА во Второй мировой войне - японская оккупация и национальные движения
26. Восстание 1919 г. в Корее и его последствия
27. Особенности корейского освободительного движения между двумя мировыми войнами

III РАЗДЕЛ

1. Решающий этап гражданской войны в Китае между КПК и Гоминьданом. Причины победы КПК
2. КПК в 40-50-е годы: причины отказа от идеи народно-демократической революции, политика «Большого скачка в коммунизм»
3. Китай в начале 60-х : период урегулирования - дискуссии и реформы в сферах экономического и политического развития.
4. «Культурная революция» в КНР: причины основные этапы и ее последствия.
5. Дэн Сяопин, его реформы в 80-е годы. Превращение Китая в партнера США
6. Япония после Второй мировой войны. Основные реформы в период американской оккупации.
7. Экономическое развитие Японии в 1960–е-70-е гг. Причины «экономического чуда».
8. Политическое развитие и политическая борьба в Японии в 50—80-е годы XX в.
9. Внутренняя и внешняя политика Индии в 40-е-50-е годы
10. Внутриполитический курс И. Ганди в 70-е годы
11. Причины отхода руководства ИНК(И) от концепции «индийского социализма».
12. Внутриполитическое развитие Турции после Второй мировой войны. Опыт политического плюрализма в 1950–е гг. и его результаты

13. Проблемы внутривосточного развития Турции в 1960–1970-е гг.
14. Роль военных переворотов в общественно-политической жизни Турции.
15. Принципы кемализма и их эволюция в 60-е-80-е годы XX века
16. Эпоха либеральных реформ в экономике. Политика правительства Т. Озала
17. Причины усиления исламского фактора в политике Турции
18. Политическая борьба в Иране после Второй мировой войны. Премьер-министр Моссадык и его политика.
19. «Белая революция» в Иране и причины ее крушения
20. Исламская революция в Иране 1978–1979 гг.
21. Особенности национально-освободительной борьбы в странах ЮВА
22. Первая индокитайская война и ее влияние на ситуацию в регионе
23. Вьетнам и его опыт социалистического строительства
24. Вторая индокитайская война и ее влияние на развитие стран ЮВА
25. Либеральные экономические реформы в странах ЮВА и их результаты
26. Образование блока АСЕАН и его значение для модернизации региона
27. Причины Корейской войны ее ход и результаты
28. Северная и Южная Корея- разные пути развития в 50-80-е годы

IV РАЗДЕЛ

1. Экономическое развитие Китая в 90-2000-е годы и его роль в проекте глобализации.
2. Политическая борьба в Китае в начале XXI века
3. Замедление темпов роста экономики Японии: причины и последствия
4. Углубление либерального тренда в экономике: структурные реформы в Японии в 1980–2000-х гг.
5. Новая расстановка политических сил в Японии в начале XXI века

6. Особенности политического развития Индии в рубеже XX-XXI веков – ИНК (И) и БДП - укрепление двухпартийной системы
7. Особенности проведения либеральных реформ в Индии и ее участие в глобализационном проекте.
8. Либеральные реформы в экономике и формирование авторитарного режима происламского толка во главе с Р.Т. Эрдоганом в начале XXI века в Турции
9. Усиление традиционализма в Турции и влияние этого тренда на политику турецкого государства.
10. Иран: развитие в полуизоляции и под санкциями - политический и социально-экономический курс в период президентств - Рафсанджани, Хатами, Ахмадинежада
11. Иран и его внешняя политика в начале XXI века
12. Страны АСЕАН и их роль в современном глобальном мире
13. Страны АСЕАН и их отношения с Китаем. Причины конфликта вокруг островов и акваторий Южно-Китайского моря
14. Ключевые интеграционные проекты в ЮВА и АТР (АТЭС, ТТП, Восточноазиатские саммиты, РВЭП)
15. Транснациональные корпорации на Востоке (ТНК) их интересы и роль в проекте глобализации
16. Южная Корея особенности экономического и политического развития в конце XX начале XXI века
17. Северная Корея особенности ее развития в конце XX- начале XXI века
18. Конфликт на Корейском полуострове как угроза глобальной безопасности
19. Причины отказа Америки от ТТП
20. Проект Индо-Тихоокеанского региона как фактор перестройки глобальных международных отношений.

РАЗДЕЛ VI

Примерный перечень вопросов к зачету:

1. КПК и Гоминьдан две модели модернизации Китая в первой половине XX века.
2. ИНК и формирование модели модернизации независимой Индии
3. Страны Востока после Первой мировой войны: общее и особенное в экономическом развитии и экономических реформах
4. Модернизация как процесс - социально-политическое развитие на Востоке и политическая борьба в период между Первой и Второй мировыми войнами
5. Политические лидеры и их роль в модернизации стран Востока Мустафа Кемаль, Реза-Хан, Ганди, Сукарно, Хо Ши Мин, Мао Цзэдун
6. Общественно-политические движения, политические партии на Востоке и их роль в модернизации национальных сообществ (ИНК, КПК, НРП, Добама, Гоминьдан).
7. Япония в 30-е годы отход от «реформ Мейдзи» - причины роста милитаризма и экспансионизма
8. Агрессивная политика Японской империи накануне Второй мировой войны. (захват Маньчжурии, Чохара, развязывание войны с Китаем в 1937 г.)
9. Нападение Японии на Перл-Харбор. Война на Тихом Океане ее ход и результаты.
10. Послевоенные реформы американской оккупационной администрации в Японии их цели и последствия.
11. Основные элементы либеральной модели модернизации
12. Социалистическая модель модернизации- разные варианты (КНДР, КНР, СРВ, Демократическая Кампучия).
13. Исторические итоги развития стран социалистической модернизации: успехи и просчеты.
14. Процесс глобализации : основные составляющие этого проекта, его цели и задачи
15. Религиозный фактор в модернизации Турции и Ирана.

16. Либеральные реформы в Индии в 90-2000-е годы, интеграция страны в глобальные рынки.
17. Смысл и цели китайских реформ в эпоху правления Дэна Сяопина.
18. Социально-экономическое и политическое развитие Китая в 90-2000-е годы.
19. Причины усиления американо-китайских противоречий в 2000-е годы
20. Северная и Южная Кореи - две модели модернизации и два конкурирующих пути развития.
21. Роль иностранного капитала и ТНК в формировании глобального рынка на Востоке.
22. Причины кризиса проекта глобализации и возможные пути выхода из него.
23. Строительство сообщества АСЕАН- основные этапы

РАЗДЕЛ VII

Темы рефератов и курсовых работ:

1. Ключевые реформы Мустафы Кемала
2. Причины неудачи реформ Реза-шаха в Иране.
3. Миротворческая операция ООН в Камбодже: механизмы ее осуществления.
4. Ли Хунчжан и первый опыт реформ в Китае
5. Дуализм японской власти и последствия этого, в период от «реформ Мейдзи» и до окончания Второй мировой войны
6. Военные перевороты и их роль в общественно-политической жизни Турции.
7. Эволюция социалистической модели модернизации на Востоке.
8. Политическая борьба в Китае в 50-70-е годы
9. Мао Цзэдун: политический портрет.
10. Экономическое развитие и демографические проблемы в странах Востока.
11. Пак Чжон Хи - его реформы и его политический портрет
12. Ататюрк - его политика и его политический портрет

13. Хо Ши Мин – его роль во Вьетнамской революции и его политический портрет
14. Джавахарлал Неру – первый премьер-министр Индии и его политический портрет
15. Основные интеграционные объединения в АТР
16. ТНК и их роль в глобализации и экономическом развитии стран Востока.
17. Мохаммед Реза Пехлеви и причины краха его реформ
18. Либерализация экономики на Востоке: переход от модели импортозамещения к экономической модели, ориентированной на экспорт
19. Аятолла Р. Хомейни и его политические взгляды
20. Строительство сообщества АСЕАН как укрепление идей регионализма в ЮВА и АТР .
21. Турция в эпоху Р.Т. Эрдогана – причины смены внешнеполитического курса.
22. Всестороннее Региональное экономическое партнерство (ВРЭП) – как форма продолжения процесса глобализации.
23. Китай в эпоху правления Си Цзиньпина.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩИЕ РАБОТЫ

На русском языке

Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях глобализации. М., 2002

Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк западных дискуссий М., 2001.

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии //Полис. 1992. № 4.

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учеб. пособие / Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М.: Аспект Пресс, 2002

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Пер. с франц. М. 1993

Бек. У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма» Новая всемирно-политическая экономия М.2007

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. Academia, 1999

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические перспективы. – М., 1998.

Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М. Международные отношения, 2004. –] Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада. – М., 2003

Богатуров А.Д. Аверков В.В.. История международных отношений 1945-2017 М., 2018

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире СПб. 2001

Васильев Л.С. История Востока. В 2 томах. 1-е изд. М., 1998. 4-е изд. М., 2005.

Вооруженные силы и военная экономика стран Азии и Северной Африки. Отв. ред. А.З. Егорин. М.. 2002.

Восток. Рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире. М., 1983.

Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997.

Глобализация и справедливость - под редакцией Н.С. Кирабаева, В.И. Юртаева., М., 2007

Глобальное сообщество: Новая система координат (Подходы к проблеме). Отв. ред. А.И. Неклесса. СПб., 2000.

Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. Отв. ред. В.Г. Растянников. М., 1980.

Гэлбрейт Дж., Меньшиков С. «Капитализм, социализм, сосуществование» М: Прогресс, 1988

Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. [Текст] : учебное пособие; [гл. ред. В. Н. Колотов]. - Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017

Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка М., 2000

Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003.

Зарубежный Восток и современность. В 3-х т. Пред. редколлегии Г.Ф. Ким М., 1980- 1981.

Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток = Oriens. М., 1998. № 4.

Инлегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / М. Academia, 1999.

Ислам и общественное развитие в начале XXI века. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин, Н.Ю. Ульченко. М., 2005.

Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. Отв. ред. А.И. Ионова. М., 1985.

«Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. Отв. ред. Л.Г. Полонская. М., 1987.

Кальвокорресси П. Мировая политика после 1945 года. В 2-х кн. М., 2000.

Капитализм на Востоке во второй половине XX в. Отв. ред. В.Г. Растянников, Г.К. Широков. М., 1995.

Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

Китай в мировой политике. Отв. ред. и сост. А.Д. Воскресенский. М., 2001.

Классы, партии и политика в развивающихся странах Востока. Отв. ред. В.Ф. Ли. М., 1988.

Культура в странах Азии и Африки. Отв. ред. Б.С. Ерасов. М., 1989.

Лебедева М. М. Мировая политика. М., 2003.

Многоликая глобализация, Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004)

Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М., 1988.

Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.

Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? М., 2005.

Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран. М., 1978.

Лунгстад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики, 1945-1996. М., 2002.

Межгосударственные региональные организации Азии в международных отношениях. Отв. ред. М.С. Капица. М., 1991.

Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М. ИНФОРМАРТ, 1994.

Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М. ИФ РАН, 2002

Можейко И.В. Западный ветер - ясная погода. М., 1972

Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия М., 2019

Наринский М.М. История международных отношений, 1945-1975. М., 2004.

Научно-технический прогресс и развивающиеся страны. М., 1986.

Национальные и социальные движения на Востоке. Отв. ред. Р.А. Ульяновский, М., 1986.

Новейшая история стран Азии и Африки. XX век, 1945-2000. Под ред. А.М. Родригеса. Кн. II. В 2 –х ч. М., 2004.

Общественная мысль развивающихся стран. Отв. ред. К.Л. Майданик. М., 1988.

Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.Л. Фадеева. М., 1997.

- Политическая история государств Азии и Африки. Т. 1,2. Под ред. А.М. Родригеса. М., 1996.
- Политические системы и политическая культура Востока. Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2006.
- Примаков Е.М.* Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
- Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие. Отв. ред. И.А. Алешина, И.Д. Иванов, В.Л. Шейнис. М., 1983.
- Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост. Отв. ред. Я.И. Гузеватый. М., 1981.
- Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. Отв. ред. В.Л. Шейнис, А.Я. Эльянов. М., 1983.
- Растянников В.Е.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
- Революционный процесс на Востоке. История и современность. Отв. ред. Р.А. Ульяновский, М., 1982.
- Рейснер Л.И.* Цивилизация и способ общения. М., 1993.
- Симония Н.А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- Системная история международных отношений. 1918-2000. В 4-х т. Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000-2004.
- Современные международные отношения и мировая политика. Под ред. А.В. Торкунова. М., 2004.
- Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции М. 2003
- Теории экономического развития освободившихся стран Азии. Отв. ред. Л.И. Рейснер. М.. 1970.
- Тойнби, А.* Цивилизация перед судом истории. – СПб., 1995.
- Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. М., 2000. № 1.
- Трудовые ресурсы Востока. Демографо-экономические проблемы. Отв. ред. Я.Н. Гузеватый. М., 1987.
- Усольцев А. В.,* Американский капитал в странах АСЕАН. Россия и Америка в XXI веке- Интернет журнал
- Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М., 2001.
- Федоров В.А.* Армия и модернизация в странах Востока М., 1999
- Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992

Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. – М., 1999

Хантингтон С. Политический порядок в меняющемся обществе. — М., 2004.

елд, Д., Гольдблатт, Д., Макгрю, Э., Перратон, Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. – М., 2004.

Хорос В.Г. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах М : Наука, 1996.

Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри. М., 2003.

Широков Г.К. Восток: панорама новейшего времени. Избранные научные труды. М., 2003.

Широков Г.К. Мир на перепутье - (Расхождения векторов общественного развития Запад - Восток). М., 2000.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М. Наука, ГРВЛ, 1984.

Эволюция политических систем на Востоке. Отв. ред. В.И. Данилов. М., 1999.

Этатистские модели модернизации / Рос. акад. наук. Ин-т философии. Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2002

Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М., 2005

Ш. Эйзенштадт и его концепция общества и истории // Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. Гордона А.В.; под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект-пресс, 1999

Яковлев А.И. Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного М., 2015

На английском и французском языках

Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017

Almond G.A., Bingham P.G. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston, 1966.

Apter D. The Politics of Modernization. - Chicago, 1965

- Appadurai A.* Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy in Robertson R., White K., (ed) *Globalization. Critical Concept in Sociology*, Vol 1, L. 2003
- Bader J. *A Framework for U.S. Policy toward China*. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2016
- Black C.* *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History* N.Y., 1966
- Brown N.* *A History of the World in the 20th Century. Part 3: 1945- 1968.* L., 1970.
- Chagnolland J-P.* *Relations internationales contemporaines. Un monde en pertes dereperes.* Paris-Montreal 1999
- Culture Matters. How Values Shape Human Progress.* N.Y., 2000.
- David K. *American Grand Strategy and East Asian Security in the Twenty-First Century*. – Cambridge: Cambridge University Press. 2017
- Fukuyama F.* *The End of History and the Last Man.* L., 1992
- Gilpin R.* *Challenge to Global Capitalism: the World Economy in the XXI century*, Princeton 2000
- Hawksley H. *Asian Waters: The Struggle Over the South China Sea and the Strategy of Chinese Expansion*. – N.Y.: Harry N. Abrams, 2018
- Hoffman S.* *A Clash of Globalizations.* Foreign Affaires, July-August 2002
- Heydarian R. *The Indo-Pacific: Trump, China and the New Struggle for global mastery* L. 2019
- Held.D and McGrew A* (eds). *Govering Globalization/ Power, Authority and Global Governance.* Cambridge 2002).
- Henderson K., Robinson N.,* *Post-Communist Politics. An Introduction*, Prentice Hall Europe, 1997.
- Huntington S. P.* *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order.* N.Y., 1996.
- Huntington S.P.* *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century.* N.Y., 1991.
- Kennedy P.* *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflicts from 1500 to 2000.* N.Y., 1989.
- Lentner H.* *Globalization and Power // Rethinking Globalization(s): From Corporate Transnationalism to Local Interventions.* London: Macmillan, 1999. Nussbaum, M.C. *Beyond the Social Contract: Toward-Global Justice.* Tanner Lectures on Human Values. Canberra, Cambridge, 2003.

Ohmae K. The Borderless World: Power and Strategy in the Inter-linked Economy. N.Y., 1990;

Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. L. 1995.

Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1964 (reprint from ed. 1951).

Pye L.W. Culture and Political Science: Problems in the Evolution of the Concept of Political Culture // Social Science Quart. 1972. Vol. LIII

Robertson R / Globalization or Glocalization? in Robertson R., White K.,(ed) Globalization. Critical Concept in Sociology, Vol 3, L. 2003

Sharma D. S. China and India in the age of globalization. Cambridge university press: 2009.

Smith A.D. Towards a Global Culture?/Global Culture. Nationalism, globalization and modernity/ Ed. by M. Featherstone. London, 1990

Sassen S. Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization. New York: Columbia University Press, 1996.

Spaiding.R. Stealth War – How China Took Over While America’s Elite Slept N.Y. 2019

Toynbee A., A Study of History, London, New York, Toronto, 1946

Wallerstein I. The Capitalist World - Economy. Cambridge University Press, 1979

Избранная библиография по странам

ЯПОНИЯ

Государственно-монополистическое регулирование в Японии. М.. 1985.

История Японии. 1945- 1975. М.. 1978.

История Японии. Т. II. 1868-1998. М., 1998.

Макаров А.А. Политическая власть в Японии. М., 1988.

Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: политика и идеология М., 1999

Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. История Японии XX век М., 2007

- Молодякова Э.В. Профсоюзы и общество в Японии. М., 1994.
- Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б. Японское общество: книга перемен. М., 1996.
- Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе М., 2015
- Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
- Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998.
- Япония второй половины XX в. Проблемы и судьбы. М., 2003.
- Япония и глобальные проблемы человечества. М., 1999.
- Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994.
- Япония и современный мировой порядок. М., 2002.
- Япония: консервативный поворот под ред. Э.В. Молодяковой. М., 2015
- Япония: конец двадцатого века. М., 1996.
- Япония: мифы и реальность. М., 1999.
- Япония: полвека обновления. М., 1995.
- Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998.
- Япония: смена модели экономического роста. М., 1990.
- Япония. Справочник. М., 1992.
- Япония: экономика, общество и научно-технический прогресс. М., 1988.
- Японская экономика в преддверии XXI века. М., 1991.
- Японский феномен. М., 1996.
- Allen G.C. A Short Economic History of Modern Japan. L., 1984.
- Curtis Gerald L. The Logic of Japanese Politics. Tokyo-New York. 1999.
- Democracy in Contemporary Japan. N.Y., 1986.
- Dower J. W. Empire and Aftermath. L., 1988.
- Fujitake Tadashi. The Japanese Social Structure. Its Evolution in the Modern Century. Tokyo, 1989.
- Ishida Takeshi. Japanese Political Culture. L., 1983.
- Jansen Marius B. Modernization and foreign policy in Japan / M.B. Jansen // Political Development in Modern Japan / R. E. Ward (ed.). Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1968
- Nakane Chie. Japanese Society. Tokyo, 1987.
- Sims Richard. Japanese Political History since the Meiji Renova-

tion. 1868-2000 / R. Sims. London: Hurst & Company, 2001
Wolferen V.K. The Enigma of Japanese Power. L., 1989.

Андрианов, В.Д. Роль государства в формировании устойчивого динамичного развития в Южной Корее / В.Д.Андрианов ПДВ. 1995. - № 1.

Асмолов, К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация / К.В.Асмолов. М. ИДВ РАН, 2009
Ванин, Ю.В. Корейская война (1950-1953) и ООН / Ю.В.Ванин // «Проблемы Дальнего Востока» 1999. - № 2

Денисов В.В. Корейская проблема: пути урегулирования. 70-80-е годы. М., 1998.

История церкви Северной Кореи. Сеул. 1996

История Кореи (Новое прочтение). Под ред. А.В. Торкунова. М., 2003.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1,2. М., 1974.

Ким Рехо. Гибель королевы Мин. Новая версия, - Корея. Сборник статей, М., 1998,

Ким Хан Гир. Современная история Кореи. Пхеньян. 1979.

Корея в поисках мира и процветания. М., 2004.

Корея на рубеже веков. М., 2002.

Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи. СПб., 2002.

Ланьков А.Н. Северная Корея: вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. - М.: Восток-Запад 2005.

Ли Ги Бок. История Кореи: новая трактовка. М., 2000.

Мазуров, В.М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин) . М.1996

Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945-1980. Документы и материалы. М.. 1981.

СССР и Корея. М., 1988.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.. 2000.

Толстокулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи. Опыт историко-политологического анализа. Владивосток, 2007

Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 годов. М., 2000.

Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995.

Шабшина, Ф.И. Южная Корея 1945-1946 гг. Записки очевидца / Ф.И. Шабшина. - М., Наука, 1974.

Ahn, Chung-Si. Democratization and political reform in Korea: development, culture. Leadership and institutional change / Ahn Chun-Si // Korea in global wave of democratization. Seoul: Seoul National university press, 1994

Cumings, B. Korea's place in the sun. A modern history / B.Cumings. New York: W.W. Norton & Company, 2005

Kim, Hyung-A. Korea's development under Park Chung Hee / Kim Hyung-A. - London. Routledge Curzon, 2004

Lee Jong Woon. North Korea's economic reform under an international framework // Korea institute for economic policy. - Seoul. - 2004

Oberdorfer, D. The Two Koreas: A Contemporary History / D.Oberdorfer. London: Little & Brown Co., 1998
Park, Chung Hee. To build a nation / Park Chung Hee. Washington D.C: Acropolis Books, 1971

Индия и Пакистан

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. М., 2008.

Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (Критика «мусульманского национализма»). М., 1963.

Мукиджанова Р. М. Пакистан. Южная Азия и политика США (60-е — начало 70-х годов). М., 1974.

Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сб. статей памяти Ю.В. Ганковского. М., 2004.

Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. Краткий очерк. М., 1973.

Ваджнаи Атал Бихари. Индия на пути в будущее. М., 2001.

Демократия в Индии. Отв. ред. Ф.Н. Юрлов. М., 2002.

Индия: достижения и проблемы. Отв. ред. А.А. Куценков, Ф.Н. Юрлов. М., 2002.

- Индия в глобальной политике. Внешние и внутренние аспекты. Отв. ред. Ф.Н. Юрлов. М., 2003.
- Индия: общество, власть, реформы: Памяти Г.Г. Котовского. Отв. ред. Е.Ю. Ванина, В.П. Кашин. М., 2003.
- Индия сегодня. М., 2004.
- Индия: социально-экономические проблемы и пути их решения. Отв. ред. О.В.Маляров. М., 2003.
- Кауль Т.Н.* Индия и Азия. М., 1989.
- Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. М., 2002.
- Южная Азия: конфликты и компромиссы. Отв. ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М., 2004.
- Юрлова Е.С.* Индия: от неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики. М., 2003.
- Arun M.* Remaking India. One country, one destiny. London 2000
- Baxter Craig. The Jana Sangh. A Biography of an Indian Political Party. Philadelphia, 1969.
- A Centenary History of the Indian National Congress.* General Editor: B.N. Pande. Vol. III. New Delhi, 1985.
- The Constitution of India. With Selective Comments by M. Bakshi. New Delhi, 2000.
- Datt V.P.* India's Foreign Policy. New Delhi, 1984.
- Gandhi I.* Selected Speeches and Writings. 1972-1977. New Delhi, 1984.
- Ghose Sankar.* Political Ideas and Movements in India. Bombay, Calcutta, 1975.
- Gupta J.* "India: Democratic Becoming and Combined Development" Politics in Developing Countries: Comparing Experiences with Democracy. Edited by Larry Diamond, Juan J. Linz, and Seymour Martin Lipset. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1990.
- Malik J. H.* State and Civil Society in Pakistan. L., 1977.
- India 2004. A Reference Annual. New Delhi, 2004.
- India: Vision 2020. The Report plus Background Papers. Planning Commission. Government of India. New Delhi, 2004.
- India and the Nuclear Challenge. Ed. by K. Subramanyam. New Delhi, 1986.
- International Terrorism and Religious Extremism. Challenges to Central and South Asia. Ed. by Mahavir Singh. New Delhi, 2004.

Jaffrelot Ch. The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s: Strategies of Identity-Building, Implantation and Mobilisation. L., 1996.

Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 1-5. New Delhi, 1967-1968.

Khan Rasheeduddin. Bewildered India: Identity, Pluralism, Discord. New Delhi, 1994.

Kohli Atul. Democracy and Discontent: India's Growing Crisis of Governability. Cambridge, 1990.

Kothari Rajni. State against Democracy. In Search of Humane Governance. Delhi. 1988.

McMillan A. "Deviant Democratization in India" Democratization 15.4 (August 2008):

Saroyan J.P. Socialism, Sarvodaya and Democracy. Bombay, Calcutta et ah, 1964.

Nehru Jawaharlal. India's Independence and Social Revolution (Collection of addresses and reports). New Delhi, 1984.

Selected Speeches of Indira Gandhi. January 1966-August 1969. New Delhi, 1971.

Sengupta J., Neogi C. India's new economy. Industry efficiency and growth. 2008.

Seshadri Kandadai. Studies in Indian Polity. New Delhi, 1986.
Talbot I. Pakistan: A Modern History. N.Y., 1998.

Thakur R. The Government and Politics of India. London: 1995

Transforming India. Social and Political Dynamics of Democracy. Ed. by Francine R. Frankel, Zoya Hasan, Rajeev Bhargava. Balveer Arora. New Delhi, 2000.

The Years of Endeavour. Selected Speeches of Indira Gandhi. August 1969— August 1972. New Delhi, 1975.

100 Years of the Indian National Congress. — "Vamika". Congress Centenary Commemorative Volume. New Delhi, December 1985.

ИРАН

Агаев С.М. История Ирана. XX век. М., 2004.

Агаев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985.

Арабаджян А.З. Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60- 70-х годах. М., 1983.

- Арабаджян А.З.* Исламская республика Иран. Экономический потенциал: первая половина 90-х годов. М., 2002.
- Дорошенко Е.А.* Шиитское духовенство в двух революциях: 1905 - 1911 и 1978-1979 гг. М., 1998.
- Дунаева Е.В. Арабаджан А.З. Гибадуллин И.Р. Иран в условиях новых геополитических реалий М., 2019
- Иран. Аналитические записки. Отв. ред. А.О. Филоник. М., 2004.
- Иран: диалог цивилизаций. Отв. ред. Н.М. Мамедова, М., 2002.
- Иран: ислам и власть. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 2001.
- Иран и Россия. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 2004.
- Иран и СНГ. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 2003.
- Иран. Очерки новейшей истории. Отв. ред. А.З. Арабаджан. М., 1976.
- Иранская революция 1978-1979. Причины и уроки. Отв. ред. А.З. Арабаджан. М., 1989.
- Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 1999.
- Исламская республика Иран в 90-е годы. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 1998.
- История Ирана. М., 1977.
- Кляшторина В. Б.* Иран 60-80 гг. : от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990
- Мамедова Н.М.* Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997.
- Реза Годе М.* Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994.
- Резников А.Б.* Иран: падение шахского режима. М., 1983.
- Скляр Л.Е.* Иран 60-80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. М., 1993.
- Современный Иран. Справочник. Отв. ред. С.М. Алиев. М., 1993.
- Федорова И.Е.* Иран - США: диалог и противостояние. М., 2004.
- Adib-Moghaddam A.* Critical introduction to Khomeini. London: Cambridge University Press, 2014.

Ahrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1983.
Iran after Revolution. Crisis of an Islamic State. N.Y., 1996. Farrokh Kaveh Iran at war 1500-1988 Osprey Publishing, 2011

Fasely Nematollah Politics of culture in Iran. Antrapology, politics and society in the XX century. L, NY: Routledge, 2006

КИТАЙ

Дэн Сяопин. Избранное (1975-1982). Бэйцзин, 1985.

Цзян Цзэминь о социализме с китайской спецификой. Т. 1. М., 2002; т. 11- III. М., 2004.

Бергер Я. М. XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая. Проблемы Дальнего Востока, 2003, № 3.

Борисов О. Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945-1980 гг. М., 1980.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК (1966-1969 г.). М., 1988.

Галенович Ю.М. Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год. М., 1995.

Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М., 2003.

Делюсин Л.П. Китай: полвека - две эпохи. М., 2001.

Делюсин Л.П. Китай в поисках путей развития. М.: Муравей, 2004. - 448 с.

Делюсин Л.П. Китай: Модернизация и учение Конфуция // Азия и Африка сегодня. М., 2001. № 7.

История Китая. Учебное пособие. 2-е изд. Под ред. А.В. Меликсетова. М., 2002.

Катица М.С. КНР: три десятилетия - три политики. М., 1979.

Картунова А.И. Китайский вопрос в переписке Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана. 1924 – 1926 гг. // Новая и новейшая история. 1998. №3.

Китай на пути модернизации и реформ. 1949-1999. М., 1999.

Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В.В. Михеева. М., 2005.

Китайская Народная Республика. Экономика, политика, культура. Ежегодник. М., 1974-1998.

Коммунистический интернационал и китайская революция. Сборник документов. М., 1986.

Меликсетов А..В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927-1949). М., 1977

Мосяков Д..В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем М.2012

Непомнин О..Е. История Китая. Эпоха Цин. XVII начало XX века /; Ин-т востоковедения. - М.: Вост. лит.,2005

Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. Спб., 2004

Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998.

Усов В.Н. История КНР, т.1-Т.2. М.2006

China and the World. Ed. By Samuel S. Kim. Boulder, 1997.

Nathan A.J., Ross R.S. The Great Wall and the Empty Fortress: China's Search for Security. N.Y., 1997.

Russia-China-USA: Redefining the Triangle. Ed. By Alexei D. Voskressenski. N.Y.. 1996.

Segal G. China Changes Shape: Regionalism and Foreign Policy. L., 1994.

ТУРЦИЯ

Данилов В.И. Политическая борьба в Турции. М.: Наука, 1985.

Данилов В.И. Турция 20-30-х годов: Путь к демократии.// Восток № 2;1997

Еремеев Д.Е. Турция на рубеже XX и XXI веков (1991-2007). М.2007

Зденка Весела. Ислам в Турции в конце 70-х-начале 80-х годов. // Мусульманские страны. -М., 1991

Зиганишина Г.М. Новые тенденции в общественно-политической жизни Турции (к итогам президентских и парламентских выборов 2007 г.) // Вестник МГУ Сер. 13, Востоковедение. М. 2008, № 1

Иванова И.И. Ислам в политической жизни Турции (1950-1980) // Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983

- Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М., ИВ РАН, , 2007
- Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. М., 1991.
- Кунаков В.В. Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции. М., 1999.
- Мейер М.С. Роль ислама в социально-политической жизни Турции // Вестник МГУ. Востоковедение. 1986. № 4
- Моисеев П.П. Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., 1994.
- Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999.
- Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992.
- Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или Евразию? М., 1997.
- Турецкая Республика. Справочник. М., 1990, 2000.
- Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001.
- Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. М., 1991.
- Турция. Современные проблемы экономики и политики. М., 1997.
- Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002.
- Ульченко Н.Ю., Мамедова Н.М. Экономическое развитие и исламская экономика (опыт Турции и Ирана). Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М.: Крафт+, 2005.
- Уразова Е.И. Экономика Турции. От этатизма к рынку. М., 1993.
- Устю Невзат. Америка и американцы в Турции. Пер. с тур. Р.И. Керим-Заде. М., 1971.
- Dumont Paul, Islam as a Factor of Change and Revival in Modern Turkey, in Sabri Akural, ed., Turkic Culture: Continuity and Change (Bloomington, Indiana: Indiana University Turkish Studies 6, 1987
- Jenny B.White. Islamist Mobilization in Turkey. A Study in Vernacular Politics. Washington Press, 2003
- Mango Andrew. The Turks Today. London, 2004
- Howe, Marvine. Turkey Today: A Nation Divided over Islam's Revival. Oxford, Westview Press, 2000
- Singer Morris. The Economic Advance

of Turkey (1938-1960). Ankara, 1977. Turkey. A Country Study. Wash., 1995.

Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present. Vol. II From the Foundation of the Republic to the Present. Istanbul, 1999.

Юго-Восточная Азия

АСЕАН в системе международных политических отношений М., 1993

Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997

Зевелев И.А. Юго-Восточная Азия: урбанизация и проблемы социального развития М., 1985

Ионова А.И. Ислам в Юго-Восточной Азии: проблемы современной идейной эволюции М., 1981

Локшин Г.М. Мазырин В.И. Кобелев Е.В. Сообщество АСЕАН в современном мире М., 2019

Малетин Н.П. АСЕАН три десятилетия внешней политики (1967-1997), М., 1999

Мосяков Д.В. Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии., М., 2004

Страны Юго-Восточной Азии на рубеже XXI века: традиции и современность, проблемы политической и экономической интеграции, Москва, 1994

Традиционный мир Юго-Восточной Азии М., 1999

Хрящева Н.М. Внешнеэкономические связи и развитие стран Юго-Восточной Азии М., 1978

Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития 1998-2020 номера I-XXXXVII ИВ РАН

Юго-Восточная Азия: параметры безопасности в конце XX столетия, М. 1995

Юго-Восточная Азия: развитие капитализма М., 1987

In Search of Southeast Asia. A Modern History. Honolulu. 1987.

The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. IV. Cambridge, 1999

МЬЯНМА (БИРМА)

- Аун Сан.* Бирма бросает вызов. Статьи и речи. М., 1965.
- Бирма. Справочник. М., 1982.
- Васильев В.Ф.* Бирма на новых рубежах. М., 1965.
- Васильев В.Ф.* Очерки истории Бирмы. 1885-1947. М., 1962.
- Васильев В.Ф.* Рабочий класс Бирмы. М., 1978.
- Васильев В.Ф.* История Бирмы XX век М., 2010
- Дарченков Д.В.* У Ну и государственное развитие Бирмы. М., 1997.
- Жабреев А.Ф.* Аграрные отношения в современной Бирме. М., 1971.
- Листопадов Н.А.* Особенности внешней политики Мьянмы (Бирмы). М., 1998.
- Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы (краткий очерк). М., 1973.
- Не Вин.* Бирма на новом пути. М., 1965.
- Ожегов С.С.* Архитектура Бирмы. М., 1970.
- Симония А.А.* Внешнеэкономические связи Бирмы (1962-1976). М., 1979.
- Симония А. А.* Мьянма на пути к демократии. — Мировая экономика и международные отношения, 2012. — № 5.
- Aung San Sun Kyi.* Freedom from Fear and other Writings. L., 1991.
- Burma and the Insurrections. 1st reprint 1957, Government of the Union of Burma Publications. Sept. 1949 (Rangoon).
- Burma. Political Economy under Military Rule. Ed. by Taylor R.N. L., 2001.
- Cady J.F.* A History of Modern Burma. N.Y., 1958.
- Limner B.* Outrage. Burma's Struggle for Democracy. London-Bangkok, 1990.
- Maung Maung.* Burma and General Ne Win. L.-N.Y., 1969.
- Maung Maung.* The 1988 Uprising in Burma. Yale, 1999.
- Maung Maung.* The Burmese Nationalist Movements 1940-1948. Edinburgh, 1989.
- Myanmar. Facts and Figures. Union of Myanmar. Yangon, 2000.
- Nu U Nu - Saturday's Son.* Memoirs of the former Prime-Minister of Burma. Yale, 1975.

Silverstein J. Burmese Politics. The Dilemma of National Unity. New Brunswick, 1980.

Silverstein J. Burma: Military Rule and the Politics of Stagnation. Ithaca N.Y. London, 1977.

Silverstein J. The Political Legacy of Aung San. (Compiler with introduction). Ithaca-New York. 1972, 1993.

Smith M. Insurgency and the Politics of Ethnicity. 2nd ed. Bangkok-Dakka-London New York. 1999.

Steinberg D.I. The State of Myanmar. Wash., 2001.

Taylor R.N. The State in Burma. L., 1987.

Trager F.N. Burma. From Kingdom to Republic. N.Y., 1966.

ТАИЛАНД

Дольникова В.А. Рабочий класс Таиланда. М., 1971.

Дольникова В.А. Таиланд. Социальная история в свете демографических процессов. М., 1997.

Дольникова В.А., Колосова А.В., Шустрое П.Е. Новые тенденции в политическом развитии Таиланда. — Индокитай на рубеже веков. М., 2001.

Дольникова В.А., Колосова А.В., Шустрова П.Е. Таиланд. Пути модернизации и экономического бум. — Индокитай. 90-е годы. М., 1999.

Калашиников Н.И. Эволюция политической системы Таиланда. М., 1987.

Корнев В.И. Таиланд. Студенты и политика. М., 1973.

Фомичева Е.А. Из истории российско-тайландских отношений. М. 2018

Фомичева Е.А. Генезис современных политических элит Таиланда. // Элиты стран Востока, ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, Центр изучения совр. проблем Юго-Восточной Азии и АТР. / Под ред. Другова А.Ю., Малетина Н.П., Новаковой О.В. — М., 2011

Фомичева Е.А. Таиланд: столкновение традиционного и современного мироощущения. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XVI. — М.: ИВ РАН, 2011.

Bello W., Cunningham Ch., Li Kheng Pon. A Siamese Tragedy Development and Desintegration in Modern Thailand. Bangkok, 1996.

Brown A. Locating Working Class Power. — Hevinson Kevin. Democracy and Participation Political Change in Thailand. Western Australia, 1997.

Laird J. Money Politics. Globalisation and Crisis. Singapore, 2000.

Maisrikord S. Thailand's Two General Elections in 1992. Singapore, 1992.

McCargo D. Chamlong Srimuang and the New Thai Politics. L., 1997.

Phongpaichit Pasuk, Baker Ch. Thailand. Economy and Politics. Kuala Lumpur, 1995.

Phongpaichit Pasuk, Baker Ch. Thailand Power in Transition in 90s. — Hevinson Kevin. Democracy and Participation Political Change in Thailand. Western Australia, 1997.

Prarset Suthy. Democratic Alternatives to Maldevelopment. The Case of Thailand. Tokyo, 1991.

Thailand. General Election in 2001. Bangkok, 2001.

Thailand into 2000s. Bangkok, 2001.

Wright Ir. The Balancing Act. A History of Modern Thailand. Bangkok, 1991.

КАМБОДЖА

Бектимирова Н.Н. Буддийская сангха в независимой Кампучии. М., 1981.

Бектимирова Н.Н. Кризис и падение монархического режима в Кампучии. М., 1987.

Бектимирова Н.Н., Сечиванов Н.Н. Королевство Камбоджа. Политическая история. 1953-2002. М., 2002.

Бектимирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии. М.: Наука, 1989

Бэрчетт У. Вверх по Меконгу. М.: , 1958

Гурницкий В. Песочные часы. М.: , 1983
Дементьев Ю.П. Крах маоистского эксперимента. М., 1979.

Кампучия на пути возрождения и национального примирения. Алма-Ата, 1989.

Мосяков Д.В. Кампучия: особенности революционного процесса и полпотовский «эксперимент». М., 1986.

Мосяков Д.В. Камбоджа: внутреннее развитие. 1979-1991. М., 1991.

Мосяков Д.В. Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке. Деревня и власть. М., 1999.

Мосяков Д.В. История Камбоджи XX век М.2010

Debre F. Cambodge. La revolution de la foret. Paris: Flammarion, 1977

Forest A. Le Cambodge et la colonisation Francaise. Paris, 1981
Kiernan B., Voua Ch. Peasants and Politic in Kampuchea 1941-1981. -London, 1982
Leifer M. Cambodia. The Search for Security. New-York, 1967

Osborne M. Politics and Power in Cambodia. The Sihanouk Years. -Hong Kong, 1973

Sihanouk N. Notre socialisme bouddhique. Phnompenh, 1965

Sihanouk N. Considerations sur le socialisme bouddhique khmer. -Phnompenh, 1961

Thion S., Kiernan B. Khmers rouges! Materiaux pour l'histoire du communisme au Cambodge. Paris, 1981

ЛАОС

Иоанесян С.Н. Лаос. Социально-экономическое развитие (конец XIX — 60-е годы XX в.). М., 1972.

Иоанесян С.Н. Лаос в XX веке (экономическое развитие). М., 2003.

Лаос. Справочник. М., 1994.

Михеев Ю.Я. Лаос: по пути строительства основ социализма М., 1985

Conboy Kenneth. Shadow War CIA's Secret War in Laos Boulder 1995

Вьетнам

Аносова Л.А.: «Вьетнам на пороге XXI века .(динамика и модернизация производительных сил)», часть II, Москва, 1993

- Вьетнам: поиски путей обновления сб. статей М. 1990
До Мьюй «Жизнь утверждает курс обновления», Ханой, 1989
- Глазунов Е.П.* Преобразование частной промышленности и торговли во Вьетнаме. М.: Наука, 1981
- История Вьетнама в новейшее время. 1917-1965. М., 1970.
- Кобелев Е.В.* Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация (1986 - 1997). М., 1999.
- Кобелев Е. В.* «Современный Вьетнам: истоки и слагаемые экономического чуда» в сб. «Экономические реформы в Азии в переходный период», М. 1996 Мазырин В.М. «Вьетнамское общество и рабочий класс на рубеже 70-80-х годов» М., 1984 Пивоваров Я.Н., Исаев М.П. «Развитие народного хозяйства СРВ». М., 1980
- Полная академическая история Вьетнама т.IY –Y под редакцией П.В. Познера М., 2014
- Скворцов В.Н.* 30 дней войны. М., 1981.
- Современный Вьетнам. Справочник М., 2015
- Яскина Г.С.,* Аносова Л.А. Вьетнам. История, политика, экономика. М.. 2000.
- Asian transitional economies: Challenges and prospects for reform and transformation. Singapore, 1995
- Duiker W.J.* «Vietnam: Revolution in Transition». Boulder, 1996
- Fforde Adam, Stefan de Vylder:* « From Plan to Market. The Economic Transition in Vietnam» Westview Press, 1996
- Marr D.G.* Vietnam 1945: The Quest for Power. Berkeley, 1995.
- Marr D.G.* Vietnamese Revolution (1945-1975). — The Encyclopedia of Political Revolutions. Ed. J.A. Goldstone. Chicago-London, 1998.
- Ngo Vinh Long.* «Vietnam in the new world order». N.Y. 1993
- Postwar Vietnam: Dilemmas of socialist development. Ithaca, 1988
- Stein Tennesson.* The Vietnamese Revolution of 1945. Roosevelt, Ho Chi Minh and de Gaulle in a World at War. London-New Delhi, 1991.
- Timothy J. Lomperis From Peoples War To Peoples Rule: Insurgency, Intervention, and the Lessons of Vietnam

МАЛАЙЗИЯ

- Воронков А.Я.* Национальная политика правящих кругов Малайзии. М., 1984.
- Гордеев В.В.* Национальный вопрос в Малайзии. М., 1977.
- Колосков Б. Т.* Малайзия вчера и сегодня. М., 1984
- Руднев В.С.* Малайя (1945-1963). М., 1963.
- Руднев В.С.* Малайзия. Политическое развитие (1963-1968). М., 1969.
- Руднев В.С.* Малайзия и Сингапур после Второй мировой войны и политика США и Англии М., 1981.
- Рябова И.А.* Рабочий класс и профсоюзы Малайзии. М., 1972.
- Сулицкая Т.И.* Англия и Малайзия (1961-1971). М., 1973.
- Тюрин В.А.* История Малайзии. М., 1980.
- Хренов Ю.Ф.* Экономическое развитие Малайзии. М., 1975.
- Andaya B. W. and Andaya L. Y.* A History of Malaysia. London Basingstoke, 1982.
- Bedlington S.* Malaysia and Singapore: The Building of New States. Ithaca, 1978.
- Gullick J.M.* Malaysia. L., 1969.
- Kennedy J.* A History of Malaya. 1400-1957. L., 1962.
- Lee Kuan Yew.* The Battle for Malaysian Malaya. Singapore, 1964.
- Mahathir bin Mohamad.* The Malay Dilemma. Singapore, 1970.
- Mauzy D.K., Milne R.S.* Politics and Government in Malaysia. Vancouver. 1978.

СИНГАПУР

- Астафьева Е.М.* Проблемы нациестроительства в Сингапуре.(1819-2017). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М. 2018
- Гуревич, Э. М.* Политическая система современного Сингапура М., 1989
- Курзанов, В. Н.* Сингапур в экономике Юго-Восточной Азии М., 1985 *Ли Куан Ю.* Сингапурская история: из «третьего мира в первый». М., 2005.
- Ли Куан Ю* Из «третьего мира в первый История Сингапура (1965-2000) М., 2020

Осипова, М.Г. Сингапур: в интересах финансовых рынков Азия и Африка сегодня. 2002. - № 6.

Осипова, М.Г. Сингапур: победить коррупцию можно! Азия и Африка сегодня. 2004. - № 1.

Сингапур: Приоритетные направления экономического развития БИКИ. 2006. - № 148. - 26 дек

Сингапур: справочник. М., 2008

Чуфрин, Г. И. Сингапур М. : Мысль, 1970

Barber, N. The Singapore Story from Raffles to Lee Kuan Yew . Singapore, 1979

Management of Success. The Moulding of Modern Singapore. Singapore, 1989.

Mohamed Noordin Sopiee. From Malayan Union to Singapore Separation. Kuala Lumpur, 1976

Turnbull C.M. A History of Singapore 1819-1975. Sydney, 1989.

БРУНЕЙ

Ефанова Л.М. Бруней: история, экономика, современность. М., 1975.

A History of Brunei. Kuala Lumpur, 1994.

Leake D. Brunei: The Modern Southeast Asian Islamic Sultanate. Jefferson, 1989.

Turnbull C.V. A History of Malaysia, Singapore and Brunei. 1819-1975. Sidney, 1989.

ИНДОНЕЗИЯ

Александров Ю.Г. Современная Индонезия: Аграрная политика 1965-1972 гг. М., 1977

Архипов В.Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945-1968). М., 1971.

Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1996.

Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997;

Другов А.Ю. История Индонезии: XX век. М., 2005.

Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. М., 1980.

Малетин Н.П. Внешняя политика Индонезии 1965-1979 гг. М., 1981
Пахомова Л.Ф. Современная буржуазия стран Юго-Восточной Азии. М., 1987.

Панченко. А.П. Армия и модернизация общества. Опыт Индонезии. М., 1994.

Попов А.В., Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития, Москва, 2019,

Сумский В.В. Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987.

Тюрин В.А. История Индонезии. М., 2004.

Урляпов В.Ф. Индонезия и международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе. М., 1993

Asian Survey. Berkeley. 1963. № 4[®]

Crouch H. The army and politics in Indonesia. L., 1978.;

Jenkins D. Suharto and his Generals: Indonesian Military Politics 1975-1983. N.Y., 1984

Kingsbury D. The Politics of Indonesia. Oxford, 1998

May B. The Indonesian Tragedy. Singapore, 1979.

McDonald H. Suharto's Indonesia. Blackburn, 1980

Pauw D.S. From Colonial to Guided Economy.— Indonesia. Ed. by McVey Ruth T. New Haven, 1963.

Schwarz A. A Nation in Waiting. Indonesia in the 1990s. Boulder, 1995.
Sukardi R. The Indonesian Military after the New Order. Singapore, 2005
Statistical Yearbook of Indonesia. Jakarta, 2003.
Violence and the State in Suharto's Indonesia. Ithaca, L., 2001.

ФИЛИППИНЫ

Андреев Ю.А. Филиппины: от диктатуры к демократии. М., 1990

Барышникова О.Г. Экономика Филиппин в настоящем и будущем. М., 1986.

Барышникова О.Г. Как делать деньги. Деловая элита Филиппин. М., 1996
Барышникова О.Г., Левтонова Ю.О. Филиппины и США: 200 лет противостояния, компромиссов, партнерства. М., 1993.

Голубева Е.В. Государственная бюрократия и политика. Индонезия и Филиппины. 70-80-е годы. М., 1988

Левинсон Г.И. Филиппины между первой и второй мировыми войнами. М., 1958

Левинсон Г.И. Идеологи филиппинского национализма м., 1983

Малетин Н.П. Внешняя политика Филиппин. М., 1983.

Левтонова Ю.О. Эволюция политической системы современных Филиппин. М., 1985.

Левтонова Ю.О. История Филиппин XX век М., 2012

Подберезский И.В. Католическая церковь на Филиппинах. М., 1988

Подберезский И.В. Вера против идеологии: концепция ненасилия на Филиппинах // Юго-Восточная Азия: идеология и религия. М., 2001

Райков Ю.А. Внешняя политика Филиппин на рубеже XXI века. М., 2001.

Сумский В.В. Долгое прощание со старым партнером. Как и почему Соединенные Штаты расстались с Фердинандом Маркосом // МЭМО. М., 1997, №5,6,11; 1998, №2.

Сумский В.В. Фердинанд Маркос. Зарождение, эволюция и упадок диктатуры на Филиппинах. М., 2002

Сумский В.В. Фиеста Филипина. Реформы, революции и активное ненасилие в развивающемся обществе. Кн. 1-2. М., 2003.

Филиппины. Справочник. М., 1979

Boyce J.K. The Political Economy of Growth and Impoverishment in the Marcos Era. Quezon City, 1993.

Brands H.W. Bound to Empire: The United States and the Philippines. N.Y.-Oxf. 1992.

Burton S. Impossible Dream; The Marcoses, the Aquinos, and the Unfinished Revolution. N.Y. 1989.

Chapman W. Inside the Philippine Revolution. N.Y.-L., 1987
Day B. The Philippines: Shattered Showcase of Democracy in Asia. N.Y., 1974

Fabros W. The Church and Its Social Involvement in the Philippines, 1930— 1972. Quezon City, 1988.

Forest J., Forest N. Four Days in February: The Story of the Nonviolent Overthrow of the Marcos Regime. L., 1988.

Jones G.R. Red Revolution: Inside the Philippine Guerrilla Movement. Boulder etc., 1989

Kroef J.M. van der. The Philippines: Day of the Vigilantes. Asian Sur vey. Berkeley, 1988, vol. 28, № 6.

Lane M.R. The Urban Mass Movement in the Philippines, 1983-87. Singapore, 1990

Lande C.H. Leaders, Factions and Parties. The Structure of Philippine Politics. Boston. 1965.

Pomerov W.Y. The Huk Movement in the Philippines. L., 1964.

Putzel J. A Captive Land: The Politics of Agrarian Reform in the Philippines. L., 1992

The Philippines. End of an Illusion. Contemporary Asia. L., 1973.

The World of Asia. Boston, 1995.

Для заметок

Книга Мосякова Д.В., продолжающая традиции отечественного востоковедения, традиции Тураева, Бартольда, Алексеева поможет тем, кто захочет прикоснуться к загадкам современного Востока.

“Экслибрис” Независимая газета, 16 февраля 2017 г.

Работа представляет собой сквозной курс по новой и новейшей истории, который позволяет проследить историческую эволюцию всего региона стран Востока.

Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.
Выпуск XXXII-XXXIII

Д.В. Мосяков выстраивает железобетонную систему аргументов (исторических, социо-логических, философских и психологических), которая опрокидывает эти концепции и приводит к выводу, что западная наука зашла в тупик в определении роли и перспектив глобализации на Востоке.

“Азия и Африка сегодня” № 6 2017

Мосяков Дмитрий Валентинович

**Новая и Новейшая история.
Модернизация и глобализация
восточных обществ**

Вёрстка и дизайн обложки – Булатов В.С.

Подписано к печати 11.12.2020

Формат 60х90/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 23,5. Тираж 500 экз. Зак. № 1856

Отпечатано в ООО "Белый ветер" Заказ № 1856 Тираж 500 экз.
